

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

NAUCHNYI DIALOG

Включен в Перечень ВАК

Научный диалог

2020. № 10

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	12 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • Международная база ERIH PLUS с 11 июня 2015 года • Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/) • EBSCO • Index Copernicus • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Импакт-фактор РИНЦ 2017	0,379
ICV 2018 Index Copernicus	100,00
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620050, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620098, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	07.00.00 Исторические науки	
	10.01.00 Литературоведение	
	10.02.00 Языкознание	
География авторов выпуска	Баку (Азербайджан)	Москва
	Барнаул	Омск
	Владикавказ	Оренбург
	Гуанчжоу (Китай)	Пенза
	Екатеринбург	Петрозаводск
	Елец	Пятигорск
	Киров	Ростов-на-Дону
	Краснодар	Тобольск
	Магадан	Элиста
	Минск (Беларусь)	Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	70 %	

Дата выхода в свет 27.10.2020

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2020. № 10

Impact factor RSCI 2017	0,379
ICV 2018 Index Copernicus	100,00
	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Informa- tion Technologies and Mass Com- munications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Presence in Citation Bases, indexa- tion	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/) • Russian Science Citation Index (RSCI) • Index Copernicus • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the jour- nal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, канд. филологических наук (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, д-р педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

Редакционный совет**10.02.00 Языкознание**

Александр Константинович Киклевич, д-р филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Арто Мустайоки, д-р философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Билиана Марич, д-р филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Вадим Витальевич Сдобников, д-р филологических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Евгения Викторовна Терехова, д-р филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, д-р филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Татьяна Николаевна Бунчук, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

10.01.00 Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, д-р филологических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
Андреана Борисова Ефимова, д-р наук, профессор (Болгария, София)
Галина Ивановна Родина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Евгения Николаевна Кузьмина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
Иво Поспишил, д-р наук (Чешская Республика, Брно)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Павел Федорович Лимеров, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Алексеевна Савоськина, канд. филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

07.00.00 Исторические науки. Этнография. Этнология

Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, д-р исторических наук, профессор (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Андрей Александрович Иванов, д-р исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, д-р исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

EDITOR-IN-CHIEF:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

SCIENCE EDITORS

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL BOARD**LINGUISTICS**

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Tatyana Nikolayevna Bunchuk, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)

Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

Vadim Vitalevich Sdobnikov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Galina Ivanovna Rodina, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Arzamas)

Evgenia Nikolayevna Kuzmina, Doctor of Philology, professor (Russia, Novosibirsk)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Pavel Fyodorovich Limerov, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)

Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

HISTORY. ETHNOGRAPHY. ETHNOLOGY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

Andrey Aleksandrovich Ivanov, Doctor of History, professor (Russia, St. Petersburg)

Yuri Dmitriyevich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бурцев В. А.</i> Особенности употребления адресованных высказываний в русской православной проповеди	9
<i>Го Лицзюнь.</i> Образ цифрового Китая в российских средствах массовой информации	26
<i>Дубровская Т. В., Кожевникова Е. И.</i> Государственный язык, языковая ситуация и языковая политика: репрезентации в тексте Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации».....	37
<i>Кожемякина В. А.</i> Языковая ситуация и языковая политика в канадской провинции Новый Брансуик	49
<i>Кюришунова И. А., Гусева Е. Р.</i> Карельское Поморье в лингвистическом контексте.....	62
<i>Литвин Ю. В., Кундозерова М. В., Липницка С. В., Изергина Е. Н., Шевченко Я. С.</i> Языковой выбор и идентичность карельской и белорусской молодежи (по данным опросов этнических лидеров).....	96
<i>Моногарова А. Г., Ширяева Т. А., Багиян А. Ю.</i> Речевое поведение британских политиков в обсуждении Брексита: прагматика, гендер и коммуникативное доминирование в политическом медиадискурсе	114
<i>Ноздрина А. С.</i> Глагольно-именные словосочетания немецкого языка (<i>stehen, stellen, schließen, fassen</i> + Nomen) через призму концептуальных схем.....	128
<i>Онуфриева Е. С.</i> Новогреческие фразеологизмы-конструкции с глаголами-антонимами: <i>Χ τον ανεβάζει, Χ / Υ τον κατεβάζει и Χ μπαίνει, Χ βγαίνει</i>	142
<i>Селеменова О. А.</i> Синтаксис нативных рекламных публикаций в глянцевого периодике	159
<i>Семенов А. И.</i> Группа омонимов «Колымка» (словообразовательный и функциональный аспекты).....	172
<i>Федоровская В. О., Осипенко Т. А.</i> Вербализация информирующей коммуникативной стратегии в консультативной беседе с онкологическими пациентами	194

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Борисов Ю. П.</i> Эпические формулы с матричной конструкцией: от устойчивости в структуре к референтности в сознании (на примере образа богатыря в якутском олонхо)	213
<i>Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В.</i> К изучению персонажей сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар».....	231
<i>Борунов А. Б.</i> Художественные функции искаженной речи в «фандоринском корпусе» Б. Акунина.....	243
<i>Жаткин Д. Н., Рябова А. А.</i> Ранняя русская рецепция Джеймса Хогга (1830-е годы).....	255

<i>Исупова С. М.</i> Формирование художественного историзма в раннем творчестве <i>И. И. Лажечникова</i>	268
<i>Мамиева И. В.</i> Жанровые признаки романной эпопеи в осетинской литературе: корреляция между идеологическим и национально-этническим	280
<i>Султанова Х. Р.</i> Роль и функции фольклорно-мифологических элементов в творчестве <i>М. А. Сабира</i>	297

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бобров Д. С., Зайцева Л. Г.</i> Ключевые подходы к изучению истории Алтая XVIII века в современной российской историографии	310
<i>Бодрова Е. В., Калинов В. В., Красивская В. Н.</i> Начало разработки нефтяных месторождений Урало-Поволжья в 1930—1940-х годах	323
<i>Кореневский А. В., Николаева Н. Д.</i> Польский вектор в политике Владимира Мономаха и его наследников: от Любечского съезда до «перяславского кризиса»	337
<i>Морозов В. М., Мельникова С. В.</i> «Правый поворот» в политической жизни Израиля (1965—1977 гг.)	353
<i>Мохов А. С., Капсалыкова К. Р.</i> Роль С. В. Короленко в эвакуации Полтавского литературно-мемориального музея В. Г. Короленко в Свердловск в 1941 году	368
<i>Салфетников Д. А.</i> Нефтяная промышленность на Кубани в 1928—1935 годах: проблемы и факторы производственного роста	384
<i>Сафонов Д. А.</i> Конструктивное начало в крестьянском протесте: «Красная Армия Правды» в Бузулуке (июль 1920 года)	398
<i>Татарникова А. И.</i> Деятельность органов местного самоуправления по улучшению санитарного состояния городов Западной Сибири (конец XIX — начало XX веков)	416
<i>Филимонов А. В.</i> Формирование региональных общественных организаций в последней четверти XIX — начале XX века (на примере Томской губернии)	430
АВТОРАМ	450
CONTENTS	455

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

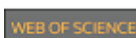
LINGUISTICS

Александр Юрьевич Багиян, канд. филол. наук (Пятигорск)
Алексей Иванович Семенов, канд. филол. наук (Москва)
Алина Геннадьевна Моногарова, канд. филол. наук (Пятигорск)
Анастасия Станиславовна Ноздрина, канд. филол. наук (Москва)
Валентина Алексеевна Кожемякина, канд. филол. наук (Москва)
Виктория Олеговна Федоровская, канд. филол. наук (Москва)
Владимир Анатольевич Бурцев, д-р филол. наук (Елец)
Го Лицзюнь, д-р филол. наук (Гуанчжоу, Китай)
Екатерина Игоревна Кожевникова, аспирант (Пенза)
Елена Николаевна Изергина, научный сотрудник (Минск, Беларусь)
Елена Рафхатовна Гусева, канд. филол. наук (Петрозаводск)
Елизавета Сергеевна Онуфриева, аспирант (Москва)
Ирина Алексеевна Кюршунова, д-р филол. наук (Петрозаводск)
Мария Владимировна Кундозерова, научный сотрудник (Петрозаводск)
Ольга Александровна Селеменева, д-р филол. наук (Елец)
Светлана Викторовна Липницкая, младший научный сотрудник (Минск)
Татьяна Александровна Ширяева, д-р филол. наук (Пятигорск)
Татьяна Викторовна Дубровская, д-р филол. наук (Пенза)
Татьяна Александровна Осипенко, ассистент (Москва)
Юлия Валерьевна Литвин, научный сотрудник (Петрозаводск)
Яна Сергеевна Шевченко, научный сотрудник (Минск, Беларусь)

Бурцев В. А. Особенности употребления адресованных высказываний в русской православной проповеди / В. А. Бурцев // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 9—25. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-9-25.

Burtsev, V. A. (2020). Features of the Use of Addressed Statements in Russian Orthodox Sermon. *Nauchnyi dialog*, 10: 9-25. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-9-25. (In Russ.).

УДК 82-522+811.161.1'42:27-46

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-9-25

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АДРЕСОВАННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

© Бурцев Владимир Анатольевич (2020), orcid.org/0000-0001-7987-8518, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (Елец, Россия), ivburtsev@yandex.ru.

Рассматриваются особенности употребления адресованных высказываний с точки зрения понятия асубъективации, противопоставленной локутивной деятельности субъекта речи. Асубъективация определяется как присутствие в семантике высказывания точки зрения субъекта неассертивного суждения, которая не воспринимается сферой сознания говорящего и накладывает ограничения на значение иллокутивного акта. Основным методом выявления и описания асубъективации в адресованных высказываниях в проповеди признается выявление сферы действия и иллокутивной силы высказывания. Доказано, что адресованные высказывания в проповеди, вне зависимости от намерений говорящего, охватывают своей сферой действия любых участников коммуникации, включая лиц, оказавшихся случайными слушателями. Кроме этого, асубъективация проявляется как требование к говорящему исполнить иллокутивный акт «информатив», адресованный всем участникам коммуникации вместе, и одновременно — речевой акт «сообщение», которым регулируется адекватное взаимодействие с получателями речи при использовании языка в проповеди. В качестве материала рассмотрены высказывания, построенные на грамматической базе предложений с пропозициональными (сложные с придаточными дополнительными) и непропозициональными значениями (безличные с должноствующим сказуемым). Актуальность исследования связана с изучением нового типа отношений в семантико-синтаксической структуре предложения. Понятие асубъективации позволяет формулировать принципы, регламентирующие особенности референциальных отношений в структуре предложения с учетом специфики дискурса.

Ключевые слова: говорящий; адресат; русская православная проповедь; асубъективация; высказывание; иллокутивный акт; речевой акт.

1. Введение

Наряду с категорией субъекта речи широко исследуется категория адресата, в частности, средства ее выражения, отношение к речевым актам, жанрам и сферам коммуникации. Все эти явления в большей степени изучены на материале разговорной речи и публицистических текстов [Арутюнова, 1981; Каминская, 2008; Соловьева и др., 2012; Падучева, 1996, с. 75—80 и др.].

В данной работе материалом для исследования служат тексты русских православных проповедей. Язык проповеди имеет свои особенности. Речь идет об аспектах семантики высказывания, связанных с понятием асубъективации. Поня-

тие асубъективации, противопоставленное субъективности высказывания [Бенвенист, 1974, с. 292—300; Лайонз, 2003, с. 309—359], было введено в работах ученых французской школы анализа дискурса (ФШАД) [Квадратура ..., 1999; Серио, 1999, с. 369—371]. Во ФШАД асубъективация трактуется как «подчинение субъекта высказывания универсальному субъекту, имплицитованному преконструкцией термов, из которых строится высказывание» [Серио, 1999, с. 369—370]. Подчинение состоит в том, что а) основу референции языковых форм пресуппозиции (при ее переводе в ассерцию) составляет другой субъект¹, а не говорящий, то есть говорящий не проявляет себя как автор речевого акта; б) проекция пресуппозиции под отрицание порождает не субъективно обоснованное стандартное отрицание (16), а новый концепт по отношению к ситуации, обозначаемой предложением (26).

(1а) *Берите ипотеку.*

(1б) *Не берите ипотеку.*

(2а) *Веруйте, Братие, во имя Господа Иисуса от всего сердца* [Илиодор, еп., 1839, с. 21—22].

(2б) **Не веруйте, Братие, во имя Господа Иисуса от всего сердца.*

Интерпретации высказываний (1а—1б) отличаются друг от друга только наличием/отсутствием отрицания, никаких других смысловых противопоставлений между ними нет. Следовательно, пропозициональное содержание в (1а—1б) является субъективно обоснованным, а (1а) и (1б) оба истинные.

В (2б) отрицание строит пропозицию, которая неприемлема в дискурсе проповеди и не может использоваться в речевом акте говорящего в проповеди².

В [Бурцев, 2017; Бурцев, 2020] понятие асубъективации было применено к материалу повелительных и связочных предложений в текстах русской православной проповеди. В этих работах показано, что множество интерпретаций этих типов предложений ограничено в проповеди и в принципе не зависит от прагматических факторов. Ключом к их семантически конкретной интерпретации как собственно религиозных высказываний является асубъективация. Она накладывает ограничения на конституирующие признаки высказывания: пропозициональное содержание и иллокутивную функцию.

Актуальность исследования связана с изучением нового типа отношений в семантико-синтаксической структуре предложения. Понятие асубъективации позволяет сформулировать принцип, регламентирующий особенности референциальных отношений в структуре предложения, используемого в конкретном подязыке, а также обеспечивает возможность установления семантической эквивалентности высказываний.

1 Другой субъект — это автор пресуппозированного высказывания, которое в текущем высказывании находится на правах неутвержденной предикативной формы. Подробнее о «другом субъекте» с позиций ФШАД [Отье-Ревю, 1999]. Так как роль другого субъекта может быть взята на себя любым индивидом, способным к самоидентификации в данной позиции, то во ФШАД другой субъект дополнительно определяется как «универсальный субъект» [Серио, 1999б, с. 369—370].

2 Обоснование повелительных предложений в проповеди как пресуппозиций (= преконструктов) проведено в работе [Бурцев, 2017].

В данной работе асубъективация определяется как присутствие в семантике высказывания точки зрения субъекта неассертивного суждения, которая не воспринимается сферой сознания говорящего¹ и накладывает ограничения на значение иллокутивного акта.

Какие факторы, прагматические или связанные с асубъективацией, влияют на особенности употребления адресованных высказываний в русской православной проповеди? Этот вопрос недостаточно изучен. Не совсем ясно также, с применением какой методики можно найти его решение. В данной работе предпринимается попытка с помощью анализа сферы действия и иллокутивных функций адресованных высказываний определить, можно ли утверждать, что адресация высказываний в проповеди обусловлена асубъективацией, а также установить, какую роль адресата выбирает субъект речи, конструируя высказывания в языке проповеди.

В разделе 2 статьи приводятся результаты нескольких исследований категории адресата в религиозных текстах и, в частности, в проповеди; в разделе 3 определяется тип адресата в проповеди на основе критерия его информированности после речевого акта; раздел 4 посвящен описанию механизма асубъективации адресованных высказываний в проповеди на материале предложений с пропозициональными и непропозициональными значениями².

2. Проблема типов адресата в текстах церковно-религиозного стиля

Адресат (слушающий, получатель речи, рецептор, интерпретатор, декодирующий, собеседник, аудитория и др.) — это второй (пассивный) участник коммуникации [Арутюнова, 1981, с. 358]. Под адресованными понимаются высказывания, содержащие средства обозначения адресата (обращения, местоимения) и средства активизации его внимания (наклонения, модальные слова и др.).

В типологическом (ролевом) аспекте проблема адресата религиозных текстов решалась в рамках прагматического подхода. Некоторые исследователи в рамках этого подхода характеризуют типы адресата как определенным образом выделенные адресантом те или иные социальные общности. Так, в работе [Шукина и др., 2014, с. 38] типы адресата устанавливаются с опорой на фактическую информацию (темы высказываний), актуализирующую гендерные, географические и др. характеристики адресата. В частности, анализом примеров (3—4) в этой работе констатируется, что (3) обращено к москвичам, а (4) — к женщинам:

- 1 Сфера сознания говорящего — знания, оценки, мнения, точка зрения говорящего как автора конкретного высказывания, обращенного к конкретному адресату в конкретный момент времени.
- 2 Следует сказать, что результаты проведенного нами анализа проецируются на все множество высказываний (на базе рассмотренных типов предложений), которые реально употребляются или потенциально возможны в проповеди. Объяснение этому мы видим в том, что язык проповеди — это дискурс. В дискурсе только, в отличие от речи, возможно «тождество (закономерность, регулярность) высказываний» (термины из [Фуко, 2004, с. 268, 271]). В определении дискурса следуем работе [Степанов, 1995], в которой дискурс характеризуется как фрагмент мира, подязык в системе языка, служащий для выражения особой ментальности и носящий характер закрытой системы [Степанов, 1995, с. 43, 70].

(3) ...*Возможно ли нам ... оставить московскую прописку...*

(4) *Еще в прошлом веке рожали по 7—8 детей и великосветские барыни, и простые крестьянки.*

В исследовании [Бобырева, 2007] типы адресата определены по соответствию с социально-психологическими характеристиками человека, отражающими его религиозную позицию. Согласно этой работе, группы и типы адресатов религиозного дискурса следующие: верующие и неверующие. В группе верующих — глубоко верующие и сочувствующие; в группе неверующих — сочувствующие атеисты и воинствующие атеисты. Этот же подход используется в работах [Карасик, 2002, с. 222; Мишланов и др., 2008].

Еще один способ (в рамках прагматики) — характеризовать адресатов религиозных текстов по статусным отношениям в коммуникации [Михальская, 1996]. По этому критерию адресаты и субъект речи в проповеди определяются как равноправные (симметричные) речевые партнеры. Значение симметричности обнаруживается в семантике местоимения *мы*. В [Михальская, 1996, с. 64—66] «мы» в проповеди трактуется как «мы соборное» — в соответствии с ключевой для православной культуры категорией соборности. С данным значением «мы» — это интеграция «я» с членами православного сообщества, воспринимаемыми говорящим как братья, как семья.

Итак, ряд исследователей считает, что факторы, обуславливающие роль адресата в религиозных текстах, в частности в проповеди, следующие: 1) тема речи, 2) социально-психологические характеристики адресата, 3) статусные отношения участников общения.

С нашей точки зрения, все случаи адресованных высказываний, имеющиеся в проповеди, нельзя свести к проявлению прагматических факторов. При проверке их действия применительно к проповеди выясняется следующее.

1. Выражения, которые можно было бы рассматривать в свете фактора «тема речи», в проповеди встречаются редко. В основном же представлены такие обозначения адресата, которые не индивидуализируют объект. Это, в частности, выражения, как в примерах (5—7), с этикетным обращением (5), местоимением *мы (нам)* (6) и кванторным прилагательным (7):

(5) *Дорогие во Христе братья и сестры! Чистота сердца ... есть основа основ христианской жизни* [Владимир (Иким), митр., 2009, с. 42].

(6) *Но ... всепрощающей любовью Господней даровано нам покаяние* [Владимир (Иким), митр., 2009, с. 13].

(7) *На суде Божиим ... каждый получит заслуженное* [Владимир (Иким), митр., 2009, с. 10].

По нашим наблюдениям, такие формы адресованных высказываний составляют большинство в проповедях. Другие исследователи также не говорят о том, что есть какие-то специфические обозначения, индивидуализирующие получателя речи в религиозном тексте. Эти факты свидетельствуют в пользу следующего вывода: адресат религиозных текстов — обобщенный (массовый, коллективный) [Крылова, 2003, с. 613].

2. Учет социально-психологического фактора порождает проблему эмпирического обоснования деления фигуры адресата на типы, в частности, дифференциацию по степени воцерковленности адресата¹. Представляется, что такой подход важен в первую очередь для описания признаков идеального образца стиля или дискурса (как, например, это сделано в [Карасик, 2002, с. 222], где типы адресатов религиозного дискурса представлены как элементы единого номинативного поля религиозного общения).

3. В соответствии с фактором, применяемым в работе [Михальская, 1996], характер адресата следует устанавливать в свете использующихся в проповеди приемов диалогизации. Основная нагрузка при интерпретации адресованных высказываний в проповеди здесь также ложится на интенциональный уровень производства высказывания. Однако адресованные высказывания с местоимением *мы* в проповеди не могут рассматриваться как произведенные в результате субъективной деятельности адресанта в полном смысле этого слова. Проблема здесь состоит в том, что *мы* в проповеди, кроме значения соборности, других интерпретаций не допускает. Между тем, как неоднократно отмечалось в литературе, форма местоимения 1-го лица множественного числа свободно реализует в контексте целый ряд подчеркнуто прагматических функций [Бондарко, 1991, с. 37; Химик, 1991].

Итак, номинативное поле для обозначения получателей речи в проповеди не очень широкое, и основные средства обозначения слушателей употребляются применительно к обобщенному адресату. Вместе с тем группа «обобщенный адресат» может задаваться по-разному [Химик, 1990, с. 35—49]. Например, можно считать совокупного адресата в предложении: *Вот почему так важно нам вспоминать того святого, во имя которого мы названы* [Сурожский, митр., 2009, с. 298] тотальным, а не просто обобщенным, включив в *мы* сему «отстраненности» (*они*) — наряду с «адресантностью» (*я*) и адресатностью (*ты*) [Химик, 1991, с. 42—44, 48—49]. Таким образом, прежде всего, нужно выяснить «состав» совокупного адресата в проповеди.

3. Определение типа адресата в проповеди на основе критерия его информированности после речевого акта

Впервые классификация адресатов с учетом информированности коммуникантов после речевого акта (то есть с точки зрения аудитории) проведена в работе [Кларк и др., 1986]. Их классификация позволяет вести изучение связи между говорящим и получателем речи не только в речевом, но и дискурсном режиме.

Г. Г. Кларк и Т. Б. Карлсон исходят из того, что при осуществлении речевого акта в коммуникации могут участвовать поодиночке или одновременно слушающие, участники и адресаты. Эти понятия определяются в данной работе следующим образом. Слушающие — это случайные слушатели, которых говорящий не намеревался включить в число участников речевого акта. Слушающие — просто свидетели речевого акта, который им не адресован. Например, А разговаривает с Б,

1 Ср.: православный проповедник «не делит» аудиторию на социальные группы и на группы по отношению к вере [Михальская, 1996, с. 64].

но это слышит также и С, который случайно оказался свидетелем разговора. Следовательно, в рамках данного акта общения С является слушающим.

Участники — тип слушающих, которые не являются адресатами именно данного речевого акта, но они также участники разговора, и им могут быть адресованы другие речевые акты в рамках этого разговора. Например, А разговаривает и с Б, и с С, но в данный момент он сообщает информацию, которая касается только Б. Участниками в этом коммуникативном акте являются Б и С.

Адресаты — это такие участники, по отношению к которым в высказывании употребляется или может быть употреблено обращение. Из вышеприведенных определений следует, что статусом адресата должен обладать только Б.

Следуя данным определениям, можно утверждать, что если высказывание содержит обращение, то коммуникативная роль получателя речи — это роль адресата. Примером служат многочисленные высказывания типа (8), в которых прямым интерпретатором сообщения должен быть адресат, а не слушающий или участник коммуникации.

(8) *Сегодня мы с вами, дорогие братья и сестры, чтим память ... апостола и евангелиста Иоанна Богослова ...* [Кирилл (Павлов), архим., 2000, с. 176].

Помимо обращений, обоснованием для выделения адресата как базового типа получателя речи в проповедях является синтаксический контекст обращений. Синтаксический контекст создается наличием того или иного элемента в том же предложении [Падучева, 1996, с. 11]. В примерах (9—11) синтаксический контекст обращений создается за счет употребления обстоятельства времени *сегодня* и функционально подобных ему (по признаку темпоральности) номинативных единиц (*память великого князя Александра Невского; Новый год; Великий Четверг*).

(9) *Сегодня, дорогие мои, мы прославляем святого ... князя Александра Невского* [Николай, митр., 1957, с. 33].

(10) *Наступает новый год ... Не правда, ли, дорогие мои, время, по образному сравнению св. Григория Богослова, это постоянно льющийся поток ...* [Николай, митр., 1957, с. 72].

(11) *... Возлюбленные о Господе братья и сестры! Великий Четверг... День особенный...* [Владимир (Иким), митр., 2009, с. 808].

Идею об обобщенном адресате в проповеди подтверждают также примеры неиндикативных типов предложений с обращениями¹.

3.1. Выявление сферы действия адресованного высказывания в проповеди

В текстах проповедей многочисленны примеры, когда обращения можно анализировать как элементы эмоционально-волевого языка. Обращение как элемент эмоционально-волевого языка появляется в речи чаще всего совместно с императивом [Кручинина, 1990, с. 340]:

(12) *Постараемся же, братья и сестры, так потрудиться Господу, чтобы каждую из возмущающих нас страстей исправить добродетелью...* [Владимир (Иким), митр., 2009, с. 111].

1 Примеры рассмотрены ниже на материале долженствующих высказываний.

По нашему мнению, в принципе в любых предложениях с субъективной модальностью (в широком понимании — когда говорящий выражает свое мнение по поводу того или иного положения дел или свою волю [Лайонз, 2003, с. 347]) обращение используется как элемент эмоционально-волевого языка. С этой точки зрения и высказывания типа (12), и высказывание типа (13) должны иметь получателем речи адресата (что постулируется в [Кларк и др., 1986]), а не участника или слушающего:

(13) *Дети, закройте окно.*

Однако можно полагать, что высказывание (12) и все другие подобные ему из проповеди, если их сравнивать с разговорными или, например, художественными, отличаются тем, что в проповеди получателями речи являются адресаты, участники и слушатели все вместе, а не по отдельности; а также тем, что такая сфера действия адресованного высказывания обусловлена асубъективацией, а не субъективной деятельностью говорящего.

Наши аргументы следующие. Примеры (12, 13) следует признать высказываниями, ориентированными на разные типы получателей речи, так как анализ по выявлению типа адресата с учетом сферы действия речевого акта дает разный результат в их отношении. Так, (12) адресовано каждому, кто слышит говорящего, а (13) — только адресату. В качестве способа выявления получателя речи использовался «условный анализ обращений» из [Кларк и др., 1986, с. 303—304]. Условный анализ обращений состоит в том, чтобы перифразировать исходного высказывания представить в форме условного предложения, выражающего прагматическое значение просьбы. Коммуникативная особенность условных просьб заключается в том, что они предоставляют право осуществления действия просьбы только адресату, а не участнику или слушающему. Условный анализ на примерах из [Кларк и др., 1986] состоит в том, что высказывание (14), которое является обычной просьбой, можно рассматривать как эквивалентное высказыванию (15), являющемуся условной просьбой, или условным иллокутивным актом просьбы:

(14) Джордж (Алистеру и Фергусу): *Тот, кто будет уходить последним, выключите свет.*

(15) Джордж (Алистеру и Фергусу): *Если вы окажетесь последними из тех, кто будет уходить, выключите свет* [Кларк и др., 1986, с. 304].

Согласно [Кларк и др., 1986, с. 304], если Алистер — это тот, кто выполняет просьбу, то он адресат. Если просьбу выполняет Фергус, то адресат он. То есть в примере (14) адресатами могут быть и Алистер, и Фергус. Однако не очень понятно, как определить, кто может быть настоящим адресатом просьбы. Другими словами, условный анализ обращений не распространяется на случаи, когда необходимо установить одного определенного человека как адресата в кругу тех лиц, кто слышит просьбу говорящего. Это отмечено и в [Кларк и др., 1986], где в данной связи предлагается считать условный подход неадекватным для выявления типа получателя речи. По нашему мнению, условный анализ является действенным, если не ставится задача указать конкретного получателя речи, то есть единичного субъекта-лица в «контексте адресатности», когда адресат может вступить в диалог с говорящим в рамках данной коммуникативной ситуации [Химик, 1991, с. 53—54]. В проповеди нельзя

указать единичного субъекта-лица в контексте адресатности, но условный анализ обращений, с нашей точки зрения, является релевантным для определения того, участвуют в коммуникации слушающие поодиночке или одновременно все вместе. Мы предлагаем модифицировать условный анализ обращений, представив в условном придаточном именную группу, называющую адресата (не важно какого) в сфере действия отрицания, результатом чего окажется истинностное представление предложения, и в этом представлении тип получателя речи будет определен в силу своей жесткой связанности с адресованным высказыванием.

(16) *Христианин! Отраднo тебе слышать, сколь ты высок ...: но елико ты высок, только смирайся, — смирайся пред Богом и человеками* [Григорий, архиеп., 1853, с. 24].

(16a) *Если ты слушающий, и ты высок, то, как бы ты ни был высок, смирайся.*

(16б) **Если ты не слушающий, то к тебе это не относится.*

В речевом акте условной просьбы высказывание (16a) является приемлемым для проповеди; высказывание с отрицанием (16б) — неприемлемым. Неприемлемость (16б) мы можем объяснить тем, что даже случайные слушающие не могут считать себя свободными от выполнения прескрипций, подобных примеру (16). То есть невозможна ситуация, в которой кто-либо способен считать, что, может быть, для других применима ситуация из (16a), но не для меня.

Примеры данного типа позволяют сделать вывод, что в проповеди все высказывания с обращениями нацелены на адресатов, участников и слушающих всех вместе.

3.2. Выявление сферы действия адресованных высказываний за пределами дискурса проповеди

За пределами дискурса проповеди действие этой закономерности прямо распространяется на примеры типа (17). Пример (17) — приводился выше под номером (13) — из разговорной речи. Он показывает, что получатель речи — адресат, а не участники или случайные слушающие, так как из множества свидетелей речевого акта он выделяет только детей.

(17) *Дети, закройте окно.*

(17a) *Если вы дети, закройте окно.*

(17б) *Если вы не дети, то к вам это не относится.*

То же верно для художественной речи (в которой разъединение адресата и слушателя — норма [Падучева, 1996, с. 210]). Пример (18) из поэзии, где обращение к адресату — традиционный поэтический прием.

(18) *О милый гость, святое Прежде, / Зачем в мою теснишься грудь* (В. А. Жуковский. Песня (Минувших дней очарованье...)).

(18a) *Если ты милый гость, то зачем в мою теснишься грудь.*

(18б) *Если ты не милый гость, то к тебе это не относится.*

Теперь рассмотрим (19):

(19) *Граждане, будьте внимательны при переходе улицы.*

Употребление этикетного обращения *гражданин* показывает, что говорящий должен вести себя по отношению к участникам и слушателям так же, как по отношению

к адресатам. То есть информировать любых возможных получателей речи о том, о чем он информирует адресата. В том случае, если бы информация в (19) была каким-нибудь образом направлена на отдельных участников речевого акта, то в контексте обращения высказывания (19а-б) воспринимались бы как семантически неправильные.

(19а) **Если вы граждане, будьте внимательны.*

(19б) **Если вы не граждане, то к вам это не относится.*

С другой стороны, в соответствии с [Кларк и др., 1986, с. 285], говорящий в речи может конструировать высказывания так, что у слушающих формируются те или иные гипотезы (правильные или неправильные) или они совсем не формируются относительно того или иного положения дел. Например, из интерпретации (19) в прагматическом контексте у некоторых слушателей может возникнуть гипотеза, что они не включены говорящим в категорию граждан, и тогда (19) будет расценено как высказывание, рассчитанное только на адресата. Другими словами, даже если обращение этикетное, то адресованное высказывание с ним за пределами дискурса регулируется намерениями и установками говорящего. Между тем примеры из проповеди (16) приводят нас к выводу, что получателем речи здесь может быть только недифференцированный адресат, то есть адресаты, слушатели и участники все вместе. Возникает вопрос: по какой причине в дискурсе проповеди получатель речи всегда интерпретируется обобщенно? В следующем разделе излагаются аргументы в пользу того, что причиной этому является асубъективация.

4. Асубъективация в адресованных высказываниях из проповеди

В этом разделе статьи фокус внимания — выявление иллюкутивной силы адресованных высказываний в проповеди. Согласно [Кларк и др., 1986], чтобы обозначить всех участников коммуникации одновременно как получателей речи, говорящий использует иллюкутивный акт «информатив». Важной характеристикой информативов является то, что они обеспечивают также всех участников коммуникации знанием о том, иллюкутивный акт какого вида в отношении их совершает говорящий: например, «информатив + просьба (приказ, утверждение и т. п.)». Применительно к нашему материалу необходимо выяснение того, иллюкутивный акт какого вида используется говорящим при осуществлении информатива.

Для проповеди характерна ситуация, когда речевой акт определенного вида оформляется разными грамматическими и семантическими типами предложений. Поэтому в качестве материала рассматриваются и предложения с пропозициональным значением (изъяснительные сложноподчиненные), и предложения с непропозициональным значением (с предикатами долженствования).

4.1. Иллюкутивное значение высказываний на базе изъяснительных предложений в проповеди

Мы считаем, что изъяснительные предложения употребляются в проповеди в речевом акте, являющимся для проповеди основным, кроме повелительных предложений. Это речевой акт «сообщение». Обоснуем данный тезис на примере (20):

(20) *Из сего видно, что благотворная сила закона простирается на все существо человека* [Менетров, свящ., 1905, с. 77—78].

В случае изъяснительных предложений интерпретация иллокутивного значения следует непосредственно из семантико-синтаксических отношений между подчиненной пропозицией и вводящим ее предикатом. Мы имеем в виду, что (20) и другие подобные теоретически допускают трактовку придаточных частей как предикаций с презумптивным пропозициональным статусом [Падучева, 1974, с. 197]. Синтагматические условия реализации презумптивного статуса подчиненных предикаций — это возможность их сочетания с фактивными предикатами, в частности, с глаголом *сообщать*. Если воспользоваться перформативной гипотезой, то представление изъяснительного предложения в проповеди в контексте речевого акта выглядит следующим образом.

(20a) *Сообщаю вам, что благотворная сила закона простирается на все существо человека.*

Необходимо отметить, что отрицание подчиненной предикации из (20) делает неприемлемым все высказывание. Это показывает (20б):

(20б) *Из сего видно, что благотворная сила закона не простирается на все существо человека.*

Значит, мы действительно имеем дело с презумпцией как условием семантической неаномальности высказывания [Падучева, 2013, с. 38], а не с имплицатурой, аллегацией или вторичной ассерцией [Падучева, 2013, с. 30—40].

Такое положение дел характерно для дискурса и не характерно для других условий употребления языка. Это иллюстрируют примеры из (21), где утвердительные и отрицательные придаточные могут быть равно истинными или ложными (в зависимости от прагматического контекста):

(21a) *Вполне возможно, что Константин — владелец номинальный (не номинальный).*

(21б) *Я был почти уверен, что предпочтение отдадут (не отдадут) «законной» очереди [НКРЯ].*

Таким образом, иллокутивным значением изъяснительного предложения в проповеди является «сообщение», поскольку речевые акты, содержащие прагматический компонент значения (каким бы он ни был), приводят к разрушению дискурса.

4.2. Иллокутивное значение долженствующих высказываний в проповеди¹

(22) *Молясь, мы непременно должны взять в свою власть сердце и обратить его к Господу* [Святой Иоанн Кронштадтский, 1992, с. 9].

В связи с проблемами модальности долженствующим конструкциям посвящено определенное количество работ [Цейтлин, 1990; Кобозева и др., 1991; Кобозева, 2004, с. 242—247 и др.]. Однако с интересующей нас точки зрения долженствующие предложения рассматривались редко. Например, в [Цейтлин, 1990] коротко характеризуются ситуации необходимости по признаку персональности. В этой работе отмечено, что с помощью модальных лексем выражаются различные оттенки

1 Только со сказуемым, в котором инфинитив выражен формой совершенного вида.

побуждения типа «просьба», «пожелание», «совет» и др. [Цейтлин, 1990, с. 156]. Мы, безусловно, учитываем эти факты. Однако считаем, что в проповеди семантика императивности долженствующих высказываний осложнена асубъективацией.

Основной аргумент, что долженствование в проповеди осложнено асубъективацией, — это возможность интерпретировать долженствование в контексте деонтической необходимости. Так как деонтическое значение — это область объективной (пропозициональной) модальности [Кобозева, 2004, с. 245], то это может служить семантической мотивировкой для характеристики иллокутивного значения как сообщения.

Отличить деонтическое значение от других модальных можно с помощью следующего теста [Падучева, 2013, с. 211—218]. Если при отрицании предиката долженствования обязательна замена совершенного вида на несовершенный, то контекст долженствования — деонтический. Такая замена обязательна для примеров из проповеди (22):

(23) *Надо каждому из нас одуматься, раскрыть глаза на свои скверны, **понять**, что мы со своими нераскаянными грехами стоим на краю бездны...* [Николай, митр., 1954, с. 180].

(23а) *Не надо каждому из нас одумываться, раскрывать глаза, **понимать**...*

Важно отметить, что в примерах исходное высказывание и высказывание с его отрицанием — это не только пара отрицающих друг друга высказываний. Присоединение отрицания до такой степени меняет истинностное значение высказывания, что оно становится неприемлемым в проповеди. По нашему мнению, если при непропозициональном предикате отрицание порождает неприемлемое высказывание, то оно свидетельствует, что иллокутивное значение исходного неутвердительно высказывания — сообщение. То есть побуждение как специфически языковое значение долженствования в речевом акте в дискурсе является цитатой, голосом другого субъекта.

В работе [Бурцев, 2017] этот механизм асубъективации (на примере повелительных предложений) объясняется тем, что в проповеди не действует правило субъективной обоснованности. Значение высказывания считается субъективно обоснованным при условии, что отрицание побуждения так же приемлемо, как и его утверждение. Например, в высказывании предложения (24) это правило действует:

(24) ... *Пользуйтесь традиционными медиа* [Андрей Быстрицкий. Телевизионная вышка или сервер? Что брать? // Известия, 2014.05.28. НКРЯ].

(24а) *Не пользуйтесь традиционными медиа...*

Таким образом, как и в случае с повелительными предложениями, употребление долженствующих предложений не подчиняется правилу субъективной обоснованности, так как деятельность говорящего, если она будет состоять, в частности, из отрицания долженствования, способна разрушить дискурс проповеди.

5. Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, все случаи адресованных высказываний, имеющиеся в проповеди, нельзя свести

к проявлению прагматических факторов. В проповедях представлены такие обозначения адресата, которые не индивидуализируют объект каким бы то ни было способом. Адресат религиозных текстов — массовый, коллективный. При нашем подходе это обобщение получено путем выявления типа адресата на основе критерия его информированности после речевого акта. Во-вторых, адресованные высказывания в проповеди охватывают своей сферой действия любых участников коммуникации, включая лиц, оказавшихся случайными слушателями. В-третьих, адресованные высказывания в проповедях подвергаются асубъективации: при любой попытке представить адресованное высказывание как результат субъективной деятельности говорящего оно становится неприемлемым в дискурсе проповеди. На фоне адресованных высказываний из проповеди аналогичные высказывания из других сфер коммуникации свободно допускают субъективную деятельность говорящего по построению семантики высказывания. В-четвертых, асубъективация проявляется не только как требование к говорящему исполнить иллюкутивный акт «информатив», который адресован всем участникам коммуникации вместе, но и одновременно — речевой акт «сообщение», регулирующий адекватное взаимодействие с получателями речи, когда язык используется как дискурс.

Источники и принятые сокращения

1. *Антоний (Сурожский), митрополит.* Во имя Отца и сына и святого духа. Проповеди / Антоний (Сурожский), митрополит. — Клин : Фонд Христианская жизнь, 2009. — 416 с.
2. *Владимир (Иким), митрополит.* Врата покаяния: Слова, произнесенные в разные годы в период пения Триоди постной / Владимир (Иким), митрополит. — Москва : Сибирская Благовозвонница, 2009. — 925 с. — ISBN 978-5-91362-229-7.
3. *Григорий, архиепископ Казанский и Свияжский.* Слова или беседы на все воскресные и праздничные дни в году, с присовокуплением слов и речей на некоторые особенные случаи, сказанные синодальным членом, Григорием Архиепископом Казанским и Свияжским / Григорий, архиепископ Казанский и Свияжский. — Санкт-Петербург, 1853. — Т. II. — 363 с.
4. *Илиодор, епископ.* Словесное млеко или собрание слов, произнесенных к курской пастве Илиодором, епископом Курским и Белгородским : в 2 ч. / Илиодор, епископ Курский и Белгородский. — Санкт-Петербург, 1839. — Ч. 1. — 195 с.; Ч. 2. — 167 с.
5. *Кирилл (Павлов), архимандрит.* Ищите прежде Царствия Небесного : проповеди / Кирилл (Павлов), архимандрит. — Москва : Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000. — 448 с.
6. *Менетров М., священник.* Пастырские наставления. Праздничные поучения / М. Менетров, священник. — Москва : Издание журнала Воскресный день, 1905. — 184 с.
7. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ruscorpora.ru>. (дата обращения — 08.06.2020).
8. *Николай, митрополит Крутицкий и Коломенский.* Слова и речи : т. II—IV. Т. 3 (Слова, речи и статьи. 1954—1957 гг.) / Николай, митрополит Крутицкий и Коломенский. — Москва : Издание Московской Патриархии, 1954. — 487 с.
9. *Николай, митрополит Крутицкий и Коломенский.* Слова и речи : т. II—IV. Т. 4 (Слова, речи и статьи. 1954—1957 гг.) / Николай, митрополит Крутицкий и Коломенский. — Москва : Издание Московской Патриархии, 1957. — 472 с.
9. *Святой праведный Иоанн Кронштадтский.* Моя жизнь во Христе или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя

в Боге / Святой праведный Иоанн Кронштадтский. — Москва ; Санкт-Петербург : Лествица-Диоптра, 2002. — 576 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1981. — Т. 40, № 4. — С. 356—367.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — Москва : Прогресс, 1974. — 448 с.
3. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Е. В. Бобырева. — Волгоград, 2007. — 42 с.
4. Бондарко А. В. Семантика лица / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. — Санкт-Петербург : Наука, 1991. — С. 5—41. — ISBN 5-02-028006-2.
5. Бурцев В. А. Проблема субъективности высказывания в дискурсе на примере повелительных предложений / В. А. Бурцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2017. — Т. 14, Вып. 4. — С. 567—582. — DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.406>.
6. Бурцев В. А. Употребление связочных предложений в дискурсе русской православной проповеди в контексте речевого акта / В. А. Бурцев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 1. — С. 103—114. — DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-103-114.
7. Каминская Т. Л. Структура категории «образ адресата массовой коммуникации» / Т. Л. Каминская // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 12. — С. 47—55.
8. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552.
9. Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса / общ. ред., вступ. ст. П. Серю. — Москва : Прогресс, 1999. — 416 с. — ISBN 5-01-004414-5.
10. Кларк Г. Г. Слушающие и речевой акт / Г. Г. Кларк, Т. Б. Карлсон // Новое в зарубежной лингвистике : сборник статей. Вып. 17. Теория речевых актов. — Москва : Прогресс, 1986. — С. 270—321.
11. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 352 с. — ISBN 5-8360-0165-0.
12. Кобозева И. М. Семантика предикатов долженствования в русском языке / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Russistik. — 1991. — № 1. — С. 68—76.
13. Кручинина И. Н. Обращение / И. Н. Кручинина // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва : Сов. энциклопедия, 1990. — С. 340—341. — ISBN 5-85270-031-2.
14. Крылова О. А. Церковно-религиозный стиль / О. А. Крылова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — Москва : Флинта, Наука, 2003. — С. 612—616. — ISBN 5-89349-342-7.
15. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика : введение / Дж. Лайонз. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 400 с. — ISBN 5944571284.
16. Михальская А. К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике / А. К. Михальская. — Москва : Academia, 1996. — 192 с. — ISBN 5-7695-0017-4.
17. Мишланов В. А. О жанровой специфике текстов церковно-религиозного стиля / В. А. Мишланов, Е. С. Худякова // Филологические заметки. — 2008. — Т. 2. — С. 28.
18. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме *другого* в дискурсе / Ж. Отье-Ревю // Квадратура смысла : Французская школа анализа дискурса. — Москва : Прогресс, 1999. — С. 54—94. — ISBN 5-01-004414-5.

19. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка) / Е. В. Падучева. — Москва : Наука, 1974. — 292 с.
20. Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение / Е. В. Падучева. — Москва : Языки славянской культуры, 2013. — 303 с. — ISBN 978-5-9551-0657-1.
21. Падучева Е. В. Семантические исследования : семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 464 с. — ISBN 5-88766-046-5.
22. Серю П. Русский язык и анализ советского политического дискурса : анализ номинализаций / П. Серю // Квадратура смысла : Французская школа анализа дискурса. — Москва : Прогресс, 1999. — С. 337—383. — ISBN 5-01-004414-5.
23. Соловьева Н. В. Современные медиатексты в аспекте стилиобразующих категорий «автор» и «адресат» / Н. В. Соловьева, Е. А. Медведева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 32 (286). — С. 107—111.
24. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века : сборник статей. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1995. — С. 34—72.
25. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. — Санкт-Петербург : Гуманитарная академия ; Университетская книга, 2004. — 416 с. — ISBN 5-93762-034-8.
26. Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В. В. Химик. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1990. — 182 с. — ISBN 5-288-00466-8.
27. Цейтлин С. Н. Необходимость / С. Н. Цейтлин // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. — Ленинград : Наука, 1990. — С. 142—156. — ISBN 5-02-028005-4.
28. Щукина И. Н., Хазанжи Е. А. Средства воздействия в православном дискурсе / И. Н. Щукина, Е. А. Хазанжи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2014. — Вып. 1 (25). — С. 36—47.

FEATURES OF THE USE OF ADDRESSED STATEMENTS IN RUSSIAN ORTHODOX SERMON

© Vladimir A. Burtsev (2020), orcid.org/0000-0001-7987-8518, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Methods of its Teaching and Documentation Science, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Bunin Yelets State University” (Yelets, Russia), ivburtsev@yandex.ru.

The features of the use of addressed utterances are considered from the point of view of the concept of asubjection, as opposed to the locuous activity of the subject of speech. Asubjection is defined as the presence in the semantics of the statement of the point of view of a non-assertive judgment subject, which is not perceived by the speaker's sphere of consciousness and imposes restrictions on the meaning of the illocutionary act. The main method for identifying and describing asubjection in addressed utterances in a sermon is the identification of the scope and illocutionary force of the utterance. It has been proven that addressed utterances in a sermon, regardless of the speaker's intentions, cover any communication participants, including those who turn out to be casual listeners. In addition, asubjection manifests itself as a requirement for the speaker to perform the illocutionary act “informative”, addressed to all participants in communication together, and at the same time — the speech act “message”, which regulates adequate interaction with the recipients of speech when using the language in the sermon. As a material, the authors considered statements built on the grammatical base of sentences with propositional (complex with additional clauses) and non-propositional meanings (impersonal with a due predicate). The relevance of the research is associated with the study of a new type of relationship in the semantic-syntactic structure of the sentence.

The concept of asubjection allows us to formulate principles that regulate the features of referential relations in the structure of a sentence, taking into account the specifics of discourse.

Key words: speaker; destination; Russian Orthodox preaching; asubjection; utterance; illocutionary act; speech act.

MATERIAL RESOURCES

- Antoni, (Surozhskiy), mitropolit. (2009). *Vo imya Ottsa i syna i svyatogo dukha. Propovedi* [In the name of the Father and the son and the holy spirit. Sermons]. Klin: Fond Khristianskaya zhizn'. 416 p. (In Russ.).
- Grigoriy, arkhiepiskop Kazanskiy i Sviyazhskiy. (1853). *Slova ili besedy na vse voskresnye i prazdnichnye dni v godu, s prisovokupleniem slov i rechey na nekotorye osobennye sluchai, skazannye sinodalnym chlenom, Grigoriem Arkhiepiskopom Kazanskim i Sviyazhskim* [Words or conversations on all Sundays and holidays of the year, with the addition of words and speeches on some special occasions, spoken by the synodal member, Gregory Archbishop of Kazan and Sviyazhsky]. Sankt-Peterburg. 2: 363 p. (In Russ.).
- Iliodor, episkop. (1839). *Slovesnoe mleko ili sobranie slov, proiznesennykh k kurskoy pastve Iliodorom, episkopom Kurskim i Belgorodskim* [Verbal Milk or a collection of words spoken to the Kursk flock by Iliodor, Bishop of Kursk and Belgorod]. Sankt-Peterburg. 1: 195 p. (In Russ.).
- Iliodor, episkop. (1839). *Slovesnoe mleko ili sobranie slov, proiznesennykh k kurskoy pastve Iliodorom, episkopom Kurskim i Belgorodskim* [Verbal Milk or a collection of words spoken to the Kursk flock by Iliodor, Bishop of Kursk and Belgorod]. Sankt-Peterburg. 2: 167 p. (In Russ.).
- Kirill, (Pavlov), arhimandrit. (2000). *Ishchite prezhde Tsarstviya Nebesnogo: propovedi* [Seek First the Kingdom of Heaven: Sermons]. Moskva: Moskovskoe podvorye Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry. 448 p. (In Russ.).
- Menetrov, M., svyashchennik. (1905). *Pastyrskie nastaveniya. Prazdnichnye poucheniya* [Pastoral Instruction. Holiday Teachings]. Moskva: Izdanie zhurnala Voskresnyy den'. 184 p. (In Russ.).
- NKRYa — Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru>. (accessed 08.06.2020) (In Russ.).
- Nikolay, mitropolit Krutitskiy i Kolomenskiy. (1954). *Slova i rechi. (Slova, rechi i statyi. 1954—1957 gg.)* [Words and speeches. (Words, speeches and articles. 1954—1957)]. Moskva: Izdanie Moskovskoy Patriarkhii. 2—4 (3): 487 p. (In Russ.).
- Nikolay, mitropolit Krutitskiy i Kolomenskiy. (1957). *Slova i rechi. (Slova, rechi i statyi. 1954—1957 gg.)* [Words and speeches. (Words, speeches and articles. 1954—1957)]. Moskva: Izdanie Moskovskoy Patriarkhii. 2—4 (4): 472 p. (In Russ.).
- Svyatoy pravednyy Ioann Kronshtadtskiy. (2002). *Moya zhizn' vo Khriste ili minuty dukhovnogo trezveniya i sozertsaniya, blagovovennogo chuvstva, dushevsnogo ispravleniya i pokoya v Boge* [My life in Christ or minutes of spiritual sobriety and contemplation, reverent feeling, spiritual correction and peace in God]. Moskva; Sankt-Peterburg: Lestvitsa-Dioptra. 576 p. (In Russ.).
- Vladimir, (Ikim), mitropolit. (2009). *Vrata pokayaniya: Slova, proiznesennye v raznye gody v period peniya Triodi postnoy* [Gate of Repentance: Words spoken in different years during the singing of the Lenten Triodion]. Moskva: Sibirskaya Blagozvonitsa. 925 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Arutyunova, N. D. (1981). Faktor adresata [Addressee factor]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [News of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series], 40 (4): 356—367. (In Russ.).

- Benvenist, E. (1974). *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moskva: Progress. 448 p. (In Russ.).
- Bobyreva, E. V. (2007). *Religioznyy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavno-go veroucheniya): author's abstract of Doct. Diss.* [Religious discourse: values, genres, strategies (based on the Orthodox faith). Author's abstract of Doct. Diss.]. Volgograd. 42 p. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. (1991). Semantika litsa [Face semantics]. In: *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Personalnost'. Zalogovost'* [Functional grammar theory. Personality. Pledge]. Sankt-Peterburg: Nauka. 5—41. (In Russ.).
- Burtsev, V. A. (2017). Problema subyektivnosti vyskazyvaniya v diskurse na primere povelitelnykh predlozheniy [Problem of Subjectivity in a Discourse in Terms of Imperative Sentences]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature* [Vestnik of St. Petersburg University. Language and Literature], 14 (4): 567—582. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.406>. (In Russ.).
- Burtsev, V. A. (2020). Upotrebleniye svyazozhnykh predlozheniy v diskurse russkoy pravoslavnoy propovedi v kontekste rechevogo akta [Use of cohesive sentences in the discourse of Russian Orthodox preaching in the context of a speech act]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], 1: 103—114. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-103-114. (In Russ.).
- Fuko, M. (2004). *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. Sankt-Peterburg: Gumanitarnaya akademiya; Universitetskaya kniga. 416 p. (In Russ.).
- Kaminskaya, T. L. (2008). Struktura kategorii «obraz adresata massovoy kommunikatsii» [Structure of the category “image of the addressee of mass communication”]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 12: 47—55. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. 477 p. (In Russ.).
- Khimik, V. V. (1990). Kategoriya subyektivnosti i ee vyrazheniye v russkom yazyke [Category of subjectivity and its expression in Russian]. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. 182 p. (In Russ.).
- Klark, G. G., Karlson, T. B. (1986). Slushayushchie i rechevoy akt [Listeners and speech act]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike: sbornik statey. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics: a collection of articles. Theory of speech acts]. Moskva: Progress, 17: 270—321. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (2004). *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moskva: Editorial URSS. 352 p. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M., Laufer, N. I. (1991). Semantika predikatov dolzhenstvovaniya v russkom yazyke [Semantics of obligation predicates in Russian]. *Russistik*, 1: 68—76. (In Russ.).
- Kruchinina, I. N. (1990). Obrashcheniye [Appeal]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moskva: Sov. entsiklopediya. 340—341. (In Russ.).
- Krylova, O. A. (2003). Tserkovno-religioznyy stil [Church-religious style]. In: *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moskva: Flinta, Nauka. 612—616. (In Russ.).
- Layonz, Dzh. (2003). Lingvisticheskaya semantika: vvedeniye [Linguistic semantics: an introduction]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 400 p. (In Russ.).
- Mikhalskaya, A. K. (1996). Russkiy Sokrat: lektzii po sravnitel'no-istoricheskoy ritorike. [Russian Socrates: Lectures on Comparative Historical Rhetoric]. Moskva: Academia. 192 p. (In Russ.).

- Mishlanov, V. A., Khudyakova, E. S. (2008). O zhanrovoy spetsifike tekstov tserkovno-religioznogo stilya [Genre specificity of the texts of the church-religious style]. *Filologicheskie zametki* [Philological notes], 2: 28. (In Russ.).
- Otye-Revyu, Zh. (1999). Yavnaya i konstitutivnaya neodnorodnost': k probleme drugogo v dis-kurse [Explicit and constitutive heterogeneity: towards the problem of the other in discourse]. In: *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Squaring Meaning: The French School of Discourse Analysis]. Moskva: Progress. 54—94. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (1974). *O semantike sintaksisa (materialy k transformatsionnoy grammatike russkogo yazyka)* [On the semantics of syntax (materials for the transformational grammar of the Russian language)]. Moskva: Nauka. 292 p. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (1996). *Semanticheskie issledovaniya : semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrative* [Semantic Research: Semantics of Time and View in Russian. Narrative semantics]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 464 p. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2013). *Russkoye otritsatelnoe predlozhenie* [Russian negative sentence]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 303 p. (In Russ.).
- Serio, P. (ed.). (1999). *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Squaring Meaning: The French School of Discourse Analysis]. Moskva: Progress. 416 p. (In Russ.).
- Serio, P. (1999). Russkiy yazyk i analiz sovetskogo politicheskogo diskursa: analiz nominalizatsiy [Russian language and analysis of Soviet political discourse: analysis of nominalizations]. In: *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Squaring Meaning: The French School of Discourse Analysis]. Moskva: Progress. 337—383. (In Russ.).
- Solov'eva, N. V., Medvedeva, E. A. (2012). Sovremennyye mediateksty v aspekte stileobrazuyushchikh kategoriy «avtor» i «adresat» [Modern media texts in the aspect of the style-forming categories “author” and “addressee”]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 32 (286): 107—111. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1995). Alternativnyy mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti [Alternative World, Discourse, Fact and the Principle of Causality]. In: *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and Science of the Late 20th Century]. Moskva: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. 34—72. (In Russ.).
- Shchukina, I. N., Khazanzy, E. A. (2014). Sredstva vozdeystviya v pravoslavnom diskurse [Means of influence in Orthodox discourse] *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Bulletin. Russian and foreign philology], 1 (25): 36—47. (In Russ.).
- Tseytlin, S. N. (1990). Neobkhodimost' [Necessity]. In: *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Temporalnost'. Modalnost'* [Functional grammar theory: Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka. 142—156. (In Russ.).

Го Лицзюнь. Образ цифрового Китая в российских средствах массовой информации / Го Лицзюнь // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 26—36. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-26-36.
Guo Lijun. (2020). The Image of Digital China in the Russian Media. *Nauchnyi dialog*, 10: 26-36. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-26-36. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:070+81'37:004.09(510)“20”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-26-36

ОБРАЗ ЦИФРОВОГО КИТАЯ В РОССИЙСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ¹

© Го Лицзюнь (郭丽君, 2020), orcid.org/0000-0002-9711-4180, доктор филологических наук, доцент факультета русского языка, Университет имени Сунь Ятсена (Гуанчжоу, Китай), guolj5@mail.sysu.edu.cn.

Анализируются опубликованные в российских средствах массовой информации тексты, посвященные процессам цифровизации в Китае. Актуальность исследования обусловлена вниманием китайского правительства к реализации международного сотрудничества с разными странами, в том числе с Россией. Отмечается, что «китайская тема» является одной из актуальных в российских публикациях. Уделяется внимание одной из наиболее популярных и динамично развивающихся сфер — цифровизации. Автор исходит из того, что средства массовой информации не только отражают новостную информацию, но и определенным образом формируют представления о том или ином описываемом объекте. Автор отмечает, что в российских газетах и журналах вопросу развития цифровизации в КНР уделяется значительное внимание. Показано, что в публикациях российских СМИ Китай представлен одним из мировых лидеров цифровизации, которая поддерживается государством и его гражданами. Приводятся контексты, которые свидетельствуют о том, что цифровизация проникает в разные сферы жизни страны: образование, промышленность, торговлю и др. Автор приходит к выводу, что в российских СМИ конструируется исключительно позитивный образ цифрового Китая.

Ключевые слова: образ Китая; российские СМИ; цифровизация.

1. Введение

Распространение влияния в мире является одним из приоритетов Китая, в связи с чем проводятся различные исследования представления страны в глобальной политике, экономике, культуре и т. п. Определенные выводы могут быть сделаны на основе анализа текстов средств массовой информации, которые отражают актуальные процессы, события, явления современной действительности, а цель дискурсивного анализа состоит именно в выявлении «социального контекста, стоящего за устной или письменной речью, исследовании взаимосвязи между языком и социальными процессами» [Прокошенкова и др., 2006, с. 452]. Изучение медийного дискурса, в котором отражаются мнения о той или иной стране, позволяет описать образ иностранного государства, конструируемый журналистами для читателей. Китайского исследователя, конечно, интересует, каковы особенности об-

1 Статья является промежуточным результатом проекта Китайского Национального фонда общественных наук «Дискурсивный анализ новостных текстов о Китае в российских СМИ (на основе корпусного подхода)» (грант №16CYY065) и подготовлена при поддержке фонда фундаментальных исследований исследовательского института «Один пояс — один путь» университета им. Сунь Ятсена.

паза его родины, оформившегося в иностранных СМИ. Общее впечатление может складываться из многих составляющих, которые освещаются в медийном дискурсе, неслучайно ряд научных работ, в том числе лингвистических, посвящен исследованию вопроса о том, как создается имидж той или иной страны.

Существенное значение в этом смысле имеет языковая (лексическая, текстовая) репрезентация восприятия той или иной страны, так как значительную долю сведений о государстве, его экономике, политике, культуре общества, особенностях организации быта мы извлекаем из СМИ. Языковые средства конструирования образа страны становятся предметом исследований. Например, Китаю посвящен ряд научных публикаций, которые рассматривают средства и особенности освещения «китайской темы» в российском, американском информационном пространстве и прессе других государств, в поэтическом и прозаическом текстах, в контексте инициативы «Один пояс и один путь», очень актуальной для китайской политики программы, ориентированной на формирование и развитие модели международного сотрудничества с участием Китая [Ван Сюй, 2012; Го Лицзюнь, 2019; Кирсанова, 2019; Медведева, 2008; Осетрова и др., 2018; Сорокина, 2010; Тяньтянь, 2019; Фу Лин и др., 2018; Цзинцзин Цзинь, 2016 и др.]. При этом обращение к «китайскому» вопросу на материале российской прессы является особенно актуальным, поскольку, как отмечают исследователи, «языковой образ Китая следует признать одним из таких фрагментов, который является ключевым в текстах российской прессы последних десятилетий: российско-китайские отношения являются приоритетным направлением внешней политики России, влияют на социальную и экономическую жизнь населения, а потому регулярно и массово обсуждаются на страницах периодических изданий» [Осетрова и др., 2018, с. 21].

В последние годы одной из активно обсуждаемых в прессе тем, в том числе в отношении Китая, является цифровизация, которая охватила все сферы жизни человека, более того, она стала предметом конкуренции на международной арене. В данной статье мы ставим следующую цель: на основе анализа текстов российских массмедиа, в частности газет и журналов, определить, каким предстает образ цифрового Китая русскоязычным читателям. Для достижения данной цели мы обратились к материалам газет и журналов издательского дома «Коммерсантъ» (далее — Коммерсант): газеты «Коммерсантъ», журнала «Огонек», приложений «Деньги», «Страхование» и т. д., — а также к фонду текстов, размещенных в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ). Используя приемы контекстного и интерпретативного анализа, мы рассмотрели особенности освещения темы цифровизации в Китае российскими журналистами. Нами было обнаружено более 300 статей, в которых Китай упоминался в контексте вопроса цифровизации. В результате были выбраны те характеристики страны, которые позволили увидеть образ «цифрового Китая», созданный российскими журналистами для своих читателей.

2. Основные характеристики китайской цифровизации в российских СМИ

Формирование образа цифрового Китая в российских СМИ происходит на фоне представления как глобальных политических, социальных и экономических

тем, так и вопросов, касающихся внутренней жизни России. В текстах проводится мысль о том, что в России существует запрос на активизацию и укрепление взаимодействий с Китаем в сфере цифровизации: *Мы должны в полной мере воспользоваться такими инсайтами, чтобы построить цифровой мост между Россией и Китаем* («Подписание — это как свадебная церемония, главное — повседневная жизнь» СЕ. О Alibaba Group Дэниел Чжан о глобальной экспансии и новом ритейле) [Коммерсант, 2019, №129, с. 10]. Метафора моста, внедренная в текст посредством слова *мост* в значении ‘то, что соединяет что-л., служит связующим звеном между чем-л.’ [СлРЯ, т. 2, с. 302], подчеркивает важность сотрудничества между двумя странами. В связи с этим, видимо, тема цифровых процессов, осуществляющихся в КНР, довольно широко представлена в СМИ.

Если тематически разделить информацию, посвященную цифровизации в Китае, то можно выделить несколько блоков тем, охватывающих процессы в КНР в масштабе внешних мировых процессов, внутренних отношений государства и граждан к рассматриваемому явлению и воплощения цифровой реальности в разных сферах жизни страны. Далее рассмотрим, какой образ Китая создают журналисты в современной российской прессе, и прежде всего — какие вопросы из этой сферы они поднимают в качестве наиболее значимых.

Цифровизация в Китае в аспекте глобальной политики. Китай рассматривается как мировой лидер в сфере цифровизации: *Желание занять свое место на ИТ-рынке Индии на первый взгляд абсолютно логично. Это все же второй по количеству потенциальных клиентов рынок в мире, вслед за Китаем* [Коммерсантъ, 26.07.2020]; *Даже в частных вопросах: например, сейчас мир переживает настоящий бум китайского туризма, китайского влияния на мировую цифровизацию, сильное китайское влияние на научную сферу, и все это несмотря на то, что пока оно фактически только началось* [Деньги. Приложение № 39 от 25.09.2019, с. 10]; ... к слову, у Китая в топ-500 — 216 компьютеров, у США — 116, у Японии — 29, у Франции — 19, у Великобритании — 18, у Германии — 14 [Огонёк, №32, 17.08.2020, с. 17]; *Каждое уважающее себя государство считает своим долгом сформировать национальную программу в области ИИ* (искусственный интеллект. — Г. Л.). *Бесспорным лидером в этом деле является Китай, на который приходится около 60 процентов мировых инвестиций в исследования и разработки в области ИИ* [Огонёк, №24, 24.06.2019, с. 28].

При этом в ряде публикаций лидерство Китая представляется в сопоставлении или противопоставлении с США по цифровому развитию в разных областях: *По словам Игоря Юргенса, вложения в развитие страховых технологий в Европе в 2018 году составили \$2,2 млрд, а США и Китай — лидеры цифровизации* (Выбор между онлайн и офлайн) [Страхование, № 119 от 09.07.2020, с. 4]; *Господин Безукладников говорит, что мировым лидером в данном направлении являются не столько США и страны Западной Европы, сколько Китай. В крупных городах КНР уже реализованы проекты автоматического управления освещением, видеонаблюдения с распознаванием лиц* (Технологии в эту среду) [Коммерсантъ, 25.09.2019]. Такого рода оценки часто сопровождаются упоминанием конкурентной ситуации

в отношении двух стран: *США явно хотят затормозить рост Китая, а не договариваться, особенно в сфере высоких технологий* [Огонёк, №28, 2020, с. 8]. Для описания отношения США к Китаю используется глагол *тормозить* в переносном значении 'перен. Замедлять, задерживать развитие чего-л., быть помехой, препятствием чему-л.' [СлРЯ, т. 1, с. 585]. Таким образом, если в отношении России и Китая используются метафоры с позитивной оценкой, то в отношении США и Китая, соответственно, с негативной.

Цифровизация в Китае в аспекте внутренней государственной политики. В первую очередь, в российских СМИ отмечается поддержка государством процессов цифровизации в стране, подчеркивается слаженная работа властей разных уровней по внедрению новых технологий во все сферы жизни государства: *Здесь снова можно привести в пример Китай, где вся страна, от федеральных властей до сельских администраций, работает как единая команда с целью скорейшего внедрения на дорогах последних разработок, включая основанные на передаче данных в 5G* [Коммерсантъ, 16.09.2020] (сравнение как единая команда выражает явно одобрительную оценку слаженности действий единомышленников).

Общие усилия власти по развитию цифровизации во всех сферах жизни находят выражение в высоком уровне инвестиций в данную сферу: *Для сравнения, в Бразилии эта цифра (инвестиций) в 2002 году составила \$5,2 млрд, в Китае — \$25 млрд* [Коммерсантъ, № 223, 05.12.2003, с. 17]. Заинтересованность государства проявляется и в поддержке властью бизнеса с целью создания рабочих мест. Так, Дэниел Чжан, генеральный директор Alibaba Group, китайской многонациональной технологической компании, сообщает: *Мы видели огромную поддержку со стороны государства, потому что любое государство, не только в Китае, хочет, чтобы малый бизнес в стране развивался. В рамках нашей экосистемы мы создаем много возможностей для развития. В прошлом году благодаря нашей цифровой платформе мы помогли обеспечить 40 млн рабочих мест* [Коммерсантъ, № 129, 24.07.2019, с. 10].

В СМИ указывается на активное использование разными китайскими организациями, как государственными, так и частными, цифровых технологий: *Во время пандемии не только выросла популярность Zoot и других сервисов для видеоконференций и удаленной работы, но и получили распространение специальные инструменты и технологии. Их развивают самые разные организации от банков до судов, причем особенно активно в Китае и Сингапуре ...* [Коммерсантъ, 13.05.2020].

Таким образом, поддержка процессов цифровизации государством способствует интенсивному развитию страны, что получило воплощение в следующей тематической группе текстов, которая объединяет публикации, посвященные цифровизации различных сфер жизни государства и общества.

Цифровизация в Китае в аспекте развития отдельных сфер общественной жизни страны. В текстах СМИ активно продвигается идея об интенсивном развитии китайских городов: *Эксперты выделяют два основных подхода к цифровизации городов: создание новых «умных» городов с нуля либо внедрение интеллектуальных технологий в уже существующих городах. По словам Влада Вольфсона, наиболее*

яркие примеры городов первого типа можно найти в ОАЭ, Китае, Южной Корее [Business Guide «Цифровое будущее», 23.05.2018, с. 10]. При этом интеллектуальные технологии внедряются в сферы:

— промышленности: Робототехнический центр Сколково сообщает, что в стране продается 600 промышленных роботов в год. Эту цифру назвал глава центра Альберт Ефимов в нынешнем году. Для сравнения: в Китае, по данным International Federation of Robotics (IFR), только за 2014 год было закуплено 57 тыс. таких машин [Информационные технологии, № 94, 31.05.2016, с. 14].

— дорожного строительства: В профессиональном дорожном сообществе многие ожидают, что первая значительная по протяженности умная дорога будет построена именно в Китае, поскольку цифровизация дорожной отрасли там находит поддержку на самом высоком уровне ... [Коммерсантъ, 16.09.2020].

— грузоперевозок: Китайцы тоже наблюдают за цифровизацией пломб. У них есть свои технологии, но здесь нужно будет договариваться со всеми [Коммерсантъ, № 164, 11.09.2019, с. 10];

— автомобильной промышленности: Число электромобилей в Китае быстро приближается к 1 млн. Согласно прогнозам, до конца текущего года в стране будет продано 500 тыс. таких транспортных средств. Сейчас в КНР работает 25 компаний, выпускающих 51 модель электромобилей [Guide «Экология», 25.09.2017, с. 10];

— энергетики: Я часто привожу пример с нашими электрозаправками. МРСК Сибири их начала строить, потому что мы видим, что в Европе эта технология хорошо развита, а в Китае — еще более масштабно [Экономика региона, 29.11.2018, с. 21];

— почтовых отправок: Китайская логистическая сеть Cainiao («дочка» Alibaba) сегодня приближается к своей долгосрочной цели — обеспечить скорость доставки посылок на всей территории Китая в течение 24 часов и в течение 72 часов по остальному миру. Для этого создаются автоматизированные логистические центры, применяются системы предиктивной аналитики на основе AI и Big Data, которые помогают предсказать спрос в период распродаж и обеспечить необходимое складирование и логистику [Коммерсантъ, 06.06.2019] (в последние годы цифровизации почты посвящено много публикаций, в том числе в сопоставительном аспекте с российской ситуацией в этой сфере, например: Таким образом, чтобы достичь уровня Китая (39 посылок), России необходимо увеличить свой показатель в 12 раз [Business Guide, 25.05.2018, с. 3];

— торговли: При этом, замечает господин Чистяков, ситуация в России несколько отличается, например, от той, что сложилась в Китае. «Там и до коронавируса из всего пула интернет-пользователей около 75 % совершали покупки онлайн, поэтому в Китае взрывной рост интернет-торговли не был замечен. В России, как показала практика, дела обстоят по-другому», — резюмирует он [Ъ-Санкт-Петербург-Online от 05.07.2020]; Расходы российских домохозяйств в цифровой сфере составляют, по оценкам аналитиков, 2,6 % ВВП, что примерно вдвое ниже, чем в США и Китае [Business Guide, 25.05.2018, с. 3] (подчеркива-

ется значительный рост покупок китайцев в формате онлайн в сопоставительном аспекте с ситуацией в этой сфере в России). При этом отмечается, что активизация интернет-торговли повлекла за собой некоторые проблемы, например, потерю рабочих мест в сельских магазинах: *Дело в том, что в Китае с расцветом интернет-торговли снизился спрос в сельских торговых точках, что создало угрозу потери рабочих мест. При этом в стране 700 тыс. малых населенных пунктов и в сельской местности проживают около 600 млн человек* [Там же]. В то же время проблема решается путем создания онлайн-платформ, с которыми сельские магазины могут сотрудничать: *Платформа дала фермерам доступ к рынку сбыта и расширила ассортимент доступной для потребителей продукции. В результате в магазинах, сотрудничающих с Ule, продажи значительно выросли. Сегодня Ule объединяет более 330 тыс. магазинов. Цель сервиса в ближайшей перспективе — охватить 1 млн магазинов во всех регионах страны* [Там же] (таким образом, проблемы, возникающие в процессе цифровизации эффективно решаются);

— охраны труда: *Также перспективны разработки в области охраны труда и заботы о персонале. Это системы мониторинга состояния работников на опасных объектах. В частности, носимые устройства могут наблюдать за показателями жизнедеятельности: снимать пульс, давление, следить за дыханием. В Китае, например, в защитные каски встраивают камеры, которые распознают эмоции и следят за состоянием человека* [Стиль Санкт-Петербург, 23.05.2018, с. 6].

— образования: *В Китае популярна платформа 17ziюе, через которую ученики получают домашние задания и комментарии об их выполнении. В целом платформа заточена на персонализацию образования, так как в зависимости от успеваемости позволяет регулировать сложность заданий. Родители же получают отчеты о том, что у ребенка получается, а что — нет* [Коммерсант, 05.06.2019];

— культуры: *А цифровизация всей страны даже помогла. В КНР сейчас выходят 427 неофициальных поэтических журналов-еженедельников. Ежегодно выходят свыше 2000 авторских сборников стихов: поэты Китая издают и распространяют их сами* [НКРЯ];

— экологии: *Сначала и развитые, и крупные развивающиеся державы, например Китай, взялись за стимулирование зеленой энергетики* [Коммерсант, № 219, 24.11.2017, с. 13].

Проникновение процессов цифровизации в разные сферы жизни страны оценивается положительно, поскольку позволяет выдержать эту возросшую конкуренцию тому же Китаю [Коммерсант, № 214, 21.11.2019, с. 1].

3. Отношения Китая и России в сфере цифровизации

Образ Китая, как и любого другого государства, в российских СМИ формируется в том числе в контексте его взаимоотношений с другими странами и регионами мира: США, Европой, странами Азии. Большая часть публикаций, конечно, посвящена связям КНР и России.

Отношения стран в сфере цифровизации рассматриваются в российских СМИ в нескольких плоскостях, и прежде всего в аспекте установления отношений парт-

нерства, в которых страны оказывают друг другу помощь: *Благодаря применению таких цифровых технологий, как 5G, FN5G, III и облако, в Китае, ОАЭ и Южной Корее разработано более 270 отраслевых приложений. Следует отметить высокотехнологичные решения, такие как умный город, умный аэропорт, умное здравоохранение и умный порт, значительно повышающие производительность отраслевых предприятий. Huawei готов представить эти передовые отраслевые решения в России с учетом требований российских компаний* [Коммерсант, 01.10.2020]; *В ноябре член комитета Совета Федерации по обороне и безопасности Ольга Ковитиди заявила, что сотрудничество Китая и России в области ракетного двигателестроения будет взаимовыгодным, поскольку последнюю «интересует микрорадиоэлектроника космического назначения»* [НКРЯ].

Сотрудничество осуществляется как на уровне политических и экономических договоренностей двух государств, так и на уровне отдельных технологических компаний, которые осуществляют взаимодействие, например, в сфере подготовки специалистов: *Наша задача — обучать и развивать технических специалистов компаний-заказчиков, а также наращивать число партнеров в регионах. Сейчас их у Huawei EBG в России более 500; более 800 специалистов получили сертификаты Huawei уровня Professional. Эти люди очень важны для нас, и мы стараемся их развивать и поддерживать. <...> Все это справедливо как для федерального, так и для регионального уровня: в настоящее время Huawei — один из немногих мировых производителей IT-оборудования, который активно идет в российские регионы* [Коммерсант, 26.11.2018].

Партнерские отношения Китая и России заявляются во многих сферах, например: разработки и производства высокотехнологичного оборудования: *Россия и Китай наращивают сотрудничество на рынке высокотехнологичного оборудования и в последние годы значительно увеличили количество совместных проектов в сфере безопасного использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)* [Коммерсант, 23.07.2019]; образования: *Кроме того, мы развиваем сотрудничество с Huawei, и в первую очередь в образовательной сфере* [Там же] (отметим, что название компании Huawei, так же как и Alibaba, часто упоминается в российских СМИ) и др.

В ряде публикаций отмечается, что уровень развития цифровизации в Китае выше, чем в России; можно сказать, что по ряду параметров внедрения технологий в различные сферы жизни Китай является примером, в частности, в сфере почтовых услуг, которые в России только начали переходить на «цифру»: *В России уже сделаны первые шаги в сфере цифровизации индустрии почтовых услуг: работает мобильное приложение, строятся автоматизированные сортировочные центры. Особого внимания заслуживает соглашение с Cainiao, которое должно помочь в реализации потенциала страны как транспортного коридора между Китаем и европейскими потребителями* [Коммерсант, 06.06.2019]; в достижении рентабельности производства: *О китайском проекте «Ситроникса» рассказал вчера президент АФК «Система» Александр Гончарук. По его словам, в Китае под собственным брэндом «Ситроникс» будет выпускать, в частности, спутниковые на-*

вигаторы, приставки для приема цифрового ТВ, оборудование для сотовых сетей стандарта CDMA. Глава «Системы» отметил, что производство в Китае было решено организовать, поскольку производство такой продукции в России нерентабельно [Коммерсант, № 182, 05.10.2007, с. 19]; в цифровизации экономики: Россия в плане цифровизации экономики — на позиции догоняющих. Например, на Китай приходится 60 % мировых майнинг-мощностей [Коммерсантъ FM, 11.08.2017]; в разработке искусственного интеллекта: Планируется, что к 2025 году годовые инвестиции в ИИ (искусственный интеллект. — Г. Л.) в Китае достигнут 60 млрд долларов в фундаментальной части и 745 млрд долларов в смежных отраслях [Огонёк, № 24, 24.06.2019, с. 28]; в подготовке IT-специалистов: «Россия уже сейчас серьезно отстает от лидеров рынка (США, Великобритания и Китай) по количеству IT-специалистов — их вдвое меньше ...», — поясняет эксперт [Цифровая экономика, № 208, 13.11.2019, с. 18] и др.

Таким образом, вопросы взаимоотношений России и Китая в сфере цифровизации освещаются в российских СМИ преимущественно в позитивном ключе; даже в тех случаях, когда говорится о некотором отставании России, только констатируется факт или прослеживается интонация сожаления. Положительные оценки реализуются не только на уровне общего смысла текста, но и на уровне слов и выражений с общим значением сотрудничества, которыми излагается информация, например, *цифровой мост, сотрудничество, партнерство, соглашение, общие подходы, совместный, готов предоставить, предложить, поддержать* и др.; при этом используется и лексика конкуренции: *обогнать, конкурировать, проигрывать, побеждать* и др.

4. Заключение

Воздействующий характер медийного дискурса сегодня трудно переоценить, поэтому для китайского исследователя, желающего составить представление о репрезентации образа его родной страны в иностранных СМИ, важно рассмотреть как тематические, так и языковые аспекты создания данного образа. В настоящей статье по материалам ряда российских изданий мы реконструировали образ «цифрового» Китая, созданный российскими средствами массовой информации. Отметим, что собственно цифровизация оценивается преимущественно позитивно, о чем свидетельствуют, в частности, выражения с прилагательным *умный*, в основе которых лежит олицетворение: *умный город, умная дорога, умное образование, умный порт, умная машина* и др.

Моделирование образа цифрового Китая на основе изученных текстов позволяет заключить, что образ этой страны, созданный российскими журналистами, включает несколько компонентов:

- 1) ориентированность на развитие цифровизации;
- 2) вовлеченность в процесс всех сфера: экономики, образования, культуры, безопасности и др.;
- 3) единство власти и бизнеса в планомерном продвижении и интенсификации процессов цифровизации, в принятии мер поддержки, а именно инвестировании в эту сферу;

4) поддержка населения: люди согласны с политикой, нацеленной на развитие технологий, с пониманием относятся к цифровому контролю, участвуют в деловых и личных интернет-контактах, например, в области торговли, активно совершая покупки с использованием интернет-сервисов;

5) высокая развитость цифровых технологий в стране, следствием чего стали лидирующие позиции Китая в мире в данной сфере.

Изучение вопроса о том, каким изображен Китай в текстах российских СМИ, видится актуальным и перспективным, поскольку, во-первых, ситуация в современном мире постоянно меняется и те оценки, которые были актуальны 5—10 лет назад, могут устареть; во-вторых, внутренней жизни КНР и ее отношениям с другими государствами посвящено много публикаций в российских массмедиа, следовательно, имеется богатый материал для исследования.

Источники и принятые сокращения

1. Коммерсант — *Издательский дом «Коммерсантъ»*. — Режим доступа : <https://www.kommersant.ru/>. (дата обращения 12.08.2020).
2. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>. (дата обращения 10.08.2020).
3. СлРЯ — *Словарь русского языка*: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Сюй. Народ и культура Китая в российской прессе / Ван Сюй // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета имени Н. Г. Чернышевского. Серия : Филология, история, востоковедение — 2012. — № 2. — С. 23—27.
2. Го Лицзюнь. Лексическая репрезентация образа Китая в российском публицистическом дискурсе / Го Лицзюнь // Научный диалог. — 2019. — № 3. — С. 38—53. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-38-53.
3. Кирсанова А. М. Образ Китая в российских специализированных Интернет-СМИ / А. М. Кирсанова // Архонт. — 2019. — № 3 (12). — С. 55—61.
4. Медведева Н. Г. Образ Китая в русской поэтической традиции (Н. Гумилев, О. Седакова, И. Бродский) / Н. Г. Медведева // Вестник Удмурдского университета. История и филология. — 2008. — Вып. 1. — С. 53—72.
5. Осетрова Е. В. Китай в медиакартине мира / Е. В. Осетрова, Чэнь, Кэюй // Сибирский филологический форум. — 2018. — № 3 (3). — С. 20—30.
6. Прокошенкова Л. П. Дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике / Л. П. Прокошенкова, И. Б. Гецкина // Вестник Чувашского университета. — 2006. — № 4. — С. 451—456.
7. Сорокина О. Н. Языковая реализация образа Китая в СМИ США : информационная модель «Экономический рост Китая» / О. Н. Сорокина // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 341. — С. 24—29.
8. Тяньтянь Чжао // Национальный имидж КНР в России на современном этапе / Тяньтянь Чжао // Южно-российский журнал социальных наук. — 2019. — № 2. — С. 60—69.
9. Фу Лин. Имидж Китая в России : формирование образа страны в контексте инициативы «Один пояс и один путь» / Фу Лин, Ма Ися, Ху Фань // Научный диалог. — 2018. — № 6. — С. 198—208. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-198-208.

10. Цзинцзин Цзинь. Историко-символическое представление Китая в русской культуре на материале печатных СМИ / Цзинцзин Цзинь // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2016. — № 181. — С. 45—49.

THE IMAGE OF DIGITAL CHINA IN THE RUSSIAN MEDIA¹

© Guo Lijun (2020), orcid.org/0000-0002-9711-4180, Doctor of Philology, associate professor, Department of Russian Language, Sun Yat-sen University (Guangzhou, China), guolj5@mail.sysu.edu.cn.

The texts published in the Russian mass media on the digitalization processes in China are analysed in the article. The relevance of the study is due to the attention of the Chinese government to the implementation of international cooperation with various countries, including Russia. It is noted that the "Chinese theme" is one of the most relevant in Russian publications. Attention is paid to one of the most popular and dynamically developing areas — digitalization. The author proceeds from the assumption that the media not only reflect news information, but also in a certain way form ideas about a particular object being described. The author notes that significant attention is paid to the development of digitalization in the PRC in Russian newspapers and magazines. It is shown that in the publications of the Russian media, China is represented by one of the world leaders in digitalization, which is supported by the state and its citizens. The contexts, indicating that digitalization is penetrating into different spheres of the country's life: education, industry, trade, etc., are given. The author comes to the conclusion that an exclusively positive image of digital China is being constructed in the Russian media.

Key words: image of China; Russian media; digitalization.

MATERIAL RESOURCES

- Evgenyeva, A. P. (ed.) (1999). *Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols.]. Moskva: Russkiy yazyk; Poligrafresursy. (In Russ.).
- Kommersant — *Izdatelskiy dom «Kommersant»* [Kommersant publishing house]. Available at: <https://www.kommersant.ru/>. (accessed 12.08.2020). (In Russ.).
- NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>. (accessed 10.08.2020). (In Russ.).

REFERENCES

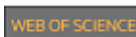
- Fu Ling, Ma Yixia, Hu Fan. (2018). Imidzh Kitaya v Rossii: formirovaniye obraza strany v kontekste initsiativy «Odin po yas i odin put'» [Image of China in Russia: Country Image Forming in Context of "One Belt, One Road" Initiative]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 6: 198—208. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-198-208. (In Russ.).
- Guo Lijun. (2019). Leksicheskaya reprezentatsiya obraza Kitaya v rossiyskom publitsisticheskom disкурсе [Lexical Representation of Image of China in Russian Publicistic Discourse]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 3: 38—53. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-38-53. (In Russ.).
- Kirsanova, A. M. (2019). Obraz Kitaya v rossiyskikh spetsializirovannykh Internet-SMI [The Image of China in the Russian Internet media]. *Arkhnont* [Archon], 3 (12): 55—61. (In Russ.).

¹ The article is an interim result of the project of the Chinese National Social Science Foundation "Discourse analysis of news texts about China in the Russian media (based on the corpus approach)" (Grant No. 16CYY065) and was prepared with the support of the Fundamental Research Foundation of the Research Institute "One Belt One Road" Sun Yat-sen University.

- Medvedeva, N. G. (2008). Obraz Kitaya v russkoy poeticheskoy traditsii (N. Gumilev, O. Sedakova, I. Brodskiy) [The Image of China in the Russian poetic tradition (N. Gumilev, O. Sedakova, I. Brodsky)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. History and Philology], 1: 53—72. (In Russ.).
- Osetrova, E. V., Chen Keyu. (2018). Kitay v mediakartine mira [China in the media picture of the world]. *Sibirskiy filologicheskij forum* [Siberian philological forum], 3 (3): 20—30. (In Russ.).
- Prokoshenkova, L. P., Getskina, I. B. (2006). Diskursivnyy analiz i yego rol' v sovremennoy lingvistike [Discursive analysis and its role in modern linguistics]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 4: 451—456. (In Russ.).
- Sorokina, O. N. (2010). Yazykovaya realizatsiya obraza Kitaya v SMI SShA : informatsionnaya model' «Ekonomicheskij rost Kitaya» [Language implementation of the image of China in the US media : information model “Economic growth of China”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk state University], 341: 24—29. (In Russ.).
- Jin Jingjing. (2016). Istoriko-simvolicheskoye predstavleniye Kitaya v russkoy kulture na materiale pechatnykh SMI [Historical and symbolic representation of China in Russian culture on the material of print media]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* [Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen], 181: 45—49. (In Russ.).
- Zhao Tiantian. (2019). Natsionalnyy imidzh KNR v Rossii na sovremennom etape [National image of the people's Republic of China in Russia at the present stage]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsialnykh nauk* [South Russian journal of social Sciences], 2: 60—69. (In Russ.).
- Wang Xu. (2012). Narod i kultura Kitaya v rossiyskoy presse [People and culture of China in the Russian press]. *Uchenyye zapiski Zabaykalskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta imeni N. G. Chernyshevskogo. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedeniye* [Scientific notes of the TRANS-Baikal state humanitarian and pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky. Series: Philology, history, Oriental studies], 2: 23—27. (In Russ.).

Дубровская Т. В. Государственный язык, языковая ситуация и языковая политика: репрезентации в тексте Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» / Т. В. Дубровская, Е. И. Кожевникова // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 37—48. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-37-48.

Dubrovskaya, T. V., Kozhevnikova, E. I. (2020). State Language, Language Situation and Language Policy in Legislation: Representations in the Russian Federal Law “On the State Language of the Russian Federation”. *Nauchnyi dialog*, 10: 37-48. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-37-48. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:340.130.53+340.113.1
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-37-48

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК, ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ТЕКСТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ГОСУДАРСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»¹

© Дубровская Татьяна Викторовна (2020), orcid.org/0000-0003-0044-6056, SPIN-code 2051-9874, ResearcherID P-5645-2015, Scopus Author ID 55520948200, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры языков массовых коммуникаций, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный университет» (Пенза, Россия); ведущий научный сотрудник кафедры языков массовых коммуникаций, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), gynergy74@gmail.com. © Кожевникова Екатерина Игоревна (2020), orcid.org/0000-0003-4502-632X, аспирант кафедры «Английский язык», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный университет» (Пенза, Россия), преподаватель кафедры «Иностранные языки», филиал федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва» Министерства обороны Российской Федерации (Пенза, Россия), katarina2178@mail.ru.

Рассматривается проблема репрезентации языковой ситуации и языковой политики в законодательном тексте. В рамках социально-конструкционистского подхода к праву авторы утверждают, что юридический текст может выступать объектом лингвистического анализа с целью выявления в нём типичных репрезентаций и лингвистических средств, которые дискурсивно конструируют языки, языковую ситуацию и языковую политику. Предложен краткий обзор современных отечественных и зарубежных исследований, посвященных актуальным вопросам языковой ситуации и языковой политики, приводятся определения основных категорий сферы исследования. В ходе анализа текста Федерального Закона «О государственном языке Российской Федерации» показано, что русский язык конструируется в тексте документа как государственный язык РФ, имеющий несколько ключевых функций. Он одновременно выступает инструментом единения народов, инструментом поддержания культуры и инструментом международного влияния. Отмечено, что русский язык выступает не только как агент и инструмент языковой политики, но и как её пациент, объект отрицательного и положительного воздействия. Упоминание русского языка в контексте с другими языками и идиомами конструирует отношения между языками и идиомами как взаимодополняющие, актуализирующие тему единения, или взаимоисключающие, актуализирующие семантику противопоставления.

Ключевые слова: русский язык; репрезентация; языковая политика; языковая ситуация; законодательный текст; концептуализация.

1 Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс»).

1. Введение

Взаимодействие языка и общества давно утвердилось как объект исследования в рамках разных направлений лингвистики. Социолингвистика, критический дискурс-анализ, политическая и юридическая лингвистика ориентированы не только и не столько на выявление феноменов, характеризующих языковую систему, сколько на определение механизмов, определяющих взаимозависимость между языком и социальными явлениями и структурами. Очевидно, что перечисленные направления составляют функциональную парадигму языкознания, о которой много написано. С учетом того, что «научная парадигма — конструкт, производный от структуры общества» [Дубровская, 2019, с. 77], объяснима потребность лингвистов в изучении социальных реалий: острые общественные вопросы заставляют искать пути и методы их исследования и решения посредством выхода за рамки собственно лингвистики в другие гуманитарные сферы.

Язык — атрибут национального государства, который способствует единению нации; его состояние и сосуществование с другими языками образуют актуальную общественную проблему. Она рассматривается исследователями через категорию языковой ситуации (к ней мы обратимся далее в разделе 2). При изучении языковой ситуации в России, ее субъектах, в других странах мира исследователи вполне закономерно обращаются к содержанию законодательных текстов, регламентирующих использование языков на той или иной административной территории. Юридический текст рассматривается как источник права, однако за рамками исследовательского поля до настоящего момента остается его конструирующий лингвистический потенциал. Понимание права как дискурсивной практики лежит в основе социально-конструкционистского подхода к праву (более подробно он рассмотрен в нашей работе [Дубровская, 2016] и применен к правовым текстам, направленным на конструирование межнациональных отношений [Политический, юридический ..., 2017]). Как элемент дискурсивной практики, юридический текст может выступать объектом лингвистического анализа с целью выявления в нём лингвистических средств, концептуализирующих нормативную языковую ситуацию, то есть языковую ситуацию, представляющуюся законодателю желательной (или идеальной). Именно такой подход осуществляется в настоящем исследовании.

Мы рассматриваем текст Федерального Закона «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 N 53-ФЗ [ФЗ, 2005] в таком ракурсе и ставим цель ответить на вопросы о том, каковы репрезентации статуса русского языка, нормативной языковой ситуации и языковой политики в тексте этого закона и какими языковыми средствами конструируются эти категории.

2. Теоретические основы и направления исследования языковой ситуации и языковой политики

Языковая ситуация представляется одной из устоявшихся категорий социолингвистики. В определении, предложенном В. А. Виноградовым, языковая ситуация трактуется как «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотноше-

нии и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [Виноградов, 1990, с. 616]. Г. В. Степанов даёт следующее определение: «Под языковой ситуацией <...> понимается отношение языка (или его части), характеризующегося данным состоянием, к другим языкам или к другой части того же языка, и проявляющееся в различных формах пространственных и социальных взаимодействий (синтагматический план). Элемент языкового состояния получает свою конкретность другими элементами целостного образования» [Степанов, 1976, с. 31].

Видим, что в понимании языковой ситуации ключевым оказывается указание на взаимосвязь между языками и идиомами, а также на пространственные границы (географические или административные). Помимо этих свойств, исследователи обращают внимание на важность динамического, вариативного аспекта языковой ситуации [Швейцер и др., 1978, с. 86—87; Ромашкевич, 2015] и на существование установок носителей языков о престижности и непрестижности языковых систем, в значительной мере определяющих языковые практики в обществе [Бахтин и др., 2004, с. 63].

Языковые практики в рамках географических или административных единиц подлежат регулированию. В связи с этим категорией, сопряженной с языковой ситуацией, является языковая политика. Классическое словарное определение языковой политики содержит указания на принципиальные составляющие языковой политики: «Языковая политика — совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [Дешериев, 1990, с. 616]. Языковая политика и языковая ситуация взаимосвязаны друг с другом. С одной стороны, языковая ситуация является следствием языковой политики; в свою очередь языковая политика определяется языковой ситуацией.

В монографии, посвященной языковой политике (language policy) и способам её актуализации в разных странах мира, Б. Спольски предлагает выделять три компонента, образующих языковую политику в пределах языкового сообщества (speech community): «... его языковые практики, т. е. привычная схема выбора языкового варианта из имеющегося лингвистического репертуара; его убеждения о языках или идеология, т. е. убеждения о языке и его использовании; любые целенаправленные усилия повлиять или воздействовать на эти практики посредством языкового вмешательства, планирования или управления» [Spolsky, 2004, p. 5] (здесь и далее перевод наш. — *Т. Д., Е. К.*). Интересно, что первые два компонента языковой политики в понимании Б. Спольски по сути совпадают с характеристиками языковой ситуации в понимании российских ученых.

Знакомство, анализ и обобщение научных исследований по теме позволяет нам утверждать, что основные направления изучения языковых ситуаций и языковой политики соотносятся с выделенными компонентами языковой политики. Во-первых, изучаются и осмысливаются языковые практики коллективов разных регионов. К примеру, рассматривается функционирование пиджинов на русско-китайской границе [Григоричев и др., 2017], на территории Серверной Норвегии [Ольнова, 2017]. Изучаются также языковые практики, отраженные в публичных знаках и текстах, которые образуют языковой ландшафт [Павленко, 2017; Yelenevskaya et al., 2017].

Принципы экономической организации капиталистического общества применяются и к языковым практикам. Это убедительно показано в исследованиях о коммодификации языка, то есть приобретении языком свойств товара. А. Дюшен и М. Хеллер утверждают: «Важность языка как показателя аутентичности делает его особенно выдающимся товарным ресурсом» [Duchene et al, p. 49]. В этом направлении написан ряд работ [Cabal-Guarro, 2017; Viimaranta et al, 2017]. Важно, что коммодификация языка может происходить только при условии формирования у населения определенных установок и убеждений о разных языках.

Поскольку целенаправленное воздействие на языковую ситуацию принимает различные формы, работы этого направления охватывают ряд общественных явлений, к примеру, роль образовательных организаций в процессе формирования языковой ситуации [Freeman, 1998; Language ..., 2002]. Р. Д. Фриман [Freeman, 1998] и Дж. Толлефсон [Language ..., 2002] отмечают важную роль образования для языковой ситуации и тот факт, что образовательный процесс выступает в качестве конструктора языковой ситуации.

Что касается целенаправленного воздействия на языковую ситуацию, то одним из его ключевых механизмов является законодательство. В той или иной степени к рассмотрению законодательных инструментов обращаются многие отечественные и зарубежные исследователи языковой политики [Каплунова, 2017; Grenoble, 2003; Ricento, 2000]. Д. Агер при этом разграничивает макроуровень и микроуровень внедрения языковой политики: законодательные акты, касающиеся языковой политики, затем актуализируются посредством «множества частных политических решений, принимаемых в результате учителями в классах, отдельными сотрудниками, которые неверно толкуют инструкции, а также агентами, вовсе не являющимися частью правительственного механизма — составителями словарей, рецензентами книг и редакторами издательств» [Ager, 1996, p. 155].

В данной статье мы рассматриваем языковую политику на макроуровне, то есть на уровне законодательных текстов, определяющих дальнейшие частные решения по её внедрению на практике. Б. Спольски приводит сведения, что около 125 конституций в мире упоминают язык и около 100 конституций называют один или несколько языков официальными или национальными с особыми привилегиями использования [Spolsky, 2004, с. 8]. Российская Федерация не является исключением из правила: Конституция РФ содержит ссылки на государственный язык РФ, государственные языки республик РФ и родные языки [Конституция, 1993]. Кроме того, российское законодательство включает другие документы, непосредственным объектом которых выступают языки: Федеральный Закон «О государственном языке Российской Федерации» [ФЗ, 2005] и Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» [Закон РФ, 1991].

Материалом для настоящей статьи стал только один текст — Федеральный Закон «О государственном языке Российской Федерации» (далее — ФЗ). Выбор его обусловлен тем, что это второй по важности после Конституции РФ законодательный текст, определяющий языковую политику.

3. Репрезентации: содержательные аспекты и языковые средства

Анализ текста ФЗ показал, что можно выделить следующие аспекты репрезентации русского языка в контексте нормативной (то есть желаемой для законодателя) языковой ситуации:

- русский язык выступает инструментом единения народов;
- русский язык выступает инструментом поддержания культуры;
- русский язык является инструментом международного влияния.

Русский язык как инструмент единения народов Российской Федерации дискурсивно конструируется в нескольких пунктах ФЗ. Пункт 1 статьи 1 определяет географическое пространство применения русского языка (*на всей ее территории*), представляя его как единое целое, связанное языковым фактором:

В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык. (ст. 1 п. 1).

Русский язык выступает как фактор единения также в других пунктах статьи 1:

Государственный язык Российской Федерации является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве (ст. 1 п. 4);

Обязательность использования государственного языка Российской Федерации не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов Российской Федерации (ст. 1 п. 7).

Видим, что в пункте 4 языку приписывается активная роль, роль семантического агенса (*язык, способствующий...*). Пункт 4 содержит значительное количество лексических единиц с семантикой единения. Сложные отглагольные существительные *взаимопонимание* и *взаимобогащение* имеют в своем составе морфему *взаимо-* со значением реципрокальности, предполагающей неединичность участников ситуации и повторяемость направленных друг на друга действий [Князев, 2007, с. 319]. В рассматриваемом контексте участниками языковой ситуации выступают коллективные акторы — народы Российской Федерации. Прилагательные с морфемами *меж-* и *много-* (*межнациональных связей, единое многонациональное государство*) также конструируют ситуацию множества акторов языковой ситуации. В свою очередь пункт 7 уточняет состав языков-участников: наряду с государственным языком РФ отмечается существование государственных языков республик и языков народов РФ. Суждение в деонтической модальности, свойственной юридическому дискурсу (*не должна толковаться*), устанавливает рамки для применения государственного языка и гарантирует права на пользование другими языками.

Русский язык как инструмент поддержания культуры конструируется в п. 5 ст. 1 ФЗ:

Защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации способствуют приумножению и взаимобогащению духовной культуры народов Российской Федерации (ст. 1 п. 5).

В данном тексте обратим внимание на два элемента репрезентации. С одной стороны, государственный язык снова представлен как фактор, способствующий объединению разных коллективных акторов — народов РФ, то есть выступает в инструментальной функции. С другой стороны, государственный язык репрезентируется как объект регулирования, менеджмента. В словосочетании *защита и поддержка русского языка* существительное *язык* занимает объектную позицию по отношению к существительным *защита* и *поддержка*. Иными словами, русский язык представлен как феномен, нуждающийся в защите и поддержке. Результаты таких мер языковой политики выражены отглагольным каузативным существительным (*приумножение*) и сложным существительным с семантикой интеграции (*взаимообогащение*). Обе лексемы имеют положительную коннотацию. В совокупности данные языковые средства актуализируют семантику равноправия, сплочённости, развития.

С точки зрения семантики и прагматики ситуация защиты и поддержки предполагает наличие каких-то неблагоприятных факторов негативного воздействия, опасности со стороны других субъектов действий. Однако ни статья 1 «Русский язык как государственный язык Российской Федерации», ни статья 4 «Защита и поддержка государственного языка Российской Федерации» не содержат указаний на источник опасности и отрицательного воздействия на русский язык. Статья 4 определяет только круг акторов, ответственных за реализацию на практике декларируемых принципов языковой политики (*федеральные органы государственной власти*), а также перечисляет действия, актуализирующие принципы защиты и поддержки русского языка:

В целях защиты и поддержки государственного языка Российской Федерации федеральные органы государственной власти в пределах своей компетенции:

1) обеспечивают функционирование государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации. <...> (ст. 4).

В числе других мер имплементации языковой политики в числе прочих обнаруживаем разработку федерального законодательства и нормативных правовых актов, совершенствование системы образования, государственную поддержку издания словарей и грамматик. Используемые глаголы и глагольные словосочетания образуют вместе группу лексических средств с семантикой, лишенной конкретики, но включающей в себя базовый компонент ‘оказывать воздействие’: *обеспечивают функционирование, разрабатывают программы, принимают меры, содействуют, осуществляют* и др.

Результаты языковой политики представлены в пункте 1 статьи 5 в форме перечня прав, которые получает гражданин РФ, включая получение образования на русском языке, получение информации на русском языке в органах власти и через СМИ.

Статья 5 изобилует лексикой государственности и власти (*государственный язык, федеральный, региональный, муниципальные, органы государственной власти, компетенции, граждане, Российская Федерация, региональный, государственные и муниципальные образовательные учреждения*), которая конструирует государственный статус русского языка, усиливая содержание статьи 1.

Языковая ситуация в том виде, как она конструируется в ФЗ, охватывает, помимо русского языка, государственных языков республик РФ и языков народов РФ, иностранную языковую среду. С одной стороны, русский язык вступает в контакты с иностранными языками посредством заимствований на своей территории (то есть на территории РФ). В этом случае законодатель стремится ограничить степень влияния иностранных языков на русский, запрещая использование «слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке» [ФЗ, 2005, ст. 1, п. 6]. Внедрение иностранных слов представляется крайне нежелательным, что грамматически выражено глаголом в пассивном залоге (*не допускается*) и несёт семантику категоричности, а государство конструируется как актор, принимающий меры по сохранению и защите государственного языка. Таким образом, языковую политику в отношении русского языка можно охарактеризовать как протекционистскую.

С другой стороны, русский язык продвигается как инструмент международного влияния за рубежом:

В целях защиты и поддержки государственного языка Российской Федерации федеральные органы государственной власти в пределах своей компетенции: <...>

4) принимают меры по совершенствованию системы образования и системы подготовки специалистов в области русского языка и преподавателей русского языка как иностранного языка, а также осуществляют подготовку научно-педагогических кадров для образовательных организаций с обучением на русском языке за пределами Российской Федерации;

5) содействуют изучению русского языка за пределами Российской Федерации (ст. 4).

Текст, приведённой статьи ФЗ регламентирует языковую политику продвижения русского языка как иностранного в других государствах. Русский язык выступает объектом преподавания, обучения и изучения. Таким образом, текст ФЗ предусматривает и положительно оценивает возможность языковой экспансии русского языка, репрезентация которой в тексте ФЗ имеет положительную коннотацию.

4. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов.

1. Изучение и обобщение современной отечественной и зарубежной литературы показывает, что современные социальные изменения ставят новые вопросы перед социолингвистикой, в том числе касающиеся сосуществования и конкуренции языков в разных языковых сообществах. Расширяется проблематика исследований, в контекст изучения языковой ситуации и языковой политики включаются не только идеологические, но и экономические факторы. Выделение макро- и микроуровней внедрения языковой политики предполагает её исследование прежде всего на уровне законодательных текстов, вербально конструирующих картину желатель-

го настоящего и будущего. В связи с этим законодательные тексты могут выступать объектом лингвистического анализа и дискурс-анализа.

2. Ряд законов российского права направлен на конструирование языковой ситуации и актуализацию языковой политики. ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» репрезентирует русский язык как государственный язык РФ, имеющий несколько ключевых аспектов: он одновременно выступает инструментом единения народов, инструментом поддержания культуры и инструментом международного влияния. Однако русский язык выступает не только как агент и инструмент языковой политики, но и как её пациент, объект негативного воздействия, регулирования, защиты, преподавания и изучения (как со стороны неких неопределенных сил, так и со стороны органов власти).

3. Упоминание русского языка в контексте с другими языками и идиомами концептуализирует языковую ситуацию и конструирует отношения между языками и идиомами как взаимодополняющие, актуализирующие тему единения, или взаимоисключающие, актуализирующие семантику противопоставления.

Дальнейшее изучение законодательных текстов может дать более точное понимание языковых и дискурсивных механизмов, посредством которых языковая политика концептуализируется в юридическом дискурсе.

Источники

1. Закон РФ — *О языках народов Российской Федерации* : Федеральный закон от 25.10.1991 № 1807-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 20.07.2020).

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.07.2020).

3. ФЗ — *О государственном языке Российской Федерации* : Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения: 20.07.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахтин Н. Б. Социоллингвистика и социология языка : учебное пособие / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. — Санкт-Петербург : Гуманитарная академия ; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. — 336 с.

2. Виноградов В. А. Языковая ситуация / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 616—617.

3. Григоричев К. В. Язык «этнических» рынков: базар как пиджин и ситуация границы / К. В. Григоричев, Я. С. Гузев // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2017. — Т. 21, № 3. — С. 530—556.

4. Дешериев Ю. Д. Языковая политика / Ю. Д. Дешериев // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 616.

5. Дубровская Т. В. Научные парадигмы в современной отечественной и зарубежной лингвистике: сущность, динамика, философские основания / Т. В. Дубровская // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 73—87. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-73-87.

6. Дубровская Т. В. Юридический дискурс как предмет социального конструкционизма (конструирование межнациональных отношений) / Т. В. Дубровская // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2016. — № 3. — С. 117—123.
7. Каплунова М. Я. Языковая политика и функциональное развитие языков в КНР : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. Я. Каплунова. — Москва, 2017. — 24 с.
8. Князев Ю. П. Грамматическая семантика : русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. — Москва : Языки славянских культур, 2007. — 704 с.
9. Марусенко М. А. Смена парадигмы языковой политики Российской Федерации : неизбежная необходимость / М. А. Марусенко // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — 2018. — № 1—2. — С. 61—79.
10. Ольнова М. Русский язык в Северной Норвегии: исторические, экономические и культурные связи / М. Ольнова // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2017. — Т. 21, № 3. — С. 587—604.
11. Павленко А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом / А. Павленко // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2017. — Т. 21, № 3. — С. 493—514.
12. Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации : колл. монограф. / Т. В. Дубровская, Е. К. Рева, Е. А. Кожемякин, Я. А. Ярославцева, Д. В. Арехина ; под ред. Т. В. Дубровской. — Москва : Флинта : Наука, 2017. — 248 с.
13. Ромашкевич В. Р. Теоретический плюрализм в истолковании понятия «языковая ситуация» / В. Р. Ромашкевич // Научный диалог. — 2015. — №6 (42). — С. 107—120.
14. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи / Г. В. Степанов. — Москва : Наука, 1976. — 224 с.
15. Швейцер А. Д. Введение в социолингвистику / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. — Москва : Высшая школа, 1978. — 216 с.
16. Ager D. Language Policy in Britain and France : The Processes of Policy / D. Ager. — London ; New York : Cassell, 1996. — 226 p.
17. Cabal-Guarro M. Is Russian De commodifying in Catalonia? / M. Cabal-Guarro // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2017. — Т. 21, № 3. — С. 605—619.
18. Duchene A. Language in late capitalism : pride and profit / A. Duchene, M. Heller (ed.). — New York : Routledge, 2012. — 270 p.
19. Freeman R. D. Bilingual education and social change / R. D. Freeman. — Clevedon : WBC Book Manufactures Ltd, 1998. — 262 p.
20. Grenoble L. A. Language Policy in the Soviet Union / L. A. Grenoble. — New York : Kluwer Academic Publishers, 2003. — 239 p.
21. Language policies in education: critical issues / ed. J. W. Tollefson. — London : Lawrence Erlbaum Associates, 2002. — 350 p.
22. Ricento T. Historical and theoretical perspectives in language policy and planning / T. Ricento // Ideology, Politics and Language Policies. Focus on English. — Amsterdam : John Benjamins, 2000. — p. 9—24.
23. Viimaranta H. Aspects of Commodification of Russian in Finland / H. Viimaranta, E. Prottassova, A. Mustajoki // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2017. — Т. 21, № 3. — С. 620—634.
24. Yelenevskaya M. Linguistic Landscape and What it Tells us about the Integration of the Russian Language into Israeli Economy / M. Yelenevskaya, L. Fialkova // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2017. — Т. 21, № 3. — С. 557—586.

STATE LANGUAGE, LANGUAGE SITUATION AND LANGUAGE POLICY IN LEGISLATION: REPRESENTATIONS IN THE RUSSIAN FEDERAL LAW “ON THE STATE LANGUAGE OF THE RUSSIAN FEDERATION”¹

© **Tatiana V. Dubrovskaya (2020)**, orcid.org/0000-0003-0044-6056, SPIN 2051-9874, ResearcherID P-5645-2015, Scopus Author ID 55520948200, Doctor of Philology, Head of the English Language Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Penza State University” (Penza, Russia); leading researcher at the department of languages of mass communication, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), gynergy74@gmail.com.

© **Ekaterina I. Kozhevnikova (2020)**, PhD student, the English Language Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Penza State University”; lecturer at the Department of Foreign languages, Penza Branch of Federal State Owned «Military Educational Institution of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulyov» of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Penza, Russia), katarina2178@mail.ru.

The article addresses the issue of language situation and language policy through the analysis of legislation. Taking a social constructionist approach to law, the authors claim that a legal text can be explored for the purpose of discovering typical representations and linguistic resources that conceptualise languages, language situation and language policy. The paper offers a concise overview of domestic and foreign scholarship in the field as well as offering definitions for the basic categories used in the research. The analysis of the Russian Federal Law “On the State Language of the Russian Federation” shows that the Russian language is constructed as a state language, which has a few aspects. It is represented as an instrument of national unity, an instrument of maintaining culture, and an instrument of international impact. In terms of semantic roles, the Russian language is represented not only as an agent and instrument, but also as a patient, the object of negative and positive impact. The contexts mentioning the Russian language and other languages and idioms construct the relations between the languages as mutually reinforcing (thus, constructing the semantics of unity) or mutually excluding (thus, constructing the semantics of opposition).

Keywords: Russian language; representation; language policy; language situation; legislation; conceptualization.

MATERIAL RESOURCES

Zakon RF — *O yazykakh narodov Rossiyskoy Federatsii: Federalnyy zakon ot 25.10.1991 № 1807-1* [On the languages of the peoples of the Russian Federation: Federal Law of October 25, 1991 No. 1807-1]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (accessed: 20.07.2020). (In Russ.).

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by a popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during a nationwide vote on 01.07.2020]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. (In Russ.).

FZ — *O gosudarstvennom yazyke Rossiyskoy Federatsii: Federalnyy zakon ot 01.06.2005 № 53-FZ* [On the state language of the Russian Federation: Federal Law dated 01.06.2005 No. 53-FZ]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/. (In Russ.).

REFERENCES

Ager, D. (1996). *Language Policy in Britain and France: The Processes of Policy*. London; New York: Cassell. 226 p.

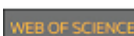
1 The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”).

- Cabal-Guarro, M. (2017). Is Russian Decommodifying in Catalonia? *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [RUDN Bulletin. Series: Linguistics], 21 (3): 605—619.
- Grigoriev, K. V., Guzey, Ya. S. (2017). Yazyk «etnicheskikh» rynkov: bazar kak pidzhin i situatsiya granitsy [The language of “ethnic” markets: the bazaar as a pidgin and the border situation]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [RUDN Bulletin. Series: Linguistics], 21 (3): 530—556. (In Russ.).
- Desheriev, Yu. D. (1990). Yazykovaya politika [Language policy]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. 616. (In Russ.).
- Dubrovskaya, T. V. Reva, E. K., Kozhemyakin, E. A., Yaroslavtseva, Ya. A., Arekhina, D. V. (2017). *Politicheskiy, yuridicheskiy i massmediynnyy diskurs v aspekte konstruirovaniya mezhnatsionalnykh otnosheniy Rossiyskoy Federatsii* [Political, legal and mass media discourse in the aspect of constructing interethnic relations of the Russian Federation]. Moskva: Flinta: Nauka. 248 p. (In Russ.).
- Dubrovskaya, T. V. (2019). Nauchnye paradigmy v sovremennoy otechestvennoy i zarubezhnoy lingvistike: sushchnost', dinamika, filosofskie osnovaniya [Paradigms in Modern Russian and Foreign Linguistics: Nature, Dynamics, and Philosophical Grounds]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 9: 73—87. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-73-87. (In Russ.).
- Dubrovskaya, T. V. (2016). Yuridicheskiy diskurs kak predmet sotsialnogo konstruksionizma (konstruirovaniye mezhnatsionalnykh otnosheniy) [Legal discourse as a subject of social constructionism (construction of interethnic relations)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 3: 117—123. (In Russ.).
- Duchene, A., Heller, M. (eds.). (2012). *Language in late capitalism: pride and profit*. New York: Routledge. 270 p.
- Freeman, R. D. (1998). *Bilingual education and social change*. Clevedon: WBC Book Manufactures Ltd. 262 p.
- Grenoble, L. A. (2003). *Language Policy in the Soviet Union*. New York: Kluwer Academic Publishers. 239 p.
- Kaplunova, M. Ya. (2017). *Yazykovaya politika i funktsionalnoe razvitiye yazykov v KNR: author's abstract of PhD Diss.* [Language policy and functional development of languages in the PRC: author's abstract of PhD Diss.]. Moskva. 24 p. (In Russ.).
- Knyazev, Yu. P. (2007). *Grammaticheskaya semantika: russkiy yazyk v tipologicheskoy perspektive* [Grammatical semantics: Russian in a typological perspective]. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. 704 p. (In Russ.).
- Marusenko, M. A. (2018). Smena paradigmy yazykovoy politiki Rossiyskoy Federatsii: neizbezhnaya neobkhodimost' [Changing the paradigm of the language policy of the Russian Federation: an inevitable necessity]. *Chelovek: Obraz i suschnost'. Gumanitarnyye aspekty* [Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects], 1—2: 61—79. (In Russ.).
- Olnova, M. (2017). Russkiy yazyk v Severnoy Norvegii: istoricheskie, ekonomicheskie i kulturnye svyazi [Russian in Northern Norway: Historical, Economic and Cultural Relations]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [RUDN Bulletin. Series: Linguistics], 21 (3): 587—604. (In Russ.).
- Pavlenko, A. (2017). Yazykovyye landshafty i drugie sotsiolingvisticheskie metody issledovaniya russkogo yazyka za rubezhom [Language landscapes and other sociolinguistic methods of studying the Russian language abroad]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [RUDN Bulletin. Series: Linguistics], 21 (3): 493—514. (In Russ.).

- Ricento, T. (2000). Historical and theoretical perspectives in language policy and planning. In: *Ideology, Politics and Language Policies. Focus on English*. Amsterdam: John Benjamins. 9—24.
- Romashkevich, V. R. (2015). Teoreticheskiy pluralizm v istolkovanii ponyatiya «yazykovaya situatsiya» [Theoretical Pluralism in “Language Situation” Concept Interpretation]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 6 (42): 107—120. (In Russ.).
- Stepanov, G. V. (1976). *Tipologiya yazykovykh sostoyaniy i situatsiy v stranakh romanskoj rechi* [Typology of linguistic states and situations in the countries of the Romance speech]. Moskva: Nauka. 224 p. (In Russ.).
- Shveytser, A. D., Nikolskiy, L. B. (1978). *Vvedenie v sotsiolingvistiku* [Introduction to Sociolinguistics]. Moskva: Vysshaya shkola. 216 p. (In Russ.).
- Tollefson, J. W. (ed.). (2002). *Language policies in education: critical issues*. London: Lawrence Erlbaum Associates. 350 p.
- Vakhtin, N. B., Golovko, E. V. (2004). *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and sociology of language]. Sankt-Peterburg: Gumanitarnaya akademiya; Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 336 p. (In Russ.).
- Viimaranta, H., Protassova, E., Mustajoki, A. (2017). Aspects of Commodification of Russian in Finland. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [RUDN Bulletin. Series: Linguistics], 21 (3): 620—634.
- Vinogradov, V. A. (1990). Yazykovaya situatsiya [Language situation]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. 616—617. (In Russ.).
- Yelenevskaya, M., Fialkova, L. (2017). Linguistic Landscape and What it Tells us about the Integration of the Russian Language into Israeli Economy. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [RUDN Bulletin. Series: Linguistics], 21 (3): 557—586.

Кожемякина В. А. Языковая ситуация и языковая политика в канадской провинции Новый Брансуик / В. А. Кожемякина // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 49–61. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-49-61.

Kozhemyakina, V. A. (2020). Language Situation and Language Policy in the Canadian Province of New Brunswick. *Nauchnyi dialog*, 10: 49-61. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-49-61. (In Russ.).

УДК 811.133.1'272(715)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-49-61

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КАНАДСКОЙ ПРОВИНЦИИ НОВЫЙ БРАНСУИК

© Кожемякина Валентина Алексеевна (2020), orcid.org/0000-0003-0588-985X, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия), kojemiakina@gmail.com.

В статье предлагается анализ социолингвистической ситуации в канадской провинции Новый Брансуик. Рассматривается история заселения данной территории представителями разных языковых культур — французами и англичанами. Представлен обзор демолингвистической ситуации в провинции. Приводятся статистические данные последних переписей населения. Особое внимание уделяется использованию миноритарного французского языка в разных социально-коммуникативных сферах в Новом Брансуике на современном этапе: в учреждениях законодательной и исполнительной власти, в основной сфере функционирования языка — сфере образования, в сферах обслуживания, торговли и СМИ. Автор останавливается на проблеме варьирования академического французского языка в ситуации институционального двуязычия, когда французский язык находится под постоянным влиянием доминирующего английского языка. Актуальность статьи обусловлена вниманием российской и мировой общественности к положению миноритарных языков в многоязычном обществе и проблеме их сохранения. Новизна исследования видится в том, что проводимая языковая политика рассматривается одновременно с анализом существующих законов о языке, поскольку только принятые законы могут позволить членам языкового меньшинства утверждать и защищать свои права.

Ключевые слова: языковая ситуация; языковая политика; языковое законодательство; языковое меньшинство; многоязычное государство; официальный билингвизм; закон о языках.

1. Введение

Статья посвящена социолингвистическому анализу языковой ситуации в Новом Брансуике, который является единственной двуязычной провинцией Канады. Несмотря на то, что Канада признает официальное двуязычие для учреждений федеральной власти во всех провинциях и территориях страны, в провинциях действуют собственные законы о функционировании языков на их территории. Канада состоит из десяти провинций и трех территорий, каждая из которых проводит свою политику. Только провинция Квебек является официально франкоязычной, а провинция Новый Брансуик — официально двуязычной, остальные восемь провинций — англоязычные (де-юре или де-факто), в некоторых из них допускается использование французского языка в отдельных сферах коммуникации.

Социолингвистическая ситуация в канадской провинции Квебек с давних пор была объектом многочисленных исследований, в то время как не менее сложная

языковая ситуация в Новом Брансуике начала привлекать внимание социолингвистов только в последние годы.

2. История колонизации территории Нового Брансуика

Современная языковая ситуация Нового Брансуика непосредственно связана с историей колонизации данной территории, с постоянным противостоянием двух мировых держав в Северной Америке: Франции и Англии.

Новый Брансуик расположен в восточной части страны, на берегу залива Святого Лаврентия, именно сюда приплыла первая французская экспедиция Жака Картье в 1534 году. Эта часть североамериканского континента была названа Акадией флорентийцем Джованни де Верраццано, проследовавшим в 1523 году вдоль побережья от Флориды до Ньюфаундленда. Верраццано был так поражен красотой местной природы и изобилием растительности, что дал открытой им местности идиллическое название древнегреческой Аркадии, но в дальнейшем буква «р» исчезла и остался топоним *Акадия* [Реферовская, 1972, с. 4–6; Коленеко, 2006, с. 14–16]. До периода колонизации эта территория была заселена индейцами, равнины рек занимали абенаки и малеситы, на остальной части территории жили микмаки.

Мягкий климат Акадии (следует отметить, что в предыдущие века климат Северной Америки был мягче, чем в настоящее время) и удобные бухты ее побережья настолько привлекли французов, что они основали здесь в 1605 году первое постоянное поселение, назвав его *Пор-Руаяль* (фр. *Port-Royal*), которое стало опорным пунктом французского флота за океаном. Так было положено начало созданию колонии Акадия.

Вместе с Квебеком и Луизианой Акадия образовывала французскую колонию «Новая Франция»¹. В течение XVII века французы построили здесь несколько факторий и постов рыбной ловли, затем сюда прибыли первые переселенцы. Эта колония расширяла свои границы, и к 1713 году она уже занимала большую территорию, включавшую часть полуострова Гаспе (современный Квебек), часть побережья залива Шалер (фр. *Baie des Chaleurs*), современный Новый Брансуик, современную Новую Шотландию и часть штата Мэн (США). Очень поэтично Франсуа Рене де Шатобриан описал просторы французского Нового Света: «Необозримая равнина от самого Лабрадора почти до Флориды, от берегов Атлантического океана до отдаленнейших озер верхней Канады, некогда принадлежала Франции. Четыре огромные реки несутся с гор и делят все это обширное пространство на несколько частей: то — река Св. Лаврентия, сливающаяся на востоке с заливом того же имени, — Мэкензи, бурно несущаяся в неведомые моря; Бурбон, торопливо пробивающийся с юга на север и впадающий в Гудзонов залив, и наконец Мешасебе², рвущаяся на юг, в Мексиканское море» [Шатобриан, 1891, с. 3]. В это время

1 Топоним Новая Франция также принадлежит Джованни де Верраццано, который так назвал исследуемые им земли североамериканского континента от Ньюфаундленда до английского доминиона Новая Англия.

2 Река Миссисипи. Перевод текста был сделан в 1981 году В. Садиковым [Шатобриан, 1891].

все поселенцы Новой Франции считались французами, подданными французского короля. Но в результате постоянных военных действий, как в Новом Свете, так и в Европе, Франция постепенно теряла свои колонии. Колонисты Новой Франции, особенно акадийцы, прошли через сложные испытания, отмеченные несколькими войнами, решившими судьбу французских владений в Северной Америке, большая часть которых перешла под юрисдикцию Англии [Lacroix, 2016, с. 105—131]. В результате Семилетней войны, которая велась не только в Европе, но в Азии и в Америке, где она и началась с военного столкновения между английскими и французскими поселенцами, та часть Акадии, которая находилась на территории современного Нового Брансуика, перешла во владение Англии по Парижскому договору в 1763 году, завершившему эту войну, прозванную некоторыми квебекскими историками Захватнической (*guerre de Conquête*). Результаты Семилетней войны (1756—1763) изменили границы и равновесие сил не только в Новом Свете, но в Европе, в Азии и в Африке. Эта война явилась заключительным этапом противостояния Англии и Франции в Новом Свете. Великобритания, получив в своё безраздельное владение восточную часть Северной Америки и изгнав оттуда французские власти и частично франкоязычное население, превратилась в ведущую мировую колониальную державу. Акадийцы продолжают выживать как отдельная этническая группа с XVIII века и до наших дней. Они с самого начала отличались от других групп франкофонов, которые селились в долине реки Святого Лаврентия и позднее в Луизиане.

В настоящее время основная часть акадийцев проживает в Новом Брансуике — 85 %, остальные акадийцы остались в Новой Шотландии — 13 % и на острове принца Эдуарда — 2 % [Pérignonnet, 2005, p. 103]. Акадийцы вместе с представителями коренных народов являются этноязыковым меньшинством провинции Новый Брансуик, где англоязычное население составляет большинство.

Стоит сказать несколько слов о коренном населении территории современного Нового Брансуика в период колонизации. Как уже упоминалось, во время существования Новой Франции Акадию населяли микмаки, абенаки и малеситы, их языки относятся к одной языковой группе: алгонкинской. Французские колонисты вели торговлю с этими племенами и привлекали их в своей борьбе с англичанами, используя в качестве переводчиков миссионеров, проживавших в регионе и изучавших индейские языки [AL].

3. Демолингвистическая характеристика провинции Новый Брансуик

В настоящее время провинция Новый Брансуик имеет общие границы с канадскими провинциями Квебек и Новая Шотландия и штатом Мэн (США). По переписи 2016 года, в провинции проживало 736 285 жителей, среди которых насчитывалось 481 685 англофонов и 238 865 франкофонов. Таким образом, англофоны представляли 65,4 % от всего населения, а франкофоны — 32,4 %. [RC2016]. Большинство англоговорящих жителей провинции являются потомками выходцев из Великобритании и сторонников монархии, которые приехали сюда из США после провозглашения независимости в 1776 году [Lacroix, 2016, p. 142]. Остальная часть

англофонов состоит из иммигрантов, знающих английский язык, и представителей коренных народов, заявивших при переписи английский язык родным, поскольку многие автохтоны уже не владеют своими родными языками.

По результатам обследования населения Канады в 2020 году, в настоящее время Новый Брансуик насчитывает 776 827 чел. [TSC, p. 9]. Можно констатировать увеличение населения, которое произошло в основном за счет иммигрантов. Все большая часть иммигрантов выбирает эту провинцию для проживания. Так, если в 2014 году Новый Брансуик принял 2829 новых жителей страны, то в 2019 году — 6000 человек [TSC, p. 13].

По данным переписи страны 2016 года, доля коренного населения невелика: всего 28 160 чел. Из них 17 575 индейцев, 10 200 метисов и 385 инуитов [RC2016]. Статистические данные 2020 года отличаются от данных переписи 2016 года, количество аборигенов увеличилось за последние годы: 35 240 чел., из них — 29 310 индейцев, 4710 метисов, 470 инуитов (и 750 человек дали множественные ответы) [TSC, p. 12]. Наблюдается увеличение численности индейцев и резкое уменьшение количества метисов, которые, видимо, слишком быстро ассимилируются, так как проживают в основном в городах.

По Конституции Канады, признается три группы коренных народов: 1) индейцы, их последнее время принято политкорректно называть *Первыми нациями* или, иногда, по самоназванию отдельных племен и народов; индейцы могут быть статусными (обладающими документами, подтверждающими их происхождение, и поэтому пользующимися большим количеством льгот и прав на различные субсидии и дотации) и нестатусными, которые не имеют подобных документов и поэтому не обладают никакими дополнительными правами и льготами); 2) метисы — потомки от браков европейцев с индейскими женщинами в период первоначального освоения Канады; 3) эскимосы — инуиты, заселяющие побережье и острова Ледовитого океана [LC, p. 63]. Уровень владения родными языками у коренных народов провинции очень низкий, в 2016 году всего 2325 человек владели в определенной степени родным языком [RC2016].

Иммигрантов насчитывалось, по переписи 2016 года, 22 590 чел. В силу незначительной численности иммигрантов и необходимости использовать только официальные языки в рабочей и общественной жизни их родные языки не оказывают влияния на языковую ситуацию в провинции.

Родными языками большей части иммигрантов являлись: арабский (3055 чел.), путунхуа (2330 чел.), немецкий (1785 чел.), корейский (1605 чел.), испанский (1600 чел.), филиппино (1335 чел.), нидерландский (925 чел.), русский (910 чел.), вьетнамский (660 чел.), персидский (605 чел.), румынский (505 чел.), кантонский (455 чел.) и др. [RC2016].

4. Языковая ситуация и языковое законодательство в Новом Брансуике

Как уже отмечалось, Новый Брансуик насчитывает 32,4 % франкофонов. В силу значительного количества франкоговорящих жителей в провинции распространен франко-английский билингвизм, который достигает 15,4 % у англофонов, 72,12 %

у франкофонов и 14,1 % у аллофонов¹ [RC2016]. Неудивительно, что именно франкофоны являются в большей степени двуязычными, поскольку в провинции преобладает англоязычное население, для которого изучение французского языка не является насущной необходимостью. Ученые, исследующие проблемы билингвизма носителей двух официальных языков в Новом Брансуике, отмечают, что на протяжении нескольких десятилетий постоянно увеличивается количество билингвов. Так, если в 1951 году насчитывалось 18,6 % билингвов, то в 2011 году их было уже 33,2 % [Pépin-Filion, 2014, p. 8], а в 2016 году 313 100 жителей провинции, то есть 42,5 %, заявили, что могут поддержать разговор на французском языке; на французском и английском языках могут поддержать разговор 249 955 чел., то есть 33,9 % населения [RC2016]. Если сравнить количество франко-английских билингвов в разных провинциях, то Новый Брансуик занимает второе место после Квебека. В домашней обстановке чаще всего используют французский язык 29,1 % населения. По сравнению с переписью 2001 года в 2016 году уменьшилось число жителей провинции, использующих только французский язык в семейной сфере, на 2,9 %, а вот количество использующих дома французский язык как второй увеличилось на 21,4 % [RC2016].

До середины прошлого века франкоязычному меньшинству удавалось успешнее сохранять свой родной язык и национальную культуру, поскольку они в своем большинстве проживали в сельской местности. Но со второй половины XX века в Новом Брансуике, как и во всей Канаде, начинается миграция франкоговорящих сельских жителей в города, населенные в основном англофонами.

Франкофоны Нового Брансуика проживают не дисперсно. Определяются три центра франкофонии: 1) на северо-западе на границе с франкоязычным Квебеком в районе города Эдмундстона², 2) на северо-востоке на Акадийском полуострове (фр. La Péninsule acadienne) и 3) на юго-востоке в районе города Монктон, который является самым крупным городом провинции. В Монктоне находится самый большой, если не считать университеты Квебека, канадский университет с обучением на французском языке. В 2019 году в университете учились 4400 студентов [UM]. Именно в районе Монктона наряду с функционированием литературного французского языка Франции и акадийского французского языка появился своего рода социолект, носящий название *шиак* (*chiac*), — это смешанный язык на базе французского языка с использованием большого количества англицизмов и американизмов. В какой-то степени шиак схож с жуалем в Квебеке, но если жуаль был распространен среди франкоязычных рабочих низкой квалификации, приехавших из деревни, которые на родной французский язык, которым они владели недостаточно хорошо, насаивали слова и конструкции английского языка, то шиак³, возникший в середине прошлого века, — это социолект франкофонов, живущих

1 Аллофон — житель страны, родной язык которого не является официальным языком данной страны; для Канады это любой язык, кроме английского и французского. Обычно этим словом обозначают иммигрантов, а не представителей коренных народов страны.

2 Город Эдмундстон (Edmundston) был основан франкоакадийцами в 1785 году. Он имел другое название, но в 1850 году был переименован британскими властями в честь губернатора провинции.

3 Первое название шиака появилось во франкоязычной газете L'Évangéline в 1963 году в варианте schiak [Voisin, 2016, p. 103].

в городе, часто хорошо владеющих французским языком, но находящихся в постоянном окружении английского языка. Шиак является своего рода устным кодом франкоакадийцев (особенно молодежи), который выделяет их среди англоязычного окружения. В настоящее время шиак активно используется в литературе, театре, музыкальных произведениях и в сети Интернет [Voisin, 2016, p. 101—119].

История языковых прав всех жителей федеративного государства Канада восходит к статье 133 Конституционного Акта 1867 г.¹ [LC, p. 39—40], который положил начало официальному двуязычию в стране. Конституция Канады не содержит никаких положений, касающихся полномочий правительств провинций по вопросам языковой политики, в ней только подтверждается официальное двуязычие в органах высшей власти страны, а также в государственных учреждениях франкоязычного Квебека.

Но только в 1969 году в Канаде был принят первый закон об официальных языках страны, подтвердивший конституционные языковые права граждан. После принятия Канадской Хартии прав и свобод в 1982 году (*Charte canadienne des droits et libertés*) был изменен Закон об официальных языках и новый Закон о языках был принят в 1988 г. Новый закон повторял содержание предыдущего, но усиливал институциональное двуязычие во всех органах федеральной власти [LLOC].

Канадская Хартия прав и свобод, вошедшая в конституцию, подтвердила языковые права всех граждан, что означало, что канадцы имеют право общаться по выбору на английском или французском языках при обращении в учреждения федеральной власти (Ст. 16 (1)). Французский и английский языки признаны официальными языками Нового Брансуика, где они имеют равный статус при обращении граждан в государственные учреждения (Ст. 16 (2)). Франкоязычное и англоязычное сообщества Нового Брансуика имеют равные права на создание своих учебных и культурных учреждений, необходимых для сохранения и развития своего родного языка и культуры (Ст. 16.1 (1)) [LC, p. 57].

Можно констатировать, что до второй половины XX века в Новом Брансуике не было принято никаких законов о юридическом статусе французского языка. И только после принятия федерального закона об официальных языках в 1969 году, в этом же году был принят закон об официальных языках Нового Брансуика, который явился первой попыткой признать и закрепить языковые права франкоязычного меньшинства провинции. В силу закона об официальных языках Нового Брансуика французский и английский являются языками законодательства и судопроизводства и все граждане имеют право использовать один из языков по своему выбору в Законодательной Ассамблее и во всех органах судебной системы. Все законы и акты провинции издаются на двух языках [LLONB]. В настоящее время в официальной переписке соблюдается билингвизм. Любой офис обязан ответить на письмо или запрос на том языке, на каком они составлены, формуляры всех административных документов разработаны на двух языках. Следует уточнить, что двуязычные услуги предоставляются только государственными учреждениями

1 Конституция Канады представляет собой не один юридический документ в общепринятом понимании этого понятия, а свод конституционных актов и конституционных соглашений, определяющих права граждан страны и принятых в разные годы [LC. p. 69].

провинции, что же касается частных предприятий, то они не обязаны использовать оба официальных языка. Также отмечаются отдельные случаи, когда не только в некоторых больницах или медицинских центрах, но и в некоторых регионах Нового Брансуика франкофоны не могут получить услуги на своем языке [SNB].

Хотя не всегда права франкоканадцев соблюдаются и им часто приходится усиленно бороться за свои языковые права, власти провинции иногда используют существующий билингвизм как приманку для инвестирования капиталов в Новый Брансуик. Так, в стратегическом плане 2012—2016 годов, названном «Построим новый Новый Брансуик», местное правительство указывает, что провинция имеет важное преимущество — «двуязычную рабочую силу» [ONB].

Языковое законодательство в области образования во всех провинциях и территориях Канады определяется статьей 23 Канадской Хартии прав и свобод:

«... граждане Канады:

а) первым выученным и понимаемым языком которых является язык англоязычного или франкоязычного меньшинства провинции, в которой они проживают, и

б) которые получили начальное образование на французском или английском языке в Канаде и которые проживают в провинции, где язык, на котором они получили это образование, является языком франкоязычного или англоязычного меньшинства этой провинции, имеют право, как в первом, так и во втором случае, предоставить своим детям начальное и среднее образование на их родном языке!» [LC, p. 59—60].

В силу Закона об образовании Нового Брансуика «преподавание в школах и классах ведется на базе одного из официальных языков Нового Брансуика и языком обучения в школах и классах школьного района является тот официальный язык, на базе которого данный школьный район организован, но при необходимости совет школьного района, созданного на базе одного из официальных языков, может предусмотреть возможность создания классов или школ с обучением на другом официальном языке для учащихся, говорящих на этом языке» (статья 15) [RLL, p. 121—122]. Вся образовательная система разделена на два подразделения: французская администрация управляет системой обучения на французском языке, а английская соответственно — на английском. Любой франкоканадец провинции независимо от места проживания имеет право получать образование на родном языке. По данным Министерства образования Нового Брансуика в 2020 году, в провинции работает 102 школы с обучением на французском языке и 220 школ — на английском [NBE].

Представляют интерес забавные дебаты о двуязычных школьных автобусах: поскольку школьные автобусы входят в ведение администрации школьной системы, то франкоязычная и англоязычная структуры имеют собственные автобусы. Атлантический институт рыночных исследований (l'Atlantic Institute for Market Studies (AIMS)), находящийся в Галифаксе (Новая Шотландия), предложил организовать одну транспортную компанию, которая будет обслуживать всех учеников без различия языка обучения, что уменьшит траты на транспорт почти в два раза. Это предложение вызвало протест Ассоциации преподавателей на французском языке Нового Брансуика

1 Перевод этой и всех последующих цитат выполнен нами. — В. К.

(l'Association des enseignants francophones du Nouveau-Brunswick), которые считают, что, поскольку французский язык в провинции является миноритарным, разговоры в автобусе детей с разными языками обучения неизбежно будут происходить на английском языке, что ускорит ассимиляцию франкофонов. Несколько лет ведутся споры по этой проблеме, было предпринято обращение в Верховный суд Канады, но до сих пор нет однозначного решения по вопросу, защищает ли 23 Статья Канадской Хартии прав и свобод школьный транспорт для франкоговорящих детей или она касается только прав учащихся в пределах школы [NBE].

Что касается детских садов, то в 2019 году англоязычный сектор имел 505 дошкольных учреждений (18 293 места) и 345 франкоязычных (12 070 мест) [NBE]. Все детские сады являются частными и платными. В детских садах нет разделения по языку обучения, так как начиная с 2014 года законодательно разрешено организовывать и осуществлять дошкольное воспитание на двух официальных языках. Тем не менее ученые настаивают на важности воспитания детей с самого раннего возраста на родном языке, так как это не только дает возможность подготовиться к школьному обучению, но и формирует этническую и культурную самоидентификацию ребенка [Gilbert et al., 2004, p. 156—157].

Общественные вывески и плакаты в Новом Брансуике ориентированы на двуязычные аудитории, также двуязычны все дорожные знаки.

Что касается торговой рекламы и афиш, нужно отметить, что французский язык встречается редко, даже если торговые предприятия могут предоставить клиентам услуги на французском языке. Следует также отметить, что определенная часть англоговорящих жителей выступает против политики двуязычия в провинции, выдвигая тезис о ее бесполезности, так как все франкофоны владеют английским языком [AL].

Многочисленные средства массовой коммуникации (радио, телевидение, печатные газеты и журналы, а также интернет-издания) используют оба официальных языка для привлечения всех групп и слоев населения.

Добившись больших успехов во второй половине прошлого века и в начале этого века, франкофоны единственной двуязычной провинции продолжают свою борьбу за полное равноправие официальных языков в Новом Брансуике.

5. Особенности функционирования акадийского варианта французского языка в Новом Брансуике

В Северной Америке различают три варианта французского языка, каждый из которых имеет свои отличительные черты. Особенности американских вариантов французского языка привлекали ученых с XIX века, но изучать их систематически лингвисты начали с 1940-х годов [Poitier, 1994, p. 71]. Все три варианта французского языка Северной Америки отличаются друг от друга: акадийский, квебекский и луизианский [Poitier, 1994, p. 69]. Эти отличия объясняются не только различием диалектов тех местностей Франции, откуда приехали переселенцы¹, но особенным путем раз-

1 В Акадии проживали в основном переселенцы из западных провинций, в то время как в Квебеке — из Иль-де-Франса и Нормандии. В Луизиане проживают потомки депортированных туда акадийцев, которые еще частично используют каджунский вариант французского языка, но в основном они говорят на английском языке.

вития этих вариантов французского языка, на которые влияли различные факторы: политические, исторические и социальные, а также контакты с другими языками.

Акадийский язык в отличие квебекского не столь тщательно изучен. Акадийский французский язык значительно отличается от всех других американских вариантов французского языка Канады не только региональными фонетическими особенностями, но и особенными вокабулами, а также своеобразными синтаксическими конструкциями.

Первые поселенцы Акадии прибыли сюда в основном из западных французских областей Пуату, Сентонж и Онис. Успешное занятие земледелием и выращивание скота позволило акадийцам не страдать от голода [La francophonie ..., 2012, p. 11—12], а изобилие продуктов питания сказалось на росте населения Акадии и высоком уровне рождаемости: если в 1671 году они насчитывали примерно 400 человек, то в 1730 году их было уже 1400 человек, а в 1755 году — около 15 000 человек [Lacroix, 2016, p. 77—78]. Многочисленность населения колонии позволяла сохранять и поддерживать знание того языка западной Франции XVII века, которым они владели и который не подвергался тем изменениям, которые происходили с ним во Франции.

Даже в XX веке, находясь в изоляции, свойственной сельской местности, акадийцам удавалось сохранять родной язык, изобиловавший диалектизмами прошлых веков. При переезде в города со второй половины XX века они попали в окружение англофонов и английского языка, что ускорило процесс языковой ассимиляции акадийцев. Следует также упомянуть о растущем влиянии литературного языка Франции, которое может нивелировать отличия акадийского языка от его европейского стандарта и других североамериканских вариантов.

Не предоставляя описания особенностей акадийского языка, которое не входит в задачи социолингвистического исследования, можно только отметить основные тенденции дальнейшего развития этого языка.

Акадийский язык, как и любой другой, находится в процессе развития. Лингвисты отмечают три основные направления изменения его словарного запаса: во-первых, доминирующая тенденция к стандартному французскому языку, во-вторых, замена акадийских слов англицизмами, в-третьих, заимствование слов из других вариантов французского языка Северной Америки [Péronnet, 1994, p. 54].

Следует отметить, что англицизация и стремление к литературному нормированному языку характеризуют акадийский язык на всех уровнях. Некоторые лингвисты предупреждают об опасности стремления к стандартизации: «Чтобы не оттолкнуть франкофонов, которые в своей французской речи далеки от стандарта, необходимо признать разнообразие языковых средств акадийского языка. Если не принимать это во внимание — значит поддержать англицизацию» [Boudreau et al., 1998, p. 61].

В конце прошлого и начале нынешнего века лингвисты стали изучать феномен шиака, так, М.-Е. Перро, проведя подобное изыскание, пришла к выводу, что шиак воспринимается теми, кто на нем говорит, как разновидность французского языка, передающая акадийскую идентичность. Шиак противостоит одновременно английскому как доминирующему языку и литературному французскому языку как

доминирующему варианту. Перро считает, что укрепление шиака и процесс стандартизации не являются взаимоисключающими тенденциями, поскольку в общественном пространстве существует особая динамика, которая способствует расширению разнообразия языкового репертуара, создавая, таким образом, благоприятные условия для сохранения и возрождения языка [Perrot, 2006, p. 151].

Каким бы путем ни пошло дальнейшее развитие акадийского языка и его производного — шиака, несомненно то, что они всегда будут служить акадийцам основным маркером их этнической идентичности.

6. Выводы

Новый Брансуик — это провинция федеративного государства с официально признанным билингвизмом. Благодаря своим усилиям франкоязычное меньшинство провинции добилось определенного признания своих языковых прав. Тем не менее можно определить ситуацию французского языка здесь как кризисную. Конфликт между акадийцами и англоязычным большинством отражается на всех уровнях жизни общества. Несмотря на значительные успехи в законодательной сфере (принятие законов, защищающих употребление французского языка) и сфере образования (создание автономной системы обучения на французском языке), в повседневной жизни франкофоны все время вынуждены пользоваться английским языком, особенно в городах, будучи окруженными англоязычным большинством. Происходит постоянная ассимиляция в силу неравенства противоборствующих сил.

Ситуация языковых контактов обычно рассматривается как билингвизм или диглоссия. Если в прошлом ситуацию франкофонов в Новом Брансуике можно определить как диглоссию, когда функционирование французского языка было лимитировано, но было стабильным в семейной сфере, в дружеском общении и в сельской местности, далекой от городов с их средствами массовой информации, то в настоящее время можно определить эту ситуацию как билингвизм, при котором нет уже ни одной сферы жизни франкоязычного общества, куда бы ни проникал английский язык. С другой стороны, акадийский язык подвергается изменениям со стороны нормированного французского языка, поскольку увеличивается распространение литературного французского языка, что тоже негативно сказывается на стабильности системы особенностей акадийского языка. Язык языкового меньшинства в любом обществе находится в очень уязвимой ситуации, и необходимы усилия всех членов сообщества для сохранения и развития родного языка и своей языковой культуры.

Источники и принятые сокращения

1. AL — *Aménagement linguistique dans le monde* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.axl.cefal.ulaval.ca>. (accessed 21.04.2020).
2. LC — *Lois constitutionnelles de 1867 à 1982*. Ministère de Justice Canada. — Ottawa : Éditions et Services de dépôt. Travaux publics et Services gouvernementaux. Canada, 2012. — 85 p.
3. LLOC — *Loi sur les langues officielles du Canada*. Ch. 38, sanctionné le 28 juillet 1988 [Electronic resource]. — Access mode : <https://laws-lois.justice.gc.ca/fra/lois/o-3.01/textecomplet.html> (accessed 03.06.2020).

4. LLONB — *Loi sur les langues officielles du Nouveau-Brunswick*. [Electronic resource] — Access mode: <http://www.axl.cefano.ulaval.ca/amnord/nbrunswickloi-2002.htm>. (accessed 27.02.2020).
5. NBE — *Nouveau Brunswick*. Education. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www2.gnb.ca/content/gnb/fr/ministeres/education.html>. (accessed 23.06.2020).
6. ONB — *OpportunitésNB* [Electronic resource]. — Access mode : <https://onbcanada.ca/fr/daccueil/> (accessed 13.03.2020).
7. RC2016 — *Recensement de la population du Canada de 2016* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/dp-pd/index-fra.cfm>. (accessed 20.06.2020).
8. RLL — *Recueil des législations linguistiques dans le monde*. T. 1. Le Canada fédéral et les provinces canadiennes / ed. J. Leclerc. — Québec : Centre International de recherche en aménagement linguistique, 1994. — 300 p.
9. SNB — *Service Nouveau-Brunswick* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www2.snb.ca/content/snb/fr.html>. (accessed 14.05.2020).
10. TSC — *Tableau statistique canadien* [Electronic resource] / Gouvernement du Québec ; Institut de la statistique du Québec. — juillet 2020. — Vol. 18, № 2. — 106 p. — Access mode : <http://www.stat.gouv.qc.ca/statistiques/economie/comparaisonseconomiques/interprovinciales/tableau-statistique-canadien.html>. (accessed 19.08.2020).
11. UM — *Université de Moncton*. Rapport à la communauté 2018—2019. La valeur du savoir. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.umoncton.ca/rapport/2018-2019#rapportnode28>. (accessed 17.01.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Коленеко В. А. Французская Канада в прошлом и настоящем. Очерки истории Квебека XVII — XX века / В. А. Коленеко. — Москва : Наука, 2006. — 314 с.
2. Реферовская Е. А. Французский язык в Канаде / Е. А. Реферовская. — Ленинград : Наука, 1972. — 215 с.
3. *Шатобрианъ Ф.-О.* Атала / Ф.-О. Шатобрианъ ; пер. В. Садикова. — Санкт-Петербург : Семейная библиотека ; Муллеръ и Богельманъ, 1891. — 78 с.
4. Boudreau A. La situation sociolinguistique des francophones minoritaires en Acadie / A. Boudreau, F. Gadet // *Francophonies : Recueil d'études offert en hommage à Suzanne Lafage*. — Paris : Didier Érudition, 1998. — P. 55—61.
5. Gilbert A. Vers l'institutionnalisation des services à la petite enfance francophone: entre judiciarisation et compromis politique / A. Gilbert, J. Y. Thériault // *Revue de l'Université de Moncton*. — 2004. — № 35 (2). — P. 155—172.
6. Lacroix J.-M. Histoire du Canada / J.-M. Lacroix. — Paris : Tallandier, 2016. — 475 p.
7. *La francophonie nord-américaine* / Sous la dir. Y. Frenette, É. Rivard, M. St-Hilaire. — Québec : Presses de l'Université Laval, 2012. — 310 p.
8. Pépin-Filion D. Evolution du bilinguisme au Nouveau-Brunswick. Rapport pour le Commissariat aux langues officielles du Nouveau-Brunswick / D. Pépin-Filion. — Moncton : Institut canadien de recherche sur les minorités linguistiques, 2014. — 32 p.
9. Péronnet L. Le changement linguistique en Acadie : étude lexicale / L. Péronnet // *Francophonies d'Amérique*. — 1994. — № 4. — P. 45—55.
10. Péronnet L. La situation du français en Acadie: de la survivance à la lutte ouverte / L. Péronnet // *La gouvernance linguistique : le Canada en perspective*. — Ottawa : Les Presses de l'Université d'Ottawa, 2005. — P. 101—116.
11. Perrot M.-E. Statut et fonction symbolique du chiac: analyse de discours épilinguistiques / M.-E. Perrot // *Francophonies d'Amérique*. — 2006. — № 22. — P. 141—152.

12. Poirier Cl. Les causes de la variation géolinguistique du français en Amérique du Nord. L'éclairage de l'approche comparative / Cl. Poirier // *Langue, espace, société. Les variétés du français en Amérique du Nord*. Collection: Culture française d'Amérique. — Québec : Les Presses de l'Université Laval, 1994. — P. 69—95.

13. Voisin C. Attitudes des francophones du Nouveau-Brunswick à l'égard du chiac / C. Voisin // *Travaux neuchâtelois de linguistique*. — 2016. — № 64. — P. 101—119.

LANGUAGE SITUATION AND LANGUAGE POLICY IN THE CANADIAN PROVINCE OF NEW BRUNSWICK

© **Valentina A. Kozhemyakina (2020)**, orcid.org/0000-0003-0588-985X, PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher, Research Center for National and Linguistic Relations, Federal State Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences s (Moscow, Russia), kojemiakina@gmail.com.

The analysis of sociolinguistic situation in the Canadian province of New Brunswick is offered in the article. The history of the settlement of this territory by representatives of different linguistic cultures — the French and the British — is considered. An overview of the demo linguistic situation in the province is given. The statistical data of the latest population censuses are presented. Particular attention is paid to the use of the minority French language in various social and communicative spheres in New Brunswick at the present stage: in the legislative and executive branches, in the main sphere of the language functioning — in the sphere of education, in the spheres of services, trade and the media. The author dwells on the problem of variation of the Acadian French language in a situation of institutional bilingualism, when the French language is constantly under the influence of the dominant English language. The relevance of the article is due to the attention of the Russian and world community to the position of minority languages in a multilingual society and the problem of their preservation. The novelty of the research is seen in the fact that the ongoing language policy is considered simultaneously with the analysis of existing laws on language, since only adopted laws can allow members of the linguistic minority to assert and defend their rights.

Key words: language situation; language policy; language legislation; linguistic minority; multilingual state; official bilingualism; the law on languages.

MATERIAL RESOURCES

AL — *Aménagement linguistique dans le monde*. Available at: <http://www.axl.cefcan.ulaval.ca/> (accessed 21.04.2020). (In French).

LC — *Lois constitutionnelles de 1867 à 1982*. Ministère de Justice Canada. (2012). Ottawa : Éditions et Services de dépôt. Travaux publics et Services gouvernementaux. Canada. 85 p. (In French).

LLOC — *Loi sur les langues officielles du Canada*. Ch. 38, sanctionné le 28 juillet. (1988). Available at: <https://laws-lois.justice.gc.ca/fra/lois/o-3.01/textecomplet.html>. (accessed 03.06.2020). (In French).

LLONB — *Loi sur les langues officielles du Nouveau-Brunswick*. Available at: <http://www.axl.cefcan.ulaval.ca/amnord/nbrunswickloi-2002.htm>. (accessed 27.02.2020). (In French).

NBE — *Nouveau Brunswick*. Education. Available at: <https://www2.gnb.ca/content/gnb/fr/ministeres/education.html>. (accessed 23.06.2020).

ONB — *OpportunitésNB*. Available at: <https://onbcanada.ca/fr/daccueil/>. (accessed 13.03.2020). (In French).

RC2016 — *Recensement de la population du Canada de 2016*. (2016). Available at: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/dp-pd/index-fra.cfm>. (accessed 20.06.2020). (In French).

- RLL — Leclerc, J. (ed.). *Recueil des législations linguistiques dans le monde. Le Canada fédéral et les provinces canadiennes*. (1994). Québec: Centre International de recherche en aménagement linguistique. 1. 300 p. (In French).
- SNB — *Service Nouveau-Brunswick*. Available at: <https://www2.snb.ca/content/snb/fr.html>. (accessed 14.05.2020). (In French).
- TSC — *Tableau statistique canadien*. (2020). Gouvernement du Québec; Institut de la statistique du Québec. 18 (2). 106 p. Available at: <http://www.stat.gouv.qc.ca/statistiques/economie/comparaisonseconomiques/interprovinciales/tableau-statistique-canadien.html>. (accessed 19.08.2020). (In French).
- UM — *Université de Moncton. Rapport à la communauté 2018—2019. La valeur du savoir*. Available at: <https://www.umoncton.ca/rapport/2018-2019#rapportnode28>. (accessed 17.01.2020). (In French).

REFERENCES

- Boudreau, A., Gadet, F. (1998). La situation sociolinguistique des francophones minoritaires en Acadie. In: *Francophonies: Recueil d'études offert en hommage à Suzanne Lafage*. Paris: Didier Érudition. 55—61. (In French).
- Frenette, Y., Rivard, É., St-Hilaire, M. (eds.). (2012). *La francophonie nord-américaine*. Québec: Presses de l'Université Laval. 310 p. (In French).
- Gilbert, A., Thériault, J. Y. (2004). Vers l'institutionnalisation des services à la petite enfance francophone: entre judiciarisation et compromis politique. *Revue de l'Université de Moncton*, 35 (2) : 155—172. (In French).
- Koleneko, V. A. (2006). *Frantsuzskaya Kanada v proshlom i nastoyashchem. Ocherki istorii Kvebek XVII—XX veka* [French Canada, past and present. Essays on the history of Quebec in the 17th — 20th centuries]. Moskva: Nauka. 314 p. (In Russ.).
- Lacroix, J.-M. (2016). *Histoire du Canada*. Paris: Tallandier. 475 p. (In French).
- Pépin-Filion, D. (2014). *Evolution du bilinguisme au Nouveau-Brunswick. Rapport pour le Commissariat aux langues officielles du Nouveau-Brunswick*. Moncton: Institut canadien de recherche sur les minorités linguistiques. 32 p. (In French).
- Péronnet, L. (1994). Le changement linguistique en Acadie: étude lexicale. *Francophonies d'Amérique*, 4: 45—55. (In French).
- Péronnet, L. (2005). La situation du français en Acadie: de la survivance à la lutte ouverte. In: *La gouvernance linguistique: le Canada en perspective*. Ottawa: Les Presses de l'Université d'Ottawa. 101—116. (In French).
- Perrot, M.-E. (2006). Statut et fonction symbolique du chiac: analyse de discours épilinguistiques. *Francophonies d'Amérique*, 22: 141—152. (In French).
- Poirier, Cl. (1994). Les causes de la variation géolinguistique du français en Amérique du Nord. L'éclairage de l'approche comparative. In: *Langue, espace, société. Les variétés du français en Amérique du Nord. Collection: Culture française d'Amérique*. Québec: Les Presses de l'Université Laval. 69—95. (In French).
- Referovskaya, E. A. (1972). *Frantsuzskiy yazyk v Kanade* [French in Canada]. Leningrad: Nauka. 215 p. (In Russ.).
- Shatobrian, F.-O. (1891). *Atala*. Sankt-Peterburg: Semeynaya biblioteka; Muller i Bogelman. 78 p. (In Russ.).
- Voisin, C. (2016). Attitudes des francophones du Nouveau-Brunswick à l'égard du chiac. *Travaux neuchâtelois de linguistique*, 64: 101—119. (In French).

Кюршунова И. А. Карельское Поморье в лингвистическом контексте / И. А. Кюршунова, Е. Р. Гусева // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 62—95. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-62-95.

Kurshunova, I. A., Guseva, E. R. (2020). Karelian Seaside in a Linguistic Context. *Nauchnyi dialog*, 10: 62-95. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-62-95. (In Russ.).

УДК 811.161.1'28(470.22)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-62-95

КАРЕЛЬСКОЕ ПОМОРЬЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

© Кюршунова Ирина Алексеевна (2020), orcid.org/0000-0002-7232-8756, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Институт филологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет»; ведущий научный сотрудник сектора языкознания, Институт языка, литературы, истории — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Россия), kiam24@mail.ru.

© Гусева Елена Рафхатовна (2020), orcid.org/0000-0002-9896-6019, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, Институт филологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет» (Петрозаводск, Россия), rafhatovna@mail.ru.

Анализируется современное состояние изучения русских говоров Карельского Поморья. Определяется территория изучаемого региона, которая совпадает с границами диалектного членения русского языка 1915 года. Показана неоправданность исключения Карельского Поморья из диалектного членения 1965 года, что явилось косвенной причиной отсутствия должного исследовательского внимания к данному региону. Представлен обзор лингвистических работ, посвящённых изучению говоров Карельского Поморья с позиций различных языковых уровней (фонетического, грамматического, лексического). Выполнен обзор словарей, включающих лексику русских говоров Карельского Поморья. Определены перспективы и задачи дальнейшего исследования этой проблематики. В частности, будущие изыскания связываются с сопоставительной работой, нацеленной на установление динамики языковых явлений каждого уровня, включая лексический, наиболее стабильный в основном своём ядре, что обусловлено прежде всего экстралингвистическими причинами. Особое внимание обращено на использование цифровых технологий при создании текстовой базы данных, апробированной на материалах Карельского Поморья. Отмечается, что электронный ресурс в силу его обновляемости позволит при получении новых данных оперативно вводить их в научный оборот, что обеспечит корректность и глубину результатов разноаспектных исследований как лингвистического, так и более широкого гуманитарного плана, проводимых на данном материале.

Ключевые слова: русская диалектология; Карельское Поморье; севернорусские говоры; библиография; Лаборатория лингвистического краеведения и языковой экологии.

1. Введение

Точкой отсчёта планомерного изучения Карельского Поморья гуманитарным сообществом следует считать вторую половину — конец XIX столетия, когда началась, а затем активно продолжалась работа по фиксации народной речи, записи диалектных слов, сбору этнографических, исторических материалов в различных периферийных зонах России. Это был общероссийский процесс, результатом кото-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810.

рого, как известно, стало появление лексикографических трудов М. Н. Макарова, В. И. Даля, А. А. Шахматова, А. И. Подвысоцкого, Г. И. Куликовского, а также В. Г. Богораза, П. А. Дилакторского, М. К. Герасимова, Н. М. Васнецова, В. Н. Добровольского, В. Ф. Соловьёва и других деятелей науки и культуры прошлого. Регион Белого моря как один из регионов Русского Севера также не был обойдён вниманием. Однако интерес учёных (прежде всего географов, историков, краеведов, этнографов) распространялся преимущественно на восточную (архангельскую) и северную (терскую или мурманскую) части этой территории (см. в списке литературы работы С. Григорьева, И. П. Золотицкого, Н. А. Лейкина, Е. Львова, А. Г. Слезкинского, П. И. Челищева, А. Я. Шульца, А. П. Энгельгардта и др.). Из районов Карельского Поморья в эти описания эпизодически попадают Кемь, Сорока, единично Сумский Посад и Нюхча. Среди исследований, выполненных в лингвистическом ключе, можно назвать лишь словарь А. И. Подвысоцкого, в котором обнаруживаются языковые единицы с географическими пометами, отсылающими к территории Карельского Поморья: с ним соотносится Кемский регион, а также вводится не очень понятный широкий географический маркер «*Помор.*» (= Поморское), поскольку не ясно, какая часть Поморья (восточная / западная / северная или все три) подверглась (подверглись) лексикографированию.

Вышесказанное в равной степени относится и к современным изысканиям, затрагивающим различные вопросы, который ставят перед собой гуманитарные отрасли науки при осмыслении феномена Карельского Поморья. Лингвистическую составляющую перекрывают в количественном отношении изыскания, выполненные историками, географами, социологами, текстологами, экономистами, этнографами, фольклористами (см. в списке литературы работы К. М. Агамирзоева, Н. Ю. Бубнова, Л. Б. Вампиловой, А. Ю. Жукова, В. П. Орфинского, С. А. Капитоновой, Ю. И. Ковыршиной, А. Конкка, В. П. Кузнецовой и В. Б. Бовина, Н. А. Криничной, П. Б. Лёгкой, С. М. Лойтер, И. П. Лупановой и Т. И. Сенькиной, А. С. Лызловой, Е. В. Марковской, А. В. Пигина, Е. Б. Резниченко, Е. Д. Сусловой, Н. Г. Урванцевой, И. А. Черняковой и мн. др.).

Именно поэтому в статье внимание сосредоточивается на одном из аспектов — лингвистическом. Обращение к этой теме обусловлено также целенаправленной работой в составе научного коллектива, выполняющего исследования по проекту, поддержанному РФФИ: «Карельское Поморье: лексика и ономастика (XVI— XXI вв.)» (рук. 2018 г. — Л. П. Михайлова, 2019 и 2020 гг. — Е. Р. Гусева). Одна из важных задач, стоящих перед диалектологами, — составление обзора имеющихся в арсенале лингвистов работ, посвящённых диалектным особенностям, зафиксированным в Карельском Поморье, с тем чтобы подготовить краткосрочные и долгосрочные программы научных изысканий в указанном регионе и после окончания проекта.

Как оказалось, в лингвистических исследованиях Карельского Поморья достаточно много лакун. В частности, это заметно на фоне работ коллег, проводящих анализ архангельских и терских говоров (см. обзор в статье [Березович и др., 2019]). Нельзя не отметить, что и в осмыслении языковых особенностей, характерных для речи жителей этой зоны, тоже немало белых пятен, и всё же Архангельское Поморье

изучено значительно лучше¹. Неравномерность внимания к Карельскому Поморью и смежным зонам заметна и при сравнении материалов, представленных в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей». В качестве примера приведём предварительные подсчёты географических помет в словаре (см. табл.).

Таблица

Сопоставительные данные по фиксации географических помет
в «Словаре русских говоров и сопредельных областей»

		1 т.	2 т.	3 т.	4 т.	5 т.	6 т.
Карельское Поморье	Белом.	388	441	453	522	281	661
	Кем.	562	220	421	630	427	722
	Лоух.	64	59	62	81	38	110
Прочие районы	Кондоп.	684	744	592	66	554	865
	Медв.	2804	2393	2291	2540	3044	3547
	Прион.	652	651	588	460	504	846
	Пуд.	1871	1660	1519	1702	1368	2122
	Сег.	113	121	92	90	115	140

Даже учитывая определённую погрешность количественных показателей, видим, что районы Карельского Беломорья (Беломорский, Кемский, Лоухский), где фиксируется русская диалектная речь, в сравнении с Пудожьем, Заонежьем, Прионежьем изучены недостаточно.

Проявление «аномалии» можно связать не только с отдалённостью и сложным транспортным сообщением, но и с невключением этого региона в пределы диалектного членения.

Как известно, по данным карты диалектного членения 1965 года, граница распространения северного наречия проведена по середине Онежского озера и карта лишь частично покрывает Карелию (рис. 1).

Рис. 1. Фрагмент карты диалектного членения 1965 года [Захарова, 1970]

1 Заметим, что в поисковой системе eLIBRARY запрос «Архангельское Поморье» дал более чем в два с половиной больше публикаций, чем на «Карельское Поморье». А известная «Поморская энциклопедия» (в 5 т.) включает материалы, связанные только с Архангельским Поморьем и содержит преимущественно исторические, географические, этнографические сведения.

Северные территории, к которым относится Карельское Поморье, на этой карте отсутствуют, что обусловлено, по мнению исследователей, представлением только территорий «исконного поселения восточных славян, где первоначально сформировались русские диалекты и русский национальный язык» [Касаткин, 1987, с. 197].

Карта 1915 года отражала всю территорию бытования «русского языка в Европе, включая территории позднего заселения, где русское население перемежалось с иноязычным, и территории на севере, где русские селились главным образом вдоль рек, не занимая сплошь всей территории» [Там же, с. 196]. Именно на карте 1915 года обозначена территория Карельского Поморья, которая находится в фокусе нашего внимания. Это узкая полоса вдоль западного берега Белого моря, протянувшаяся до Кольского полуострова (рис. 2). Язык этой части охарактеризован диалектологами как Поморская группа севернорусских говоров.

Рис. 2. Фрагмент карты диалектного членения 1915 года

Вероятно, особенностями диалектного членения можно объяснить элиминирование поморской части территории Карелии из пределов интереса специалистов при разработке регионального атласа русских народных говоров Карелии, речь о создании которого активно велась в 70-е годы XX века, и в качестве районов обследования заявлены только Медвежьегорский, Вытегорский, Прионежский и Кондопожский районы [Алекина, 1975, с. 59—66].

Вместе с тем В. В. Колесов, учитывая принципы диалектного членения 1915 и 1965 годов, отмечал, что Поморская группа говоров в некоторых своих особенностях может быть архаичнее материнских говоров, поскольку «заселение славянами побережий северных морей началось с XI века, то есть ещё до образования в XV веке устойчивых диалектных регионов, сохранившихся до нашего времени» [Колесов, 1990, с. 18]. Цитата как нельзя лучше доказывает необходимость обращения к актуальному диалектному источнику — речи русскоязычных жителей Карельского Поморья.

Отметим, что экспедиции по сбору полевого материала (пусть и редкие и имеющие временные пропуски) в Карельское Поморье проводились, осуществлялось и научное описание диалектных данных. Так, в Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии Гуманитарного инновационного парка Петрозаводского государственного университета собраны материалы начиная с конца 60-х годов XX века. Несмотря на различные социально-экономические трудности и определённое невнимание к этой территории со стороны лингвистического сообщества, продолжается работа по созданию каталога диалектных записей, относящихся к Карельскому Поморью, см. подробнее: [Кюршунова и др., 2019; Гусева и др., 2019; Гусева и др., 2018].

Поэтому в статье ставится задача — дать оценку проведённым исследованиям и ответить на вопросы, что сделано на сегодняшний день в изучении различных особенностей говоров Карельского Поморья и какие темы требуют дополнительного внимания специалистов.

С этой целью мы обратились к поиску работ по диалектологии (в том числе исторической), лингвогеографии, лексикографии, ономастике, в которых представлены материалы, связанные только с Карельским Поморьем. В ряде случаев мы обращаемся к данным медиатеки «Диалектная лексика и ономастика Карелии» [Диалектная лексика ...].

2. Фонетическая система говоров Карельского Поморья и её описание

Практически не затрагивается в научных трудах описание фонетической системы говора. На сегодняшний день анализу подвергнуты только отдельные фонетические черты, связанные с влиянием прибалтийско-финских языков: отсутствие второй палатализации в начале слова в исконно русских словах, таких как *кеж* ‘процеженный раствор овса, муки’, *кежня* ‘то же’, *кедить* ‘цедить’, свойственное ряду северо-западных говоров, объясняется тесными контактами с «западнофинскими языками, в звуковой системе которых были возможны сочетания заднеязычных согласных с передними гласными» [Глускина, 1968, с. 35]. Ср. с аналогичными заимствованными словами (*кебрик*, *кережа*, *керча* и под.), зафиксированными в говорах Беломорья [Михайлова, 2017б, с. 2—3 (со ссылкой на материалы СРНГ)]. Кроме того, исследователями описывается изменение [o] в [á] — белом. *pádvoloika* ‘пространство между потолком и крышей’, а также другие фонетические преобразования внешнего вида диалектного слова [Там же].

Работа с текстами разных лет показала, что фонетическая система Беломорья должна характеризоваться как типичная севернорусская, поскольку ей свой-

ственны все признаки северного наречия: полное оканье; взрывной [г]; твёрдый [т] в окончаниях глаголов 3 л. мн. ч., то есть тот минимум признаков, по которым была определена граница наречий в 1915 году.

В рамках указанного проекта РФФИ И. Н. Дьячковой, О. В. Семеновой и др. в 2019 году выполнено описание отдельных черт в фонетической системе говора села Колежма Беломорского района на основе записей и анализа речи информантов 1936 г. р.

Были выявлены следующие характерные черты:

— переход [е] > [о] перед твёрдым согласным: [б'ес'ода];

— утрата интервокального j и стяжение гласных в глагольных формах, у прилагательных, а также у местоимений отдельных разрядов (проявляется непоследовательно): [мáл'ен'к'и], [св'эже], [умновáты] (=маленькие, свежее, умноватые);

— произнесение долгого [ш] на месте [щ]: [ишио], [кол'ежóm'ишио], [клáдб'ишио], [л'эшишк] (= что, колежемища 'жители Колежмы', кладбище, лещик) [Особенности ..., 2019, с. 31—32].

Не претендуя на полноту материала, добавим в этот ряд и другие отличительные явления, зафиксированные в фонетической системе исследуемого говора по данным записей до середины 90-х годов XX века, хранящихся в архиве Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии (ПетрГУ)¹:

— мягкое цоканье — [óфц'и] (овцы), [сц'ас] (сейчас), [ц'итáжy], [ц'áжк'ý] (чайку), [пéц'ка] (печка), [ц'áсто] (часто) и т. д.;

— наличие различных вариантов произношения гласного на месте h (ять): [в л'иесý] и [в л'есý], [на páрус'и] и т. д.;

— произношение [л] как очень краткого [ý] — [н'иц'евó мн'е н'е помогáý]; [зарубíý], [поўскóм] (ползком), [скáýка] (скалка) и т. д.;

— употребление гласного [е] вместо [а] между мягкими согласными под ударением — [с'ет'] (сядь), [оп'ёт'] (опять), [л'ет'] (пять), [вз'él'и] (взяли), [пор'эдн'а] (порядня = порядок), [запр'эц'кон'á] (запрячь коня) и т. д.;

— произнесение долгого, твёрдого [шш] на месте не только *иц*, но и *жсч* — [пропáишшйна] (пропáицина 'пропавший человек'), [ишиы] (щи), [браишшóнка] (бражчонка), [ишиу́ка] (щука), [роишиóт] (расчёт) и т. д.

Можно назвать и другие признаки, свидетельствующие о диалектном характере фонетической системы региона.

Вместе с тем следует отметить, что обследуемые населённые пункты Карельского Поморья, находясь друг от друга на значительном расстоянии и имея относительную изолированность, могли при этой условной замкнутости развивать явления, отличные от указанных нами в качестве характерных. Например, вопросы вызывают записи 1969 года, сделанные в Гридине Кемского района, в которых отмечены примеры аканья и чоканья (рис. 3).

¹ Здесь и далее приведены примеры из диалектных записей разных лет, выполненных в Беломорском, Кемском, Лоухском районах Карелии, хранящихся в архиве Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии ПетрГУ.

ни тѣко // рѣншѣ
 мѣнтрѣ // дѣн, ідѣн
 нѣ пѣншѣ // нѣ
 ірмѣншѣ // ірѣншѣ
 тѣншѣ // ірѣншѣ
 вѣншѣ // нѣ бѣншѣ
 сѣншѣ // а сѣншѣ
 нѣншѣ // нѣншѣ
 дѣн // нѣншѣ
 тѣншѣ // нѣншѣ
 бѣ – ірѣншѣ // нѣншѣ
 дѣн // ірѣншѣ // нѣншѣ
 сѣншѣ // ірѣншѣ // нѣншѣ
 ідѣн // ірѣншѣ // нѣншѣ
 нѣншѣ // нѣншѣ

Рис. 3. Орывок диалектной записи. Село Гридино,
Куземский сельский совет Кемского района Карелии, 1969 год
(информатор: Лясова Любовь Куприяновна, 1910 г. р., живёт в Гридине с рождения)

Предполагаем, что для установления общих и специфических диалектных черт необходима их фиксация в речи респондентов, проживающих в каждом населённом пункте, с последующим сопоставлением выявленных особенностей с учётом места записи. В перспективе более тщательный анализ будет способствовать описанию связей этих говоров с другими русскими диалектами, а также позволит выделить локальные признаки, которые могли появиться как под влиянием внутренних причин, так и в результате контактов с финно-угорскими народами.

3. Словообразовательная и грамматическая система говоров Карельского Поморья и её описание

То же самое можно сказать и о грамматическом, словообразовательном обследовании русских говоров Карельского Поморья. Указанные в заголовке уровни языковой системы рассматриваются в одном разделе, поскольку «в народной речи не обнаруживается такой, как в литературном языке, противоположности между формообразованием и словообразованием» [Колесов, 1990, с. 74]¹.

Перечислим яркие грамматические особенности, свойственные русским говорам Карельского Поморья, используя данные уже упомянутой статьи И. Н. Дьячковой (и др.):

— существительные с собирательным значением на *-ье* (*тресковые, палтусье, зубаточье*);

¹ Вероятно, это является причиной отсутствия разделов «Словообразование» и «Морфемика» в вузовских учебниках по русской диалектологии и рассмотрения этих вопросов или в разделе «Лексика», или «Морфология».

— совпадение окончания *-и* */-ы* у существительных первого склонения в Р., Д., П. падежах ед. числа: *говорила нашей мамѣ*; *свататься к её сестрѣ*;

— образование формы множ. числа сущ. 3 склонения на *-я* (*матеря*);

— употребление формы местоимения 3 лица после предлога без начального *и*: *у их*, *у ей*;

— использование частиц *-то*, *дак* [Особенности ..., 2019, с. 32—33].

Дополним материалы коллег данными, зафиксированными в текстах XX века:

— падежным формам сущ. 1 склонения в большей степени, чем в настоящее время, был свойственен падежный синкретизм в Д., П. падежах ед. числа, ср. примеры: Д.п. к *Ирьѣ*, к *кумѣ*, *сватѣ*; П.п. о *кумѣ*, о *сестрѣ*, в *землѣ*, на *улицѣ*;

— бытовало окончание *-амы* в формах Т. п. множественного числа существительных: *рукамы*, *ногамы*, *старухамы*, *грибамы*, *столамы*, *кушакамы*, *тетрадьамы* и т. д.;

— использовалась архаичная форма В. п. личного местоимения *она* — *ю* (её): *Он ю бил*;

— выравнивание основы на заднеязычный в глагольных формах 2 и 3 лица единственного и множественного числа: *пекѣшь*, *пекѣт*, *пекѣм*, *пекѣте*;

— образование причастий страдательного залога прошедшего времени от непереходных глаголов: *уйдено*, *ухано*, *хожено*, *напрядено*;

— использование постфиксов при образовании страдательных причастий прошедшего времени: *выученось*, *напряденось*;

— использование конструкций с предикативным деепричастием: *Он убѣгши на поли* (Он убежал на поле) и др.

Эти и некоторые другие особенности характерны прежде всего для онежской группы межзональных говоров северного наречия.

Что касается комплексного анализа этих черт, то, к сожалению, пока нет ни одной работы даже описательного плана, в которых рассматривалось бы строение слов, их функционирование как единиц грамматического строя в русских говорах Карельского Поморья. Есть только упоминания об отдельных признаках, чертах, выявленных в рамках исследования русских говоров Карелии в целом или северо-западных, севернорусских говоров вообще без сужения территории до Беломорья. Так, морфемные и словообразовательные особенности существительных *Nomina agentis*, отмеченные в русских говорах Северо-Запада, подвергнуты синхронному описанию в диссертации С. Н. Вариной [Варина, 1974]. Сопоставление основных тенденций в диалектном словообразовании с данными литературной разговорной речи проводится в работе Г. А. Еремеевой [Еремеева, 1983]. Е. И. Новикова выполнила анализ особенностей морфологического словообразования качественных имен прилагательных [1980]. Разнообразие однокоренных образований на примере глаголов *грести*, *грабить* рассмотрено в статье Т. Г. Доля и М. Я. Кривонкиной [Доля и др., 1975а], среди многочисленных примеров из русских говоров выделяются единичные случаи дериватов, связанных с Карельским Поморьем. Отдельные примеры включены в контекст прибалтийско-финско-русских описаний структурной модели на-

званий на *-га* (типа *корга*) в работах Т. Г. Доля и В. С. Сухановой [Доля и др., 19756].

Вопросы интерференции на морфемном уровне представлены в статьях Л. П. Михайловой [Михайлова, 2008; Михайлова, 2017а], установившей следующее: аффиксы (*-га*, *-кса*, *ко-*, *че-*, *-ша* и др.) «не относятся к активному словообразовательному пласту морфем русских говоров. Они представляют собой лишь реликты эпохи билингвизма» [Михайлова, 2008, с. 69].

Подобным образом, то есть с использованием примеров, функционирующих в говорах Карельского Поморья, рассматриваются явления, характерные для диалектной грамматической системы Русского Севера, в работах Е. Р. Гусевой, В. А. Новосёловой (Порошиной). В частности, Е. Р. Гусева обратилась к изучению состава, семантики и структуры союзов севернорусских говоров [Гусева, 2009]; В. А. Новосёлова (Порошина) описала состав и функции частиц в былинах Поморья [Порошина, 1983; Новосёлова, 2017]. Широта функционального спектра употребления слова *бывать* показана Е. А. Белоусовой. Так, установлено, что, помимо известных в литературной речи роли глагола или частицы, в говорах это слово может выступать в качестве союза, частицы, междометия [Белоусова, 1984, с. 137—147]. Она же рассмотрела конструкции с предлогом *о*, которые могут оставаться «за пределами современного языкового стандарта» [Белоусова, 1979, с. 174], поскольку в их семантике фиксируются ещё и архаические — временные и пространственные — отношения (ср. в кемских говорах: *А можно и о озеро к нам попасть, там наверно мокротина, сыро после дождя; Пожня о берег, о море, або о самый о берег; О серётке ночи к ребёночку ходила кормить* и др. [Там же, с. 178—179]).

4. Лексико-семантическая система говоров Карельского Поморья и её описание

Несмотря на различия в исследовании лексической системы говоров Карельского Поморья и её недостаточную представленность в словарях, уже обозначенную здесь как проблему, следует сказать, что, пожалуй, лексико-семантическая система данного региона является на сегодняшний день более описанной в научных трудах, чем фонетический и грамматический уровни (имеются монографии и диссертации, статьи, словари).

Если фонетическая и грамматическая система подверглись существенной нивелировке, то диалектный лексический фонд оказался достаточно устойчивым, что подтвердили экспедиции конца XX — начала XXI века (последняя в 2019 году). Следует согласиться с точкой зрения Е. Л. Березович и С. М. Толстой, отметивших «идеальные условия “для развития диалектности” и консервации говора» [Березович и др., 2019, с. 491] и объясняющих это (применительно к Архангельскому Поморью) маргинальностью расположения, удалённостью от основных торговых путей, осёлдостью населения, а также столкновением с неизвестными денотатами, названия для которых необходимо было или заимствовать, или создавать заново [Там же]. Эти тезисы приложимы и к территории Карельского Поморья, где в ре-

зультате постоянного тесного общения членов сельского социума в речи жителей разного возраста сохранялись и усваивались различные языковые особенности¹.

Перейдём к истории исследования лексической системы.

Первым, кто обратился к рассмотрению лексической системы беломорских говоров, был А. И. Федоров, проанализировавший происхождение словарного состава данного региона [Федоров, 1952; Федоров, 1960; Федоров, 1969]. Однако А. И. Федоров не фиксирует точную географическую маркировку описываемых слов. Кроме того, он обращается и к актовому материалу XIV—XVII веков, а следовательно, к изучению привлекается смешанный материал разных частей Белого моря: это не только Карельское, но и Архангельское, Терское Поморье. Исследователь доказывает, что беломорские говоры генетически связаны с древним новгородским диалектом, приводя примеры слов и их значений, пришедших на Белое море вместе с новгородской колонизацией: *взводень* ‘сильное волнение на море’, ‘большая волна’, *рель* ‘островок на затопленном лугу’, веретя ‘небольшое сухое продолговатое место между болотами’, *обилъе* ‘урожай на корню’, *подызбица* ‘нижняя жилая часть дома’, *новы* ‘иные’, *након* ‘раз’, ‘прием’, *улеи* ‘сапоги из моржовой кожи’ и др. [Федоров, 1952, с. 15–16]. А. И. Федоровым проведена дифференциация семантических диалектизмов (*гребёнка* ‘большая острога’, *борода* ‘недокошенный участок луга’, *хомут* ‘песчаное возвышение вокруг затонувшего судна’, *тяжка* ‘ноша’, страдать ‘работать на сенокосе’ и т. д.) и словообразовательных диалектизмов (*поскóратъ* ‘почесать’ (от *скора*), *катище* ‘место на берегу реки, где скатывают бревна’, *остареть*, *обсеяться*, *тюкач* и т. д.), которые рассматриваются со стороны «морфологического» (см. у А. И. Федорова) состава слова.

Среди заимствованных слов определены древние вхождения в лексическую систему говора — это прежде всего прибалтийско-финские (*салма*, *лахта*, *рада*, *равда* (ровдяной), *гарва*, *хонга* (хонёжник), *пунда*, *лемор*, *куйпога*, *мянда* и др.), а также ненецкие, хантыйские (*неблюй*) и поздние заимствования из немецкого или голландского языков (*штурма*, *фордомень*) [Там же, с. 18—19].

Следует отметить, что вопросы о новгородско-псковской (и позднее ростово-суздальской) колонизации и о заимствовании из прибалтийско-финских, саамских языков затрагиваются практически во всех работах, посвящённых исследованию языковых явлений в русских говорах Карелии. Но для Беломорья и для его лексической системы это отдельная тема. С одной стороны — яркая славянская архаика, не сохранившаяся в бывших центрах Руси, с другой стороны — не менее яркая, адаптированная и усвоенная достаточно рано иноязычная лексика, выделяющаяся на общеславянском фоне и являющаяся показателем тесного (а главное — мирного) сосуществования русских с прибалтийско-финским населением (прежде всего карелами). Именно этот симбиоз придаёт этой территории особую уникальность,

1 Кроме того, в отдельных населённых пунктах (например, с. Нюхча, Сумский Посад Беломорского района) эти особенности, прежде всего на лексическом уровне, поддерживаются созданными культурными центрами, «любительскими» музеями поморского быта, способствующими сохранению этнографических раритетов прошлого и истории их применения в жизни; их деятельность вызывает интерес научного сообщества (см. видеоролик «Экспедиция в село Нюхча», получивший 1 место в конкурсе «Россия, устремлённая в будущее» [Экспедиция ..., 2019]).

а исследования взаимовлияний славянского и неславянского лингвистического контента представляют особое направление научных работ.

Адаптация лексики прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карельского Беломорья описана И. В. Сало [Сало, 1966а; Сало, 1966б; Сало, 1971]. Обращаясь к материалам диссертации И. В. Сало, И. И. Муллонен отмечает, что «сам характер заимствований <...> позволяет говорить не просто о контактах, но и мощном карельском субстрате, т. е. о переходе местного карельского населения через этап двуязычия на русский язык и об усвоении им русского (поморского) самосознания» [Муллонен, 2013, с. 25].

Результаты новгородской колонизации и взаимовлияния пришлого русского населения и местного (карельского и саамского) отразились и в определённых группах слов, например, промысловой лексике рыбаков Белого моря, которой посвящены статьи и диссертация Л. А. Вороновой [Воронова, 1967; Воронова, 1968а; Воронова, 1968б]. Добавим, что в работе Л. А. Вороновой заявлен тематический подход к изучению лексического материала. Впоследствии он был представлен в штудиях со строго ориентированной на Карельское Поморье географией отбора материала. Ср.: Л. П. Михайлова обратилась к изучению лексики природы [Михайлова, 2017б] и номинаций гидрообъектов [Михайлова, 2018б]; А. О. Попова — к названию бондарной посуды [Попова, 2009]; А. В. Приображенский — к наименованиям птиц [Приображенский, 2017], оленеводческой лексике [Приображенский, 2019]. Более широкую территорию Поморья учитывают при анализе лексики природы Е. В. Демидова [Демидова, 1997], гидрографической лексики — А. В. Бахтиярова (Павлова) [Бахтиярова, 2007; Павлова, 2011], наименований ветров — М. Н. Маслова [Маслова, 2017]. При этом заметим, что большая часть работ обращена к вопросу прибалтийско-финского и русского взаимовлияния, а в фокусе рассмотрения находится в основном промысловая лексика, лексика природы преимущественно прибалтийско-финского, саамского происхождения.

Помимо описательного аспекта, авторы обращаются к ареальным, историческим, этимологическим, этнокультурным направлениям рассмотрения лексики.

Именно лексический материал стал основой в исследовании образования русских говоров Беломорья, их связей с другими регионами Руси в прошлом у В. Я. Дерягина и А. С. Герда. Вслед за многими исследователями они отмечают, что появление русских на севере, в Поморье, связано с новгородско-псковской колонизацией. Если В. Я. Дерягин в большей степени обращается к анализу лексических единиц, связанных с Архангельским Поморьем [Дерягин, 1966], то А. С. Гerd расширяет лингвистическую географию Беломорья и прослеживает в небольшой по объёму статье «К истории образования говоров Беломорья» типы лексических связей указанных говоров с другими диалектами на северо-западе [Герд, 1987]. Эту работу А. С. Герда (как и многие другие), можно назвать программной не только для диалектологов. Учёный определил особенности межъязыковых влияний в северных районах и наметил один из основных путей исследования языка Беломорья: «Противопоставление западной и восточной зон севернорусского наречия носит исключительно древний, едва ли не дославянский характер. Этнолингвистическую

историю Беломорья можно понять только на фоне истории Приладожья, Поволховья, Заонежья, Пудожья и Подвинья» [Герд, 1987, с. 102]. В статье приводится убедительный лексический материал, доказывающий данный тезис, а следовательно, правомерно ставить вопрос о включении территории Карельского Поморья в лингвогеографические исследования.

Отметим также серию статей с использованием диалектного беломорского материала Л. П. Михайловой [Михайлова, 2017а; Михайлова, 2017б; Михайлова, 2018б], С. А. Мызникова [Мызников, 2003; Мызников, 2004], чьи изыскания направлены на анализ сложных лингвистических процессов в зонах тесных этноязыковых контактов, особенностей межкультурной коммуникации, свидетельствующей о своеобразии и некоторой обособленности лексической системы говоров Беломорья [Михайлова, 2018б, с. 111].

Исторический аспект представлен в монографии И. А. Елизаровского. Обращаясь к актовым материалам XVI—XVII веков, преимущественно связанным с деятельностью Соловецкого монастыря, учёный отмечает многослойность беломорской лексики: «1) слой наследственной лексики от родственных языков древнейшего времени; 2) слой народно-русской лексики; 3) слой заимствованной лексики из соседних языков» [Елизаровский, 1958, с. 234—235].

Деловые документы прошлого и современности как источники исследования лексического состава Беломорья проанализированы также Л. П. Михайловой [Михайлова, 2018а], Л. П. Михайловой и А. В. Приображенским [Михайлова и др., 2019а], В. И. Швайко [Швайко, 2010].

5. Карельское Поморье в ономастических штудиях

Достаточно активно в исследовательскую орбиту включён ономастический материал, зафиксированный в Карельском Поморье. В большей степени изучена топонимическая система региона. Назовём блок статей Д. В. Кузьмина, а также его диссертацию, посвящённую ареальной дистрибуции топонимных моделей Беломорской Карелии. Анализируя структурные и лексико-семантические признаки топонимов, автор одновременно решает проблему «определения этноязыковых истоков карельского населения Беломорья, основных путей и хронологии освоения ими этой территории, а также следов контактирования различных этнических групп» [Кузьмин, 2005, с. 3]. Ключевой этнос, представленный в работах Д. В. Кузьмина [Кузьмин, 2007а; Кузьмин, 2007б; Кузьмин, 2008; Кузьмин, 2016 и др.], а также О. Л. Карловой [Карлова, 1999], И. И. Муллонен [Муллонен, 1999; Муллонен, 2008], — это неславянское население Беломорья. Среди контактных последствий укажем адаптацию субстратных названий в русской речи на фонетическом и грамматическом уровнях (особенно в современной топонимии); а среди русских влияний на иноязычную систему — усвоение структурных номинаций с формантом *-щина* [Кузьмин, 2005, с. 22; Кузьмин, 2003, с. 63—68].

Русская топонимия Карельского Поморья описана в историческом аспекте при сопоставлении с материалами Обонежья А. В. Приображенским [Приображенский, 2003; Приображенский, 2014]. Автор пришёл к выводу, что основой русской

топонимии названного региона «является русский апеллятивный и топоформантный пласт, формирование которого связано со значительным новгородским влиянием» [Приображенский, 2003, с. 19].

Антропонимический материал по Карельскому Поморью очерчен в исследованиях не систематически. Именования, зафиксированные в Выгозерском погосте, Кемском уезде, Лопских погостах и на других территориях, прилегающих к западному берегу Белого моря в XV—XVII столетиях, проанализированы с точки зрения аксиологии И. А. Кюршуновой [Кюршунова, 2019], а антропонимикон фольклорных текстов, записанных от беломорских сказителей М. М. Коргуева, М. Ф. Свинына, составлен О. В. Семеновой [Семенова, 2018; Семенова, 2019].

6. Лексикографические издания, связанные с Карельским Поморьем

Описание лексического материала всегда сопровождается обращением к лексикографированию собранных слов.

В арсенале диалектологов имеется большое количество уникальных словарей, в основном они представляют не только Карельское, но и Архангельское Поморье, Кольский берег Белого моря.

Пожалуй, единственным «чистым» словарём русских говоров Карельского Поморья можно назвать вышедший в 2011 году многострадальный «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» расстрелянного в 1937 году в Сандармохе И. М. Дурова, уроженца села Сумпосад, сына морского штурмана-моряка, хорошо знавшего язык и культуру Поморья. Очень важна вводная часть словаря «Очерк живого поморского языка», где даётся краткий обзор сведений о территории Беломорья, его истории, народонаселении, об особенностях быта поморов, общая характеристика говора и оканья как одной из важных черт его фонетической системы [Дуров, 2011, с. 3—16]. Если учесть, что сбор материала автор начал в 1912 году и продолжал его 20 лет, то в настоящее время имеется прекрасная возможность подготовить специальную программу проверки сохранности лексического состава говоров Карельского Поморья для ответа на вопрос о том, что из 12 000 слов, собранных И. М. Дуровым, сохранено в диалекте или переосмыслено, утрачено. И. М. Дурову принадлежит и «Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья» [Дуров, 1929].

Словари А. И. Подвысоцкого [Подвысоцкий, 1885], И. А. Елизаровского [Елизаровский, 1958]¹, К. П. Гемп [Гемп, 2004], С. А. Мызникова [Мызников, 2010], Б. В. Шергина [Шергин, 1959] включают лексические единицы, отмеченные в разных регионах Белого моря. Выделим «Словарь поморских речений» К. М. Гемп, который построен по принципу идеографического словаря (разделы *Море наше Белое, Воды морские, Льды беломорские, Ветры над морем гуляют, Погода, Природа, Приметы, Поморский промысел, Семья, Жило, строения, подворье, Обиход семейный, Справа, Посуда, Ества, Пути-дороги, Счет времени, Настроение, чувства, Война, Суеверие, Народная медицина, Слово, Слова одобрения, ласки, сочувствия, Слова*

1 Имеется в виду список слов, зафиксированных автором в начале XX века в речи жителей Беломорья [Елизаровский, 1958, с. 175—232].

осуждения, *Разное*), а следовательно, может служить источником семантико-ономастического описания лексической системы поморских говоров¹.

Тематическими являются также словари А. Я. Шульца [Шульц, 1863], А. А. Жилинского [Жилинский, 1957], О. Н. Иванищевой и А. М. Эрштадта [Иванищева и др., 2014], в этих изданиях собрана промысловая лексика, лексика природы.

Лексику жителей Кольского Поморья (около 5000 слов) представил И. С. Меркурьев [Меркурьев, 1979].

Значимы словари, демонстрирующие лексику фольклорных текстов; в частности, С. П. Праведниковым проводится работа по составлению словаря былин Карельского Поморья [Праведников, 1996; Праведников, 2002].

Любительским следует признать лексикографический проект И. И. Мосеева «Поморьска говоря» [Мосеев, 2005].

Вместе с тем при обращении к лексикографической теме назовём ряд проблемных моментов. Это ограниченность типов словарей. Преобладают толковые словари. На сегодняшний день актуальны фразеологические словари, а также этимологические. В них должна быть обозначена не только финно-угро-самодийская лексика, но и исконно русские слова, отмеченные в говорах Карельского Поморья; без сомнения, должна быть продолжена работа, подобная той, которая отражена в «Словаре экстенциальных лексических единиц в русских говорах» Л. П. Михайловой [Михайлова, 2013]; не менее важны «мотивационные» словари, тесно связанные с этимологическими.

7. Корпусная диалектология на базе материалов Карельского Поморья

Особой страницей в диалектной лексикографии и корпусной диалектологии в целом является составление текстовых баз данных, которые открывают дополнительные возможности в изучении разных сторон диалекта. В рамках проекта РФФИ «Карельское Поморье: лексика и ономастика (XVI—XXI века)» в течение трёх лет проводятся не только экспедиционные поездки, но и цифровая камеральная обработка диалектологических записей за более чем 50 лет. Вслед за рядом исследователей (см. в списке литературы: А. С. Герд, В. Е. Гольдин, И. Б. Качинская, О. Ю. Крючкова, А. Б. Летучий, Е. А. Юрина и др.), разработавших концепцию корпуса диалектных текстов в рамках Национального корпуса русского языка, участники карельского проекта приступили к созданию текстовой базы диалектных данных и её апробации на материале Карельского Поморья. Более 300 записей, сделанных в населённых пунктах указанного региона, после электронной обработки будут доступны для изучения всех заинтересованных в этих записях специалистов (не только диалектологов). Именно поэтому мы отступаем от строгой разметки текстов, традиционной для корпусной лингвистики, а разрабатываем специфические способы подачи собранных материалов и их обработки, поскольку одна из целей такой работы — «вернуть в обработанном виде материалы людям, чьи родственники на протяжении полувека являлись нашими информантами, даря

1 См. также статью Л. П. Михайловой о К. П. Гемп и её словаре [Михайлова, 2019б, с. 67—75].

не только языковой материал и знания о своей нелёгкой жизни, но и душевное тепло» [Кюршунова и др., 2019, с. 5].

Подчеркнём, что наиболее важным аспектом использования цифровых технологий является создание динамических электронных медиаресурсов с открытым «входом» — возможностью постоянного дополнения и корректировки лексикографического, а также нарративного материала с последующим картографированием лексических единиц.

Думается, что лингвистическая суть такой работы не нуждается в пояснениях. Но об одном аспекте позволим себе сказать отдельно. Оказалось, что словарные лакуны, о которых говорилось в начале статьи, более обширны. В студенческих и преподавательских рукописях разных лет отмечен ряд поморских слов, или вовсе не представленных в диалектных словарях, или зафиксированных в них без соответствующих географических помет: «Белом.», «Кем.», «Лоух.» (например, *рёкиша* ‘поджаренные твёрдые кусочки вытопленного сала’, ‘выжимки, остатки после выжимания сока из ягод’, *кйбрик* ‘поплавок из бересты’, *смётреницы* ‘специальные рукавицы, используемые для осмотра рыболовецких сетей во время зимней рыбалки’ и др.).

Ценность работы по выявлению материала, не зафиксированного в словарях, несомненна. Создание текстовой базы данных позволит исследовать комплекс явлений — от фонетико-грамматических, лексических, лексикографических, в том числе дополняющих данные словарей, до различных аспектов — исторического, этимологического, этнолингвистического и проч.

8. Выводы

В работе, нацеленной на обследование особенностей функционирования русской речевой культуры Карельского Поморья, многое упущено, данный регион продолжает до настоящего времени представлять собой перспективную базу разнонаправленного и разноаспектного лингвистического изучения. Выявленные в речи русскоязычного населения диалектные черты свидетельствуют о необходимости продолжения ареальных исследований, позволяющих точно определить связи данного региона с различными диалектными зонами. А следовательно, особенно востребованна на сегодняшний день работа по созданию электронных текстовых баз данных, которые способствовали бы обращению к различным аспектам диалектологической работы (подготовке более точных описаний признаков фонетической и грамматической системы говора), исследованию условий «консервации» языковых явлений и степени сохранности в речи архаических черт, а также развития инноваций. Такие базы данных содержат языковые факты, дающие возможность дополнять, корректировать и составлять лексикографические издания разного плана (толковые, фразеологические, этимологические, исторические, ономастические, терминологические, идеографические, а также фольклорные, этнографические, культурологические и т. д.).

В частности, использование лексикографических материалов позволит обратиться к более широкому тематическому описанию лексико-семантической системы региона, а также перейти к изучению сохранности диалектных черт в речи

современных жителей Карельского Поморья, этнических контактов, поскольку этот регион продолжает оставаться зоной, характеризующейся межкультурной и межъязыковой интерференцией. Как исконно русский, так и неславянский контент возможно и необходимо ставить в этноязыковой контекст.

Итак, работа с большим объемом лингвистической информации, относящейся к самобытному в культурном и этническом плане региону, должна быть продолжена.

Источники

1. Гемп К. П. Сказ о Беломорье : словарь поморских речений / К. П. Гемп. — Москва : Наука ; Архангельск : Поморский университет, 2004. — 637 с.
2. Григорьев С. На Север (из летних скитаний) / С. Григорьев // Естествознание и география. — 1916. — № 1. — С. 20—50.
3. Дуров И. М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / под ред. Н. Виноградова. — Остров Соловки, 1929. — 180 с.
4. Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН: Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН, 2011. — 453 с.
5. Жилинский А. А. Промысловый словарь рыбаков и зверобоев Белого моря / А. А. Жилинский. — Петрозаводск, 1957. — 60 с.
6. Иванищева О. Н. Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка) / О. Н. Иванищева, А. М. Эрштадт. — Мурманск : МГГУ, 2014. — 249 с.
7. Лейкин Н. А. По Северу дикому: путешествие из Петербурга в Архангельск и обратно. Поездка на водопад Кивач / Н. А. Лейкин. — Санкт-Петербург : Печатня С. П. Яковлева, 1904. — 207 с.
8. Львов Е. По студёному морю: поездка на Север. Ярославль. Вологда, Архангельск, Мурман, Норд-Кап, Трондгейм, Стокгольм, Петербург / Е. Львов. — Москва : типография А. И. Мамонтова, 1895. — 247 с.
9. Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов / И. С. Меркурьев. — Мурманск : Книжное издательство, 1979. — 184 с.
10. Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах / Л. П. Михайлова. — Петрозаводск : КГПА ; Москва : [Вариант], 2013. — 350 с.
11. Мосеев И. И. Поморьская говора: краткий словарь поморского языка / И. И. Моисеев. — Архангельск : Правда Севера, 2006. — 372 с.
12. Мызников С. А. Русские говоры Беломорья : материалы для словаря / С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : Наука, 2010. — 495 с.
13. Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения / С. А. Мызников — Санкт-Петербург : Наука, 2003. — 540 с.
14. Наш Север : путеводитель, 1897 г. / под общ. ред. И. П. Золотицкого. — Санкт-Петербург, 1896. — 380 с.
15. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. Подвысоцкий. — Санкт-Петербург : 2 Отделение Академии наук, 1885. — 198 с.
16. Поморская энциклопедия : в 5 томах / ред. Н. П. Лавёров. — Архангельск : Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2001—.
17. Праведников С. П. Словник и частотный словарь былин Карельского Поморья / С. П. Праведников // Фольклорная лексикография. — 1996. — № 5. — С. 39—47.

18. *Праведников С. П.* Фрагмент словаря былин: одежда. Ткани. Украшения / С. П. Праведников // *Фольклорная лексикография*. — 2002. — № 19. — С. 12—51.
19. *Северные предания: Беломор-Обонеж. Регион* / подгот. Н. А. Криничная. — Ленинград : Наука, 1978. — 254 с.
20. *Слезкинский А. Г.* Поездка на Мурман : (путевые заметки) / А. Г. Слезкинский // *Исторический вестник*. — 1898. — Том 71. — С. 981—1020.
21. *Слезкинский А. Г.* Поездка на Мурман : (путевые заметки) / А. Г. Слезкинский // *Исторический вестник*. — 1898. — Том 72. — С. 152—191.
22. *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* / ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 1994—2005.
23. *Случевский К. К.* По Северу России / К. К. Случевский. — Москва : ОГИ, 2009. — 297 с.
24. *Урванцева Н. Г.* Сказители Карельского Поморья : аннотированный библиографический указатель / Н. Г. Урванцева // *CARELiCA: научный электронный журнал*. — 2017. — № 2 (18). — С. 9—24. — DOI: 10.15393/j14.art.2017.99.
25. *Челищев П. И.* Путешествие по Северу России в 1791 году : дневник П. И. Челищева / П. И. Челищев. — Санкт-Петербург : типография В. С. Балашева, 1886. — 315 с.
26. *Чернякова И. А.* История Карелии XVI—XVII вв. в документах. IV. Писцовые книги Заонежских погостов 1616—1619 гг. : в 2 частях. / И. А. Чернякова, Е. Д. Суслова. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2019. — Часть 1 : Церковное и поместное землевладение.
27. *Шергин Б. В.* Словарь поморских специальных слов и выражений, объяснение собственных имен и названий [Электронный ресурс] / Б. В. Шергин. — 1959. — Режим доступа : <https://www.kolamap.ru/toponim/pomorsk.html>.
28. *Шульц А. Я.* Техническое описание рыбных и звериных промыслов на Белом и Ледовитом морях / А. Я. Шульц. — Санкт-Петербург, 1863. — С. 84—108.
29. *Экспедиция в село Нюхча в 2019 году : видеоролик* [Электронный ресурс]. — 25 октября. — 2019. Режим доступа : https://yandex.ru/video/preview?wiz_type=vital&filmId=14540586901431003992&text=Экспедиция%20в%20село%20Нюхча%20Россия%2C%20устремлённая%20в%20будущее%22%20видео&path=wizard&parent-reqid=1596468711126330-529383809131318152800370-production-app-host-vla-web-yp-224&redircnt=1596468719.1. (дата обращения: 05.05.2020).
30. *Энгельгардт А. П.* Русский Север : путевые записки / А. П. Энгельгардт. — Санкт-Петербург : Издание А. С. Суворина, 1897. — 258 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агамирзоев К. М.* Хозяйственная и таможенная деятельность Соловецкого монастыря в Карельском Поморье в XVI—XVIII веках / К. М. Агамирзоев // *Таможенные чтения-2018. Образование и наука на современном этапе развития ЕАЭС : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием* : в 2 томах / под общ. ред. С. Н. Гамидуллаева. — Санкт-Петербург, 2018. — С. 11—20.
2. *Алекина Л. Н.* Из материалов для регионального атласа русских говоров Карелии / Л. Н. Алекина // *Севернорусские говоры*. — 1975. — Вып. 2. — С. 59—66.
3. *Бахтиярова А. В.* Гидрографическая лексика русских говоров Беломорья как фрагмент языковой картины мира / А. В. Бахтиярова // *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*. — 2007. — Том 13, № 3. — С. 70—72.
4. *Белоусова Е. А.* Глагол *бывать* в русских говорах Карелии / Е. А. Белоусова // *Севернорусские говоры*. — 1984. — Вып. 4. — С. 137—147.
5. *Белоусова Е. А.* Структурные и семантические особенности конструкций с предложением о в севернорусских говорах (пространственные и временные отношения) / Е. А. Белоусова // *Севернорусские говоры*. — 1979. — Вып. 3. — С. 173—180.

6. Березович Е. Л. Лексика Русского Севера: состояние и перспективы изучения / Е. Л. Березович, С. М. Толстая // *Slovene*. — 2019. — № 1. — С. 486—525.
7. Бубнов Н. Ю. Рукописная и печатная книжность Карельского Поморья (по итогам археографической поездки 1980 г.) / Н. Ю. Бубнов // *Книги и библиотеки в России в XIV — первой половине XIX века : сборник научных трудов*. — Ленинград, 1982. — С. 147—162.
8. Вампилова Л. Б. Историко-географическая периодизация освоения ландшафтов Карельского Поморья / Л. Б. Вампилова // *Вестник Поморского университета. Серия: Естественные и точные науки*. — 2005. — № 1. — С. 29—38.
9. Варина С. Н. Словообразование личных имен существительных в русских северо-западных диалектах : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. Н. Варина. — Ленинград, 1974. — 17 с.
10. Воронова Л. А. Из наблюдений над диалектными названиями рыб в говорах Беломорского района КАССР / Л. А. Воронова // *Ученые записки Карельского педагогического института. Вопросы языкознания*. — 1967. — № 18. — С. 43—48.
11. Воронова Л. А. О прибалтийско-финских заимствованиях в промысловой лексике поморских рыбаков / Л. А. Воронова // *Ученые записки Карельского педагогического института*. — 1968а. — Том 22. — С. 142—156.
12. Воронова Л. А. Русская промысловая лексика рыбаков Беломорья : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Л. А. Воронова. — Петрозаводск, 1968б. — 17 с.
13. Герд А. С. К истории образования говоров Беломорья / А. С. Герд // *Диалектное и просторечное слово в синхронии и диахронии*. — Вологда, 1987. — С. 94—103.
14. Герд А. С. Типы русских текстов и организация Машинного фонда русского языка / А. С. Герд // *Машинный фонд русского языка: идеи и суждения*. — Москва : Наука, 1986. — С. 67—75.
15. Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) / С. М. Глускина // *Псковские говоры 2: Труды Второй Псковской диалектологической конференции 1964 года : памяти Б. А. Ларина / М-во просвещения РСФСР. Псковский гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова ; [Ред. коллегия: проф. Б. Л. Богородский др.]. — Псков : [б. и.], 1968. — С. 20—43.*
16. Гольдин В. Е. К проекту текстового диалектологического подфонда Машинного фонда русского языка / В. Е. Гольдин // *Доклады Третьей Всероссийской конференции по созданию Машинного фонда русского языка*. — Москва, 1990. — С. 92—103.
17. Гольдин В. Е. Машиннообработываемые корпуса диалектных текстов и проблемы типологии русской речи / В. Е. Гольдин // *Русистика сегодня*. — 1995. — № 3. — С. 72—84.
18. Гусева Е. Р. Информационная система «Диалектная лексика и ономастика Карелии» как динамический медиаресурс по краеведению / Е. Р. Гусева, А. Г. Марахтанов // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. — 2019. — № 3 (180). — С. 89—93. — DOI: 10.15393/uchz.art.2019.314.
19. Гусева Е. Р. Комплексная экспедиция 2018 г. «Карельское Поморье: лексика и ономастика XVI—XXI вв.» / Е. Р. Гусева, А. Ю. Андрианова // *CARELiCA : научный электронный журнал*. — 2018. — № 2 (20). — С. 52—61. — DOI: 10.15393/j14.art.2018.122.
20. Гусева Е. Р. Союзы севернорусских говоров (состав, семантика, структура) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. Р. Гусева. — Петрозаводск, 2009. — 267 с.
21. Демидова Е. В. Лексика природы говоров Поморья в ареально-типологическом аспекте: к истории формирования говора : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Демидова. — Санкт-Петербург, 1997. — 219 с.
22. Дерягин В. Я. Из истории лексических изоглосс в говорах Архангельской области / В. Я. Дерягин // *Этимология 1966: проблемы лингвogeографии и межъязыковых контактов / отв. ред. О. Н. Трубачев*. — Москва : Наука, 1966. — С. 167—188.

23. *Диалектная лексика и ономастика Карелии: медиатека* [Электронный ресурс] / ред. Е. Р. Гусева; техн. ред. А. Г. Марахтанов. — Петрозаводск, 2017. — Режим доступа : <https://lexis.petrstu.ru/>.
24. Доля Т. Г. Однокоренные образования, связанные с глаголами грести, грабить (в значении «сгребать сено»), в русских говорах Карелии / Т. Г. Доля, М. Я. Кривонкина // Севернорусские говоры. — 1975а. — Вып. 2. — С. 52—58.
25. Доля Т. Г. Существительные на –га в русских говорах Карельской АССР / Т. Г. Доля, В. С. Суханова // Севернорусские говоры. — 1975б. — Вып. 2. — С. 78—84.
26. Дьячкова И. Н. Об этимологии и семантике прилагательных *кремневатый* / *креноватый* (на материале Поморских говоров) / И. Н. Дьячкова // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2020. — № 1 (94). — С. 33—43.
27. Елизаровский И. А. Лексика Беломорских актов XVI—XVII вв. / И. А. Елизаровский. — Архангельск, 1958. — 240 с.
28. Еремеева Г. А. Основные тенденции словообразования в русской диалектной и литературной разговорной речи: на материале имен существительных : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Г. А. Еремеева. — Ленинград, 1983. — 211 с.
29. Жуков А. Ю. Волостная и церковно-приходская структура Карельского Поморья, конец XV — середина XVIII века / А. Ю. Жуков, Е. В. Ляля // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. — 2012. — № 4. — С. 74—84.
30. Захарова К. Ф. Диалектное членение русского языка: учебное пособие для факультетов русского языка и литературы педагогических институтов / К. Ф. Захарова. — Москва : Просвещение, 1970. — 167 с.
31. Зодчество Карельского Поморья: незабытое наследие / В. П. Орфинский, И. Е. Гришина, А. Ю. Борисов, А. Ю. Косенков, Н. А. Патрашкова // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря : сборник научных статей. — Петрозаводск, 2007. — С. 152—174.
32. Капитонова С. А. Хозяйственное освоение Карельского Поморья (ретроспективный анализ) / С. А. Капитонова // Известия Русского географического общества. — 2012. — Т. 144, № 6. — С. 46—55.
33. Карлова О. Л. История поселений Беломорской Карелии в свете данных топонимики / О. Л. Карлова, Д. В. Кузьмин // Народное зодчество: межвузовский сборник. — Петрозаводск, 1999. — С. 207—215.
34. Качинская И. Б. Диалектный подкорпус НКРЯ: новый стандарт подачи: новое рабочее место / И. Б. Качинская, Е. В. Моисеева // Русская устная речь : материалы Международной научной конференции «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения». Межвузовское совещание «Проблемы создания и использования диалектных корпусов», Саратов, 15—17 ноября 2010 г. / ред. О. Ю. Крючкова, А. И. Буранова, В. Е. Гольдин, Л. В. Балашова. — Саратов, 2011. — С. 245—255.
35. Качинская И. Б. Диалектный подкорпус сегодня / И. Б. Качинская, Д. В. Сичинава // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2015. — Вып. 6. — С. 142—162.
36. Качинская И. Б. Корпус диалектных текстов в национальном корпусе русского языка: состояние и перспективы / И. Б. Качинская // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования. — Санкт-Петербург : Наука, 2009. — С. 57—68.
37. Качинская И. Б. Корпус диалектных текстов в национальном корпусе русского языка: сегодняшнее состояние и перспективы / И. Б. Качинская, Д. В. Сичинава // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», Бекасово, 4—8 июня 2014 г. — Москва, 2014. — Вып. 13 (20). — С. 593—600.
38. Качинская И. Б. О корпусе диалектных текстов в национальном корпусе русского языка / И. Б. Качинская, Д. В. Сичинава // Вопросы лексикографии. — 2017. — № 11. — С. 71—85.

39. Качинская И. Б. О корпусе диалектных текстов в национальном корпусе русского языка / И. А. Качинская, А. В. Малышева // Актуальные проблемы русской диалектологии : материалы Международной конференции, 26—29 октября 2018 г. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2018. — С. 118—120.
40. Ковыршина Ю. И. Былины Карельского Поморья в свете этнической истории края / Ю. И. Ковыршина // Междисциплинарный семинар-4. Интерпретация художественного текста : сборник научных материалов. — Петрозаводск : Петрозаводская государственная консерватория, 2001. — С. 34—39.
41. Конкка А. Кладбище в Гридине как выдающийся объект сакральной географии Карельского Поморья / А. Конкка // Археология русской смерти. — 2016. — № 3. — С. 67—79.
42. Косменко М. Г. Древности приморской зоны южного и западного Беломорья. Проблемы происхождения и адаптации культуры древнего населения / М. Г. Косменко // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря : сборник научных статей. — Петрозаводск, 2007. — С. 6—42.
43. Крючкова О. Ю. Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки / О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии («Диалог—2011») : труды международной конференции. — Москва : РГГУ, 2011. — Вып. 10 (17). — С. 359—367.
44. Крючкова О. Ю. Электронный корпус русской диалектной речи и принципы его разметки / О. Ю. Крючкова // Известия Саратовского университета: новая серия. Серия. Филология. Журналистика. — 2007. — Том 7, Вып. 1. — С. 30—34.
45. Кузнецова В. П. Традиции народной культуры Беломорья в видеозаписях: верования / В. П. Кузнецова, В. Б. Бовин // IX Конгресс этнографов и антропологов России : тезисы докладов. — Петрозаводск, 2011. — С. 97.
46. Кузьмин Д. В. Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорский Карелии : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.22. / Д. В. Кузьмин. — Йошкар-Ола, 2005. — 21 с.
47. Кузьмин Д. В. Достаточно ли емских теорий? / Д. В. Кузьмин // *Onomastica Uralica*. — 2008. — № 7. — С. 23—36.
48. Кузьмин Д. В. История освоения Карельского Поморья (в свете языковых данных) / Д. В. Кузьмин // *Linguistica Uralica*. — 2016. — Том 52, № 3. — С. 179—194.
49. Кузьмин Д. В. К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) / Д. В. Кузьмин // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте : материалы научного симпозиума. — Петрозаводск, 2007а. — С. 20—89.
50. Кузьмин Д. В. Формирование этнолингвистической карты Карельского Поморья по сведениям топонимии / Д. В. Кузьмин // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря : сборник научных статей. — Петрозаводск, 2007б. — С. 175—199.
51. Кюршунова И. А. Некалендарные личные имена в аспекте аксиологии / И. А. Кюршунова // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 186—203. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-186-203.
52. Кюршунова И. А. Особенности создания диалектной текстовой базы данных (по материалам записей, собранных в Карельском Поморье) / И. А. Кюршунова, Е. Р. Гусева // *CARELiCA*: научный электронный журнал. — 2019. — Вып. 21, № 1. — С. 1—17. — DOI: 10.15393/j14.art.2019.124.
53. Лёгкая П. Б. Аудиозаписи фонограммархива ИЯЛИ КАРНЦ РАН, сделанные на территории Карельского Поморья: проблема систематизации / П. Б. Лёгкая // Кижский вестник. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2017. — С. 193—199.
54. Летучий А. Б. Диалектный корпус : состав и особенности разметки / А. Б. Летучий // Национальный корпус русского языка: 2006—2008: новые результаты и перспективы / отв. ред. В. А. Плунгян. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2009. — С. 114—129.

55. *Летучий А. Б.* Корпус диалектных текстов : задачи и проблемы / А. Б. Летучий // Национальный корпус русского языка : 2003—2005 : результаты и перспективы — Москва : Индрик, 2005. — С. 215—232.

56. *Лойтер С. М.* Из коллекции И. М. Дурова «Детские игры и развлечения, записанные в сорокско-кемском районах Беломорья» / С. М. Лойтер // Живая старина. — 2005. — № 1. — С. 36—38.

57. *Лупанова И. П.* Русская литературная сказка первой половины XIX века в современной фольклорной традиции Карельского Беломорья / И. П. Лупанова, Т. И. Сенькина // Художественный образ и историческое сознание : межвузовский сборник. — Петрозаводск, 1974. — С. 3—19.

58. *Лызлова А. С.* Поморский сказочник Ф. Н. Свиньин: биографические сведения в материалах фольклорных коллекций в КАРНЦ РАН / А. С. Лызлова // Русский Север : к 95-летию К. В. Чистова. — Санкт-Петербург, 2017. — С. 155—164.

59. *Лызлова А. С.* Сказки и сказочники Карельского Поморья / А. С. Лызлова // Беломорье: нить времен : материалы форума «Беломорье: нить времен». — Петрозаводск, 2011. — С. 22—29.

60. *Марковская Е. В.* Фольклор села Сумпосад (Карельское Поморье): к проблеме изучения локальной традиции (на материале научного архива Карельского научного центра РАН) / Е. В. Марковская // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера : материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003». — Петрозаводск, 2003. — С. 93—95.

61. *Маслова М. Н.* Местные наименования ветров в словаре поморов-промысловиков / М. Н. Маслова // Язык. Сознание. Концепт : сборник научных работ. — Мелитополь, 2017. — С. 146—148.

62. *Михайлова Л. П.* Деловые документы 30-х —50-х гг. XX в. как источник изучения топонимии Карельского Поморья / Л. П. Михайлова, А. В. Приображенский // Ономастика Поволжья : материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17—20 сентября 2019 года) / сост., ред. В. Л. Васильев. — Великий Новгород : Печатный двор, 2019а. — С. 138—142.

63. *Михайлова Л. П.* «Сказ о Беломорье» К. П. Гемп как памятник истории и культуры поморов [Электронный ресурс] / Л. П. Михайлова // Краеведческие чтения : материалы XIII республиканской научной конференции (13—14 февраля 2019 г.). — Петрозаводск, 2019б. — С. 67—75. — Режим доступа : <http://library.karelia.ru/files/24198.pdf>.

64. *Михайлова Л. П.* Лексика природы беломорских говоров в контексте этноязыкового взаимодействия / Л. П. Михайлова // Международная и межрегиональная сопряженность охраняемых природных территорий Европейского Севера : тезисы Международной научно-практической конференции, 13—17 ноября 2017. — Петрозаводск, КарНЦ, 2017б. — С. 93—94.

65. *Михайлова Л. П.* Люция Белого моря 1930 г. как источник изучения системы номинации гидрообъектов Европейского Севера / Л. П. Михайлова // Вопросы географии. — 2018а. — Вып. 146. — С. 135—143.

66. *Михайлова Л. П.* Незаконмерные изменения внешнего облика лексики говоров Беломорья / Л. П. Михайлова // CARELiCA : научный электронный журнал. — 2017а. — № 2 (18). — С. 1—8. — DOI: 10.15393/j14.art.2017.98.

67. *Михайлова Л. П.* Особенности префиксальной системы русских говоров, обусловленные прибалтийско-финским влиянием / Л. П. Михайлова // Севернорусские говоры. — 2008. — Вып. 9. — С. 55—69.

68. *Михайлова Л. П.* Беломорье как объект исторического, этнокультурного и ареального исследования сквозь призму языка / Л. П. Михайлова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2018б. — № 6. — С. 109—112. — DOI: 10.15393/uchz.art.2018.217.

69. Муллонен И. И. Загадка Выга / И. И. Муллонен // Вопросы ономастики. — 2008. — № 2 (6). — С. 58—63.
70. Муллонен И. И. Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан / И. И. Муллонен, О. В. Панченко. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2013. — 116 с.
71. Муллонен И. И. Топонимия Беломорской Карелии: итоги и перспективы / И. И. Муллонен // Беломорская Карелия: история и перспективы развития : материалы научно-практической конференции. — Калевала, 1999. — С. 30—31.
72. Новикова Е. И. Морфологическое словообразование качественных имен прилагательных в русских говорах Карелии и сопредельных областей : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. И. Новикова. — Ленинград, 1980. — 23 с.
73. Новоселова В. А. Состав и функции частиц в былинах Поморья / В. А. Новоселова // CARELICA: научный электронный журнал. — 2017. — № 2 (18). — С. 25—31. — DOI: 10.15393/j14.art.2017.100.
74. Особенности поморского говора в начале XXI века (село Колежда Беломорского района) / И. Н. Дьячкова, О. В. Семёнова, А. Ю. Елюкова, Л. А. Ухова // CARELiCA: научный электронный журнал. — 2019. — № 2 (22). — С. 29—38. — DOI: 10.15393/j14.art.2019.132.
75. Павлова А. В. Поморская гидрографическая лексика в ареальном и системном аспектах (на материале лексико-семантической группы слов «наименования заливов») / А. В. Павлова // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 5. — С. 316—320.
76. Пигин А. В. Петр I и Петербург в сочинениях писателей-старообрядцев Выговской поморской пустыни / А. В. Пигин // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. — 2019. — № 6 (183). — С. 77—84. — DOI: 10.15393/uchz.art.2019.375.
77. Попова А. О. Бондарная посуда поморского села Нюхча / А. О. Попова // Живая старина. — 2009. — № 3. — С. 5—8.
78. Порошина В. А. Выделительно-ограничительные частицы и их стилистические функции в языке былин : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / В. А. Порошина. — Петрозаводск, 1983. — 205 с.
79. Приображенский А. В. Лексика поморских деловых документов конца 20-х — начала 30-х годов / А. В. Приображенский // Синергия Наук. — 2018. — № 29. — С. 1572—1589.
80. Приображенский А. В. Наименования птиц в русских говорах Беломорья / А. В. Приображенский // Общественные науки. — 2017. — № 6. — С. 267—272.
81. Приображенский А. В. Оленеводческая лексика Кемского Поморья в деловых документах из фондов национального архива Карелии / А. В. Приображенский // Рябининские чтения—2019: материалы VIII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. — Петрозаводск, 2019. — С. 601—603.
82. Приображенский А. В. Русская микротопонимия Карельского Поморья по данным письменных и полевых источников / А. В. Приображенский // Севернорусские говоры. — 2014. — № 13. — С. 182—198.
83. Приображенский А. В. Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья в историческом аспекте : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01. / А. В. Приображенский. — Петрозаводск, 2003. — 20 с.
84. Резниченко Е. Б. Свадебная причётка Беломорья в контексте изучения культуры Русского Севера / Е. Б. Резниченко // Музыковедение. — 2013. — № 7. — С. 11—17.
85. Русская диалектология / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, К. Ф. Захарова и др.; под ред. Л. Л. Касаткина. — Москва : Просвещение, 1989. — 224 с.
86. Русская диалектология / В. В. Колесов и др. — Москва : Высшая школа, 1990. — 207 с.
87. Сало И. В. Влияние прибалтийско-финских языков на северно-русские говоры поморов Карелии : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / И. В. Сало. — Москва, 1966. — 20 с.

88. Сало И. В. Из истории взаимоотношений вепсов, карел и русских карельского Беломорья / И. В. Сало // Прибалтийско-финское языкознание. — Ленинград, 1971. — С. 57—62.
89. Сало И. В. Некоторые выводы о прибалтийско-финских и саамских заимствованиях и их освоении в севернорусских говорах карельского Беломорья / И. В. Сало // Советское финно-угроведение. — 1966а. — № 2. — С. 91—98.
90. Сало И. В. Некоторые выводы по изучению заимствованной лексики беломорских говоров / И. В. Сало // Научная конференция по итогам работ за 1965 год : тезисы. — Петрозаводск, 1966б. — С. 51—58.
91. Семенова О. В. Антронимикон «Беломорских сказок» М. М. Коргуева / О. В. Семенова // Притяжение Севера: язык, литература, социум : материалы I Международной научно-практической конференции. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2018. — Часть 1. — С. 572—580.
92. Семенова О. В. Ономастикон сказок Ф. Н. Свиныгина / О. В. Семенова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы IV Международной научной конференции, Екатеринбург, 9—13 сентября 2019 г. — Екатеринбург : Уральский университет, 2019. — С. 296—299.
93. Суслова Е. Д. Церковь и крестьянское сообщество в Карелии раннего Нового времени : документы и материалы / Е. Д. Суслова, И. А. Чернякова. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2019. — 731 с.
94. Федоров А. И. О происхождении словарного состава беломорских говоров : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / А. И. Федоров. — Ленинград, 1952. — 19 с.
95. Федоров А. И. О происхождении словарного состава беломорских говоров / А. И. Федоров // Ученые записки ЛГУ. — 1960. — Вып. 40. — С. 185—212.
96. Федоров А. И. Освоение заимствованных слов в севернорусских говорах / А. И. Федоров // Диалектная лексика. 1969. — Ленинград : Наука, 1971. — С. 219—226.
97. Швайко В. И. Памятники письменности Беломорья XIX — нач. XX вв. как лексикографический источник / В. И. Швайко // Современная русская лексикография. — Санкт-Петербург, 2010. — С. 266—276.
98. Юрина Е. А. Томский диалектный корпус: в начале пути / Е. А. Юрина // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2011. — № 2. — С. 58—63.

KARELIAN SEASIDE IN A LINGUISTIC CONTEXT¹

© **Irina A. Kurshunova (2020)**, orcid.org/0000-0002-7232-8756, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Petrozavodsk State University”; Leading Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), kiam24@mail.ru.

© **Elena R. Guseva (2020)**, orcid.org/0000-0002-9896-6019, PhD in Philology, Senior Lecturer, Russian Language Department, Institute of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Petrozavodsk State University” (Petrozavodsk, Russia), rafhatovna@mail.ru.

The current state of the study of Russian dialects in Karelian Seaside is analyzed, the territory of the studied region, which coincides with the boundaries of the dialectal division of the Russian language in 1915 is indicated. It is shown that the exclusion of Karelian Seaside from the dialectal division of 1965, which was an indirect reason for the lack of proper research attention to this region is unjustified. An overview of linguistic works devoted to the study of various language levels (phonetic, grammatical, lexical) is presented. The review of dictionaries, including the vocabulary of Russian dialects of the Karelian Seaside, is carried out. The prospects and objectives of the study are determined.

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project № 18-012-00810.

In particular, future research is associated with comparative work on the study of the preservation / change of linguistic phenomena at each level, including the lexical one, which is the most stable in its main core. It is primarily due to extralinguistic reasons. Particular attention is paid to the use of digital technologies when creating a textual database, tested on the materials of the Karelian Seaside. It is noted that the electronic resource will make it possible to constantly introduce new data into scientific circulation, connecting them to various aspects of research, both linguistic and broader humanitarian.

Key words: Russian dialectology; Karelian Seaside; North Russian dialects; bibliography; Linguistic regional study laboratory.

MATERIAL RESOURCES

- Chelishchev, P. I. (1886). *Puteshestviye po Severu Rossii v 1791 godu: dnevnik P. I. Chelishcheva* [Traveling in the North of Russia in 1791: the diary of P. I. Chelishchev]. Sankt-Peterburg: tipografiya V. S. Balasheva. 315 p. (In Russ.).
- Chernyakova, I. A., Suslova, E. D. (2019). *Istoriya Karelii XVI—XVII vv. V dokumentakh. IV. Pisto-vyye knigi Zaoonezhskikh pogostov 1616—1619 gg. 2/1* [History of Karelia, XVI—XVII centuries]. Petrozavodsk: PetrGU. (In Russ.).
- Durov, I. M. (1929). *Opyt terminologicheskogo slovarya rybolovnogo promysla Pomorya* [Experience of the Pomorie Fishing Terminological Dictionary]. Ostrov Solovki. 180 p. (In Russ.).
- Durov, I. M. (2011). *Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka v ego bytovom i etnograficheskom primeneni* [Dictionary of the Living Pomor Language in its Everyday and Ethnographic Application]. Petrozavodsk: Karelskiy nauchnyy tsentr RAN: In-t yaz., lit. i istorii KarNTs RAN. 453 p. (In Russ.).
- Ekspeditsiya v selo Nyukhcha v 2019 godu: videorolik* [Expedition to the village of Nyukhcha in 2019: video]. (2019). Available at: https://yandex.ru/video/preview?wiz_type=vital&filmId=14540586901431003992&text=Экспедиция%20в%20село%20Нюхча%20Россия%2С%20устремлённая%20в%20будущее%22%20видео&path=wizard&parent-reqid=1596468711-126330-529383809131318152800370-production-app-host-vla-web-yp-224&redircnt=1596468719.1. (accessed 05.05.2020). (In Russ.).
- Engelgardt, A. P. (1897). *Russkiy Sever: putevyye zapiski* [Russian North: travel notes]. Sankt-Peterburg: Izdaniye A. S. Suvorina. 258 s. (In Russ.).
- Gemp, K. P. (2004). *Skaz o Belomor'ye: slovar' pomorskikh recheniy* [The Tale of the White Sea: Dictionary of Pomor Sayings]. Moskva: Nauka; Arkhangelsk: Pomorskiy universitet. 637 p. (In Russ.).
- Gerd, A. S. (ed.). (1994—2005). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredelnykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet. (In Russ.).
- Grigoryev, S. (1916). Na Sever (iz letnikh skitaniy) [To the North (from summer wanderings)]. *Estestvoznaniye i geografiya* [Natural history and geography], 1: 20—50. (In Russ.).
- Ivanishcheva, O. N., Ershadt, A. M. (2014). *Slovar' leksiki traditsionnykh promyslov i khozyaystvennykh zanyatiy kolskikh saamov (na materiale kildinskogo dialekta saamskogo yazyka)* [Dictionary of vocabulary of traditional crafts and economic activities of the Kola Sami (based on the Kildin dialect of the Sami language)]. Murmansk: MGGU. 249 s. (In Russ.).
- Krinichnaya, N. A. (1978). *Severnnyye predaniya: Belomor.-Obonezh. Region* [Northern legends: Belomor.-Obonezh. Region]. Leningrad: Nauka. 254 p. (In Russ.).
- Lavrov, N. P. (ed.). (2001—). *Pomorskaya entsiklopediya* [Pomor encyclopaedia], 5. Arkhangelsk: Pomorskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova. (In Russ.).
- Leykin, N. A. (1904). *Po Severu dikomu: puteshestvie iz Peterburga v Arkhangelsk i obratno. Poezdka na vodopad Kivach* [In the Wild North: a journey from St. Petersburg to

- Arkhangelsk and back. A trip to the Kivach waterfall]. Sankt-Peterburg: Pechatnya S. P. Yakovleva. 207 p. (In Russ.).
- Lvov, E. (1895). *Po studenomu moryu: poezdka na Sever: Yaroslavl. Vologda, Arkhangelsk, Murman, Nord-Kap, Trondgeym, Stokholm, Peterburg* [On the freezing sea: a trip to the North. Yaroslavl. Vologda, Arkhangelsk, Murman, Nord-Cap, Trondheim, Stockholm, Petersburg]. Moskva: tipografiya A. I. Mamontova. 247 p. (In Russ.).
- Merkuryev, I. S. (1979). *Zhivaya rech kolskikh pomorov* [Live speech of the Kola Pomors]. Murmansk: Knizhnoye izdatelstvo. 184 s. (In Russ.).
- Mikhaylova, L. P. (2013). *Slovar' ekstentsialnykh leksicheskikh edinits v russkikh govorakh* [Dictionary of Extensional Lexical Units in Russian Dialects]. Petrozavodsk: KGPA; Moskva: [Variant]. 350 p. (In Russ.).
- Moseev, I. I. (2006). *Pomorska govorya: kratkiy slovar' pomorskogo yazyka* [Pomorsk speaking: a concise dictionary of the Pomor language]. Arkhangelsk: Pravda Severa. 372 p. (In Russ.).
- Myznikov, S. A. (2003). *Russkiye govory Obonezhya: arealno-etimologicheskoye issledovaniye leksiki pribaltijsko-finskogo proiskhozhdeniya* [Russian dialects of Obonezhie: areal-etymological research of vocabulary of Baltic-Finnish origin]. Sankt-Peterburg: Nauka. 540 p. (In Russ.).
- Myznikov, S. A. (2010). *Russkiye govory Belomor'ya: materialy dlya slovary* [Russian dialects of the White Sea region: materials for the dictionary]. Sankt-Peterburg: Nauka. 495 p. (In Russ.).
- Podvysotskiy, A. (1885). *Slovar' oblastnogo arkhangelskogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application]. Sankt-Peterburg: 2 Otdelenie Akademii nauk. 198 p. (In Russ.).
- Pravednikov, S. P. (1996). Slovník i chastotnyy slovar' bylin Karelskogo Pomor'ya [Glossary and frequency dictionary of epics of Karelian Pomorie]. *Folklor'naya leksikografiya* [Folklore lexicography], 5: 39—47. (In Russ.).
- Pravednikov, S. P. (2002). Fragment slovary bylin: odezhda. Tkani. Ukrasheniya [Fragment of the dictionary of epics: clothing]. *Folklor'naya leksikografiya* [Folklore lexicography], 19: 12—51. (In Russ.).
- Shergin, B. V. (1959). *Slovar' pomorskikh spetsialnykh slov i vyrazheniy, obyasneniye sobstvennykh imen i nazvaniy* [Dictionary of Pomeranian special words and expressions, explanation of proper names and titles]. Available at: <https://www.kolamap.ru/toponim-pomorsk.html>. (accessed: 03.09.2020) (In Russ.).
- Shults, A. Ya. (1863). *Tekhnicheskoye opisaniye rybnykh i zverinykh promyslov na Belom i Ledovitom moryakh* [Technical description of fish and animal industries in the White and Arctic Seas]. Sankt-Peterburg. 84—108. (In Russ.).
- Slezskinskiy, A. G. (1898). Poezdka na Murman (putevyeye zametki) [Trip to Murman: (travel notes)]. *Istoricheskiy vestnik* [Historical Gazette], 72: 152—191. (In Russ.).
- Slezskinskiy, A. G. (1898). Poezdka na Murman: (putevyeye zametki) [Trip to Murman: (travel notes)]. *Istoricheskiy vestnik* [Historical Gazette], 71: 981—1020. (In Russ.).
- Sluchevskiy, K. K. (2009). *Po Severu Rossii* [In the North of Russia]. Moskva: OGI. 297 p. (In Russ.).
- Urvantseva, N. G. (2017). Skaziteli Karelskogo Pomor'ya: annotirovanny bibliograficheskiy ukazatel' [Storytellers of the Karelian Pomor region: an annotated bibliographic index]. *CARELiCa*, 2 (18): 9—24. DOI: 10.15393/j14.art.2017.99. (In Russ.).
- Zhilinskiy, A. A. (1957). *Promyslovyy slovar' rybakov i zveroboyev Belogo moray* [Trade dictionary of fishermen and hunters of the White Sea]. Petrozavodsk. 60 p. (In Russ.).
- Zolotitskiy, I. P. (ed.). (1896). *Nash Sever: putevoditel, 1897 g.* [Our North: guidebook, 1897]. Sankt-Peterburg. 380 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Agamirzoev, K. M. (2018). Khozyaystvennaya i tamozhennaya deyatel'nost' Solovetskogo monast'rya v Karelskom Pomorye v XVI—XVIII vekakh [Economic and customs activities of the Solovetsky Monastery in Karelian Pomorie in the 16th—18th centuries]. In: *Tamozhennyye chteniya-2018. Obrazovaniye i nauka na sovremennom etape razvitiya EAES* [Customs readings-2018. Education and Science at the Present Stage of the EAEU Development]. Sankt-Peterburg. 11—20. (In Russ.).
- Alekina, L. N. (1975). Iz materialov dlya regionalnogo atlasa russkikh govorov Karelii [From materials for the regional atlas of Russian dialects of Karelia]. *Severnorrusskiye govory* [North Russian dialects], 2: 59—66. (In Russ.).
- Bakhtiyarova, A. V. (2007). Hidrograficheskaya leksika russkikh govorov Belomorya kak fragment yazykovoy kartiny mira [Hydrographic vocabulary of Russian dialects of the White Sea region as a fragment of the linguistic picture of the world]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma State University. N. A. Nekrasova], 13/3: 70—72. (In Russ.).
- Belousova, E. A. (1979). Strukturnyye i semanticheskiye osobennosti konstruktivnykh s predlogom o v severnorusskikh govorakh (prostranstvennyye i vremennyye otnosheniya) [Structural and semantic features of constructions with the preposition about in North Russian conversations (spatial and temporal relations)]. *Severnorrusskiye govory* [North Russian dialects], 3: 173—180. (In Russ.).
- Belousova, E. A. (1984). Glagol byvat' v russkikh govorakh Karelii [Verb "byvat'" in Russian dialects of Karelia]. *Severnorrusskiye govory* [North Russian dialects], 4: 137—147. (In Russ.).
- Berezovich, E. L., Tolstaya, S. M. (2019). Leksika Russkogo Severa: sostoyaniye i perspektivy izucheniya [Vocabulary of the Russian North: state and prospects of study]. *Slovene*, 1: 486—525. (In Russ.).
- Bromley, S. V., Bulatova, L. N., Zakharova, K. F. et al. (1989). *Russkaya dialektologiya: uchebnik* [Russian dialectology: textbook]. Moskva: Prosveshcheniye. 224 p. (In Russ.).
- Bubnov, N. Yu. (1982). Rukopisnaya i pechatnaya knizhnost' Karelskogo Pomorya (po itogam arkhograficheskoy poezdki 1980 g.) [Handwritten and printed books in Karelian Pomorie (based on the results of the 1980 archaeographic trip)]. In: *Knigi i biblioteki v Rossii v XIV — pervoy polovine XIX veka: sbornik nauchnykh trudov* [Books and libraries in Russia in the XIV — first half of the XIX century: a collection of scientific works]. Leningrad. 147—162. (In Russ.).
- Demidova, E. V. (1997.). *Leksika prirody govorov Pomorya v arealno-tipologicheskoy aspekte: k istorii formirovaniya govora*. PhD Diss [The vocabulary of the nature of Pomorie dialects in the areal-typological aspect: to the history of the formation of a dialect. PhD Diss]. Sankt-Peterburg. 219 p. (In Russ.).
- Deryagin, V. Ya. (1966). Iz istorii leksicheskikh izogloss v govorakh Arkhangel'skoy oblasti [From the history of lexical isoglosses in dialects of the Arkhangel'sk region]. In: *Etimologiya 1966: Problemy lingvogeografii i mezhyazykovykh kontaktov* [Etymology 1966: Problems of Linguo-Geography and Interlanguage Contacts]. Moskva: Nauka. 167—188. (In Russ.).
- Dolya, T. G., Krivonkina, M. Ya. (1975). Odnokorennyye obrazovaniya, svyazannyye s glagolami gres-ti, grabit' (v znachenii 'sgrebat seno'), v russkikh govorakh Karelii [Single root formations associated with the verbs to row, to rob (meaning 'to rake hay'), in the Russian dialects of Karelia]. *Severnorrusskiye govory* [North Russian dialects], 2: 52—58. (In Russ.).
- Dolya, T. G., Sukhanova, V. S. (1975). Sushchestvitelnyye na -ga v russkikh govorakh Karelskoy ASSR [Nouns ending in -ga in Russian dialects of the Karelian ASSR]. *Severnorrusskiye govory* [North Russian dialects], 2: 78—84. (In Russ.).

- Dyachkova, I. N. (2020). Ob etimologii i semantike prilagatelnykh kremnevaty / krenevaty (na materiale Pomorskikh govorov) [On the etymology and semantics of adjectives flint / lurching (based on the Pomeranian dialects)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 1 (94): 33—43. (In Russ.).
- Dyachkova, I. N., Semenova, O. V., Elyukova, A. Yu., Ukhova, L. A. (2019). Osobennosti pomorskogo govora v nachale XXI veka (selo Kolezhma Belomorskogo rayona) [Features of the Pomor dialect at the beginning of the XXI century (the village of Kolezhma, Belomorsky region)]. *CARELiCA*, 2 (22): 29—38. DOI: 10.15393/j14.art.2019.132. (In Russ.).
- Elizarovskiy, I. A. (1958). *Leksika Belomorskikh aktov XVI—XVII vv.* [Vocabulary of the White Sea Acts of the 16th—17th centuries]. Arkhangelsk. 240 p. (In Russ.).
- Eremeeva, G. A. (1983). *Osnovnyye tendentsii slovoobrazovaniya v russkoy dialektnoy i literaturnoy razgovornoj rechi: na materiale imen sushchestvitelnykh*. PhD Diss [The main tendencies of word formation in Russian dialect and literary colloquial speech: on the material of nouns. PhD Diss]. Leningrad. 211 p. (In Russ.).
- Fedorov, A. I. (1952). *O proiskhozhdenii slovarnogo sostava belomorskikh govorov*. Author's abstract of PhD Diss [On the origin of the vocabulary of the White Sea dialects. Author's abstract of PhD Diss]. Leningrad. 19 p. (In Russ.).
- Fedorov, A. I. (1960). O proiskhozhdenii slovarnogo sostava belomorskikh govorov [On the origin of the vocabulary of the White Sea dialects]. *Uchenyye zapiski LGU* [Scientific notes of Leningrad State University], 40: 185—212. (In Russ.).
- Fedorov, A. I. (1971). Osvoeniye zaimstvovannykh slov v severnorusskikh govorakh [Mastering borrowed words in North Russian dialects]. In: *Dialektnaya leksika. 1969* [Dialectal vocabulary. 1969]. Leningrad: Nauka. 219—226. (In Russ.).
- Gerd, A. S. (1986). Tipy russkikh tekstov i organizatsiya Mashinnogo fonda russkogo yazyka [Types of Russian texts and the organization of the Machine Fund of the Russian language]. In: *Mashinnyy fond russkogo yazyka: idei i suzheniya* [Machine fund of the Russian language: ideas and judgments]. Moskva: Nauka. 67—75. (In Russ.).
- Gerd, A. S. (1987). K istorii obrazovaniya govorov Belomorya [To the history of the formation of dialects of the White Sea region]. In: *Dialektnoye i prostorechnoye slovo v sinkhronii i diakhronii* [Dialectal and colloquial word in synchronicity and diachrony]. Vologda. 94—103. (In Russ.).
- Gluskina, S. M. (1968). O vtoroy palatalizatsii zadneyazychnykh soglasnykh v russkom yazyke (na materiale severo-zapadnykh govorov) [On the second palatalization of back-lingual consonants in Russian (based on the North-Western dialects)]. In: *Pskovskie govory 2: Trudy Vtoroy Pskovskoy dialektologicheskoy konferentsii 1964 goda: pamyati B. A. Larina* [Pskov dialects 2: Proceedings of the Second Pskov dialectological conference of 1964: in memory of B. A. Larin]. Pskov. 20—43. (In Russ.).
- Goldin, V. E. (1990). K proektu tekstovogo dialektologicheskogo podfonda Mashinnogo fonda russkogo yazyka [To the draft of the textual dialectological subfund of the Machine Fund of the Russian language]. In: *Doklady Tretyey Vserossiyskoy konferentsii po sozdaniyu Mashinnogo fonda russkogo yazyka* [Reports of the Third All-Russian Conference on the Creation of the Machine Fund of the Russian Language]. Moskva. 92—103. (In Russ.).
- Goldin, V. E. (1995). Mashinnoobrabatyvaemye korpusy dialektnykh tekstov i problemy tipologii russkoy rechi [Machine-Processed Corpora of Dialect Texts and Problems of Typology of Russian Speech]. *Rusistika segodnya* [Russian studies today], 3: 72—84. (In Russ.).
- Guseva, E. R. (2009). *Soyuzy severnorusskikh govorov (sostav, semantika, struktura)*. PhD Diss [Unions of North Russian dialects (composition, semantics, structure). PhD Diss]. Petrozavodsk. 267 p. (In Russ.).

- Guseva, E. R., Andrianova, A. Yu. (2018). Kompleksnaya ekspeditsiya 2018 g. «Karelskoye Pomor'ye: leksika i onomastika XVI—XXI vv.» [Complex expedition 2018 “Karelian Pomorie: vocabulary and onomastics of the 16th—21st centuries”]. *CARELi-CA*, 2 (20): 52—61. DOI: 10.15393/j14.art.2018.122. (In Russ.).
- Guseva, E. R. (eds.). (2017). *Dialektnaya leksika i onomastika Karelii: mediateka* [Dialectal vocabulary and onomastics of Karelia: media library]. Petrozavodsk. Available at: <https://lexis.petsu.ru/> (accessed 02.09.2020). (In Russ.).
- Guseva, E. R., Marakhtanov, A. G. (2019). Informatsionnaya sistema «Dialektnaya leksika i onomastika Karelii» kak dinamicheskiy mediaresurs po kraevedeniyu [Information system “Dialectical vocabulary and onomastics of Karelia” as a dynamic media resource for local history]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University], 3 (180): 89—93. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.314. (In Russ.).
- Kachinskay, I. B., Sichinava, D. V. (2014). Korpus dialektnykh tekstov v natsionalnom korpusе russkogo yazyka: segodnyashnee sostoyaniye i perspektivy [Corpus of dialect texts in the national corpus of the Russian language: current state and prospects]. In: *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog», Bekasovo, 4—8 iyunya 2014 g.*, 13 (20) [Computational linguistics and intelligent technologies: based on the materials of the annual International Conference “Dialogue”, Bekasovo, June 4—8, 2014]. Moskva. 593—600. (In Russ.).
- Kachinskaya, I. B. (2009). Korpus dialektnykh tekstov v natsionalnom korpusе russkogo yazyka: sostoyaniye i perspektivy [The Corpus of Dialect Texts in the National Corpus of the Russian Language: State and Prospects]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniya* [Lexical atlas of Russian folk dialects: materials and research]. Sankt-Peterburg: Nauka. 57—68. (In Russ.).
- Kachinskaya, I. B., Malysheva, A. V. (2018). O korpusе dialektnykh tekstov v natsionalnom korpusе russkogo yazyka [On the corpus of dialect texts in the national corpus of the Russian language]. In: *Aktualnyye problemy russkoy dialektologii: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, 26—29 oktyabrya 2018 g.* [Actual problems of Russian dialectology: materials of the International conference, October 26—29, 2018]. Moskva: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 118—120. (In Russ.).
- Kachinskaya, I. B., Moiseeva, E. V. (2011). Dialektnyy podkorpus NKRYa: novyy standart podachi: novoye rabocheye mesto [Dialectal subcorpus of the RNC: a new standard of presentation: a new workplace]. In: *Russkaya ustnaya rech: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Barannikovskie chteniya. Ustnaya rech: russkaya dialektnaya i razgovorno-prostorechnaya kultura obshcheniya». Mezhvuzovskoye soveshchanie «Problemy sozdaniya i ispolzovaniya dialektnykh korpusov»*, Saratov, 15—17 noyabrya 2010 g. [Russian oral speech: materials of the International Scientific Conference “Barannikov Readings. Oral speech: Russian dialect and colloquial culture of communication”. Interuniversity meeting “Problems of creating and using dialect corpora”, Saratov, November 15—17, 2010]. Saratov. 245—255. (In Russ.).
- Kachinskaya, I. B., Sichinava, D. V. (2015). Dialektnyy podkorpus segodnya [Dialectal subcorpus today]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the Institute of the Russian Language.], 6: 142—162. (In Russ.).
- Kachinskaya, I. B., Sichinava, D. V. (2017). O korpusе dialektnykh tekstov v natsionalnom korpusе russkogo yazyka [On the corpus of dialect texts in the national corpus of the Russian language]. *Voprosy leksikografii* [Lexicography issues], 11: 71—85. (In Russ.).
- Kapitonova, S. A. (2012). Khozyaystvennoye osvoeniye Karelskogo Pomor'ya (retrospektivnyy analiz) [Economic development of the Karelian Pomorie (retrospective analysis)]. *Iz-*

- vestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Geographical Society], 144/6: 46—55. (In Russ.).
- Karlova, O. L., Kuzmin, D. V. (1999). Istoriya poseleniy Belomorskoy Karelii v svete dannyykh toponimiki [The history of settlements in the White Sea Karelia in the light of toponymy data]. In: *Narodnoye zodchestvo: mezhvuzovskiy sbornik* [Folk architecture: interuniversity collection]. Petrozavodsk. 207—215. (In Russ.).
- Kolesov, V. V. et al. (1990). *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moskva: Vysshaya shkola. 207 s. (In Russ.).
- Konkka, A. (2016). Kladbishche v Gridine kak vydayushchiysya obyekt sakralnoy geografii Karelskogo Pomorya [Cemetery in Gridin as an outstanding object of sacred geography of Karelian Pomorie]. *Arkheologiya russkoy smerti* [Archeology of Russian death], 3: 67—79. (In Russ.).
- Kosmenko, M. G. (2007). Drevnosti primorskoy zony yuzhnogo i zapadnogo Belomorya. Problemy proiskhozhdeniya i adaptatsii kultury drevnego naseleniya [Antiquities of the coastal zone of the southern and western White Sea. Problems of the origin and adaptation of the culture of the ancient population]. In: *Kompleksnyye gumanitarnyye issledovaniya v bassejne Belogo morya: sbornik nauchnykh statey* [Comprehensive Humanitarian Research in the White Sea Basin: Collection of Scientific Articles]. Petrozavodsk. 6—42. (In Russ.).
- Kovyrshina, Yu. I. (2001). Byliny Karelskogo Pomorya v svete etnicheskoy istorii kraia [Epics of the Karelian Pomor region in the light of the ethnic history of the region]. In: *Mezhdistitsiplinarynyy seminar-4. Interpretatsiya khudozhestvennogo teksta: sbornik nauchnykh materialov* [Interdisciplinary workshop-4. Interpretation of literary text: a collection of scientific materials]. Petrozavodsk: Petrozavodskaya gosudarstvennaya konservatoriya. 34—39. (In Russ.).
- Kryuchkova, O. Yu. (2007). Elektronnyy korpus russkoy dialektnoy rechi i printsipy ego razmetki [Electronic corpus of Russian dialectal speech and the principles of its markup]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta: novaya. seriya. Seriya. Filologiya. Zhurnalistika* [Saratov University Bulletin: new series. Series. Philology. Journalism], 7/1: 30—34. (In Russ.).
- Kryuchkova, O. Yu., Goldin, V. E. (2011). Korpus russkoy dialektnoy rechi: kontseptsiya i parametry otsenki [Corpus of Russian dialectal speech: concept and assessment parameters]. In: *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii («Dialog—2011»): trudy mezhdunarodnoy konferentsii* [Computational linguistics and intelligent technologies (“Dialogue-2011”): proceedings of the international conference], 10 (17). Moskva: RGGU. 359—367. (In Russ.).
- Kuzmin, D. V. (2005.). *Arealnaya distributsiya toponimnykh modeley Belomorskoy Karelii*. Author’s abstract of PhD Diss [Areal distribution of toponymic models of Belomorskoy Karelia. Author’s abstract of PhD Diss]. Yoshkar-Ola. 21 p. (In Russ.).
- Kuzmin, D. V. (2007a). K probleme formirovaniya naseleniya zapadnogo poberezhya Belogo morya (po dannym toponimii) [On the problem of the formation of the population of the western coast of the White Sea (according to toponymy data)]. In: *Finno-ugorskaya toponimiya v arealnom aspekte: materialy nauchnogo simpoziuma* [Finno-Ugric Place Names in Areal Aspect: Proceedings of the Scientific Symposium]. Petrozavodsk. 20—89. (In Russ.).
- Kuzmin, D. V. (2007b). Formirovaniye etnolingvisticheskoy karty Karelskogo Pomorya po svedeniyam toponimii [Formation of an ethnolinguistic map of Karelian Pomorie based on toponymy data]. In: *Kompleksnyye gumanitarnyye issledovaniya v bassejne Belogo morya: sbornik nauchnykh statey* [Comprehensive Humanitarian Research in the White Sea Basin: Collection of Scientific Articles]. Petrozavodsk. 175—199.

- Kuzmin, D. V. (2008). Dostatochno li emskikh teoriy? [Are theories of Hem Enough?]. *Onomastica Uralica*, 7: 23—36. (In Russ.).
- Kuzmin, D. V. (2016.). Istoriya osvoeniya Karelskogo Pomorya (v svete yazykovykh dannykh) [History of the development of the Karelian Pomorie (in the light of language data)]. *Linguistica Uralica*, 52/3: 179—194. (In Russ.).
- Kuznetsova, V. P., Bovin, V. B. (2011). Traditsii narodnoy kultury Belomorya v videozapisyakh: verovaniya [The traditions of the folk culture of the White Sea region in video recordings: beliefs]. In: *IX Kongress etnografov i antropologov Rossii: tezisy dokladov* [IX Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia: abstracts]. Petrozavodsk. 97. (In Russ.).
- Kyurshunova, I. A. (2019). Nekalendarnyye lichnyye imena v aspekte aksiologii [Non-Calendar Personal Names in the Aspect of Axiology]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 10: 186—203. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-186-203. (In Russ.).
- Kyurshunova, I. A., Guseva, E. R. (2019). Osobennosti sozdaniya dialektnoy tekstovoy bazy dannykh (po materialam zapisey, sobrannykh v Karelskom Pomorye) [Features of creating a dialect text database (based on records collected in Karelian Pomorie)]. *CARELICA*, 21/1: 1—17. DOI: 10.15393/j14.art.2019.124. (In Russ.).
- Legkaya, P. B. (2017). Audiozapisi fonogrammarkhiva IYaLI KARNTs RAN, sdelannye na territorii Karelskogo Pomorya: problema sistematizatsii [Audio recordings of the phonogram archive of the IYALI KARRC RAS, made on the territory of Karelian Pomorie: the problem of systematization]. In: *Kizhskiy vestnik* [Kizhi Bulletin]. Petrozavodsk: KarNTs RAN. 193—199. (In Russ.).
- Letuchiy, A. B. (2005). Korpus dialektnykh tekstov: zadachi i problemy [Corpus of dialect texts: tasks and problems]. In: *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka: 2003—2005: rezultaty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2003—2005: results and prospects]. Moskva: Indrik. 215—232. (In Russ.).
- Letuchiy, A. B. (2009). Dialektnyy korpus: sostav i osobennosti razmetki [Dialect corpus: composition and markup features]. In: *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka: 2006—2008: novyye rezultaty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006—2008: New Results and Prospects]. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. 114—129. (In Russ.).
- Loyter, S. M. (2005). Iz kollektsii I. M. Durova «Detskie igry i razvlecheniya, zapisannyye v soroksko-kemskom rayonakh Belomor'ya» [From the collection of I. M. Durov «Children's games and entertainment recorded in the Soroksko-Kemsky districts of the White Sea region»]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 1: 36—38. (In Russ.).
- Lupanova, I. P., Senkina, T. I. (1974). Russkaya literaturnaya skazka pervoy poloviny XIX veka v sovremennoy folklornoy traditsii Karelskogo Belomorya [Russian literary tale of the first half of the 19th century in the modern folklore tradition of the Karelian White Sea]. In: *Khudozhestvennyy obraz i istoricheskoye soznaniye: mezhvuzovskiy sbornik* [The artistic image and historical consciousness: an interuniversity collection]. Petrozavodsk. 3—19. (In Russ.).
- Lyzlova, A. S. (2011). Skazki i skazochniki Karelskogo Pomorya [Fairy tales and storytellers of the Karelian Pomorie]. In: *Belomor'e: nit' vremen: materialy foruma «Belomor'e: nit' vremen»* [White Sea: thread of times: materials of the forum «White Sea: thread of times»]. Petrozavodsk. 22—29. (In Russ.).
- Lyzlova, A. S. (2017). Pomorskiy skazochnik F. N. Svin'in: biograficheskiye svedeniya v materialakh folklornykh kollektsiy v KARNTs RAN [Pomor storyteller F.N.Svinin: biographical information in the materials of folklore collections at the KARRC RAS]. In: *Russkiy Sever: k 95-letiyu K. V. Chistova* [Russian North: to the 95th anniversary of K. V. Chistov]. Sankt-Peterburg. 155—164. (In Russ.).

- Markovskaya, E. V. (2003). Folklor sela Sumposad (Karelskoe Pomor'ye): k probleme izucheniya lokalnoy traditsii (na materiale nauchnogo arkhiva Karelskogo nauchnogo tsentra RAN) [Folklore of the village of Sumposad (Karelian Pomorie): on the problem of studying local tradition (based on the material of the scientific archive of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)]. In: *Lokalnyye traditsii v narodnoy kulture Russkogo Severa: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Ryabininskiye chteniya-2003»* [Local traditions in the folk culture of the Russian North: materials of the IV International scientific conference «Ryabinin's readings-2003»]. Petrozavodsk. 93—95. (In Russ.).
- Maslova, M. N. (2017). Mestnyye naimenovaniya vetrov v slovare pomorov-promyslovnikov [Local names of winds in the dictionary of fishing pomors]. In: *Yazyk. Soznaniye. Kontsept: sbornik nauchnykh rabot* [Tongue. Consciousness. Concept: collection of scientific papers]. Melitopol. 146—148. (In Russ.).
- Mikhaylova, L. P. (2008). Osobennosti prefiksnoy sistemy russkikh govorov, obuslovlennyye pribaltysko-finskimi vliyaniyami [Features of the prefix system of Russian dialects due to the Baltic-Finnish influence]. *Severnorusskiye govory* [North Russian dialects], 9: 55—69. (In Russ.).
- Mikhaylova, L. P. (2017a). Nezakonomernyye izmeneniya vneshnego oblika leksiki govorov Belomorya [Irregular changes in the appearance of the vocabulary of the Belomorye dialects]. *CARELiCA*, 2 (18): 1—8. DOI: 10.15393/j14.art.2017.98. (In Russ.).
- Mikhaylova, L. P. (2017b). Leksika prirody belomorskiykh govorov v kontekste etnolingvistikovoy vzaimodeystviya [Vocabulary of the nature of the White Sea dialects in the context of ethno-linguistic interaction]. In: *Mezhdunarodnaya i mezhhrebnoy regionalnaya sopryazhennost' okhranyaemykh prirodnykh territoriy Evropeyskogo Severa: tezisy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 13—17 noyabrya 2017* [International and interregional connectivity of protected natural areas of the European North: abstracts of the International Scientific and Practical Conference, November 13—17, 2017]. Petrozavodsk, KarNTs. 93—94. (In Russ.).
- Mikhaylova, L. P. (2018a). Lotsiya Belogo morya 1930 g. kak istochnik izucheniya sistemy nominatsii gidroobyektov Evropeyskogo Severa [1930 White Sea Navigation as a Source for Studying the System of Nomination of Hydro-Objects in the European North]. *Voprosy geografii* [Geography issues], 146: 135—143. (In Russ.).
- Mikhaylova, L. P. (2018b). Belomorye kak ob'ekt istoricheskogo, etnokulturnogo i arealnogo issledovaniya skvoz' prizmu yazyka [White Sea as an object of historical, ethnocultural and areal research through the prism of language]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University], 6: 109—112. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.217. (In Russ.).
- Mikhaylova, L. P. (2019b). «Skaz o Belomorye» K. P. Gemp kak pamyatnik istorii i kultury pomorov [«The Tale of the White Sea» by K. P. Gemp as a monument to the history and culture of the Pomors]. In: *Kraevedcheskiye chteniya: materialy XIII respublikanskoy nauchnoy konferentsii (13—14 fevralya 2019 g.)* [Local history readings: materials of the XIII republican scientific conference (February 13—14, 2019)]. Petrozavodsk. 67—75. Available at: <http://library.karelia.ru/files/24198.pdf>. (accessed: 02.09.2020). (In Russ.).
- Mikhaylova, L. P., Priobrazhenskiy, A. V. (2019a). Delovyye dokumenty 30-kh — 50-kh gg. XX v. kak istochnik izucheniya toponimii Karelskogo Pomor'ya [Business documents of the 30s—50s. XX century as a source of study of toponymy of the Karelian Pomorania]. In: *Onomastika Povolzh'ya: materialy XVII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Velikiy Novgorod, 17—20 sentyabrya 2019 goda)* [Onomastics of the Volga Region: Materials of the XVII International Scientific Conference (Veliky Novgorod, September 17—20, 2019)]. Velikiy Novgorod: Pechatnyy dvor. 138—142. (In Russ.).

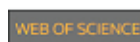
- Mullonen, I. I. (1999). Toponimiya Belomorskoy Karelii: itogi i perspektivy [Toponymy of the White Sea Karelia: results and prospects]. In: *Belomorskaya Kareliya: istoriya i perspektivy razvitiya: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [White Sea Karelia: history and development prospects: materials of the scientific-practical conference]. Kalevala. 30—31. (In Russ.).
- Mullonen, I. I. (2008). Zagadka Vyga [Riddle of Vyga]. *Voprosy onomastiki* [Onomastics issues], 2 (6): 58—63. (In Russ.).
- Mullonen, I. I., Panchenko, O. V. (2013). *Pervyy karelsko-russkiy slovar' i ego avtor afonskiy arkhimandrit Feofan* [The first Karelian-Russian dictionary and its author, the Athonite archimandrite Theophanes]. Petrozavodsk: PetrGU. 116 p. (In Russ.).
- Novikova, E. I. (1980). *Morfologicheskoye slovoobrazovaniye kachestvennykh imen prilagatelnykh v russkikh govorakh Karelii i sopredelnykh oblastey*. Author's abstract of PhD Diss [Morphological word formation of qualitative adjectives in Russian dialects of Karelia and adjacent regions. Author's abstract of PhD Diss]. Leningrad. 23 p. (In Russ.).
- Novoselova, V. A. (2017). Sostav i funktsii chastits v bylinakh Pomorya [The composition and functions of particles in the epics of Pomorie]. *CARELICA*, 2 (18): 25—31. DOI: 10.15393/j14.art.2017.100. (In Russ.).
- Orfinskiy, V. P., Grishina, I. E., Borisov, A. Yu., Kosenkov, A. Yu., Patrashkova, N. A. (2007). Zhdchestvo Karelskogo Pomor'ya: nezabytoye nasledie [The architecture of the Karelian Pomorie: an unforgotten heritage]. In: *Kompleksnyye gumanitarnyye issledovaniya v bassejne Belogo morya: sbornik nauchnykh statey* [Comprehensive Humanitarian Research in the White Sea Basin: Collection of Scientific Articles]. — Petrozavodsk. 152—174. (In Russ.).
- Pavlova, A. V. (2011). Pomorskaya gidrograficheskaya leksika v arealnom i sistemnom aspektakh (na materialie leksiko-semanticeskoy gruppy slov «naimenovaniya zalivov») [Pomeranian hydrographic vocabulary in areal and systemic aspects (on the material of the lexical-semantic group of words «names of bays»)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 5: 316—320. (In Russ.).
- Pigin, A. V. (2019). Petr I i Peterburg v sochineniyakh pisateley-starobryadtsev Vygovskoy pomorskoy pustyni [Peter I and Petersburg in the writings of the Old Believers of the Vygovskaya Pomorskaya Hermitage]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University], 6 (183): 77—84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.375. (In Russ.).
- Popova, A. O. (2009). Bondarnaya posuda pomorskogo sela Nyukhcha [Cooper dishes from the Pomor village of Nyukhcha]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 3: 5—8. (In Russ.).
- Poroshina, V. A. (1983). *Vydelitelno-ogranichitelnyye chastitsy i ikh stilisticheskie funktsii v yazyke bylin*. PhD Diss [Distinctive and restrictive particles and their stylistic functions in the language of epics. PhD Diss]. Petrozavodsk. 205 p. (In Russ.).
- Priobrazhenskiy, A. V. (2003). *Russkaya toponimiya Karelskogo Pomorya i Obonezh'ya v istoricheskoy aspekt*. Author's abstract of PhD Diss [Russian toponymy of the Karelian Pomorie and Obonezh'ye in the historical aspect. Author's abstract of PhD Diss]. Petrozavodsk. 20 p. (In Russ.).
- Priobrazhenskiy, A. V. (2014). Russkaya mikrotoponimiya Karelskogo Pomorya po dannym pis'mennykh i polevykh istochnikov [Russian microtoponymy of the Karelian Pomorie according to written and field sources]. *Severnorrusskiye govory* [North Russian dialects.], 13: 182—198. (In Russ.).
- Priobrazhenskiy, A. V. (2017). Naimenovaniya ptits v russkikh govorakh Belomorya [Names of birds in Russian dialects of the White Sea]. *Obshchestvennyye nauki* [Social Sciences], 6: 267—272. (In Russ.).

- Priobrazhenskiy, A. V. (2018). Leksika pomorskikh delovykh dokumentov kontsa 20-kh — nachala 30-kh godov [Vocabulary of Pomor business documents of the late 20s — early 30s]. *Sinergiya Nauk* [Synergy of Sciences], 29: 1572—1589. (In Russ.).
- Priobrazhenskiy, A. V. (2019). Olenevodcheskaya leksika Kemskego Pomorya v delovykh dokumentakh iz fondov natsionalnogo arkhiva Karelii [Reindeer-breeding vocabulary of the Kemsy Pomorie in business documents from the funds of the national archive of Karelia]. In: *Ryabininskiye chteniya—2019: materialy VIII konferentsii po izucheniyu i aktualizatsii kulturnogo naslediya Russkogo Severa* [Ryabinin Readings—2019: Materials of the VIII Conference on the Study and Actualization of the Cultural Heritage of the Russian North]. Petrozavodsk. 601—603. (In Russ.).
- Reznichenko, E. B. (2013). Svadebnaya prichet' Belomorya v kontekste izucheniya kultury Russkogo Severa [Wedding lamentation of the White Sea in the context of studying the culture of the Russian North]. *Muzykovedeniye* [Музыкаведение], 7: 11—17. (In Russ.).
- Salo, I. V. (1966). *Vliyaniye pribaltiysko-finskikh yazykov na severno-russkiye govory pomorov Karelii*. Author's abstract of PhD Diss [Influence of the Baltic-Finnish languages on the North Russian dialects of the Pomors of Karelia. Author's abstract of PhD Diss]. Moskva. 20 p. (In Russ.).
- Salo, I. V. (1966a). Nekotoryye vyvody o pribaltiysko-finskikh i saamskikh zaimstvovaniyakh i ikh osvoenii v severnorusskikh govorakh karelskogo Belomorya [Some conclusions about the Baltic-Finnish and Sami borrowings and their development in the Northern Russian dialects of the Karelian White Sea]. *Sovetskoye finno-ugrovedeniye* [Soviet Finno-Ugric Studies], 2: 91—98. (In Russ.).
- Salo, I. V. (1966b). Nekotoryye vyvody po izucheniyu zaimstvovannoy leksiki belomorskikh govorov [Some conclusions on the study of the borrowed vocabulary of the White Sea dialects]. In: *Nauchnaya konferentsiya po itogam rabot za 1965 god: tezisy* [Scientific conference on the results of work for 1965]. Petrozavodsk. 51—58. (In Russ.).
- Salo, I. V. (1971). Iz istorii vzaimootnosheniy vepsov, karel i russkikh karelskogo Belomorya [From the history of relations between Vepsians, Karelians and Russians of the Karelian White Sea]. In: *Pribaltiysko-finskoye yazykoznanie* [Baltic-Finnish linguistics]. Leningrad. 57—62. (In Russ.).
- Semenova, O. V. (2018). Antronymikon «Belomorskikh skazok» M. M. Korgueva [Antonymicon of «White Sea Tales» by M. M. Korguev]. In: *Prityazheniye Severa: yazyk, literatura, sotsium: materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Attraction of the North: language, literature, society: materials of the I International scientific and practical conference], 1. Petrozavodsk: PetrGU. 572—580. (In Russ.).
- Semenova, O. V. (2019). Onomastikon skazok F. N. Svin'yina [Onomasticon of F. N. Svin'yin's tales]. In: *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Ekaterinburg, 9—13 sentyabrya 2019 g.* [Etymology: materials of the IV International Scientific Conference, Yekaterinburg, September 9—13, 2019]. Yekaterinburg: Uralskiy universitet. 296—299. (In Russ.).
- Shvayko, V. I. (2010). Pamyatniki pismennosti Belomorya XIX — nach. XX vv. kak leksikograficheskiy istochnik [Written monuments of the White Sea region XIX — early XX]. In: *Sovremennaya russkaya leksikografiya* [Modern Russian lexicography]. Sankt-Peterburg. 266—276. (In Russ.).
- Suslova, E. D., Chernyakova, I. A. (2019). *Tserkov' i krestyanskoye soobshchestvo v Karelii rannego Novogo vremeni: dokumenty i materialy* [Church and Peasant Community in Early Modern Karelia: Documents and Materials]. Petrozavodsk: PetrGU. 731 p. (In Russ.).
- Vampilova, L. B. (2005). Istoriko-geograficheskaya periodizatsiya osvoiniya landshaftov Karelskogo Pomorya [Historical and geographical periodization of landscape development in Karelian Pomorie]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Estestvennyye*

- i tochnyye nauki* [Bulletin of the Pomeranian University. Series: Natural and exact sciences], 1: 29—38. (In Russ.).
- Varina, S. N. (1974). *Slovoobrazovaniye lichnykh imen sushchestvitelnykh v russkikh severo-zapadnykh dialektakh*. Author's abstract of PhD Diss [Word formation of personal nouns in the Russian northwestern dialects. Author's abstract of PhD Diss]. Leningrad. 17 s. (In Russ.).
- Voronova, L. A. (1967). Iz nablyudeniya nad dialektnymi nazvaniyami ryb v govorakh Belomorskogo rayona KASSR [From observations of the dialect names of fish in the dialects of the Belomorsk region of the KASSR]. *Uchenyye zapiski Karelskogo pedagogicheskogo instituta. Voprosy yazykoznaniya* [Scientific notes of the Karelian Pedagogical Institute. Linguistic issues], 18: 43—48. (In Russ.).
- Voronova, L. A. (1968a). O pribaltiysko-finskikh zaimstvovaniyakh v promyslovoy leksike pomorskikh rybakov [From observations of the dialect names of fish in the dialects of the Belomorsk region of the KASSR]. *Uchenyye zapiski Karelskogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific notes of the Karelian Pedagogical Institute], 22: 142—156. (In Russ.).
- Voronova, L. A. (1968b). *Russkaya promyslovaya leksika rybakov Belomor'ya*. Author's abstract of PhD Diss [Russian fishing vocabulary of the White Sea fishermen. Author's abstract of PhD Diss]. Petrozavodsk. 17 s. (In Russ.).
- Yurina, E. A. (2011). Tomskiy dialektnyy korpus: v nachale puti [Tomsk dialect corpus: at the beginning of the journey]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University.], 2: 58—63. (In Russ.).
- Zakharova, K. F. (1970). *Dialektnoye chlenenie russkogo yazyka: uchebnoye posobiye dlya fakul'tetov russkogo yazyka i literatury pedagogicheskikh institutov* [Dialectal division of the Russian language: a textbook for the faculties of the Russian language and literature of pedagogical institutes]. Moskva: Prosveshcheniye. 167 p. (In Russ.).
- Zhukov, A. Yu., Lyallya, E. V. (2012). Volostnaya i tserkovno-prikhodskaya struktura Karelskogo Pomor'ya, konets XV — seredina XVIII veka [Volost and parish structure of Karelian Pomorie, late 15th — mid-18th century]. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 4: 74—84. (In Russ.).

Языковой выбор и идентичность карельской и белорусской молодежи (по данным опросов этнических лидеров) / Ю. В. Литвин, М. В. Кундозерова, С. В. Липницкая, Е. Н. Изергина, Я. С. Шевченко // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 96—113. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-96-113.

Litvin, Ju. V., Kundozerova, M. V., Lipnitskaya, S. V., Izerhina, A. N., Shevchenko, Ya. S. (2020). Language Choice and Identity of Karelian and Belarusian Youth (according to Polls of Ethnic Leaders). *Nauchnyi dialog*, 10: 96-113. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-96-113. (In Russ.).

УДК 811.161.3'27+811.511.112'27+159.923.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-96-113

ЯЗЫКОВОЙ ВЫБОР И ИДЕНТИЧНОСТЬ КАРЕЛЬСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО ДАННЫМ ОПРОСОВ ЭТНИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ)¹

© **Литвин Юлия Валерьевна (2020)**, orcid.org/0000-0002-2369-4987, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Республика Карелия), litvinjulia@yandex.ru.

© **Кундозерова Мария Владимировна (2020)**, orcid.org/0000-0001-5423-8709, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Республика Карелия), maria.vlasova@mail.ru.

© **Липницкая Светлана Викторовна (2020)**, orcid.org/0000-0002-3149-1960, младший научный сотрудник, филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа», Государственное научное учреждение «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси» (Минск, Республика Беларусь), lipnitskayasv@gmail.com.

© **Изергина Елена Николаевна (2020)**, orcid.org/0000-0003-0435-4087, научный сотрудник, Государственное научное учреждение «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси» (Минск, Республика Беларусь), alena.izergina@gmail.com.

© **Шевченко Яна Сергеевна (2020)**, orcid.org/0000-0002-7549-7029, научный сотрудник, Государственное научное учреждение «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси» (Минск, Республика Беларусь), уапа010891@yandex.by.

Исследование предлагает новый ракурс анализа языковой и этнокультурной ситуации в Республике Карелия и Республике Беларусь. Новизна исследования видится в том, что с учетом различных исходных параметров — географической дистанции, формы государственного устройства, статуса языка — предлагается сравнить обстановку в двух регионах, в которых обнаруживается общая тенденция, обусловленная доминирующим положением русского языка. Основное внимание уделяется проявлению этнического самочувствия людей, в разной степени вовлеченных в процессы сохранения языка и культуры. Предлагается интерпретация и сравнение причин предпочтения русского языка в сетевом пространстве и в реальной жизни. Статья основана на результатах анкетирования переводчиков интерфейса социальной сети «ВКонтакте», материалах биографических интервью с этническими лидерами, данных наблюдения на этнически ориентированных мероприятиях в рассматриваемых регионах. Выявлено различие в языковых установках и реальных практиках использования активистами карельского и белорусского языков. Определены лингвистические причины (уровень языковой компетенции)

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 19-59-04004 и № Г19PM-059.

и психологический аспект этноязыковой составляющей при выборе доминирующего языка в Карелии и Беларуси.

Ключевые слова: этническая идентичность; этническое самочувствие; карельский язык; белорусский язык.

1. Введение

Традиционно внимание исследователей приковано к фронтирным зонам, к числу которых принадлежит, например, белорусско-русское или российско-финское пограничье. Предметом изучения являются региональные особенности в демографической, языковой, конфессиональной сферах, обрядовая культура по обе стороны, а также идентичность и культурная специфика населения этих территорий.

Авторы данной статьи смещают фокус с «реальных» границ на виртуальные в конкретных этнических и социовозрастных группах. Используется понятие «этнический активист», под которым подразумевается человек, который проявляет инициативу и реализует проекты в сфере сохранения этнического языка и культуры, в том числе используя возможности сети Интернет. Новизна исследования видится в том, что в ходе работы фиксируются схожие и специфичные тенденции развития и модели поведения активистов в отдаленных друг от друга регионах.

Цель статьи — выявление и сравнение индикаторов этнического самочувствия активистов в обоих регионах. Ставятся следующие задачи: охарактеризовать социально-демографический портрет белорусских и карельских активистов; представить мотивацию исследуемых групп к работе по сохранению этнических языков в киберпространстве; рассмотреть причины, по которым возможности белорусско- и карелоязычного Интернета используются не в полной мере; выявить наиболее значимые маркеры, влияющие на этническую идентичность и самочувствие активистов в Беларуси и Карелии.

2. Материалы и методы

Для решения поставленных задач использовались анкетирование и биографическое интервью, а также применялся метод включенного наблюдения на одном из этнических мероприятий в Карелии и мероприятиях в Беларуси, опрос участников. В связи с ограничением во времени и небольшим количеством исполнителей проекта был использован принцип триангуляции: одновременное применение нескольких методов. Работа в исследовательской команде позволила снизить субъективность исследователя и повысить валидность данных.

Для переводчиков и руководителей коллективов по переводу интерфейса социальной сети «ВКонтакте» на карельский и белорусский языки была разработана анкета с вопросами. Они касались области образования и квалификации переводчиков, их мотивации к занятиям переводами и возможных перспектив развития языка. Всего было опрошено 12 человек (7 информантов, осуществлявших перевод на карельский язык, 4 — на академический и один — на классический варианты белорусского языка), подробнее см.: [Кундозерова и др., 2020, с. 55].

Эмпирическую базу также составляют материалы биографических интервью с этническими лидерами. Особое внимание уделялось следующим аспектам: эт-

ническое самоопределение; языковые характеристики; вовлеченность в процессы сохранения языка и культуры своей этнической группы; использование сети Интернет и Интернет-ресурсов на белорусском и карельском языке; перспективы развития инициатив по сохранению этнической культуры в двух регионах.

Первоначально мы ориентировались на молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет. Однако в ходе сбора данных в Беларуси и Карелии было принято решение отказаться от жесткого ограничения возрастного диапазона. Так, в число опрошенных вошли как 15-летние карелы, так и те, кому исполнилось 42 года (всего пять интервью). Еще пять интервью были взяты у карелов, которые не являются этническими лидерами, однако проявляют интерес к сохранению и развитию языка, участвуют в некоторых мероприятиях.

Метод включенного наблюдения применялся при посещении Форума финно-угорской языковой активности¹ (г. Петрозаводск, 17—18 мая 2019 года). В течение двух дней одним из авторов статьи фиксировалось «поле смыслов», создаваемых участниками в ходе выступлений и дискуссий. На основе записей был составлен перечень смысловых категорий. Под смысловой категорией понимается обобщенное название для ряда событий, реплик — теоретический конструкт, определяемый целью и задачами исследования [Готлиб, 2004, с. 91]. На мероприятии также было проведено анкетирование девяти руководителей этнокультурных учреждений Карелии или их представителей (от расположенного на севере Карелии в г. Беломорск до находящегося в южной части республики г. Олонца). Средний возраст опрошенных составил 44 года, что также подтверждает правомерность отказа от установления возрастных рамок для респондентов в исследовании. Восемь из девяти руководителей этнокультурных учреждений были женщинами. В среднем длительность пребывания опрошенных в общественных организациях составляла девять лет. Вопросы, представленные в анкете, касались роли Интернета в сохранении и развитии языка, ведения переписки и использования интерфейса на карельском языке в социальной сети «ВКонтакте».

В Беларуси опрос был сделан в разных городах страны — Минск, Полоцк, Новополоцк, Несвиж, Бобруйск, Барановичи — среди активистов, которые занимаются проведением и организацией этнокультурных мероприятий в возрасте от 18 до 45 лет, а также людей, заинтересованных в сохранении белорусского языка и культуры. Всего 22 информанта. Материалы были собраны также во время проведения мероприятия в Полоцке — Международного фестиваля «На пути из варяг в греки» (30 августа — 1 сентября 2019 г.), организаторами которого являются люди в возрасте от 18 до 45 лет. Фестиваль стал одним из главных культурных событий в стране. Во время его проведения были опрошены организаторы — четыре человека, участники — три человека, гости — четыре человека.

1 Форум финно-угорской языковой активности был проведен в поддержку Международного года языков коренных народов по проекту SANA 2019. На Форум прибыли более 30 человек, среди которых были руководители и представители общественных финно-угорских организаций, члены Постоянного форума по вопросам коренных народов при ООН, эксперты научного сообщества (представители музеев, университета).

Ограничения. Известно, что данные переписей не всегда отражают реальную компетенцию людей в этнических языках или степень использования языка [Grenoble, 2003, с. 31]. Исследование сфокусировано на данных биографических и тематических интервью. В поле зрения авторов — отдельные случаи, при этом предпринимается попытка представить объяснительные модели поведения, имеющие сходства и специфику в двух регионах. Авторы не дают оценку лингвистическим навыкам, а опираются на субъективные ощущения информантов об уровне владения языком своей группы.

3. Обзор научной литературы и этносоциологических данных

Адаптация языковых практик к современным условиям может происходить в различных сферах, в том числе в киберпространстве. Современные онлайн-площадки упрощают взаимодействие и ускоряют обмен информацией, позволяя принять меры к сохранению и распространению языка. Исследователи указывают, что кибермир становится хранилищем этнокультурного наследия и стимулирует представление и достойное позиционирование собственной культуры (языка, традиций, истории) в веб-среде, может вызывать своего рода этноренессанс [Головнев и др., 2018, с. 106]. В связи с этим важными для целей исследования являются публикации по изучению киберэтничности и социальных медиа (см., например, публикации О. А. Бодровой, Г. Ф. Габдрахмановой, А. А. Гладковой, Д. Р. Гимадевой, Б. В. Орехова, А. Κορναϊ; С. Nine и др.). Социолингвистический и психолингвистический аспекты функционирования белорусского и карельского языков в интернет-пространстве освещаются в работах С. А. Важник (Важнік), Е. В. Ленкевич (Лянкевіч), Н. Б. Мечковской (Мячкоўская), С. В. Нагурной и др. В рамках статьи ценными являлись труды социолингвистов (например, работы А. А. Бурыкина, Н. Б. Вахтина, А. Е. Кибрика, W. Dressler, R. Wodak-Leodolter и др.).

Прежде чем перейти к представлению результатов, обратимся к данным массовых этносоциологических опросов в рассматриваемых регионах для введения в общий контекст и понимания актуальности рассматриваемой проблематике.

Численность карельского населения в Республике Карелия стремительно снижалась на протяжении второй половины XX века. Уже в 1989 году «титальный» этнос составлял 10 % в общей структуре населения республики, а в 2010 году доля карелов сократилась до 7,4 %. Процент карелов, владеющих карельским языком, составлял 36,8 %, родным его назвали 27 % [О демографических ..., 2010]. Предварительные итоги проведенного в 2019 году этноязыкового мониторинга среди карельского населения (без учета данных по г. Петрозаводску) свидетельствует о снижении доли карелов, хорошо знающих карельский язык, до 29,4 %. Доля лиц, не владеющих языком своей этнической группы, увеличилась незначительно [Современная языковая ситуация ..., 2020, с. 6].

В Республике Беларусь, по данным переписи 1999 года, численность белорусов составляла 8 159 073 чел. (81,2 %), родным языком назвали белорусский 73,7 % респондентов, в повседневной жизни его использовали — 36,7 % [Перепись населения ..., 1999]. Через десять лет произошло снижение двух последних показате-

телей: белорусский язык признали родным 60 % опрошенных, а используют его в повседневной жизни 30 % населения страны [Перепись населения ..., 2009]. Как и у карелов, но в других соотношениях, языковые характеристики белорусов тесно связаны с возрастом — чем старше возрастная группа, тем больше в ней тех, кто назвал белорусский язык родным (20—24 г. — 49,8 %, 40—44 г. — 55,7 %).

В опросе 2019 года впервые был поставлен вопрос об использовании карело-язычного Интернета. Зафиксировано, что значительная часть ответов по использованию этнического языка в сети свидетельствует об отношении к Интернету как к платформе, необходимой для развития карельского языка. Однако только 15 % опрошенных ответили, что изредка используют карельский язык в социальных сетях или для чтения СМИ на родном языке [Современная языковая ситуация ..., 2020, с. 18]. В исследовании 2013 года, проводившемся среди олонечских карелов (носителей ливвиковского наречия карельского языка), также отмечено, что информанты высказали необходимость развития карельского языка в сети Интернет (61,9 %). При этом фактически использование электронных средств массовой информации на карельском языке являлось редким и было характерно для молодых возрастных групп (27,3 % 18—29-летних олонечских карелов ответили, что иногда используют карельский язык в Интернете) [Карельский язык ..., 2013, с. 163—164]. Статистические сведения о сетевом поведении белорусов в настоящее время отсутствуют.

Таким образом, данные массовых социологических исследований свидетельствуют о снижении числа носителей «титulyных» языков и углублении разрыва между этнической идентичностью и признанием родным карельского и белорусского языка в соответствующих регионах. Также видно, что с развитием Интернета карелы видят в нем ресурс, благодаря которому можно сократить указанный разрыв из любой точки мира. Одновременно число тех, кто обращается к такой возможности, остается небольшим.

4. Потенциал сети Интернет в развитии этнических языков и сохранении идентичности

На первом этапе исследования было обращено внимание на инициативы по ревитализации этнических языков в киберпространстве на примере перевода интерфейса социальной сети «ВКонтакте» на белорусский и карельский языки, был проведен опрос переводчиков и активистов [Кундозерова и др., 2020, с. 56]. Так, например, оказалось, что у карелов язык был выучен во взрослом возрасте (в университете), и их основная работа связана с карельским языком и филологией (исследователь карельского фольклора и редактор издательства). Белорусские информанты ответили, что владеют языком с детства, а по роду деятельности они не связаны с языком (преподаватель фармацевтической химии в медицинском университете, провизор, аспирант по направлению фундаментальной медицины, инженер-программист, тестировщик программного обеспечения). Таким образом, карелы являются специалистами по языку, но не носителями, а белорусы, наоборот, — носителями, но не специалистами по белорусскому языку.

Большинство опрошенных переводчиков считает использование интерфейса социальной сети на родном языке действенным или оказывающим положительное влияние на сохранение языка механизмом. Тем не менее в отношении возможности развития карельского или белорусского языков только посредством сетевого пространства были высказаны сомнения.

Среди ответов белорусских и карельских переводчиков отмечается немало аналогичного, прежде всего, по созданию актуального визуального и аудио-контента, мобильных приложений и рекламы на родном языке, популярных и уникальных ресурсов, имеющих практическое значение и способных мотивировать людей изучать этнический язык. Комплекс этих мер, по мнению активистов, может способствовать повышению престижа родного языка, желанию использовать его на работе и дома, с детьми. В ответах карельских и белорусских информантов сохраняется запрос к властным структурам по более глубокому и интенсивному взаимодействию с местным этническим сообществом по сохранению и развитию языка.

На втором этапе исследования внимание было уделено выявлению уровня востребованности переводного интерфейса социальных сетей, равно как и в целом использования языка в сети Интернет, влияния медиа на развитие языка среди карельских и белорусских активистов.

В ходе биографических интервью мы задавали вопрос об использовании интернет-ресурсов на карельском и белорусском языках. Карельскими собеседниками были названы преимущественно обучающие группы, в которых большинство записей представлено на русском языке или записи дублируются на русском и карельском языках (например, более 6 тысяч участников состоит в группе «Карельские пословицы. Karjalan sananpolvet», более 1000 — в группе «Карельскому языку — официальный статус в Карелии»). Востребованность подобных ресурсов в «карельском» сегменте Интернета находит параллели с общероссийскими данными. Для языкового сообщества России, использующего миноритарный язык в сети, характерно незначительное количество постов на миноритарном языке (до $\frac{1}{3}$ от общего количества записей), при этом они преимущественно короткие (не более пяти слов) [Нагурная, 2019б, с. 305].

Оценивая влияние социальных медиа на сохранение и развитие карельского языка, лидеры этнокультурных объединений, участвовавшие в упомянутом выше Форуме финно-угорских активистов, отметили их большое значение. В числе факторов положительного влияния были названы информационная и просветительская роль Интернета, возможность «продвинуть (карельский язык) в молодежную среду», а также то, что посредством использования новых технологий карельский язык может «стать актуальным, современным средством общения». При этом только два человека из восьми ведут переписку на карельском языке, еще один указал, что использует карельский язык в переписке периодически. Два активиста из девяти ответили, что используют интерфейс «ВКонтакте» на карельском языке. Таким образом, видно различие в языковых установках и реальных практиках использования карельского языка.

Материалы биографических интервью подтверждают признание интернет-ресурсов и виртуальных сообществ в качестве одного из механизмов раскрытия

потенциала и развития этнических языков: «Можно было бы внедрять дистанционные курсы по карельскому языку и разные формы обучения на карельском языке <...>. Я уповаю на сферу образования. Из семей язык практически ушел. Образовательные проекты очень хорошо реализовывать через интернет» (женщина 1977 г.р., с. Ведлозеро, Карелия). В то же время отмечается малая информированность карельских информантов о работе, которая ведется в данном направлении. Приведем фрагмент интервью с молодыми карелами: «Роль социальных сетей довольно-таки сильна, потому что в интернете можно, скажем, кинуть какую-то идею, если тебя будут поддерживать люди, то она может разойтись вообще по всему интернету и стать вирусной <...>. В самих сетях я очень активен, сейчас я уже жизнь без этого не представляю» (юноша 2005 г.р., с. Ведлозеро, Карелия). На вопрос об использовании интерфейса на карельском языке информант ответил: «К сожалению, нет каких-то таких значимых разработчиков». Женщина 1983 г.р. была удивлена новости о проведенной работе по переводу интерфейса «ВКонтакте» на карельский язык: (Интервьюер) «А вы знаете, что интерфейс «ВКонтакте» переведен на карельский язык. Слышали об этом что-нибудь?» (Информантка) «В смысле переведен?». Отметим, что работа карельских переводчиков сопровождалась информационным освещением процесса и результатов деятельности¹. Однако знал о ней только небольшой круг пользователей в социальной сети.

Предполагается, что иная ситуация должна быть в Республике Беларусь, где белорусский язык является государственным языком. Степень использования этнического языка у белорусских активистов выше, чем у карелов. Определенное значение здесь имеет близость языковых систем белорусского и русского языков и различие карельского и русского языков. По результатам научного исследования венгерского математика и лингвиста А. Корнаи, белорусский входит в число языков, потенциально жизнеспособных в сетевом пространстве [Kornai, 2013]. При этом важно различать представленность языка в киберпространстве и его востребованность. С одной стороны, в Беларуси усилия молодых активистов по увеличению пространства родного языка в социальных сетях имеют больший, чем в Карелии, отклик: «Интернет оказывает влияние, особенно в последние годы. Это особенно актуально для молодых людей. Они читают новости на белорусскоязычных сайтах, сидят в различных белорусскоязычных публикациях в социальных сетях» (женщина, 1990 г., г. Минск). С другой стороны, даже руководители сообществ в социальных сетях признают, что не знают реальный уровень востребованности белорусскоязычных версий социальных сетей: «Насколько они популярны?.. Знаем, что они есть и люди имеют возможность ими пользоваться, постепенно количество людей, которые к ним присоединяются, увеличивается» (женщина 1979 г., г. Полоцк, Беларусь); «Насколько мне известно, белорусским интерфейсом пользуются несколько десятков тысяч человек. Для них я и стараюсь» (мужчина 1991 г.р., г. Бобруйск, Беларусь).

¹ Информация размещалась «ВКонтакте» как в группах («Karjalan Rahvahan Liitto. Союз карельского народа», «Молодые ученые ИЯЛИ КарНЦ РАН», «Радио России – Карелия 102,2 fm», «Петрозаводск говорит»), так и на личных страницах переводчиков.

Специфика «белорусской» ситуации имеет точки пересечения с «карельской» и связана прежде всего с советским подходом в языковой политике.

Накануне «перестройки» стартовые условия для национального возрождения, которое проходило во всех республиках, в Карелии были крайне неблагоприятными [Строгальщикова, 2019, с. 276]. Среди многочисленных негативных факторов особенно следует отметить то, что языком образования с середины 1920-х по (формально) 1956 годы в республике был финский, а не карельский язык. Это привело к замедлению развития письменных вариантов карельского языка и определения графической основы. Так, два из трех наречий карельского языка обрели письменные стандарты только в 1989 году [Нагурная, 2019а, с. 65]. В Карелии ситуация осложнялась периодами обострений отношений между Финляндией и СССР, пострадавшей стороной в которых становилось в том числе карельское население [Строгальщикова, 2019, с. 283]. Активные миграционные процессы в 1960-х годах также способствовали размыванию языковой среды.

В Беларуси статус государственного белорусский язык приобрел в 1920-е годы. К концу второго десятилетия XX века около 90 % опубликованной литературы было на белорусском языке, и более 89 % школ использовали белорусский язык обучения. Белорусский язык стал языком делопроизводства, науки [Васілеўская, 2007, с. 236]. Денационализация общественной и культурной жизни, начавшаяся в 1930-х годах, остановила процесс белорусизации. В 1950—1980-е годы употребление белорусского языка сузилось, он практически был исключен из официального использования. Ситуация изменилась в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда процессы демократизации общества, обретения Республикой Беларусь суверенитета актуализировали языковую проблему и привели к началу возрождения белорусского языка. В 1990 году белорусскому языку в соответствии с Законом о языках, принятым Верховным Советом Беларуси, был присвоен статус государственного языка, что предусматривало его восстановление в сфере служебного пользования и образования. По итогам референдума 1995 года русский язык получил статус государственного в Беларуси. С этого времени белорусский фактически занимает второстепенное значение.

Непоследовательная языковая политика центральных властей, продиктованная геополитическими интересами, миграции и урбанизация, деполитизация этничности до уровня культурных репрезентаций привели к поверхностной инкультурации и усилению русского языка в обоих регионах. Отличия этноязыковой ситуации заключаются в промежутке 20-летней независимой истории стран, разных стратегиях государств и, соответственно, некоторых итогах. Развитие интернет-ресурсов и работа по переводу интерфейсов социальных сетей имеют большой потенциал для усиления позиций карельского и белорусского языков и сохранения этнической идентичности рассматриваемых этносов.

5. Индикаторы этнического самочувствия активистов

Отсутствие системы непрерывной преемственности в образовании на «титულных» языках в прошлом и жесткое административное управление в геополитиче-

ских интересах привело, помимо прочего, к тому, что в повседневной жизни карелы и белорусы стали отдавать предпочтение русскому языку. Это обстоятельство сказывается на самочувствии активистов, вовлеченных в процессы возрождения этнического языка. Лингвистические и психологические причины подобного предпочтения отчетливо выявляются в материалах проведенного нами интервью.

5.1. Языковая компетенция карельских и белорусских активистов

Наши собеседники, родившиеся в последние годы существования советского государства, говорили о барьере в развитии языковых компетенций. Подчеркнем, что нас интересует субъективный взгляд собеседников на причины не востребо­ванности «титulyных» языков.

Для активистов значимо нормативное пространство речевых навыков. Работа в сфере этнической культуры предполагает знание этнического языка. При этом, например, в анкетах на упомянутом выше Форуме в Карелии лишь три информанта отметили, что говорят на карельском языке дома, общаясь с родственниками. Шесть из девяти применяют свое знание языка в этнокультурной работе на нерегулярной основе (например, используют отдельные слова или фразы при оформлении тематических мероприятий). Материалы интервью детализируют анкетные данные: «Да, ну, может быть и хватает <...>. Я знаю карельский бытовой язык. То есть даже в университете училась, и всегда преподаватель мне говорит, как там в книжках написано <...>. Больше такой бытовой. Не то что непрофессиональный. И поэтому иногда бывает, что там, если быстро сказать надо, то, конечно, по-русски» (женщина 1991 г.р., Пряжинский р-он, Карелия); «Но я не разговаривала по-карельски. Так иногда что-то. Сейчас я тоже могу сказать, что разговариваю отдельными фразами. Не то чтобы я стесняюсь языка, я стесняюсь своего незнания» (женщина 1983 г.р., Пряжинский р-он, Карелия); «И поэтому, конечно, для меня самое проблемное — это незнание языка <...>. Но вот я уже понимаю более-менее, когда говорят по-карельски, но вот говорить как-то никак не могу... Нет, никак рубеж этот не могу перешагнуть, чтобы говорить на другом языке» (женщина 1975 г.р., Олонецкий р-он, Карелия). Из приведенных выше фрагментов интервью видно, что далеко не все информанты уверены в своих языковых познаниях. Это в том числе влечет за собой боязнь непонимания карелоязычного интерфейса и отказ от его использования.

Карельские этнические лидеры, неуверенные в своих языковых компетенциях, выросли в парадигме «язык — национальная (этническая) принадлежность — этническая общность». Эта триада была сформулирована в период национального пробуждения 1990-х годов и заключалась в том, «чтобы использовать мобилизационную силу языковой составляющей в решении перво­степенных проблем» [Клементьев, 2012, с. 149]. Результатом указанной политики стало слияние языка и этничности в восприятии граждан. Молодая карелка из Петрозаводска, бывший лидер одной из карельских организаций, рассуждала: «В языке менталитет народа, характер народа. Я считаю, что народ — это язык прежде всего» (женщина 1981 г.р., г. Петрозаводск, Карелия). Приведенная цитата иллюстрирует, что карельский язык продолжает рассматриваться как инструмент классификации, при-

знак группы. Однако в реальности он «вымывается» из всех сфер жизни. Нехватка языковых компетенций приводит к выбору русского языка у старшего и среднего поколения при общении с младшим в силу простоты понимания друг друга. Чем меньше язык используется, тем сложнее для всех поколений становится общаться на нем, «и отказ от титульного языка будет нарастать как снежный ком» [Вяхтин, 2001, с. 15]. Специфика ситуации с карельским языком заключается еще и в том, что он конкурирует не только с русским, но и с близкородственным в языковом отношении финским языком, который одновременно является более востребованным. Различие между языковыми установками и практикой осознается общественными лидерами. В частности, на Форуме финно-угорской языковой активности неоднократно звучал тезис «нет языковому пуризму», сочетаясь с высказываниями вроде «мудрость народа можно понять через язык».

Белорусские активисты или молодые люди, заинтересовавшиеся языком своей этнической группы, также оценивают белорусский язык как основной маркер этничности: «Не забывайте родной язык, чтобы не умереть»; «без языка и культуры не будет нации»; «белорусский язык — это наш генетический код» и др. При этом обращает на себя внимание большая эмоциональная нагруженность высказываний о белорусском языке, включение в контекст моральных оценок и высоких ожиданий от носителя языка: «Я хочу говорить по-белорусски, но боюсь, что скажу неправильное слово — вы не можете оскорбить свой родной язык» (женщина, 1989 г.р., г. Полоцк, Беларусь); «В некоторой степени думаю, что вот это желание не посрамить родной язык неправильным использованием слов и сдерживает людей. И им проще говорить по-русски» (женщина, 1979 г.р., г. Полоцк, Беларусь). Фразы о нежелании «посрамить» или «оскорбить» белорусский язык как причине выбора русского языка в качестве инструмента общения не зафиксированы в интервью с карелами. Можно предположить, что у последних в большей степени проявляется страх неправильно использовать языковые конструкции (ср.: «Бабушка знает, что я все понимаю. Я все понимаю, но говорить я не могу. Я просто боюсь, что меня не поймут»).

Отметим, что молодое поколение (особенно те, кто родился в перестроечные и постсоветские годы) осознает, что владеть белорусским или карельским языком — это способ не только сохранить этнокультурную идентичность, но и быть конкурентоспособными на глобальном рынке: «В эпоху глобализации отличаться от всех благодаря языку и культуре — это способ повысить интерес к нам, к нашей стране» (женщина 1984 г.р., г. Несвиж, Беларусь); «У нас туристический в семье бизнес <...>. Финские туристы приезжают без переводчика, так как моя мама говорит по-фински. Я сейчас тоже учу, стараюсь, финский, карельский» (юноша 2005 г.р., Пряжинский р-н, Карелия).

Одна из проблем расширения сфер использования белорусского языка, которая роднит ситуацию с карельской, — это отсутствие преемственности в системе образования. Число школ с преподаванием белорусского и карельского языка в обоих регионах невелико, оба региона нуждаются в обновлении подходов к преподаванию этнических языков. В структуре высшего образования в Беларуси преподавание на белорусском языке ведется на исторических и филологических факультетах

некоторых высших учебных заведениях. Нехватка языковых компетенций частично компенсируется изучением сетевых ресурсов, преимущественно у информантов из Беларуси: «Интернет является независимым информационным полем, где вы можете узнать больше, чем вы получаете в учебных заведениях и официальных СМИ» (женщина, 1984 г.р., г. Несвиж, Беларусь). В Карелии, где коренные языки можно изучать только на филологическом факультете единственного в Республике университета, собеседники редко используют группы, посвященные карельскому языку и культуре, как альтернативу школьной программе.

Согласно собранным материалам, процесс приобщения русскоязычных белорусов к белорусскому языку проходит в несколько этапов, различных по продолжительности. Для первого этапа характерно осознание того, что человек проживает в Беларуси и не говорит на белорусском языке, используя в повседневном общении русский язык. На втором этапе предпринимаются попытки говорить на родном языке, позже словарный запас увеличивается. Третий этап (собственно, двуязычный) связан с тем, что человек говорит и мыслит на белорусском языке, может свободно переходить с одного языка на другой. Согласно данным интервью, самым сложным является переход на второй этап: «Постепенно этот страх (сказать неправильно. — *Прим. авт.*) исчезает, и через родной язык вы видите другую Беларусь: ах, вот он, журавль, птица и колодец — множество примеров. Не нужно бояться — нужно начать говорить, слова, два, десять и со временем все проще и проще» (мужчина, 1988 г.р., г. Полоцк, Беларусь).

Этапность освоения этнического языка, как у белорусов, у карелов обнаружить не удалось. По крайней мере, переход со второго на третий этап осуществлен у немногих карельских активистов из числа опрошенных карелов. По нашим данным, у карелов овладение этническим языком происходит преимущественно во время обучения в университете: «Я изучала карельский язык в университете, он у меня, можно сказать, выученный язык» (женщина 1979 г.р., г. Петрозаводск, Карелия); «Вообще, к большому сожалению, мама моя с самого детства язык мне не передала. Конечно, в этом я ее не виню. Потому что у нее у самой карельский язык не родной. Она его выучила только в университете» (юноша 2005 г.р., Пряжинский р-он, Карелия). Совершенствование карельского языка ограничено из-за узости круга профессий, представителями которых он активно используется.

Таким образом, при наличии в языковой ситуации двух регионов видимых отличий выявляются некоторые общие закономерности у молодых карелов и белорусов, преимущественно связанные со схожими инструментами языковой политики в прошлом, слиянием языка и этничности. «Вымывание» этнического языка из семьи и школы привело к ослаблению языковых компетенций и, как следствие, к отказу от использования языка в повседневной жизни у среднего и — затем — молодого поколения.

5.2. Психологическая составляющая этнической идентичности

Чувство «языковой неполноценности» оказывает осязаемое воздействие на этническое самочувствие, особенно, у карелов.

На карельских материалах выявляется следующая тенденция: старшее поколение (1930—1950-х годов рождения) может говорить на карельском языке, но не

делает этого, по их мнению, по причине недостаточных языковых навыков: «Чувствую себя карелкой, неполноценной только. Нет, не то что не знаю карельского, я-то прикладываю все усилия для того, чтобы, ну, сколько смогу, настолько и освою» (женщина 1958 г.р., г. Петрозаводск, Карелия); «Да язык — это основной показатель национальности, культуры. Вот у меня нет языка, и я как бы... неполноценный представитель» (женщина 1954 г.р., г. Петрозаводск, Карелия). В их понимании, развитие языковых компетенций «дает право» называть себя карелом.

В высказываниях информантов, родившихся в конце 1980-х годов и позже, прослеживается больший акцент на позитивных компонентах этнической идентичности. Они могут иметь меньший, чем у их родителей, словарный запас, но их «карельскость» в значительной степени основана не на уровне языковых компетенций, а на других критериях, например, критерии места рождения. Проиллюстрируем тезис фрагментом интервью: «Всегда знаю, что я живу на этой земле. А! Ну, хотя, когда я горд был, когда что-нибудь случалось там, событие какое-нибудь торжественное <...>. Гордость была за карельский язык. Я ощущал — да, я тоже карел» (юноша 2004 г.р., Пряжинский р-н, Карелия). О том, что язык становится в большей степени символом этноса, чем средством общения, свидетельствуют предварительные данные мониторинга, проведенного в Карелии в 2019 году. Согласно исследованию, доля карелов, хорошо знающих карельский язык, продолжает снижаться. Одновременно с 22,5 % до 26,5 % выросло число ответов «понимаю только отдельные слова», причем в этой группе высока доля 16—29-летней молодежи — 46,6 % [Современная языковая ..., 2020, с. 5]. Отметим, что в молодежной группе родным языком назвали карельский только 4,1 % опрошенных. Данное наблюдение важно для понимания процессов этнической идентификации — несовпадение родного языка и этничности не всегда приводит к утрате этнической идентичности (респонденты продолжают считать себя карелами, не выбирая родным карельский язык).

Причина комплекса неполноценности у карелов старших возрастных групп была связана с советской политикой ассимиляции. Об этом вспоминали сами информанты или их дети: «А так я представляю, почему многие карелы стеснялись этого, и переходили на русский, и считали, что конкурентоспособность они могут приобрести, только зная хорошо русский язык, получив образование, говоря без акцента, уехав из деревни в город» (женщина 1977 г.р., с. Ведлозеро, Карелия); «И самое смешное, что в этом городке (речь о г. Олонец. — *Прим. авт.*), который населяют преимущественно карелы, они сами себя стеснялись называть карелами, и все говорили: “я — русский”» (мужчина 1981 г.р., г. Петрозаводск, Карелия).

О схожих причинах предпочтения русского языка говорили белорусские информанты: «Преподавание в нашей школе велось на белорусском языке. Стала продолжать учиться — все на русском языке. Если вы говорите по-белорусски — соответственно маркер “из села”. А когда вы переезжаете в город, никто не хочет быть “сельским”» (женщина, 1989 г.р., г. Полоцк, Беларусь).

Предрассудки и комплекс неполноценности из-за принадлежности к «непрестижной» группе привели к кризису идентичности. Нехватка языковых компетенций в связи с распространением русского языка (или представление о недостаточном

уровне владения языком своей этнической группы) ускорила языковой сдвиг. В то же время в ходе интервью было обнаружено, что молодежь перестает воспринимать этнический язык, как язык сельских жителей (у карелов — отчасти в связи с высокой урбанизацией). Данный стереотип может даже замещаться ценностью сельского образа жизни: «Я и живу, что мне очень нравится, на чистом свежем воздухе. Рад, что я не живу в каком-нибудь большом городе <...>. Так я привык тут в деревне. Мы живем очень хорошо. Как можно сказать, как по-старинке» (юноша 2005 г.р., с. Ведлозеро, Карелия); «Родители отговаривали, что оставайся где-нибудь там в городе. Но всегда хотелось вернуться в Ведлозеро и жить именно в Ведлозере. В деревне <...>. Потому что очень много от бабушки передалось и всегда хотелось сохранить и дальше развиваться» (женщина 1991 г.р., Карелия, с. Ведлозеро, Карелия); «...никто не хочет быть “деревенским”. Некоторое время я говорила только по-русски. И как-то позже пришло осознание того, что я живу в Беларуси, есть свой язык, традиции. Я начала больше интересоваться всем этим» (женщина, 1989 г.р., г. Полоцк, Беларусь). Позитивная динамика в изменении отношения людей к этническому языку отчетливо проявляется в Беларуси. Если двадцать лет назад человек, разговаривающий на белорусском языке, ассоциировался с жителем сельской местности, то в настоящее время интересоваться своей этнической историей, говорить на языке своей этнической группы становится все более престижным.

Отличие карельской ситуации от белорусской заключается в отсутствии у карельского языка статуса государственного, что приводит к разным темпам и скорости повышения престижа языка и культуры. Данный факт усиливает кризисные явления в этническом самочувствии карельских активистов. Проиллюстрируем тезис фрагментом интервью с одним из этнических лидеров: «Этот некий кризис в общественном движении карелов связан с тем, что люди подустали и разочаровались <...>. Конечно, мы во многом продвинулись <...>. Но в политике карелы не только не продвинулись, но и отстали». Кризисные явления в этническом самочувствии активистов стали одной из наиболее обсуждаемых тем на Форуме финно-угорских языковых активистов — так или иначе к ней обращались 16 раз. Импульсами для развития дискуссии об их мотивации в работе стали такие фразы, как «многогранность активистов», «делаем для чувства собственного достоинства», «нет востребованности языка», «инициативы принадлежат самым обычным людям: учителям, журналистам, общественникам, дизайнерам» и др. В контексте Форума эти фразы означали сокращение сил активистов, нехватку людей и средств, иногда отсутствие взаимопонимания с органами власти. Схожие причины отказа в продолжении работы называли и переводчики интерфейса «Вконтакте» на карельский язык. Если учесть различия в профессиональной занятости активистов в Карелии и Беларуси — у первых происходит совпадение профессиональной и общественной деятельности, то становится понятным психологическое выгорание у карелов.

6. Выводы

Итак, стремление повысить престиж языка, внедрить его в современную жизнь объединяет белорусских и карельских активистов. Однако, по признанию

исследуемых групп, возможности осуществления задач сохранения и продвижения языка своего этноса только посредством переводов интерфейсов социальных сетей ограничены.

Среди причин малой востребованности белорусско- и карелоязычного Интернета были выявлены малая осведомленность карельских информантов о работе по расширению использования карельского языка в киберпространстве, в частности, о переводе интерфейса «ВКонтакте». Двойственная ситуация сложилась в Беларуси. С одной стороны, результаты наших опросов свидетельствуют, что усилия молодых активистов по расширению пространства родного языка в социальных сетях имеют больший, чем в Карелии, отклик. С другой стороны, даже руководители сообществ в социальных сетях признают, что не знают реальный уровень востребованности белорусскоязычных версий социальных сетей.

Анализ полевых материалов выявил два значимых и взаимосвязанных фактора предпочтения русского языка в повседневной жизни активистов в Беларуси и Карелии — языковой барьер и психологическая составляющая. Лингвистические причины обусловлены недостаточным, по представлению наших собеседников, уровнем языковых компетенций. Представление о недостаточном уровне языковых компетенций образует психологический комплекс, особенно выраженный у старшего поколения, что влечет за собой отказ от использования языка. У информантов, родившихся в конце 1980-х годов и позже, может быть меньший, чем у их родителей, словарный запас, но ощущение ими своей «карельскости» или «белорусскости» основано на внеязыковых компонентах.

Чувство «языковой неполноценности» оказывает более широкое воздействие на этническое самочувствие. Кризисные явления в этническом самочувствии отчетливо проявляются у карельских лидеров. Данный факт не в последнюю очередь обусловлен социально-демографическими характеристиками белорусских и карельских активистов. Так, сходны возрастные (средний возраст 40—44 года) и гендерные (преимущественно женщины) показатели. Однако у карелов, в отличие от белорусов, отмечается совпадение профессиональной занятости и общественной деятельности. Важнейшим фактором, ускоряющим процесс расширения использования белорусского языка, является его государственный статус.

Предрассудки и комплекс неполноценности из-за принадлежности к «непрестижной» группе привели к кризису этнической идентичности в обоих регионах. Одновременно среди молодого поколения выявилась тенденция, согласно которой стереотип о кареле или белорусе как о преимущественно сельском жителе утрачивает негативные коннотации.

Несмотря на доминирование русского языка в двух регионах, происходит постепенное повышение имиджа рассматриваемых «титულных» языков — в Беларуси быстрее, чем в Карелии. Работа по привлечению возможностей цифровизации к продвижению этнических языков также повышает их престиж среди молодого поколения. Данный факт может повлиять на жизнеспособность «титулных» языков. Подобная тенденция нуждается во всесторонней и долгосрочной поддержке со стороны официальных органов власти, во взаимодействии с научным и местным сообществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахтин Н. Б. Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) [Электронный ресурс] / Н. Б. Вахтин // Вестник молодых ученых. Серия : Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 11—16.
2. Головнев А. В. Веб-этнография и киберэтничность [Электронный ресурс] / А. В. Головнев, С. Ю. Белоруссова, Т. С. Киссер // Уральский исторический вестник. — 2018. — № 1 (58). — С. 100—108. — DOI: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108.
3. Готлиб А. С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты / А. С. Готлиб. — Самара : Универс-групп, 2004. — 448 с. — ISBN 978-5-9765-2018-9.
4. Карельский язык в России: отчет ELDIA по исследованию конкретной (социолингвистической) ситуации [Электронный ресурс] / Х. Карьялайнен, У. Пуура, Р. Грюнталь, С. Ковалева. — (Studies in European Language Diversity 26.2). — Режим доступа : <https://fedora.phaidra.univie.ac.at/fedora/get/o:314614/bdef:Content/get>. (дата обращения 13.06.2020).
5. Клементьев Е. И. Факторы этнической идентичности на примере карелов Карелии / Е. И. Клементьев // Труды Карельского научного центра РАН. Серия : Гуманитарные исследования. Вып. 3. — 2012. — № 4. — С. 144—152.
6. Кундозерова М. В. Перевод интерфейса социальных сетей как механизм сохранения языка : сравнительный опыт Беларуси и Карелии / М. В. Кундозерова, С. В. Липницкая // Социосфера. — 2020. — № 2. — С. 55—60.
7. Нагурная С. В. Карельская письменность / С. В. Нагурная // Народы Карелии : историко-этнографические очерки. — Петрозаводск : Периодика. 2019а. — С. 65—77. — ISBN 978-5-88170-336-3.
8. Нагурная С. В. Электронная письменность на карельском языке / С. В. Нагурная // Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии от Средних веков до наших дней. — Петрозаводск : КарНЦ РАН (Studia Nordica III), 2019б. — С. 303—312. — DOI: 10.17076/ethno0_28.
9. О демографических и социально-экономических характеристиках населения отдельных национальностей Республики Карелия (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года), табл. 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results. (дата обращения 19.05.2020).
10. Перепись населения 1999 года. Табличные данные. Национальный состав населения Республики Беларусь. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-1999-goda/tablichnye-dannye/natsionalnyi-sostav-naseleniya-respubliki-belarus/> (дата обращения 05.06.2020).
11. Перепись населения 2009. Население Республики Беларусь : его численность и состав [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/statisticheskie-publikatsii/statisticheskie-sborniki_2/index_545/. (дата обращения 24.05.2020).
12. Современная языковая ситуация у карелов Республики Карелия. Итоги социологического исследования (Отчет подготовлен в Институте языка, литературы и истории областного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук») / С. Э. Яловицына, З. И. Строгальщикова, С. В. Нагурная. — Петрозаводск : Министерство национальной и региональной политики Республики Карелия, 2020. — 24 с.
13. Строгальщикова З. И. Этнические процессы в Карелии в постсоветский период (особенности реализации этнонациональной политики) / З. И. Строгальщикова // Этнокультурные

и этнополитические процессы в Карелии от Средних веков до наших дней. — Петрозаводск : КарНЦ РАН (Studia Nordica III), 2019. — С. 273—302. — DOI: 10.17076/ethno0_27.

14. *Васілеўская Н. У.* Развіццё адукацыі і навукі / Н. У. Васілеўская // Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917 — 1945 гг. — Мінск : Экаперспектыва, 2007. — С. 226—236. — ISBN 985-469-149-7.

15. *Grenoble Leonore A.* Language Policy in the Soviet Union / Leonore A. Grenoble. — Dordrecht ; Boston : Kluwer Academic Publishers, 2003. — 237 p. — ISBN 1-4020-1298-5.

16. *Kornai A.* Digital Language Death / A. Kornai // PLoS ONE. — 2013. — № 8 (10). — e77056. Access mode : <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0077056>. (дата обращения 14.07.2020).

LANGUAGE CHOICE AND IDENTITY OF KARELIAN AND BELARUSIAN YOUTH (ACCORDING TO POLLS OF ETHNIC LEADERS)¹

© **Julia V. Litvin (2020)**, orcid.org/0000-0002-2369-4987, Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Republic of Karelia), litvinjulia@yandex.ru.

© **Maria V. Kundozerova (2020)**, orcid.org/0000-0001-5423-8709, Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Republic of Karelia), maria.vlasova@mail.ru.

© **Sviatlana V. Lipnitskaya (2020)**, orcid.org/0000-0002-3149-1960, Junior Researcher, Yakub Kolas Institute of Linguistics Branch, The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus), lipnitskayasv@gmail.com.

© **Alena N. Izerhina (2020)**, orcid.org/0000-0003-0435-4087, Researcher, The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus), alena.izergina@gmail.com.

© **Yana S. Shevchenko (2020)**, orcid.org/0000-0002-7549-7029, Researcher, The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus), [yana010891@yandex.by](mailto: yana010891@yandex.by).

A new perspective on the analysis of the linguistic and ethnocultural situation in the Republic of Karelia and the Republic of Belarus is offered in the study. The novelty of the study is seen in the fact that, taking into account various initial parameters — geographic distance, form of government, language status — it is proposed to compare the situation in two regions, in which a general tendency is found due to the dominant position of the Russian language. The main attention is paid to clarifying the ethnic well-being of people, to varying degrees, involved in the processes of preserving language and culture. An interpretation and comparison of the reasons for the preference of the Russian language in the network space and in real life is proposed. The article is based on the results of a survey of the translators of the *Vkontakte social network* interface, materials from biographical interviews with ethnic leaders, and observation data on ethnically oriented events in the regions under consideration. The difference in linguistic attitudes and real practices of using the Karelian and Belarusian languages by activists was revealed. The linguistic reasons (the level of linguistic competence) and the psychological aspect of the ethno-linguistic component in the choice of the dominant language in Karelia and Belarus have been determined.

Key words: ethnic identity; ethnic well-being; Karelian language; Belarusian language.

1 The study was carried out with the financial support of the RFBR and the BRFFR within the framework of a scientific project № 19-59-04004 и № Г19PM-059.

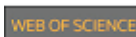
REFERENCES

- Golovnev, A. V., Belorussova, S. Yu., Kissner, T. S. (2018). Veb-etnografiya i kiberetnichnost' [Web ethnography and cyber-ethnicity]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, [Ural Historical Bulletin]. 1 (58): 100—108. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108. (In Russ.).
- Gotlib, A. S. (2004). *Kachestvennoe sotsiologicheskoe issledovanie: poznavatelnye i ekzistentsialnye gorizonty* [Qualitative sociological research: cognitive and existential horizons]. Samara: Univers-grupp. 448 p. (In Russ.).
- Grenoble, Leonore A. (2003). *Language Policy in the Soviet Union*. Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publishers. 237 p.
- Karyalaynen, Kh., Puura, U., Gryuntal, R., Kovaleva, S. (2013). *Karel'skiy yazyk v Rossii. Otchet ELDIA po issledovaniyu konkretnoy (sotsiolingvistikosoy) situatsii* [Karelian language in Russia. ELDIA case study report (sociolinguistic)]. (Studies in European Language Diversity 26.2). Available at: <https://fedora.phaidra.univie.ac.at/fedora/get/o:314614/bdef:Content/get>. (accessed 13.06.2020). (In Russ.).
- Klementyev, E. I. (2012). Faktory etnicheskoy identichnosti na primere karelov Karelii [Factors of ethnic identity on the example of the Karelians of Karelia]. In: *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya: Gumanitarnye issledovaniya* [Proceedings of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Humanities Studies], 4 (3): 144—152. (In Russ.).
- Kornai, A. (2013). Digital Language Death. *PLoS ONE*, 8 (10). e77056. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0077056>. (accessed 14.07.2020).
- Kundozerova, M. V., Lipnitskaya, S. V. (2020). Perevod interfeysa sotsialnykh setey kak mekhanizm sokhraneniya yazyka: sravnitelnyy opyt Belarusi i Karelii [Translation of the interface of social networks as a mechanism for preserving the language: comparative experience of Belarus and Karelia]. *Sotsiosfera* [Sociosphere], 2: 55—60. (In Russ.).
- Nagurnaya, S. V. (2019a) Karelskaya pis'mennost' [Karelian writing]. In: *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Peoples of Karelia: Historical and Ethnographic Essays]. Petrozavodsk: Periodika. 65—77. (In Russ.).
- Nagurnaya, S. V. (2019b) Elektronnaya pis'mennost' na karelskom yazyke [Electronic writing in the Karelian language]. In: *Etnokulturnyye i etnopoliticheskie protsessy v Karelii ot Srednikh vekov do nashikh dney* [Ethnocultural and ethnopolitical processes in Karelia from the Middle Ages to the present day]. Petrozavodsk: KarNTs RAN (Studia Nordisa III). 303—312. DOI: 10.17076/ethno0_28. (In Russ.).
- O demograficheskikh i sotsialno-ekonomicheskikh kharakteristikakh naseleniya otdelnykh natsionalnostey Respubliki Kareliya (po itogam Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda)* [On the demographic and socioeconomic characteristics of the population of individual nationalities of the Republic of Karelia (based on the results of the 2010 All-Russian population census)]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results. (accessed 19.05.2020). (In Russ.).
- Perepis' naseleniya 1999 goda. Tablichnye dannye. Natsionalnyy sostav naseleniya Respubliki Belarus'.* *Natsionalnyy statisticheskiy komitet Respubliki Belarus'* [Population census 1999. Tabular data. National composition of the population of the Republic of Belarus. National Statistical Committee of the Republic of Belarus]. Available at: <https://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-1999-goda/tablichnye-dannye/natsionalnyi-sostav-naseleniya-respubliki-belarus/>. (accessed 05.06.2020). (In Russ.).
- Perepis' naseleniya 2009. Naselenie Respubliki Belarus': ego chislennost' i sostav* [Population census 2009. Population of the Republic of Belarus: its size and composition]. Avail-

- able at: https://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/statisticheskie-publikatsii/statisticheskie-sborniki_2/index_545/. (accessed 24.05.2020). (In Russ.).
- Strogalschikova, Z. I. (2019). Etnicheskie protsessy v Karelii v postsovetский period (osobennosti realizatsii etnonatsionalnoy politiki) [Ethnic processes in Karelia in the post-Soviet period (features of the implementation of ethno-national policy)]. In: *Etnokulturnye i etnopoliticheskie protsessy v Karelii ot Srednikh vekov do nashikh dney* [Ethnocultural and ethnopolitical processes in Karelia from the Middle Ages to the present day]. Petrozavodsk: KarNTs RAN (Studia Nordisa III). 273—302. DOI: 10.17076/ethno0_27. (In Russ.).
- Vakhtin, N. B. (2001). Usloviya yazykovogo sdviga (K opisaniyu sovremennoy yazykovoy situatsii na Kraynem Severe) [Terms of language shift (Towards a description of the modern language situation in the Far North)]. *Vestnik molodykh uchenykh. Seriya: Filologicheskie nauki* [Bulletin of young scientists. Series: Philological Sciences]. 1: 11—16. (In Russ.).
- Vasilevskaya, N. U. (2007). Razvitiye adukatsyi i navuki [Development of education and science]. In: *Gistoryya Belarusi. Belarus' u 1917—1945 gg.* [History of Belarus. Belarus in 1917—1945 gg]. Minsk: Ekaperspektyva. 6/5: 226—236. (In Belarus.).
- Yalovitsyna, S. E., Strogalschikova, Z. I., Nagurnaya, S. V. (eds.). (2020). *Sovremennaya yazykovaya situatsiya u karelov Respubliki Kareliya. Itogi sotsiologicheskogo issledovaniya (Otchet podgotovlen v Institute yazyka, literatury i istorii obosoblennom podrazdelenii Federalnogo gosudarstvennogo byudzhethnogo uchrezhdeniya nauki Federalnogo issledovatel'skogo tsentra «Karelskiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk»)* [The modern language situation among the Karelians of the Republic of Karelia. Results of sociological research (The report was prepared at the Institute of Language, Literature and History of a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Center “Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”)]. Petrozavodsk: Ministerstvo natsionalnoy i regionalnoy politiki Respubliki Kareliya. 24 p. (In Russ.).

Моногарова А. Г. Речевое поведение британских политиков в обсуждении Брексита: прагматика, гендер и коммуникативное доминирование в политическом медиадискурсе / А. Г. Моногарова, Т. А. Ширяева, А. Ю. Багрян // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 114—127. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-114-127.

Monogarova, A. G., Shiryayeva, T. A., Bagryan, A. Yu. (2020). Speech Behavior of British Politicians in Discussion of Brexit: Pragmatics, Gender and Communicative Dominance in Political Media Discourse. *Nauchnyi dialog*, 10: 114-127. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-114-127. (In Russ.).

УДК 81'42(366)“2020.01.31”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-114-127

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ БРИТАНСКИХ ПОЛИТИКОВ В ОБСУЖДЕНИИ БРЕКСИТА: ПРАГМАТИКА, ГЕНДЕР И КОММУНИКАТИВНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ¹

© **Моногарова Алина Геннадьевна (2020)**, orcid.org/0000-0003-4098-0341, ResearcherID G-7567-2019, SPIN 8909-1033, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет» (Пятигорск, Россия), alicha2002@mail.ru.

© **Ширяева Татьяна Александровна (2020)**, orcid.org/0000-0002-2604-1703, ResearcherID A-4808-2019, SPIN 5145-9334, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет» (Пятигорск, Россия), shiryayeva@mail.ru.

© **Багрян Александр Юрьевич (2020)**, orcid.org/0000-0002-3455-0516, ResearcherID N-9069-2016, SPIN 3709-4715, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет» (Пятигорск, Россия), alexander.0506@mail.ru.

Изучается мужское и женское речевое поведение британских парламентариев в обсуждении проблем Брексита различными массмедиа. Подчеркивается, что необходимость изучения гендерной специфики речевого поведения женщин и мужчин-политиков, комментирующих Brexit для привлечения внимания общественности, обусловлена чрезвычайной важностью медиадискурса, определяющего «повестку дня» как отдельного индивида, так и различных социальных институтов современного общества, с одной стороны, и возрастающим исследовательским интересом к гендерным дискурсивным исследованиям, с другой. Показано, что институционализация и ритуализация составляют основу гендерного проявления каждым индивидом своей принадлежности к определенному полу, а генерирование и использование дискурса нельзя изучать вне гендерного фактора. Новизна и цель исследования заключаются в выявлении и анализе комплексной языковой гендерной специфики речевого поведения британских политиков в политическом медиадискурсе. Представлены результаты проведенного анализа морфологической, семантической и стилистической специфики речевого поведения британских парламентариев при обсуждении Брексита в политическом медиадискурсе в соответствии с гендерной принадлежностью политиков. Доказано влияние социального и психологического факторов на выбор прагмакоммуникативного оформления дискурсивного пространства адресанта, а также корреляция гендера, используемого прагмалингвистического инструментария и оказываемого эффекта коммуникативного доминирования.

Ключевые слова: речевое поведение; парламентский дискурс; медиадискурс; гендерная специфика; коммуникативное доминирование; институциональность.

1 Публикация подготовлена в рамках проекта МК-2338.2020.6 (Комплексное прагмалингвистическое исследование современного электронного текста: стратегии реализации манипулятивного потенциала) по гранту Президента Российской Федерации, и в рамках научного проекта № 20-012-00364-А (Дискурсивное пространство профессиональной языковой личности в лингвоаксологической системе координат) по гранту РФФИ.

1. Введение

Не вызывает сомнений, что та роль, которую различные СМИ играют в современном социуме, не может быть ни приуменьшена, ни переоценена. Сегодня именно СМИ определяют «повестку дня» и «режим работы» как отдельного индивида, так и различных социальных институтов. Созданная СМИ виртуальная картина действительности представляет собой медиареальность, которая органично интегрируется в картину мира каждого человека и оказывает существенное воздействие на сознание как отдельных граждан, так и всего общества в целом. При этом вербализуемая СМИ медиареальность нередко оказывается более привлекательной, чем повседневные общеизвестные реалии. Все вышеизложенное обусловило тот исследовательский бум изучения медиадискурса, свидетелями которого мы стали в настоящее время.

Не вызывает сомнений, что именно анализ медиадискурса, выступающего в настоящий момент наиболее «глобализированным», актуальным, отражающим самые последние тенденции и феномены социальной реальности, призван дать целый ряд убедительных ответов на чрезвычайно важные вопросы современности, а именно: описание механизмов формирования картины мира современного социума посредством СМИ; анализ доминирующей роли массмедийных текстов в общем текстовом корпусе любого индивида; выявление коммуникативных характеристик значимых социальных реалий, бытующих в медиадискурсе, в семиотическом, прагмалингвистическом и дискурсивном аспектах; классификация всех лингвистических и экстралингвистических факторов, сопровождающих процесс производства, распространения и восприятия массмедийной коммуникации; характеристика взаимосвязи речеупотребления в СМИ с различными сферами человеческой деятельности, которые во многом и обуславливают особенности медиадискурса; систематизация письменных и устных текстов в качестве продуктов речевой деятельности вокруг определённых социально значимых тем, которые в тот или иной момент оказываются в центре общественного внимания, таких как расовые отношения, иммиграция, терроризм, феминизм, выборы, брексит; установление гендерной специфики речевого поведения участников медиадискурса и др. Здесь нужно подчеркнуть, что именно лингвистическое оформление медиадискурса в координатах принадлежности языковой личности к тому или иному гендеру, активно использующей его для достижения различных целей, представляет, на наш взгляд, неподдельный интерес и может найти практическое применение в ряде жизненно важных областей [Полякова, 2009, с. 46—47].

Как в отечественных, так и в зарубежных гуманитарных науках постоянно возрастает интерес к гендерным исследованиям. Количество научных семинаров, различных конференций, посвящённых вопросам гендера, разнообразных научно-исследовательских работ — как статей, так и книг, монографий, кандидатских и докторских диссертаций, изучающих вопросы гендерной идентичности, процессы формирования и проявления гендерных особенностей в речевом поведении — за последнее время значительно увеличилось, привлекая «под свои знамена» все больше ученых психологов, социологов, культурологов, политологов, философов и лингвистов. В связи с упомянутым ростом популярности данных исследований появляется все больше работ, затрагивающих вопросы гендерных особенностей

в различных дискурсах. Здесь стоит упомянуть, что гендерная лингвистика, сконцентрировавшись на изучении соотношения категорий «пол» и «язык», выявлении специфического набора лингвокультурных характеристик, определяющих социальное поведение женщин и мужчин, особое внимание уделяет вопросам социальной маркированности языка и речи, а также анализу лингвистических средств конструирования гендерной идентичности в современном дискурсивном пространстве.

По мнению ученых, гендерный фактор не может быть исключен из любого дискурса. И здесь, на наш взгляд, особый интерес для лингвистов представляет современный медиадискурс, под которым мы вслед за М. Р. Желтухиной понимаем «вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой информации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий специфику сознания коммуникантов» [Желтухина, 2014, с. 21].

Не вызывает сомнений тот факт, что современный медиадискурс трудно представить без отражения различных аспектов политической действительности и «вне политики». Более того, многие конкретные политические реалии, их осмысление и комментирование значимыми политическими деятелями оказывают сегодня значительное влияние как на развитие и существование самого медиадискурса, так и на объективные глобальные явления, обозначаемые понятиями «политические медиаресурсы», «медиавласть», «политическая медиареальность», «политические медиаэффекты», «медиацентрированная демократия» [Гаврилова, 2013, с. 14—15].

В самом общем виде политический медиадискурс выступает властным ресурсом, функционирующим в медийно-коммуникативной политической среде и производящим виртуальную политическую продукцию. И хотя основная задача политического медиадискурса — формирование информационной картины мира и, следовательно, её воздействие на индивидуальное и массовое сознание, здесь нельзя не вспомнить положения Р. Лаккоффа, настаивающей, что «гендерный фактор невозможно устранить при генерировании и реализации любого дискурса» [Лаккофф, 2000, с. 244]. Институционализация и ритуализация составляют основу гендерного проявления каждым из индивидов своей принадлежности к определенному полу. Как совершенно справедливо подчеркивают исследователи, любому общественному проявлению личности присуща определенная гендерная семиотика. Она может быть хорошо замаскирована, но не скрыта вовсе [Lakoff, 2004, p. 18].

2. Теоретико-методологическая и материальная база исследования

Начиная со второй половины 20-го века политический медиадискурс постепенно стал одним из центральных объектов научных исследований в области политологии, журналистики, социологии, психологии, лингвистики, теории медиакоммуникации. Научный вклад в изучение политического медиадискурса вносят как ученые и практики в сфере политических, парламентских исследований, так и специалисты медиаиндустрии. При этом и первые, и вторые единогласно указывают на существенные институциональные и языковые аспекты политической массмедийной ком-

муникации, подчеркивая тесную взаимосвязь между политическими процедурами, социально-историческими традициями и языковым дизайном, к которому прибегают все участники массмедийного политического взаимодействия. Здесь, конечно, нужно отметить, что, несмотря на всесторонний интерес на протяжении уже нескольких десятилетий к политическому массмедийному дискурсу и эмпирическому анализу политической практики в различных масс-медиа, изучение данного вида коммуникации приобрело действительно междисциплинарный характер лишь недавно, благодаря вкладу ученых из области риторики и лингвистики (в частности, прагмалингвистики, критического дискурса-анализа, когнитивной лингвистики, социалингвистики, политической лингвистики). Сегодня исследователи политического медиадискурса все чаще прибегают к использованию междисциплинарных и кросскультурных подходов и различных интегративных аналитических инструментов, ставя перед собой конкретные исследовательские цели и задачи.

Методология исследования любого массмедийного события, на наш взгляд, не может претендовать на верифицированность и валидность без анализа текстов, поскольку именно процесс дешифрования языковых знаков, соотнесение означаемого с означающим позволяют говорить о глобалистском и маргинальном дискурсе, о навязывании определенных точек зрения, об отражении жизни социума, об определенных социоконструктивистских и нормализаторских функциях дискурса СМИ.

В рамках проводимого нами исследования прежде всего интересен текст как источник языковых гендерных предпочтений политиков, комментирующих проблемы брексита в ведущих британских СМИ. В 1975 году американская исследовательница Робин Лакофф написала книгу «Язык и место женщины», положившую начало более интенсивному лингвистическому изучению гендерных репрезентаций в языке, и в настоящее время среди выдающихся ученых этого направления нельзя не упомянуть таких лингвистов, как Дебора Таннен, Пенелопа Экерт, Джанет Холмс, Мэри Бухольц, Кира Холл, Дебора Кэмерон и другие. Идеи этих исследователей стали той концептуальной базой, на которой сформировалась активно развивающаяся сегодня гендерная лингвистика, призванная всесторонне вскрыть системные связи между использованием языка, его структурными характеристиками и той социальной ролью, которую осуществляют мужчины и женщины, применяющие данный язык для достижения собственных целей [Reza Ghafar, 2007, p. 62].

Материалом исследования, исходя из основной задачи — выявления и анализа языковой гендерной специфики речевого поведения британских политиков в обсуждении Брексита в политическом медиадискурсе — послужили тексты речей в британских качественных СМИ членов британского парламента, произнесенных при обсуждении различных вопросов, связанных с брекситом. В рамках проводимого исследования были изучены выступления в «Financial Times», «The Times», «The Guardian», «The Daily Telegraph» трех женщин-политиков и трех мужчин-политиков, общим количеством более 160 тыс. слов. Среди женщин-политиков анализу подверглись речи Терезы Мей (экс премьер-министр Соединённого Королевства, экс-лидер Консервативной партии, 2016—2019); Кэрролайн Спелман (член Консервативной партии британского Парламента с 1997 года, министр по делам окружающей

среды); Карен Бак (британский политик от Лейбористской партии, член парламента с 1997 года). Среди мужчин-политиков были проанализированы выступления в СМИ Дэвида Ламми (член британского парламента с 2000 года, состоящий в лейбористской партии), Джереми Корбина (британский политик, лидер Лейбористской партии и оппозиции с 2015 года, член парламента Великобритании с 1983 года), Майкла Гоува (министр окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства во втором кабинете Терезы Мэй с 2017 года, член консервативной партии).

Несмотря на широко бытующее мнение, что политика — это чисто мужской вид деятельности и женщинам там нет места, современная политическая арена показывает совершенно другую реальность. На сегодняшний день можно встретить немало женщин, которые добились значительных успехов в политической деятельности. Например, по итогам выборов 2017 года в британский парламент прошли более 200 женщин, что является исторически рекордным числом для Палаты общин. Ранее женщины занимали 196 мест. Число женщин-политиков увеличилось не только в Великобритании, но и во всем мире. Стоит упомянуть канцлера Германии Ангелу Меркель, бывшего госсекретаря США, члена Демократической партии Хиллари Клинтон, бывшего президента Бразилии Дилму Руссефф, Халиму Джейкоб — президента Сингапура, лидера ультраправого «Национального фронта» Марин Ле Пен, директора-распорядителя Международного валютного фонда Кристин Лагард и др. Иными словами, сегодня женщины-политики занимают такое же прочное место, как и мужчины, и в политике, и в информировании всевозможных целевых аудиторий о различных политических реалиях, в частности, посредством СМИ.

3. Речевые характеристики британских женщин-политиков и мужчин-политиков

В современном мире устойчивость демократии проверяется принципом равных возможностей для участия мужчин и женщин в различных политических процессах и в одинаковых возможностях для политиков использовать все каналы СМИ с целью выражения, отстаивания и продвижения собственного мнения своему электорату [Городникова, 2002, с. 71]. Женщины все активнее стремятся участвовать в процессах принятия решений, меняя свой коммуникативный стиль на уверенный, амбициозный, бескомпромиссный.

Как показал проведенный нами анализ текстов, принадлежащих британским женщинам-политикам, все они отличаются четкой структурой: сначала женщина-политик указывает на проблему, затем комментирует ее, приводит аргументы и предлагает решения проблемы, что полностью вписывается в схему классического рассуждения. В изученных текстах отсутствуют междометия, эллипсисы, сниженная лексика и примеры развития нескольких тематических линий. Однако нами было выявлено значительное количество текстовых включений как информативного, уточняющего, так и оценочного характера, например, в следующих примерах:

In that campaign, both sides disagreed on many things, but on one thing they were united: what the British people decided, the politicians would implement.

*Either a 'no deal' Brexit, that would **cause turbulence** for our economy, create **barriers to security** cooperation and **disrupt people's daily lives** [Theresa May].*

(В той кампании обе стороны разошлись во мнениях по многим вопросам, но в одном они были едины: то, что решил британский народ, политики осуществят.

В противном случае — Брексит без сделки, который вызовет турбулентность в нашей экономике, создаст барьеры для сотрудничества в области безопасности и нарушит повседневную жизнь людей¹.)

Стилистической особенностью — типичной для медиадискурса британских женщин-политиков — являются повторы, как например:

Out of the Common Agricultural Policy — with our farmers supported by schemes we design to suit our own needs.

Out of the Common Fisheries Policy — so we decide who fishes in our waters and we can rebuild our fishing fleets for the future [Theresa May].

(Из Общей Сельскохозяйственной Политики — с нашими фермерами, поддерживаемыми создаваемыми нами схемами для удовлетворения наших собственных потребностей.

Из Общей Рыбохозяйственной Политики — чтобы мы решали, кто может рыбачить в наших водах, и могли восстановить наши рыболовные флоты для будущего.)

Полагаем, что активное использование анафоры в обсуждении проблем Брексита позволяет женщинам-политикам более эмоционально донести свою точку зрения до различных целевых аудиторий. Говоря о морфологических предпочтениях женщин-политиков, описывающих ситуацию с Брексит и возможными его последствиями, нужно подчеркнуть явное доминирование во всех женских речах номинативных конструкций.

В целом для текстов женщин-политиков, говорящих о Брексите в британском медиадискурсе, характерны следующие языковые особенности: частотное употребление абстрактных прилагательных, полное отсутствие шуток и сниженной лексики, общая корректность и вежливость при построении выступлений, уверенное выражение собственных мнений, оценок происходящего и мыслей в целом.

Что касается описания Брексита в СМИ британскими мужчинами-политиками, то анализ позволил выявить определенные мужские «речевые модели». Прежде всего в своих речах британские мужчины-политики часто касаются смежных с основной темой областей, переходя от экономики к финансам и кризису, от образования к социальному положению общества в стране и так далее. В их речи информирование о Брексите может быть сопряжено с упоминанием большого количества других событий. Хотя политический медиадискурс требует соблюдения определенных правил и употребления специальной терминологии, однако мужчины-политики зачастую в своих выступлениях вместо использования ожидаемого в данном контексте термина делают отсылки к различным известным широкой публике литературным произведениям, кино и так далее, как, например, Майкл Гоув: ... *I sometimes think that the In-campaign appears to be operating to a script written by **George R. R. Martin** and **Stephen King** — Brexit would mean a combination of a **Feast for Crows** and **Misery*** [Michael Gove] (... Иногда я думаю, что In-кампания, похоже, работает в соответствии со

1 Здесь и далее перевод авторов.

сценарием, написанным Джорджем Р. Р. Мартином и Стивеном Кингом — Брексит будет чем-то средним между «Пиром стервятников» и «Мизери»).

Ссылаясь на труды культовых американских писателей Джорджа Мартина и Стивена Кинга, работающих в жанрах фэнтези и научной фантастики, показывающих в своих произведениях в драматических и мистических тонах либо возможные события будущего, либо сверхъестественное настоящее, британский политик, вероятно, старался более точно передать первоначальную интенцию относительно сущности Брексита.

Кроме того, мужчины-политики часто ссылаются на фразы, сказанные ранее другими политиками и, в свою очередь, вызвавшие однажды большой резонанс в политических кругах. Например, фраза *If You Believe You are a Citizen of the World, You are a Citizen of Nowhere*, первоначально сказанная Терезой Мэй, сегодня широко цитируется в различных коммуникативных ситуациях мужчинами-политиками:

In contrast to the Prime Minister who said, “If you believe you’re a citizen of the world, you’re a citizen of nowhere [Jeremy Corbyn] (В отличие от премьер-министра, который сказал: «Если вы верите, что вы гражданин мира, вы не гражданин нигде»).

Или:

European migrants are not “citizens of nowhere” or “queue jumpers” as the Prime Minister would have us believe [David Lammy] (Европейские мигранты — это не «граждане ниоткуда» и не «зайцы в очереди», как полагал бы премьер-министр).

Нельзя не отметить тот факт, что в своих комментариях ситуации Брексита мужчины-политики значительно чаще женщин прибегают к использованию различных исторических ассоциаций, используя определенную негативную коннотацию некоторых исторических событий в описании процесса выхода Объединенного Королевства из состава Европейского Союза:

«It’s a fact that also describes Austria-Hungary under the Habsburgs, the Russian Empire under Nicholas the Second, Rome under its later Emperors or the Ottoman Empire in its final years» [Michael Gove] (Это факт, который также описывает Австро-Венгрию при Габсбургах, Российскую империю при Николае Втором, Рим при его более поздних императорах или Османскую империю в её последние годы).

Не менее яркой особенностью мужского политического дискурса о Брексите является характерная игра слов. Часто в обсуждении Брексита британские мужчины-политики стараются замаскировать реальные имена их оппонентов и / или коллег, используя игру слов: *In contrast, the In campaign want us to believe that Britain is beaten and broken, that it can’t survive without the help of Jean-Claude Juncker and his Commission looking after us and if we dare to assert ourselves then all the terrors of the earth will be unleashed upon our head* [Ibid.] (Напротив, In-кампания хочет, чтобы мы верили, что Британия избита и сломлена, что она не сможет выжить без помощи Жан-Клода Юнкера и его Комиссии, присматривающей за нами, и если мы осмелимся отстаивать свои права, то все ужасы мира падут на наши головы); *To cap it all, an alliance of Vladimir Putin, Marine Le Pen and Donald Trump, emboldened by our weakness, would, like some geopolitical equivalent of the Penguin, Catwoman and the Joker, be liberated to spread chaos worldwide and subvert our democracy»* [Ibid.]

(В итоге альянсу Владимира Путина, Марин Ле Пен и Дональда Трампа, ободренному нашей слабостью, как некоему геополитическому эквиваленту [бетменовского] Пингвина, Женщины-кошки и Джокера, будут развязаны руки, чтобы разнести хаос по всему миру и подорвать нашу демократию).

Что касается стилистики, то и здесь мужчины-политики очень умело используют различные средства выразительности, чтобы эмоционально воздействовать на аудиторию. Так, концепция семьи, как правило, присуща речам женщин-политиков, однако и мужская часть британского парламента привлекает различные метафоры, связанные с семьей, к описанию своих оппонентов. Чаще всего объектом метафор становится образ ребенка, который либо протестует против своих родителей или взрослого общества, либо предстает испуганным ввиду каких-либо обстоятельств. Например: *It treats people like **children**, unfit to be trusted and easily scared by ghost stories* [Ibid.] (Он относится к людям, как к детям, не заслуживающим доверия и легко пугающимся историями о призраках); *It is the same idea that motivates an angry **teenager** to run away from their family* [David Lammy] (Это та же идея, которая побуждает сердитого подростка убежать из своей семьи). Подчеркнем, что метафоры встречаются в речи мужчин-политиков во много раз чаще, чем в женских выступлениях.

Вторым по частоте употребления приемом в мужском речевом поведении политиков можно назвать эпифору, суть которой заключается в повторении одних и тех же слов в конце смежных отрезков речи: *For Greeks who have had to <...> **a different Europe will be a liberation**. For Spanish families whose children have had to endure years of joblessness <...> **a different Europe will be a liberation**. For Portuguese citizens who have had to endure cuts to health <...> **a different Europe will be a liberation**. For Italians whose elected Government was dismissed by Brussels fiat, for Danes whose opt-out from the Maastricht Treaty has been repeatedly overridden by the European Court, for Poles whose hard-won independence has been eroded by the European Commission, **a different Europe will be a liberation***» [Michael Gove] (Для греков, которым пришлось <...> другая Европа будет освобождением. Для испанских семей, чьи дети пережили годы безработицы <...> другая Европа будет освобождением. Для португальских граждан, которым пришлось пережить сокращения на здравоохранение <...> другая Европа будет освобождением. Для итальянцев, избранное правительство которых было отклонено брюссельским фиатом, для датчан, чей отказ от Мaaстрихтского договора неоднократно отменялся Европейским судом, для поляков, чья с трудом завоеванная независимость была подорвана Европейской комиссией, другая Европа будет освобождением).

Подобная техника, безусловно, навязывает адресату и закрепляет в его сознании запланированный посыл, который начинает восприниматься аудиторией как ее собственное понимание описываемой проблемы.

Мужчины-политики любят придерживаться такого концепта в речи, который мог бы продемонстрировать реципиенту, что он решительно настроен и хочет контролировать ситуацию. Именно поэтому в их речи можно часто встретить слова, означающие «контроль» / «контролировать», и производные: *So leaving could mean **control over** new trade deals, **control over** how we can help developing nations, **control***

over economic rules, control over how billions currently spent by others could be spent, control over our borders, control over who uses the NHS and control over who can make their home here [Michael Gove] (Таким образом, уход может означать контроль над новыми торговыми сделками, контроль над тем, как мы можем помочь развивающимся странам, контроль над экономическими правилами, контроль над тем, как миллиарды, потраченные в настоящее время другими, могут быть потрачены, контроль над нашими границами, контроль над тем, кто использует NHS, и контроль над тем, кто может сделать эту страну своим домом).

Не менее частотным приемом в речи мужчин-политиков является описание наихудшего плана развития событий и концепции войны. Мужчины не скупаются на слова и речевые обороты, которые во всех деталях отразили бы подобную реальность, например:

A hope that our countries which fought and murdered each other on an industrial scale, twice in one century, could come together. A refusal to return to extreme nationalism. And a determination to prevent more bloody conflicts where tens of millions are killed <...>

What did it say when Nigel Farage stood in front of a Nazi-inspired poster of refugees, with the caption "breaking point"? Brexit forgets why this continent came together, after two bloody wars [David Lammy].

(Надежда на то, что наши страны, которые воевали и убивали друг друга в промышленных масштабах, дважды за одно столетие смогут собраться вместе. Отказ вернуться к крайнему национализму. И решимость предотвратить более кровопролитные конфликты, где гибнут десятки миллионов <...>).

Что было сказано, когда Найджел Фарадж стоял перед вдохновленным нацистами плакатом беженцев с надписью «переломный момент»? Брексит забывает, почему этот континент воссоединился, после двух кровавых войн).

В целом, говоря о речевом поведении британских мужчин-политиков, отметим, что они в обсуждении Брексита и создании определенного отношения к этой проблеме у электората не стремятся к тщательному отбору каких-то определенных лексических единиц и лексико-семантических полей, отдавая предпочтение широкому спектру различных стилистических приемов.

4. Сопоставительный анализ особенностей дискурса политиков на тему Brexit

На основе полученных данных была составлена сводная таблица сходств и различий особенностей дискурса мужчин и женщин политиков на тему *Brexit* (табл. 1).

Осуществленный в рамках данного исследования анализ позволяет говорить, что на морфологическом уровне у мужчин-политиков не было выявлено каких-либо особенностей, тогда как у женщин прослеживались тенденции к активному доминированию в их речи абстрактных существительных.

Сводный график частотности употребления частей речи в выступлениях британских политиков выглядит следующим образом (рис. 1):

Так, вопреки сложившемуся стереотипу, что женщина в обычной речи употребляет больше прилагательных, чем, например, глаголов, чтобы сделать свою речь

Таблица 1

Диверсификация особенностей дискурса политиков на тему Brexit

Языковые особенности	Мужчины-политики	Женщины-политики
Морфологические	—	Использование абстрактных существительных. Отсутствие таких слов-маркеров, как <i>well, so, maybe</i> .
Семантические (частотные концепты)	Война Наихудший исход событий	Риск
Стилистические	Метафора Эпифора Аллюзия Риторические конструкции	Метафора Анафора
Прагматические	Обесцененная лексика	—

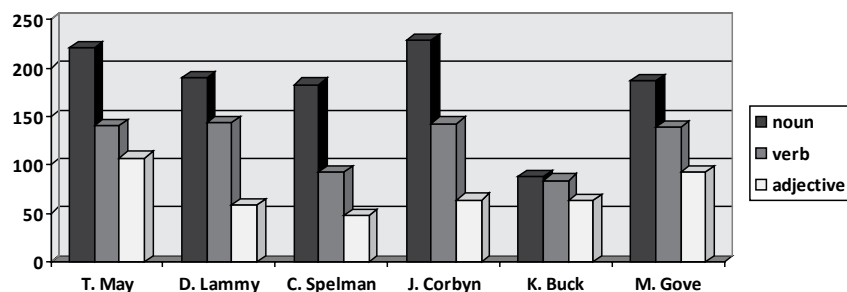

Рис. 1. Морфологические предпочтения британских парламентариев

более эмоциональной и экспрессивно окрашенной, у британских политиков, вне зависимости от гендерной принадлежности, преобладающей частью речи являются существительные, вытесняя глаголы и прилагательные на второе место.

Отметим, что частотность обращения к выявленным концептам (табл. 1.) не только обуславливает выбор соответствующих языковых единиц, но и во многом предопределяет стилистическое оформление текста и, как следствие, его прагмакоммуникативный заряд. Особо действенным в этом случае оказывается использование вербализаторов концептов ВОЙНА и НАИХУДШИЙ ИСХОД СОБЫТИЙ посредством целого спектра метафор, усиления их эффекта путем синтаксического повтора (анафора, эпифора) и добавления образности через использование аллюзий к реалиям современной поп-культуры.

Исторически сложилось, что женщина априори наделяется чертами матери и хранительницы семьи. Следовательно, ожидается, что и «в политической сфере, в своем дискурсе она будет употреблять концепцию семьи, детей, здоровья и так

далее» [Lakoff]. Однако ничего из вышеперечисленного в речах, касающихся различных аспектов Брексита, зарегистрировано не было. Речь женщины-политика строго формализована и тщательно выстроена в рамках заданной изначально тематики. Мужчины также не затрагивают тему семьи в тривиальном смысле. Однако они часто включают в речь метафоры, в которых данная тематика приобретает негативный оттенок. Не менее интересен и тот факт, что британские женщины-политики не стремятся стать «лидером» коммуникативной ситуации. Им важно изложить суть проблемы, в то время как мужчины, помимо решения основной своей задачи, стремятся продемонстрировать определенную собственную силу и тот факт, что они владеют ситуацией, для этого они используют различные стилистические приемы и аллюзии.

Таким образом, анализ исследуемого материала позволяет заключить, что в рамках современного медиаполитического дискурсивного пространства гендерная идентичность адресанта оказывает незначительное влияние на структурирование и общую организацию текста, это говорит о второстепенном характере гендера как аспекта социальной маркированности языка в исследуемой нами области.

Тем не менее влияние гендерного аспекта обнаруживается при исследовании прагматического и манипулятивного потенциала политических выступлений. Подчеркнутая четкость структуры высказывания в речах женщин-политиков, аргументированность мнения, минимум эмоционально-оценочных средств — это способы завуалирования гендера для позиционирования себя как истинного политика. Тот же экстралингвистический компонент характеризует и мужчин-политиков, чья гендерная принадлежность исторически укрепляет их статус на политической арене и позволяет им гораздо большее количество «вольностей» прагма-коммуникативного и стилистического характера. Оба случая указывают на желание адресантов коммуникативно доминировать над аудиторией и воздействовать на нее посредством создания мощного дискурсивного пространства с сильным прагма-аксиологическим и манипулятивно-персуазивным зарядом.

Следовательно, комплекс социокультурных и психологических факторов, непосредственно завязанных на гендерной идентификации адресанта, оказывает непосредственное влияние на прагма-коммуникативное выстраивание текста и его манипулятивную составляющую, при этом незначительно сказываясь на структурно-организационной составляющей высказывания.

5. Заключение

Брексит как масштабное явление, которое охватило Великобританию в 2016 году, когда 51,9 % проголосовавших поддержали выход Великобритании из ЕС, активно обсуждается на многочисленных парламентских заседаниях не только в Соединенном Королевстве, но и в Европейском Союзе. Эта тема постоянно привлекает исследователей, в числе которых присутствуют лингвисты. Постоянно пополняющийся банк выступлений членов парламента на тему Брексита, его роли и сущности позволяет выявить многие лингвистические особенности, которые до сегодняшнего дня не попадали в «исследовательский фокус» лингвистики, дает возможность изучить несвойственные современному парламентскому дискурсу закономерности, проана-

лизовать основные языковые характеристики, выявить лингвистические инновации, в том числе и с учетом гендерной принадлежности британских парламентариев.

Проведенное исследование гендерной специфики речевого поведения британских женщин и мужчин-политиков позволяет сделать вывод, что в дискуссиях о роли и судьбе Брекита различия в моделях мужского и женского речевого поведения незначительны и гендер в этом случае не является определяющим фактором коммуникации. Различия, выявленные на морфологическом, стилистическом, семантическом и прагматическом уровнях мужского и женского речевого поведения, незначительны, что дает нам право говорить о том, что гендер не всегда играет ключевую роль в построении парламентского дискурса, но чаще он находит выражение в зависимости от коммуникативной ситуации и набора общих правил и норм. Однако полностью исключать его влияние мы не можем.

Анализ материала позволил заключить, что и мужчины, и женщины-политики выстраивают свои выступления с позиции коммуникативного доминирования и оказания суггестивного воздействия на аудиторию. Именно с этой целью женщины прибегают к зарегламентированной аргументативной структуре выступления с минимальным использованием эмоционально-окрашенной лексики, а мужчины — к самому широкому спектру стилистических средств.

Подчеркнем, что комплексный подход предполагает в будущем психолингвистический анализ материала для выявления уровня коммуникативного доминирования адресанта в аспекте его взаимодействия с массовым адресатом, а также лингвоаксиологический анализ для выявления наиболее частотных лингвоаксиологических концептов, к которым апеллирует адресант для усиления манипулятивно-персуазивного потенциала своего выступления. Именно это проблемное поле является объектом наших дальнейших исследований в данной области.

Источники и принятые сокращения

1. *Caroline Spelman* — 2019 Speech on Brexit. Published 30 January 2019 [Electronic resource] // UKPOL. — Access mode : <http://www.ukpol.co.uk/caroline-selman-2019-speech-on-brexit/> (accessed : 09.05.2020).
2. *Karen Buck* — 2019 Speech on Brexit. Published 15 January 2019 [Electronic resource] // UKPOL. — Access mode : <http://www.ukpol.co.uk/karen-buck-2019-speech-on-brexit/> (accessed : 09.05.2020).
3. *Theresa May* — Prime Minister Theresa May gave a speech on Brexit in Stoke-on-Trent. Published 14 January 2019 [Electronic resource] // Gov. UK. — Access mode : <https://www.gov.uk/government/speeches/pms-brexit-speech-in-stoke-on-trent-14-january-2019> (accessed : 09.05.2020).
4. *David Lammy* — 2018 Speech on Brexit. Published 5 December 2018 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.facebook.com/19129786540/posts/mr-speaker-the-european-union-was-once-just-a-remarkable-dream-a-hope-that-our-c/2887153807976653/> (accessed : 09.05.2020).
5. *Jeremy Corbyn* — 2018 Speech on Britain After Brexit. Published 26 February 2018. [Electronic resource] // UKPOL. — Access mode : <http://www.ukpol.co.uk/jeremy-corbyn-2018-speech-on-britain-after-brexit/> (accessed : 09.05.2020).
5. *Michael Gove* — 2016 Speech on the EU. Published 2 May 2016. [Electronic resource] // UKPOL. — Access mode : <http://www.ukpol.co.uk/michael-gove-2016-speech-on-the-eu/> (accessed : 09.05.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилова М. В. Парламентский дискурс / М. В. Гаврилова // Дискурс-Пи. — 2013. — С. 113—115.
2. Городникова М. Д. Гендер в коммуникативной интеракции / М. Д. Городникова // Гендер : язык, культура, коммуникация : доклады Второй Международной конференции. — Москва : Московский государственный лингвистический университет. Лаб. гендер. Исслед., 2002. — С. 70—76.
3. Желтухина М. Р. Воздействие медиадискурса на адресата : учебное пособие / М. Р. Желтухина. — Волгоград : Издательство ВГСПУ «Перемена», 2014. — 91 с.
4. Лакофф Р. Язык и место женщины / Р. Лакофф // Гендерные исследования. — 2000. — № 5. — С. 241—254.
5. Полякова Л. С. Понятие «гендер» в лингвистическом описании / Л. С. Полякова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2009. — № 11. — С. 44—49.
6. Lakoff R. T. Bad Language and Bad Speech. [Electronic resource] / R. T. Lakoff // Robin Lakoff on gender, language, and politics. — Access mode : <https://robinlakoff.com/> (accessed : 09.03.2020).
7. Lakoff R. T. Language and Woman's Place / R. T. Lakoff, M. Bucholtz. — New York : Oxford Univ. Pr., 2004. — 176 p.
8. Language and Gender Studies [Electronic resource] // ThoughtCo. — Access mode : <https://www.thoughtco.com/language-and-gender-studies-169109> (accessed : 09.03.2020).
9. Reza Ghafar S. The Gender Linked Differences in the Use of Linguistic Strategies in Face-to face Communication / S. Reza Ghafar // The Linguistics Journal. — 2007. — Vol 3. — № 3. — Pp. 59—71.

SPEECH BEHAVIOR OF BRITISH POLITICIANS IN DISCUSSION OF BREXIT: PRAGMATICS, GENDER AND COMMUNICATIVE DOMINANCE IN POLITICAL MEDIA DISCOURSE¹

© Alina G. Monogarova (2020), orcid.org/0000-0003-4098-0341, ResearcherID G-7567-2019, SPIN 8909-1033, PhD in Philology, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Pyatigorsk State University” (Pyatigorsk, Russia), alicha2002@mail.ru,

© Tatiana A. Shiryayeva (2020), orcid.org/0000-0002-2604-1703, ResearcherID A-4808-2019, SPIN 5145-9334, Doctor of Philology, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Pyatigorsk State University” (Pyatigorsk, Russia), shiryayevat@list.ru,

© Alexander Yu. Bagiyev (2020), orcid.org/0000-0002-3455-0516, ResearcherID N-9069-2016, SPIN 3709-4715, PhD in Philology, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Pyatigorsk State University” (Pyatigorsk, Russia), alexander.0506@mail.ru.

The article deals with the study of male and female speech behavior of British parliamentarians in the discussion of Brexit problems by various mass media. It is emphasized that the need to study the gender specifics of the speech behavior of women and men politicians commenting on Brexit in order to attract public attention is due to the extreme importance of media discourse. It determines the “agenda” of both an individual and various social institutions of modern society, on the one hand, and growing research interest in gender discourse studies, on the other. It is shown that institutionalization and ritualization form the basis of the gender manifestation of each individual's belonging to a particular gender, and the generation and use of discourse cannot be studied outside the gender factor. The novelty and purpose of the study is to identify and analyze the complex linguistic gender specificity of the speech behavior of British politicians in political media discourse. The results of the analysis of the morphological, semantic and stylistic specifics of the speech behavior of British

1 The publication was prepared within the framework of the MK-2338.2020.6 project (Comprehensive pragmalinguistic study of modern electronic text: strategies for realizing manipulative potential) under a grant from the President of the Russian Federation, and within the framework of scientific project No. 20-012-00364-A (Discourse space of a professional linguistic personality in a linguoaxiological coordinate system) by the RFBR grant.

parliamentarians, when discussing Brexit in political media discourse in accordance with the gender of politicians are presented. The influence of social and psychological factors on the choice of pragmatic-communicative design of the discursive space of the addressee, as well as the correlation of gender, pragmalinguistic tools and the effect of communicative dominance, have been proved.

Key words: speech behavior; parliamentary discourse; media discourse; gender specificity; communicative dominance; institutionality.

MATERIAL RESOURCES

- Caroline Spelman. 2019 Speech on Brexit. Published 30 January 2019. In: *UKPOL*. Available at: <http://www.ukpol.co.uk/caroline-selman-2019-speech-on-brexit/> (accessed: 09.05.2020).
- David Lammy. 2018 *Speech on Brexit*. Published 5 December 2018. Available at: <https://www.facebook.com/19129786540/posts/mr-speaker-the-european-union-was-once-just-a-remarkable-dream-a-hope-that-our-c/2887153807976653/> (accessed 09.05.2020).
- Jeremy Corbyn. 2018 *Speech on Britain After Brexit*. Published 26 February 2018. Available at: *UKPOL*. Available at: <http://www.ukpol.co.uk/jeremy-corbyn-2018-speech-on-britain-after-brexit/> (accessed: 09.05.2020).
- Karen Buck 2019 Speech on Brexit. Published 15 January 2019. In: *UKPOL*. Available at: <http://www.ukpol.co.uk/karen-buck-2019-speech-on-brexit/> (accessed 09.05.2020).
- Michael Gove. 2016 Speech on the EU. Published 2 May 2016. In: *UKPOL*. Available at: <http://www.ukpol.co.uk/michael-gove-2016-speech-on-the-eu/> (accessed 09.05.2020).
- Prime Minister Theresa May gave a speech on Brexit in Stoke-on-Trent. Published 14 January 2019. *Gov. UK*. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/pms-brexit-speech-in-stoke-on-trent-14-january-2019> (accessed 09.05.2020).

REFERENCES

- Gavrilova, M. V. (2013). Parlaментskiy diskurs [Parliamentary discourse]. *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi]. 113—115. (In Russ.).
- Gorodnikova, M. D. (2002). Gender v kommunikativnoy interaktsii [Gender in communicative interaction]. *Gender: yazyk, kultura, kommunikatsiya: doklady Vtoroy Mezhdunarodnoy konferentsii* [Gender: language, culture, communication: reports of the Second International conference]. Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet. Lab. gender. Issled., 70—76. (In Russ.).
- Lakoff, R. (2000). Yazyk i mesto zhenshchiny [Language and place of women]. *Gendernyye issledovaniya* [Gender studies], 5: 241—254. (In Russ.).
- Lakoff, R. T. *Bad Language and Bad Speech. Robin Lakoff on gender, language, and politics*. Available at: <https://robinlakoff.com/> (accessed 09.03.2020).
- Lakoff, R. T., Bucholtz, M. (2004). *Language and Woman's Place*. New York: Oxford Univ. Pr. 176 p. Language and Gender Studies. *ThoughtSo*. Available at: <https://www.thoughtco.com/language-and-gender-studies-169109> (accessed: 09.03.2020).
- Polyakova, L. S. (2009). Ponyatie «gender» v lingvisticheskom opisanii [The concept of “gender” in the linguistic description]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual problems of Philology and pedagogical linguistics], 11: 44—49. (In Russ.).
- Reza Ghafar, S. (2007). The Gender Linked Differences in the Use of Linguistic Strategies in Face-to-face Communication. *The Linguistics Journal*, 3 (3): 59—71.
- Zheltukhina, M. R. (2014). *Vozdeystviye mediadiskursa na adresata: uchebnoye posobiye* [Impact of media discourse on the addressee: textbook]. Volgograd: Izdatelstvo VGSPU «Peremena». 91 p. (In Russ.).

Ноздрина А. С. Глагольно-именные словосочетания немецкого языка (*stehen, stellen, schließen, fassen* + Nomen) через призму концептуальных схем / А. С. Ноздрина // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 128—141. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-128-141.

Nozdrina, A. S. (2020). German Verbal-Nominal Phrases (*stehen, stellen, schließen, fassen* + Nomen) through the Prism of Conceptual Schemes. *Nauchnyi dialog*, 10: 128-141. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-128-141. (In Russ.).

УДК 811.112.2'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-128-141

ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (*STEHEN, STELLEN, SCHLIESSEN, FASSEN* + NOMEN) ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СХЕМ

© Ноздрина Анастасия Станиславовна (2020), orcid.org/0000-0001-5417-9462, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия), nozdrina@list.ru.

Рассматриваются устойчивые глагольные сочетания немецкого языка с точки зрения когнитивной лингвистики. В качестве исследуемого материала представлены устойчивые глагольные сочетания, построенные по типу «глагол + (предлог) + существительное». Автор останавливается на четырех глаголах немецкого языка (*stehen, stellen, schließen, fassen*) и возможных с ними комбинациях. Рассматриваемые примеры объединены в группы, где при одном глаголе употребляются различные существительные, как правило, абстрактного характера. Предпринимается попытка проанализировать концептуальные схемы, моделирующие фрагменты окружающей действительности, и выявить образы, которыми оперирует носитель немецкой лингвокультуры. Исследование образной составляющей устойчивых глагольных сочетаний позволяет классифицировать их по концептуальным основаниям, а именно выделить метафору «контейнер» и пространственную метафору. Автор останавливается также на концептуальной метафоре объективации. Особое внимание уделяется не только семантике отдельных компонентов глагольных словосочетаний (глагол, предлог и существительное), но и грамматическим характеристикам лексем. Проведенный анализ дает возможность говорить о наличии в немецкой лингвокультуре базовых универсальных представлений, оформленных в виде концептуальных схем. Изучаемые концептуальные схемы позволяют наглядно продемонстрировать тезис о том, что абстрактные явления часто получают осмысление через конкретно-чувственные образы.

Ключевые слова: устойчивые глагольные сочетания; концептуальная схема; концептуальная метафора; образ; пространственная метафора; контейнер; концептуальная метафора объективации; концептуализация; предлог; абстрактное существительное.

1. Концептуальная метафора. Терминологическое многообразие. Постановка проблемы

Проводя исследование в рамках предлагаемой статьи, мы соглашаемся с известным тезисом, что все многообразие лексико-грамматических средств языка для описания какого-либо абстрактного явления может быть сгруппировано вокруг одного базового понятия, присутствующего в лингвокультуре. Таким базовым поня-

тиям терминологический аппарат когнитивной лингвистики присваивает обозначение *концептуальная метафора* или *образная схема*. Отметим, что категория «образ» может трактоваться широко и использоваться в различных научных областях: культурологии, филологии, лингвистике, литературоведении и др. Мы же ограничимся пониманием образа как языкового образа — наглядного представления, созданного языковыми средствами. (*Sprachbild* — 1. Jede anschauliche Vorstellung, die mit sprachlichen Mitteln erzeugt wird) [Kleines Wörterbuch der Stilkunde, 1977, S. 103] (*Языковой образ* — 1. Любое яркое представление, созданное с помощью языковых средств) (здесь и далее перевод наш. — А. Н.).

Понятие метафоры в лингвистике, как известно, получает трактовку в контексте двух разных подходов: стилистического и литературоведческого (где метафора выступает как троп) и когнитивного (как концептуальная метафора).

Понятие «концептуальная метафора», предложенное Дж. Лакоффом, претерпевало с развитием когнитивной науки изменения, и в трудах различных исследователей можно обнаружить множество вариантов его интерпретации. В когнитивной лингвистике известно большое количество сложных ментальных структур. Все они так или иначе призваны описать и структурировать знания человека, его видение мира. К основополагающим явлениям когнитивной лингвистики можно отнести *когнитивные сферы* Р. Леннекера [Langacker, 1991], *ментальные пространства* Ж. Фоконье [Fauconnier, 1985], *концептуальные метафоры* Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф и др., 2008], *фреймы и фреймовую семантику* Ч. Филлмора [Филлмор, 1988]. Все эти структуры позволяют систематизировать процессы концептуализации и категоризации ментальных процессов с помощью схем и моделей.

Среди синонимичных, смежных с концептуальной метафорой понятий находят такие явления, как метафорический концепт, концептуальное основание, концептуальная схема, образная схема и прочие [Беляевская, 2002; Берестнев, 2002; Воронина, 2012; Булыгина и др., 2000; Зыкова 2011; Кубрякова, 1999; Лакофф, 2011; Рахилина, 2010].

В рамках предлагаемой работы мы остановимся на понятиях «концептуальная схема» и «образ» (он выступает концептуальным основанием метафоры).

Говоря о способах реализации в английском языке концептуальной метафоры, Дж. Лакофф приводит в качестве примеров большое количество фразовых глаголов. Анализ опубликованных работ, посвященных систематизации фразовых глаголов английского языка и предлогов английского языка с точки зрения концептуализации с их помощью пространства, показал, что научные исследования на материале английского языка представлены в большем количестве [Богданова, 2006; Логинова, 2004; Малай, 2001], чем исследования, посвященные глагольным и предложным конструкциям немецкого языка, которые исследовались мало.

В связи с этим актуальным видится обращение к глаголам немецкого языка. Таким образом, в фокусе внимания оказались устойчивые глагольные сочетания, образованные по модели «глагол + существительное» (*feste Nomen-Verb-Verbindungen*). В подобных словосочетаниях при одном глаголе позиция актанта может замещаться разными абстрактными существительными. Приводимые устойчивые

глагольные сочетания исследуются в отношении их образной составляющей, ставится задача определить роль каждого компонента устойчивого сочетания в создании общей концептуальной схемы. Ввиду того, что разнообразие устойчивых сочетаний с глаголом велико, мы ввели ограничение материала исследования по критерию присутствия в составе анализируемых устойчивых сочетаний следующих глаголов: *sitzen, setzen, schließen, fassen*.

2. Устойчивые глагольные сочетания: виды и компоненты

Устойчивые словосочетания немецкого языка имеют разнообразную классификацию. Так, М. Д. Степанова, И. И. Чернышева приводят множество классов устойчивых словосочетаний, из них выделяются, в числе прочих, фразеологические единицы (Phraseologische Einheiten), среди них — глагольные фразеологизмы (Verbale Phraseologismen) (*den Mund halten, den Kopf waschen, ins Gras beißen, die Beine unter die Arme nehmen* / держать язык за зубами, устроить кому-либо головоймойку, отчитать, сыграть в ящик, прибавить шагу), субстантивные фразеологизмы (Substantivische Phraseologismen), наречные фразеологизмы (Adverbiale Phraseologismen) и фразеологизированные сочетания (Phraseologisierte Verbindungen) [Степанова и др., 2005, с. 213—217]. Фразеологизированные сочетания являются наиболее многочисленной группой в рамках всего пласта устойчивых словосочетаний. Они также представляют для нас интерес ввиду следующих их особенностей: *Von den phraseologischen Verbindungen unterscheiden sie sich durch eine serielle Verknüpfbarkeit der semantisch transformierten Konstituente, z. B. jmdm. Achtung, Anerkennung, Bewunderung, Lob, Verehrung, Beifall, Dank zollen* [Степанова и др., 2005, с. 213] (От фразеологических сочетаний они отличаются возможностью многократно присоединять компонент, который может быть каждый раз разным с семантической точки зрения, например: *оказывать кому-либо уважение, высказывать признание, восхищение, похвалу, высказывать почет, выражать одобрение, благодарность* (здесь и далее перевод наш. — А. Н.).

Сочетаемость отдельных компонентов таких устойчивых выражений уже исследовалась В. Н. Телия: внимание автора концентрировалось на возможных способах комбинации отдельных элементов с акцентом на явлении коннотации [Телия, 1981].

Так, М. Д. Степанова и И. И. Чернышева рассматривают это явление на примере сочетаний с глаголом *genießen*: *So verbindet sich die übertragene Konstituente „genießen“ nur mit Lexemen, die eine denotativ-referentielle Besonderheit aufweisen, und zwar: jmds. Vertrauen, Achtung genießen, bei jmdm. hohes Ansehen, jmds. Schutz genießen* [Степанова и др., 2005, с. 214] (Таким образом, компонент *genießen* «наслаждаться, пользоваться» связан только с лексемами, у которых обнаруживаются коннотативно-референтные особенности, а именно: *пользоваться чьим-либо доверием, пользоваться авторитетом, чьей-либо защитой*). Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что значимую роль играют семантические классы участвующих в словосочетании существительных, а также их коннотативное значение.

Устойчивые сочетания с указанными глаголами чаще всего строятся по модели «глагол + абстрактное существительное». Авторами отмечается следующее:

Der eigentliche Träger der Semantik ist in dieser Verbindung das Substantiv, das Verb dagegen erscheint „bedeutungsleer“, es büßt seinen semantischen Eigenwert ein und behält nur noch seine syntaktische Funktion [Там же, с. 215] (Непосредственным носителем значения в таких сочетаниях является существительное, глагол же, наоборот, выступает как семантически пустой компонент, то есть теряет свое собственное значение и выполняет только синтаксическую функцию).

В качестве объекта исследования методом сплошной выборки были выделены фразеологизированные глагольные словосочетания (Phraseologisierte Verbverbindungen) и описательные глагольные конструкции (Streckformen), обнаруживающие способность присоединять к одному и тому же глаголу различные абстрактные существительные с помощью предлога и без него. Основным критерием отбора глагола послужила частотность его употребления (по статистике электронной версии словаря Дуден [Duden, 2008]) и семантика глагола, позволяющая сделать предположение о том, что она будет лежать в основе образования концептуальной метафоры объективации и формирования пространственного значения в рамках рассматриваемого словосочетания.

3. Компоненты устойчивых сочетаний. Семантическое наполнение

На наш взгляд, вопрос о семантической пустоте глагола все же является дискуссионным. Если предположить, что глагол в сочетании семантически пуст, то гипотетически эти глаголы:

- а) взаимозаменяемы, любой глагол может быть употреблен в словосочетании;
- б) невозможно было бы найти закономерности их употребления с теми или иными существительными.

При этом очевидно, что существительные в устойчивых сочетаниях играют значимую с точки зрения семантики роль. Однако мы предполагаем, что все компоненты, участвующие в устойчивом словосочетании (глагол + (предлог) + существительное), привносят свое значение, никакой из компонентов не может быть абсолютно пустым. Открытым остается лишь вопрос о том, какой из компонентов является первостепенным по значимости для формирования общего образа, определяющим выбор остальных компонентов устойчивого сочетания. Так, например, о важности предлогов для формирования пространственной концептуальной схемы см.: [Воронина, 2012; Кубрякова, 1999; Логинова, 2004; Малиар, 2001].

Вопрос о семантической наполненности каждого из компонентов словосочетания или препозициональной группы также поднимался нами в статье «Концептуальное наполнение предлогов», где в центре внимания находился предлог и затрагивался вопрос взаимного влияния предлога и употребляемого с ним существительного. В таких случаях трудно рассматривать компоненты в отрыве один от другого, поскольку только вместе они складываются в единый образ, что доказывает неслучайность связи этих компонентов [Ноздрина, 2015].

4. Методология исследования. Пути формирования образа

В рамках предлагаемой работы анализ проводился в три этапа: в первую очередь были выбраны глаголы, участвующие в устойчивых словосочетаниях, по-

сколько они являются постоянным, неизменным компонентом; после этого осуществлялся анализ существительных и попытка вычленить семантические группы употребляемых с глаголом существительных; затем определялась роль предлога и его значение; на заключительном этапе анализа уточнялось одно из значений глагола, участвующее в формировании общего метафорического значения.

Мы обращаемся только к глагольным фразеологизмам, а также к описательным глагольным конструкциям (Streckformen), не уточняя нюансы классификации и статуса цитируемых устойчивых глагольных сочетаний, поскольку их классификация не является нашей основной задачей. *Die Bedeutung der verbalen Phraselogismen entsteht infolge der semantischen Transformation variabler Syntagmen bzw. Wortverbindungen, die primär die metaphorische Bezeichnungsübertragung darstellt* [Степанова и др., 2005, с. 183] (Важным для нас является замечание, согласно которому значение глагольных фразеологизмов возникает вследствие семантической трансформации различных синтагм или словосочетаний, которые являют собой изначально метафорический перенос). В данном случае авторами описывается явление метафоры и метафорического переноса как тропа, то есть метафоры в ее классическом литературоведческом и стилистическом понимании. Мы же предпринимаем попытку изучить концептуальную схему, лежащую в основе пространственной метафоры и рассмотреть устойчивые глагольные сочетания в отношении их группировки по классическим концептуальным основаниям: «контейнер», «верх — низ» (ориентационная или пространственная метафора). Ориентационные метафоры (или пространственные метафоры) связаны с представлением о нахождении нашего тела в пространстве и соотношениях его с объектами действительности. Это, в частности, соотношения «верх — низ», «внутри — снаружи»; сознание ориентировано наверх, бессознательное — вниз, счастье соответствует верху, печаль — низу, предсказуемые будущие события — наверху (и впереди), хорошее ориентировано наверх, плохое — вниз [Лакофф и др., 2008, с. 35].

Анализ устойчивых сочетаний показал, что они способны образовывать в сознании реципиента различные пространственные схемы, а многие абстрактные существительные могут представляться в виде предмета, который можно взять, поместить, переместить, стоять перед ним или находится под ним. Однако, как отмечает Дж. Лакофф, концептуализация с помощью пространственных категорий (через опыт общения с объектами и вещами) имеет свои пределы. В связи с этим Дж. Лакофф вводит понятие «онтологической метафоры», отображающей восприятие событий, деятельности, эмоций, идей и им подобных явлений как «материальных сущностей, веществ». Вслед за Дж. Лакоффом мы в рамках предлагаемой работы используем понятия материальной сущности, контейнера и сложной пространственной схемы. Иными словами, мы наблюдаем процесс объективации. В несколько более узкой трактовке этот термин можно обнаружить в концепции Е. Г. Беляевской, которая говорит о «концептуальной метафоре объективации» (подразумеваемая модель «произвести объектное действие с предметом») на примере выражений *give place to something / someone take the rap for someone* [Беляевская, 2015, с. 17].

5. Устойчивые сочетания с глаголом *stehen* (стоять)

Глагол *stehen* образует с абстрактными существительными и предлогами устойчивые конструкции: *unter Druck / Beobachtung / dem Einfluss / Verdacht stehen*; *zur Verfügung stehen*, *zur Diskussion stehen*, *zur Auswahl stehen*; *in Verbindung stehen*, *an der Spitze stehen* (находиться под давлением / наблюдением, влиянием, быть в распоряжении, стоять на обсуждении / обсуждаться, быть представленным на выбор, находиться в связи, находиться на вершине / во главе).

Существительные в структуре перечисленных выражений по своей семантике тяготеют к обозначению процесса, что обусловлено акциональностью глагола, от которого они образованы (подробнее о типах глаголов и их акциональности см: [Brinkman, 1962; Bußmann, 2008, S. 18, 151; Duden, 2009; Helbig u.a., 2001; Schendels, 1988]), и подвержены объективации — могут представляться как объект, как-либо размещенный относительно других объектов. Это задано семантикой употребляемого предлога *unter* (под) — в таком случае объекты, обозначенные перечисленными существительными, находятся как бы сверху, над тем, кто выступает субъектом действия.

В сочетании с предлогом *zu* (к) также фиксируется пространственная метафора, но в данном случае в горизонтальной проекции: *zur Auswahl, Diskussion, Verfügung stehen*. Существительные в сочетании с данным предлогом показывают, что предстоит объекту в ближайшем будущем, — в соответствии с тезисом Дж. Лакоффа: «предсказуемые будущие события — наверху / впереди» [Лакофф и др., 2008, с. 35].

Пространственная метафора получает в лингвистических работах различные наименования: *образная схема*, реже — *пространственная схема*, *пространственная модель*, *пространственная структура*. Эти термины обычно уточняются указанием на частную модель: «*верх — низ*», «*внутри — снаружи*», «*наверху / впереди*» и т. д. [Беляевская, 2002, с. 384—393; Воронина, 2012, с. 55; Гак, 2000, с. 127—135; Кубрякова, 1999, с. 3—12; Лакофф и др., 2008, с. 53—59;].

Таким образом, предполагается активность субъекта действия, с одной стороны, и вовлеченность в процесс, обозначаемый абстрактным существительным, с другой стороны. В приводимых нами примерах можно увидеть иллюстрацию и горизонтальной (впереди — позади), и вертикальной (верх — низ) пространственной схемы.

Поскольку глагол *stehen* является непереходным, объект как бы *предоставлен к чему-либо, готов к дискуссии, находится в распоряжении (готов к дискуссии / выбору)*. Можно предположить, что этому также способствует статичность как базовый компонент значения глагола *stehen*. Анализ его словарных дефиниций показал, что значение статичности и пребывания в том или ином состоянии будет так или иначе присуще всем словосочетаниям с этим глаголом.

В данном контексте снова в центре внимания находится вопрос, какой из компонентов устойчивого сочетания является основой для создания образа. Это может быть существительное, вызывающее в сознании реципиента определенный образ и требующее употребления глагола, связанного именно с этим образом, например, образ «контейнер» связан с глаголами *находиться внутри чего-либо* или *входить*

куда-либо, также это может быть глагол, определяющий выбор существительного, обозначающего, например, эмоцию, состояние, задачу и т. д., или предлог, конкретизирующий пространственное значение (находится *под*, *в*, *над*, стоять *перед* чем-то). На данном этапе исследования можно сделать вывод о том, что они обуславливают друг друга.

6. Устойчивые сочетания с глаголом *stellen* (ставить)

Переходность глагола *stellen* — исключительно важная грамматическая категория для формирования метафоричности — обуславливает значительные возможности этого глагола в образном осмыслении абстракций. Рассматриваемые глагольные конструкции с глаголом *stellen* также можно поделить на две группы: с участием предлога и беспредложные конструкции.

В беспредложных конструкциях существительное реализует функцию объекта, условно указывая на «предмет, который можно *поставить*»: *Ansprüche / Antrag / Forderung / Frage / Aufgabe usw. stellen* (выдвигать претензии, запрос, требование, вопрос, поставить задачу).

Формированию такого значения способствует категория переходности глагола. Е. И. Шендельс отмечает, что метафорой в грамматике «можно считать перенос грамматической формы с одного вида отношений на другой с целью создания образности» [Шендельс, 2006, с. 210], и показывает это явление на разнообразных примерах метафорического переноса в грамматике: через нарушение избирательности допустимых существительных при переходных глаголах тематических групп слов. Таким образом, в создании образности участвуют на равных правах лексика и грамматика. Цитируя В. Каверина: «... он играл теперь чудо этих яблонь и острое чувство надежды, восхищения, которое испытывали люди, пришедшие сюда и ставшие частью этого сада» [цит. по Шендельс, 2006 с. 215], — автор иллюстрирует, каким образом грамматическими средствами (через оппозицию переходность / непереходность глагола) может порождаться метафорическое значение.

Отметим, что все существительные в составе выражений с глаголом *stellen* принадлежат к отвлеченной лексике (абстракциям), а с точки зрения семантики они связаны с ментальной деятельностью человека, при этом благодаря глаголу *stellen* метафорически представлены как предметы материального мира в соответствии с «концептуальной метафорой объективации».

С позиции теории концептуальной метафоры, представление явлений действительности в качестве конкретных объектов возможно через метафору канала связи (идеи — это объекты, языковые выражения — это вместилища, коммуникация — это послание) [Лакофф и др., 2008, с. 31], в свою очередь, опыт обращения с материальными объектами создает основу для «онтологических метафор, т. е. способов восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т. п., как материальных сущностей и вещей» (например, разум — это машина, душа — это хрупкий объект) [Там же, с. 49]. Онтологические метафоры исключительно многообразны и дают возможность сконцентрировать внимание на различных особенностях ментального опыта.

7. Предложные конструкции с глаголом *stellen* (ставить)

Данные конструкции содержат предлоги *in*, *unter*, *zu* (в, под, к).

В предложных конструкциях (например: *zur Diskussion stellen* / дословно «к дискуссии ставить», ср. рус. *ставит* / *выдвигать на обсуждение*) действие, описываемое глаголом, направлено не на объект, названный стоящим рядом существительным, а на объект, который подразумевается валентностью «кого / что» ввиду переходности глагола: *etwas in Aussicht / unter Beweis / zur Diskussion / in Rechnung / unter Strafe / zur Verfügung, in Frage stellen, jemanden zur Rede stellen* (обещать кому-либо что-либо, доказывать, выдвигать на обсуждение, оплатить что-либо, преследовать по закону, предоставить в распоряжение, сомневаться, потребовать объяснений).

Однако процесс объективации происходит уже в связке глагола с дополнением, над которым совершается действие: *Man stellt etwas in Aussicht; Man stellt etwas /j-n zur Rede, Man stellt etw. zur Diskussion* (что-либо кому-либо обещать, призвать кого-либо к ответу/потребовать объяснений, выдвигать что-либо на обсуждение).

Отдельным объектом исследования может быть семантика дополнения, употребляемого в перечисленных устойчивых сочетаниях (*etwas zur Diskussion stellen, etwas steht unter Strafe*) (что-либо обсуждать, подвергнуть наказанию), что, однако, не является задачей предлагаемой статьи, но представляет большой интерес для дальнейших исследований. Перечисленные предлоги вместе с глаголом *stellen* позволяют представить взаимоотношения дополнения и абстрактного существительного как объектов в пространстве. Как уже говорилось выше, объект находится *перед чем-то*, что ему предстоит.

В этих примерах обнаруживается подтверждение той идеи, что в образной интерпретации предстоящее (временная категория) находится либо впереди, либо наверху (пространственные категории). Это подвид ориентационной метафоры [Лакофф и др., 2006 с. 35, 39].

В конструкциях с предлогом *zu* представляется горизонтальная проекция. Пространственная схема, конструируемая при помощи предлога *zu*, где подчеркивается значение «предстоящее событие — впереди», складывается в том числе из значений упомянутого предлога: пространственного значения, значения цели и результата действия, значения направления и конечного пункта движения.

Также можно утверждать, что эмоциональные состояния описываются в терминах контейнера, то есть некоего пространства, в котором человек находится, в которое его можно *поместить* и *из которого он выходит*. То же обнаруживается на материале русских устойчивых сочетаний: метафора контейнера эксплуатируется при описании эмоционального состояния. В свою очередь, чувства концептуализуются в языке как объекты в пространстве. Приведенные примеры и анализ предлогов, которые «являются концептуальным основанием для пространственных отношений» [Кубрякова, 2000, с. 84], подкрепляют идею о том, что можно выявить закономерности в употреблении предлогов с обозначениями эмоциональных состояний и чувств. Подробнее об этом см.: [Булыгина и др. 2000, с. 277—287; Ноздрина, 2015, с. 78; Падучева, 2000, с. 244, Подлесская и др., 2000, с. 98—107].

Особенности концептуализации результатов ментальной деятельности человека в качестве объекта (то есть объективацию ментального опыта) можно рассмотреть и на примерах с глаголами *fassen* и *schließen*.

8. Устойчивые выражения с глаголами *fassen* и *schließen* (хватать и заключать)

Глагол *fassen* (в своем прямом значении ‘хватать что-либо’) сочетается с такими существительными, как *Ehre, einen Beschluss, einen Entschluss, einen Gedanken, Vertrauen zu jmdm., etw., Mut fassen* usw. (заключить брак, принять решение, задать мыслью, проникнуться доверием, набраться мужества).

Как правило, это отглагольные существительные, обозначающие ментальную деятельность, для осуществления которой требуются моральные силы и эмоциональные затраты.

Глагол *fassen* позволяет говорить о представлении моральных переживаний, чувств, мыслей как предметов.

Глагол *schließen* проявляет себя в сочетаниях с существительными, обозначающими тот или иной вид взаимоотношений двух сторон или этап, к которому эти взаимоотношения подходят: (*Freundschaft, Frieden, Vertrag, Ehe, einen Bund, Bekanntschaft, Kompromiss schließen* usw.) (‘заключить дружбу, мир, договор, брак, союз, знакомство, компромисс’ и т. д.). Общим семантическим центром для выражений, в составе которых есть глаголы со значениями ‘заключать, вступать’ и ‘закрывать’, является смысл ‘принять решение’. Абстрактные представления (отношения, чувства) концептуализируются как конкретные материальные объекты, над которыми можно совершить такие действия, как *заклучить, закрыть*.

10. Выводы

В результате исследования немецкоязычного материала удалось установить следующее:

1. Рассмотренные устойчивые немецкие глагольные словосочетания вызывают в сознании реципиента определенные образы, что свидетельствует о наличии в языке концептуальных метафор, таких как метафора контейнера, концептуальная метафора объективации, метафора расположения объекта в пространстве относительно других объектов.

Пространственная соотнесенность объектов в образной структуре рассмотренных примеров имеет горизонтальную проекцию (*zur Diskussion stehen*), где один объект находится перед другим (таким образом проходит процесс концептуализации предстоящего события как объекта), или вертикальную проекцию (*unter Druck stehen*), когда один объект находится под другим.

2. Грамматические и лексические значения слов в составе устойчивых выражений в равной степени участвуют в актуализации ментальных структур при функционировании в речи фразеологизированных глагольных словосочетаний. Грамматические характеристики языковых единиц, образующих словосочетание, необходимо рассматривать наравне с лексическими компонентами (переходность /

непереходность глаголов *stehen, stellen, fassen, schließen*; акциональность глагола, от которого образовано существительное, включенное в состав словосочетания).

3. Образы контейнера, перемещаемых предметов, пространственных объектов формируются за счет взаимодействия значений всех компонентов, задействованных в словосочетании: существительных, глаголов, предлогов (при их наличии).

4. Анализ включенных в словосочетания существительных показал, что они принадлежат к категории абстрактных (отвлеченных), а в рамках устойчивых выражений с рассмотренными глаголами приобретают дополнительные смысловые оттенки и воспринимаются реципиентом как обозначения объектов в пространстве (*Ansprüche, Forderungen, Aufgabe, Diskussion, Verfügung, Rede* и др.).

5. В процессе концептуализации эмоций и чувств прослеживается закономерность, согласно которой эмоциональные состояния представляются как контейнер, а чувства — как объекты в пространстве.

6. Описываемые концептуальные метафоры и образы, вызываемые ими в сознании реципиента, носят универсальный характер, что снова подтверждается проведенным исследованием: в частности, в немецкой лингвокультуре пространственная метафора, метафоры объективации и контейнера относятся к базовым представлениям, включенным в картину мира носителя анализируемого языка.

Источники и принятые сокращения

1. *Duden*. Deutsches Universalwörterbuch. 5., überarbeitete Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. — Dudenverlag Mannheim — Leipzig- Wien- Zürich, 2003. — 1892 S.
2. *Duden*. Die Grammatik. 8. Auflage. Dudenverlag, Mannheim, 2009. — 763 S.
3. *Kleines Wörterbuch der Stilkunde* / Siegfried Krahll, Josef Kurz // VEB Bibliographisches Institut Leipzig. Leipzig, 1977. — 141 S.
4. *Lexikon der Sprachwissenschaft* / Bußmann H. (Hrsg.) unter Mitarbeit von Hartmut Lauffer // 4, durchgesehene und bibliographisch ergänzte Auflage. — Kröner, Stuttgart, 2008. — S. 18, 151.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Предисловие редактора / А. Н. Баранов // Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем. — Москва : УРСС, 2004. — С. 7—21.
2. Беляевская Е. Г. Когнитивные критерии выделения литературного жанра / Е. Г. Беляевская // С любовью к языку : сборник научных трудов. Посвящается Е. С. Кубряковой. — Москва-Воронеж : ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. — С. 384—393.
3. Беляевская Е. Г. Фрейм, концепт, концептуальная метафора — синонимы? (о соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики) / Е. Г. Беляевская // Вестник МГЛУ. — 2015. — Выпуск 22 (733). — С. 9—20.
4. Берестнев Г. И. Концептуализация параметров пространственности в русском языковом сознании / Г. И. Берестнев // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии и синхронии : сборник научных трудов. — Калининград : Издательство Калининградского государственного университета, 2002. — С. 36—43.
5. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 18—36.
6. Богданова С. Ю. Концептуализация и реконцептуализация пространственных отношений (схема «контейнер») / С. Ю. Богданова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. — № 1 (007). — С. 69—80.

7. Булыгина Т. В. Перемещение в пространстве как метафора эмоций / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелов // Логический анализ языка. Языки пространств. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 277—289.
8. Воронина Т. М. Образная схема «граница» и ее лексические репрезентации в русском языке : модификации пространства / Т. М. Воронина // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. — 2012. — Выпуск 8. — С. 54—59.
9. Гак В. Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 127—134.
10. Зыкова И. В. Концептуальные основания семиотики английских фразеологизмов, обозначающих вербальную коммуникацию / И. В. Зыкова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2011. — № 4 (029). — С. 26—35.
11. Кубрякова Е. С. О понятиях места, предмета и пространства / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 84—93.
12. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) / Е. С. Кубрякова // Известия АН. Сер. литературы и языка. — 1999. — Т. 58, № 5—6. — С. 3—12.
13. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1 : Разум вне машины / Дж. Лакофф ; перевод с английского И. Б. Шатуновского. — Москва : Гнозис, 2011. — 512 с.
14. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; перевод с английского ; под редакцией и с предисловием А. Н. Баранова. — Изд. 2-е. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 256 с.
15. Логинова Е. Г. Концептуальное соотношение пространства и времени в семантике английских предложных сочетаний : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. Г. Логинова. — Москва, 2004. — 251 с.
16. Маляр Т. Н. Концептуализация пространства и семантика английских пространственных предлогов и наречий : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.04 / Т. Н. Маляр. — Москва, 2001. — 390 с.
17. Ноздрина А. С. Концептуальное наполнение предлогов / А. С. Ноздрина // Вопросы гуманитарных наук. — 2015. — № 6. — С. 75—85.
18. Падучева Е. В. Пространство в облиии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Языки пространств. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 239—255.
19. Подлеская В. И. «Лицом к лицу» / В. И. Подлеская, Е. В. Рахилина // Логический анализ языка. Языки пространств. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 98—108.
20. Рахилина Е. В. А был ли концепт? Контейнер и содержимое в русском языке / Е. В. Рахилина // Лингвистика конструкций. — Москва : Азбуковник, 2010. — С. 219—249.
21. Степанова М. Д. Лексикология современного немецкого языка = Lexikologie der deutschen gegenwartssprache / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. — Москва : Академия, 2005. — 256 с. — ISBN 5-7695-2310-7.
22. Телия В. Н. Типы языковых значений / В. Н. Телия // Связанное значение слова в языке. — Москва : Наука, 1981. — 253 с.
23. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 23. Когнитивные аспекты языка. — Москва : Прогресс, 1988. — 320 с.
24. Шендельс Е. И. Грамматическая метафора / Е. И. Шендельс // Избранные труды : К 90-летию со дня рождения Е. И. Шендельс / составитель Л. А. Ноздрина. — Москва : МГЛУ, 2006. — С. 204—219.
25. Brinkmann H. Deutsche Sprache. Gestalt und Leistung / H. Brinkmann. — Düsseldorf, 1962. — 654 S.

26. Fauconnier G. Mental Spaces : Aspects of meaning construction in natural language / G. Fauconnier. — Cambridge, Mass : MIT Press, 1985.
27. Helbig G. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. — Langenscheidt, Berlin / München / Wien / Zürich / New York, 2001. — 654 S.
28. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things : What categories reveal about the mind / G. Lakoff. — Chicago : The University of Chicago Press, 1990. — 614 p.
29. Langacker R. Concept, Image and Symbol : The Cognitive Basis of Grammar / R. Langacker. — Berlin–New York : Mouton de Gruyter, 1991.
30. Schendels E. Deutsche Grammatik : Morphologie, Syntax, Text / E. Schendels // Учебник для институтов и факультетов иностранных языков — 3-е издание, исправленное. — Москва : Высшая школа, 1988. — 416 с.

GERMAN VERBAL-NOMINAL PHRASES (*STEHEN, STELLEN, SCHLIESSEN, FASSEN* + NOMEN) THROUGH THE PRISM OF CONCEPTUAL SCHEMES

© Anastasia S. Nozdrina (2020), orcid.org/0000-0001-5417-9462, PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of German Language, Federal state autonomous institution of higher education "Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation" (Moscow, Russia), nozdrina@list.ru.

The article deals with the fixed verb combinations of the German language from the point of view of cognitive linguistics. As the material under study, fixed verb combinations are presented, built according to the type "verb + (preposition) + noun". The author dwells on four German verbs (*stehen, stellen, schließen, fassen*) and possible combinations with them. The examples under consideration are combined into groups where different nouns are used with one verb, usually of an abstract nature. An attempt is made to analyze conceptual schemes that model fragments of the surrounding reality and to identify the images that the carrier of the German linguistic culture operates with. The study of the figurative component of fixed verb combinations allows us to classify them on conceptual grounds, namely to single out the metaphor "container" and the spatial metaphor. The author also dwells on the conceptual metaphor of objectification. Particular attention is paid not only to the semantics of individual components of verbal phrases (verb, preposition and noun), but also to the grammatical characteristics of lexemes. The analysis performed makes it possible to speak about the presence in the German linguistic culture of basic universal concepts, designed in the form of conceptual schemes. The studied conceptual schemes make it possible to clearly demonstrate the thesis that abstract phenomena are often comprehended through concrete-sensory images.

Key words: fixed verb combinations; conceptual diagram; conceptual metaphor; image; spatial metaphor; container; conceptual metaphor of objectification; conceptualization; preposition; abstract noun.

MATERIAL RESOURCES

- Bußmann, H. (Hrsg.) (2008). Lexikon der Sprachwissenschaft. In: 4, *durchgesehene und bibliographisch ergänzte Auflage*. Kröner, Stuttgart. S. 18, 151. (In Germ.).
- Duden. *Deutsches Universalwörterbuch*. 5., *überarbeitete Auflage*. Herausgegeben von der Dudenredaktion. (2003). Dudenverlag Mannheim — Leipzig-Wien-Zürich. 1892 S. (In Germ.).
- Duden. *Die Grammatik*. 8. Auflage. (2009). Dudenverlag, Mannheim. 763 S. (In Germ.).
- Krahl, S., Kurz, J. (1977). Kleines Wörterbuch der Stilkunde. In: *VEB Bibliographisches Institut Leipzig*. Leipzig. 141 S. (In Germ.).

REFERENCES

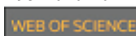
- Baranov, A. N. (2004). Predislovie redaktora [Editor's Preface]. In: Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. *Metaphory, kotorymi my zhivym* [Metaphors that we live]. Moskva: URSS. 7—21. (In Russ.).

- Belyayevskaya, E. G. (2002). Kognitivnyye kriterii vydeleniya literaturnogo zhanra [Cognitive criteria for selecting a literary genre]. In: *S lyubovyu k yazyku* [With love for language]. Moskva-Voronezh: IYa RAN, Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet. 384—393.
- Belyayevskaya, E. G. (2015). Freym, kontsept, kontseptualnaya metafora — sinonimy? (o sootnoshenii i vzaimodeystvii metodov kognitivnoy lingvistiki) [Frame, concept, conceptual metaphor — synonyms? (on the correlation and interaction of methods of cognitive linguistics)]. *Vestnik MGLU* [Vestnik of MSLU], 22 (733): 9—20. (In Russ.).
- Berestnev, G. I. (2002). Kontseptualizatsiya parametrov prostranstvennosti v russkom yazykovom soznanii [Conceptualization of spatial parameters in Russian language consciousness]. In: *Semantika yazykovykh yedinit i kategorii v diakhronii i sinkhronii: sbornik nauchnykh trudov* [Semantics of language units and categories in diachrony and synchrony : collection of scientific papers]. Kaliningrad: Izdatelstvo Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 36—43. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2004). Kontseptualnoye prostranstvo kognitivnoy lingvistiki [Conceptual space of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 1: 18—36. (In Russ.).
- Bogdanova, S. Yu. (2006). Kontseptualizatsiya i rekontseptualizatsiya prostranstvennykh otnosheniy (skhema «konteyner») [Conceptualization and reconceptualization of spatial relations (“container” scheme)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 1 (007): 69—80. (In Russ.).
- Brinkmann, H. (1962). *Deutsche Sprache. Gestalt und Leistung*. Düsseldorf. 654 S. (In Germ.).
- Bulygina, T. V., Shmelov, A. D. (2000). Peremeshcheniye v prostranstve kak metafora emotsiy [Moving in space as a metaphor of emotions]. In: *Logicheskyy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of spaces]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 277—289. (In Russ.).
- Fauconnier, G. *Mental Spaces: Aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge, Mass: MIT Press.
- Fillmor, Ch. (1988). Freymy i semantika ponimaniya [Frames and semantics of understanding]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics], 23. *Kognitivnyye aspekty yazyka*. Moskva: Progress. 320 p. (In Russ.).
- Gak, V. G. (2000). Prostranstvo vne prostranstva [Space outside space]. In: *Logicheskyy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of spaces]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 127—134. (In Russ.).
- Helbig, G., Buscha, J. (2001). *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Langenscheidt, Berlin / München / Wien / Zürich / New York. 654 S. (In Germ.).
- Kubryakova, E. S. (2000). O ponyatiyakh mesta, predmeta i prostranstva [On the concepts of place, subject and space]. In: *Logicheskyy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of spaces]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 84—93. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (1999). Semantika v kognitivnoy lingvistike (o kontsepte konteynera i formakh yego obyektivatsii v yazyke) [Semantics in cognitive linguistics (on the concept of a container and forms of its objectification in language)]. *Izvestiya AN. Ser. literature i yazyka* [Bulletin of the Academy of Sciences. Literature and Language Series], 58 (5—6). 3—12. (In Russ.).
- Lakoff, G. (1990). *Women, Fire, and Dangerous Things: What categories reveal about the mind*. Chicago: The University of Chicago Press. 614 p.
- Lakoff, Dzh. (2008). *Metaforы, kotorymi my zhivym* [Metaphors that we live]. Moskva: Izdatelstvo LKI. 256 p. (In Russ.).
- Lakoff, Dzh. (2011). *Zhenshchiny, ogon' i opasnyye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. Kniga 1: Razum vne mashiny* [Women, fire, and dangerous things: What

- categories of language tell us about thinking. Book 1: the Mind outside the machine]. Moskva: Gnozis. 512 p. (In Russ.).
- Langacker, R. (1991). *Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin–New York: Mouton de Gruyter.
- Loginova, E. G. (2004). *Kontseptualnoye sootnosheniye prostranstva i vremeni v semantike angliyskikh predlozhnykh sochetaniy*: PhD Diss. [Conceptual correlation of space and time in the semantics of English prepositional combinations: PhD Diss.]. Moskva. 251 p. (In Russ.).
- Malyar, T. N. (2001). *Kontseptualizatsiya prostranstva i semantika angliyskikh prostranstvennykh predlogov i narechiy*: Doct. Diss. [Conceptualization of space and semantics of English spatial prepositions and adverbs: Doct. Diss.]. Moskva. 390 p. (In Russ.).
- Nozdrina, A. S. (2015). Kontseptualnoye napolneniye predlogov [Conceptual filling of prepositions]. *Voprosy gumanitarnykh nauk* [Questions of the Humanities], 6: 75–85. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2000). Prostranstvo v oblichii vremeni i naoborot (k tipologii metonimicheskikh perenosov) [Space in the guise of time and Vice versa (to the typology of metonymic transfers)]. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of spaces]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 239–255. (In Russ.).
- Podlesskaya, V. I., Rakhilina, E. V. (2000). «Litsom k litsu» [“Face to face”]. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of spaces]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 98–108. (In Russ.).
- Rakhilina, E. V. (2010). A byl li kontsept? Konteyner i soderzhimoye v russkom yazyke [Was There a concept? Container and content in Russian]. In: *Lingvistika konstruktiv* [Linguistics of constructions]. Moskva: Azbukovnik. 219–249. (In Russ.).
- Schendels, E. (1988). Deutsche Grammatik: Morphologie, Syntax, Text. In: *Uchebnik dlya institutov i fakultetov inostrannykh yazykov*. Moskva: Vysshaya shkola. 416 s. (In Germ.).
- Shendel's, E. I. (2006). Grammaticheskaya metafora [Grammatical metaphor]. In: *Izbrannyye trudy: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya E. I. Shendel's* [Selected works: the 90th anniversary of the birth of E. I. Sandals]. Moskva: MGLU. 204–219. (In Russ.).
- Stepanova, M. D., Chernysheva, I. I. (2005). *Leksikologiya sovremennogo nemetskogo yazyka* [Lexicology of the modern German language]. Moskva: Akademiya. 256 p. ISBN 5-7695-2310-7. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1981). Tipy yazykovykh znacheniy [The types of the language values]. In: *Svyazannoye znachenie slova v yazyke* [The associated meaning of a word in the language]. Moskva: Nauka. 253 p. (In Russ.).
- Voronina, T. M. (2012). Obraznaya skhema «granitsa» i yeye leksicheskiye reprezentatsii v russkom yazyke: modifikatsii prostranstva [The figurative scheme “border” and its lexical representations in the Russian language: modifications of space]. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta imeni I. Kanta* [Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant], 8: 54–59. (In Russ.).
- Zykova, I. V. (2011). Kontseptualnyye osnovaniya semiotiki angliyskikh frazeologizmov, oboznachayushchikh verbalnyuyu kommunikatsiyu [Conceptual foundations of semiotics of English phraseological units denoting verbal communication]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 4 (029): 26–35. (In Russ.).

Онуфриева Е. С. Новогреческие фразеологизмы-конструкции с глаголами-антонимами: *Χ τον ανεβάζει, Χ / Υ τον κατεβάζει и Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* / Е. С. Онуфриева // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 142—158. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-142-158.

Onufrieva, E. S. (2020). Modern Greek Constructional Phrasemes with Antonymous Verbs: *Χ τον ανεβάζει, Χ / Υ τον κατεβάζει and Χ μπαίνει, Χ βγαίνει*. *Nauchnyi dialog*, 10: 142–158. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-142-158. (In Russ.).

УДК 81'373.7+811.142

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-142-158

НОВОГРЕЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ-АНТОНИМАМИ: *Χ τον ΑΝΕΒΑΖΕΙ, Χ / Υ τον ΚΑΤΕΒΑΖΕΙ и Χ ΜΠΑΙΝΕΙ, Χ ΒΓΑΙΝΕΙ*

© Онуфриева Елизавета Сергеевна (2020), orcid.org/0000-0003-3395-4516, аспирант кафедры византийской и новогреческой филологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» (Москва, Россия), lisa.onufrieva@gmail.com.

Представлены результаты корпусного и лексикографического анализа двух новогреческих фразеологизмов-конструкций (класса фразеологизмов, выделенного А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским) с глаголами-антонимами в фиксированной части — *Χ τον ανεβάζει, Χ / Υ τον κατεβάζει и Χ μπαίνει, Χ βγαίνει*. Отмечается, что рассматриваемые фразеологизмы имеют разные значения и неодинаковые функции в предложении, однако между ними есть структурное и семантическое сходство. Оба фразеологизма представляют собой рифмующуюся двухчастную структуру, основными лексическими «якорями» которой являются антонимичные глаголы, выражающие локативное значение — противоположенное перемещение объекта или противоположенное движение субъекта в пространстве. Показано, что в составе этих фразеологизмов пары глаголов-антонимов десемантизируются и утрачивают антонимичность. Подчеркивается, что в то же время исходное локативное значение глаголов привносит в план содержания этих фразеологизмов свою образность, становясь основой их внутренней формы, и определяет часть их семантики — значение множественности повторяющихся ситуаций. Уделяется внимание идиоматичным конструкциям других языков, соотносящимся по своей семантике с рассматриваемыми новогреческими фразеологизмами. Показано, что многие из этих конструкций также образованы с помощью локативных антонимов, что свидетельствует о распространенности подобного приема построения внутренней формы фразеологизмов со значением множественности повторяющихся ситуаций.

Ключевые слова: антонимия; фразеология; внутренняя форма; фразеологизмы-конструкции; новогреческий язык.

1. Введение

Антонимия как один из типов парадигматических отношений между языковыми единицами может проявляться не только на лексическом, но и на фразеологическом уровне языка. Отношения антонимии внутри фразеологической системы изучаются с различных ракурсов.

Наиболее часто фразеологическая антонимия рассматривается как противоположность значений двух разных идиом. К чистым фразеологическим антонимам относят идиомы с противоположными значениями и почти тождественной струк-

турой, отличающиеся друг от друга только одним компонентом-антонимом (см., например, [Киселева, 2011, с. 305–306; Молотков, 1968, с. 18]). Чистая антонимия во фразеологии затруднена разной категориальной принадлежностью идиом и несовпадением их внутренней формы, поэтому число точных фразеологических антонимов сравнительно невелико [Баранов и др., 2014, с. 111, 113; Киселева, 2011, с. 306]. Идиомы, выражающие противоположное значение, но различающиеся по своей внутренней форме и категориальной принадлежности, признаются квазиантонимами [Там же, с. 110; там же, с. 305;]. В связи с антонимией рассматриваются также энантиосемия, то есть противоположность значений, выражаемых отдельным фразеологизмом, и семантическая противопоставленность разных вариантов реализации одного фразеологизма [Там же, с. 112, 113; там же, с. 312].

Антонимия может также рассматриваться на уровне компонентного состава отдельного фразеологизма — как основа его внутренней формы. Исследователи, занимающиеся вопросами лексической семантики, обращают внимание на склонность антонимов к контактному, совместному употреблению (см., например, [Новиков, 1982, с. 184; Justeson, Katz, 1991, с. 1; Jones, 2002, с. 25] и др.). Так, Л. А. Новиков указывает на то, что «[н]аиболее характерное употребление антонимов — контактное» [Новиков, 1982, с. 184] и «[в] синтагматическом плане антонимы характеризуются высокой степенью совместной встречаемости в тексте» [Там же, с. 247]. Контактное использование антонимов характерно и для фразеологии, где, как отмечает К. Л. Киселева, «антонимия является очень распространенным приемом построения внутренней формы» [Киселева, 2011, с. 312].

Антонимия на уровне компонентного состава фразеологизмов в основном изучена на традиционном материале идиом (см., например, описание фразеологических антитез в [Алефиренко и др., 2009, с. 180—184]), а также пословиц и поговорок (см., например, [Царегородцева, 2011; Akçataş, 2011]). В то же время этот тип антонимии является формообразующим и для некоторых фразеологических паттернов, еще не получивших достаточного описания в этом аспекте.

Данная статья посвящена описанию двух новогреческих фразеологических паттернов — фразеологизмов-конструкций, — фиксированная часть которых содержит пары глаголов-антонимов: *Χ τον ανεβάζει*, *Χ / Υ τον κατεβάζει* (букв. ‘Х-ом его поднимает, Х-ом / Υ-ом его опускает’)¹ и *Χ μπαίνει*, *Χ βγαίνει* (букв. ‘Х входит, Х выходит’). Цель статьи — провести лексикографический и корпусный анализ структуры и семантики этих фразеологизмов-конструкций, сопоставить их со схожими конструкциями в других языках и на основании этого сделать вывод о влиянии антонимии на уровне компонентного состава этих фразеологизмов-конструкций на их внутреннюю форму и актуальное значение.

В работе использовались основные одноязычные словари и сборники фразеологизмов новогреческого языка, а также корпус текстов eTenTen14, доступный на платформе <https://the.sketchengine.co.uk> и являющийся на текущий момент самым объемным корпусом новогреческого языка (1,6 млрд слов).

1 Здесь и далее перевод автора статьи помимо особо оговоренных случаев.

2. Понятие фразеологизмов-конструкций и возможность их формирования с помощью слов-антонимов

Фразеологизмы-конструкции (далее — ФК) представляют собой отдельный класс фразеологизмов в классификации А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского наряду с идиомами, коллокациями, пословицами, грамматическими фразеологизмами и ситуативными клише. Это «синтаксически автономные выражения устойчивого состава, в которых пропущены некоторые элементы (актанты — обычные или пропозициональные). Причем фиксированные элементы конструкции, вместе с ее синтаксисом, характеризуются единым значением, приближающимся к лексическому» [Баранов и др., 2014, с. 86]. В русском языке к ФК относятся такие выражения, как *X — он и в Африке X, всем X-ам X, тоже мне X, где уж нам P* и др. [Там же, с. 86—87].

Несмотря на то, что термин *фразеологизмы-конструкции* был введен в научный оборот сравнительно недавно (см. [Dobrovol'skij, 2011, с. 114]), структуры, соотносящиеся с ФК, достаточно давно привлекают внимание лингвистов (см., например, фразеологизированные построения [Шведова, 1960, с. 269], фразеосхемы [Шмелев, 2002, с. 419], моделированные (типовые) образования [Чернышева, 1970, с. 64], *Phraseoschablonen* [Fleischer, 1982, с. 135]).

Среди фразеологов особое внимание на возможность формирования подобных структур с помощью элементов-антонимов обращает В. Фляйшер. Описывая различные типы фразеосаблонов в немецком языке, Фляйшер выделяет в самостоятельную группу фразеосаблоны, фиксированная часть которых содержит антонимичные локативные наречия (в качестве примера в его работе приводятся две немецкие конструкции — *X hin, X her*, букв. 'X туда, X сюда', и *raus aus X, rein in X*, букв. 'вон из X, прямоком в X') [Fleischer, 1982, с. 137].

В итальянском языке С. Маттиола и Ф. Мазини выделяют группу конструкций с антонимичными локативными наречиями в фиксированной части, объединенных общим паттерном $X_i Adv_1 X_i Adv_2$, где первое наречие — Adv_1 — является антонимом второго — Adv_2 , например, $X_i di qua X_i di là$ или $X_i qua X_i là$, букв. 'X_i здесь, X_i там', и пр. [Mattiola et al., 2018].

Отдельные идиоматизированные конструкции с элементами-антонимами анализируются (без акцента на антонимию) в таких работах, как [Добровольский, 2019; Apresjan, 2012, p. 105; Fillmore, 1979, p. 73; Finkbeiner, 2015; Finkbeiner, 2017; Finkbeiner, 2018; Kiparsky, 1976, p. 76], и пр.¹

Новогреческие ФК в целом пока изучены недостаточно, и случаи их формирования с помощью компонентов-антонимов не описаны.

1 Обширная литература посвящена изучению конструкций, в которых могут совместно употребляться в речи антонимы (так называемые «диагностические контексты» [Новиков, 1982, с. 247—248], "frames" [Mettinger, 1994, с. 40], "frameworks" [Jones, 2002, с. 154], «конструкции» [Antonyms, 2012, с. 105]). См., например, русские конструкции «(не) X, а Y; X, но Y» и пр. в [Новиков, 1982, с. 248] или англ. "either X and Y; neither X nor Y" и др. в [Jones, 2002, с. 180]. Эти конструкции не соотносятся с темой данной статьи, так как большинство из них представляют собой композиционные построения, в которых антонимы, как правило, не входят в состав фиксированного компонента, а лишь могут заполнять слоты X и Y.

3. Фразеологизм-конструкция *X τον ανεβάζει, X / Y τον κατεβάζει*

3.1. Анализ структуры

ФК *X τον ανεβάζει, X / Y τον κατεβάζει* (букв. ‘X-ом его поднимает, X-ом / Y-ом его опускает’) зафиксирован в нескольких новогреческих общезыковых словарях и сборниках фразеологизмов, где имеет следующие толкования: ‘постоянно называть кого-то оскорбительной характеристикой’ [Μπαλτινιώτης, 2005, с. 177; Lexigram], ‘постоянно характеризовать кого-либо неким образом, обычно отрицательно’ [Σαραντάκος, 2013, с. 36], ‘постоянно называть, звать, характеризовать кого-то (обычно об отрицательной стороне человека)’ [ΧΑΝΓ, 2014, с. 145].

В корпусе текстов eTenTen14 этот ФК имеет 541 случай употребления, в большинстве из которых (86 %) представляет собой двухчастную структуру следующего типа:

$$\frac{X_{Ac} + \text{мест.}_{1Ac} + \text{ανεβάζω}_{fin}}{1} + \frac{X_{Ac} / Y_{Ac} + \text{мест.}_{1Ac} + \text{κατεβάζω}_{fin}}{2}$$

$$(X_{Ac} + \text{мест.}_{1Ac} + \text{‘поднимать’}_{fin}) + (X_{Ac} / Y_{Ac} + \text{мест.}_{1Ac} + \text{‘опускать’}_{fin})$$

Типовое значение ФК — ‘постоянно называть, характеризовать’ — реализуется идиоматичным соединением его основных лексических «якорей»: глаголов *ανεβάζω* ‘поднимать’ и *κατεβάζω* ‘опускать’, представляющих собой однокорневые антонимы, исторически образованные от одного и того же глагола с помощью противоположных по смыслу пространственных префиксов *ανα-* ‘вверх’ и *κατα-* ‘вниз’. Такие глаголы относятся к антонимам, выражающим векторную противоположность, то есть «противоположность разнонаправленных действий, движений, признаков» [Новиков, 1982, с. 245—246].

Глаголы *ανεβάζω* и *κατεβάζω* выполняют в предложении, где используется ФК, роль сказуемого и согласуются в лице и числе с одним и тем же подлежащим, указывающим на субъекта действия. Глаголы могут изменяться по временам (исключительно несовершенного вида, что обусловлено семантикой ФК) и наклонениям. Порядок следования глаголов фиксирован и перестановка их местами нехарактерна. Частичное структурное совпадение глаголов и обязательная тождественность их грамматической формы создают эффект рифмы между двумя частями ФК (*anevází* — *katevází*, *anevázun* — *katevázun* и пр.). Пунктуационно части ФК могут друг от друга не отделяться, однако часто между ними ставится запятая или союз *και* ‘и’.

Пара тождественных местоимений в составе ФК указывает на объект действия, выраженного идиоматичным сочетанием глаголов *ανεβάζω* и *κατεβάζω*. Вариативность местоимений ограничена десятью формами: *με* ‘меня’, *σε* ‘тебя’, *τον* ‘его’, *την* ‘её’, *το* ‘это’, *μας* ‘нас’, *σας* ‘вас’, *τους* / *τις* / *τα* ‘их’.

Переменный компонент ФК представлен двумя слотами, семантической функцией которых является обозначение имени или характеристики, данной объекту, как правило, отрицательной.

Приведем примеры употребления ФК в корпусе.

(1) *Και πού πήγε η αλλοτινή λαμπερή εικόνα της χώρας μας; Απατεώνες μας ανεβάζουν, απατεώνες μας κατεβάζουν* / Куда же подевался былой привлекательный образ нашей страны? **Нас постоянно называют обманщиками** (букв. ‘обманщиками [они] нас поднимают, обманщиками нас опускают’).

(2) *Δεν άκουσα από κανέναν μια θετική κουβέντα. “Πουλητάρι” τον ανεβάζαν, “πουλητάρι” τον κατέβαζαν* / Доброго слова я ни от кого не услышал. **Иначе как продажным его не называли** (букв. ‘«продажным» [они] его поднимали, «продажным» его опускали’).

В 14 % случаев в корпусе структура ФК модифицируется по одному или нескольким параметрам. Так, может сокращаться число компонентов (как правило, один из слотов или оба местоимения) или изменяться порядок их следования:

(3) *“Λαϊκιστές” τους ανεβάζε και τους κατέβαζε η ομήγυρη τους* / Их аудитория **характеризовала их не иначе как популистами** (букв. ‘«популистами» их поднимала и их опускала’).

(4) *Αυτοί που κάποτε σε αγαπούσαν [...] τώρα σε ανεβάζουν ανίκανο και σε κατεβάζουν τεμπέλη* / Люди, которые когда-то тебя любили [...], сейчас **только и называют тебя неумехой и бездельником** (букв. ‘тебя поднимают неумехой и тебя опускают бездельником’).

В некоторых случаях между фиксированным компонентом и слотами вводится дополнительный элемент:

(5) *Κάποιοι λοιπόν αγάπησαν ξαφνικά τον Σπύρο Λάτση και από ...λαμόγιο που τον ανεβάζαν και τον κατέβαζαν [...] σήμερα τον...δοξάζουν* / В общем, некоторые внезапно полюбили Спироса Лациса, и из ... **мошенника, как они его постоянно его называли**, [...] он сделался объектом восхваления (букв. ‘из мошенника, как [они] его поднимали и его опускали’).

Также могут не соотноситься объекты / субъекты в частях ФК:

(6) *Κι εμείς είχαμε διαφωνίες: σταλινικό τον ανεβάζα, ρεβιζιονιστή με κατέβαζε* / Разногласия были и у нас: **он постоянно называл меня сталинистом, а я его — ревизионистом** (букв. ‘сталинистом [я] его поднимал, ревизионистом [он] меня опускал’).

3.2. Анализ переменного компонента

Актанты, заполняющие слоты ФК *Χ τον ανεβάζει*, *Χ / Υ τον κατεβάζει*, могут быть как лексически тождественными (48 % случаев в корпусе), так и нетождественными (52 %):

(7) *Βάρβαρους τους ανεβάζε, βάρβαρους τους κατέβαζε* / Он постоянно **называл их варварами** (букв. ‘варварами [он] их поднимал, варварами их опускал’).

(8) *«Φαραώ» τον ανεβάζουν, «δικτάτορα» τον κατεβάζουν* / Они постоянно **называют его фараоном и диктатором** (букв. ‘«фараоном» [они] его поднимают, «диктатором» его опускают’).

В отношении обоих слотов действуют одинаковые частеречные и семантические ограничения. Наиболее часто слоты заполняются отдельными существительными (например, *απατεώνας* ‘обманщик’, *προδότης* ‘предатель’), реже — отдельными прилагательными (*άχρηστος* ‘никчемный’) или именными словосочетаниями

(*αλβανική μαφία* ‘албанская мафия’). Также слоты могут быть заполнены причастиями (*διαφθαρμένος* ‘корруптированный’), редко — наречиями (*έτσι* ‘так’) или местоимениями (*τίποτε* ‘ничто’). Как правило, актанты употребляются в форме винительного падежа, реже — в форме звательного или именительного падежей.

В большинстве случаев (82 %) актанты имеют значение негативной оценки или приобретают негативную оценочность в контексте, что соотносится с имеющимися словарными толкованиями ФК как выражения со значением ‘постоянной оскорбительной характеристики’. В то же время возможно и использование актантов с положительной оценочностью (12 % случаев) или оценочно-нейтральных актантов (6 %), например, имен собственных:

(9) [...] *ξεκίνησαν μια άνευ προηγουμένου εκστρατεία κολακείας του λαού. Ο πάνσοφος λαός τον ανέβαζαν, ο κυρίαρχος λαός τον κατέβαζαν* / [...] начали беспрецедентную кампанию по лести в адрес народа. **Постоянно величали его: «премудрый народ», «господствующий народ»** (букв. ‘«премудрый народ» [они] его поднимали, «господствующий народ» его опускали’).

(10) [...] *το όνομά μου ποτέ δεν το έμαθε, Φαίδωνα με ανέβαζε, Αλέξανδρο με κατέβαζε* / [...] мое имя она так и не запомнила, **всё я у нее был Федон да Александр**’ (букв. ‘Федоном [она] меня поднимала, Александром меня опускала’).

Как особенно видно из примера 9, говорящий, используя ФК, выражает критическое отношение к тому, что в отношении объекта постоянно используется определенное имя или характеристика, независимо от того, отрицательные они или положительные. Характерным является то, что в новогреческие словари ФК занесен в форме третьего лица: *«τον ανεβάζει ... τον κατεβάζει»* (букв. ‘[он/она] его поднимает ... его опускает’) [ΧΑΝΓ, 2014, с. 145]; *«(...) τον ανεβάζει, (...) τον κατεβάζει»* (букв. ‘(...) [он/она] его поднимает, (...) его опускает’) [Σαραντάκος, 2013, с. 36]. Корпусные данные также показывают, что в большинстве случаев — 85 % — ФК используется в формах третьего лица (‘он’, ‘она’, ‘они’), в 7 % — второго (‘ты’, ‘вы’), в 5 % — первого лица множественного числа (‘мы’) и лишь в 3 % — первого лица единственного числа (‘я’):

(11) *Η αλήθεια είναι ότι μέχρι χθες ανίκανο τον ανεβάζα, ανίκανο τον κατέβαζα, τώρα — ντρέπομαι λίγο που το ομολογώ — αλλά του βγάζω το καπέλο!* / ‘На самом деле до настоящего дня **я постоянно называл его неумехой**, а сейчас — мне немного стыдно это признавать — я снимаю перед ним шляпу!’ (букв. ‘[я] неумехой его поднимал, неумехой его опускал’).

3.3. Анализ внутренней формы ФК и его иноязычных соответствий

Использование глаголов-антонимов в структуре ФК *Χ τον ανεβάζει, Χ / Υ τον κατεβάζει* мы рассматриваем как способ построения его внутренней формы.

Глаголы *ανεβάζω* ‘поднимать’ и *κατεβάζω* ‘опускать’ являются векторными антонимами, указывающими на перемещение объекта в пространстве по вертикальной оси вверх и вниз соответственно. В составе ФК эти глаголы десемантизируются, утрачивают свою антонимичность и «из противоположности превращаются в общность» [Гельбл, 1964, с. 161], однако их исходное значение — противоположенное движение с возвращением в исходную точку — привносит в план содержания ФК

свою образность — образ неоднократности, повторяемости действия. Такая внутренняя форма ФК, наряду с двухчастностью его структуры, наличием у него двух формальных слотов и возможностью заполнения этих слотов нетождественными актантами — все это вносит свой вклад в приобретение ФК присущей ему семантики¹.

Наиболее близко по своей внутренней форме с новогреческим ФК соотносится турецкий фразеологизм *X aşağı X yukarı*, фиксированная часть которого образована антонимичными локативными наречиями ‘вниз’ и ‘вверх’. Однако спектр значений турецкого фразеологизма шире, чем у новогреческого, о чем свидетельствуют толкования первого из них в словаре: «1. Выражение используется для описания очень популярного человека, чье имя у всех на устах: “*Adı erken yaşta şaire çıkmıştı. Şair aşağı, şair yukarı*” / *Его очень рано стали величать поэтом. Везде только и слышно было: поэт да поэт!* — букв. ‘поэт вниз, поэт вверх’ (Х. Танер). 2. Используется в качестве жалобы человеком, который много занят в услужении» [ТС, 1, 1998, с. 149] (перевод с тур. яз. А. В. Жевелевой). Об этом свидетельствует и значение, закрепляемое за выражением *Ahmed aşağı Ahmed yukarı* (букв. ‘Ахмед вниз Ахмед вверх’) другим словарем: «всё время “Ахмед, Ахмед”; только и разговоров, что об Ахмеде» [ТРС, 1977, с. 70]. Как видно из этих словарных толкований и примеров, турецкий фразеологизм, помимо значения ‘называть кого-либо определенным образом’, может выражать значение ‘постоянно упоминать кого-либо в речи’, которое у новогреческого ФК отсутствует.

В меньшей степени новогреческий ФК соотносится по своей внутренней форме с испанской конструкцией *X por aquí X por allí* (букв. ‘Х здесь, Х там’), фиксированный компонент которой также образован локативными антонимами. А. Сулуага, выделяя эту конструкцию в числе фразеосхем испанского языка, указывает, что она имеет идиоматическое значение ‘постоянно говоря везде об Х’ [Zuluaga, 1980, с. 111, 113]. В то же время приводимый им пример позволяет нам соотнести испанскую конструкцию с новогреческим ФК, так как демонстрирует наличие у испанской конструкции значения ‘постоянно называть кого-либо определенным образом’: *Desde esa noche, Venancio se distinguió de los demás dejando de llamarle curro, Luisito por aquí Luisito por allí* (Azuela M. «Los de abajo») / С того вечера Венансио стал с Сервантесом подчеркнуто дружелюбен, перестал величать его барчуком и называл не иначе как ласкательно — Луисито» (Асуэла М. «Те, кто внизу», пер. с исп. на рус. В. Виноградова).

Интерес представляют также случаи перевода новогреческого ФК на другие языки с помощью идиоматических конструкций с антонимами:

1 На возможность выражения мультипликативного значения (значения множественности повторяющихся ситуаций) с помощью комбинации глаголов-антонимов, обозначающих противоположно направленные движения, указывает В. С. Храковский [Храковский, 1989, с. 30]. Т. А. Майсак также выделяет конструкции, в состав которых входит пара разнонаправленных глаголов движения: «Множественное, повторяющееся действие представляется в данном случае через движение в пространстве в противоположные стороны. В случае сохранения пространственной интерпретации мы имеем дело с обозначением ситуации, повторяющейся многократно при разнонаправленном движении актантов (альтернатив); при непространственной интерпретации речь идет о многократно повторяющейся ситуации (итератив) или о ситуации, продолжающейся подчеркнуто долгое время (интенсив)» [Майсак, 2005, с. 375].

(12) *Δυστυχώς, είχε την κακή συνήθεια να λέει κορού και τη μάνα του Αντόνι. Κορού την ανέβαζε, κορού την κατέβαζε.* (Ταχτσής Κ. «Το τρίτο στεφάνι») / К сожалению, у нее была плохая привычка называть пройдохой и мать Андониса. **Βσέ «пройдох» да «пройдох»** (букв. ‘«пройдохой» ее поднимала, «пройдохой» ее опускала’) / The trouble was she had the habit of calling Antoni’s mother ‘the shrew’. **It was ‘the shrew’ here and ‘the shrew’ there**” (Taktis C. «The Third Wedding», пер. с греч. на англ. L. Finer) / Malheureusement, elle avait la mauvaise habitude d’appeler ainsi la mère d’Antoni. **Pécore par-ci, pécore par-là [...]** (Taktis C. «Le troisième anneau», пер. с греч. на франц. J. Lacarrière).

(13) *Αλλά η κυρα-Εκάβη, Φωτεινή την ανέβαζε, Φωτεινή την κατέβαζε, κι όταν ήταν στις τρυφερότητές της, όπως ήταν συχνά την εποχή εκείνη, την έλεγε χαϊδευτικά και Φώφη* (Ταχτσής Κ. «Το τρίτο στεφάνι») / Но кира-Экави иначе как «Фотини» ее не называла, а когда была в нежном расположении духа, что в ту пору бывало часто, звала ее и ласковым «Фофи» (букв. ‘«Фотини» ее поднимала, «Фотини» ее опускала’) / But not Hecuba. **It was Fotini this and Fotini that**, and when she was feeling specially affectionate, as she was quite often at that time, she’d even call her Fofo (Taktis C. «The Third Wedding», пер. с греч. на англ. L. Finer) / Mais Ekavi s’en délectait : **Photini par-ci, Photini par-là**, et même, dans ses moments de tendresse, fréquents à cette époque, Phopho (Taktis C. «Le troisième anneau», пер. с греч. на франц. J. Lacarrière).

Новогреческий ФК *Χ τον ανεβάζει, Χ / Υ τον κατεβάζει* и иноязычные конструкции, представленные выше, не являются полными фразеологическими эквивалентами, а их фиксированный компонент представлен разными частями речи — глаголами, наречиями, местоимениями. Однако основными лексическими «якорями» всех этих конструкций являются элементы-антонимы, принадлежащие к одному и тому же функционально-семантическому полю локативности. Формирование внутренней формы этих конструкций с помощью антонимов, обозначающих противонаправленность движения или противопоставленность расположения в пространстве, определяет их общую семантику множественности повторяющихся ситуаций¹.

4. Фразеологизм-конструкция *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει*

4.1. Анализ структуры

По сравнению с ФК *Χ τον ανεβάζει, Χ / Υ τον κατεβάζει*, описанию которого был посвящен предыдущий раздел, ФК *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* (букв. ‘Χ входит, Χ выходит’) является гораздо менее продуктивным. В большинстве новогреческих словарей

1 В новогреческом языке есть конструкция и с антонимичными локативными наречиями: Χ (από) εδώ, Χ (από) εκεί (букв. ‘Χ здесь, Χ там’), см., например: Υποκλίσεις, χειροφιλήματα, αβρότητα, ντάρλικ εδώ, ντάρλικ εκεί — Θεέ μου, ωραία που είναι η ζωή στο Κολωναکی! (Ψαθός Δ. «Μαντάμ Σουσου») ‘Поклоны, поцелуи рук, учтивости, «дарлинг» тут, «дарлинг» там — Боже мой, как прекрасна жизнь в Колонаки!’ или Με πάνε στην ασφάλεια, από δω κύριε, από κει κύριε ... (Μίσσιος Χ. «Καλά, εσύ σκωτώθηκες νωρίς») ‘Меня ведут в отдел безопасности, тут ко мне «господин», там ко мне «господин» ...’ (букв. ‘здесь господин, там господин’). Эта конструкция в большей степени соотносится с испанским Χ por aquí Χ por allí, английским Χ here, Χ there и французским Χ par-ci, Χ par-là, поскольку, как и они, не несет в себе информации о субъекте / субъектах действия.

он зафиксирован как идиома в разных лексически заполненных вариантах: *μήνας μπαίνει, μήνας βγαίνει* (букв. ‘месяц входит, месяц выходит’) [ΧΑΝΓ, 2014, с. 1019; ΛΚΝ; Σαραντάκος, 2013, с. 177; Κάτος], *μέρα μπαίνει, μέρα βγαίνει* (букв. ‘день входит, день выходит’) [Κάτος; Lexigram], *χρόνος μπαίνει, χρόνος βγαίνει* (букв. ‘год входит, год выходит’) [ΧΑΝΓ, 2014, с. 1783; Lexigram], *ώρα μπαίνει, ώρα βγαίνει* (букв. ‘час входит, час выходит’) [Lexigram]. Низкая продуктивность ФК объясняется его семантикой и спецификой семантических ограничений, накладываемых им на актанты, заполняющие его слоты.

Типовое значение ФК *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* можно обозначить как ‘каждый *Χ* в течение долгого времени’ (ср. русские конструкции *Χ за Χ-ом, из Χ-а в Χ* или англ. *Χ in (and) Χ out*), где *Χ* представлен тождественными существительными со значением отрезка времени — *ώρα* ‘час’, *μέρα* ‘день’, *εβδομάδα* ‘неделя’ и пр. Так как существительные с таким значением представляют собой довольно малочисленную группу, вариативность ФК также является ограниченной¹.

В корпусе текстов eITenTen14 ФК *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* встречается 214 раз и обычно имеет следующий компонентный состав:

$$\frac{X_{Nm} + \mu\alpha\iota\iota\nu\omega_{fin}}{1} + \frac{X_{Nm} + \beta\gamma\alpha\iota\nu\omega_{fin}}{2}$$

$$(X_{Nm} + \text{‘входить’}_{fin}) + (X_{Nm} + \text{‘выходить’}_{fin})$$

Лексическими «якорями» этого ФК также являются исторически однокорневые глаголы-антонимы: *μπαίνω* ‘входить’ и *βγαίνω* ‘выходить’, восходящие к одному и тому же глаголу, модифицированному с помощью семантически противоположных пространственных префиксов *εκ-* ‘из’ и *εν-* ‘в’. Оба глагола грамматически согласуются с лексически тождественными актантами *Χ*, являющимися их формальными подлежащими. В зависимости от контекста глаголы могут приобретать форму прошедшего или будущего времени (например, *μέρα έμπαίνε, μέρα έβγαίνε* — букв. ‘день входил, день выходил’), однако подобное временное согласование не является обязательным. Из-за частичного совпадения глаголов по своей структуре и их обязательного употребления в тождественной грамматической форме между двумя частями ФК возникает эффект рифмы (*béni* — *vgéni, ébene* — *évgene*)². Пунктуационно части ФК могут друг от друга не отделяться, однако часто между ними ставится запятая или другой знак препинания.

Приведем примеры из корпуса.

(14) *Κάποιος άλλος μπορεί να πει ότι δεν του φθάνουν τα δυο χιλιάρικά που καθα-
ρίζει μήνας μπαίνει, μήνας βγαίνει* / Кто-то другой может сказать, что ему недоста-

1 Малую продуктивность соответствующей английской конструкции *Χ in (and) Χ out* отмечает Дж. Тейлор [Taylor, 2003, с. 228].

2 В некоторых случаях эффект рифмы намеренно усиливается говорящим за счет добавления третьего созвучного глагола, например, *μένω (méno) ‘оставаться’: Μήνας βγαίνει, μήνας μπαίνει, ο μαλάκας ίδιος μένει ‘месяц входит, месяц выходит, дебил таким же остается’ (mínas béni, mínas vgéni, o malákas idios méní)* или *Μήνας μπαίνει, μήνας βγαίνει, η ανεργία μένει ‘месяц входит, месяц выходит, безработица остается’ (mínas béni, mínas vgéni, i anergia méní)*.

точно тех двух тысяч, которые он получает чистыми **каждый месяц** (букв. ‘месяц входит, месяц выходит’).

(15) *Χρόνος έμπαινε, χρόνος έβγαίνε, το μενού ήταν πάντα το ίδιο ... / Из года в год меню всегда оставалось прежним ...* (букв. ‘год входил, год выходил’).

Случаи модификации структуры ФК в корпусе единичны. В некоторых контекстах меняется порядок следования компонентов (в частности, слоты располагаются после глаголов) или используются нетождественные актанты:

(16) *Στην εκκλησία μόνο ένα δράμα εκτελείται, και πάντοτε ένα και το αυτό, μπαίνει χρόνος, βγαίνει χρόνος* / В церкви ставят только одну драму, и всегда одну и ту же **из года в год** (букв. ‘входит год, выходит год’).

(17) *Και βεβαίως όλοι καταλαβαίνουμε ότι αμέτρητες ώρες καθίσματος στην ίδια θέση μέρα μπαίνει, μήνας βγαίνει ίσως τελικά να μην είναι ακριβώς ενεργητικές για την υγεία μας* / И конечно, все мы понимаем, что бесчисленные часы сидения на одном и том же месте **днями, месяцами**, вероятно, в конечном счете не слишком идут на пользу нашему здоровью (букв. ‘день входит, месяц выходит’).

4.2. Анализ переменного компонента

Переменный компонент ФК *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* представлен двумя слотами, заполняющимися тождественными существительными со значением промежутка времени. Характерным признаком ФК, позволяющим во многих случаях отличить его от синтаксических омонимов, является использование актантов в форме единственного числа без артикля. Как правило, актанты употреблены в форме именительного падежа, редко — винительного.

Корпусный анализ существительных, заполняющих слоты ФК, показывает наличие у него явных лексических «фаворитов». В 60 % всех случаев используется существительное *μήνας* ‘месяц’, в 20 % — *μέρα* ‘день’ и в 16 % — *χρόνος* ‘год’.

В тех случаях, когда слоты ФК заполняются существительным *μήνας* ‘месяц’, довольно часто в контексте идет речь о деньгах — ежемесячных доходах или ежемесячных тратах. Особенно характерным является использование ФК в контекстах, где идет речь о государственных служащих, ежемесячно получающих заработную плату:

(18) [...] *γενιές και γενιές έχουν γαλουχηθεί με το “να μπεις στο δημόσιο, παιδί μου, είναι σίγουρη δουλειά, μήνας μπαίνει, μήνας βγαίνει ο μισθός σου θα τρέχει και δεν μπορεί να σε κουνήσει κανείς από την καρέκλα σου”* [...] / [...] поколения и поколения были воспитаны в духе «иди на госслужбу, сынок, это надежная работа, зарплата бежит **каждый месяц**, и с кресла твоего тебя никто не может сдвинуть» (букв. ‘месяц входит, месяц выходит’).

На частое употребление ФК со словом *μήνας* ‘месяц’ при описании финансовой стабильности и особенно службы в государственном секторе указывает большинство новогреческих словарей, см. например, такие словарные толкования фразы *μήνας μπαίνει, μήνας βγαίνει* (букв. ‘месяц входит, месяц выходит’): ‘о тех, кто имеет стабильный ежемесячный доход, и, в более широком смысле, о неменяющейся ситуации’ [ΧΑΝΓ, 2014, с. 1019]; ‘о стабильности чьих-то ежемесячных доходов или финансовых обязательств’ [ΛΚΝ]; ‘о чем-то, что имеет постоянный

характер и действует независимо от течения времени, но в особенности — и обычно — о служащих с гарантированными рабочим местом и заработной платой’ [Σαραντάκος, 2013, с. 177].

В корпусе встречаются случаи субстантивации ФК с лексемами *μήνας* ‘месяц’, *μέρα* ‘день’:

(19) *Σίγουρα δεν νοιάζονται όλοι οι καθηγητές για το καλό των μαθητών και κάποιοι απλά κοιτούν το “μήνας μπαίνει-μήνας βγαίνει”* / Конечно, не все преподаватели заботятся о благо учеников, и некоторых просто интересует **гарантированная ежемесячная зарплата** (букв. ‘некоторые смотрят на «At_{dt} месяц входит-месяц выходит»’).

(20) [...] *οπωσδήποτε το μέρα μπαίνει — μέρα βγαίνει του ενήλικα δεν κυλάει σα μήνας του μέλιτος σε εξωτικά νησιά, αλλά με υποχρεώσεις [...]* / [...] в любом случае **будни** подростка проходят не как медовый месяц на экзотических островах, но [сопровождаются] обязанностями (букв. ‘At_{dt} день входит — день выходит подростка’).

Помимо трех фаворитов, в корпусе также используются такие существительные, как *ώρα* ‘час’, *εβδομάδα* ‘неделя’, *χειμώνας* ‘зима’, *Κυριακή* ‘воскресенье’, *Μάης* ‘май’, *αγώνας* ‘матч’:

(21) *Αγώνας μπαίνει, αγώνας βγαίνει, δεν αλλάζουν και πολλά για την Μοντρούζ, η οποία υπέστη ακόμα μία ήττα μεσοβδόμαδα* / **Из матча в матч** не слишком меняется ситуация для [команды] Монтроуз, потерпевшей еще одно поражение в середине недели (букв. ‘матч входит, матч выходит’).

В интернете можно найти случаи заполнения слотов ФК и другими существительными, отсутствующими в корпусе: названиями временных интервалов (*νύχτα* ‘ночь’, *απόγευμα* ‘день’, *βράδυ* ‘вечер’, *Τετάρτη* ‘среда’, *Σάββατο* ‘суббота’, *Μάρτης* ‘март’, *Σεπτέμβριος* ‘сентябрь’, *τρίμηνο* ‘квартал’, *δεκαετία* ‘десятилетие’, *αιώνας* ‘век’), праздников (*Πάσχα* ‘Пасха’), регулярно повторяющихся событий или явлений (*βάρδια* ‘смена, дежурство’, *παιχνίδι* ‘игра’, *επεισόδιο* ‘эпизод, серия’, *τραγούδι* ‘песня’, *κυβέρνηση* ‘правительство’, *μνημόνιο* ‘меморандум’). Встречаются и игровые употребления ФК, например, в новостных заголовках: *Μεγαβάτ μπαίνει, Μεγαβάτ βγαίνει* (букв. ‘мегаватт входит, мегаватт выходит’) — в статье о замене старых энергоблоков; *μπύρα μπαίνει μπύρα βγαίνει* (букв. ‘пиво входит, пиво выходит’) — в рекламе пивного бара; *ηγέτης μπαίνει, ηγέτης βγαίνει* (букв. ‘лидер входит, лидер выходит’) — в статье о смене лидера футбольной команды.

Некоторые словари указывают на тенденцию употребления ФК *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* при описании ситуаций, воспринимаемых говорящим как негативные: ‘про состояние рутины, когда с течением времени не происходит ничего интересного’ [Lexigram], ‘для обозначения обычно негативной ситуации, которая остается неизменной с течением времени’ [ΧΑΝΓ, 2014, с. 1783; Lexigram]. В то же время многие корпусные контексты, в которых употребляется ФК, не содержат признаков негативного отношения говорящего к описываемой ситуации или, напротив, свидетельствуют о ее оценке говорящим как положительной.

4.3. Анализ внутренней формы ФК и его иноязычных соответствий

Глаголы *μπαίνω* ‘входить’ и *βγαίνω* ‘выходить’ представляют собой векторные антонимы со значением противонаправленного движения. В составе ФК эти глаго-

лы десемантизируются, образуя единую синтагму, однако их исходная семантика становится основой внутренней формы ФК — образа ритмичного движения маятника на фоне статичной, не изменяющейся ситуации.

Наиболее очевидным соответствием для новогреческого ФК является английская конструкция *X in (and) X out*. Новогреческая и английская конструкции регулярно пересекаются в текстах переводов:

(22) *Κι ὁμῶς μῆνας μπαίνει μῆνας βγαίνει μ' αρπάξει τα μισά κέρδη!* (Σωτηρίου Δ. «Ματωμένα χώματα») / А он из месяца в месяц отбирает у меня половину прибыли! (букв. 'месяц входит, месяц выходит') / But **month in, month out** he rakes off half my profits! (Sotiriou D. «Farewell Anatolia», пер. с греч. на англ. F. A. Reed).

(23) *Year in, year out, decade in, decade out, some strange demographic minority accreted to support the magazine* (Sterling B. "The Hacker Crackdown") / **Χρόνος μπαίνει, χρόνος βγαίνει, δεκαετία μπαίνει, δεκαετία βγαίνει**, κάποια παράξενη δημογραφική μειονότητα συγκεντρωνόταν για να υποστηρίξει το περιοδικό» (Στέρλινγκ Μπ. «Η δίωξη των χάκερ», пер. с англ. на греч. Н. Полухронάκης) / **Из года в год, из десятилетия в десятилетие** набиралась какая-то непонятная группка людей, поддерживавших журнал (букв. 'год входит, год выходит, десятилетие входит, десятилетие выходит').

Тексты переводов указывают на наличие аналогичных конструкций, также образованных с помощью локативных антонимов, и в других языках, например, в немецком:

(24) *Tagein, tagaus bewegte sich ein Regenwurm unter der Erde, ohne jemand zu treffen* (Miziolek K. «Fabelhafte Geschichten») / **Μέρα μπαίνει, μέρα βγαίνει** κι ένα σκουλήκι προχωρούσε κάτω από τη γη χωρίς να συναντά ψυχή (Μιτσιόλεκ Κ. «Μυθικές» ιστορίες, пер. с нем. на греч. Ο. Καίσαρη) / **Изю дня в день** полз под землей один червячок, не встречая на своем пути ни души (букв. 'день входил, день выходил').

5. Заключение

В данной статье рассмотрена антонимия как один из способов построения внутренней формы особого класса фразеологизмов — фразеологизмов-конструкций.

Существующие научные описания продуктивных фразеологических паттернов, соотносящихся с фразеологизмами-конструкциями, указывают на возможность их образования с помощью антонимичных локативных наречий. В данной статье продемонстрирована также возможность образования подобных структур с помощью контактного использования антонимичных локативных глаголов.

Мы рассмотрели два новогреческих ФК с глаголами-антонимами в фиксированной части: *X τον ανεβάζει*, *X / Y τον κατεβάζει* и *X μπαίνει*, *X βγαίνει*. Эти ФК имеют разные значения и неодинаковые функции в предложении. В то же время между ними есть структурное и семантическое сходство. Оба ФК представляют собой рифмующуюся двухчастную структуру, основными лексическими «якорями» которой являются антонимичные глаголы — в обоих случаях однокорневые глаголы, модифицированные с помощью антонимичных пространственных префиксов. Обе пары глаголов имеют локативное значение — противонаправленное перемещение объекта или противонаправленное движение субъекта в пространстве. В составе

рассмотренных ФК глаголы-антонимы десемантизируются и утрачивают свою антонимичность, однако их исходное значение — противонаправленное движение с возвращением в исходную точку — привносит в план содержания этих ФК свою образность, становясь основой их внутренней формы, и определяет часть их семантики — значение множественности повторяющихся ситуаций.

Поиск идиоматичных конструкций, соотносящихся по своей семантике с новогреческими ФК, в других языках показал, что многие из этих конструкций также образованы с помощью антонимичных компонентов (наречий, местоимений) с семантикой локативности, что свидетельствует о том, что подобный прием построения внутренней формы является распространенным не только для «классических» фразеологизмов, таких как идиомы, пословицы и поговорки, но и для продуктивных фразеологических паттернов.

Источники и принятые сокращения

1. TPC — *Турецко-русский словарь* / А. Н. Баскаков, Н. П. Голубева, А. А. Кямилева, К. М. Любимов, Ф. А. Салимзянова, Р. Р. Юсипова. — Москва : Русский язык, 1977. — 967 с.
2. *Lexigram*. Крупнейший портал древне- и новогреческого [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.lexigram.gr. (*Lexigram*. Η μεγαλύτερη πύλη της αρχαίας και νέας ελληνικής) [Electronic resource]. — Access mode : www.lexigram.gr. (access 17.08.2020).
3. *The Greek Web Corpus* (elTenTen14) [Electronic resource]. — Access mode : www.sketch-engine.eu/eltenten-greek-corpus. (access 17.08.2020).
4. TS — *Турецкий словарь*. — Анкара : Турецкое лингвистическое общество, 1998. — Т. 1. А—J. — 1136 с. (*Türkçe sözlük*. 1. А—J. — Ankara : Türk Dili Kurumu : 1998. — 1136 s.).
5. *Κάτος Γ.* Словарь нашего народного и периферийного языка [Электронный ресурс] / Г. Κάτος. — Режим доступа : <http://georgakas.lit.auth.gr/dictionaries/index.php/anazitisi/g-katou>. (*Κάτος Γ. Λεξικό της λαϊκής και της περιθωριακής μας γλώσσας* [Electronic resource] / Γ. Κάτος. — Access mode : <http://georgakas.lit.auth.gr/dictionaries/index.php/anazitisi/g-katou>) (access 20.08.2020).
6. ΔΚΝ — *Словарь* стандартного новогреческого [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides. (*Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής*. [Electronic resource]. — Access mode : http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides). (access 20.08.2020).
7. *Бабиньотис Г.* Словарь новогреческого языка / Г. Бабиньотис. — Афины : Центр лексикологии, 2005. — 2035 с. (*Μπαμπινιώτης Γ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας* / Γ. Μπαμπινιώτης. — Αθήνα : Κέντρο Λεξικολογίας, 2005. — 2035 σ.). (access 21.08.2020).
8. *Σαραντάκος Η.* Слова на ветер и еще 1000 устойчивых выражений / Η. Σαραντάκος. — Афины : Издания 21-го, 2013. — 312 с. (*Σαραντάκος Η. Λόγια του αέρα και άλλες 1000 παγιωμένες εκφράσεις* / Η. Σαραντάκος. — Αθήνα : Εκδόσεις του 21, 2013. — 312 σ.). (access 20.08.2020).
9. ΧΑΝΓ — *Пользовательский словарь* новогреческого языка. — Афины : Национальная типография, 2014. — 1826 с. (*Χρηστικό Λεξικό της Νεοελληνικής Γλώσσας* / Χ. Χααραλαμπίκης (γεν. συνт.). — Αθήνα : Εθνικό Τυπογραφείο, 2014. — 1826 σ.). (access 18.08.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алефиренко Н. Ф.* Фразеология и паремиология : учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. — Москва : Флинта : Наука, 2009. — 344 с.
2. *Баранов А. Н.* Основы фразеологии (краткий курс) : учебное пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — Москва : Флинта, 2014. — 312 с.

3. Гельблунд Я. И. Антонимичные пары / Я. И. Гельблунд // Вопросы общего и германского языкознания. — 1964. — № 15. — С. 161—164.
4. Добровольский Д. О. «Показатели безразличия» в русско-немецком корпусе параллельных текстов / Д. О. Добровольский // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2019. — № 21. — С. 202—213.
5. Киселева К. Л. Антонимия во фразеологии : формальное сходство как условие противоположности значений / К. Л. Киселева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2011). — 2011. — № 10. — С. 305—314.
6. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции / Т. А. Майсак. — Москва : Языки славянских культур, 2005. — 481 с.
7. Молотков А. И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания / А. И. Молотков // Фразеологический словарь русского языка / под редакцией А. И. Молоткова. — Москва : Советская энциклопедия, 1968. — 543 с.
8. Новиков Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. — Москва : Высшая школа, 1982. — 272 с.
9. Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация / В. С. Храковский // Типология итеративных конструкций / ответственный редактор В. С. Храковский. — Ленинград : Наука, 1989. — С. 5—53.
10. Царегородцева Н. В. Антонимические корреляции с семантикой движения в составе английских паремий / Н. В. Царегородцева // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2011. — № 2(90). — С. 106—112.
11. Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка / И. И. Чернышева. — Москва : Высшая школа, 1970. — 199 с.
12. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. — Москва : Издательство АН СССР, 1960. — 377 с.
13. Шмелев Д. Н. Избранные труды по русскому языку / Д. Н. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 888 с.
14. Akçataş A. A study on antonymous relations in Turkey Turkish proverbs and idioms / A. Akçataş // Turkish Studies. — 2011. — № 6/1. — Pp. 311—322. DOI <http://dx.doi.org/10.7827/TurkishStudies.1576>.
15. *Antonyms in English*. Construals, Constructions and Canonicity / S. Jones, M. Lynne Myrphy, C. Paradis, C. Willners. — New York : Cambridge University Press, 2012. — 186 p.
16. Apresjan V. The “Russian” attitude to time / V. Apresjan // Space and Time in Languages and Cultures. Language, culture, and cognition. Iss. 37. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2012. — Pp. 103—120.
17. Dobrovol'skij D. Phraseologie und Konstruktionsgrammatik / D. Dobrovol'skij // Konstruktionsgrammatik III : Aktuelle Fragen und Lösungsansätze / A. Lasch, A. Ziem (Hrsg.). — Tübingen : Stauffenburg Linguistik, 2011. — S. 110—130.
18. Fillmore Ch. Innocence : a second idealization for linguistics / Ch. Fillmore // Berkeley Linguistics Society. — 1979. — № 5. — Pp. 63—76.
19. Finkbeiner R. The grammar and pragmatics of *N hin*, *N her* ('N thither, N hither') in German / R. Finkbeiner // Pragmatics and Society. — 2015. — № 6(1). — Pp. 89—116. DOI : 10.1075/ps.6.1.05fin.
20. Finkbeiner R. “Argumente Hin, Argumente Her.” Regularity and idiomaticity in German *N Hin*, *N Her* / R. Finkbeiner // Journal of Germanic Linguistics. — 2017. — № 29.3. — Pp. 205—258. DOI : 10.1017/S1470542716000234.
21. Finkbeiner R. Sentence-peripheral coordinative reduplication in German : a pragmatic view / R. Finkbeiner // Exact Repetition in Grammar and Discourse / R. Finkbeiner, U. Freywald (eds.). — Berlin : Walter De Gruyter, 2018. — Pp. 265—294. DOI : 10.1515/9783110592498-011.

22. *Fleischer W.* Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer. — Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1982. — 299 s.
23. *Jones S.* Antonymy. A corpus-based perspective / S. Jones. — London—New York : Routledge, 2002. — 212 p.
24. *Justeson J.* Co-occurrences of antonymous adjectives and their contexts / J. Justeson, S. Katz // *Computational Linguistics*. — 1991. — № 17. — Pp. 1—19.
25. *Kiparsky P.* Oral poetry : some linguistic and typological consideration / P. Kiparsky // *Oral Literature and the Formula* / B. Stolz, R. Shannon (eds.). — Ann Arbor : Center for the Coordination of Ancient and Modern Studies, 1976. — Pp. 73—106.
26. *Mattiola S.* Syntactic discontinuous reduplication in Italian (and beyond) : paper presented at SLE51 Conference / S. Mattioli, F. Massini. — University of Tallin, 30th August 2018.
27. *Mettinger A.* Aspects of Semantic Opposition in English / A. Mettinger. — Oxford : Clarendon Press, 1994. — 216 p.
28. *Taylor J.* Linguistic Categorization / J. Taylor. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — 328 p.
29. *Zuluaga A.* Introducción al estudio de las expresiones fijas / A. Zuluaga. — Frankfurt am Main : P. Lang, 1980. — 278 p.

MODERN GREEK CONSTRUCTIONAL PHRASEMES WITH ANTONYMOUS VERBS: *X TON ANEBAZEI, X / Y TON KATEBAZEI AND X MIΛINEI, X BΓAINEI*

© Elizaveta S. Onufrieva (2020), orcid.org/0000-0003-3395-4516, Post-graduate student, Department of Byzantine and Modern Greek Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), lisa.onufrieva@gmail.com.

The paper presents the results of the corpus and lexicographical analysis of two Modern Greek constructional phrasemes (a class of phraseologisms distinguished by A. N. Baranov and D. O. Dobrovol'skij) with antonymous verbs in their fixed part — *X τον ανεβάζει, X / Y τον κατεβάζει* and *X μπαίνει, X βγαίνει*. It is noted that though these constructional phrasemes have different meanings and dissimilar functions in the sentence there is structural and semantic similarity between them. The two phrasemes represent a rhyming two-part structure, whose main lexical “anchors” are antonymous locative verbs expressing a counter-directional movement of a subject or an object in space. It is shown that the pairs of the antonymous verbs become desemanticized and the relation of antonymy between them becomes lost as they form the fixed part of the constructional phrasemes. It is emphasized that at the same time the original locative meaning of the verbs adds it imagery to the semantic content of these phrasemes, becoming the basis of their inner form, and determines some part of their meaning — the meaning of multitude of repeating situations. The paper also takes into consideration some idiomatical constructions of other languages that have similar meanings to those of the Greek constructional phrasemes. It is demonstrated that many of these constructions are also formed by means of locative antonyms, which provides evidence to suggest that this type of inner form is frequent among phraseologisms denoting multitude of repeating situations.

Key words: antonymy; phraseology; inner form; constructional phrasemes; Modern Greek language.

MATERIAL RESOURCES

- Babinotis, G. (2005). *Lexiko tis Neas Ellinikis Glossas* [Dictionary of Modern Greek language]. Athina: Kentro Lexikologias. 2035 p. (accessed 21.08.2020). (In Greek).
- Christiko Lexiko tis Neoellinikis Glossas* [Practical dictionary of Modern Greek]. (2014). Athina: Ethniko Typografeio. 1826 p. (accessed 18.08.2020). (In Greek).

- Katos, G. *Lexiko tis laikis kai tis perithoriakis mas glossas* [Dictionary of our colloquial and peripheral language]. Available at: <http://georgakas.lit.auth.gr/dictionaries/index.php/anazitisi/g-katou>. (accessed 20.08.2020). (In Greek).
- Lexigram. I megalyteri pyli tis archaias kai neas ellinikis* [Lexigram. The largest portal of ancient and modern Greek]. Available at: www.lexigram.gr. (accessed 17.08.2020). (In Greek).
- Lexiko tis Koinis Neoellinikis* [Dictionary of Standard Modern Greek]. Available at: http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides. (accessed 20.08.2020). (In Greek).
- Sarandakos, N. (2013). *Logia tou aera kai alles 1000 pagiomenes ekfraseis* [Words of the wind and another 1000 frozen expressions]. Athina: Ekdoseis tou 21. 312 p. (accessed 20.08.2020). (In Greek).
- The Greek Web Corpus (elTenTen14)*. Available at: www.sketchengine.eu/eltenten-greek-corpus. (accessed 17.08.2020).
- TRS — *Turetsko-russkiy slovar'* [Turkish-Russian dictionary]. (1977). Moskva: Russkiy yazyk. 967 p. (In Russ.).
- TS — *Türkçe sözlük* [Turkish dictionary], I. A—J. (1998). 1136 p. Ankara: Türk Dili Kurumu. (In Turk.).

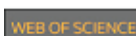
REFERENCES

- Akçataş, A. (2011). A study on antonymous relations in Turkey Turkish proverbs and idioms. *Turkish Studies*, 6 / 1: 311—322. DOI: <http://dx.doi.org/10.7827/TurkishStudies.1576>.
- Alefirenko, N. F., Semenenko, N. N. (2009). *Frazeologiya i paremiologiya: uchebnoye posobiye dlya bakalavrskogo urovnya filologicheskogo obrazovaniya* [Phraseology and paremiology: textbook for bachelor's level of philological education]. Moskva: Flinta: Nauka. 344 p. (In Russ.).
- Antonyms in English. Construals, Construtions and Canonicity*. (2012). New York: Cambridge University Press. 186 p.
- Apresjan, V. (2012). The “Russian” attitude to time. In: *Space and Time in Languages and Cultures. Language, culture, and cognition*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 103—120.
- Baranov, A. N., Dobrovol'skij, D. O. (2014). *Osnovy frazeologii (kratkiy kurs): uchebnoye posobiye* [Fundamentals of phraseology (short course): textbook]. Moskva: Flinta. 312 p. (In Russ.).
- Chernysheva, I. I. (1970). *Frazeologiya sovremennogo nemetskogo yazyka* [Phraseology of the modern German language]. Moskva: Vysshaya shkola. 199 p. (In Russ.).
- Dobrovol'skij, D. (2011). Phraseologie und Konstruktionsgrammatik. In: *Konstruktionsgrammatik III: Aktuelle Fragen und Lösungsansätze*. Tübingen: Stauffenburg Linguistik. 110—130. (In Germ.).
- Dobrovol'skij, D. (2019). «Pokazateli bezrazlichiya» v rusko-nemetskom korpuse parallelnykh tekstov [“Indicators of indifference” in the Russian-German corpus of parallel texts]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian language], 21: 202—213. (In Russ.).
- Fillmore, Ch. (1979). Innocence: a second idealization for linguistics. *Berkeley Linguistics Society*, 5: 63—76.
- Finkbeiner, R. (2015). The grammar and pragmatics of N hin, N her (‘N thither, N hither’) in German. *Pragmatics and Society*, 6(1): 89—116. DOI: 10.1075/ps.6.1.05fin.
- Finkbeiner, R. (2017). “Argumente Hin, Argumente Her.” Regularity and idiomaticity in German N Hin, N Her. *Journal of Germanic Linguistics*, 29.3: 205—258. DOI: 10.1017/S1470542716000234.

- Finkbeiner, R. (2018). Sentence-peripheral coordinative reduplication in German: a pragmatic view. In: *Exact Repetition in Grammar and Discourse*. Berlin: Walter De Gruyter. 265—294. DOI: 10.1515/9783110592498-011.
- Fleischer, W. (1982). *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut. 299 p. (In Germ.).
- Gelblu, Ya. I. (1964). Antonimichnye pary [Antonymous pairs]. *Voprosy obshchego i germanskogo yazykoznanija* [Questions of General and Germanic linguistics], 15: 161—164. (In Russ.).
- Jones, S. (2002). *Antonymy. A corpus-based perspective*. London—New York: Routledge. 212 p.
- Justeson, J., Katz, S. (1991). Co-occurrences of antonymous adjectives and their contexts. *Computational Linguistics*, 17: 1—19.
- Kiparsky, P. (1976). Oral poetry: some linguistic and typological consideration. In: *Oral Literature and the Formula*. Ann Arbor: Center for the Coordination of Ancient and Modern Studies. 73—106.
- Khrakovskiy, V. S. (1989). Semanticheskiye tipy mnozhestva situatsiy i ikh yestestvennaya klassifikatsiya [Semantic types of a set of situations and their natural classification]. In: *Tipologiya iterativnykh konstruktsey* [Typology of iterative constructions]. Leningrad: Nauka. 5—53. (In Russ.).
- Kiseleva, K. L. (2011). Antonimiya vo frazeologii: formalnoye skhodstvo kak usloviye protivopolozhnosti znacheniy [Antonymy in phraseology: formal similarity as a condition for the oppositeness of meanings]. In: *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii. Po materialam yezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog» (2011)* [Computer linguistics and intellectual technologies. Based on the materials of the annual international conference “Dialog” (2011)], 10: 305—314. (In Russ.).
- Mattiola, S., Massini, F. (30th August 2018). *Syntactic discontinuous reduplication in Italian (and beyond): paper presented at SLE51 Conference*. University of Tallin.
- Maysak, T. A. (2005). *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktsey s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [The typology of grammaticalization of constructions with verbs of motion and verbs of position]. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. 481 p. (In Russ.).
- Mettinger, A. (1994). *Aspects of Semantic Opposition in English*. Oxford: Clarendon Press. 216 p.
- Molotkov, A. I. (1968). Frazeologizmy russkogo yazyka i printsipy ikh leksikograficheskogo opisanija [Phraseological units of Russian language and the principles of their lexicographic description]. In: *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of Russian language]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. 543 p. (In Russ.).
- Novikov, L. A. (1982). *Semantika russkogo yazyka* [Semantics of the Russian language]. Moskva: Vysshaya shkola. 272 p. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (1960). *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* [An essay on the syntax of Russian spoken speech]. Moskva: Izdatelstvo AN SSSR. 377 p. (In Russ.).
- Shmelev, D. N. (2002). *Izbrannyye trudy po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 888 p. (In Russ.).
- Taylor, J. (2003). *Linguistic Categorization*. Oxford: Oxford University Press. 328 p.
- Tsaregorodtseva, N. V. (2011). Antonimicheskiye korrelyatsii s semantikoy dvizheniya v sostave angliyskikh paremiy [Antonymic correlations with the semantics of movement as part of English proverbs]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Proceedings of the Ural State University. Humanities], 2 (90): 106—112. (In Russ.).
- Zuluaga, A. (1980). *Introducción al estudio de las expresiones fijas*. Frankfurt am Main: P. Lang. 278 p. (In Span.).

Селеменова О. А. Синтаксис нативных рекламных публикаций в глянцевого периодике // О. А. Селеменова // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 159—171. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-159-171.

Selemeneva, O. A. (2020). Syntax of Native Advertising Publications in Glossy Periodicals. *Nauchnyi dialog*, 10: 159-171. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-159-171. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:070

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-159-171

СИНТАКСИС НАТИВНЫХ РЕКЛАМНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В ГЛЯНЦЕВОЙ ПЕРИОДИКЕ

© Селеменова Ольга Александровна (2020), orcid.org/0000-0002-0488-8428, ResearcherID B-6408-2018, SPIN 4731-7091, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (Елец, Россия), ol.semeneva2011@yandex.ru.

Рассматривается вопрос о своеобразии синтаксиса нативных рекламных публикаций в российских изданиях международных глянцевого журналов 2018—2020 годов. Актуальность выбранной темы обусловлена интересом отечественных и зарубежных специалистов к одному из современных форматов продвижения бренда на рынке — естественной рекламе, органично вписывающейся в контент сайта, печатного или онлайн-издания и помогающей продвигать продукты бренда на рынок. Новизна работы связана с выделением, систематизацией и описанием основных особенностей нативных публикаций: функционирование бисубстантивных предложений, вопросно-ответных комплексов, присоединительных конструкций, определенно-личных односоставных предложений со сказуемыми-глаголами 1-го и 2-го лица единственного числа; употребление бифункциональных восклицательных предложений, простых предложений, осложненных вставными конструкциями и вводно-модальными словами; использование бессоюзных сложных предложений с пояснительными смысловыми отношениями, сложноподчиненных предложений с изъяснительно-объектными и присубстантивно-атрибутивными придаточными; введение различных эксплицитных интертекстуальных единиц и др. Автор приходит к выводу, что синтаксис текстов формата нативной рекламы в целом представляет собой гибридное образование, схожее с синтаксисом, с одной стороны, текстов прямой рекламы, а с другой — журналистских и PR-текстов.

Ключевые слова: прямая реклама; нативная реклама; глянцевого журнал; синтаксические единицы; персонализированность; актуализированность; экспрессивность.

1. Введение

Технический прогресс, динамика глобальных экономических процессов, изменение мышления человека, трансформация поведенческих моделей, перенасыщенность рекламной информацией и, как следствие, развитие «баннерной слепоты», снижение эффективности воздействия традиционной прямой рекламы с призывами к действию требуют пересмотра существующих форм и способов рекламной деятельности. Поэтому неотъемлемой частью медиаиндустрии последних лет становится так называемая *нативная, естественная* реклама.

Хотя сам формат нативной рекламы нельзя охарактеризовать как абсолютно новое явление (оно существовало еще на страницах печатных изданий XIX века),

датой возникновения термина все же принято считать 27 сентября 2011 года. В этот день на научной конференции по интернет-маркетингу термин был употреблен Фредом Вильсоном применительно к рекламному контенту, сходному по целому ряду параметров с публикациями того или иного сайта [Тарина, 2017, с. 265].

Отечественные и зарубежные публикации, посвященные нативной рекламе как современной технологии продвижения бренда на рынке, свидетельствуют, что до сих пор не существует однозначного определения анализируемого феномена, четких критериев, отличающих нативную рекламу от сходных технологий, например, контент-маркетинга, практических рекомендаций для журналистов по подготовке нативных публикаций, системного описания языковых и неязыковых особенностей текстов естественной рекламы [Гусева, 2018; Загеева и др., 2016; Мелехова, 2015; Тарина, 2017; Шаркова, 2017; Aribarg et al., 2019; Cambell et al., 2015; Schauster, 2016; Wojdynski, 2015; Wojdynski et al., 2016]. Все перечисленное обуславливает актуальность дальнейших научных, в том числе и лингвистических, исследований текстов подобного формата.

Мы предлагаем рассмотреть особенности синтаксиса вербальной части нативных рекламных текстов в печатных изданиях международных гляцевых (или элитарных, имиджевых, изданий класса люкс) журналов 2018—2020 годов: «Cosmopolitan», «Elle», «Esquire», «GQ», «Vogue», «Tatler». Наш интерес к подобному фактическому материалу исследования связан с совокупностью факторов. Во-первых, гляцевые журналы сегодня являются «проводниками и трансляторами новых статусных индикаторов», искусно созданных стереотипизированных ориентиров-клише [Надыршина, 2017, с. 160]. Они оказывают значительное влияние на общество, на выбор человеком идентификационных стратегий, на формирование предпочтений и системы ценностей (ценность успешности, красоты, роскоши, творчества и др.). Во-вторых, именно международные гляцевые журналы, имеющие печатные и электронные версии, нацелены на развитие нативного формата рекламы. В собственно российских же журналах этот формат менее популярен как из-за высоких цен на информационный продукт, так и по причине своей неэффективности вследствие слишком заметной коммерческой составляющей в материалах [Тарина, 2017, с. 267]. В-третьих, именно контент элитарных журналов — материалы, посвященные моде, красоте, путешествиям, светским новостям и под., — максимально способствует размещению естественной рекламы, способной ненавязчиво формировать заинтересованность адресата в продукте бренда. Наконец, в-четвертых, в научных исследованиях чаще рассматривается нативная интернет-реклама, а не тексты нативной рекламы в печатных изданиях, что, вероятно, объясняется популяризацией современных исследований в области digital-технологий, механизмов привлечения внимания пользователей сети интернет к определенным продуктам и услугам, совершенствования способов воздействия на реципиентов в виртуальном дискурсе.

При отборе текстов для анализа мы исходили из рабочей дефиниции нативной печатной рекламы как совокупности публикаций, «созданных на коммерческой основе путем интеграции рекламного послания в информационный продукт» [Тарина, 2017, с. 268], являющихся по своему содержанию и оформлению неотъемлемой

частью контента рассматриваемых глянцевого журналов, имеющих целью обеспечить продвижение продукции какого-либо бренда и увеличить количество продаж.

Нативная реклама в глянцевого периодике становится тем инструментом, который участвует в обеспечении целостного восприятия и идейной монолитности конкретного журнального выпуска. К популярным видам нативной рекламы в международных элитарных журналах относим:

- имиджевое интервью;
- новости о событии, имеющем особую важность для аудитории потенциальных потребителей товара или услуги, например, о коллаборациях какого-либо бренда и известного медийного лица, выходе сезонной коллекции, старте продаж продукта и т.д.;
- публикации о бекстейджах и тест-драйвах;
- редакционные статьи, размещенные рядом с рекламными страницами;
- советы и рекомендации редакции по эффективному использованию продуктов и услуг бренда.

Несмотря на многообразие жанров нативной рекламы, все же можно выделить, систематизировать и описать некоторые общие особенности синтаксиса рассматриваемых текстов в международных глянцевого журналах.

2. Актуализированность и экспрессивность синтаксиса текстов нативной рекламы

Известно, что для прямого коммерческого рекламного сообщения характерен актуализированный синтаксис с экспрессивными синтаксическими построениями, с ослабленными синтаксическими связями и несложными для восприятия линейными структурами, делающими текст динамичным и эмоционально выразительным [Ванько, 2016; Вартанова и др., 2019]. В нативной рекламе тоже присутствует ряд конструкций, отражающих указанную тенденцию. Прежде всего, это субстантивы в форме именительного падежа. В прямой рекламе экспансия подобных словоформ является следствием доминирования невербальных средств выражения значений (рисунки, фотографии, сочетаемость цветов, шрифтовое варьирование и др.) над вербальными, стремления к экономии речевых средств, ориентации на аудиторию с фрагментарно-мозаичным (клиповым) типом мышления, порожденным интенсивностью информационного потока и развитием современных медиакommunikаций. Такие субстантивы, распространенные атрибутивными словоформами или без них, в текстах прямой рекламы формируют ядро номинативных предложений или конструкций, сходных с ними по форме, но лишенных значения экзистенциальности (в основном это прагматонимические единицы, называющие бренд, товар, услугу): *Отражение истинной тебя. Новый аромат от Ив Роше* [ELLE, сентябрь 2018, № 9, с. 118—119]; *Искусство создавать лучшее. Mercury* [Tatler, октябрь 2019, № 10 (134), с. 57] и др. В глянцевого журналах с их развлекательной функцией, с ключевой ролью иконического компонента при восприятии информации реципиентом нередко вся вербальная часть прямой рекламы состоит исключительно из субстантивов И. п.: *Ароматы для женщин и мужчин. TRUSSARDI* [Elle,

январь 2020, № 1, с. 23]; *Cartier. Коллекция Love* [Vogue, июль 2020, № 7, с. 5] и др. В нативной рекламе, не стремящейся к компрессии текста и с вторичной ролью изображения (внимание читателя акцентируется на вербальном компоненте), субстантивы в форме И. п. употребляются в заголовках, интригующих читателя и вызывающих определенные ассоциации еще до прочтения основного текста рекламного сообщения: *Русский след* (нативная реклама новой ювелирной коллекции Chanel) [Tatler, февраль 2020, № 2 (138), с. 87]; *Амташе и аристократ* (нативная реклама часов Hublot) [ELLE, сентябрь 2018, № 9, с. 52]; *Каменный цветок* (нативная реклама ювелирного бренда Graff) [Vogue, июль 2020, № 7, с. 40] и др.

В нативных рекламных публикациях, как и в прямой рекламе, отмечается и наличие свободно функционирующих предложно-падежных форм, позиционная самостоятельность которых обусловлена ослаблением синтагматической цепочки. Однако в прямой рекламе эти конструкции, как и субстантивы в форме И. п., используются в основном тексте сообщения, нередко — в финальной позиции, акцентируя внимание адресата на рекламируемом объекте, а в нативной — только в заголовках. Ср. *HOME CONCEPT. Все. От мебели до посуды* [Tatler, апрель 2019, № 4 (128), с. 65] (прямая реклама интернет-магазина товаров для дома); — *с заботой о мире. Что в наших руках? «Чистая Линия» производит свои продукты с заботой о природе и планете...* (нативная реклама средств «Чистая линия») [Cosmopolitan, июнь 2020, № 6, с. 31]; в *некотором царстве...* Мы любим сказки за торжество добра над злом (нативная реклама ювелирных украшений брендов HARRY WINSTON, GARRARD, BULGARY, GRAFF, CARTIER) [Vogue, июнь 2020, № 6, с. 88—89].

Текстам нативной рекламы, как и прямой, присуще употребление бифункциональных восклицательных предложений, в которых находит выражение экспрессивная функция языка и которые выступают средством «суггестивной силы вербального внушения» [Ольшанский, 2002, с. 315]. Однако в нативной рекламе по сравнению с прямой повествовательно-восклицательные предложения, выполняющие коммуникативную и эмотивную функции, доминируют над императивно-восклицательными, соединяющими функцию волеизъявления с эмотивной. Так адресату транслируется положительный эмоциональный заряд без навязывания последующего действия по приобретению товара и его использования. Ср.: *Сияйте в матовом!* [ELLE, сентябрь 2018, № 9, с. 99]; *ПОДКРУТИ УРОВЕНЬ СТИРКИ!* [Cosmopolitan, июнь 2020, № 6, с. 25] (прямая реклама). — *Не в обиду бежевому тренчу будет сказано, но сейчас ты настроена на цвета посочнее. И мы тебя прекрасно понимаем!* (нативная реклама одежды итальянского бренда Diego M) [Cosmopolitan, июль-август 2020, № 7—8, с. 87]; *Учимся наслаждаться каждым моментом!* (нативная реклама парфюмерной воды от Zadig&Voltaire) [Cosmopolitan, июнь 2020, № 6, с. 65]. В структуре текста нативных рекламных публикаций подобные восклицательные высказывания занимают обычно «сильную» позицию (инициальную или финальную), выступая «источником эмоционального воздействия» [Болотов, 1981, с. 53].

В текстах прямой и нативной рекламы используются такие несложные линейные структуры, как бисубстантивные предложения. Предикативное ядро этих конструкций представлено «двумя именами существительными (или их эквивалента-

ми) при участии связи» [Герасименко, 2012, с. 10]. В прямой рекламе бисубстантивные предложения полифункциональны. Одно высказывание способно выполнять одновременно разные функции: информативную (происходит идентификация продукта или дается его характеристика); аттрактивную (привлекается внимание реципиента к продукту или бренду за счет включения прагматонимических единиц в латинской графике); суггестивную (в бисубстантивные предложения включается топонимическая лексика, способная активировать в сознании реципиента топонимические стереотипы о городах и странах производства товара); эмоционально-экспрессивную (участвуют в создании благоприятного эмоционального фона при наличии эмотивной составляющей), аргументационно-гарантийную (заключают в себе рациональные аргументы в пользу приобретения товара). В нативной же рекламе бисубстантивные предложения выполняют обычно какую-то одну функцию, например, информативную (сообщается, что представляет собой новый продукт бренда) или аргументационно-гарантийную (приводятся эмоциональные, а не рациональные аргументы в пользу приобретения продукта бренда). Ср.: *ARIEL PODs «Все в 1» — это высокое качество и эффективность, умноженные на бережную заботу о вас и ваших вещах* (бисубстантивное предложение в прямой рекламе, выполняющее аттрактивную функцию (прагматоним в латинской графике привлекает внимание), аргументационно-гарантийную (реализуется за счет абстрактных существительных *качество и эффективность* в позиции предиката, которые представляют собой два рациональных аргумента в пользу покупки), информативную (адресат узнает, какой товар предлагается, как называется, в чем его преимущества перед аналогичными продуктами) [Cosmopolitan, июнь 2020, № 6, с. 25]. — *Часовая метафора ДРУЖБЫ НАРОДОВ — новая глава коллаборации швейцарского и итальянского брендов* [ELLE, сентябрь 2018, № 9, с. 52]. Бисубстантивное предложение в нативной рекламе часов Hublot выполняет информативную функцию: сообщается о выпуске новой модели как результате сотрудничества двух брендов. Или: *Яркая помада — оружие в руках сильной женщины* [Vogue, июнь 2020, № 6, с. 41]. Бисубстантивное предложение в нативной рекламе жидкой помады от бренда Diog выполняет аргументационно-гарантийную функцию: представлен эмоциональный аргумент, порождающий положительные ассоциации (*помада — это оружие, с помощью которого ты всегда можешь добиться желаемого*).

Как прямой рекламе, так и нативной свойственны вопросно-ответные комплексы. При этом ответы в нативной рекламе обязательны, развернуты, что позволяет создать иллюзию прямого разговора с потенциальным потребителем: *Как расширить возможности мужского гардероба? Обилие цветов способно сделать их по-настоящему безграничными* (нативная реклама мужской одежды брендов ISABIA, HENDERSON, MASSIMO DUTTI, BOGGI MILANO) [GQ, май 2020, № 5, с. 30]; *Краска, улучшающая качество волос? Да, эксперты Garnier это сделали!* (нативная реклама краски для волос бренда Garnier) [Cosmopolitan, июнь 2020, № 6, с. 113] и др.

Характерной чертой нативных рекламных публикаций являются присоединительные конструкции, возникающие как бы в момент формирования будущего вы-

сказывания, заключающие в себе коммуникативно значимую информацию, придающие динамичность тексту за счет прерывистости речи: *Свобода, сила и чувственность — три слова, которыми можно охарактеризовать коллаборацию ювелирного бренда SKLV и певицы Елены Темниковой. Да ведь это же про настоящую Cosmo girl!* [Cosmopolitan, июль-август 2020, № 7—8, с. 81]. Присоединительные отношения могут возникать не только между высказываниями в тексте, но и внутри предложения. В качестве элемента, дополняющего содержание основной части, присоединительные конструкции занимают место в конце предложения: *Эти материалы служат важным творческим подспорьем для местных мастеров, а посетители знакомят с развитием марки Jaeger-LeCoultre, причем в мельчайших и красочных подробностях* [GQ, май 2020, № 5, с. 117]. Присоединительные конструкции делают текст более экспрессивным, напряженным, обеспечивают приращение оценочных смыслов. Для печатных сообщений прямой рекламы предикативные единицы с присоединительными отношениями не характерны: тенденция к расчлененности синтаксиса в них проявляется через сегментные (двучленные) структуры типа *Новый Volkswagen Passat. Высокий уровень IQ* [GQ, май 2020, № 5, с. 15]; *GENTLEMAN. Новая парфюмерная вода* [Esquire, февраль 2020, № 2, с. 150].

3. Синтаксические средства выражения авторского начала в текстах нативной рекламы

Текст нативных рекламных публикаций в глянцевых журналах персонифицирован, в нем ярко выражено авторское начало. Коммуникатором часто выступают люди с «высоким социально-коммуникативным статусом» [Быкова, 2018, с. 536], поэтому они становятся для адресанта гарантами качества продуктов бренда: медицинский директор компании Pierre Fabre в России Надежда Баранова и директор по научным коммуникациям Мари-Элен Лер в нативной рекламе солнцезащитных средств брендов Eae Thermalre Avène и Clarins [Cosmopolitan, июль-август 2020, № 7—8, с. 112—113]; актер Александр Горчилин в нативной рекламе мужских ароматов брендов Gucci, Moschino, Yves Saint Laurent [Tatler, февраль 2020, № 2 (138), с. 98]; продюсер и диджей Карл Кокс в нативной рекламе часов Zenith [GQ, май 2020, № 5, с. 120] и др.

Речь коммуникатора должна убеждать потенциального потребителя в качестве товара бренда, демонстрировать особую личную заинтересованность в развитии бренда, воссоздавать ситуацию успеха. Поэтому синтаксис наивных публикаций часто характеризуется использованием

— двусоставных предложений с прямым порядком слов, в которых подлежащее представлено личными местоимениями: *Я очень люблю Караваджо. <...> Я начала работать в компании в 2010-м. <...> Создав рабочие места, мы сделали Соломео привлекательным для молодежи* (нативная реклама итальянского бренда Brunello Cucinelli) [Tatler, февраль 2020, № 2 (138), с. 85];

— односоставных определенно-личных предложений, предикативное ядро которых сформировано спрягаемыми глаголами 1-го и 2-го лица единственного числа: *Губы словно поддурманивает: нанесу, пожалуйста, и на щеки* (нативная рекла-

ма мусса для губ Lip Milky Mousse) [Tatler, февраль 2020, № 2 (138), с. 96]; *Лондон — город моды, едешь туда на два дня, а привозишь впечатлений на полгода* (нативная реклама итальянского бренда Brunello Cucinelli) [Tatler, февраль 2020, № 2 (138), с. 85] и др. Если сравним с прямыми рекламными текстами, то в них тоже частотны односоставные определенно-личные предложения, однако их предикативным ядром выступает сказуемое, выраженное глаголом повелительного наклонения, что не характерно для нативных рекламных публикаций, маскирующих коммерческую составляющую. Ср. с прямой рекламой: **Продлите молодость кожи. Пробудите ее внутреннюю силу** [ELLE, сентябрь 2018, № 9, с. 65]; **Выбери свой идеальный уход** [ELLE, сентябрь 2018, № 9, с. 301]. Такой способ выражения сказуемого встречается лишь в нативных публикациях, содержащих текст инструктивного характера: **Возьми** слегка влажную кисть и **подведи** внешние уголки глаз самым темным оттенком из палетки Backstage Rosewood. На подвижные веки **нанеси** более светлый тон и **растущий** (нативная реклама косметических средств от бренда Dior) [Cosmopolitan, июнь 2020, № 6, с. 31];

— сложных структур с условно-следственными отношениями. Такие сложно-подчиненные предложения представляют собой рекомендации экспертов, профессионалов в той или иной области: *Для лица же, в частности, если кожа жирная или есть такая проблема, как акне, стоит выбирать легкие флюиды...* (нативная реклама солнцезащитных средств бренда Eae Thermalre Avène) [Cosmopolitan, июль-август 2020, № 7—8, с. 112]; *«Если нанести ее одним слоем, покажется, что на губах остался сок от фрукта», — рассказывает визажист* (нативная реклама помады бренда Yves Saint Laurent) [Tatler, февраль 2020, № 2 (138), с. 95];

— предложений, осложненных вводно-модальными словами преимущественно трех разрядов: со значением достоверности сообщаемого; значением обобщения, уточнения, дополнения сказанного ранее; значением эмоциональной оценки сообщаемого. Такие конструкции помогают установить доверительные отношения между адресантом и адресатом, поскольку не безапелляционно утверждают наличие уникальных характеристик товара, а предполагают их наличие наряду с какими-то несущественными недостатками, отсылают к опыту людей, уже использующих товар бренда, дают положительную оценку описываемому: *Так что эти часы прошли, может быть, не медные трубы, но воду, пыль и газ — точно* (нативная реклама часов Tissot Le Locle Automatic) [Cosmopolitan, июль-август 2020, № 7—8, с. 90]; *Словами, знающие люди, среди которых модель Тейлор Хилл и актрисы Лили Коллинз и Пенелопы Крус, теперь по утрам достают из холодильника не только йогурт* (нативная реклама косметики бренда Lancôme) [Tatler, февраль 2020, № 2 (138), с. 97]; *к счастью, желания ювелиров и клиентов марки всегда совпадают с возможностями* (нативная реклама бренда Graff) [Vogue, июль 2020, № 7, с. 40] и др.

Перечисленные синтаксические единицы способствуют интимизации изложения, сокращению дистанции между коммуникатором (конкретным лицом или группой) и потенциальным потребителем за счет акцентирования внимания на личности коммуникатора, его ценностях, интересах, основных вехах профессионального или жизненного пути. При этом потенциального потребителя не призы-

вают приобрести продукт бренда. Кажется, что излагаются исключительно факты, даются ценные советы, рекомендации. Синтаксис таких нативных рекламных публикаций воспроизводит устную речь, но при этом он свободен от «телеграфного стиля», свойственного прямой рекламе.

Интерес к нативной рекламной публикации и эффект доверия к ней со стороны адресата нередко формируется за счет использования эксплицитных интертекстуальных единиц. Причем не всегда мы знаем, точное ли цитирование перед нами или ложное, манипулятивное, приписывающее суждение лицу, не имеющему к его авторству никакого отношения, или трансформирующее первоначальный смысл в результате контекстности. **Например:** *«Это часы для аплодисментов, которые звучат вслед женщине из высшего общества», — объясняет создательница* (нативная реклама золотых часов с бриллиантами By Angelika Revva) [Tatler, февраль 2020, № 2 (138), с. 92]; *Вольтеровское наставление «надо возделывать свой сад» не пропало даром — и два с лишним столетия спустя отозвалось в душе и коллекции Сильвии Вентурины-Фенди* (нативная реклама коллекции FENDI) [GQ, май 2020, № 5, с. 34] и др.

Во многом перечисленные особенности рекламных текстов формата нативной рекламы обусловлены ее ориентацией на более гибкую коммуникацию адресанта и адресата.

4. Сложность линейных синтаксических структур нативных публикаций

Синтаксис нативных рекламных сообщений имеет и ряд других особенностей, практически не наблюдающихся в текстах прямой рекламы гляцевых изданий. В целом синтаксис текстов нативной рекламы сложнее синтаксиса текстов прямой. Копирайтеры конструируют осложненные предложения и сложные структуры с различными типами отношений между компонентами, опровергая тем самым тезис, что сложные конструкции являются «препятствием в достижении целей, стоящих перед рекламодателем» [Вартанова и др., 2019, с. 238]. Так, в нативной рекламе используются вставные конструкции, которые в прямой рекламе, ориентированной на экономию речевых средств и невербальные средства передачи значений, не встречаются: *Не сомневаемся, что цветочное платье (возможно, и не одно) в твоем гардеробе уже есть. Пусть потеснится: теперь ромашки, лилии и розы распускаются на комбинезонах, кроп-топах и брюках palazzo* (нативная реклама одежды и аксессуаров брендов Max Mara, Pennyblack, Marks&Spencer и др.) [Cosmopolitan, июль-август 2020, № 7—8, с. 93]; *Итальянская компания Promoitalia, обладатель десятков патентов в области эстетической медицины, предлагает новый метод аутологичной (на основе собственных клеток) мезотерапии для волос PromoBarrel* (нативная реклама процедуры для волос компании Promoitalia) [Vogue, июль 2020, № 7, с. 40] и др.

Предложения с цепочкой однородных членов, обособленными определениями и обстоятельствами в нативных публикациях помогают подробно рассказать о свойствах и достоинствах рекламируемых объектов, ожидаемом эффекте от использования, описать ход процедуры применения и т. д.: *Осмотр наскальной живописи,*

рыбалка на водохранилище, знакомство с черными носорогами, погоня за бабочками, селфи из бассейна, угнездившегося на склоне горы, — вот неполный список дел, которыми можно заняться в одном из самых красивых и необычных сафари-лагерей Африки (нативная реклама сафари-лагеря Pamushana в Зимбабве) [Tatler, февраль 2020, № 2 (138), с. 147]; *Насадка нагревает ткани на разной глубине, выпаривая жир и стимулируя выработку коллагена, тем самым уплотняя кожу* (нативная реклама радиочастотного аппарата Vela Shape III) [Vogue, июль 2020, № 7, с. 46] и др.

Введением элементарных сложноподчиненных предложений с изъяснительно-объектными смысловыми отношениями между предикативными единицами обеспечивается ненавязчивый способ обращения к потенциальным покупателям: *Замечали, какая вкусная «живая» вода в горных источниках? Разбираемся, как найти по-настоящему полезную воду даже в мегаполисе* (нативная реклама комплекса PH Balance Stones) [Cosmopolitan, июль-август 2020, № 7—8, с. 29]. А сложноподчиненные предложения с атрибутивными смысловыми отношениями между единицами помогают дать развернутую характеристику объекту. Их особенность — употребление эллиптической структуры в качестве главной предикативной единицы: *В основе всех средств — экстракты винограда, который до сих пор выращивается на семейных виноградниках в провинции Бордо* (нативная реклама косметических средств французского бренда CAUDALIE) [Cosmopolitan, июль-август 2020, № 7—8, с. 114]; *Среди них (среди брендов. — О.С.) — швейцарская марка NIANCE, средства которой используют для ухода за кожей в спа-центрах отелей класса люкс...* (нативная реклама продуктов бренда NIANCE) [Vogue, июнь 2020, № 6, с. 51].

Использование бессоюзных элементарных сложных предложений, основным средством связи предикативных единиц которых выступает пояснительная интонация, — еще одна характерная черта нативных рекламных публикаций. Такие структуры позволяют акцентировать внимание адресата на причинах высокой эффективности продуктов бренда: *Благодаря этому она становится «живой» — приобретает отрицательный окислительно-восстановительный потенциал и ощелачивается. Такая вода легко усваивается — организм не тратит энергию и силы...* (нативная реклама комплекса PH Balance Stones) [Cosmopolitan, июль-август 2020, № 7—8, с. 29] и др.

5. Заключение

Проведенный анализ показывает, что при всем многообразии жанров и их языковых особенностей синтаксис текстов нативной рекламы гляцевых журналов представляет собой гибридное образование. С одной стороны, он схож с синтаксисом текстов прямой рекламы. Так, для синтаксиса нативных публикаций характерно функционирование субстантивов в форме И. п., позиционно самостоятельных предложно-падежных форм, бифункциональных восклицательных предложений, бисубстантивных предложений, вопросно-ответных комплексов. Однако нативная реклама — это «продукт» эволюции традиционных рекламных форматов, поэтому даже перечисленные схожие черты синтаксиса прямой и нативной рекламы в последней претерпевают заметные трансформации. Субстантивы в форме И. п. и

предложно-падежные формы из основного текста перемещаются в заголовочную часть, императивно-восклицательные предложения уступают место повествовательно-восклицательным, бисубстантивные предложения утрачивают тенденцию к полифункциональности, а в вопросно-ответных комплексах предполагаемый ответ не только дается, но и представляется полно и развернуто.

С другой стороны, синтаксис нативных публикаций схож с синтаксисом журналистских и PR-текстов, реализующих такие интенции, как «проинформировать, сообщить, прокомментировать, дать оценку, порекомендовать, проинструктировать» [Быкова, 2018, с. 535]. Именно этим фактом объясняется тяготение нативных публикаций к использованию более сложных, чем в прямой рекламе, синтаксических единиц: предложений со вставными конструкциями, цепочками однородных членов, с обособленными обстоятельствами и определениями, сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительно-объектными и присубстантивно-атрибутивными, бессоюзными предложениями с пояснительными смысловыми отношениями.

Влияние журналистских и PR-текстов на развитие нативной рекламы обуславливает такую ее характерную черту, как яркое проявление авторского начала. На синтаксическом уровне для персонификации текста используются двусоставные предложения с подлежащими, маркируемыми личными местоимениями 1-го лица; односоставные определенно-личные предложения со сказуемым-глаголом 1-го и 2-го лица единственного числа; сложные структуры с условными-следственными отношениями; предложения, осложненные вводно-модальными словами со значениями обобщения, дополнения сказанного ранее, значением эмоциональной оценки сообщаемого; различные эксплицитные интертекстуальные единицы. За счет перечисленных структур достигается интимизация изложения, сокращается дистанция между коммуникантами, делается акцент на личности коммуникатора, которому адресат нативной публикации может полностью доверять.

В целом синтаксис нативных публикации способствует в полном объеме реализации гедонистической позиции, транслируемой в гляцевых журналах и характеризующейся моделью поведения, заключающейся в наслаждении жизнью и удовлетворении имеющихся потребностей.

Источники

- Cosmopolitan*. — Июнь 2020. — № 6. — 150 с.
Cosmopolitan. — Июль-август 2020. — № 7—8. — 148 с.
Elle. — Сентябрь 2018. — № 9. — 350 с.
Elle. — Январь 2020. — № 1. — 163 с.
Esquire. — Февраль 2020. — № 2. — 150 с.
GQ. — Май 2020. — № 5. — 145 с.
Tatler. — Апрель 2019. — № 4 (128). — 266 с.
Tatler. — Октябрь 2019. — № 10 (134). — 274 с.
Tatler. — Февраль 2020. — № 2 (138). — 157 с.
Vogue. — Июнь 2020. — № 6. — 130 с.
Vogue. — Июль 2020. — № 7. — 132 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болотов В. И.* Эмоциональность текста в аспекте языковой и неязыковой вариативности : (Основы эмотивной стилистики текста) / В. И. Болотов. — Ташкент : ФАН, 1981. — 116 с.
2. *Быкова Е. В.* Нативная реклама : речевые особенности презентации информации / Е. В. Быкова // *Медиалингвистика*. — 2018. — Том 5, № 4. — С. 534—544.
3. *Ванько Т. Р.* Синтаксический аспект оценки в рекламном тексте / Т. Р. Ванько // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. — 2016. — № 21 (760). — С. 128—136.
4. *Вартанова Н. Г.* Особенности синтаксиса рекламных текстов / Н. Г. Вартанова, М. С. Володина // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2019. — Т. 12, № 7. — С. 238—242. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.51.
5. *Герасименко Н. А.* Бисубстантивные предложения в русском языке : структура, семантика, функционирование : монография / Н. А. Герасименко. — Москва : МГОУ, 2012. — 292 с. — ISBN 978-5-7017-2010-5.
6. *Гусева Е. С.* Отличия контент-маркетинга от рекламы, нативной рекламы и связей с общественностью [Электронный ресурс] / Е. С. Гусева // *Вестник евразийской науки*. — 2018. — Т. 10, № 2. — С. 1—14. — Режим доступа : <https://esj.today/issue-2-2018.html>. (дата обращения 30.06.2020).
7. *Загеева Л. А.* Нативная реклама как новый тип рекламного формата / Л. А. Загеева, И. Б. Урмин // *Инновационная экономика и право*. — 2016. — № 2 (3). — С. 12—14.
8. *Мелехова А. С.* Нативная реклама как элемент digital-коммуникационной стратегии бренда / А. С. Мелехова // *Вестник экономики, права и социологии*. — 2015. — № 3. — С. 242—245.
9. *Надыршина А. А.* Fashion, lifestyle, shopping guide журналы как представители элитарного глянца / А. А. Надыршина // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. — 2017. — № 1 (23). — С. 160—169.
10. *Ольшанский Д. В.* Психология масс / Д. В. Ольшанский. — Санкт-Петербург : ПИТЕР, 2002. — 368 с. — ISBN 5-318-00038-X.
11. *Петренко Е. А.* Трансформация форматов нативной рекламы в условиях технологических перемен / Е. А. Петренко // *Медиасреда*. — 2020. — № 1. — С. 89—94. — DOI: 10.24411/2070-0717-2020-10120.
12. *Тарина В. И.* Нативная реклама как контент Челябинских СМИ / В. И. Тарина // *Медиасреда*. — 2017. — № 12. — С. 265—270.
13. *Шаркова И. В.* Нативная реклама как современный тренд бизнес-коммуникации (на примере «Эвалар») / И. В. Шаркова // *Стратегические коммуникации в бизнесе и политике*. — 2017. — № 3. — С. 80—83.
14. *Aribarg A.* Native Advertising in Online News : Trade-Offs Among Clicks, Brand Recognition, and Website Trustworthiness [Electronic resource] / A. Aribarg, E. Schwarts // *Journal of Marketing Research*. — 2019. — November, 10. — P. 1—15. — DOI: 10.1177/0022243719879711. — Access mode : <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0022243719879711>. (дата обращения 30.06.2020).
15. *Campbell C.* Good native advertising isn't a secret / C. Campbell, L. Marks // *Business Horizons*. — 2015. — Vol. 58, Iss. 6. — P. 599—606. — DOI: 10.1016/j.bushor.2015.06.003.
16. *Schauster E.* Native Advertising Is the New Journalism : How Deception Affects Social Responsibility / E. Schauster, P. Ferrucci, M. Neill // *American Behavioral Scientist*. — 2016. — Vol. 60, Iss. 12. — P. 1408—1424. — DOI: 10.1177/0002764216660135.
17. *Wojdyski B.* Going Native : Effects of Disclosure Position and Language on the Recognition and Evaluation of Online Native Advertising / B. Wojdyski // *Journal of Advertising*. — 2015. — Vol. 45, Iss. 2. — P. 157—168. DOI: 10.1080/00913367.2015.1115380.

18. *Wojdyski B.* Native Advertising and the Future of Mass Communication / B. Wojdyski, G. Golan // *American Behavioral Scientist.* — 2016. — Vol. 60 (12). — P. 1403—1407. — DOI: 10.1177/0002764216660134.

SYNTAX OF NATIVE ADVERTISING PUBLICATIONS IN GLOSSY PERIODICALS

© **Olga A. Selemeneva (2020)**, orcid.org/0000-0002-0488-8428, ResearcherID B-6408-2018, SPIN 4731-7091, Doctor of Philology, professor, Department of the Russian Language, Methods of Teaching and Document Management, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia), ol.selemeneva2011@yandex.ru.

The question of the originality of the syntax of native advertising publications in Russian editions of international glossy magazines in 2018-2020 is considered. The relevance of the chosen topic is due to the interest of domestic and foreign experts in one of the modern formats of brand promotion on the market — natural advertising that organically fits into the content of the site, print or online edition and helps to promote the brand's products to the market. The novelty of the study is associated with the allocation, systematization and description of the main features of native publications: the functioning of bisubstantive sentences, question-answer complexes, connecting structures, definite personal one-part sentences with predicate verbs of the 1st and 2nd person singular; the use of bifunctional exclamation sentences, simple sentences, complicated by inserted constructions and introductory-modal words; the use of non-union complex sentences with explanatory semantic relations, complex sentences with explanatory-object and intrinsic-attributive clauses; introduction of various explicit intertextual units, etc. The author comes to the conclusion that the syntax of texts in the native advertising format as a whole is a hybrid formation, similar to the syntax, on the one hand, of direct advertising texts, and journalistic and PR-texts on the other.

Key words: direct advertising; native advertising; glossy magazine; syntactic units; personification; actualization; expressiveness.

MATERIAL RESOURCES

Cosmopolitan. (2020). Iyun. 6. 150 p. (In Russ.).
Cosmopolitan. (2020). Iyul-avgust. 7—8. 148 p. (In Russ.).
Elle. (2018). Sentyabr. 9. 350 p. (In Russ.).
Elle. (2020). Yanvar. 1. 163 p. (In Russ.).
Esquire. (2020). Fevral. 2. 150 p. (In Russ.).
GQ. (2020). May. 5. 145 p. (In Russ.).
Tatler. (2019). Aprel. 4 (128). 266 p. (In Russ.).
Tatler. (2019). Oktyabr. 10 (134). 274 p. (In Russ.).
Tatler. (2020). Fevral. 2 (138). 157 p. (In Russ.).
Vogue. (2020). Iyun. 6. 130 p. (In Russ.).
Vogue. (2020). Iyul. 7. 132 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Aribarg, A., Schwartz, E. (2019). Native Advertising in Online News: Trade-Offs Among Clicks, Brand Recognition, and Website Trustworthiness. *Journal of Marketing Research*, November, 10: 1—15. DOI: 10.1177/0022243719879711. Access mode: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0022243719879711> (accessed 30.06.2020).
- Bolotov, V. I. (1981). *Emotsionalnost' teksta v aspekte yazykovoy i neyazykovoy variativnosti: (Osnovy emotivnoy stilistiki teksta)* [Emotionality of the text in terms of linguistic and non-linguistic variability: (Fundamentals of emotive text stylistics)]. Tashkent: FAN. 116 p. (In Russ.).
- Bykova, E. V. (2018). *Nativnaya reklama: rechevye osobennosti prezentatsii informatsii* [Native advertising: speech features of information presentation]. *Medialingvistika* [Media-linguistics], 5 (4): 534—544. (In Russ.).

- Campbell, C., Marks, L. (2015). Good native advertising isn't a secret. *Business Horizons*, 58 (6): 599—606. DOI: 10.1016/j.bushor.2015.06.003.
- Gerasimenko, N. A. (2012). *Bisubstantivnye predlozheniya v russkom yazyke: struktura, semantika, funktsionirovanie* [Bisubstantial sentences in Russian: structure, semantics, functioning]. Moskva: MGOU. 292 p. ISBN 978-5-7017-2010-5. (In Russ.).
- Guseva, E. S. (2018). Otlichiya kontent-marketinga ot reklamy, nativnoy reklamy i svyazey s obshchestvennost'yu [Differences between content marketing and advertising, native advertising and public relations]. *Vestnik evraziyskoy nauki* [Eurasian Scientific Journal], 10 (2): 1—14. Available at: <https://esj.today/issue-2-2018.html> (accessed 21.07.2020). (In Russ.).
- Melekhova, A. S. (2015). Nativnaya reklama kak element digital-kommunikatsionnoy strategii brenda [Native ad as an element of digital-communicational strategy of the brand]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of economy, law and sociology], 3: 242—245. (In Russ.).
- Nadyrshina, A. A. (2017). Fashion, lifestyle, shopping guide zhurnaly kak predstaviteli elitarnogo glyantsa [Fashion, lifestyle, shopping guide magazines as representatives of elitary gloss]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: the problem field of media education], 1 (23): 160—169. (In Russ.).
- Olshanskiy, D. V. (2002). *Psikhologiya mass* [Psychology of the masses]. Sankt-Peterburg: PITER. 368 p. (In Russ.).
- Petrenko, E. A. (2020). Transformatsiya formatov nativnoy reklamy v usloviyakh tekhnologicheskikh peremen [Transforming native ad formats in the face of technological change]. *Mediasreda* [Media environment], 1: 89—94. DOI: 10.24411/2070-0717-2020-10120. (In Russ.).
- Schauster, E., Ferrucci, P., Neill, M. (2016). Native Advertising Is the New Journalism: How Deception Affects Social Responsibility. *American Behavioral Scientist*, 60 (12): 1408—1424. DOI: 10.1177/0002764216660135.
- Sharkova, I. V. (2017). Nativnaya reklama kak sovremennyy trend biznes-kommunikatsii (na primere «Evalar») [Native advertizing as a contemporary trend of business-communication (Evalar)]. *Strategicheskie kommunikatsii v biznese i politike* [Strategic communications in business and politics], 3: 80—83. (In Russ.).
- Tarina, V. I. (2017). Nativnaya reklama kak kontent Chelyabinskikh SMI [Native advertising as content of the Chelyabinsk media]. *Mediasreda* [Media environment], 12: 265—270. (In Russ.).
- Van'ko, T. R. (2016). Sintaksicheskii aspekt otsenki v reklamnom tekste [The syntactic aspect of the evaluation in the advertising text]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University], 21 (760): 128—136. (In Russ.).
- Vartanova, N. G., Volodina, M. S. (2019). Osobennosti sintaksisa reklamnykh tekstov [Features of advertising text syntax]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 12 (7): 238—242. DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.51. (In Russ.).
- Wojdyski, B. (2015). Going Native : Effects of Disclosure Position and Language on the Recognition and Evaluation of Online Native Advertising. *Journal of Advertising*, 45 (2): 157—168. DOI: 10.1080/00913367.2015.1115380.
- Wojdyski, B., Golan, G. (2016). Native Advertising and the Future of Mass Communication. *American Behavioral Scientist*, 60 (12): 1403—1407. DOI: 10.1177/0002764216660134.
- Zageeva, L. A., Urmin, I. B. (2016). Nativnaya reklama kak novyy tip reklamnogo formata [Native advertising as a new type of ad format]. *Innovatsionnaya ekonomika i pravo* [Innovative Economics and Law], 2 (3): 12—14. (In Russ.).

Семенов А. И. Группа омонимов «Колымка» (словообразовательный и функциональный аспекты) / А. И. Семенов // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 172—193. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-172-193.

Semenov, A. I. (2020). Group of Homonyms “Kolymka” (Word-Formation and Functional Aspects). *Nauchnyi dialog*, 10: 172-193. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-172-193. (In Russ.).

УДК 811.161.1'282.3

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-172-193

Группа омонимов «КОЛЫМКА» (СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ)¹

© Семенов Алексей Иванович (2020), orcid.org/0000-0003-1482-4599, SPIN 8578-9693, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный государственный университет» (Магадан, Россия), aisemenoff@mail.ru.

Актуальность исследования обусловлена ростом интереса к изучению как разговорной речи, так и региональных языковых явлений. Автор исходит из того, что исследование региональных речевых фактов позволяет уточнить представления о функционировании региолектных систем с учетом различных дискурсивных ограничений. Автор останавливается на толковании лексических значений, описании особенностей функционирования и способов образования 6 имен нарицательных и 8 имен собственных, образованных от топонима *Колыма* и входящих в группу омонимов «Колымка». Показано, что данные омонимы преимущественно образованы посредством универбации, при этом имена собственные формируются на основе реально существующих словосочетаний, которые регулярно используются для обозначения объектов, а имена нарицательные создаются на базе свободных сочетаний слов. Сделан вывод о том, что исследование фактов региональной разговорной речи позволяет наблюдать еще не изученные особенности функционирования региональной лексики, что поможет более точно разграничивать локальные речевые явления и свойства авторской манеры порождения речи (например, в области окказионального словообразования), а также видеть отражение в номинациях различных особенностей восприятия региона (в данном случае Колымы).

Ключевые слова: региональная лингвистика; регионализм; жаргонизм; жаргон; арго; Колыма; Колымка; универбация.

1. Введение

Изучение разговорной речи и региональных языковых явлений — два направления, которые активно развиваются в современном отечественном языкознании [Жеребило, 2016; Земская, 2011; Магерамова, 2020; Осипова, 2008; Сиротинина, 1983; Соколянская, 2006; Соколянский, 2008; Шепилева, 2018], что обуславливает актуальность нашего исследования: осмысление региональных речевых фактов позволяет уточнить представления о функционировании региолектных систем.

В фокусе пересечения указанных научных течений рассмотрим один из дериватов топонима *Колыма* (о других производных этого географического названия см. в [Гоголева, 2007]) — лексему *колымка*. Это слово редко становилось пред-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-012-00266 «Региональные варианты русского языка на Крайнем Северо-Востоке России».

метод исследования. Кроме своей работы, где мы комментируем два омонима, являющихся ложными регионализмами [Семенов, 2017], можем указать еще статью Л. В. Балашовой, в которой исследователь, исходя из того, что «связь с метонимией и синекдохой достаточно четко проявляется при номинации артефакта по месту или социальной группе, ставшими символами определенного социального феномена», приводит в качестве примера слово *колымка* со значением ‘шапка заключенного’ (пример мотивируется тем, что «Колыма стала символом ГУЛАГа, системы исправительно-трудовых колоний советского периода») [Балашова, 2006, с. 27, 29].

А между тем в устных и письменных текстах XX—XXI веков, представленных в Интернете (это и литературные произведения, и письменная фиксация устной речи на форумах и в чатах), можно обнаружить неожиданно большое количество фиксаций слова *колымка*, при этом значения таких языковых единиц не связаны между собой, хронологически и территориально заметно разделены. Это целый «куст» омонимов, и единственное, что их объединяет, это словообразовательные отношения с топонимом *Колыма*.

Лексема *Колыма* имеет следующие значения: 1) гидронимное значение — ‘река на северо-востоке Российской Федерации’; 2) ‘узкое’ территориальное значение — ‘территория, прилегающая к реке Колыме’; 3) ‘ресурсное’ значение — ‘территория на северо-востоке Российской Федерации, богатая природными ресурсами (золото, серебро и др.) и имеющая суровый климат’; 4) ‘лагерное’ значение — ‘территория на северо-востоке Российской Федерации, где во времена сталинских репрессий находились многочисленные лагеря для заключенных’ (или более широко: ‘место заключения для осужденных (в прошлом и настоящем)’; 5) ‘административное» («широкое» территориальное) значение — ‘территория на северо-востоке Российской Федерации, совпадающая с современными границами Магаданской области’. Здесь мы использовали наблюдения Е. М. Гоголевой над словом *Колыма* [Гоголева, 2007], к перечню значений, выделенных автором указанной работы, добавлено «узкое» территориальное значение (отметим, оно появилось очень рано: например, в «скаске» от 26.04.1647 года М. Стадухин сообщает: ... *а доброй де самой черной соболь все по Колыме* [РТЭ, с. 73]).

Особенности употребления и образования омонимов из группы «Колымка» рассмотрим с опорой на изучение лексикографических источников, использование функционального и контекстного методов исследования. Сначала представим наших многочисленных героев (точнее, героинь), затем рассмотрим характер их образования и функционирования.

Преимущественно материал по группе омонимов «Колымка» мы собирали через поисковую систему «Яндекс» [Яндекс, 2020]. С одной стороны, используемая нами поисковая система предлагает главным образом примеры из произведений В. Т. Шаламова. Именно с этим автором связано присутствие данного слова в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ, 2020]. С другой стороны, тем не менее обнаруживаются многочисленные примеры, которые в нормативных словарях не представлены совсем (ср. [БАС, т. 8, с. 271; МАС, т. 2, с. 78]), хотя отдельные омонимы можно найти в некоторых аспектных лексикографических источниках (см.

ниже). Отметим, что ни с какими значениями слово *колымка* не приводится в региональных или диалектных словарях Северо-Востока России, нет его и в СРНГ (ср. [Богораз, 1901, с. 68; Браславец, 1977, с. 80—81; Дружинина, 2007, с. 25; Зотов, 2010, с. 223; СРНГ, вып. 14, с. 209]).

Среди интересующих нас омонимов можно выделить две группы слов: имена нарицательные и имена собственные.

2. *Колымка* — имя нарицательное

Предположительно хронологически первым является отнюдь не «лагерное» значение.

Колымка I ‘колымская собака (лайка) / собака с Колымы’. Это наименование одной из пород ездовых лаек, происхождение которой связывается с территорией, прилегающей к реке Колыме, можно встретить в воспоминаниях Г. А. Ушакова, советского исследователя Арктики, рассказывающего в своей книге «По нехоженной земле» об экспедиции 1930—1932 годов на Северную Землю и упоминающего о колымских собаках: *Увидел, что колымских собак лишь несколько штук, и мысленно пожалел об этом. Кроме «колымок», здесь были прекрасные лайки с хорошей грудью, стройными, крепкими ногами и плотной густой шерстью* [Ушаков, 1990, с. 238].

Здесь *колымка* — наименование реалии другого региона. Является ли это фактом речи (идиолекта) только Г. А. Ушакова или это регулярное обозначение, необходимо уточнить. Публикация книги «По нехоженной земле», где используется лексема *колымка*, приходится на начало 50-х годов XX века [Там же, с. 196]. Книга сообщает о событиях, происходивших в начале 30-х годов XX века. К сожалению, Н. Н. Урванцев, соратник Г. А. Ушакова по экспедиции на Северную Землю, не приводит в своих воспоминаниях это название, хотя не без восторга описывает качества колымских собак (одной из «колымок» дал кличку *Колыма*) [Урванцев, 1935, с. 29—30]. Впрочем, наблюдения Н. Н. Урванцева содержат несколько фактов функционирования в их небольшом коллективе своеобразного жаргона (точнее сказать, временно существовавшего регионального микросоциолекта; например, употребление слов *веха-гнилушка*, *апостол* и др. [Там же, с. 97—98]). Мы не исключаем, что лексема *колымка* могла быть частью этого микросоциолекта.

Колымка II ‘самодельная лампа’ (точнее, ‘самодельная четырехлучевая бензиновая (на бензиновом пару) лампа из консервной банки’) — это единственная лексема из интересующей нас группы омонимов, которую фиксирует Национальный корпус русского языка [НКРЯ, 2020]. Слово *колымка* в указанном значении представлено в «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова. Непосредственно в Национальном корпусе русского языка приводятся два примера (и только из шаламовских произведений): 1) *К угловому столбу была прикручена проволокой горящая «колымка» — самодельная лампочка на бензинном паре* (рассказ «На представку») [Шаламов, 2009, с. 12]. 2) *Я был переведён к Шмелеву недавно, недели три, и не знал его лица — была в разгаре зима, голова бригадира была замысловато укутана каким-то рваным шарфом, а вечером в бараке было темно — бензиновая колымка едва освещала дверь* (рассказ «Заговор юристов») [Там же, с. 168]. Можно указать

еще и рассказ «Мой процесс», где также использованы словоформы этой лексемы: *В углу на столике дежурного горела «колымка» — четырехлучевая бензиновая лампочка из консервной банки. <...> Доктор Мохнач сел к столу, при качающемся свете «колымки» написал ...* [Там же, с. 348].

Является ли данная лексема продуктом словотворчества В. Т. Шаламова (факт его идиолекта) или отражением жаргона заключенных (факт социолекта), сегодня установить затруднительно: после публикации «Колымских рассказов» эта лексема получила определенную известность. «Влияние» В. Т. Шаламова обнаруживается в цитировании, заимствовании, текстуальных совпадениях, тем самым формируется дискурсивная функциональная ограниченность в употреблении этого слова.

Так, это значение фиксируется в «Справочнике по ГУЛАГу» Ж. Росси (под № 2): *Самодельная лампа с фитилем, сделанная из консервной банки. Примеч.: к. была единственным освещением колымских бараков; при их свете урки играли в карты, бригадиры составляли рапортчики и т. д.* [Росси, 1987, с. 161].

Впрочем, название светильника продолжает использоваться не только в качестве «историзма», хотя это существование дискурсивно несамостоятельно (текстуальная зависимость от толкования В. Т. Шаламова). Примеры современного активного употребления этого слова дают тематические сайты. На форуме оружейного портала Gans.ru на вопрос пользователя TR об интересующем нас светильнике (*Кстати, кто знает, что такое лампа «колымка»? Типа, банка с 4 трубочками*; пост от 16.12.2009) получен ответ с упоминанием В. Т. Шаламова: *В крышку консервной банки впаивались три-четыре открытые медные трубки — вот и все приспособление. Для того чтобы эту лампу зажечь, на крышку клали горячий уголь, бензин согревался, пар поднимался по трубкам, и бензиновый газ горел, зажженный спичкой.* (В. Шаламов) (пользователь Papa Karla, ответная реплика от 16.12.2009). На том же форуме есть еще одно замечание об этой лампе: *... колымка по конструктиву похожа на спиртовку (типа ШАК)* (пользователь «ss-n», пост от 21.12.2009) [Как сделать бензиновую лампу].

Определенные текстуальные совпадения с шаламовским толкованием обнаруживаются в воспоминаниях бывших колымских заключенных, например, у Э. Багирова читаем: *В середине барака стояла железная бочка — печь, горело несколько консервных банок. Их называли «колымками»: самодельные лампы на бензиновом пару* [Багиров, 1999].

«Колымка» в литературном дискурсе становится атрибутом лагерной жизни, элементом стилизации: *В бараке было темно. Лишь у нар блатарей, где не на шутку резались в карты два законника, теплился слабый свет «колымки», распространяя вокруг запах гари и бензина* (А. Варский. «Колымский Феникс») [Варский]. *В бараке блатарей Санечка, выслушав доклад шестерки, треснул кулаком по стене, да так, что свалилось висевшее на гвоздике зеркало, изготовленное из какого-то непонятного материала инженером Зайцевым. Упало и разбилось на осколки. И отразился в них тусклый бензиновый свет горячей «колымки» — самодельной лампы, сделанной из консервной банки.* (А. Толкачев. «Шолом Шаламов») [Толкачев].

Но далеко не все, кто по тем или иным причинам желает пользоваться этим существительным, знакомы с рассказами В. Т. Шаламова. Отсюда изменение (например, сужение) семантики лексемы (своеобразная девальвация представлений о лампе-колымке). Так, обсуждая тему «Освещение на привале», пользователь «Аупо», житель Северо-Запада России и участник форума «Питерский охотник», 03.11.2010 обратился к публике с вопросом: *А вот скажите мне, сибиряки. Кто может толком показать как устроен светильник — «колымка»? Ведь во всех бараках сталинских лагерей освещали такими вот светильниками. Я знаю только теоретически. Высасывается сгущенка из баночки через дырку, промывается, и к дырочке припаивается трубочка. Потом через трубочку в банку наливается бензин. И всё. Пары бензина поджигаются на конце трубочки и сгорая дают чистый и яркий свет без копоти и гары!* [Освещение на привале].

И «конструктив» иной (нет фитиля, отнюдь не четырехлучевая конструкция и явно опасная в эксплуатации), и чистый и яркий свет, и все это во всех бараках сталинских лагерей. Впрочем, автор данного высказывания все-таки задавал вопрос (комментариев, кажется, не последовало, «сибиряки» не откликнулись), но в некоторых иных текстах столь же небезопасные образы ламп предлагаются без «оговорок», см. ироничный комментарий А. Глущенко по поводу описания лампы-колымки, которое можно найти в статье С. Самоделовой. С. Самоделова: ... *при свете „колымки“ — консервной банки, в которой ровным пламенем горел бензин ...* [Самоделова]. А. Глущенко: ... *вы никогда не пробовали зажечь бензин в консервной банке? Журналистка, судя по всему, тоже — иначе не читали бы мы сейчас эти выдающиеся строки* [Глущенко].

С другой стороны, можно встретить и пример чрезмерного расширения значения слова *колымка*. Так, В. А. Туниманову существительное *колымка* потребовалось для выражения иного смысла, большего, чем ‘лагерный светильник’: *Вполне возможно, что Пастернак высоко оценил бы этот и другие жестокие рассказы Шаламова о «колымке». Но, может быть, в ужасе отвернулся от слишком уж «неблагообразного» мира ...* (цитируем электронную версию публикации [Туниманов, 2004]). «Колымка» становится символом «неблагообразного мира», о котором пишет В. Т. Шаламов. Здесь семантика слова *колымка* разрастается до «метафоры тоталитарного насилия, несвободы, бесправия, смерти», но это вроде бы относится к Колыме (цитата из статьи Е. М. Гоголевой [Гоголева, 2007, с. 204]), *колымка* вместо *Колыма* — очень странная синекдоха.

Колымка III ‘шапка-ушанка лагерного образца’. Именно это значение приводится под № 1 в упомянутом словаре Ж. Росси: *Шапка-ушанка лагерного образца, хуже сиблонки и много хуже соловчанки (ср. казак 1)* [Росси, 1987, с. 161]. В противопоставлении нескольких разновидностей шапок заключенных («колымка» — «сиблонка» — «соловчанка») как будто ярко проявляется «региональность», однако существование лексемы может быть продуктом литературного или научного творчества. В самом колымском региолекте следов употребления этого слова нет. На Колыме в разные времена использовались сходные наименования. Напри-

1 Здесь и далее примеры представлены в оригинальном исполнении автора высказывания.

мер, по нашим наблюдениям, и сегодня сохраняется память о шапке под названием «магаданка». Это наименование женского головного убора производства местной (магаданской) промышленности (вторая половина XX века; зимняя женская шапка из меха песца, россомахи, характерной ее особенностью были очень длинные уши).

Сложно сказать, насколько Ж. Росси корректен в представлении обсуждаемых слов. Что касается лампы-колымки, то здесь сказывается влияние В. Т. Шаламова. Что касается шапки-колымки, то источник неизвестен. Утверждение Ж. Росси сталкивается с противоречивыми сведениями из других источников. Обращает на себя внимание тот факт, что шапку, которая использовалась на Соловках, называли «линденеровкой» (по имени ее создателя — Б. А. Линденера). Об этом вспоминает Д. С. Лихачев [Лихачев, 2018]. Но влияние Ж. Росси велико: в заметке «Все-возможные предметы и вещи со словом *соловецкий* на сайте «Соловки и соловецкие острова» рассказывается о шапке-«линденеровке», хотя раздел, где речь идет о Б. А. Линденере и его изобретении, озаглавлен как *Шапка-ушанка «соловчанка»* (фамилия Б. А. Линденера в этой заметке дана с искажением) [Всевозможные предметы ...]. На этом же сайте (но в другой публикации) сообщается о том, что в конце 30-х годов заключенные на Соловках носили «сиблонки» (лексемы *линденеровка* и *соловчанка* во фрагментах воспоминаний бывших «сидельцев» не приводятся) [О тюремных порядках ...]. Вопрос о названиях головных уборов заключенных, кажется, требует более детального рассмотрения.

Слово *колымка* в данном значении также встречается в художественной литературе. Например, в документальной повести И. И. Николаева «Генерал» (2006) читаем: ... *кто бы поверил, что этот человек в лоснящемся от грязи ватнике, заплатах ватных штанах, истрепанной шапке «колымке» и зимних веревочных лаптях «чунях», в прошлом действительно был одним из лучших командиров дивизий Красной Армии* [Николаев]. Для создания соответствующего колорита эту лексему использует в своем «коротком романе» «Ваше преподобие» (2014) А. А. Ольшанский: *Велимир вернулся к шитью колымок — зимних шапок для заключенных, которые и шапками-то можно было назвать условно. Из черного материала, почти на рыбьем меху — с тонким слоем ватина, который вряд ли спасал от пронизывающих северных ветров* [Ольшанский].

Оба «лагерных» значения, как уже отмечено выше, есть в «энциклопедическом» справочнике Ж. Росси. Что касается словарей жаргонов, то в них также можно найти интересующие нас «лагерные» омонимы, но представлены они избирательно. В словаре В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной данная лексема дана со значением «шапка-ушанка лагерного образца» (со ссылкой на Ж. Росси) [БСРЖ, с. 272]. В двух словарях, автором которых является В. С. Елистратов, обсуждаемое слово представлено одинаково: со значением «маленькая, тусклая лампочка», с предположением о происхождении из уголовного жаргона, с упоминанием В. Т. Шаламова и указанием, что образовано от имени собственного *Колыма* [Елистратов, 2000, с. 203; ТСРС, с. 181]. Сведения одинаковы, хотя словари вроде бы разные по цели создания: первый ориентирован на арг, другой — на более широкий круг жаргонизмов. И в обоих случаях нет примеров современного употребления.

Избирательность в представлении рассматриваемого языкового факта в БСРЖ и в словарях Елистратова, видимо, отражает сомнения авторов этих лексикографических источников в существовании данных слов в качестве жаргонизмов (арготизмов). Более того, в некоторых словарях, отражающих воровское арг, полностью отсутствуют оба слова (ср. [Быков, 1994, с. 105]). Игнорирует эти и все другие *колымки* «Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи», в котором в изобилии представлена разнообразная ненормативная современная лексика, включая социолектные слова [Химик, 2017, т. 1, с. 367]. Возможно, изначально эти омонимы не имели отношения ни к региональной, ни к жаргонной (уголовной) лексике. Возможно, это «жаргонизмы-регионализмы» литературного происхождения.

Колымка IV ‘самодельная печь, сходная с печкой-буржуйкой или с печкой-экономкой’. Упоминание этой печки можно встретить в сообщениях, оставленных жителями различных регионов центральной России и соседних с Колымой территорий. Так, на сайте интернет-магазина «PoshehonStar.ru» в кратком комментарии к статье Л. Позднякова «Печка-экономка» (журнал «Охота и охотничье хозяйство», 1973 год, комментарий расположен непосредственно под ссылкой на данную статью) печке-экономке приписывается название *колымка*: *Печка-экономка или Колымка были широко распространены в Сибири и Дальневосточном регионе. Их широко использовали в палатках, ими же 50—60 лет назад отапливали и многие жилые дома* [PoshehonStar.ru, 2013]. В самой статье «Печка-экономка» интересующее нас слово не используется [Там же].

Другие примеры содержатся на различных форумах в сообщениях пользователей: «Папакарло» (*Кстати, печка среди народа называется Колымка*; Великий Новгород, пост от 26.10.2011) [Марёво], «HotSummer» (*Печь «колымка» от bubafonja*; Жигулевск, пост от 30.12.2011) [Печка на отработке], «Мойша» (*про колымку уже два вечера читаю*; Раменский район Московской области, пост от 05.05.2010) [Котёл отопительный ...].

О высоких эксплуатационных качествах печки-колымки рассказывает «slava_z» (Билибино, Чукотка; два сообщения от 08.12.2009): *ценность «колымки» в том, что дрова не горят сразу все по всему объему и тепло не летит в трубу* (14:46); *печка из цельной бочки, тоже экономка — с такой же конструкцией дверцы и трубы — у меня горит 14 часов колымка из бочки горит дольше* (15:10; графика источника) [Печка для гаража]. В последнем случае речь идет о наименовании реалии соседнего региона (житель Чукотки использует наименование, «связанное» с Колымой).

Колымка V ‘то же, что пятиминутка; салат из свежей рыбы’ (данное слово предлагаем среди нарицательных существительных, так как оно не является товарным знаком и употребляется как наименование разновидности салата из свежей рыбы). Отвечая на вопрос «Где можно найти салат индигирка?», пользователь «Алекс» (житель Якутска, участник «Кулинарного форума») в одной из своих реплик (от 09.12.09) утверждает: ... *я так думаю история этого блюда начиналась с рыбацкой Пятиминутки. Прямо на реке рыбу свежую мелко режешь солью, маслом лучком и перчиком сдобрываешь. Через пять минут закусываешь водку. Потом*

видать кто-то заморозил и получилась индигирка. А пятиминутку еще иногда колымкой называют [Где можно найти салат индигирка]. Пользователь, видимо, проживает на соседней территории (Якутск, но не Колыма), приписывает данному рыбному блюду наименование, связанное с Колымой.

Колымка VI ‘двуручная пила’. На Youtube-канале «Левша Перец» можно найти видеоролик с названием «Точу пилу двуручку “колымку”» (2017 год; сохранена графика оригинала) [Левша Перец]. Если употребление интересующего нас слова не является лишь фактом речи только этого человека, то данный пример свидетельствует о том, что в одном из русских региолектов на территории Украины (пользователь Левша Перец сообщает о себе: «Анатолий, житель Киевской области») используется лексема *колымка* для наименования двуручной пилы.

3. Колымка — имя собственное

Колымка I-ИС ‘река Колыма’. Экспрессивное суффиксальное образование (что-то вроде Эх, *Колыма-Колымка*) встречается, например, в речи блогера с ником Volosan (2014 г.; не колымчанин, но, как можно судить по публикациям на Drom.ru, житель Якутии, который хорошо знаком с реалиями Северо-Востока): *Ну вот и Колыма-Колымка. Построили новенький мост на загляденье, двухполосный* [Volosan].

В произведениях малоизвестных поэтов А. Пономарёва и З. Сафиуллова, проживающих в европейской части России, можно обнаружить сходное наименование: *Четвертушкою барак. // Бочка вместо печки. // Шлиха блеск, и скрежет драг, // На Колымке-речке («Двадцать пять», 2016 г.)* [Пономарёв]. *Колымка белая петляет меж сугробов, // Уносит водами страдания, боль, печаль. // Мы видим трубы дымящихся заводов, // Прожитых дней и годы, здесь мне жаль ... («Колымка», 2016 г.)* [Сафиуллов]. Недоумение вызывает уменьшительное наименование реки (особенно в сочетании со словом *речка*: Колыма — одна из крупнейших рек Северо-Востока). Впрочем, возможно, это не в чистом виде экспрессивное образование: лексема потребовалась для использования в конкретном стихотворном размере, где слово *Колыма* было бы помехой.

Колымка II-ИС ‘Колымская ГЭС’. Это неофициальное название единичного объекта — Колымской гидроэлектростанции (использование лексемы локализуется прежде всего в поселке гидростроителей Синегорье Магаданской области, где Колымская ГЭС — градообразующее предприятие). Примеры употребления интересующей нас лексемы обнаруживаем на YouTube-канале «Колымский шатун на пенсии» в названиях видеороликов «Едем в ночную смену на Колымку (09.07.2019)», «Едем с Колымки домой (15.01.2020)», «Сброс воды на Колымке (14.07.2019)» (о том, что лексема *Колымка* здесь — наименование Колымской ГЭС, можно видеть и в «анонсах», предваряющих эти видеоматериалы) [Колымский шатун ...].

Колымка III-ИС ‘Колымская трасса’. В речи тревел-блогеров, приезжающих на Колыму из других районов страны и публикующих затем сообщения о своих путешествиях, данное слово может использоваться в значении ‘Колымская трасса’. Так, в одном из комментариев автор публикации «Экспедиция Новосибирск — Магадан. Часть VII Алдан — Магадан», выступивший на сайте Drive2.ru под ником

«kamerzan» (житель Новосибирска), сообщает: *Старая колымка была затоплена* (29.05.15). Это ответ на вопрос от «ТопY60»: *А что по старой колымской не поехали?* (28.05.15) [Kamerzan]. Тот же автор (но под ником «kamerzanov») в сообщении на ту же тему («Едем в Магадан. Часть V. Из Тынды в Магадан», 2014 год, вторая гласная «а» в названии «столицы Колымского края» пропущена тревел-блогером) и также в комментариях к своей публикации сетует: *Жаль, что старую Колымку не прошли ... но вот так получилось* [Kamerzanov] (обратим внимание на варьирование строчной и заглавной букв в названии трассы).

В псевдодокументальной литературе также можно найти случаи использования слова *Колымка* в данном значении. Так, в романе Э. Нетесовой «Пасынки фортуны» можно прочесть: *Я там, на трассе, понял, что такое — пахота, когда нас, законников, заставили прокладывать Колымку* [Нетесова]. В речи колымчан название главной транспортной артерии региона — «Колымская трасса» или просто «Трасса» (современное официальное наименование — автомобильная дорога общего пользования федерального значения Р504 «Колыма»). Применительно к колымскому региолекту это слово — ложный регионализм [Семенов, 2017].

Колымка IV-ИС ‘газета «Колымская Правда»’. Это неофициальное название районной газеты на Нижней Колыме (п. Черский, Якутия). Примеры употребления лексемы *Колымка* есть в заметке 2013 года о юбилее этого издания: *16 марта в Молодёжном центре посёлка Черский прошёл юбилейный вечер «С «Колымкой» по жизни!»*. <...> *Ведущая вечера Елена Киреева рассказала о редакторах, возглавлявших «Колымку» в разные годы ...* [Любовь наша ...].

На сайте «Черский на связи» (фотогалерея), на странице газеты «Колымская Правда» (прежняя версия), можно найти производные, образованные от интересующего нас наименования газеты: виртуальное имя модератора — «kolymka» (ник журналиста А. Курило, размещающего материалы на сайте, 2012 год) [Колымская Правда], наименование группы пользователей — «Колымка» (2006 год) [Черский на связи].

Колымка V-ИС ‘улица Колымская в г. Магадане’. Ложный регионализм. О существовании этого названия можно узнать только из романа Э. Нетесовой «Колымский призрак» [Нетесова]. И само вымышленное название (хотя Колымская улица действительно есть в городе), и «факты», связанные с этой улицей (*первая семейная улица в Магадане, самая длинная, самая первая* и т. д.), — все это плоды фантазии автора, к действительности они отношения не имеют (см. [Семенов, 2017]). Роман Э. Нетесовой претендует на документальность, и подобного рода «творческие находки» формируют у читателей ложные представления о Магадане и Колыме.

Колымка VI-ИС ‘колымский (верхнеколымский) районный конкурс детского творчества «Колымская звездочка»’. Укажем примеры из заметки о конкурсе, который состоялся в 2017 году: ... *«Колымку» (так ее называют в народе) здесь ждут с самого начала года*. <...> *В этом году «Колымская звездочка» проводится уже в 23 раз, за время проведения «колымки» на этом конкурсе выросли целые поколения* [«Колымская звездочка»].

Колымка VII-ИС ‘кликча кобылы’. Кликча кобылы породы Орловская рысистая (1998 г. р., Пермский конезавод, отец — Ковбой, мать — Колыма) [Don-horses.ru].

Кроме того, есть пример, вероятно, вымышленного названия горнодобывающего предприятия — «Колымка», информацию об этой компании можно найти в одной из курсовых работ, размещенной в 2012 году на сайте бесплатных рефератов [Финансовые результаты]. Имя *Колымка* (*Колымка VIII-ИС*) здесь также связано с топонимом *Колыма*, любопытен сам факт образования слова, хотя явно не все сообщаемые о предприятии сведения соответствуют действительности (например, указаны два адреса этой компании — в Магадане и Сусумане, оба адреса содержат ложную информацию: в Магадане улица Портовая есть, но дома под номером 10 на этой улице нет; в Сусумане по указанному адресу располагается совсем иное горнодобывающее предприятие).

Предлагаемый нами перечень омонимов содержит те лексемы, которые образованы от имени собственного *Колыма*. Впрочем, этим список *Колымок* не исчерпывается (есть названия сайтов, имя участницы сайта знакомств, названия реки, урочища, станции и т. д.), все остальные слова, видимо, отношения к топониму *Колыма* не имеют.

4. *Колымка*: деривация и функции

Приведенные выше омонимичные лексемы образуются в свою очередь от разных омонимов *Колыма* (наиболее продуктивными оказываются «узкое» и «широкое» территориальные значения). «Гидронимное» значение: К.I-ИС ‘река’, К.II-ИС ‘ГЭС’; «узкое» территориальное значение: К.I ‘собака’, К.V ‘салат’ (вероятно), К.IV-ИС ‘газета «Колымская Правда»’ (с синхронической точки зрения), К.VI-ИС ‘конкурс’; «ресурсное» значение: К.VIII-ИС ‘предприятие’; «лагерное» значение: К.II ‘лампа’, К.III ‘шапка’; «широкое» территориальное / административное значение: К.IV ‘печка’, К.VI ‘пила’, К.III-ИС ‘трасса’, К.V-ИС ‘улица’ (возможно, здесь же К.VII-ИС ‘кличка кобылы’). Соотнесение с конкретным омонимом *Колыма* не означает принадлежность к колымским региолектам, но вызывает ассоциативную связь и с ними, и с данной территорией.

Что касается способов образования, то в подавляющем большинстве случаев (все нарицательные существительные и почти все имена собственные) используется такое средство, как суффиксальная универбация. Слова образуются в основном по схеме: словосочетание «прилагательное *колымский* + (эллиптируемое) существительное» + суффикс *-К-* → *КОЛЫМКА* (эллиптируемые существительные обычно женского рода, но могут быть мужского (салат), возможно, и среднего — ср. предприятие «Колымка», впрочем, в последнем случае могут подразумеваться и слова «компания», «фирма»). В двух случаях (К.IV-ИС ‘газета «Колымская Правда»’ и К.V-ИС ‘улица Колымская в г. Магадане’) прилагательное является или именем собственным (субстантивация), или частью имени собственного. В данной группе омонимов важнейшим отличием в образовании имен собственных от нарицательных существительных является то, что они образованы на основе реально существующих словосочетаний, соотносимых с тем же денотатом, что дериват *Колымка* (эти словосочетания — устойчивые наименования объекта). Для нарицательных имен таких словосочетаний, которые регуляр-

но соотносились бы с денотатом, нет, то есть сочетания типа *колымская собака* или *колымская печка* — это свободные сочетания слов, а не специальное наименование лайки и печки соответственно (ср. *зачетная книжка* → *зачетка*, *дистанционная учеба* / *работа* → *дистанционка* / *дистант* / *дист* и т. п.). Мы допускаем, что окказионально в речи одного человека или группы людей такие «специализированные» наименования на основе словосочетаний могли функционировать. Вероятно, сочетание оттопонимного прилагательного и существительного только подразумевается («нулевая ступень») и допускает вариативность: *колымская собака (печка)* / *собака (печка) с Колымы*. Принято считать, что в компрессионном образовании слов реализуется принцип экономии языка, в этом смысле нарицательные *колымки* произведены сверхэкономичным образом. Возможно, образование не на основе устойчиво существующего словосочетания указывает в большей степени на факты речи, а не языка.

Менее продуктивной оказывается в данном случае суффиксальная деривация (так как речь идет только об именах собственных, то точнее назвать это явление грамматической (суффиксальной) онимизацией с формантом *-к-*): К I-ИС ‘река Колыма’, К VI-ИС ‘кличка кобылы’. В первом случае (‘река’) речь идет об экспрессивном словообразовании, во втором (‘кличка’) — о суффиксальном словообразовании, осложненном дополнительными семантическими элементами. Это следствие своеобразной языковой игры: имя кобылы должно отражать в себе имена родителей этого животного (Колыма, Ковбой; ср. [Выбор клички ...]), начальная фонема (и буква) в имени отца соотносится с суффиксом, от имени матери взят корень слова полностью.

Универбация является продуктивным способом деривации в русском языке, в том числе в колымских региолектах [Гоголева, 2008; Копоть, 2005; Косова, 2015]. Многочисленные примеры колымских лексем, образованных посредством универбации, приводит Е. М. Гоголева (к ним можно добавить еще такие слова, как *магаданка* (см. выше) и *Северка* ‘торговый центр «Северное сияние» в г. Магадане’). На их фоне различные *колымки* смотрятся органично, но в реальности далеко не все они действительно появились на Колыме и используются носителями колымских региолектов. Продуктивность модели высока, и подобные слова «легко» образуются («потенциальные слова»). Вероятно, в ряде случаев это словообразование было способом реализации авторского замысла. Возможное окказиональное происхождение лексемы *колымка* со значением ‘самодельная лампа’ (использование именно универбации для создания этого слова) соответствует лаконичной манере повествования, характерной для рассказов В. Т. Шаламова. Известность его произведений стала важным условием для дальнейшего функционирования данного слова.

Отметим, что некоторые интересующие нас омонимы принадлежат к ограниченному числу лексико-тематических групп (далее — ЛТГ), которые выделяются среди универбатов. В своей работе мы используем классификацию, предложенную Д. В. Дозоровой [Дозорова, 2015], эта классификация ориентирована на нарицательные существительные, для сравнения приведем в этих же ЛТГ и имена собственные. К ЛТГ «Дороги» (№ 1 в списке Д. В. Дозоровой) относится К.Ш-

ИС 'Колымская трасса' и «примыкает» К.V-ИС 'улица Колымская'; к ЛТГ «Общественные заведения и учреждения» (№ 4) относится К.IV-ИС 'газета «Колымская Правда»'; в ЛТГ «Одежда» (№ 6) входит К.III 'шапка'; к ЛТГ «Пищевые продукты» (№ 10) «примыкает» К.V 'салат'; ЛТГ «Технические устройства» (№ 13) принадлежит К.II 'лампа' и К.IV 'печка'.

Для остальных *колымок* подбираем ЛТГ самостоятельно: для К.I 'собака' — «Животные (домашние животные)», для К.VI 'пила' — «Инструменты» (отметим, что подобная группа универбов есть в [Сунь, 2015, с. 148]); для К.II-ИС 'Колымская гидроэлектростанция' и К.VIII-ИС 'предприятие' — «Объекты промышленного производства»; для К.VI-ИС 'конкурс' — «Общественные мероприятия».

Независимо от того, является ли обсуждаемое слово «авторским» или регулярно используется в просторечии, социолекте или региолекте, деривационная связь обязательно «дополнит» представления о предмете и явлении, названном данным словом, топоним *Колыма* «подскажет», в каком отношении воспринимать своего деривационного родственника. Перед нами не только номинативная функция, но и то, что В. А. Никонов называл дескриптивной (описательной) функцией [Никонов, 1974, с. 247] — с учетом не этимологической, а словообразовательной связи. При реализации номинативной функции понятие, соотносимое и со словосочетанием, и с образованным на его основе универбом, широко известно. В случае с *колымками* представление о понятии может быть весьма неясным, но недостаток знания «компенсируется» ассоциативными связями со словом *Колыма*.

Омонимы, входящие в интересующую нас группу, отличаются различными функциональными ограничениями. Функционально-стилистическое ограничение: все это разговорная и разговорно-просторечная лексика (особо см. ниже принадлежность к жаргонам). Тематически некоторые лексемы оказываются также несвободны («Колыма — ГУЛАГ»: К.II 'лампа', К.III 'шапка'; «Путешествие по Колыме»: К.III-ИС 'трасса'). Дискурсивные ограничения наиболее оформлены в следующих случаях: 1) зависимость от авторского текста (писатели, журналисты, блогеры) — К.I 'собака', К.II 'лампа', К.III 'шапка', К.I-ИС 'река', К.III-ИС 'трасса', К.V-ИС 'улица' (К.V 'салат'?); 2) социолектная зависимость (включая профессиональную речь) — К.IV 'печка', К.VI 'пила', Колымка VII-ИС 'кличка кобылы'; а также, возможно, К.I 'собака', К.II 'лампа', К.III 'шапка'); 3) региолектная принадлежность (по отношению к колымским региолектам; не указанные здесь *колымки* могут принадлежать региолектам других территорий) — К.II-ИС 'ГЭС', К.IV-ИС 'газета', К.VI-ИС 'конкурс'; здесь находим только имена собственные).

Антидискурс. Территориально и хронологически все эти слова зачастую довольно далеки друг от друга. Их значения друг с другом не связаны, если и есть связь, то деривационная — только через топоним *Колыма*. Вероятно, их отсутствие в словарях объясняется не столько разговорной окраской слов, сколько тем, что во многих случаях они, это можно утверждать с наибольшей степенью уверенности, являются фактами речи одного человека или небольшой группы лиц. Если бы все это было фактами языка, то сложилась бы на удивление унылая и однообразная картина: *В бараке зек в шапке-колымке греется у печки-колымки под светом лам-*

пы-колымки. Выйдя из барака, чтобы напилить дрова пилой-колымкой, он может встретить собаку-колымку. Освободившись, он едет по трассе-Колымке в Магадан и останавливается на улице Колымке. Бывший зек может пойти работать — строить Колымку-ГЭС на реке Колымке. О его трудовых успехах сообщает газета «Колымка» (как раз в том выпуске, где говорится о новом детском конкурсе — «Колымке»). На старости лет он едет в Пермь, где может случайно увидеть лошадь Колымку, а жажда жизни позволяет ему в эпоху Интернета флиртовать в чате с девушкой с ником Колымка. Впрочем, в последнем случае, возможно, это к нашему исследованию уже не относится.

5. Заключение

Итак, анализ 6 имен нарицательных и 8 имен собственных в группе омонимов *Колымка* дает повод утверждать, что исследование фактов региональной разговорной речи позволяет наблюдать еще не изученные особенности функционирования региональной лексики, например, различия в образовании имен нарицательных и имен собственных (на фоне противопоставления речи и языка); дискурсивную зависимость в употреблении; «восполнение» представлений о понятии, соотносимом со словом, через однокоренные слова. Учет этого «восполнения» поможет более ясно разграничивать региональные речевые явления, особенности авторской манеры порождения речи (окказионального словообразования, в частности), а также, например, видеть отражение в тех или иных названиях особенностей восприятия региона (в данном случае Колымы) через образование производных слов, которые являются однокоренными с данным географическим названием.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00266 / Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00266 «Региональные варианты русского языка на Крайнем Северо-Востоке России».

Источники и принятые сокращения

1. Багиров Э. Горькие дни на Колыме : Воспоминания политзаключенного [Электронный ресурс] / Э. Багиров. — Баку : R.N. Novruz-94, 1999. — 303 с. — Режим доступа : <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=6417> (дата обращения: 10.08.2020).

2. БАС — *Большой академический словарь русского языка* / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований ; [ред. : Л. И. Балахонova]. — Москва : Наука ; Санкт-Петербург : Наука, 2004. — Т. 8: Каюта — Кюрины. — 2007. — 839 с.

3. Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия / В. Г. Богораз. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1901. — 346 с.

4. Браславец К. М. Словарь русского камчатского наречия / К. М. Браславец, Л. В. Шапунова ; М-во просвещения РСФСР. Хабаровский государственный педагогический институт. — Хабаровск : Хабар. ГПИ, 1977. — 194 с.

5. БСРЖ — *Большой словарь русского жаргона* : 25 000 слов, 7 000 устойчивых сочетаний / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; Санкт-Петербургский государственный университет. Межфакультетский кабинет им. проф. Б. А. Ларина. — Санкт-Петербург : Норинт, 2001. — 720 с.

6. Быков В. Русская фея / В. Быков. — Смоленск : Траст-Имаком, 1994. — 222 с.

7. Варский А. Колымский Феникс [Электронный ресурс] / А. Варский // День и ночь. — 2006. — № 11—12. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/din/2006/11/kolymskij-feniks.html> (дата обращения: 12.08.2020).

8. Всевозможные предметы и вещи со словом «соловецкий» [Электронный ресурс] // Соловки и соловецкие острова. — Режим доступа : <http://www.solovki.ca/vsiako-razno/things.php> (дата обращения: 12.08.2020).

9. Выбор клички для лошади [Электронный ресурс] // Nalugah. — Режим доступа : <http://nalugah.ru/zhivotnovodstvo/loshadi/kak-nazvat-loshad-spisok-imyon-i-klichek-loshadej.html> (дата обращения: 20.08.2020).

10. Где можно найти салат индигирка [Электронный ресурс] // Кулинарный клуб : форум на Ykt.Ru. — Режим доступа : <http://forum.ykt.ru/viewtopic.jsp?id=1092793> (дата обращения: 10.08.2020).

11. Глуценко А. За что же Тёркина Василия? Ведь он ни в чём не виноват! Из цикла «Перелицованная история» [Электронный ресурс] // Lib.ru : Журнал «Самиздат». — Режим доступа : http://samlib.ru/g/glushenko_a_g/terkin_na_tom_sвете.shtml#link_1 (дата обращения: 10.08.2020).

12. Дружинина М. Ф. Словарь русских старожилческих говоров на территории Якутии. К—П : учебное пособие. — Якутск : Издательство Якутского университета. 2007. — 245 с.

13. Елистратов В. С. Словарь русского арго : Материалы 1980—1990-х гг. : Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений / В. С. Елистратов. — Москва : Русские словари, 2000. — 694 с.

14. Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / Г. В. Зотов ; под редакцией А. А. Соколянского. — Магадан : СВГУ, 2010. — 539 с.

15. Как сделать бензиновую лампу? [Электронный ресурс] // Guns.ru : оружейный портал. — Режим доступа : <https://forum.guns.ru/forummessage/21/563179.html>; <https://forum.guns.ru/forummessage/21/563179-2.html> (дата обращения: 20.08.2020).

16. «Колымская звездочка» нашла своих лауреатов [Электронный ресурс] // Рамблер / Новости. — Режим доступа : <https://news.rambler.ru/community/36474642-kolymskaya-zvezdochka-nashla-svoih-laureatov> (дата обращения: 20.08.2020).

17. Колымская правда [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.kp.chersky.ru> (дата обращения: 20.08.2020).

18. Колымский шатун на пенсии : YouTube-канал [Электронный ресурс] // YouTube.com. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/channel/UCKeIYgKf4cRacT118UldxLg/videos> (дата обращения: 12.08.2020).

19. Котёл отопительный на опилках [Электронный ресурс] // Chipmaker.ru : все о работе с металлом. — Режим доступа : <https://www.chipmaker.ru/topic/26715/?page=3> (дата обращения: 12.08.2020).

20. Левиа Перец : YouTube-канал [Электронный ресурс] // YouTube.com. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=Xh4FaxSd7-A> (дата обращения: 20.08.2020).

21. Лихачев Д. С. Четвертое измерение [Электронный ресурс] / Д. С. Лихачев. — Москва : АСТ, 2018. — 736 с. — Режим доступа : <https://rbook.me/book/25013016/read/page/108> (дата обращения: 12.08.2020).

22. Любовь наша, «Колымская правда», тебе посвящается ... [Электронный ресурс] // SakhaNews : информационно-аналитический портал. — Режим доступа : <http://www.lsn.ru/74636.html> (дата обращения: 20.08.2020).

23. Марёво? [Электронный ресурс] // Форум умных людей. — Режим доступа : <https://forumnov.com/index.php?showtopic=235290&st=16260> (дата обращения: 20.08.2020).

24. МАС — Словарь русского языка : в 4-х т. / гл. редактор А. П. Евгеньева. — 3-е изд., стереотип. — Москва : Русский язык, 1985—1988.

25. *Нетесова Э.* Колымский призрак. Пасынки фортуны [Электронный ресурс] // Libking. — Режим доступа : <https://libking.ru/tags/Эльмира+Нетесова> (дата обращения: 20.08.2020).
26. *Николаев И.* Генерал. Документальная повесть [Электронный ресурс] / И. Николаев // Звезда. — 2006. — № 2. — С. 104—147. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/zvezda/2006/2/general.html> (дата обращения: 20.08.2020).
27. НКРЯ — *Колымка* [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка. — Режим доступа : https://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EA%EЕ%EB%FB%EC%EA%E0++ (дата обращения: 12.08.2020).
28. *Отюрмных порядках* (з/к Горелов, Баев, Чирков, Сибиряк) [Электронный ресурс] // Соловки и соловецкие острова. — Режим доступа : http://www.solovki.ca/camp_20/tjurma_NKVD_na_Solovkakh_o_tjuremnyh_porjadkakh.php (дата обращения: 10.08.2020).
29. *Ольшанский А. А.* Ваше препокхание [Электронный ресурс] / А. А. Ольшанский // Сайт-литпортал писателя Александра Андреевича Ольшанского. — Режим доступа : <https://www.aolshanski.ru/korotkie-romany/365-vashe-prepokhabie> (дата обращения: 10.08.2020).
30. *Освещение* на привале [Электронный ресурс] // Питерский охотник. — Режим доступа : <https://piterhunt.ru/scripts/forum/showthread.php?t=39777&page=2> (дата обращения: 20.08.2020).
31. *Печка для гаража* [Электронный ресурс] // Вездеход Странник. — Режим доступа : <http://strannik-v.ru/topic848.html> (дата обращения: 10.08.2020).
32. *Печка* на отработке [Электронный ресурс] // Mastergrad : город мастеров. — Режим доступа : <http://www.mastergrad.com/forums/t153553-pechka-na-otrabotke> (дата обращения: 10.08.2020).
33. *Пономарёв А.* Двадцать пять [Электронный ресурс] / А. Пономарёв // Поэмбук. — Режим доступа : <https://poembook.ru/poem/940050> (дата обращения: 12.08.2020).
34. *Росси Ж.* Справочник по ГУЛагу : исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом / Ж. Росси ; предисловие А. Безансона. — London : Overseas publ. interchange Ltd., 1987. — 546 с. — ISBN 0-903868-97-0.
35. *Русская тихоокеанская эпопея* / составление и введение В. А. Дивина ; Исторические очерки, комментарий и примечания В. А. Дивина и др.. — Хабаровск : Книжное издательство, 1979. — 607 с.
36. *Самодолова С.* «МК» нашел Теркина на том свете [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «МК.ru». — Режим доступа : <https://www.mk.ru/culture/2010/10/31/540778-mk-nashel-terkina-na-tom-svete.html> (дата обращения: 10.08.2020).
37. *Сафиулов З.* Колымка [Электронный ресурс] / З. Сафиулов // Изба-читальня. — Режим доступа : <https://www.chitalnya.ru/work/1560677> (дата обращения: 10.08.2020).
38. *СРНГ* — Словарь русских народных говоров / главный редактор Ф. П. Филин. — Выпуск 14. Кобзарик — Корточки / составители О. Д. Кузнецова, П. И. Павленко, О. Г. Порохова и др. — Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1978. — 376 с.
39. *Толкачев А.* Шолом Шаламов [Электронный ресурс] / А. Толкачев // Ru Lit. — Режим доступа : <https://www.rulit.me/books/rasskazy-read-241737-49.html> (дата обращения: 10.08.2020).
40. *ТСРС* — Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга / В. С. Елистратов. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. — 672 с.
41. *Урванцев Н. Н.* Два года на Северной Земле / Н. Н. Урванцев. — Ленинград : Издательство Главсевморпути, 1935. — 362 с.
42. *Ушаков Г. А.* Остров метелей. По нехоженой земле / Г. А. Ушаков. — Ленинград : Гидрометеиздат, 1990. — 575 с.
43. *Финансовые результаты* [Электронный ресурс] // Freepapers. — Режим доступа : <https://www.freepapers.ru/81/finansovye-rezultaty/125828.809851.list1.html> (дата обращения: 10.08.2020).

44. Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи : в 2 т. / В. В. Химик. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2017. — 528 с.
45. Черский на связи [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://photo.chersky.ru/profile.php?uid=19> (дата обращения: 10.08.2020).
46. Шаламов В. Колымские рассказы / В. Шаламов. — Москва : Эксмо, 2009. — 688 с.
47. Яндекс [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://yandex.ru> (дата обращения: 20.08.2020).
48. Don-horses.ru : база лошадей донской и буденновской пород [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://don-horses.ru/Колымка> (дата обращения: 10.08.2020).
49. Kamerzan. Экспедиция Новосибирск — Магадан. Часть VII. Алдан — Магадан [Электронный ресурс] / Kamerzan // Drive2.ru. — Режим доступа : <https://www.drive2.ru/b/1656949> (дата обращения: 10.08.2020).
50. Kamerzanov. Едем в Магадан [Электронный ресурс] / Kamerzanov // LiveJournal = Живой Журнал. — Режим доступа : <https://kamerzanov.livejournal.com/18766.html> (дата обращения: 20.08.2020).
51. PoshehonStar.ru : Интернет-магазин [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://poshehonstar.ru/blog> (дата обращения: 10.08.2020).
52. Volosan. Последняя осень на Колыме или 1120 км до Магадана [Электронный ресурс] / Volosan // Drom.ru. — Режим доступа : <https://travel.drom.ru/30050> (дата обращения: 10.08.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова Л. В. Общественно-политическая лексика как источник метафоризации вне политического дискурса / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. — 2006. — Выпуск 20. — С. 21—43.
2. Гоголева Е. М. Лексемы «материк» и «Колыма» в общенациональном словаре и в региональной традиции / Е. М. Гоголева // Колымский гуманитарный альманах. — 2007. — Выпуск 2. — С. 199—208.
3. Гоголева Е. М. Аспекты изучения разговорной речи жителей г. Магадана / Е. М. Гоголева // Колымский гуманитарный альманах. — 2008. — Выпуск 3. — С. 236—242.
4. Дозорова Д. В. Тематические сферы употребления универбатов в современной русской речи [Электронный ресурс] / Д. В. Дозорова // Вестник Московского государственного областного университета. — 2015. — № 1. — Режим доступа : <https://vestnik-mgou.ru/Articles/View/618> (дата обращения: 20.08.2020).
5. Жеребило Т. В. Функционирование регионального варианта русского языка в Чеченской Республике / Т. В. Жеребило. — Назрань : Кеп, 2016. — 279 с.
6. Земская Е. А. Русская разговорная речь : лингвистический анализ и проблемы обучения : учебное пособие / Е. А. Земская. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Флинта ; Наука, 2011. — 239 с.
7. Копоть Л. В. Универбация как вид компрессионного словообразования в современном русском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Л. В. Копоть. — Майкоп, 2005. — 22 с.
8. Косова В. А. Функциональная семантика универбов в русских социолектах / В. А. Косова, Сунь Мяо // Филология и культура. — 2015. — № 3 (41). — С. 67—74.
9. Магеримова Ю. Ю. Трансформация деривационной модели с суффиксом -АНТ в современном употреблении / Ю. Ю. Магеримова, А. С. Паршина // Горизонты современной русистики : сборник статей Международной научной конференции, посвященной 90-летию юбилею академика В. Г. Костомарова (30—31 января 2020 г.). — Москва : Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2020. — С. 442—447.

10. Никонов В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. — Москва : Наука, 1974. — 278 с.
11. Осипова Л. И. Аспекты изучения русской разговорной речи / Л. И. Осипова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : Филологическое образование. — 2008. — № 1. — С. 71—74.
12. Семенов А. И. Ложный регионализм / А. И. Семенов // На перекрестке Севера и Востока (методологии и практики регионального развития) : материалы II Международной научно-практической конференции, 30 ноября — 01 декабря 2016 г., г. Магадан. — Красноярск : Научно-инновационный центр, 2017. — С. 220—223.
13. Сиротинина О. Б. Русская разговорная речь : пособие для учителя / О. Б. Сиротинина. — Москва : Просвещение, 1983. — 80 с.
14. Соколянская Н. Н. Проблемы региональной лингвистики (лексикологический аспект) : учебное пособие / Н. Н. Соколянская. — Магадан : СМУ, 2006. — 85 с.
15. Соколянский А. А. Проблемы региональной лингвистики Крайнего Северо-Востока России / А. А. Соколянский // Крайний Северо-Восток в зеркале региональной лингвистики / под редакцией А. А. Соколянского. — Магадан : Новая полиграфия, 2008. — С. 4—42.
16. Сунь М. Лексическая семантика универбов в русских социолектах / М. Сунь // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 10-2 (52). — С. 147—150.
17. Туниманов В. А. Ф. М. Достоевский и русские писатели XX века [Электронный ресурс] / В. А. Туниманов. — Санкт-Петербург : Наука, 2004. — 378 с. — Режим доступа : https://www.booksite.ru/varlam/creature_10.htm. (дата обращения: 20.08.2020).
18. Шепилева О. Е. Крайний Северо-Восток России в аспекте лексикографического описания / О. Е. Шепилева // Научный диалог. — 2018. — № 5. — С. 103—119. — DOI : 10.24224/2227-1295-2018-5-103-119.

GROUP OF HOMONYMS “KOLYMKA” (WORD-FORMATION AND FUNCTIONAL ASPECTS)¹

© **Semenov Aleksey Ivanovich (2020)**, orcid.org/0000-0003-1482-4599, SPIN 8578-9693, PhD in Philology, Associate Professor, Department of the Russian Philology and Journalism, North-Eastern State University (Magadan, Russia), aisemenoff@mail.ru.

The relevance of the study is due to the growing interest in the study of both colloquial speech and regional linguistic phenomena. The author proceeds from the fact that the study of regional speech facts makes it possible to clarify the idea of the functioning of regional systems, taking into account various discursive restrictions. The author dwells on the interpretation of lexical meanings, description of the functioning features and methods of formation of 6 common nouns and 8 proper names, formed from the toponym “Kolyma” and included in the group of homonyms “Kolymka”. It is shown that these homonyms are mainly formed through universalization, while proper names are formed on the basis of real-life phrases that are regularly used to designate objects, and common nouns are created on the basis of free combinations of words. It is concluded that the study of the facts of regional colloquial speech allows us to observe the features of the functioning of regional vocabulary, which have not yet been studied. It will help to more accurately distinguish between local speech phenomena and the properties of the author’s manner of generating speech (for example, in the field of occasional word formation), as well as see reflection in the nominations various features of the perception of the region (in this case, Kolyma).

Key words: regional linguistics; regionalism; jargonism; jargon; argo; Kolyma; Kolyma; universalization.

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project 20-012-00266 “Regional variants of the Russian language in the Far North-East of Russia.”

MATERIAL RESOURCES

- Bagirov, E. (1999). *Gorkiye dni na Kolyme: Vospominaniya politzaklyuchennogo* [Bitter days on Kolyma: Memoirs of a political prisoner]. Baku: R.N. Novruz-94. 303 p. Available at: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=6417> (accessed 10.08.2020). (In Russ.).
- BAS — *Bolshoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Big academic dictionary of the Russian language], 8 *Kayuta* — *Kyuriny*. (2004, 2007.). Moskva: Nauka; Sankt-Peterburg: Nauka. 839 p. (In Russ.).
- Bogoraz, V. G. (1901). *Oblastnoy slovar' kolymского russkogo narechiya* [Regional dictionary of Kolyma Russian dialect]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 346 p. (In Russ.).
- Braslavets, K. M., Shatunova, L. V. (1977). *Slovar' russkogo kamchatskogo narechiya* [Dictionary of the Russian Kamchatka dialect]. Khabarovsk: Khabar. GPI. 194 p. (In Russ.).
- BSRZh — *Bolshoy slovar' russkogo zhargona: 25 000 slov, 7 000 ustoychivyykh sochetaniy* [A Large dictionary of Russian jargon: 25,000 words, 7,000 stable combinations]. (2001). Sankt-Peterburg: Norint. 720 p. (In Russ.).
- Bykov, V. (1994). *Russkaya fenya* [Russian Fenya]. Smolensk: Trast-Imakom. 222 p. (In Russ.).
- Cherskiy na svyazi* [Chersky in touch]. Available at: <http://photo.chersky.ru/profile.php?uid=19>. (data obrashcheniya 10.08.2020). (In Russ.).
- Don-horses.ru: baza loshadey donskey i budennovskoy porod* [Don-horses.ru: database of horses of the don and budennovskaya breeds]. Available at: <http://don-horses.ru/Kolymka> (accessed 10.08.2020). (In Russ.).
- Druzhinina, M. F. (2007). *Slovar' russkikh starozhilcheskikh govorov na territorii Yakutii. K—P: ucheb. posobiye* [Dictionary of Russian old-fashioned dialects on the territory of Yakutia. K—P: study. Stipend]. Yakutsk: Izdatelstvo Yakutskogo universiteta. 245 p. (In Russ.).
- Gde možno nayti salat indigirka [Where can I find Indigirka salad]. In: *Kulinarnyy klub: forum na Ykt.Ru* [Culinary club: forum on Ykt.Ru]. Available at: <http://forum.ykt.ru/viewtopic.jsp?id=1092793> (accessed 10.08.2020). (In Russ.).
- Glushchenko, A. Za chto zhe Terkina Vasiliya? Ved' on ni v chem ne vinovat! Iz tsikla «Perelitsovannaya istoriya» [What is Vasily Terkin for? It wasn't his fault! From the cycle "history Turned"]. In: *Lib.ru: Zhurnal «Samizdat»* [Lib.ru: the Magazine "Samizdat"]. Available at: http://samlib.ru/g/glushenko_a_g/terkin_na_tom_svete.shtml#link_1 (accessed 10.08.2020). (In Russ.).
- Elistratov, V. S. (2000). *Slovar' russkogo argo: Materialy 1980—1990-kh gg.: Okolo 9000 slov, 3000 idiomaticheskikh vyrazheniy* [Dictionary of Russian argot: materials of the 1980s-1990s: about 9000 words, 3000 idiomatic expressions]. Moskva: Russkiye slovari. 694 p. (In Russ.).
- Finansovyye rezultaty [Financial results]. In: *Freepapers* [Freepapers]. Available at: <https://www.freepapers.ru/81/finansovye-rezultaty/125828.809851.list1.html> (accessed 10.08.2020). (In Russ.).
- Kak sdelat' benzinovuyu lampu? [How to make a gasoline lamp?]. In: *Guns.ru: oruzheynnyy portal* [Guns.ru: weapon portal]. Available at: <https://forum.guns.ru/forummessage/21/563179.html>; <https://forum.guns.ru/forummessage/21/563179-2.html> (accessed 20.08.2020). (In Russ.).
- Kamerzan. Ekspeditsiya Novosibirsk — Magadan. Chast' VII. Aldan — Magadan [Novosibirsk — Magadan Expedition. part VII. Aldan — Magadan]. In: *Drive2.ru* [Drive2.ru]. Available at: <https://www.drive2.ru/b/1656949> (accessed 10.08.2020). (In Russ.).

- Kamerzanov. Edem v Magadan [Going to Magadan]. In: *LiveJournal* = *Zhivoy Zhurnal* [LiveJournal = LiveJournal]. Available at: <https://kamerzanov.livejournal.com/18766.html> (accessed 20.08.2020). (In Russ.).
- Khimik, V. V. (2017). *Tolkovyy slovar' russkoy razgovorno-obikhodnoy rechi* [Explanatory dictionary of Russian colloquial and everyday speech], 2. Sankt-Peterburg: Zlatoust. 528 p. (In Russ.).
- «Kolymskaya zvezdochka» nashla svoikh laureatov ["Kolyma asterisk" has found its laureates]. In: *Rambler / Novosti* [The Rambler/News]. Available at: <https://news.rambler.ru/community/36474642-kolymskaya-zvezdochka-nashla-svoikh-laureatov> (accessed 20.08.2020). (In Russ.).
- Kolymskaya pravda* [Kolymskaya Pravda]. Available at: <http://www.kp.chersky.ru> (accessed 20.08.2020). (In Russ.).
- Kolymskiy shatun na pensii: YouTube-kanal [Kolyma shatun retired: YouTube channel]. In: *YouTube.com* [YouTube.com]. Available at: <https://www.youtube.com/channel/UCKeI-YgKF4cRacT118UldxLg/videos> (accessed 12.08.2020). (In Russ.).
- Kotel otopitelnyy na opilkakh [Heating boiler on sawdust]. In: *Shipmaker.ru: vse o rabote s metal-lom* [Chipmaker.ru: all about working with metal]. Available at: <https://www.chip-maker.ru/topic/26715/?page=3> (accessed 12.08.2020). (In Russ.).
- Levsha Perets: YouTube-kanal [Lefty Pepper: YouTube channel]. In: *YouTube.com* [YouTube.com]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Xh4FaxSd7-A> (accessed 20.08.2020). (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (2018). *Chetvertoye izmereniye* [The Fourth dimension]. Moskva: AST. 736 p. Available at: <https://rbook.me/book/25013016/read/page/108> (accessed 12.08.2020). (In Russ.).
- Lyubov' nasha, «Kolymskaya pravda», tebe posvyashchaetsya ... [Our love, "Kolyma truth", is dedicated to you ...]. In: *SakhaNews: informatsionno-analiticheskii portal* [SakhaNews: information and analytical portal]. Available at: <http://www.isn.ru/74636.html> (accessed 20.08.2020). (In Russ.).
- Marevo? [[Haze?]. *Forum umnykh hudey* [Forum of smart people]. Available at: <https://forumnov.com/index.php?showtopic=235290&st=16260> (accessed 20.08.2020). (In Russ.).
- MAS — *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language], 4. (1985—1988). Moskva: Russkii yazyk. (In Russ.).
- Netesova, E. Kolymskiy prizrak. Pasyunki fortuny [Kolyma Ghost. Stepsons of fortune]. In: *Libking* [Libking]. Available at: <https://libking.ru/tags/El'mira+Netesova> (accessed 20.08.2020). (In Russ.).
- Nikolaev, I. (2006). General. Dokumentalnaya povest' [General. Documentary story]. *Zvezda* [Zvezda], 2: 104—147. Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2006/2/general.html> (accessed 20.08.2020). (In Russ.).
- NKRYa — Kolymka [Kolyma]. In: *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: https://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EA%EE%EB%FB%EC%EA%E0++ (accessed 12.08.2020). (In Russ.).
- O tyuremnykh porjadkakh (z/k Gorelov, Baev, Chirkov, Sibiryak) [About prison orders (z/k Gorelov, Baev, Chirkov, Sibiryak)]. In: *Solovki i solovetskie ostrova* [Solovki and Solovetsky Islands]. Available at: http://www.solovki.ca/camp_20/tjurma_NKVD_na_Solovkah_o_tyuremnykh_porjadkakh.php (accessed 10.08.2020). (In Russ.).
- Olshanskiy, A. A. Vashe prepokhabie [Your prephabie]. In: *Sayt-litportal pisatelya Aleksandra Andreevicha Olshanskogo* [Website-literary portal of the writer Alexander Andreevich Olshanskiy]. Available at: <https://www.aolshanski.ru/korotkie-romany/365-vashe-prepokhabie> (accessed 10.08.2020). (In Russ.).

- Osveshcheniye na privale [Lighting at the halt]. In: *Piterskiy okhotnik* [St. Petersburg hunter]. Available at: <https://piterhunt.ru/scripts/forum/showthread.php?t=39777&page=2> (accessed 20.08.2020). (In Russ.).
- Pechka dlya garazha [Stove for garage]. In: *Vezdekhod Strannik* [All-Terrain Vehicle Wanderer]. Available at: <http://strannik-v.ru/topic848.html> (accessed 10.08.2020). (In Russ.).
- Pechka na otrabotke [Stove on community service]. In: *Mastergrad: gorod masterov* [Mastergrad: the city of masters]. Available at: <http://www.mastergrad.com/forums/t153553-pechka-na-otrabotke> (accessed 10.08.2020). (In Russ.).
- Ponomarev, A. Dvadsat' pyat' [Twenty-five]. In: *Poembuk* [Poembook]. Available at: <https://poembook.ru/poem/940050> (accessed 12.08.2020). (In Russ.).
- PoshehonStar.ru: Internet-magazin* [PoshehonStar.ru: online store]. Available at: <http://poshehonstar.ru/blog> (accessed 10.08.2020). (In Russ.).
- Rossi, Zh. (1987). *Spravochnik po GULagu: istoricheskiy slovar' sovetskikh penitentsiarnykh institutsiy i terminov, svyazannykh s prinuditelnyim trudom* [Handbook of the Gulag: historical dictionary of Soviet penitentiary institutions and terms related to forced labor]. London: Overseas publ. interchange Ltd. 546 p. (In Russ.).
- Russkaya tikhookeanskaya epopeya* [Russian Pacific epic]. (1979). Khabarovsk: Knizhnoye izdatelstvo. 607 p. (In Russ.).
- Samodelova, S. «MK» nashel Terkina na tom svete ["MK" found Terkin in the other world]. *Elektronnoye periodicheskoye izdaniye «MK.ru»* [Electronic periodical "MK.ru"]. Available at: <https://www.mk.ru/culture/2010/10/31/540778-mk-nashel-terkina-na-tom-svete.html> (accessed 10.08.2020). (In Russ.).
- Safiullof, Z. Kolymka [Kolyma]. In: *Izba-chitalnya* [Izba-reading room]. Available at: <https://www.chitalnya.ru/work/1560677> (accessed 10.08.2020). (In Russ.).
- Shalamov, V. (2009). *Kolymskie rasskazy* [Kolyma stories]. Moskva: Eksmo. 688 p. (In Russ.).
- SRNG — *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. (1978). Leningrad: Nauka: Leningradskoye otdeleniye. 376 p. (In Russ.).
- Tolkachev, A. Sholom Shalamov [Sholom Shalamov]. In: *Ru Lit* [Ru Lit]. Available at: <https://www.rulit.me/books/rasskazy-read-241737-49.html> (accessed 10.08.2020). (In Russ.).
- TSRS — Elistratov, V. S. (2005). *Tolkovyy slovar' russkogo slenga* [Explanatory dictionary of Russian slang]. Moskva: AST-PRESS KNIGA. 672 p. (In Russ.).
- Urvantsev, N. N. (1935). *Dva goda na Severnoy Zemle* [Two years on the Northern earth]. Leningrad: Izdatelstvo Glavsevmorputi. 362 p. (In Russ.).
- Ushakov, G. A. (1990). *Ostrov meteley. Po nekhozhenoy zemle* [Island of snowstorms. On untrodden land]. Leningrad: Gidrometeoizdat. 575 p. (In Russ.).
- Varskiy, A. (2006). Kolymskiy Feniks [Kolymsky Phoenix]. *Den' i noch'* [Day and night], 11—12. Available at: <https://magazines.gorky.media/din/2006/11/kolymskij-feniks.html> (accessed 12.08.2020). (In Russ.).
- Volosan. Poslednyaya osen' na Kolyme ili 1120 km do Magadana [Volosan. Last autumn on Kolyma or 1120 km to Magadan]. In: *Drom.ru* [Drom.ru]. Available at: <https://travel.drom.ru/30050> (accessed 10.08.2020). (In Russ.).
- Vsevozmozhnyye predmety i veshchi so slovom «solovetskiy» [All sorts of objects and things with the word "Solovetsky"]. In: *Solovki i solovetskie ostrova* [Solovki and Solovetsky Islands]. Available at: <http://www.solovki.ca/vsiako-razno/things.php> (accessed 12.08.2020). (In Russ.).
- Vybor klichki dlya loshadi [Choosing a nickname for a horse]. In: *Nalugah* [Nalugah]. Available at: <http://nalugah.ru/zhivotnovodstvo/loshadi/kak-nazvat-loshad-spisok-imyon-i-klichek-loshadej.html> (accessed 20.08.2020). (In Russ.).
- Yandex* [Yandex]. Available at: <https://yandex.ru> (accessed 20.08.2020). (In Russ.).

Zotov, G. V. (2010). *Slovar' regionalnoy leksiki Kraynego Severo-Vostoka Rossii* [Dictionary of regional vocabulary of the extreme North-East of Russia]. Magadan: SVGU. 539 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Balashova, L. V. (2006). Obshchestvenno-politicheskaya leksika kak istochnik metaforizatsii vne politicheskogo diskursa [Socio-political vocabulary as a source of metaphorization outside of political discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 20: 21—43. (In Russ.).
- Dozorova, D. V. (2015). Tematicheskiye sfery upotrebleniya univerbatov v sovremennoy russkoy rechi [Thematic spheres of use of universal phrases in modern Russian speech]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow state regional University], 1. Available at: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/618> (accessed 20.08.2020). (In Russ.).
- Gogoleva, E. M. (2007). Leksemy «materik» i «Kolyma» v obshchenatsionalnom slovare i v regionalnoy traditsii [Lexemes “mainland” and “Kolyma” in the national dictionary and in the regional tradition]. *Kolymskiy gumanitarnyy almanakh* [Kolyma humanitarian almanac], 2: 199—208. (In Russ.).
- Gogoleva, E. M. (2008). Aspekty izucheniya razgovornoy rechi zhitel'ey g. Magadana [Aspects of studying the spoken language of residents of Magadan]. *Kolymskiy gumanitarnyy almanakh* [Kolyma humanitarian almanac], 3: 236—242. (In Russ.).
- Kopot', L. V. (2005). *Univerbatsiya kak vid kompressionnogo slovoobrazovaniya v sovremennom russkom yazyke*. Author's abstract of PhD Diss. [Universbation as a type of compression word formation in modern Russian. Author's abstract of PhD Diss.]. Maykop. 22 p. (In Russ.).
- Kosova, V. A., Myao Sun'. (2015). Funktsionalnaya semantika univerbov v russkikh sotsiolektakh [Functional semantics of the unibits in Russian sociolects]. *Filologiya i kultura* [Philology and culture], 3 (41): 67—74. (In Russ.).
- Mageramova, Yu. Yu., Parshina, A. S. (2020). Transformatsiya derivatsionnoy modeli s suffiksom -ANT v sovremennom upotreblenii [The Transformation model derivation with the suffix -ANT in modern usage]. In: *Gorizonty sovremennoy rusistiki: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letnemu yubileyu akademika V. G. Kostomarov (30—31 yanvarya 2020 g.)* [Horizons of modern Russian studies: collected articles of International scientific conference dedicated to the 90th anniversary of academician V. G. Kostomarov (30—31 January 2020)]. Moskva: Gosudarstvennyy institut russkogo yazyka imeni A. S. Pushkina. 442—447. (In Russ.).
- Nikonov, V. A. (1974). *Imya i obshchestvo* [Name and society]. Moskva: Nauka. 278 p. (In Russ.).
- Osipova, L. I. (2008). Aspekty izucheniya russkoy razgovornoy rechi [Aspects of studying Russian spoken language]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskoye obrazovaniye* [Bulletin of the Moscow city pedagogical University. Series: Philological education], 1: 71—74. (In Russ.).
- Semenov, A. I. (2017). Lozhnyy regionalizm [False regionalism]. In: *Na perekrestke Severa i Vostoka (metodologii i praktiki regionalnogo razvitiya): materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 30 noyabrya — 01 dekabrya 2016 g., g. Magadan* [At the crossroads of the North and East (regional development methodologies and practices): proceedings of the II International scientific and practical conference, November 30 — December 01, 2016, Magadan]. Krasnoyarsk: Nauchno-innovatsionnyy tsentr. 220—223. (In Russ.).
- Shepileva, O. E. (2018). Krayniy Severo-Vostok Rossii v aspekte leksikograficheskogo opisaniya [Far North-East of Russia in Lexicographic Description]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 5: 103—119. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-5-103-119. (In Russ.).

- Sirotnina, O. B. (1983). *Russkaya razgovornaya rech: posobiye dlya uchitelya* [Russian spoken language: a guide for teachers]. Moskva: Prosveshchenie. 80 p. (In Russ.).
- Sokolyanskiy, A. A. (2008). Problemy regionalnoy lingvistiki Kraynego Severo-Vostoka Rossii [Problems of regional linguistics of The extreme North-East of Russia]. In: *Krayniy Severo-Vostok v zerkale regionalnoy lingvistiki* [Extreme North-East in the mirror of regional linguistics]. Magadan: Novaya poligrafiya. 4—42. (In Russ.).
- Sokolyanskaya, N. N. (2006). *Problemy regionalnoy lingvistiki (leksikologicheskiy aspekt): uchebnoye posobiye* [Problems of regional linguistics (lexicological aspect): textbook]. Magadan: SMU. 85 p. (In Russ.).
- Sun', M. (2015). Leksicheskaya semantika univerbov v russkikh sotsiolektakh [Lexical semantics of the unibs in Russian sociolects]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 10—2 (52): 147—150. (In Russ.).
- Tunimanov, V. A. (2004). *F. M. Dostoyevskiy i russkiye pisateli XX veka* [F. M. Dostoevsky and Russian writers of the XX century]. Sankt-Peterburg: Nauka. 378 p. Available at: https://www.booksite.ru/varlam/creature_10.htm (accessed 20.08.2020). (In Russ.).
- Zemskaya, E. A. (2011). *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya: uchebnoye posobiye* [Russian colloquial speech: linguistic analysis and learning problems: textbook]. Moskva: Flinta; Nauka. 239 p. (In Russ.).
- Zherebilo, T. V. (2016). *Funktsionirovaniye regionalnogo varianta russkogo yazyka v Chechenskoj Respublike* [Functioning of the regional version of the Russian language in the Chechen Republic]. Nazran': Kep. 279 p. (In Russ.).

Федоровская В. О. Вербализация информирующей коммуникативной стратегии в консультативной беседе с онкологическими пациентами / В. О. Федоровская, Т. А. Осипенко // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 194—211. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-194-211.

Fedorovskaya, V. O., Osipenko, T. A. (2020). Verbalization of an Informing Communication Strategy in Consulting Cancer Patients. *Nauchnyi dialog*, 10: 194-211. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-194-211. (In Russ.).

УДК 811.112.2'42::614.254.3

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-194-211

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ИНФОРМИРУЮЩЕЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В КОНСУЛЬТАТИВНОЙ БЕСЕДЕ С ОНКОЛОГИЧЕСКИМИ ПАЦИЕНТАМИ

© **Федоровская Виктория Олеговна (2020)**, orcid.org/0000-0002-3255-1750, ResearcherID Q-3054-2018, SPIN 2924-6356, кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет) (Москва, Россия), fedorovskaya_v_o@staff.sechenov.ru.

© **Осипенко Татьяна Александровна (2020)**, orcid.org/0000-0003-0619-534X, SPIN 4115-7553, ассистент Института лингвистики и межкультурной коммуникации, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет) (Москва, Россия), osipenko_t_a@staff.sechenov.ru.

Статья посвящена проблематике коммуникативного взаимодействия в диаде «врач — пациент». Актуальность исследования обусловлена необходимостью возвращения в медицинскую практику гуманистического начала и повышения эффективности коммуникации медицинского персонала с пациентами как на родном, так и на иностранном языке. Цель исследования — выявление средств вербализации информирующей коммуникативной стратегии, к которой врач прибегает в ходе консультативной беседы с онкологическими пациентами. Эмпирическим материалом послужили аутентичные консультативные беседы на немецком языке, зафиксированные в транскрипционной системе GAT-2. Доказано, что в исследуемом материале информирующая коммуникативная стратегия является доминирующей. Определены шесть основных тактик информирующей стратегии: тактика объяснения, тактика планирования, тактика рекомендации терапии, тактика актуализации истории болезни, тактика сообщения диагноза, тактика проверки контакта. Особое внимание уделяется отличительным чертам структуры рассматриваемых диалогов и их влиянию на последовательность воспроизведения выделенных тактик. Систематизированы частотные языковые средства реализации тактик, а также эксплицитные и имплицитные цели их использования. Делается вывод о том, что применение коммуникативных тактик соответствует специфике пациент-центрированного подхода.

Ключевые слова: коммуникация; врач и пациент; Medical Humanities; консультативная беседа; анализ устной речи; информирующая коммуникативная стратегия; коммуникативные тактики.

1. Вводные замечания

Консультативная беседа с онкологическими пациентами представляет собой особый вид врачебного приема, в рамках которого речь часто идет не просто о здоровье человека, но и об организации всей его дальнейшей жизни с учетом посто-

янного медицинского контроля и психоэмоционального напряжения. Председатель Ассоциации онкопсихологов России А. В. Гнездилов отмечает, «что среди населения бытует мнение о фатальности «рака» и сам диагноз является нередко в ореоле «приговора» смерти без оговоренного срока. В результате у больных возникает целая серия психогенных реакций, в которых надежда и отчаяние сменяют друг друга, порождая то депрессию, то апатию, то тревогу, то эйфорию в зависимости от особенностей личности пациента, силы и тональности переживаний» [Гнездилов, 2001, с. 6]. В связи с ростом числа онкологических заболеваний вопрос о выстраивании эффективной коммуникации врачебного персонала с онкологическими больными обретает все большую актуальность.

Оптимизация коммуникации в диаде «врач — пациент» является междисциплинарной задачей, в решение которой могут внести вклад не только специалисты в области здравоохранения, но и представители гуманитарных дисциплин — психологии, социологии, лингвистики, межкультурной коммуникации. Подобное взаимодействие может способствовать возвращению в медицинскую практику, ориентированную прежде всего на высокотехнологичные процессы, гуманистического начала [Марковина, 2018]. Проблематика синергетического эффекта взаимодействия сферы медицины и областей гуманитарного знания активно разрабатывается в рамках междисциплинарного направления *Medical Humanities* [Wald, 2019].

Глобализация рынка труда в области здравоохранения предъявляет к медицинскому персоналу новые требования в части коммуникативных компетенций. Ожидается, что современные специалисты должны обладать навыками профессионального взаимодействия не только на родном, но и на иностранном языке. Развитие соответствующих компетенций осуществляется в рамках программ высшего профессионального образования. Результаты междисциплинарных исследований коммуникации в диаде «врач — пациент» на материале разных языков могут быть успешно интегрированы в учебный процесс.

Лингвистические методы исследования позволяют, в частности, выявить используемые врачами и пациентами коммуникативные стратегии, сделать вывод о степени их приемлемости и сформулировать рекомендации по оптимизации коммуникативного взаимодействия в диаде «врач — пациент». Перспективным представляется изучение коммуникативного взаимодействия медицинского персонала и пациентов с применением анализа аутентичной устной речи — консультативных бесед, проводимых в реальной клинической практике. Первые шаги в исследовании так наз. *talking cure* («разговорной терапии», «лечения разговором») [Günthner, 2017] в зарубежной лингвистике были сделаны в 1960-е годы XX века благодаря развитию аудио- и видеозаписывающей техники. На сегодняшний день сформирован необходимый методологический инструментарий, который может быть применен для анализа коммуникации и в области онкологии.

В отечественной науке активно разрабатывается вопрос о коммуникативных стратегиях и тактиках, реализуемых в рамках институционального дискурса медицины. Стратегическое планирование речевого поведения врача при объявлении диагноза является одной из первоочередных задач, так как программирует пациен-

та на дальнейшее сотрудничество, снижает риск эмоционального расстройства, настраивает на открытые и доверительные взаимоотношения, помогает отслеживать динамику адаптации к заболеванию и в конечном счете имеет положительное влияние на выздоровление пациента. Значительный вклад в изучение коммуникативных стратегий врача был сделан российскими лингвистами. Так, М. И. Барсуковой [Барсукова, 2007] были разработаны и обоснованы тактики диагностирующей, лечущей и рекомендующей стратегий. Э. В. Акаева [Акаева, 2007] и В. В. Жура [Жура, 2008] представили более широкий спектр стратегий и тактик, затрагивающих разные стороны диалога: его семантическую (когнитивная стратегия у Э. В. Акаевой и информативные стратегии у В. В. Журы), структурную (в терминологии Э. В. Акаевой — стратегия организации диалога, В. В. Журы — диалоговые стратегии), эмоциональную (прагматические и риторические стратегии) составляющие. Упомянутые коммуникативные стратегии можно назвать универсальными, характерными для «стандартного» амбулаторного приема, под которым мы понимаем врачебный прием, посвященный, главным образом, восстановлению здоровья пациента. В то же время более пристального изучения заслуживают консультативные беседы, затрагивающие вопрос жизни и смерти пациента. Подобная специфика консультаций обуславливает не только их структурные, но и содержательные особенности. В настоящем исследовании изучение данного типа консультативных бесед осуществляется на материале аутентичных бесед с онкологическими больными.

В зависимости от условий и участников коммуникации термин *коммуникативная стратегия* может приобретать специфические черты. В данной работе это понятие основывается на специфике пациент-центрированного подхода, отличительными чертами которого являются вовлечение пациента в процесс планирования (*planning process*) и совместное принятие решения (*shared decision-making*) по поводу лечения [Dorđević, 2012; Elwy, 2012]. Таким образом, коммуникативная стратегия определяется нами как заранее продуманная линия коммуникативного поведения врача, имеющая целью сообщение диагноза, обсуждение вариантов терапии и принятие совместного решения по поводу методов лечения при поддержке стабильного психоэмоционального состояния пациента. Коммуникативная тактика является при этом речевым действием, направленным на решение определенной задачи в рамках одной стратегии.

Цель настоящего исследования — выявление и описание коммуникативных тактик врача, с помощью которых в ходе консультативной беседы с онкологическими пациентами реализуется информирующая стратегия. Материалом исследования являются консультативные беседы на немецком языке. Выбор в пользу немецкоязычного корпуса обусловлен интенсивностью научных и профессиональных контактов между Россией и немецкоговорящими странами и необходимостью формирования навыков профессионального общения на немецком языке.

2. Материал и методы

Эмпирическим материалом для настоящего исследования послужили 20 транскриптов аутентичных повторов консультативных бесед с онкологическими па-

циентами общим объемом 10 433 транскрипционных строки (далее *транскр. стрк.*), зафиксированных в системе GAT-2 (Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem 2) по правилам базовой транскрипции [Selting, 2009, S. 17—23]. Запись консультативных бесед осуществлялась в четырех отделениях Городской больницы Карлсруэ (Германия) в период с октября 2014 года по март 2015 года в рамках исследовательского проекта «Von der Pathologie zum Patienten: Optimierung von Wissenstransfer und Verstehenssicherung in der medizinischen Kommunikation» («От патологии к пациенту: оптимизация передачи знаний и обеспечение понимания в области онкологии для повышения безопасности пациента») [Von der Pathologie ..., 2016]. Транскрипты предоставлены авторам статьи в рамках проекта «Germanistische Institutspartnerschaft» — сотрудничества в области германистики между Институтом лингвистики и межкультурной коммуникации Сеченовского университета и Институтом германистики Гамбургского университета.

Методы исследования включают количественный и коммуникативно-прагматический анализ реплик врача с элементами систематизации, обобщения, описания и интерпретации. В ходе работы 1) было произведено количественное исчисление транскр. стрк., приходящихся на реплики врача; 2) из выявленных реплик врача были отобраны транскр. стрк., содержащие информировующий компонент, то есть фрагменты фраз, предоставляющие информацию о диагнозе, методах и времени лечения; 3) реплики с информировующим компонентом были разбиты на группы согласно сферам информирования пациента, на основе которых были сформулированы названия тактик; 4) в рамках каждой группы были выявлены характерные слова и выражения, способствующие реализации той или иной тактики; 5) для выявления целей использования тактик отобранный материал подвергся интерпретативной и прагматической оценке с учетом критического рассмотрения возможностей и ограничений локального и институционального контекста, ср.: [Нефёдов, 2020]. Результаты статистических данных представлены в таблицах (табл. 1, табл. 2), а также на диаграммах (рис. 1, рис. 2, рис. 3).

3. Особенности структуры консультативной беседы с онкологическими пациентами

Последовательность и количество речевых действий врача во время «стандартного» приема и консультации с онкопациентами несколько различаются. Как правило, «стандартная» схема речевого поведения врача выглядит следующим образом: 1) приветствие, 2) описание симптомов и развернутый комментарий (объяснение), 3) постановка диагноза, 4) озвучивание плана терапии, 5) подведение итогов и прощание [Spranz-Fogasy, 2005, S. 21]. В анализируемых диалогах можно наблюдать тенденцию к детализации и расширению «обычной» схемы. Это происходит за счет внедрения врачом элементов объяснения практически после каждого тезиса: 1) приветствие, 2) реконструкция истории болезни, 3) сообщение диагноза, 4) *объяснение диагноза*, 5) обсуждение методов лечения, 6) *объяснение методов лечения*, 7) презентация этапов терапии, 8) *объяснение этапов терапии*, 9) обсуждение временных рамок лечения, 10) *объяснение временных рамок лече-*

ния, 11) подведение итогов и прощание. Объяснение является связующим звеном между разными смысловыми этапами консультации и условно маркирует возможность перехода к следующему шагу.

Последовательность воспроизведения речевых действий в консультативной беседе с онкопациентами довольно неустойчива и отличается вариативностью. Подвижность структуры данного вида консультативных бесед обуславливает хронологию реализации речевых тактик. В анализируемых диалогах врач прежде всего подводит итоги обследования: демонстрирует и комментирует рентгеновские снимки и кардиограммы, показывает результаты УЗИ и КТ легких или мягких тканей (тактика актуализации истории болезни). Затем врач сообщает диагноз (тактика сообщения диагноза) и сразу акцентирует внимание пациента на положительных аспектах заболевания (тактика объяснения), например, выявлении опухоли на ранней стадии, медленном делении раковых клеток, отсутствии необходимости химиотерапии. Только после этого врач переходит к обсуждению методов лечения и временных рамок проведения терапевтических мероприятий (тактика рекомендации терапии и тактика планирования) и обязательно комментирует свои рекомендации (тактика объяснения). Указанная последовательность реализации тактик не является единственной и зависит в большинстве случаев от реакции пациента.

4. Тактики информирующей стратегии

На долю высказываний врача приходится 6871 транск. стрк., или 66 % всего диалога (табл. 1, рис. 1), из которых 64 % имеют информирующий характер (табл. 2, рис. 2). Из этих данных можно сделать вывод, что большая часть реплик врача направлена на информирование пациента, следовательно, основная задача врача-онколога во время повторной консультативной беседы — дать полную, достоверную, понятную пациенту информацию о заболевании и методах его лечения. Из этого также следует, что информирующая стратегия является ведущей стратегией при работе с онкопациентами.

Информирование в рассматриваемых диалогах имеет два вектора. С одной стороны, врачу необходимо проинформировать себя в полной мере о симптомах заболевания и о вовлеченности пациента в беседу, то есть врач должен быть уверен, во-первых, что не упустил ни одной детали, связанной с диагностикой заболевания, во-вторых, что пациент правильно понимает сообщаемую им информацию и не имеет дополнительных вопросов. Подобное «самоинформирование» врача происходит посредством тактики проверки контакта (3 %), при воспроизведении которой врач использует различные типы вопросов всевозможной тематики, позволяющие получить недостающие сведения. С другой стороны, врач обязан проинформировать пациента о характере его заболевания, предполагаемых методах лечения и настроить на длительную терапию и систематические обследования профилактического характера. Для информирования пациента врач прибегает к тактике объяснения (59 %), тактике планирования (17 %), тактике рекомендации терапии (10 %), тактике актуализации истории болезни (7 %) и тактике сообщения диагноза (4 %) (табл. 2, рис. 3).

Таблица 1

Количество транскрипционных строк,
приходящихся на долю одного коммуниканта

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	Итого
I	686	442	352	786	622	345	684	721	211	258	562	383	917	504	412	521	687	365	367	608	10433
II	403	354	203	501	362	252	378	499	167	163	360	234	708	296	242	343	527	237	244	398	6871
III	215	223	95	288	243	210	212	367	140	124	212	144	506	183	143	181	352	133	184	247	4402
IV	188	17	88	249	205	85	306	142	44	27	196	55	209	115	153	151	111	128	66	143	2678
V	95	71	61	36	55	8	0	80	0	68	6	94	0	93	17	27	49	0	57	67	884

№ — Порядковый номер диалога

I — Общее кол-во транскр. строк

II — Кол-во транскр. строк, приходящихся на реплики *врача*

III — Кол-во транскр. строк, приходящихся на информирование пациента (от общего кол-ва транскр. строк, приходящихся на реплики *врача*)

IV — Кол-во транскр. строк, приходящихся на реплики *пациента*

V — Кол-во транскр. строк, приходящихся на реплики *третьих лиц* (лица, сопровождающие пациента; в анализируемых диалогах это супруги или дети пациентов)

Рис. 1. Соотношение транскрипционных строк, приходящихся на долю врача, пациента и третьих лиц (в транскр. стрк. и %)

Рис. 2. Доля информирования в репликах врача (в транскр. стрк. и %)

Таблица 2

Частотность употребления коммуникативных тактик информирующей стратегии (в транскрипционных строках)

Номер диалога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Тактика объяснения	124	122	37	171	136	107	102	177	67	31	108	105	413	122	64	118	212	64	74	219
Тактика планирования	47	12	48	31	26	11	22	94	28	34	65	13	41	36	39	48	82	29	11	7
Тактика рекомендации терапии	25	12	4	50	56	39	28	44	0	15	21	8	35	8	24	7	42	4	24	13
Тактика актуализации истории болезни	13	64	0	26	7	12	15	8	24	32	11	13	1	14	5	0	7	16	50	4
Тактика сообщения диагноза	6	6	2	5	11	37	21	14	8	6	2	2	7	2	4	1	2	15	15	2
Тактика проверки кон- такта	0	7	4	5	7	4	18	30	13	6	5	3	9	1	7	7	7	5	10	2
Общее кол-во транскр. строк, приходящееся на информирующую страте- гию	215	223	95	288	243	210	212	367	140	124	212	144	506	183	143	181	352	133	184	247

Частотность употребления коммуникативных тактик информирующей стратегии (в процентах)

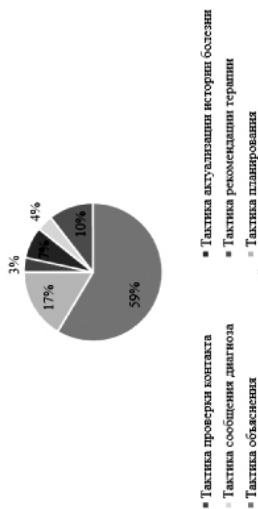

Рис. 3. Частотность употребления коммуникативных тактик информирующей стратегии (в процентах)

По результатам исследования составлена таблица 3, в которой систематизированы тактики информирующей стратегии, языковые средства их реализации и цели использования (табл. 3).

Таблица 3

Тактики информирующей стратегии

Тактика	Частотные языковые средства реализации тактики	Эксплицитная цель использования	Имплицитная цель использования
тактика объяснения	<i>weil, da, denn, das heißt, ich erkläre jetzt (sofort), wenn ... dann, структура X aber Y и частная разновидность zwar/schon ... aber</i>	— объяснение медицинской терминологии, классификации раковых опухолей, вариантов использования и комбинаций методов лечения и т.д.	— демонстрация «хороших» аспектов в «плохом» диагнозе; — настрой на выздоровление; — оказание поддержки
тактика планирования	условные придаточные (<i>Wenn Sie möchten / wollen..., Wenn es Ihnen zeitlich passt..., Wenn es Ihnen bequem ist..., Wenn Sie sich noch überlegen wollen...</i>)	— обозначение временных рамок терапии; — назначение времени и места операции или др. процедур	установление доверительных отношений
тактика рекомендации терапии	перечисление (<i>erstens, zweitens etc., zuerst... dann</i>), конструкции в форме конъюнктива II (<i>ich würde empfehlen/vorschlagen</i>)	предоставление информации о возможных вариантах терапии	убеждение пациента в правильности предлагаемого врачом хода терапии
тактика актуализации истории болезни	<i>da, damals, schon besprochen, heute, jetzt, vorläufig vs. aktuell</i>	презентация (новых или уже имеющихся) результатов обследования	— подготовка пациента к восприятию диагноза; — эмоциональная корректировка
тактика сообщения диагноза	— использование медицинской терминологии с основными элементами <i>-krebs</i> и <i>-karzinom</i> ; — использование адаптированной лексики (<i>bösartig, Tumor, Zellen</i>)	сообщение достоверной информации о состоянии здоровья	обеспечение эмоционального равновесия пациента
тактика проверки контакта	вопросы открытого типа (<i>Haben Sie (noch) Fragen? Gibt es (noch) Fragen? Fällt Ihnen noch was ein? etc.</i>) и закрытого типа (<i>Ok? Oke? Ke? Okay?</i>)	— получение недостающей информации; — проверка контакта и понимания	— проявление внимания к пациенту; — выстраивание доверительных отношений

4.1 Тактика объяснения

Тактика объяснения в анализируемых диалогах имеет два основных направления. 1) **Объяснение диагноза.** Дается определение некоторой терминологии, оценивается степень вредоносности опухоли в зависимости от ее размера, расположения и активности раковых клеток, наличия или отсутствия метастазов. 2) **Объяснение методов и последовательности терапии.** С одной стороны, объяснение включает общую информацию о формах терапии, эффективности, переносимости и возможных побочных эффектах. С другой стороны, врач описывает и обосновывает причину, по которой рекомендуемая методика лечения является предпочтительной в данном случае.

Одной из первоочередных задач врача во время объяснения диагноза является убеждение пациента в том, «что могло бы быть хуже» [Maynard, 2003, p. 177; Günthner, 2017, S. 25; Coussios, 2019, S. 47]. Сделать акцент на «хороших» факторах в «плохом» диагнозе помогают сложноподчиненные предложения с противительными союзами, по большей части имеющие вид «*X, aber Y*» — ‘X, но Y’ [Günthner, 2015; Imo, 2017, S. 21]. Первая часть данной конструкции сигнализирует о поступлении негативной информации. Вторая часть содержит обнадеживающие данные, позволяющие вернуть пациенту эмоциональное равновесие и подарить надежду на возможность нормального существования: *Das ist ein bösartiger Tumor vom Brustdrüsengewebe ausgehend, aber er hat eigentlich nur gute Eigenschaften* — ‘Это злокачественная опухоль, развившаяся из ткани молочной железы, но на самом деле она обладает только хорошими характеристиками’. Воплощение тактики объяснения также становится возможным благодаря использованию придаточных причины с *weil* — ‘потому что’ и *da* — ‘так как, поскольку’, условных придаточных с *wenn ... dann* — ‘если ..., то’, а также союза *denn* — ‘так как’ и конструкций *das heißt* — ‘это значит’, *ich erkläre das sofort* — ‘я сейчас это объясню’.

Отличительной чертой тактики объяснения является наличие модальных слов и выражений с семантикой сомнения и неуверенности (*wahrscheinlich* — ‘вероятно’, *vielleicht* — ‘возможно’, *ich kann nicht genau sagen* — ‘я не могу точно сказать’, *ich weiß nicht genau* — ‘я не знаю точно’, *das ist (immer) unterschiedlich* — ‘(всегда по-разному)’), которые встретились в 16 диалогах от 1 до 10 раз. Они не только создают пространство для «вежливой некатегоричной аргументации», позволяющей обозначать позицию автора (в рассматриваемых диалогах — позицию врача) при наличии «сдержанного несогласия, дополнительных рестрикций и оговорок условий, обстоятельств, критериев и характеристик» [Нефёдов, 2017, с. 602], но и не допускают зарождение у пациента ложных иллюзий по поводу лечения и выздоровления.

Из анализа диалогов можно сделать вывод, что основными задачами тактики объяснения являются: уточнение медицинской терминологии, определение стадии заболевания и оценка возможности выздоровления. Кроме этого, тактика объяснения имеет имплицитные задачи, к которым относится прежде всего психоэмоциональная поддержка пациента (табл. 3).

4.2 Тактика планирования

Под тактикой планирования понимается предоставление пациенту информации о времени и месте проведения операции, какой-либо процедуры или следующей консультации, а также об общих сроках предполагаемой терапии. При использовании тактики планирования в рассматриваемых диалогах консультаций специалисты стремятся к совместному принятию решения (*shared decision making*), которое заключается в предоставлении пациенту возможности выбора и готовности врача корректировать расписание согласно его запросам [Elwy, 2012]. Передача инициативы происходит посредством введения условных придаточных: *Wenn Sie möchten* — ‘Если вы хотите’, *Wenn es Ihnen zeitlich passt* — ‘Если вам подходит по времени’, *Wenn Sie noch überlegen wollen* — ‘Если вам еще нужно подумать’ и т. д.

Тактика планирования предназначена для эксплицитного обозначения временных рамок лечения с указанием на точное время и место проведения терапевтических процедур. Согласование с пациентом этих данных по принципу совместного принятия решения способствует установлению доверительных отношений между врачом и пациентом (табл. 3).

4.3 Тактика рекомендации терапии

В большинстве анализируемых диалогов (12 случаев) врачи сообщают план лечения довольно четко и безапелляционно: *Wir operieren Sie, wir bestrahlen Sie, Sie kriegen für fünf Jahre ‘ne Antihormontablette* — ‘Мы вас прооперируем, проведем лучевую терапию, в течение пяти лет вы будете принимать антигормональные препараты в таблетированной форме’. Для более четкой презентации и отграничения одного действия от другого могут использоваться наречия в значении порядковых числительных *erstens* — ‘во-первых’, *zweitens* — ‘во-вторых’ и т. д.

Тактика рекомендации терапии может носить более сдержанный характер, который обеспечивается благодаря использованию глаголов *empfehlen* — ‘рекомендовать’, *vorschlagen* — ‘предлагать’ и конъюнктива II: *Chemotherapie würde ich Ihnen nicht empfehlen* — ‘Я бы не рекомендовал вам делать химиотерапию’; *Was wir jetzt empfehlen, ist eine Behandlung der Erkrankung mit Medikamenten* — ‘На настоящий момент мы рекомендуем лечить заболевание медикаментами’, *Man wird Ihnen vorschlagen, diesen Tumor rauszuoperieren* — ‘Вам предложат вырезать эту опухоль’, *Sie bräuchten jetzt die Operation* — ‘Сейчас вам вообще-то нужна операция’. Подобные «смягчительные меры» принимаются, если врачу необходимо ясно продемонстрировать свою позицию, не оказывая при этом давления на пациента, особенно если он замечает, что пациент по какой-то причине сомневается в принятии решения.

Таким образом, основной задачей применения тактики рекомендации терапии является предоставление пациенту информации о возможных методах лечения и обоснование одного, наиболее предпочтительного метода (табл. 3).

4.4 Тактика актуализации истории болезни

Тактика актуализации истории болезни, с одной стороны, нацелена на представление пациенту полученных результатов обследования, с другой стороны, дает возможность врачу повторить высказанные на предыдущих консультациях опасения относительно наличия раковых клеток. С. Гюнтнер отмечает, что именно

этап актуализации истории болезни, который она называет «этапом прожектора» [Günthner, 2008], помогает подготовить пациента к восприятию «плохого» диагноза [Günthner, 2017, s. 9].

В следующем примере (диалог 1) врач применяет тактику актуализации истории болезни непосредственно перед сообщением патологического диагноза (стрк. 03—12). Сначала он сообщает о готовности снимков, результатах гистологического обследования и бронхоскопии (стрк. 4, 6, 7, 10). После уточняющего вопроса пациента (стрк. 9) врач называет временные рамки, в течение которых были проведены исследования (стрк. 10—12), и только вслед за этой подготовительной фазой сообщает диагноз (стрк. 13—16).

Диалог 1

003 AM: (--) ALso,
004 wir HABen jetzt alle befunde zusammen.
005 PM: ALles.
006 AM: (.) befunde sowohl BILder,
007 als AUCH (.) den (-) feingeweblichen befund.
008 (--)
009 PM: vo:n (.) GESCHtern?
010 AM: (--) von GESTern von der bronchoskopie;
011 (--) ja?=als wir uns Oben gerade gesprochen haben,
012 da hatten wir ihn VORläufig,
013 und jetzt ham wa sogar den (.) ENDgültigen befund,
014 und es sind TUmorzellen drin,
015 also es sind (.) BÖSartige zellen,
016 in dieser gewebs_oder in DEM gewebsprobe die wir
entnommen haben,

При воспроизведении тактики врач пользуется как внутренними, так и внешними отсылками. Под внутренней отсылкой понимается апелляция к ситуации, которая обсуждалась в рамках действующего диалога. Если вопрос был затронут на предыдущих консультациях, то речь идет о внешних отсылках. Вербальными индикаторами интертекстуального взаимодействия являются наречия времени *damals* — ‘тогда’, *heute* — ‘сегодня’, *jetzt* — ‘сейчас’, *schon* — ‘уже’, которые реализуются в предложениях типа *Das hatten wir mit Ihnen (damals) schon besprochen* — ‘Мы это (тогда) уже с вами обсуждали’, *wie wir vermutet haben* — ‘как мы и предполагали’.

В исследуемых диалогах данная тактика не всегда активно используется, имеет ярко выраженный характер и является эффективной. Последнее возможно только в том случае, если врач не просто упоминает о готовности результатов обследования (как в диалоге 1), но комментирует их и использует свой комментарий в качестве предваряющей фазы к объявлению диагноза, выполняя функцию «прожектора».

Основной целью тактики актуализации истории болезни является презентация, комментирование и оценка результатов обследований. Если врач корректно

использует данную тактику, то она способствует психоэмоциональной подготовке пациента к восприятию «плохого» диагноза (табл. 3).

4.5 Тактика сообщения диагноза

Объявление диагноза является одним из самых напряженных моментов онкологической консультации, в рамках которого врач должен не только подчеркнуть серьезность заболевания, но и зародить надежду на выздоровление [Maynard, 2003, p. 7].

В рассматриваемых диалогах фразы, содержащие информацию о наличии патологии, могут отличаться по лексического составу. В десяти диалогах врач использует медицинскую терминологию, слова «рак» или «карцинома»: *In dem Fall nennt sich das Plattenepithelkarzinom* — ‘В данном случае это называется плоско-клеточная карцинома’, *Es ist ein sogenanntes Thymom* — ‘Это так называемая тимома’, *Das ist ein Brustkrebs* — ‘Это рак груди’, *Wir wissen jetzt, dass es Lungenkrebs ist* — ‘Мы теперь знаем, что это рак легких’, *Das ist einfach ein Mammakarzinom* — ‘Это просто карцинома молочной железы’. В остальных десяти случаях врач ограничивается словами «злокачественный», «опухоль» и «клетки»: *Das sind Zellen von einem Tumor* — ‘Это клетки опухоли’, *Das ist ein (bösaertiger) Tumor* — ‘Это (злокачественная) опухоль’, *In beiden Proben waren bösaartige Zellen drin gewesen* — ‘В обеих пробах обнаружены злокачественные клетки’.

Из рассмотренных диалогов сложно судить, какой из двух способов представления диагноза является более эффективным. С одной стороны, при использовании медицинской терминологии врач предоставляет пациенту точные и достоверные данные, с другой стороны, «щадящий» способ подачи информации может помочь сохранить эмоциональное равновесие пациента (табл. 3).

4.6 Тактика проверки контакта

Тактика проверки контакта позволяет врачу «отслеживать» понимание и вовлеченность пациента в диалог. В рассматриваемых диалогах она имеет три формы проявления. Первая форма, самая лаконичная и в то же время самая употребительная, выражена разговорной частицей *Okay* и используется для получения короткого ответного сигнала понимания или согласия со стороны пациента. Вторая форма реализации тактики представляет собой вопросы открытого типа *Haben Sie (noch) Fragen?* — ‘Есть ли у вас (еще) вопросы?’, *Fällt Ihnen noch was ein, was Sie wissen wollen?* — ‘Приходит ли в голову еще что-нибудь, о чем вы хотели бы узнать?’, предоставляющие пациенту возможность вступить в диалог и задать вопросы. Третья форма воспроизведения тактики, обладающая самым эффективным активизирующим действием, подразумевает вопросы, связанные с личной жизнью пациента, которые могут касаться увлечений (*Spielen Sie Klavier?* — ‘Вы играете на пианино?’), семьи (*Haben Sie Kinder?* — ‘У вас есть дети?’), планов на будущее (*Haben Sie schon Ihren Urlaub geplant?* — ‘Вы уже запланировали отпуск?’) и т. д.

Основные цели тактики проверки контакта заключаются в получении от пациента недостающей информации, в проверке понимания пациентом предоставляемой информации, результатом является отсутствие вопросов у пациента, согласие пациента с обсуждаемыми методами лечения. С помощью данной тактики врач демонстрирует пациенту свое внимание, что помогает выстраивать доверительные отношения (табл. 3).

5. Заключение

Проведенное исследование позволило сделать ряд наблюдений относительно практики ведения повторных консультативных бесед с онкологическими пациентами в условиях немецкой клиники. Консультативные беседы с пациентами, страдающими онкологическими заболеваниями, представляют собой особый вид коммуникативного взаимодействия в диаде «врач — пациент», сложность которого обусловлена необходимостью обсуждения вопросов, связанных с жизнью и смертью больного. Донесение до пациента максимально понятной и доступной информации о заболевании и оптимальном методе терапии становится для врача в этих условиях основной задачей. Как следствие, доминирующей коммуникативной стратегией онколога выступает информирующая стратегия, на которую в анализируемом корпусе приходится 64 % реплик врача.

В исследуемом материале информирующая стратегия реализуется путем использования шести коммуникативных тактик: тактики объяснения, тактики планирования, тактики рекомендации терапии, тактики актуализации истории болезни, тактики сообщения диагноза и тактики проверки контакта. Коммуникативные тактики информирующей стратегии имеют следующую специфику: 1. Последовательность тактик определяется не заранее установленным строгим протоколом, а избирается в процессе диалога в зависимости от восприятия пациентом объяснений врача. 2. О положительном эффекте использования тактики свидетельствует ответная реакция пациента, демонстрирующего понимание, остающегося активным, способным к восприятию информации и настроенным на благоприятный исход. 3. Ответная реакция пациента (короткие вербальные сигналы понимания или отсутствия понимания, всевозможные вопросы, паузы, глубокие вдохи, удлинённые или громкие выдохи и т. д.) побуждает врача при необходимости корректировать последующие речевые действия, в том числе повторно применять конкретную коммуникативную тактику в сочетании с заменой или дополнением информирующих элементов. 4. Одна и та же тактика может использоваться на разных этапах консультативной беседы для достижения разных целей.

Тактики информирующей стратегии имеют эксплицитные цели, заключающиеся в предоставлении полной и адекватной информации о диагнозе, вариантах терапии, ходе и временных рамках лечения, а также имплицитные цели, состоящие в стабилизации психоэмоционального состояния пациента и установлении с ним доверительных отношений.

Представленный в статье анализ является одним из этапов исследования, предполагающего обнаружение в немецкоязычном корпусе других коммуникативных стратегий и тактик врача, а также коммуникативных стратегий и тактик, используемых пациентом. Дальнейшие этапы исследования состоят в изучении русскоязычного корпуса консультативных бесед, формирование которого осуществляется в Сеченовском Университете в рамках проекта «Germanistische Institutspartnerschaft», и сопоставительном анализе выявленных коммуникативных стратегий.

Полученные результаты могут найти применение в учебном процессе медицинских вузов. Успешным следует признать первый опыт интеграции работы с транс-

криптами немецкоязычных консультативных бесед в обучение по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации (немецкий язык)» [Имо, 2020]. Выводы относительно коммуникативных стратегий, реализуемых в диаде «врач — онкопациент», также могут быть использованы при разработке новых учебных модулей, мастер-классов и спецкурсов, преследующих своей целью повышение уровня коммуникативной компетенции врача как на родном, так и на иностранном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаева Э. В. Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Э. В. Акаева. — Омск, 2007. — 149 с.
2. Барсукова М. И. Медицинский дискурс : стратегии и тактики речевого поведения врача : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. И. Барсукова. — Саратов, 2007. — 141 с.
3. Гнездилов А. В. Психические изменения у онкологических больных / А. В. Гнездилов // Практическая онкология. — 2001. — № 1 (5). — С. 5—13.
4. Жура В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении : монография / В. В. Жура. — Волгоград : ВолГМУ, 2008. — 408 с.
5. Марковина И. Ю. Институт лингвистики и межкультурной коммуникации — новый проект Сеченовского университета / И. Ю. Марковина, В. О. Федоровская // Медицинское образование и вузовская наука. — 2018. — № 2 (12). — С. 76—81.
6. Нефёдов С. Т. Контекст в лингвистическом анализе : прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива / С. Т. Нефёдов, В. Е. Чернявская // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2020. — № 63. — С. 83—95. — DOI: 10.17223/19986645/63/5.
7. Нефёдов С. Т. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей) / С. Т. Нефёдов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2017. — № 14 (4). — С. 599—610. — DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.408.
8. Coussios G. Sprechen mit Krebspatienten : Ein gesprächsanalytisch fundiertes Trainingshandbuch für die medizinische Aus- und Weiterbildung / G. Coussios, W. Imo, L. Korte. — Göttingen : Verlag für Gesprächsforschung, 2019. — 296 S.
9. Đorđević V. Person-centered medical interview / V. Đorđević, M. Braš, L. Brajković // Croatian Medical Journal. — 2012. — № 53 (4). — Pp. 310—313. — DOI: 10.3325/cmj.2012.53.310.
10. *Gesprächsanalytisches* Transkriptionssystem 2 (GAT 2) [Electronic resource] / M. Selting, P. Auer, D. Barth-Weingarten et. al. // Gesprächsforschung — Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion. — 2009. — № 10. — S. 353—402. — Access mode : <http://www.gespraechsforschung-ozs.de/heft2009/px-gat2.pdf>. (accessed: 22.09.2020).
11. Günthner S. Projektorkonstruktionen im Gespräch: Pseudoclefts, die Sache ist-Konstruktionen und Extrapositionen mit es [Electronic resource] / S. Günthner // Gesprächsforschung. Online Zeitschrift zur verbalen Interaktion. — 2008. — № 9. — S. 86—114. — Access mode : <http://www.gespraechsforschung-online.de/fileadmin/dateien/heft2008/ga-guentner.pdf>. (accessed: 20.09.2020).
12. Günthner S. Sprachliche Verfahren bei der Übermittlung schlechter Nachrichten — sedimentierte Praktiken im Kontext onkologischer Aufklärungsgespräche [Electronic resource] / S. Günthner // Arbeitspapierreihe Sprache und Interaktion. — 2017. — Access mode : <http://arbeitspapiere.sprache-interaktion.de/arbeitspapiere/arbeitspapier73.pdf>. (accessed: 20.09.2020).
13. Günthner S. Zwar...aber-Konstruktionen im gesprochenen Deutsch : Die dialogische Realisierung komplexer Konnektoren im Gespräch / S. Günthner // Deutsche Sprache. — 2015. — № 43. — S. 193—219.

14. Imo W. Nutzung authentischer Arzt-Patienten-Kommunikation im Kommunikations-training für Medizinstudierende im fachbezogenen DaF-Unterricht / W. Imo, V. Fedorovskaya, M. I. Sekacheva // Fachsprache Journal of Professional and Scientific Communication. — 2020. — № 42.1–2. — S. 46—65. — DOI: 10.24989/fs.v42i1-2.1796.
15. Imo W. Trösten : eine sprachliche Praktik in der Medizin. Arbeitspapier [Electronic resource] / W. Imo // Arbeitspapierreihe Sprache und Interaktion. — 2017. — Access mode : <http://arbeitspapiere.sprache-interaktion.de/arbeitspapiere/arbeitspapier71.pdf>. (accessed: 20.09.2020).
16. Maynard D. W. Bad News, Good News : Conversational Order in Everyday Talk and Clinical Settings / D. W. Maynard. — Chicago : The University of Chicago Press, 2003. — 327 p.
17. Projekt „Von der Pathologie zum Patienten: Optimierung von Wissenstransfer und Verstehenssicherung in der Onkologie zur Verbesserung der Patientensicherheit“. Projektnummer 111172 [Electronic resource] // Arbeitspapierreihe Sprache und Interaktion. — Access mode : <http://krebshilfe.sprache-interaktion.de>. (accessed: 22.09.2020).
18. Shared Decision Making : A Model for Clinical Practice / G. Elwy, D. Frosch, R. Thomson, N. Joseph-Williams, A. Lloyd, P. Kinnersley, E. Cording, D. Tomson, C. Dodd, S. Rollnick, A. Edwards, M. Barry // Journal of General Internal Medicine. — 2012. — № 27 (10). — Pp. 1361—1367. — DOI: 10.1007/s11606-012-2077-6.
19. Spranz-Fogasy Th. Kommunikatives Handeln in ärztlichen Gesprächen — Gesprächseröffnung und Beschwerdenexploration / Th. Spranz-Fogasy // Psychosomatische Gesprächsführung in der Frauenheilkunde. Ein interdisziplinärer Ansatz zur verbalen Intervention. — Stuttgart : Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, 2005. — S. 17—47.
20. Von der Pathologie zum Patienten: Optimierung von Wissenstransfer und Verstehenssicherung in der medizinischen Kommunikation [Electronic resource] / M. Bentz, M. Binnenhei, G. Coussios, J. Gruden, W. Imo, L. Korte, Th. Rüdiger, A. Ruf-Dördelmann, M. R. Schön, S. Stier // Arbeitspapierreihe Sprache und Interaktion. — 2016. — Access mode : <http://krebshilfe.sprache-interaktion.de/wp-content/uploads/2016/08/Bentz-et-al.-2016-Von-der-Pathologie-zum-Patienten.pdf>. (accessed: 23.09.2020).
21. Wald H. S. Medical humanities in medical education / H. S. Wald, J. McFarland, I. Markovina // Medical Teacher. — 2019. — № 41/5. — Pp 492—496. — DOI: 10.1080/0142159X.2018.1497151.

VERBALIZATION OF AN INFORMING COMMUNICATION STRATEGY IN CONSULTING CANCER PATIENTS

© **Victoria O. Fedorovskaya (2020)**, orcid.org/0000-0002-3255-1750, ResearcherID Q-3054-2018, SPIN 2924-6356, PhD in Philology, Associate Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education I. M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Sechenov University) (Moscow, Russia), fedorovskaya_v_o@staff.sechenov.ru.

© **Tatiana A. Osipenko (2020)**, orcid.org/0000-0003-0619-534X, SPIN 4115-7553, Assistant, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education I. M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Sechenov University) (Moscow, Russia), osipenko_t_a@staff.sechenov.ru.

The article is devoted to the problem of communicative interaction in the "doctor — patient" dyad. The relevance of the study is due to the need to return the humanistic principle to medical practice and to increase the efficiency of communication between medical personnel and patients, both in their native language and in a foreign language. The aim of the study is to identify the means

of verbalization of the informing communicative strategy, which the doctor uses during a consultation of cancer patients. The empirical material was authentic consultative conversations in German, recorded in the GAT-2 transcription system. It has been proven that in the material under study, the informative communicative strategy is dominant. Six main tactics of the informing strategy have been identified: the tactics of explanation, the tactics of planning, the tactics of recommending therapy, the tactics of updating the medical history, the tactics of communicating the diagnosis, and the tactics of checking the contact. Special attention is paid to the distinctive features of the structure of the dialogues under consideration and their influence on the sequence of reproduction of the selected tactics. Frequent language means of implementing tactics, as well as the explicit and implicit goals of their use, are systematized. It is concluded that the use of communicative tactics corresponds to the specifics of the patient-centered approach.

Key words: communication; doctor and patient; Medical Humanities; counseling conversation; analysis of oral speech; informative communication strategy; communicative tactics.

REFERENCES

- Akayeva, E. V. (2007). *Kommunikativnyye strategii professionalnogo meditsinskogo diskursa*. PhD. Diss. [Communication strategies of professional medical discourse. PhD. Diss.]. Omsk. 149 p. (In Russ.).
- Barsukova, M. I. (2007). *Meditsinskiy diskurs: strategii i taktiki rechevogo povedeniya vracha*. PhD. Diss. [Medical discourse: strategies and tactics of a doctor's speech behavior. PhD. Diss.]. Saratov. 141 p. (In Russ.).
- Bentz, M. et. al. (2016). Von der Pathologie zum Patienten: Optimierung von Wissenstransfer und Verstehenssicherung in der medizinischen Kommunikation. In: *Arbeitspapierreihe Sprache und Interaktion*. Available at: <http://krebshilfe.sprache-interaktion.de/wp-content/uploads/2016/08/Bentz-et-al.-2016-Von-der-Pathologie-zum-Patienten.pdf>. (accessed: 23.09.2020). (In Germ.).
- Coussios, G., Imo, W., Korte, L. (2019). *Sprechen mit Krebspatienten: Ein gesprächsanalytisch fundiertes Trainingshandbuch für die medizinische Aus- und Weiterbildung*. Göttingen: Verlag für Gesprächsforschung. 296 S. (In Germ.).
- Dordević, V., Braš, M., Brajković, L. (2012). Person-centered medical interview. *Croatian Medical Journal*, 53 (4): 310—313. DOI: 10.3325/cmj.2012.53.310.
- Elwy, G. et. al. (2012). Shared Decision Making: A Model for Clinical Practice. *Journal of General Internal Medicine*, 27 (10): 1361—1367. DOI: 10.1007/s11606-012-2077-6.
- Gnezdilov, A. V. (2001). Psikhicheskiye izmeneniya u onkologicheskikh bolnykh [Mental changes in cancer patients]. *Prakticheskaya onkologiya* [Practical oncology], 1 (5): 5—13. (In Russ.).
- Günthner, S. (2008). Projektorkonstruktionen im Gespräch: Pseudoclefts, die Sache ist-Konstruktionen und Extrapositionen mit es. *Gesprächsforschung. Online Zeitschrift zur verbalen Interaktion*, 9: 86—114. Available at: <http://www.gespraechsforschung-online.de/fileadmin/dateien/heft2008/ga-guenthner.pdf>. (accessed: 20.09.2020). (In Germ.).
- Günthner, S. (2015). Zwar...aber-Konstruktionen im gesprochenen Deutsch: Die dialogische Realisierung komplexer Konnektoren im Gespräch. *Deutsche Sprache*, 43: 193—219. (In Germ.).
- Günthner, S. (2017). Sprachliche Verfahren bei der Übermittlung schlechter Nachrichten —sedimentierte Praktiken im Kontext onkologischer Aufklärungsgespräche. In: *Arbeitspapierreihe Sprache und Interaktion*. Available at: <http://arbeitspapiere.sprache-interaktion.de/arbeitspapiere/arbeitspapier73.pdf>. (accessed: 20.09.2020). (In Germ.).
- Imo, W. (2017). Trösten: eine sprachliche Praktik in der Medizin. Arbeitspapier. In: *Arbeitspapierreihe Sprache und Interaktion*. Available at: <http://arbeitspapiere.sprache-interaktion.de/arbeitspapiere/arbeitspapier71.pdf>. (accessed: 20.09.2020). (In Germ.).
- Imo, W., Fedorovskaya, V., Sekacheva, M. I. (2020). Nutzung authentischer Arzt-Patienten-Kommunikation im Kommunikationstraining für Medizinstudierende im fachbezogenen

- DaF-Unterricht. *Fachsprache Journal of Professional and Scientific Communication*, 42.1–2: 46—65. DOI: 10.24989/fs.v42i1-2.1796. (In Germ.).
- Markovina, I. Yu., Fedorovskaya, V. O. (2018). Institut lingvistiki i mezhkulturnoy kommunikatsii — novyy proekt Sechenovskogo universiteta [Institute of Linguistics and Intercultural Communication]. *Meditsinskoye obrazovaniye i vuzovskaya nauka* [Medical education and university science], 2 (12): 76—81. (In Russ.).
- Maynard, D. W. (2003). *Bad News, Good News: Conversational Order in Everyday Talk and Clinical Settings*. Chicago: The University of Chicago Press. 327 p.
- Nefedov, S. T. (2017). Rectriktivnaya argumentatsiya: modalnyye slova somneniya i obshcheznachimosti (na materiale nemetskoyazychnykh lingvisticheskikh statey) [Recursive argumentation: modal words of doubt and universality (based on the material of German-language linguistic articles)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature], 14 (4): 599—610. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.408. (In Russ.).
- Nefedov, S. T., Chernyavskaya, V. E. (2020). Kontekst v lingvisticheskom analize: pragmaticheskaya i diskursivno-analiticheskaya perspektiva [Context in Linguistic Analysis: A Pragmatic and Discursive Analytical Perspective]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 63: 83—95. DOI: 10.17223/19986645/63/5. (In Russ.).
- Projekt „Von der Pathologie zum Patienten: Optimierung von Wissenstransfer und Verstehenssicherung in der Onkologie zur Verbesserung der Patientensicherheit“. Projektnummer 111172. In: *Arbeitspapierreihe Sprache und Interaktion*. Available at: <http://krebshilfe.sprache-interaktion.de>. (accessed: 22.09.2020). (In Germ.).
- Selting, M. et. al. (2009). Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem 2 (GAT 2). *Gesprächsforschung — Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion*, 10: 353—402. Available at: <http://www.gespraechsforschung-ozs.de/heft2009/px-gat2.pdf>. (accessed: 22.09.2020). (In Germ.).
- Spranz-Fogasy, Th. (2005). Kommunikatives Handeln in ärztlichen Gesprächen — Gesprächseröffnung und Beschwerdenexploration. In: *Psychosomatische Gesprächsführung in der Frauenheilkunde. Ein interdisziplinärer Ansatz zur verbalen Intervention*. Stuttgart: Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft. 17—47. (In Germ.).
- Wald, H. S., McFarland, J., Markovina, I. (2019). Medical humanities in medical education. *Medical Teacher*, 41/5: 492—496. DOI: 10.1080/0142159 X.2018. 1497151.
- Zhura, V. V. (2008). *Diskursivnaya kompetentsiya vracha v ustnom meditsinskom obshchenii: monografiya* [Discursive competence of a doctor in oral medical communication: monograph]. Volgograd: VolGMU. 408 p. (In Russ.).

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА.
ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE**

.....

Анна Анатольевна Рябова, д-р филол. наук (Пенза)
Артем Борисович Борунов, канд. филол. наук (Москва)
Бадма Викторович Меняев, специалист (Элиста)
Босха Халгаевна Борлыкова, канд. филол. наук (Элиста)
Дмитрий Николаевич Жаткин, д-р филол. наук (Пенза)
Изета Владимировна Мамиева, канд. филол. наук (Владикавказ)
Светлана Михайловна Исупова, канд. филол. наук (Киров)
Ханым Рза кызы Султанова, доктор философии по филологии (Баку, Азербайджан)
Юрий Петрович Борисов, канд. филол. наук (Якутск)

Борисов Ю. П. Эпические формулы с матричной конструкцией: от устойчивости в структуре к референтности в сознании (на примере образа богатыря в якутском олонхо) / Ю. П. Борисов // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 213—230. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-213-230.

BorISOV, Yu. P. (2020). Epic Formulas with a Matrix Construction: from Stability in Structure to Reference in Consciousness (Image of a Hero in the Yakut Olonkho). *Nauchnyi dialog*, 10: 213-230. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-213-230. (In Russ.).

УДК 398.22(=512.157)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-213-230

ЭПИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ С МАТРИЧНОЙ КОНСТРУКЦИЕЙ: ОТ УСТОЙЧИВОСТИ В СТРУКТУРЕ К РЕФЕРЕНТНОСТИ В СОЗНАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА БОГАТЫРЯ В ЯКУТСКОМ ОЛОНХО)¹

© Борисов Юрий Петрович (2020), orcid.org/0000-0002-0265-373X, Scopus Author ID 57193747138, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором «Лингвофольклористика» Научно-исследовательского института Олонхо, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» (Якутск, Россия), olonhoman@mail.ru.

Изучаются сложные процессы, задействованные в порождении сказителем образа богатыря и восприятии этого образа эпической аудиторией. Проводится комплексный анализ эпических формул с матричной конструкцией с целью выявления их моделей референции. Новизна работы заключается в том, что в ней впервые затронуты проблемы речемыслительной деятельности человека на материале эпических формул якутского олонхо. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что при раскрытии образа богатыря сказителем в качестве референта используются параллели: свойство материала / свойство образа. Отмечается, что, в свою очередь, реципиенты расшифровывают эти конструкции благодаря фоновому знанию о референте, в частности, о свойстве описываемого материала, которое мысленно соотносится с образом богатыря. По мнению автора, сама структура организации матричных конструкций не позволяет олонхосуту полностью заменить компоненты, образующие референт. Более того, утверждается, что структура анализируемых конструкций игнорирует даже гендерные отличия в описании образа женщин-богатырок. Указывается, что описанные процессы, когда сказитель декларирует те или иные анализируемые эпические формулы, происходят в очень сжатое время.

Ключевые слова: образ богатыря; эпические формулы с матричной конструкцией; референт; сознание; порождение и восприятие; категоризация; оперативная и долговременная память; когнитивно-матричный анализ.

1. Введение

Цель статьи состоит в выявлении референтов эпических формул с матричной конструкцией для раскрытия процесса создания олонхосутом образа эпического богатыря и восприятия этого образа эпической аудиторией.

Актуальность исследования определяется тем, что впервые предпринята попытка описания закодирования и раскодирования эпического содержания, в кото-

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

ром, по мнению Б. Н. Путилова, преломляются существенные стороны народного исторического опыта, народной памяти и народного осознания действительности. Именно поэтому эпические коды играют ключевую роль в понимании эпоса в целом и его отдельных текстов [Путилов, 1983, с. 176].

Известно, что язык эпоса как системное явление отличается от языка повседневного (обыденного). То есть язык эпических произведений приобретает надкоммуникативные свойства, которые исходят из амбивалентности поэтического текста и наличия в нём значимых компонентов, содержащих в себе «эстетическую информацию» [Руделев, 1979, с. 73]. Эти значимые компоненты известны лишь исполнителям олонхо (сказителям-олонхосутам) и их эпической среде (аудитории слушателей).

Исследователи эпоса сходятся во мнении о том, что в процессе эпического сказительства вовлечен не только сам сказитель, но и его аудитория. Слушателям, воспитанным в лучших традициях народнопоэтической художественной культуры, исполняемое фольклорное произведение уже известно, и они следят как за правильностью его воспроизведения в обязательных структурных элементах, так и за импровизацией исполнителя в необязательных элементах. Следовательно, можно утверждать, что восприятие произведений фольклора зависит от уровня и характера поэтической культуры «получателя» [Оссовецкий, 1979, с. 201]. Поэтому непосвященному человеку затруднительно воспринимать эпический язык.

Эпические формулы издавна вызвали интерес исследователей. В настоящее время ими установлено, что данные формулы в основном организуются с помощью ключевых и опорных слов [Артеменко, 1985, с. 4; Гринцер, 1975, с. 172]. Эпические формулы способны изменяться и часто порождают множество иных, совершенно новых формул [Лорд, 1994, с. 14]. При этом относительно эпических формул в тюркских эпосах установлено, что они организуются посредством метрического типа, заключающегося в ритмико-синтаксическом параллелизме [Жирмунский, 1964, с. 21]. Также считается, что изначальной структурной формой древнетюркского народного эпического стиха были «эпические тирады» [Ефремов, 2018, с. 59; Жирмунский, 1968, с. 32].

Кроме стандартных эпических формул, в якутском олонхо содержатся формулы, образованные посредством матричной конструкции. Относительно этих формул в системе якутской сказительской традиции нами было установлено, что в них основной организующей единицей является матрица ритмико-синтаксического параллелизма, в которой ключевые слова и словосочетания составляют основу, и на эту основу называются элементы, подверженные вариации: «Именно благодаря матричной конструкции в якутском олонхо сохраняют свою устойчивость универсальные эпические формулы и типические места, способные переходить из одного текста в другой без особого изменения своей структуры и семантики» [Борисов, 2019, с. 113].

2. Основные термины и методология исследования

В настоящем исследовании для обозначения эпических формул со сложной структурой, которые не укладываются в традиционное описание, мы используем вслед за И. А. Оссовецким термин *матричная конструкция* [Оссовецкий, 1979,

с. 214], который мы понимаем как шаблонные, повторяющиеся в разных текстах без существенных изменений конструкции эпических формул. Эти конструкции образуются на основе главенствующих организационных принципов якутского олонхо: ритмико-синтаксического параллелизма и аллитерации.

Более того, принцип параллелизма в фольклорных произведениях Л. А. Астафьевой оценивается как суперструктура по отношению к художественно-изобразительной системе первого типа: «Двучленные и многочленные эпитетные сочетания, входящие в эту систему, передают зрительный образ либо эмоционально оценивают его. Система второго типа предполагает соположение двух или нескольких образов и выявление на основе их сходства или подобия (а иногда и отрицания) существенного признака образной, психологической либо функциональной характеристики» [Астафьева, 1981, с. 89].

Подобные формулы, организованные посредством ритмико-синтаксического параллелизма, исследователи обозначают различными терминами, отличающимися друг от друга. Например, Е. Б. Артеменко исходя из того, что на основе параллелизма строятся структуры песенных стихов, рассматривает параллелизм как «способ-модель» организации песенных синтаксических единств [Артеменко, 1977, с. 56]. Вслед за ней В. Е. Майногашева пользуется термином *эпические клише*: «Такие клише тяготеют к устойчивым стилистическим формулам и с незначительной вариативностью повторяются в повествовании при раскрытии “общих мест” действия ... Многократная повторяемость устойчивых формул-клише в ходе повествования создает видимость статичности эпического повествования, которое отличается внутренней динамикой развития действий» [Майногашева, 1988, с. 525].

Однако с обозначением эпических формул с матричной конструкцией как *эпических клише* мы не согласны, так как эпические формулы, по справедливому замечанию А. Б. Лорда, — это «не окостеневшие клише», а «живые» формулы, способные порождать множество новых формул [Лорд, 1994, с. 14].

В этом аспекте важны наблюдения Н. Н. Болдырева по поводу толкования матричной конструкции. Он считает, что многоаспектное знание репрезентируется посредством объединения множества различных контекстов его возможного осмысления. Многоаспектность этого знания исходит из его интегративного формата. Исследователь это явление маркирует термином *когнитивная матрица*, которая обозначает систему взаимосвязанных когнитивных контекстов [Болдырев, 2009, с. 47].

Определившись с используемыми основными терминами, обозначим применяемые в настоящем исследовании подходы и методы.

Ввиду того, что в процессе исполнения эпоса сказителем задействована и эпическая аудитория, мы попытаемся проанализировать особенности референции при создании олонхосутом образа эпического богатыря и восприятия этого образа эпической аудиторией. Для решения задачи был применен антропологический подход, который тесно связан с интерпретацией текста в аспекте его порождения и восприятия, воздействия на слушателя в деривационном аспекте. В частности, для анализа были важны наблюдения исследователей психолингвистического и когнитивного направлений в рамках антропологического подхода.

С точки зрения психолингвистики текст рассматривается как двуединый процесс порождения / восприятия, лежащий в основе коммуникативной деятельности: «Порождение и восприятие текста — это две стороны его динамической природы. Исследование текста со стороны говорящего (автора) и слушающего (читателя) является динамическим, поскольку имеет целью раскрыть психологические механизмы текстообразования» [Стекольников, 2014, с. 31].

Однако представители когнитивной лингвистики выделяют третий компонент коммуникации: «Понимание любого языкового выражения не может проходить в две стадии: возникновение (рецепция) знака для слушающего → идентификация референтом полученного знака. Необходим третий компонент, а именно способ соотнесения референтом данного знака со своим референтом. Присутствие этого компонента делает возможным обозначение одного и того же феномена действительности посредством разных языковых выражений. Таким образом, референт можно представить как сущность, лежащую вне пределов языка, в то время как смысл является именно лингвистической сущностью и как бы пролагает путь во внеязыковую реальность, к референту» [Алимурадов, 2006, с. 9]. Также, по мнению О. В. Емельяновой, непосредственное отношение к референции имеют важнейшие когнитивные феномены, детерминирующие языковую форму, к которым исследователь относит структуры представления знаний, естественную категоризацию, долговременную и оперативную память, внимание и активацию [Емельянова, 2004, с. 62].

Здесь важно отметить, что основной теорией в когнитивной лингвистике является теория концептуализации. По определению Н. Н. Болдырева, «к теории концептуализации относятся представления о концепте как оперативной единице теоретического и / или обыденного знания, в которой осмыслен и репрезентирован опыт взаимодействия человека с миром. Другими словами, концепт — это единица осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [Болдырев, 2009, с. 25].

При этом процесс концептуализации тесно связан с процессом категоризации: «Являя собой классификационную деятельность, они различаются вместе с тем по конечному результату и / или цели деятельности. Первый направлен на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, второй — на объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные, в более крупные разряды» [Кубрякова и др., 2014, с. 443].

В данном исследовании были использованы следующие методы: сплошной выборки, описательный; верификации, способствующий обнаружению вариантов эпических формул; компонентного анализа, позволяющий изучить функциональную специфику ключевых слов и их значений в контексте эпической формулы; контекстуального анализа при выявлении семантической нагрузки эпических формул; моделирования, способствующий установлению референта.

Кроме того, изучение многоаспектных знаний матричного формата предполагает использование когнитивно-матричного анализа, который впервые был приме-

нен Н. Н. Болдыревым и представляет собой систему исследовательских приемов. Для достижения цели нашего исследования мы используем некоторые из них, в частности, описание когнитивных механизмов формирования соответствующих языковых значений, а также анализ языковых механизмов и конкретных средств актуализации этих значений на функциональном уровне [Болдырев, 2009, с. 62].

Таким образом, изучение эпических формул с матричной конструкцией в аспекте их референтности и применение новых методов исследования могут дать интересные результаты.

3. Комплексный анализ эпических формул, образованных на основе матричных конструкций

Прежде чем приступим к анализу, отметим, что, если провести опрос среди современного населения республики: «Как же выглядит богатырь олонхо?», вне всякого сомнения, большинство респондентов будут ассоциировать богатыря олонхо с образом былинных богатырей — Ильей Муромцем или Алешей Поповичем. А как же в якутском олонхо сказители представляли богатыря и как их воспринимали слушатели? Именно на эти вопросы мы постараемся дать ответы.

Эпические формулы, описывающие бессмертие богатыря

№	Примеры	Перевод
1.	<i>Өлбөт үйэлээх,</i> <i>Быстыбат тыыннаах, ...</i> [УДБ, с. 43].	С вечной жизнью, С бессмертной душой ¹ ...
2.	<i>Өлбөт үөстээх,</i> <i>Быстыбат тыыннаах,</i> <i>Тохтубат хааннаах, [ААТ, с. 196].</i>	С нелопающейся аортой, С бессмертной душой, С непроливающейся кровью ...
3.	<i>Өспөт тыыннаах,</i> <i>Өлбөт үөстээх</i> [КД, с. 234].	Неугасаемую душу И дух бессмертный имеющий [КД, с. 235]
4.	<i>Өлбөт үөстээх,</i> <i>Быстыбат тыыннаах киһи эбит ...</i> [СЛБД, с. 145].	С нелопающейся аортой, С бессмертной душой он был человек ...
5.	<i>Өлбөт үйэлээх,</i> <i>Быстыбат тыыннаах ...</i> [ХДж, с. 149].	С вечной жизнью, С бессмертной душой ...
6.	<i>Өлбөт өһүктээх,</i> <i>Быстыбат тыыннаах ...</i> [ЮК, с. 69].	С незабвенной судьбой С бессмертной душой ...
Модель матричной конструкции		
Эпическая формула → Референт: → бессмертие богатыря (Жизнь / душа = неподверженность разрушениям)		

Как видно из примеров, формулы, описывающие бессмертность богатыря, в большинстве случаев образуются на основе двучленного ритмико-синтаксиче-

ского параллелизма, где матричная конструкция создается посредством дословного повторения вариативных аналогичных словосочетаний: *өлбөт үйэлээх* ‘с вечной жизнью’ / *өлбөт үөстээх* ‘с нелопающей аортой’ (*үөс* — синонимический вариант *сис үөһэ* ‘главная артерия, аорта’) и устойчивого словосочетания: *быстыбат тыыннаах* ‘с бессмертной душой’.

Следует отметить, что в примере № 3 ключевые словосочетания поменялись местами и, как следствие, нарушена устойчивость второго члена, где вместо ключевой лексики использован ее синонимичный вариант: *өспөт тыыннаах* ‘с неугасающей душой’. В примере № 6 также просматривается аналогичная замена второго компонента первого члена: *өлбөт өһүктээх* ‘с незабвенной судьбой’. А в примере № 2 введен аналогичный с ключевым словосочетанием третий член: *тохтубат хааннаах* ‘с непроливающей кровью’.

Посредством этих эпических формул сказитель, благодаря сочетанию отсылок к нематериальному (неосязаемому: жизнь, душа) и материальному (осязаемому), создает образ бессмертности богатыря олонхо. Здесь референт просматривается на ассоциативном уровне посредством сравнения человеческой жизни с предметным миром, который подвержен различным видам разрушения. Именно неподверженность этим видам разрушения отождествляется с бессмертностью богатыря олонхо.

В этих примерах эпическая формула описания внешнего облика богатыря олонхо образована посредством матричной конструкции, где все элементы ритмико-синтаксического параллелизма подобраны строго по принципу аллитерации и соединены между собой дословным повтором ядерной лексики: *тиит* ‘лиственница’ или ядерного словосочетания *тиит курдук* ‘словно лиственница’, который также способствовал их особой устойчивости. При этом в примере № 1 используется эквивалент ядерного словосочетания: *мас курдук* ‘словно дерево-лиственница’. Когда речь идет о строительном материале, обычно под лексемой *мас* ‘дерево’ в большинстве случаев подразумевается лиственница — самый распространенный строительный материал.

Кроме того в примерах № 2 и 3 в матричных конструкциях содержатся дополнительные члены, в которых употреблены аналогичные словосочетания: *бэрэбинэ тиит* / *бэрэбинэлээбит тиит* ‘лиственничное бревно’, указывающие на дородность богатыря. Здесь следует отметить, что олонхосуты В. М. Новиков и У. Г. Нохсоров оба были яркими представителями амгинской локальной сказительской традиции и потому, возможно, в этих примерах прослеживается внутрилокальная преемственность, нехарактерная для общепеэтической традиции.

Здесь важно вспомнить о традиционном жилье якутов в период активного бытования якутского олонхо. В те стародавние времена якуты жили в постройках юртах-балаганах (четырёхугольные жилища, напоминающие собой строения в виде усечённой пирамиды), которые сооружались из разнокалиберных лиственниц. Для каркаса и сводов использовались толстые бревна, а для стен массивные жерди. С учетом этого можно отметить, что когда в балагане олонхосут изображал персонажа богатыря, сравнивая его части тела с разновидностями обработанной лиственницы, то в сознании слушателей описываемые явления представляли собой промежуточные (фоновые) когнитивные элементы сравнения, из которых и

Эпические формулы, описывающие внешний облик богатыря

№	Примеры	Перевод
1.	Суллаабыт тийт курдук сотолоох, Уолах мас курдук уллуктаах, Хастаабыт мас курдук харылаах, Бысталаабыт тийт курдук былчыннаах ... [СЛБД, с. 32].	Голени словно оголенные листвен- ницы, Ступни словно крепкие лиственницы, Запястья словно вычищенные лиственницы, Мускулы словно обрубленные ли- ственницы ...
2.	Бысталаабыт тийт быччыннаах, Хастаабыт тийт харылаах, Суллаабыт тийт сотолоох, Бэрэбинэ тийт бэйэлээх; [ТДж, с. 43]	Мышцы словно обрубленные ли- ственницы, Запястья словно вычищенные ли- ственницы, Голени словно оголенные листвен- ницы, Сам словно лиственничное бревно ...
3.	Бысталаабыт тийт быччыннаах, Суллаабыт тийт сотолоох, Хастаабыт тийт харылаах, Бэрэбинэлээбит тийт бэдик бэйэлэ- эх ... [ДБ, с. 42].	Мышцы словно обрубленные ли- ственницы, Голени словно оголенные листвен- ницы, Запястья словно вычищенные ли- ственницы, Сам словно бревно из лиственни- цы ...
4.	Хастаабыт тийт курдук Харылаах, Бысталаабыт тийт курдук Быччыннаах, Суллаабыт тийт курдук Сотолоох [КД, с. 190].	Словно лиственницы без коры, [могучие] руки имеющий, Словно лиственничные обрубки, [плотные] мышцы имеющий, Словно ошкуренная лиственница, [стройные] ноги имеющий ... [КД, с. 191].
5.	Бысытынан тийт курдук быччыннардаах, Хастаабытынан тийт курдук ха- рылардаах, Суллаабытынан тийт курдук со- толордоох ... [ДжДж, с. 92].	Мышцы что древа-тиит обрубки, Предплечья что древо-тиит оголен- ные, Голени что древо-тиит ошкуренные ... [ДжДж, с. 93].
6.	Хастаабыт тийт харыланан, Суллаабыт тийт сотолонон ... [НБ, с. 211].	С запястьями словно окоренные ли- ственницы, С голенями словно оголенные ли- ственницы ...
Модель матричной конструкции		
Эпическая формула → Референт: → Внешний облик (разновидности обработанной лиственницы = части тела)		

складывалось (визуализировалось) традиционное представление образа богатыря олонхо. Благодаря подобному описанию богатырь олонхо в сознании эпической аудитории приобретал наглядные характеристики, тесно взаимосвязанные с их повседневной жизнью. Рассмотрим еще один подобный пример.

№	Примеры	Перевод
1.	<i>Үс былас Үөкэйэр өттүктээх, Бизс былас Бизкэйэр биһллээх, Алта былас Дара буурай сарыннаах</i> , [ТДж, с. 44]	В три маховые сажени Высокие бедра имеет, В пять маховых сажений Тонкую талию имеет, В шесть маховых сажений Широкие плечи имеет ...
2.	<i>Үс былас өөкөйөр өттүктээх, Бизс былаас бээкэйэр биһллээх, Алта былас дада буурай сарыннаах ...</i> [ДБ, с. 42]	В три маховые сажени округлые бедра [у него], В пять маховых сажений тонкая талия [у него], В шесть маховых сажений плечи широкие [у него] ...
3.	<i>Бизс былас бизкэйэр биһллээх, Үс былас үөкэйэр өттүктээх ...</i> [НБ, с. 47].	В пять маховых сажений тонкую талию имеет, В три маховые сажени высокие бедра имеет ...
4.	<i>Үс былас дьөрбөгөр өттүктээх, Бизс былас бизкэйэр биһллээх, Сэттэ былас килэйэр иэннээх, Абыс былас дарайар сарыннаах ...</i> [ЮЮ, с. 29].	В три маховые сажени высокие бедра имеет, В пять маховых сажений тонкую талию имеет, В семь маховых сажений блестящую спину имеет, В восемь маховых сажений широкие плечи имеет.
5.	<i>Үс былас өрбөлдүйэр өттүктээх, Сэттэ былас холобурдаах Дьирэ буурай систээх, Абыс былас холобурдаах Дада дуурай сарыннаах эбит</i> [ДжДж, с. 92].	Три сажени маховых в бедрах, Семь сажений маховых В поясице, Восемь сажений маховых В плечах оказался ... [ДжДж, с. 93].
6.	<i>Үс былас үөкэйэр өттүктээх, Бизс былас мээкэйэр биһллээх, Алта былас дарайар сарыннаах, Түүт былас кулугур моойноох ...</i> [СКК, с. 9].	С высокими бедрами в три маховые сажени, С гибкой талией в пять маховых сажений, С широченными плечами в шесть маховых сажений, С прямой шеей — в четыре маховые сажени ... [СКК, с. 287].
Модель матричной конструкции		
Эпическая формула → Референт → Внешний облик (числительные / маховая сажень = части тела)		

В представленных шести примерах матричная конструкция эпической формулы образована на основе двучленных и многочленных ритмико-синтаксических параллелизмов. При этом выделение особых ключевых лексем и словосочетаний не представляется возможным, так как почти вся основа параллелизма составляет матрицу (см. примеры № 1, 2, 3). В этой матричной структуре наблюдается вариация только на уровне звуковой гармонии гласных в эквивалентных лексемах: *үөкэйэр* / *өөкөйөр* ‘высокие’, которая никак не влияет на их содержание.

Однако в других примерах обнаруживается, что из этой строго оформленной матричной структуры вычлениются ядерные синтагмы: *Бизэ былас бизкэйэр би-иллээх* ‘В пять маховых сажень тонкую талию имеет’ (пример № 4); *Дада дуурай сарыннаах* ‘Широкие плечи имеет’ (пример № 5); *Үс былас үөкэйэр өттүктээх* ‘С высокими бедрами в три маховые сажени’ (пример № 6).

Кроме того, содержатся ядерные (ключевые) лексемы — возрастающие числительные в сочетании со старинной мерой длины: *үс былас* ‘три маховые сажени’ / *бизэ былас* ‘пять маховых сажень’ / *алта былас* ‘шесть маховых сажень’, а также лексемы, описывающие части тела человека в созвучии с образными глаголами движения: *өрбөлдүүэр өттүктээх* ‘округлые бедра у него’ / *мээкэйэр биһллээх* ‘гибкая талия у него’ / *дарайар сарыннаах* ‘широкие плечи у него’ и др. При этом в некоторых примерах использованы дополнительные числительные и лексемы, описывающие другие части тела. На наш взгляд, в этих примерах, выходящих за рамки матрицы, наблюдаются аспекты импровизации сказителей, иными словами, их идиостиль. Эпические формулы с подобной матричной конструкцией обнаруживаются почти во всех олонхо, что выводит их на уровень типических мест.

С прагматической точки зрения, использование числительных в сочетании с обозначениями старинной меры длины (маховая сажень) и частей тела (бедра, талия, плечи) в качестве референта призвано создать объемное и динамическое (образные глаголы движения) изображение объекта — образа богатыря в сознании эпической аудитории при помощи знакомой им меры измерения и описания особенностей телодвижения человека. Сознание же слушателей, в свою очередь, представляя описанные объемы в маховых сажнях, непроизвольно сравнивает их с предлагаемыми олонхосутами частями тела и тем самым на основе известных фактов (мера длины и части тела «обычного» человека) выводит описываемые физические отличия богатыря олонхо.

В представленных эпических формулах матричная конструкция образована на двучленных и трехчленных ритмико-синтаксических параллелизмах. В этих параллелизмах ключевыми являются синонимичные словосочетания: *күүстээх санаата* ‘сильные мысли’ / *уордаах санаата* ‘гневные мысли’ / *уордайар хаана* ‘гневная кровь’, которые в других членах матрицы инициируют использование однотипных с ними словосочетаний. Из сказанного становится очевидно, что сказители такие категории, как *санаа* ‘мысль’ и *хаан* ‘кровь’, воспринимают как полные аналоги.

Также для обозначения сложного переходного эмоционального состояния привлечены описания частей тела, которые подобраны по принципу начальной аллитерации и включены в синтагматические сочетания: *кырытынан киирдэ* ‘по

Эпические формулы, описывающие переходное эмоциональное состояние

№	Примеры	Перевод
1.	Кыыһырап хаана <i>Кырытынан киирдэ,</i> Уордайар хаана <i>Ойоболунан киирдэ ...</i> [КД, с. 100]	Сердитая кровь По бокам заходили, Гневная кровь По ребрам залокотала ... [КД, с. 101]
2.	Куустээх санаата <i>Көмөгөйүнэн киирдэ,</i> Бардам санаата <i>Баһынан киирдэ,</i> Уохтаах санаата <i>Уолугунан киирдэ</i> [ЮЮ, с. 102].	Сильные мысли По подбородку заходили, Дерзкие мысли В голове заходили, Вспыльчивые мысли В груди заходили.
3.	Киһиргэс санаата <i>кэтэх өттүттэн</i> <i>киирэн кэлбит,</i> Уордаах санаата <i>ойобос өттүттэн</i> <i>ойон кэлбит,</i> Куустээх санаата <i>көбүс өттүттэн</i> <i>көтөн тиийэн кэлбит</i> [ХДж, с. 30].	Хвастливые мысли его через затылок вошли, Гневные мысли его через бока при- бежали, Сильные мысли его, через спину прилетев, вошли.
Модель матричной конструкции		
Эпическая формула → Референт → переходное состояние (Мысли / кровь = части тела)		

бокам зашел' / *ойоболунан киирдэ* 'по ребрам заходил' / *көмөгөйүнэн киирдэ* 'по подбородку зашел' / *баһынан киирдэ* 'по голове зашел' / *уолугунан киирдэ* 'по груди зашел' / *кэтэх өттүнэн киирэн кэлбит* 'через затылок зашел' / *ойобос өттүнэн ойон кэлбит* 'через бока прибежал' / *көбүс өттүнэн көтөн киирэн кэлбит* 'через спину прилетев, вошел'.

В этих сочетаниях сказители прибегают для описания смены настроения богатыря к активному использованию олицетворения, что, видимо, призвано отделять от личности богатыря его гневные мысли (кровь), которые, по представлению олонхосута, живут собственной жизнью. Это делается потому, что смена настроения является эмоциональным процессом, который ввиду своей сложности требует от олонхосута дополнительного толкования его происхождения. Богатырь становится таким только тогда, когда в него входят гневная кровь и гневные мысли. Поэтому в данных эпических формулах проводятся параллели между гневными мыслями и частями тела, через которые они «входят» в богатыря.

Эти формулы представляют особенный интерес ввиду того, что в них описывается сложное эмоциональное состояние богатыря. Как видно из примеров, матричная конструкция формул строится на двучленных и трехчленных ритмико-синтаксических параллелизмах, где структура матрицы выражена дословным повторением сравнительных синтагм *Киһил мас курдук* 'Словно килевое дерево' / *Хатан мас курдук* 'Словно крепкое дерево' / *Чуор мас курдук* 'Словно ломкое дерево' и словосочетаний, выраженных аналитическими глаголами зрительного образа

Эпические формулы «богатырь в гневе»

№	Примеры	Перевод
1.	Киил мас курдук <i>Кэдэриччи тартарда,</i> Чоруун мас курдук <i>Чоноруччу тартарда ...</i> [КД, с. 100].	Словно крепкое дерево, Станом назад отклонился, Словно крепкое дерево, Станом назад откинулся ... [КД, с. 101].
2.	Чуор мас курдук <i>Чоноччу таттарда,</i> Хатан мас курдук <i>Ханаччы таттарда,</i> Киил мас курдук <i>Кинтэччи таттаран баран ...</i> [ТН, 35].	Словно ломкое дерево, Гордо голову поднял, Словно крепкое дерево, Откинулся назад, Словно килевое дерево, Вытянувшись ...
3.	Киил мас курдук <i>Кэдэрги таттаран барда,</i> Хатыг мас курдук <i>Ханарыччы таттаран барда</i> [ЮЮ, с. 226].	Словно килевое дерево, Начал откидываться назад, Словно береза, Начал поднимать высоко голову ...
4.	Киил мас курдук <i>Кэдэрги тыыттаран киирэн барда,</i> Чуор мас курдук <i>Тоһута барыха үлүгэринэн тутунна,</i> Хатан мас курдук <i>Хайыта барыха үлүгэринэн</i> <i>Хабырынан хабдыгыраата</i> [ДХ, с. 139].	Словно килевое дерево, Начал откидываться назад, Словно ломкое дерево, Двигался, будто ломаться стал, Словно крепкое дерево, Будто вот-вот треснет Стал зубами скрежетать ...
Модель матричной конструкции		
Эпическая формула → Референт → Богатырь в гневе (свойство материала = физическое состояние)		

Кэдэриччи (кэдэрги) тартарда ‘Начал откидываться назад’ / *Чоноруччу (чоноччу) тартарда* ‘Высоко вытянул голову’ / *Кинтэччи таттаран баран* ‘вытянувшись’, подобранных по принципу аллитерации.

В этих примерах можно проследить взаимодействие параллелей между разновидностями древесины и изображениями состояний человека, выраженных аналитическими образными глаголами, которые красочно описывают физическое состояние — напряженность. Это сочетание в сознании слушателей эпоса формируется благодаря их фоновому знанию о разновидностях описываемых пород дерева: килевое дерево обычно бывает со скрученной структурой; крепкое дерево является отличным строительным материалом; ломкое дерево отлично подходит для топки. Каждому из этих свойств дерева соответствует определенное состояние человека. Эти две параллели, взаимодействуя, передают эмоциональное состояние персонажа — гнев богатыря. Рассмотрим еще несколько интересных примеров.

№	Примеры	Перевод
1.	<i>Хатан-хатан сиринэн</i> Хабылыта ыстанарга дылы гынна, <i>Чэгиэн-чэгиэн сиринэн</i> Дэлбэритэ барарга дылы гынна, <i>Чоруун-чоруун сиринэн</i> Тобута ойорго дылы гынна [ТД, с. 75].	В крепких местах своих Будто бы стал разламываться, В здоровых местах своих Будто бы начал взрываться, В не приветливых местах своих Будто бы стал обламываться ...
2.	<i>Чэгиэн этим</i> Дэлбэритэ бараары гынна, <i>Хатан уңуобум</i> Хардарыта бараары гынна, <i>Халын тириш</i> Хайыта ыстанаары гынна, <i>Сыйыыты тимир сындааһыным</i> Быһыта ыстанаары гынна ... [ЮЮ, с. 171].	Тело здоровое моё Будто скоро взорвется, Кости крепкие мои Будто скоро переломаются, Кожа моя толстая Будто скоро треснет, Сухожилия мои крепкие, словно сталь, Будто скоро обрубятся ...
3.	<i>Тингэһэ кунан курдук</i> <i>Тиришэ тиийбэт гына</i> <i>Тэскэччи кыһыһырда,</i> <i>Чэгиэн сирдэринэн</i> <i>Дэриэспэ таас курдук</i> Дэлбэритэ бараары гынна [НБ, с. 83].	Так рассердился, что кожа его, Как будто у бычка-трехлетки, Стала мала для него, В здоровых местах своих, Словно камень-дресва, Будто взрываться начал ...
Модель матричной конструкции		
Эпическая формула → Референт: → Богатырь в гневе (свойства частей тела = свойства материала)		

В этих формулах матричная конструкция образована посредством двучленно-го и многочленного ритмико-синтаксических параллелизмов. В них в параллельных членах содержатся синонимичные ключевые словосочетания, обозначающие свойства частей тела богатыря: *хатан-хатан сиринэн* ‘в крепких местах’ / *хатан уңуобум* ‘кости крепкие мои’; *чэгиэн-чэгиэн сиринэн* ‘в здоровых местах’ / *чэгиэн сирдэринэн* ‘в здоровых местах’ / *чэгиэн этим* ‘тело мое здоровое’, каждому из которых соответствуют синтагмы, описывающие разные виды разрушения материала, подобранные по принципу аллитерации и синонимичные по содержанию: *Хабылыта ыстанарга дылы гынна* ‘Будто бы стал разламываться’ / *Хардарыта бараары гынна* ‘Будто скоро переломаются’; *Дэлбэритэ барарга дылы гынна* ‘Будто бы начал взрываться’; / *Дэлбэритэ бараары гынна* ‘Будто скоро взорвется’.

С прагматической точки зрения можно установить, что референция организуется посредством мысленного проведения параллелей между свойствами тела человека и свойствами физического материала. Аудитории сказителя изначально, по их личному опыту известно, что те или иные материалы разрушаются определенным образом. Например, если погнуть сучья дерева, то они ломаются; если

ударить топором по швырку, то он треснет, а если сильно топнуть по древес (щепню), то она разлетится на мелкие частицы. Именно с этими разрушениями сказители-олонхосуты отождествляют эмоциональное состояние богатыря: гнев, когда он из уравновешенного состояния переходит в состояние агрессии, так называемое «состояние аффекта»; сильную злость, когда тело богатыря настолько напряжено, что вот-вот треснет.

4. Заключение

Таким образом, для раскрытия образа богатыря сказитель употребляет эпические формулы с матричной конструкцией, где актуализированы параллели между свойством того или иного материала и той или иной частью образа богатыря. В свою очередь, эпическая аудитория, слушающая олонхо впервые, в своем сознании при помощи работы оперативной памяти раскодирует эти конструкции благодаря фоновому знанию о референте, в частности, о свойстве описываемого материала, которое мысленно подводится под воображаемый (мысленно зримый) образ богатыря.

При создании эмотивных образов (например, богатыря в гневе) в референте не используется прямое номинативное значение описываемого предмета, а привлекается только его определенное свойство (например, свойство «ломаться»), которое отождествляется с ассоциативными параллелями из набора фоновых значений.

Как показал анализ, сама структура организации матричной конструкции не позволяет олонхосуту полностью заменить компоненты, образующие референт. Более того, сложноорганизованная структура анализируемых конструкций игнорирует даже гендерные отличия в описании образа женщин-богатырок. При этом если олонхосут в своих импровизациях выйдет за рамки традиции и вследствие этого будут отсутствовать компоненты, образующие референт, то он рискует тем, что эпическая аудитория попросту не сможет его понять. Это обстоятельство отчасти может объяснить угасание эпического творчества в современном обществе.

Следует отметить, что описанные процессы, когда сказитель декламирует те или иные эпические формулы, происходят в очень сжатое время, фактически мгновенно — в доли секунд. В течение этого перцептивного момента сознание слушателя автоматически ищет и находит референт из каталогизированного в долговременной памяти опыта предыдущего слушания, сравнивает его с предлагаемым «новым» референтом и в конечном итоге выводит воображаемый образ эпического богатыря. Тем самым, референт отчасти обладает и фоновым знанием, которое способствует расшифровке эпического кода, созданного олонхосутом на основе традиции.

Таким образом, с учетом всего сказанного мы склонны считать, что установленные референты эпических формул с матричной конструкцией являются ключевыми в понимании устойчивости как самих матричных конструкций, так и якутского эпического сказительства в целом. Поэтому полагаем, что дальнейшее изучение процессов создания и восприятия эпического текста является весьма перспективной исследовательской задачей.

Источники и принятые сокращения

1. ААТ — [Алаатыыр Ала Туйгун] — *Алексеев Р. П.* «Алаатыыр Ала Туйгун». Үс үйлээх олонхо. 3-с үйэтэ / Р. П. Алексеев тылыттан А. Р. Алексеева, В. И. Федоров суруйдулар; редкол.: В. Н. Иванов уо.д.а. Т. А. Степанов, В. С. Карамзин уруһуйдара. — Дьокуускай: Бичик, 2002. — 400 с. (Саха боотурдара: 21 томнаах; 1-кы том) (на якутском яз.).
2. ДБ — [Дыырай Бэргэн] — *Нохсорова У. Г.* Дыырай Бэргэн. Якутский героический эпос / [Самозапись сказителя У. Г. Нохсорова; подготовка к печати, вступ. ст. текстолог. коммент. и указатели С. Д. Мухомлева; перевод с латинской графики Л. У. Нохсорова; отв. ред. Н. Н. Ефремов; ред. кол. В. Н. Иванов и др. Серия «Саха боотурдара» Т. 6.] / У. Г. Нохсорова. — Якутск: Бичик, 2009. — 334 с. (на якутском яз.).
3. ДжДж — [Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта] — *Ядрихинский П. П.* — *Бэдьээлэ* «Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта». Якутский героический эпос / Запись со слов олонхосута П. Н. Дмитриева; [перевод с якутского языка: Ю. Борисов и др.; ред. кол.: проф. В. Н. Иванов (ответственный редактор) и др.]. — Якутск: Сайдам, 2011. — 448 с.
4. ДХ — [Даадар Хара] — *Яковлев Н. П.* — *Курууппа ойуун*. Даадар Хара: олонхо / Н. П. Яковлев-Курууппа ойуун; бас ред. проф. В. Н. Иванов. — Дьокуускай: ХИФУ Издательский дьиэтэ, 2013. — 296 с. («Саха олонхото» серия) (на якутском яз.).
5. КД — [Кыыс Дэбилийэ] — *Бурнашев Н. П.* Кыыс Дэбилийэ: Якутский героический эпос. — Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. — 330 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
6. НБ — [Нюрюн Бөгө] — *Абрамов Н. А.* — Кынат «Ньургун Бөгө: олонхо» / [олонхохут Н. А. Абрамов-Кынат тылыттан П. Т. Степанов суруйуута; бэчээккэ бэлэмнэтиллэр: профессор В. В. Илларионов, доцент Т. В. Илларионова; редкол.: А. Н. Жирков (бас ред. уо.д.а.)]. — Дьокуускай: Бичик, 2011. — 512 с. — (Саха боотурдара: 21 т; т. 10) (на якутском яз.).
7. СКК — [Строптивый Кулун Куллуустуур] — *Теплоухов-Тимофеев И. Г.* Куруубай Хааннаах Кулун Куллуустуур (Строптивый Кулун Куллуустуур). Якутское олонхо (текст олонхо на якут. и русск. языках) / И. Г. Теплоухов-Тимофеев. — Москва: Главная редакция восточной литературы, 1985. — 608 с.
8. СЛБД — [Сын Лошади Богатырь Дыырай] — *Бурнашев И. И.* — Тонг Суорун. Сылгы уола Дыырай Бухатыыр = Сын лошади Богатырь Дыырай / [Зап. Г. У. Эргис со слов сказителя И. И. Бурнашева — Тонг Суоруна; перевод: Е. С. Сидоров; подготовка к печати: В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова; отв. ред. А. Н. Жирков]. — Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. — 376 с. (серия «Саха олонхото»).
9. ТДж — [Тойон Джагарыма] — *Новиков В. М.* — *Күннүк Уурастырап*. Тойон Дьаҕарыма: олонхо: улахан саастаах оскуола оҥолоругар / В. М. Новиков-Күннүк Уурастырап. — Дьокуускай: Бичик, 2008. — 384 с. (на якутском яз.).
10. ТН — [Тойон Нюргун] — *Давыдов И. М.* Тойон Ньургун / И. М. Давыдов тылыттан Р. А. Кулаковскай суруйуута; редкол.: В. Н. Иванов уо.д.а. — Дьокуускай: Бичик, 2003. — 240 с. (Саха боотурдара: 21 томнаах; 2-с том). (на якутском яз.).
11. УДБ — [Улуу Даарын Бухатыыр] — *Шараборин М. Т.* Улуу Даарын бухатыыр: олонхо / [М. Т. Шараборин-Кумаарал тылыттан А. Д. Неустроева суруйда; бэчээккэ бэлэмнэтиллэр, киири ыстатыйаны, комментарий суруйдулар: В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова; эпизиттир редактор С. И. Тарасов; Россия наукаларын акад., Сиб. салаатын Гуманитар. чинчийиллэр уонна Хотугу аҕыйах ахсааннаах норуоттар проблемаларын ин-та, Респ. «Олонхо» ассоц.]. — Дьокуускай: Бичик, 2008. — 272 с. — (Саха боотурдара: 21 т; Т. 5) (на якутском яз.).
12. ХДж — [Хаан Джаргыстай] — *Хаан Дьаргыстай*: олонхо / М. К. Аммосов аатынан Хотугулуу-Илиинги федерал. ун-т, Хотугулуу-Илиинги норуоттар тылларын уонна культураларын ин-та, Фольклор уонна култуура каф. — Дьокуускай: Алаас, 2016. — 232 с. (на якутском яз.).

13. ЮК — [Юёлэн Кыырджыт] — *Попов В. Н.* Үөлэн Кыырдыт (Юёлэн Кыырджыт) : олонхо / В. Н. Попов ; [П. Н. Дмитриев-Туутук магнитофон. Суруйтарыта, сурукка түһэриитэ уонна бэчээккэ бэлэмнээһинэ / ответственный редактор А. Г. Нелунов] ; Россия наукаларын Акад. Сибиирдээҕи салаата, Гуманит. чинчийи, аҕыйах ахсааннаах Хотугу норуоттар проблемаларын ин-та. — Дьокуускай : Сайдам, 2009. — 224 с. (на якутском яз.).

14. ЮЮ — [Юрюнг Юёдүйэн] — *Порядин А. С.* Үрүн Үөдүйэн: олонхо / А. С. Порядин ; бас ред. проф. В. Н. Иванов. — Дьокуускай : ХИФУ Издательской дьиэтэ, 2013. — 360 с. («Саха олонхото» серия) (на якутском яз.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алимурадов О. А.* Смысл, референция, пропозиция / О. А. Алимурадов // Язык. Текст. Дискурс. — 2006. — № 4. — С. 5—15.

2. *Артемёнок Е. Б.* Фольклорная формульность и вариативность в аспекте текстообразования / Е. Б. Артемёнок // Язык русского фольклора : межвузовский сборник. — Петрозаводск, 1985. — С. 4—12.

3. *Артемёнок Е. Б.* Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации / Е. Б. Артемёнок. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1977. — 260 с.

4. *Астафьева Л. А.* Параллелизм в лирических песнях / Л. А. Астафьева // Художественные средства народного поэтического творчества : символ, метафора, параллелизм. — Москва : Издательство Московского университета, 1981. — С. 87—101.

5. *Болдырев Н. Н.* Концептуальная основа языка / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Выпуск IV. Концептуализация мира в языке : коллективная монография. — Москва : Институт языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2009. — С. 25—77.

6. *Борисов Ю. П.* Эпические формулы северной, центральной и виллойской региональных традиций якутского олонхо : сравнительный аспект / Ю. П. Борисов // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 120—137. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-12-120-137>.

7. *Гринцер П. А.* Эпические формулы в «Махабхарате» и «Рамаяне» / П. А. Гринцер // Типологические исследования по фольклору : сборник статей памяти В. Я. Проппа. — Москва : Издательство «Художественная литература», 1975. — 320 с.

8. *Емельянова О. В.* Когнитивная лингвистика о проблемах референции / О. В. Емельянова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2004. — № 1—2. — С. 62—71.

9. *Ефремов Н. Н.* Эпические формулы в олонхо северных якутов : структурно-семантический анализ / Н. Н. Ефремов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. — 2018. — № 4 (12). — С. 58—65. — DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.12.22342>.

10. *Жирмунский В. М.* О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха / В. М. Жирмунский // Вопросы языкознания. — 1968. — № 1. — С. 23—42.

11. *Жирмунский В. М.* Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха / В. М. Жирмунский // Вопросы языкознания. — 1964. — № 4. — С. 3—24.

12. *Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов (фрагменты) / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянов, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина // Метод. — 2014. — № 4. — С. 429—450.

13. *Лорд А. Б.* Сказитель / А. Б. Лорд ; перевод с английского и комментарий Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона ; послесловие Б. Н. Путилова ; статьи А. И. Зайцева, Ю. А. Клейнера. — Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. — 368 с.

14. Майногашева В. Е. Хакасский героический эпос «Алтын-Арыг» / В. Е. Майногашева // Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. — С. 490—534.

15. Оссовецкий И. А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора / И. А. Оссовецкий // Очерки по стилистике художественной речи. — Москва : Наука, 1979. — С. 199—252.

16. Путилов Б. Н. Эпический мир и эпический язык / Б. Н. Путилов // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. — Москва : Наука, 1983. — С. 170—184.

17. Руделев В. Г. Принципы сегментации поэтической речи / В. Г. Руделев // Поэтика литературы и фольклора. — Воронеж, 1979. — С. 71—78.

18. Стекольников Н. В. Фольклорный текст как объект лингвистического исследования / Н. В. Стекольников // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2014. — № 3. — С. 31—35.

EPIC FORMULAS WITH A MATRIX CONSTRUCTION: FROM STABILITY IN STRUCTURE TO REFERENCE IN CONSCIOUSNESS (IMAGE OF A HERO IN THE YAKUT OLONKHO)¹

© Yuri P. Borisov (2020), orcid.org/0000-0002-0265-373X, Scopus Author ID 57193747138, PhD in Philology, senior researcher, Head of the Linguofolkloristics Sector of the Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia), olonhoman@mail.ru.

The complex processes involved in the generation of the image of the hero by the narrator and the perception of this image by the epic audience are studied. A comprehensive analysis of epic formulas with a matrix construction is carried out in order to identify their reference models. The novelty of the work lies in the fact that for the first time the problems of human speech-thinking activity on the basis of the epic formulas of the Yakut olonkho are considered. As a result of the research, the author comes to the conclusion that when revealing the image of the hero, the narrator uses the parallels as a referent: property of the material / property of the image. It is noted that, in turn, the recipients decipher these constructions thanks to the background knowledge about the referent, in particular, about the property of the described material, which is mentally brought under the image of a hero. According to the author, the very structure of the organization of matrix structures does not allow the olonkhosut to completely replace the components that form the referent. Moreover, it is stated that the structure of the analyzed constructions ignores even gender differences in describing the image of heroic women. It is pointed out that the described processes, when the narrator recites certain analyzed epic formulas, occur in a very short time.

Key words: the image of a hero; epic formulas with matrix construction; referent; consciousness; generation and perception; categorization; operative and long-term memory; cognitive matrix analysis.

MATERIAL RESOURCES

AAT — [Alaatyır Ala Tuygun] — Alekseyev, R. P. (2002). «*Alaatyır Ala Tuygun*». *Ys yyeleekh olonkho* ["Alatyr Alatyr Alatyr". Three centuries]. Dokuuskay: Bichik. (In Yakut.).

DKh — [Daadar Khara] — Yakovlev, N. P. (2013). *Kuruppa oyuu. Daadar Khara: olonkho* [Krupsky shaman. D. Black: Olonkho]. Dokuuskay: KhIFU Izdatelskay diete. 296 p. («Sakha olonkhoto» seriya) (In Yakut.).

DzhDzh — [Devushka bogatyr' Dzhirybyna Dzhirylyatta] — Yadrinkinskiy P. P. (2011). *Bedelee «Devushka bogatyr' Dzhirybyna Dzhirylyatta»*. *Yakutskiy geroicheskiy epos* ["The girl of the hero Jyr" Yakut heroic epic]. Yakutsk: Saydam. 448 p. (In Russ.).

1 The study was carried out within the framework of the NEFU research project "Heroic epics of the Turkic-Mongolian peoples of Eurasia: problems and prospects of comparative study."

- KD — [Kyys Debiliye] — Burnashev, N. P. (1993). *Kyys Debiliye: Yakutskiy geroicheskiy epos* [Maiden name: Yakut heroic epic]. Novosibirsk: VO «Nauka». Sibirskaya izdatelskaya firma. 330 p. (Pamyatniki folkloro narodov Sibiri i Dalnego Vostoka). (In Russ.).
- KhDzh — [Khaan Dzhargystay] — *Khaan Dargystay: olonkho* [Khan Degisti: olonkho]. (2016). Dokuuskay: Alaas. (In Yakut.).
- NB — [Nyurgun Bege] — Abramov, N. A. (2011). *Kynat «Nurgun Boşo: olonkho»* [Newcastle United: olonkho"]. Dokuuskay: Bichik. 512 p. (In Yakut.).
- SKK — [Stroptivyy Kulun Kullustuur] — Teploukhov-Timofeyev, I. G. (1985). *Kuruubay Khaanaakh Kulun Kullustuur (Stroptivyy Kulun Kullustuur). Yakutskoye olonkho (tekst olonkho na yakut. i russk. yazykakh)* [Rough bloody March (Obstinate March). The Yakut Olonkho (the text of Olonkho the Yakut. and Russian languages)]. Moskva: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 608 p. (In Russ.).
- SLBD — [Syn Loshadi Bogatyr' Dyrray] — Burnashev, I. I. (2013). *Tong Suorun. Sylgy uola Dyrray Bukhatyir = Syn loshadi Bogatyr' Dyrray* [Tong Swarin. Son of horse of the hero hero hero hero of Dyre]. Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU. 376 p. (seriya «Sakha olonkhoto»). (In Russ.).
- TDzh — [Toyon Dzhagaryma] — Novikov, V. M. — Kynnyk Uurastyrap. (2008). *Toyon Daşaryma: olonkho: ulakhan saastaakh oskuola oşolorugar* [Mr. Jigarhanyan: for children of secondary school age]. Dokuuskay: Bichik. 384 p. (In Yakut.).
- TN — [Toyon Nyurgun] — Davydov, I. M. (2003). *Toyon Nurgun* [Seigniorial]. Dokuuskay: Bichik. 240 p. (In Yakut.).
- UDB — [Uluu Daaryn Bukhatyir] — Sharaborin, M. T. (2008). *Uluu Daaryn bukhatyir: olonkho* [Great daulat: Olonkho]. Dokuuskay: Bichik. (In Yakut.).
- YuK — [Yuelen Kyyrdzhyt] — Popov, V. N. (2009). *Yelen Kyyrdyt (Yuelen Kyyrdzhyt): olonkho* [Adrenaline (Yu.): Olonkho]. Dokuuskay: Saydam. (In Yakut.).
- YuYu — [Yuryung Yuedyuyen] — Poryadin, A. S. (2013). *Yryr Yodyyeen: olonkho* [Common Insect: Olonkho]. Dokuuskay: KhIFU Izdatelskay diete. 360 p. («Sakha olonkhoto» seriya) (In Yakut.).

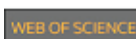
REFERENCES

- Alimuradov, O. A. (2006). Smysl, referentsiya, propozitsiya [Sense, reference, proposition]. In: *Yazyk. Tekst. Diskurs* [Language. Text. Discourse], 4: 5—15.
- Artemenko, E. B. (1977). *Sintaksicheskiy stroy russkoy narodnoy liricheskoy pesni v aspekte ee khudozhestvennoy organizatsii* [Syntactic structure of Russian folk lyric songs in the aspect of its artistic organization]. Voronezh: Izdatelstvo Voronezhskogo universiteta. 260 p.
- Artemenko, E. B. (1985). Folklorная формульность i variativnost' v aspekte tekstoobrazovaniya [Folklore formula and variability in the aspect of text formation]. *Yazyk russkogo folkloro: Mezhvuzovskiy sbornik* [Language of Russian folklore: interuniversity collection]. Petrozavodsk. 4—12.
- Astafeva, L. A. (1981). Parallelizm v liricheskikh pesnyakh [Parallelism in lyrical songs]. *Khudozhestvennyye sredstva narodnogo poeticheskogo tvorchestva: simvol, metafora, parallelizm* [Artistic means of folk poetic creativity: symbol, metaphor, parallelism]. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 87—101.
- Boldyrev, N. N. (2009). Kontseptualnaya osnova yazyka [Conceptual basis of language]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka Series IV. Kontseptualizatsiya mira v yazyke: kollektiv*. [Cognitive research of language, IV. Conceptualization of the world in language: collective]. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN; Tambov: Izdatelskiy dom TGU imeni G. R. Derzhavina. 25—77.

- Borisov, Yu. P. (2019). Epicheskiye formuly severnoy, tsentralnoy i vilyuyskoy regionalnykh traditsiy yakutskogo olonkho: sravnitelnyy aspekt [Epic formulas of the Northern, Central and Vilyuisk regional traditions of the Yakut Olonkho: a comparative aspect]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 12: 120—137. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-12-120-137>. (In Russ.).
- Efremov, N. N. (2018). Epicheskiye formuly v olonkho severnykh yakutov: strukturno-semanticheskiy analiz [Epic formulas in the Olonkho of the Northern Yakuts: structural and semantic analysis]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Seriya Eposovedeniye* [Bulletin of North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov: Series epos studies], 4 (12): 58—65. DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.12.22342>.
- Emelyanova, O. V. (2004). Kognitivnaya lingvistika o problemakh referentsii [Cognitive linguistics on the problems of reference]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika* [Bulletin of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Orientalism. Journalism], 1—2: 62—71.
- Grintser, P. A. (1975). Epicheskiye formuly v «Makhabkharate» i «Ramayane» [Epic formulas in “Mahabharata” and “Ramayana”]. In: *Tipologicheskiye issledovaniya po folklore : sbornik statey pamyati V. Ya. Proppa* [Typological research on folklore. Collection of articles in memory of V. Ya. Propp]. Moskva. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S., Demyanov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzinas, L. G. (2014). Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov (fragmenty) [Short dictionary of cognitive terms (fragments)]. *Metod* [Method], 4: 429—450.
- Lord, A. B. (1994). *Skazitel'* [Storyteller]. Moskva: Izdatelskaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. (In Russ.).
- Maynogasheva, V. E. (1988). Khakasskiy geroicheskiy epos «Altyn-Aryg» [Khakass heroic epic “Altyn-Aryg”]. In: *Altyn-Aryg. Khakasskiy geroicheskiy epos* [Altyn-Aryg. Khakass heroic epic]. Moskva: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 490—534.
- Ossovetskiy, I. A. (1979). Nekotoryye nablyudeniya nad yazykom stikhotvornogo folklore [Some observations on the language of poetic folklore]. In: *Ocherki po stilistike khudozhestvennoy rechi* [Essays on the style of artistic speech]. Moskva: Nauka. 199—252. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1983). Epicheskiy mir i epicheskiy yazyk [Epic world and epic language]. In: *Istoriya, kultura, etnografiya i folklor slavyanskikh narodov. Kiev, sentyabr' 1983 g. Doklady sovetskoy delegatsii* [History, culture, Ethnography and folklore of the Slavic peoples. Kiyev, September 1983 Reports of the Soviet delegation]. Moskva: Nauka. 170—184.
- Rudelev, V. G. (1979). Printsipy segmentatsii poeticheskoy rechi [Principles of segmentation of poetic speech]. In: *Poetika literatury i folklor* [Poetics of literature and folklore]. Voronezh. 71—78.
- Stekolnikova, N. V. (2014). Folklornyy tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya [Folklore text as an object of linguistic research]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [VSU Bulletin. Series: Linguistics and intercultural communication], 3: 31—35.
- Zhirmunskiy, V. M. (1964). Ritmiko-sintaksicheskiy parallelizm kak osnova drevneturksskogo narodnogo epicheskogo stikha [On some problems of the theory of the Turkic folk verse]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 4: 3—24. (In Russ.).
- Zhirmunskiy, V. M. (1968). O nekotorykh problemakh teorii turksskogo narodnogo stikha [Rhythmic-syntactic parallelism as the basis of the ancient Turkic folk epic verse]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 1: 23—42. (In Russ.).

Борлыкова Б. Х. К изучению персонажей сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар» / Б. Х. Борлыкова, Б. В. Меньев // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 231—242. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-231-242.

Borlykova, B. Kh., Menyev, B. V. (2020). Characters of Sart-Kalmyk Version of Epic “Dzhangar”. *Nauchnyi dialog*, 10: 231-242. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-231-242. (In Russ.).

УДК 82-131(=512.3)+398.22(575.2)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-231-242

К ИЗУЧЕНИЮ ПЕРСОНАЖЕЙ САРТ-КАЛМЫЦКОЙ ВЕРСИИ ЭПОСА «ДЖАНГАР»

© **Борлыкова Босха Халгаевна (2020)**, orcid.org/0000-0001-9264-3430, Researcher ID AAL-5065-2020, SPIN 5793-0289, кандидат филологических наук, специалист, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова» (Элиста, Россия), borlboskha@mail.ru.

© **Меньев Бадма Викторович (2020)**, orcid.org/0000-0002-9205-4537, ResearcherID J-7387-2016, SPIN 2152-2967, специалист, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова» (Элиста, Россия), bmenyev@mail.ru.

В настоящей статье впервые на основе известной работы Е. С. Новик (2001) представлен опыт описания внутренних и внешних характеристик персонажей сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар» с точки зрения их индивидуальных, семейных и сословных состояний. Материалом для анализа послужили неопубликованные тексты эпоса «Джангар», записанные в 1929 году А. В. Бурдуковым и в 1972 году А. Ш. Кичиковым в селе Чельпек Ак-Суйского района Пржевальской области Киргизии. Для сравнения были привлечены опубликованные песни калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар», калмыцкие богатырские сказки, а также личные полевые записи авторов. В результате анализа сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар» авторы пришли к выводу, что для внутрисюжетного функционирования персонажей важным оказывается не только то, какую роль они выполняют, но и то, какими внутренними и внешними характеристиками они наделены, поскольку именно они соответствуют тем действиям, в которых настоящие персонажи принимают участие. Характеристика персонажей, обыгрываясь в сюжете эпоса, задает форму коллизий. Выявлено, что победа героев эпоса «Джангар» связана с такими характеристиками персонажа: «сильный / слабый» и «храбрый / трусливый», «целый / расчлененный» и др. Сравнительное рассмотрение персонажей эпоса «Джангар» показало, что эпические герои имеют как сходства, так и локальные индивидуальные различия. Однако основные функции, которые они выполняют в той или иной версии близки, восходят к древней общемонгольской эпической традиции.

Ключевые слова: сарт-калмыки Киргизии; версии эпоса «Джангар»; богатырские сказки; ойраты; калмыки.

1. Введение

В Киргизии, вблизи озера Иссык-Куль в Ак-Суйском районе Иссык-Кульской области, в селах Челпек, Бурма-Суу, Таш-Кыя и Бёрю-Баш, проживают сарт-калмыки — выходцы из долины Текес (уезд Текес Или-Казахской автономной области Синьцзянь-Уйгурского автономного района КНР), переселившиеся сюда в 60-е годы XIX века (их называют также каракольскими или иссык-кульскими калмыками). В отличие от большинства монгольских народов сарт-калмыки испо-

ведуют ислам. Родным языком сарт-калмыков является сарт-калмыцкий, который считается одним из диалектов ойратского языка. По словам известного лингвиста-тюрколога Э. Р. Тенишева, “язык сарт-калмыков — говор калмыцкого языка” [Тенишев, 1976, с. 86]. Калмыцкие лингвисты Д. А. Павлов [Павлов, 1990, с. 9], Н. Н. Убушаев [Убушаев, 2006, с. 45] считают, что язык сарт-калмыков — торгутский говор (цатаанский подговор) калмыцкого языка. Д. А. Сусеева [Сусеева, 1973, с. 42—43], Т. С. Есенова [Есенова, 2004, с. 44] язык сарт-калмыков не относят к говору или диалекту калмыцкого языка. Бурятский исследователь У.-Ж. Ш. Дондуков отмечает, что «звуковой состав языка иссык-кульских калмыков во многом схож с фонетическими данными ойратского диалекта Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, нежели с калмыцким литературным языком» [Дондуков, 1975, с. 218]. Сами сарт-калмыки называют родной язык *калмыцким* (*хальмъг кельн*).

В настоящее время язык и фольклор сарт-калмыков являются в монголоведении «белым пятном». В XIX веке, когда активно функционировал родной язык среди сарт-калмыков, к сожалению, их фольклор не записывался. Лишь в 20—30-е годы XX века устное народное творчество сарт-калмыков попало в фокус внимания исследователей (А. В. Бурдуков, К. Э. Эрендженов), в то время когда сарт-калмыцкий язык стал употребляться только в домашнем быту, а киргизский язык стал общеупотребительным. Утрата родного языка явилась препятствием для межпоколенной передачи сарт-калмыцкой фольклорной традиции. В 60—80 годы XX века сотрудниками Калмыцкого НИИЯЛИ были записаны от сарт-калмыков: отрывки из эпоса «Джангар», сказки, устные рассказы, благопожелания, песни, танцевальные мелодии, пословицы, поговорки и др.

В 2009, 2012, 2015, 2017 годах авторами статьи проводились полевые исследования в городе Каракол и аилах (селах) Ак-Суйского района Иссык-Кульской области [ПМА]. «На сегодняшний день носителей сарт-калмыцкого языка практически не осталось, а на речь тех, кто немного помнит язык, большое влияние оказывает доминирующий киргизский» [Борлыкова и др., 2020, с. 59]. В современном репертуаре сарт-калмыков в основном преобладают песни, благопожелания, загадки, пословицы и поговорки, прозаических жанров нет. Значительная часть поэтического фольклора сарт-калмыков имеет варианты в устном народном творчестве ойратов Синьцзяна и калмыков России.

Отдельные разрозненные образцы сарт-калмыцкого фольклора можно найти в учебных пособиях (Павлов Д. А. Каракольские калмыки и их язык, 1990), сборниках и книгах (Кичгэ Төлэ. Угин туск үг, 1979; Төрскн һазрин дуд, 1989; Берегущий огонь. Народный поэт Калмыкии К. Э. Эрендженов, 2013), газетных статьях (К. Э. Эрендженов Сарт хальмгин фольклор, 1935; Кичиков А. Ш. Хар холын хальмгуд, 1964), научных статьях (Дондуков У.-Ж. Ш. О некоторых языковых особенностях иссык-кульских калмыков, 1975; Тенишев Э. Р. О языке калмыков Иссык-Куля, 1976; Басангова Т. Г. Сарт-калмыцкая версия Джангара (текст, основные мотивы), 2011). Многие образцы сарт-калмыцкого фольклора до сих пор не опубликованы и не исследованы, в том числе и рукописи А. В. Бурдукова, хранящиеся в архивах Калмыцкого научного центра РАН и Института восточных рукописей РАН.

2. Характеристика персонажей сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар»

В настоящей статье впервые на основе известной работы Е. С. Новик [Новик, 2001] представлен опыт описания внутренних и внешних характеристик, определяющих индивидуальный, семейный, сословный статус персонажей сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар». Материалом для анализа послужили неопубликованные тексты эпоса «Джангар», записанные в 1929 году А. В. Бурдуковым [СКБВД] и в 1972 году А. Ш. Кичиковым [Запись Кичикова, 1972]¹ в селе Чельпек Ак-Суйского района Пржевальской области Киргизии. Для сравнения были привлечены опубликованные песни калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар» [Джангар, 1978; 2005; 2006], калмыцкие богатырские сказки [БСТ, 2008], а также личные полевые записи авторов [ПМА].

Рассмотрим отношения признаков внутри каждой из выделенных групп.

Группа I. Индивидуальный статус.

Распределение персонажей этой группы, по словам Е. С. Новик, «осуществляется с помощью признаков: особенности внутреннего мира (оппозиция естественный / сверхъестественный) и внешнего облика (оппозиция антропоморфный / неантропоморфный)» [Новик].

В сарт-калмыцком эпосе «Джангар» к сверхъестественным существам принадлежат антропоморфные персонажи *мангасы* — демонологические существа (*tangyus* ‘мифологическое чудовище’ [КРС, 1911, с. 229], *tangas* ‘злой дух, пожиратель людей’ [Ramstedt, 1935, с. 15], *маңһс* ‘мангус, сказочное чудовище’: *нэамн түмн маңһс хааг номдан орулж йовгсн* ‘обратил он некогда в свою веру восемьдесят тысяч мангусовых ханов’ [Тодаева, 1976, с. 330], *маңһс* ‘мангас, сказочное чудовище’ [КРС, 1977, с. 343], *мангас* ‘мангус, многоголовое человекоподобное существо, вредящее людям; сказочное чудовище’: *арван таван толгойтой мангас* ‘пятнадцатиголовый мангус’ [БАМРС II, 2001, с. 319]). С. Ю. Неклюдов определил главные признаки чудищ-мангасов: «огромные размеры, звероподобие и людоедство <...>, причем людоедство выступает, с одной стороны, как крайняя форма обжорства, а с другой, как одно из проявлений “дикости”, нецивилизованности» [Неклюдов]. Н. Ц. Биткеев [Биткеев, 2006, с. 30] и Т. Г. Басангова [Басангова] отмечают, что в «Джангаре» мангасы подверглись трансформации, утратив ряд древних черт (звероподобие, людоедство), приобрели человеческий облик. В сарт-калмыцкой версии «Джангара» мангасы *Һунн Аюл* ‘Гунан Аюл’ (букв. Трехлетнее бедствие), *Дөнн Аюл* ‘Дёнен Аюл’ (букв. Четырехлетнее бедствие), *Хээсн Толхо Манс*² ‘мангас Хайсан Толхо’ (букв. мангас с головой размером с казан) показаны сильными, грозными, порою превосходящими своей физической мощью человека, не уступающими богатырям воинскими доблестями. *Нег цагин дөй дунд нарн орхин хөөт зүгэс Хээсн Толхо Манс Жаңһрин нутгур орад ирнэ... Хээсн Толхо Манс үкс гижэ хойр түшмлин хойр далас татжэ бэрэд, хойр давхрдан / такмдан / хавчжэ авад*

1 Рассматриваемые магнитные ленты были оцифрованы и расшифрованы Б. Х. Борлыковой в рамках научно-исследовательской работы КИГИ РАН «Составление электронного лингво-фольклорного аудиоархива КИГИ РАН».

2 В машинописном тексте допущена ошибка манс — маңһс ‘мангас’.

суува [СКБВД, л. 6] (Однажды с северо-западной стороны в нутук Джангара прибыл Хайсан Толхо мангас.... Хайсан Толхо мангас быстро схватил двух сановников за лопатки и сел, зажав их коленным сгибом)¹.

Свирепый Хайсан Толхо мангас, отпустив сановников по просьбе Джангара, ультимативно требует у него: либо скакуна Бурхан Зерде, либо Прекраснейшего во вселенной Минмияна, либо ханшу Авай Герел. Если Джангар не отдаст требуемого, то мангас силой возьмет.

Мангас Дёнен Аюл в эпосе представлен незаурядным стрелком из лука Йидэр-Шара (букв. ‘желто-пестрый’), своей стрелой из зеленого сандала (санскр. *kalpavriksa*) он попадает в богатыря Эр-Хонгор. «В калмыцкой версии эпоса богатырский лук служит атрибутом лишь одного Алтан-Чээджи, а в остальном упоминается лишь изредка, ситуативно, в синьцзян-ойратских версиях, как и в тууль-улигерных повествованиях лук занимает почетное место» [Кичиков, 1997, с. 257].

К неантропоморфным персонажам мы относим скакуна Джангара — Бурхан Зерде (букв. Божественный Рыжко). В монгольской и синьцзян-ойратской версиях эпоса скакун Джангара также именуется Бурхан Зерде, в калмыцком — Аранзал Зерде. Бурхан Зерде выдерживает тяжелый путь на длинные расстояния, благодаря своей выносливости он спасает своего хозяина Эр Хонгора от мангасов. *Көөрк Бурхн Зеерд күлг эзн нойн алдриг авч зулад маңһасн гетлгэд ирвэ* [СКБВД, л. 9] (Бедный скакун Бурхан Зерде бегством спас своего хозяина от мангаса).

Сверхъестественные существа в эпосе и богатырских сказках не классифицируются по половозрастным группам. Герои-люди четко делятся по полу (мужской / женский) и возрасту (взрослый / ребенок, старый / молодой): *күүкн* ‘девочка’, *көвүн* ‘мальчик’, *залу* ‘юноша’, *көгин* ‘старец’ и др. В сарт-калмыцком «Джангаре» мальчик в малолетнем возрасте совершает подвиг: *Хээсн Толхо Мансан ардас хээж некэд орва. Нег эрмин цаһан көдэд һарһэж көөжэ йовад күцэд бэрвэ. Манстаһан мөрн деер холво-холво татлцад одва. Наар хэлэхэд, цаар хэлэтл, Хээсн Толхо Мансан ам хамрас һунн хөөнэ чинэн һунн хар туссаг үдин һазр цацуулад ирвэ. Хээсн Толхо Манс муудад тевдэд Бурхн Зеерд күлгиг тэвэд өгвэ. Гедргэн нутгтан көтлэд хэрвэ. Жаңһр хаана үүднө күрэд ирвэ* [Ibid., л. 7] (Мальчик, преследуя Хайсан-Толхо мангаса, поскакал вслед за ним. И настигнул он его в бескрайней степи. Боролись они, не сходя с коней, тянули друг друга. Вдруг изо рта и носа Хайсан-Толхо мангаса хлынула черная кровь, как из трехлетнего барана, и лилась она полдня, окропляя землю. Хайсан-Толхо мангас, обессилев, отпустил скакуна Бурхан Зерде. Мальчик привел его обратно на родину. И достигли они двери Джангар хана).

В эпосе сарт-калмыков часто «старые» персонажи дают совет в исцелении. Так, в эпосе, записанном А. В. Бурдуковым, старец подсказывает Джангару, как исцелить раненного богатыря Эр Хонгора. *Нутгасн эмч хурава. Зөвчлэд ик баһ нутган хурава. «Эн көвүнэ хойр далан хоорндк сумна баишиг ямр күмүн авч хайһад билэ?» — гижэ сурад ирвэ. Эн үг келхд нег көгин келэд ирвэ: «Эн нутгт эрэсн ондан күмнд седклэн эс тэвсн бүсүгө күмн болх авад хайдг билэ» — гижэ келвэ* [Ibid., л. 9]

1 Здесь и далее перевод авторов. — Б. Б., Б. М.

(Со всей страны собрали лекарей. Собрали совет из большой и малой страны. [Джангар] спросил: «Кто сможет извлечь наконечник стрелы, застрявший между лопатками этого мальчика?». На это ответил один старец: «Это сможет сделать целомудренная женщина, которая, кроме мужа своего, никого не любила»).

Молодые персонажи в сарт-калмыцком эпосе выступают в роли героя или его соперников. Так, в отрывке из эпоса «Джангар», записанном в 1972 году А. Ш. Кичиковым от Сергенова Гапара, сын Сюмюр Дала хана ради суженой — дочери Чокол Бодонг хана бьётся с молодыми борцами. Сказитель эпоса слово *бөк* ‘борец’ заменяет словом из киргизского языка *палван* ‘силач, борец’ [КРС, 1965, с. 104, с. 605]. *Тер нарн һарх үзгин палван, эннь нарн орх үзгин палван куук авнав гиһэд оч* [Запись Кичикова, 1972] (Силач стороны восходящего солнца и силач стороны заходящего солнца выехали, чтобы найти суженую).

Для персонажей сарт-калмыцкого эпоса характерны и другие оппозиции из группы «Индивидуальный статус»: «здоровый / больной (раненный)», «целый / расчлененный», «большой / маленький», «красивый / уродливый», «сильный / слабый» и «храбрый / трусливый».

Для сарт-калмыцкого эпоса «Джангар» характерна оппозиция «здоровый / больной», а также «здоровый / раненый» (авт.). Раненный мангасом Эр Хонгор смог сам вытащить стрелу, но ее головка «*баишг*» осталась в ране. Головку стрелы, оставшуюся в ране, извлекает ханша Авай Герел.

Оппозиция «целый / расчлененный» в сарт-калмыцком эпосе: герой, убив своего противника, расчленяет его. В тексте встречается устойчивая формула «*чәкр-чәкрәр чавчад, чакчан һалар түүмрдәд, үмән-тоосн кегәд го кечкәд*» (порубив на куски, поджег огнем и стер в пыль) [Запись Кичикова, 1972]. Эта формула характерна для синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар»: *Цәкур-цәкурәр утлад, цакцин һалар түүмрдәж оркад* [Джангар, 2006, с. 71] (Порубив на куски, поджег огнем). В калмыцких богатырских сказках данная формула звучит следующим образом: *Цәкур-цәкурәр утлад, чандг болмар хаяд, үзг-үзгәр тараж хаяд* (Порезав на куски, разбросал по кускам для варки, разбросал в разные стороны) [БСТ, 2008, с. 128].

Оппозиции «большой / маленький», «красивый / уродливый» часто фиксируются в описании персонажей сарт-калмыцкого эпоса. К примеру, большим и уродливым представлен мангас Хайсан Толхо, у которого голова величиной в котёл; красавцем изображен богатырь Минмиян (*Сәәһн Герл Миньмьян* ‘Светозарный Минмиян’ (в калмыцком и синьцзян-ойратском — *Орчлэин сәәһн Миңян* ‘Прекраснейший в мире Мингьян’, в монгольском — *Мингма-ноён*), идеал мужской красоты; маленьким представлен сын бедняка (*махн махиад уго, шули шулиад уго* ‘не окрепший’ букв. ‘мясо ещё не стало мясом, бульон еще не стал бульоном’).

Оппозиция «сильный / слабый» определяет свойства физической силы. Эти признаки характерны для таких персонажей, как мангасы, богатыри, борцы, сановники и др. В песне «Джангара», записанной А. В. Бурдуковым, мангас Хайсан Толхо показан сильным, его бояться сановники и даже сам Джангар хан, который из-за своей старости и бессилия отдает мангасу своего скакуна Бурхан Зерде. *Минин насн көгширсн цагим санж билә. Арвн ухан алдрад одва. Ухан сананасн төрәд одгсн*

билэб [СКБВД, л. 8] (В то время я уже состарился. Лишился десяти умов. Сознание мое затуманилось). Во всех локальных калмыцких версиях эпоса Джангар хан показан молодым, даже юным. В синьцзян-ойратской версии же Джангар изображен бездетным глубоким старцем (99 лет).

К группе «Индивидуальный статус» мы также относим оппозицию «храбрый / трусливый», которая весьма существенна для сарт-калмыцкого эпоса. «Богатырям эпической державы Бумбы, вассалам — сподвижникам эпического сюзерена Джангар-хана, свойственна известная индивидуализация: каждый из них — могучий богатырь, обладающий определенными чертами ... Героические подвиги они совершают благодаря своей храбрости, огромной физической силе и нравственной потребности служить Джангару, умножая могущество Бумбы» [Кичиков, 1997, с. 5]. В сарт-калмыцкой версии «Джангара» храбрым героем представлен единственный сын бедняка, который, победив мангаса Хайсан-Толхо, возвращает Джангару скакуна Бурхан Зерде.

Трусливыми персонажами в сарт-калмыцком эпосе показаны мангасы Гунан Аюл и Дёнен Аюл. *Армган ясад ишлэд дэкад мордад Гунн Аюл Дөнн Аюлын ардас хээһэд некэд орва. Нег һазрт күцэд ирвэ. Маңһисг нааран хэлһэд цааран хэлтл, кесг күм дорцулад үрквэ. Маңһс гэмтэһн болво. Энчнь болиш уго юмн санжэ билтэ гижэ нутгиг хайжэ үркэд зулад маңһс гетлэд одва* [СКБВД, л. 6] (Починив древко копья, он [Джангар] отправился на поиски [мангасов] Гунан Аюла и Донен Аюла. Настиг он их в одном местечке. Пока мангасы отвлекались, Джангар поработил множество людей. Мангасы, испугавшись его, бросили нутук и бежали).

Группа II. Семейный статус.

Персонажами сарт-калмыцкого эпоса могут быть *куукн* ‘дочь’, *көвүн* ‘мальчик’, *эгч* ‘сестра’, *дү* ‘младший брат’, *эцг*, *аав* ‘отец’, *ээжэ* ‘мать’, *буско* ‘замужняя женщина’, *авһа* ‘жена’, *хүдһу* ‘сваты’ и др.

В сарт-калмыцком эпосе четко противопоставлены два поколения: родителей и детей. В отрывке «Джангара», записанном А. Ш. Кичиковым, представлен архаический сюжет, описывающий брачный стговор Эрке Улан Батыра с Сумер Далай ханом о еще не родившихся их детях. В монгольской этнографии такой брачный стговор называют *өндгөн суй*, что буквально означает ‘стговор яйца’ [Нанзатов и др., 2013, с. 149]. Следует отметить, что в сарт-калмыцком эпосе герои, согласно канонам буддийской религии, совершают обход вокруг храма «Алтан сүм» и дают клятву. *Хүдһу болнаводн, ясн-үсн болнаводн гинһэд алтн сүмэн татад, бичг-таңһрт кечкнэ* [Запись Кичикова, 1972] (Сказав «станем сватами и родственниками», обошли храм «Алтан Сюме» и дали друг другу клятву). В языке фольклора сарт-калмыков часто встречаются буддийские термины: *бурхн* ‘Будда’ — *Бурхн Зеерд өгэд оркх йовһн яһнав, гижэ зовбо* / [Джангар] стал переживать, если отдам [мангасу Хайсан Толхо] скакуна Бурхан Зерде, останусь пешим (Джангар); *лам* ‘лама, буддийских монах’ — *Лам-лам лавлн су, Хойр көлән хавчн су, Миш мергн цэ халун, Шаззң күүргэ* / Сядьте правильно, лама, прижав ноги, кошка цепкая, чай горячий, чашка хрупкая; *аршан* (санскр. *раишани* ‘нектар, напиток богов’) ‘целебная вода’ — *Аршан хурнь тесрнэ; күжэ* ‘можежевательник’ используется как благовоющее средство для воскурения — *Күжин үрнһ күцкннэ*. В полевом материале авторов имеются слова: *маче*

өдр ‘день поста’, *номих* (ном ‘книга, учение’ + *умих* ‘читать’) ‘учиться’, название рода сарт-калмыков *чимит* (тиб. *Чимэд* ‘бессмертный’), *багш* ‘учитель’, *Gengād medqdād orkvzat, Bumbrjan* / Придите незаметно от генги, Бумбрджан и др. [ПМА].

Сюжет «Брачный сговор еще не родившихся детей» характерен и для калмыцких богатырских сказок. Так, в сказке «Донской богач и волжский богач» (*Теңгэ байн Ижлэ байн хойр*) два богача договариваются о сватовстве еще не родившихся детей [БСТ, 2008, с. 164].

В сарт-калмыцком «Джангаре» герой, чтобы добиться руки суженой, участвует в брачных состязаниях, в частности *бөк бэрлдэн* ‘национальная борьба’. *Буһан арсн шалвриг / Бульчн талан татад имкрэд, / Текэн арсн шалвриг / Тэкм талан татад имкрэд. / Укс гэд бэрлдэд / Хонгин һазрас авлад — бээнэ. / Одак хойран тооснд / Хулмг Бунд тогтад, / Орчлң Замб түмд / Харңһу татад бээнэ ...* [Запись Кичикова, 1972] (Штанины из шкуры оленя-изюбря / К икрам скатав, засучил, / Штанины из шкуры дикой лошади *таки* / К коленному сгибу скатав, засучил, / Быстро схватившись / Боролись сутки... / В пыли тех двоих, / Образовались песчинки, / Во Вселенной, / Стало темно...). В. М. Жирмунский брачные состязания в эпосе называет тюркским словом «мёриг», что равнозначно сарт-калмыцкому *мөрэ* ‘награда, приз’ [Жирмунский, 1974, с. 272].

В традиционном ойратском обществе суженая представляется как носительница *кишиг* ‘счастье’ (неиссякаемого счастья-богатства семьи, рода, с которыми нельзя расставаться) [Кичиков, 1997, с. 151]. Так, в сарт-калмыцкой версии Джангар хан, услышав требование Хайсан Толхо мангаса, не отдает ханшу Авай Герел, так как с ней связано счастье и благополучие страны Бумбы. *Жаңһрин арһ баргдва. Бурхн Зеерд өгэд оркх йовһн яһнаб? — гижэ зовбо. Сээхн Герл Миньмъянан өгэд оркх нутгинм герл йовад одх болво гижэ сана зовад суува. Аава Герл хат(а)н өгэд оркх — нутгинм кишиг йовад одх болну гижэ санан зовж сууһад бээвэ* [СКБВД, л. 7] (Джангар не знал, что делать. Он стал переживать, «если отдам [мангасу] скакуна Бурхан Зерде, то останусь пешим; если отдам красавца Минмияна, то померкнет свет страны; если отдам ханшу Авай Герел, то может уйти счастье и благополучие страны).

Группа III. Сословный статус.

К данной группе характеристик персонажей относятся признаки сословной принадлежности: *хан* ‘царь’, *хатн* ‘царица’, *түшмл* ‘сановник’, *баатр* ‘богатырь’; профессия и ремесло: *эмч* ‘врач, лекар’, *бөк, палван* ‘борец, силач’; имущественное положение: *угата* ‘бедный, бедняк’.

Согласно поэме-прологу, герои Бумбы наделены и социальной характеристикой — это нойоны-феодалы, «удельные князья», признающие главенство Джангара. Джангар — центральный герой эпоса. В сарт-калмыцком тексте, записанном А. В. Бурдуковым, Джангар именуется ‘славным нойоном, господином, князем’ (*Алор нойон Жаңһр*), ‘ханом, царем, императором’ (Жаңһр хан), ‘властелином, государем, царем’ (Эзн нойн), ‘отцом’ (Хан сээхн аав) [Ibid., л. 6]. Э. Б. Овалов считает, что изменение и усложнение титулатуры вождя народа связано со сменой общественно-экономических укладов ойратских племен [Овалов, 2008, с. 15]. Образ Джангара в сарт-калмыцком эпосе и ряде песен синьцзян-ойратской версии

«Джангар» несколько снижен. К примеру, Джангар, сломав свое копье в ходе сражения, убегает от врага (мангасов). В калмыцком эпосе такой эпизод отсутствует, нойон Джангар изображен всемогущим.

В калмыцкой версии эпоса «Джангар» чаще всего навстречу герою-победителю спешат сайды¹ [Джангар, 1978, т. II, с. 126]. В синьцзян-ойратской версии эпоса героев встречают двенадцать главных сайдов, а также богатыри Савар Тяжелорукий (Күнд Нарта Савар), Смуглолицый Санал Строгий (Догшн Хар Санл) и Джангар вместе с ханшей Авай Герел. В сарт-калмыцком эпосе хан и ханша, несмотря на свой титул, спешат встретить героя Эр Хонгора. В этом эпизоде сказитель называет Джангар хана и Авай Герел ханшу «*хан сэхэн аав, хатн сэхэн ээж*» [СКБВД, л. 9] (Прекрасный хан-отец, прекрасная ханша-мать).

В сарт-калмыцкой, синьцзян-ойратской и монгольской версиях эпоса супруга Джангара именуется ханшей *Авай Гэрэл*, в калмыцком эпосе — *Ага Шавдал*. Во всех версиях она изображена как верная спутница жизни, помощница Джангара. В сарт-калмыцком «Джангаре» ханша Авай Гэрэл как целомудренная женщина наделена даром целительства. *Тегэд хаана хатн ... бурхндан зальврч, бийэн цеврлж, эдлсж, арц умлжж, бээсн махан усар унаж цеврлж авад, көвүнэн түргүр кевтүлж үркэд, хойр далан хоорнд орад одгсн саадгин башгиг зуухад сүһлн татад хаяд үрквэ. Эман кегэд көвүһэн эдгж амна* [Ibid., л. 9] (Сказав так, ханша, помолившись божествам, очистив себя благовонием, совершила омовение. Положив мальчика ничком, ухватила зубами наконецник стрелы, застрявший между двумя лопатками. Вытащила его и выбросила. Наложив на рану снадобье, вылечила мальчика).

В сарт-калмыцком эпосе персонаж с низким статусом благодаря своему поступку достигает высокого положения. Так, сын бедняка, совершив подвиг, получает имя Эр Хонгор и титул нойона. *Жаңһр хан зэрлг болва. Нутган хураж ик хурл кезж, көвүнэн эцг герин ард бийд буулһад амна. Көвүнэн нер цол тэвнэ гижж нутган хураж, хурл кезж көвүндэн йөрэл өгч, нер цол тэвнэ* [Ibid., л. 9] (Джангар хан повелел. Собрал нутуг, чтобы провести большое собрание. Отца мальчика перевез на северную сторону от дворца. Собрал нутук, чтобы дать имя и титул мальчику).

3. Выводы

Предварительное рассмотрение персонажей сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар» позволяет сделать вывод, что для внутрисюжетного функционирования персонажей важным оказывается не только то, какую роль они выполняют, но и то, какими внутренними и внешними характеристиками они наделены, поскольку именно они соответствуют тем действиям, в которых настоящие персонажи принимают участие. Характеристика персонажей, обыгрываясь в сюжете эпоса, задает форму коллизий. Победа героев эпоса «Джангар» связана с такими характеристиками персонажа: «сильный / слабый» и «храбрый / трусливый», «целый / расчлененный» и др. Сравнительное рассмотрение персонажей эпоса «Джангар», показало, что эпические герои имеют как сходства, так и локальные индивидуальные раз-

1 Сайды — ‘лучшие’, ‘вельможи’ в феодальную эпоху назывались ‘главы отоков-хошунов, а иногда и улусов-туменов’.

личия. Однако основные функции, которые они выполняют в той или иной версии близки, они восходят к древней общемонгольской эпической традиции.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number № 20-012-00537 A / Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00537 A

Источники и принятые сокращения

1. БАМРС II — *Большой академический монгольско-русский словарь*. В 4-х т. / ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев. — Москва : Academia, 2001. — Т. II. Д—О. — 536 с.
2. БСТ, 2008 — *Буутан* Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971—1978 годов. В 2-х книгах. Книга 1 / вступительная статья Н. Г. Очировой ; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. — Элиста : КИГИ РАН, 2008. — Т. II. Д—О. — 308 с.
3. Джангар, 2005 — *Джангар*. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. В 3-х томах. — Элиста : ЗАОР «НПП «Джангар», 2005. — Т. 1. — 855 с.
4. Джангар, 2006 — *Джангар*. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. На калмыцком языке. В 3-х томах. — Элиста : ЗАОР «НПП «Джангар», 2006. — Т. 2. — 831 с.
5. Джангар, 1978, I — *Джангар*. Калмыцкий героический эпос / составитель А. Ш. Кичиков. — Москва : Наука, 1978. — Т. I. — 442 с.
6. Джангар, 1978, Т. II. — *Джангар*. Калмыцкий героический эпос / составитель А. Ш. Кичиков. — Москва : Наука, 1978. — Т. II. — 417 с.
7. Запись Кичикова, 1972 — *Научный архив* Калмыцкого научного центра РАН, Ф. 16. Оп. 1. Магн. лента № 143 (134).
8. КРС, 1977 — *Калмыcko-русский словарь* / под редакцией Б. Д. Муниева. — Москва : Русский язык, 1977. — 765 с.
9. КРС, 1911 — *Калмыcko-русский словарь* в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах / составитель А. Позднеев. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1911. — 306 с.
10. КРС, 1965 — *Киpизско-русский словарь* / составитель К. К. Юдахин. — Москва : Советская энциклопедия, 1965. — 973 с.
11. ПМА — *Полевые материалы* авторов.
12. СКБВД — *Сарт-калмыцкая* и баитская версия «Джангара» // КИГИ РАН (ныне НА КалмНИЦ РАН). Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 6. 24 л.
13. Тодаева, 1976 — *Тодаева Б. Х.* Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». — Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1976. — 530 с.
14. Ramstedt, 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. — Helsinki, 1935. — 560 s.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басангова Т. Г. Сарт-калмыцкая версия Джангара (текст, основные мотивы) [Электронный ресурс] / Т. Г. Басангова. — Режим доступа : https://www.tuva.asia/journal/issue_12/4198-basangova.html. (дата обращения 23.08.2020).
2. Биткеев Н. Ц. Эпос «Джангар» / Н. Ц. Биткеев. — Элиста : Джангар; КалмГУ, 2006. — 352 с.
3. Борлыкова Б. Х. О некоторых фонетических особенностях сарт-калмыцкого языка / Б. Х. Борлыкова, Б. В. Меняев // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2020. — Т. 79, № 4. — С. 58—66.
4. Дондуков У-Ж. Ш. О некоторых языковых особенностях иссык-кульских калмыков / У-Ж. Ш. Дондуков // Проблемы алтаистики и монголоведения. — Москва : [б. и.], 1975. — С. 216—233.

5. Есенова Т. С. Интонационный строй монгольских языков / Т. С. Есенова. — Элиста : Калмыцкий государственный университет, 2004. — 312 с.
6. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос / В. М. Жирмунский. — Ленинград : Наука, 1974. — 727 с.
7. Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника / А. Ш. Кичиков. — Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. — 320 с.
8. Нанзатов Б. Традиционные обряды жизненного цикла монгольских народов в условиях современности : торгутская свадьба / Б. Нанзатов, М. Содномпилова // Власть. — 2013. — № 08. — С. 148—151.
9. Неклюдов С. Ю. Духи и нелюди в недружелюбном мире (о некоторых стратегиях конструирования мифологического образа) [Электронный ресурс] / С. Ю. Неклюдов. — Режим доступа : <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov52.htm>. (дата обращения 23.08.2020).
10. Новик Е. С. Система персонажей русской волшебной сказки [Электронный ресурс] / Е. С. Новик. — Режим доступа : <https://ruthenia.ru/folklore/novik8.htm>. (дата обращения 23.08.2020).
11. Овалов Э. Б. Сюжетно-стилевые традиции в эпосе «Джангар» и его версиях / Э. Б. Овалов. — Элиста : ЗАОР «НПП «Джангар», 2008. — 304 с.
12. Павлов Д. А. Каракольские калмыки и их язык : учебное пособие по курсу «Калмыцкая диалектология» / Д. А. Павлов. — Элиста : Калмыцкий государственный университет, 1990. — 64 с.
13. Сусеева Д. А. К проблеме соотношения калмыцкого языка и калмыцких диалектов / Д. А. Сусеева // Совещание по общим вопросам диалектологии, истории языка. Тезисы докладов и сообщений (Ереван, 2—5 октября 1973). — Москва : [б. и.], 1973. — С. 42—43.
14. Тенишев Э. Р. О языке калмыков Иссык-Куля / Э. Р. Тенишев // Вопросы языкознания. — 1976, № 1. — С. 82—87.
15. Убушаев Н. Н. Диалектная система калмыцкого языка / Н. Н. Убушаев. — Элиста : Джангар, 2006. — 255 с.

CHARACTERS OF SART-KALMYK VERSION OF EPIC “DZHANGAR”

© **Boskha Kh. Borlykova (2020)**, orcid.org/0000-0001-9264-3430, Researcher ID AAL-5065-2020, SPIN 5793-0289, PhD in Philology, Specialist, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russia), borlboskha@mail.ru.
© **Badma V. Menyayev (2020)**, orcid.org/0000-0002-9205-4537, ResearcherID J-7387-2016, SPIN 2152-2967, specialist, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russia), bmeayev@mail.ru.

Based on the well-known work of E.S. Novik (2001), for the first time, the experience of describing the internal and external characteristics of the characters of the Sart-Kalmyk version of the “Dzhangar” epic from the point of view of their individual, family and class conditions is presented in this article. The material for the analysis was the unpublished texts of the epic “Dzhangar”, recorded in 1929 by A. V. Burdukov and in 1972 by A. Sh. Kichikov in the village of Chelpek in the Ak-Suu district of the Przhvevsk region of Kyrgyzstan. For comparison, the published songs of the Kalmyk and Xinjiang Qirat versions of the epic “Dzhangar”, Kalmyk heroic tales, as well as the authors’ personal field notes were used. As a result of the analysis of the Sart-Kalmyk version of the epic “Dzhangar”, the authors came to the conclusion that for the in-plot functioning of the characters, it is important not only what role they play, but also what internal and external characteristics they are endowed with, since they correspond to those actions in which real characters take part. The characterization of the characters, playing up in the plot of the epic, sets the form of collisions.

It was revealed that the victory of the heroes of the epic "Dzhangar" is associated with the following characteristics of the character: "strong / weak" and "brave / cowardly", "whole / dismembered", etc. Comparative consideration of the characters of the epic "Dzhangar" showed that the epic heroes have both similarities and local individual differences. However, the main functions that they perform in one version or another are close, going back to the ancient all-Mongolian epic tradition.

Key words: Sart-Kalmyks of Kyrgyzstan; epic; Dzhangar; heroic tales; oirats; Kalmyks.

MATERIAL RESOURCES

- BAMRS II — *Bolshoy akademicheskiy mongolsko-russkiy slovar' v 4 t.* [A large academic Mongolian-Russian dictionary], II: D—O. (2001). Moskva: Academia. 536 p. (In Russ., In Mong.).
- BST, 2008 — *Buutan Sanjxin tuuls (Skazki Sandzhi Butayeva). Zapisi 1971—1978 godov. V 2-kh k* [Buutan Sanjxin tuuls (tales of Sanji Butaev). Recordings from 1971—1978], 1 (II). D-O. (2008). Elista: KIGI RAN. 308 p. (In Kalm.).
- Dzhangar, 1978, I — *Dzhangar. Kalmytskiy geroicheskiy epos* [Jangar. Kalmyk heroic epic], 1: (1978). Moskva: Nauka. 442 p. (In Russ.).
- Dzhangar, 1978, T. II. *Dzhangar. Kalmytskiy geroicheskiy epos* [Jangar. Kalmyk heroic epic], II: (1978). Moskva: Nauka. 417 p. (In Russ.).
- Dzhangar, 2005 — *Dzhangar. Geroicheskiy epos sintszyanskikh oyrat-mongolov v 3 t.* [Jangar. Heroic epic of the Xinjiang Oirat Mongols], 1: (2005). Elista: ZAO «NPP «Dzhangar». 855 p. (In Russ.).
- Dzhangar, 2006 — *Dzhangar. Geroicheskiy epos sintszyanskikh oyrat-mongolov. Na kalmytskom yazyke v 3 t.* [Jangar. Heroic epic of the Xinjiang Oirat Mongols. In Kalmyk language], 2. (2006). Elista: ZAO «NPP «Dzhangar». 831 p. (In Kalm.).
- KRS, 1911 — *Kalmytsko-russkiy slovar' v posobiye k izucheniyu russkogo yazyka v kalmytskikh nachalnykh shkolakh* [Kalmyk-Russian dictionary in guide to the study of the Russian language in Kalmyk primary schools]. (1911). Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 306 p. (In Russ., In Kalm.).
- KRS, 1965 — *Kirgizsko-russkiy slovar'* [Kyrgyz-Russian dictionary]. (1965). Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. 973 p. (In Russ., In Kirg.).
- KRS, 1977 — *Kalmytsko-russkiy slovar'* [Kalmyk-Russian dictionary]. (1977). Moskva: Russkiy yazyk. 765 p. (In Russ.).
- PMA — *Polevyye materialy avtorov* [Authors field materials]. (In Russ.).
- Ramstedt, 1935 — Ramstedt, G. J. (1935). Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki. 560 p.
- SKBVD — *Sart-kalmytskaya i baitskaya versiya «Dzhangara»* [SART-Kalmyk and Bayit version of "Jangar"]. In: *KIGI RAN (nyne NA KalmNTs RAN). F. 5. Op. 2. Ed. khr. 6. 24 l* [KIGI RAS (now at the Kalmnc RAS). F. 5. Op. 2. Ed. HR. 6. 24 L]. (In Russ.).
- Todayeva, 1976 — Todayeva, B. Kh. (1976). *Opyt lingvisticheskogo issledovaniya eposa «Dzhangar»* [Experience of linguistic research of epic "Jangar"]. Elista: Kalmytskoye knizhnoye izdatelstvo. 530 p. (In Russ.).
- Zapis' Kichikova, 1972 — *Nauchnyy arkhiv Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN* [Scientific archive of Kalmyk scientific center of Russian Academy of Sciences]. F. 16. Op. 1. MAGN. Lenta. № 143 (134). (In Russ.).

REFERENCES

- Basangova, T. G. *Sart-kalmytskaya versiya Dzhangara (tekst, osnovnyye motivy)* [SART-Kalmyk version of Jangar (text, main motives)]. Available at: https://www.tuva.asia/journal/issue_12/4198-basangova.html. (In Russ.). (accessed 23.08.2020).

- Bitkeyev, N. Ts. (2006). *Epos «Dzhangar»* [The Epos Dzhangar]. Elista: Dzhangar; KalmGU. 352 p. (In Russ.).
- Borlykova, B. Kh., Menyayev, B. V. (2020). O nekotorykh foneticheskikh osobennostyakh sartkalmytskogo yazyka [On some phonetic characteristics of SART-Kalmyk language]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Izvestiya RAS. Literature and language series], 79 (4): 58—66. (In Russ.).
- Dondukov, U.-Zh. Sh. (1975). O nekotorykh yazykovykh osobennostyakh issyk-kulskikh kalmykov [On some language features of the Issyk-Kul Kalmyks]. In: *Problemy altaistiki i mongolovedeniya* [Problems of Altaic and Mongolian studies]. Moskva: [b. i.]. 216—233. (In Russ.).
- Esenova, T. S. (2004). *Intonatsionnyy stroy mongolskikh yazykov* [Intonation system of the Mongolian languages]. Elista: Kalmytskiy gosudarstvennyy universitet. 312 p. (In Russ.).
- Kichikov, A. Sh. (1997). *Geroicheskiy epos «Dzhangar»*. *Sravnitelno-tipologicheskoye issledovaniye pamyatnika* [Heroic epic “dzhangar”. Comparative typological study of the monument]. Moskva: Izdatelskaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. 320 p. (In Russ.).
- Nanzatov, B., Sodnompilova, M. (2013). Traditsionnyye obryady zhiznennogo tsikla mongolskikh narodov v usloviyakh sovremennosti: torgutskaya svadba [Traditional life cycle rituals of the Mongolian peoples in modern times: torgunskaya wedding]. *Vlast'* [Power], 08: 148—151. (In Russ.).
- Neklyudov, S. Yu. *Dukhi i nelyudi v nedruzhelyubnom mire (o nekotorykh strategiyyakh konstruirovaniya mifologicheskogo obraza)* [Spirits and non-humans in an unfriendly world (on some strategies for constructing a mythological image)]. Available at: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov52.htm>. (In Russ.). (accessed 23.08.2020).
- Novik, E. S. *Sistema personazhey russkoy volshebnoy skazki* [System of characters of the Russian fairy tale]. Available at: <https://ruthenia.ru/folklore/novik8.htm>. (In Russ.). (accessed 23.08.2020).
- Ovalov, E. B. (2008). *Syuzhetno-stilevyye traditsii v epose «Dzhangar» i yego versiyakh* [Plot-style traditions in the epic “Jangar” and its versions]. Elista: ZAO «NPP «Dzhangar». 304 p. (In Russ.).
- Pavlov, D. A. (1990). *Karakolskiye kalmyki i ikh yazyk: ucheb. posobiye po kursu “Kalmytskaya dialektologiya”* [Karakol Kalmyks and their language: textbook. manual for the course “Kalmyk dialectology”]. Elista: Kalmytskiy gosudarstvennyy universitet. 64 p. (In Russ.).
- Suseyeva, D. A. (1973). K probleme sootnosheniya kalmytskogo yazyka i kalmytskikh dialektov [To the problem of correlation of the Kalmyk language, Kalmyk dialects]. In: *Soveschaniye po obshchim voprosam dialektologii, istorii yazyka. Tezisy dokladov i soobshcheniy (Erevan, 2—5 oktyabrya 1973)* [Meeting on General issues of dialectology and language history. Abstracts of reports and reports (Yerevan, October 2—5, 1973)]. Moskva: [b. i.]. 42—43. (In Russ.).
- Tenishev, E. R. (1976). O yazyke kalmykov Issyk-Kulya [On the Kalmyk language of Issyk-Kul]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 1: 82—87. (In Russ.).
- Ubushayev, N. N. (2006). *Dialektnaya sistema kalmytskogo yazyka* [Dialect system of the Kalmyk language]. Elista: Dzhangar. 255 p. (In Russ.).
- Zhirmunskiy, V. M. (1974). *Tyurkskiy geroicheskiy epos* [The Turkic heroic epic]. Leningrad: Nauka. 727 p. (In Russ.).

Борунов А. Б. Художественные функции искаженной речи в «фандоринском корпусе» Б. Акунина / А. Б. Борунов // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 243—254. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-243-254.

Borunov, A. B. (2020). Artistic Functions of Distorted Speech in the “Fandorin corpus” by B. Akunin. *Nauchnyi dialog*, 10: 243-254. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-243-254. (In Russ.).

УДК 811.161.1Акунин.08+81'271.14

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-243-254

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ИСКАЖЕННОЙ РЕЧИ В «ФАНДОРИНСКОМ КОРПУСЕ» Б. АКУНИНА

© **Борунов Артем Борисович (2020)**, orcid.org/0000-0003-2507-7218, кандидат филологических наук, преподаватель, кафедра методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Москва, Россия), borunov.artem@yandex.ru.

Анализируются речевые характеристики персонажей «фандоринского корпуса» Б. Акунина как циклообразующего принципа. Уделяется внимание искаженной речи, проанализированной в категориях уровней языка. Представлены результаты сопоставительного анализа речевой характеристики четырех персонажей, в речи которых присутствуют примеры искажений. Поднимается вопрос о статусе того языка, на котором они говорят: фактически, при внешней схожести их речи, структурно принципы искажения существенно отличаются. Уделяется внимание таким типам искажений, как фонетические, лексические, грамматические. Предлагается классификация речевых искажений, характерных для персонажей из произведений Акунина. Новизна исследования видится в том, что речевая характеристика персонажей рассматривается в свете структуралистской концепции уровней языковой системы и служит ключом к выявлению преступника в тех произведениях, в которых автор до последних строк не открывает его имя читателю. Проводится анализ речевых стратегий персонажей. Актуальность исследования обусловлена выявлением циклообразующей роли этих стратегий в сюжете произведений, включенных в «фандоринский корпус». Доказано, что различные стратегии искажения используются в качестве постмодернистской игры с читателем и представляют собой ключ к пониманию сущности персонажа.

Ключевые слова: речевые искажения; внутренняя и внешняя лингвистика; макаронизмы; речевая характеристика; фонетический уровень; грамматический уровень; лексический уровень.

1. Введение

Романы, повести, рассказы и пьесы Б. Акунина, сквозным героем которых является Эраст Петрович Фандорин, обладают рядом общих циклообразующих черт, среди которых — лингвистические характеристики речи ряда персонажей. Повторяющимся мотивом в «фандоринском корпусе» является использование неправильной речи: в нескольких произведениях фигурируют герои, изыскивающиеся на искаженном русском языке. При этом принцип искажения правил русского языка отличается у разных героев и играет роль своего рода «ключа» к пониманию сущности персонажа и его взаимоотношений с центральным героем цикла — Фандориным.

Включая в текст искаженную речь, автор может отталкиваться от закономерностей различных языковых уровней [Реформаторский, 1970, с. 114; Разинкина,

2004, с. 126]: персонаж может говорить неправильно, если оценивать его речь с точки зрения фонетики, грамматики или лексики. Если рассматривать используемые Акуниным принципы искажения речи персонажей в категориях, введенных Фердинандом де Соссюром [Соссюр, 1999, с. 69], то речь Масахиросибаты и Семена Скорика изменена за счет средств внешней лингвистики, а речь Кара-Гасыма — за счет внутренней. В терминологии датского структурализма — глоссематики — прежде всего грамматическая форма и грамматическая субстанция являются предметом изучения лингвистики (форма выражения — субстанция выражения, форма содержания — субстанция содержания) [Ельмслев, 2006, с. 35]. Используя терминологический аппарат структурализма, можно утверждать, что герой Кара-Гасым говорит не на русском языке (хотя носители русского языка его понимают), а герои Масахиросибата и Семен Скорик говорят на русском языке (хотя для носителя русского языка их речь выглядит непривычно и может быть непонятна). Это соотносимо и с сюжетом произведений: Масахиросибата и Семен — положительные персонажи, помощники Фандорина, а Кара-Гасым — лже-помощник, предатель, которого Фандорин не смог распознать.

С этой точки зрения интересным представляется также анализ речи еще одного персонажа, фигурирующего в романе «Коронация»: опасного и изворотливого преступника, доктора Линда, чья истинная сущность долго остается неясной даже для проницательного Фандорина. Линд так хорошо замаскирован, что лишь случайная оговорка выдает его. Однако своеобразная манера исказить русский язык с использованием средств всех языковых уровней вынуждает читателя обратить внимание на этого персонажа практически с самого начала текста.

2. Фонетическое искажение речи: Масахиросибата

Распространенным приемом детективного жанра является наличие у центрального героя-сыщика ассистента, который не обладает таким же острым аналитическим умом, как главный герой, и тем самым подчеркивает его уникальные способности [Кротова, 2018; Осьмухина, 2013]. Такую функцию, например, реализует доктор Ватсон при Шерлоке Холмсе или капитан Гастингс при Эрколе Пуаро. Эраст Фандорин у Акунина также наделен помощником, фигурирующим во всех романах, начиная с четвертого произведения цикла — «Смерть Ахиллеса»: Фандорина сопровождает камердинер-японец Масахиросибата, наличие которого выполняет роль интертекстуальной отсылки к классическим детективам [Башкатова, 2006; Кихней и др., 2017]. В «Смерти Ахиллеса», где Акунин впервые вводит этого персонажа, Масахиросибата практически не говорит по-русски и строит фразу не только с фонетическими, но и с грамматическими ошибками: «Гдзе гаспадзин? Убивачи собака!» [Акунин, 2002, с. 153]. Затем герой постепенно начинает осваивать русский язык, однако в его речи сохраняется сильный японский акцент, и в большинстве произведений слова Масы два-три раза включены в текст с передачей акцента, а далее указано, что он говорит с Фандориным по-японски (а в тексте его реплики передаются на русском языке), либо фразы просто передаются на русском с периодическим напоминанием об акценте.

Хронологически после «Смерти Ахиллеса» следующее появление Масы в «фандоринском корпусе» относится к 1883 году — времени, когда происходит действие рассказа «Из жизни щепок», включенного в сборник «Нефритовые четки». В нем Маса говорит с Фандориным по-японски и только однажды пытается передать, какими словами его называли, на русском языке: *Он ругался, обозвал меня «товари косорыря», за это, с вашего позволения, я его немножко побью, когда задание будет завершено* [Акунин, 2007, с. 56]. Здесь, как и в других образцах речи Масы, представлено искажение фонетического облика слов согласно двум наиболее характерным чертам японского акцента, таким как замена [л] звуком [р] (*косорылая* — *косорыря*) и неспособность произнести два согласных звука подряд или конечный согласный — для облегчения произношения возникает добавочная гласная (*тварь* — *товари*).

Текст, содержащий наиболее пространные фразы Масы по-русски, — это «Любовник Смерти», где повествование идет от лица Сеньки Скорика, впервые столкнувшегося с азиатом, говорящим по-русски, и речь Масы воспроизведена во всех ее особенностях: *Убийство дза дзеньги искрываетца. Эта семья быра софусем нисья. Это радз. Сумаседся дзестокость — дазе маренкького марьсика не подзярер. Это два. Есе градза. Вы сами говорири, господзин, сьто признак мания-карьного убийства — ритуар. Затем градза выкарывачь? Ясно — сумаседсий ритуар. Это три. Манияк убир, тотьно. Как тогда Дзекоратор* [Акунин, 2001, с. 95].

При изобилии фонетических ошибок грамматически речь Масы практически безупречна: он употребляет разнообразные конструкции, использует пассивный залог («убийство за деньги исключается»), эллипсис («Еще глаза», «Ясно — сумасшедший ритуал»), парцелляцию («Маньяк убил, точно. Как тогда Декоратор»). С момента прибытия в Россию прошло 18 лет (действие «Любовника смерти» относится к 1900 году), и японец прекрасно владеет русским языком, не допуская ошибок в падежах, согласованиях и пр. При этом фонетическая база русского языка ему по-прежнему дается трудно, что в целом вполне соответствует реальному положению дел: как правило, носителям японского языка действительно сложно избавиться именно от акцента.

Для читателя этот текст представляет собой своего рода шифр, но с вполне прозрачным «ключом»: «л» — «р», «з» — «дз», «ч», «щ», «ч» — «с». Текст читается не так легко, как написанный на нормальном русском языке, но при определенном усилии вполне ясен. Далее в тексте произведения «Любовник Смерти» указано: *Сенька уже научился разбирать его чудной говор* [Там же, с. 133]. С этого момента Маса говорит уже по-русски, и его слова передаются в косвенной речи: *Маса рядом стоит, поучает. Это тебе, говорит, страх мешает* [Там же, с. 134].

Далее, почти до конца «фандоринского корпуса», речь Масы представлена краткими фразами-маркерами его акцента, как бы напоминающими о том, что от фонетического искажения русской речи он так и не смог избавиться. В «Черном городе», действие которого происходит в 1914 году, Маса произносит в начале романа: *Совсем прохоч? ... Не надо носичь в дом сторько зра. Пусчь останется тут* [Акунин, 2014, с. 14]. В «Не прощаюсь», действие которого происходит уже

в 1918—1919 годах, Маса говорит по-русски без малейшей ошибки, упоминается лишь о «нечистом» произношении «л»: *По-русски он говорил хорошо, только букву «эль» выговаривал не совсем чисто* [Акунин, 2018, с. 9].

В последующих произведениях Масахиро говорит уже на русском языке, периодически мысленно вспоминая японские слова, и его речь полностью лишается искажений.

3. Лексические макаронизмы: Сенька Скорик

В «Любовнике Смерти» и «Черном городе» фигурирует наряду с Масой другой персонаж — ассистент сыщика Семен Скорик, первоначально — юный бандит, затем — остепенившийся кинопродюсер. Речь Скорика также далека от русского литературного языка, причем в его случае используется смешение лексических единиц. Юный Скорик в «Любовнике Смерти» говорит на смеси русского языка с воровским арго, а во взрослом возрасте его речь изобилует французскими словами.

В обоих произведениях, где представлены образцы речи Скорика, Акунин прибегает к макаронической речи [Макароническая поэзия, 1974, с. 199]: во фразу, построенную грамматически по правилам русского языка, вставлены слова, которые могут быть непонятны читателю (за счет отсутствия у него сведений о воровском арго или о французском языке). Такая «составная» речь отсылает к «Заводному апельсину» Энтони Берджесса, герой которого, как и Сенька, является малолетним бандитом и описывает события от первого лица. При этом Берджесс вставляет в речь своего героя русские слова, написанные английскими буквами: *The chelloveck sitting next to me, there being this long big plushy seat that ran round three walls, was well away with his glazzies glazed and sort of burbling slovos like "Aristotle wishy washy works outing cyclamen get forficulate smartish". He was in the land all right, well away, in orbit, and I knew what it was like, having tried it like everybody else had done, but at this time I'd got to thinking it was a cowardly sort of a veshch, O my brothers. You'd lay there after you'd drunk the old moloko and then you got the messel that everything all round you was sort of in the past* [Burgess, 2007, p. 13].

Отметим, что Берджесс использует не какие-то экзотические, а вполне нейтральные, часто употребляемые русские слова: человек, глаза, слово, вещь, молоко, мысль и пр. В тексте они функционально заменяют соответствующие английские слова: вместо "The man sitting next to me" Берджесс пишет "The chelloveck sitting next to me".

Сенька Скорик Акунина строит свои высказывания по тому же принципу: во фразу включаются слова из воровского арго, причем часть из них объясняется во внутренней речи героя, а часть лексем предьявляется читателю «по факту», без предварительного разъяснения. Такие слова, как *слам*, *сламщик*, *хабар*, *черняшка*, *кобелиться* и прочие, не объясняются, так как в общем их значение понятно из контекста. Часть слов Сеньке не знакомы, так как он, по сюжету романа, недавно перешел с Сухаревки на Хитровку, и, например, такие слова, как *мамзелька* он сам для себя «переводит» более привычным ему *лахудра*. По мере освоения Сенькой хороших манер он начинает говорить стилистически правильно, концентрация жаргона в речи уменьшается.

Во второй раз в «фандоринском корпусе» Сенька Скорик фигурирует уже в роли кинопродюсера, организующего съемки фильма, в романе «Черный город». Его речь становится подлинно макаронической: в русские фразы бессистемно вкраплены французские слова, написанные автором русскими буквами: *О, это лишь половина моего прожэ! На прошлой картине я сделал великий декуверт: для успеха фильма нужно превращать заглавную актрису в этуаль, сияющую на небе* [Акунин, 2014, с. 62].

Речь мсье Симона, как называет этого героя автор в «Черном городе», грамматически построена по правилам русского языка, однако часть русских лексем заменена французскими. Грамматические характеристики французского слова при этом игнорируются: так, слово *decouverte* ‘открытие’ во французском является существительным женского рода, и следовало бы сказать «я сделал великую декуверт» либо, если ориентироваться на род слова-перевода или предполагать принадлежность заимствования к числу неодушевленных несклоняемых слов, «я сделал великое декуверт». Симон же руководствуется аналогией: в русском языке сходные заимствованные слова принадлежат к мужскому роду (ср. *мольберт, конверт, концерт* — они склоняются), следовательно, и слово *декуверт* он причисляет к мужскому.

Аллюзия к «Заводному апельсину» в «Черном городе» становится более явной не только за счет правил построения речи героя: Семен Скорик, он же мсье Симон, преобразается — из бандита становится кинопромышленником — и представляет собой удачный образец той метаморфозы, которую насильственно хотели осуществить с героем «Заводного апельсина», прививая ему с помощью рефлексов отвращение к дракам и грабежам. Аллюзия к «Заводному апельсину» присутствует также и в другом тексте «фандоринского цикла» — в повести «Декоратор» из книги «Особые поручения», герой которой, как и Алекс у Берджесса, видит в насилии определенную эстетику. Для Алекса эстетизация зла выражается через классическую музыку, для Декоратора-Потрошителя — через визуальную составляющую: его преступления служат цели «открыть» внутреннюю красоту человеческого организма.

4. Грамматическое искажение речи как ключ к пониманию сущности героя: Кара-Гасым

В «Черном городе» появляется лже-помощник — бандит Гасым, который первоначально кажется Эрасту Петровичу положительным человеком и на какое-то время заменяет раненого Масахино. Гасым также разговаривает на искаженном русском, однако у него в отличие от остальных персонажей искажение — маска, он владеет правильным русским языком и лишь изображает неграмотность. В его случае принцип искажения — грамматический. Так, в речи Гасыма страдает категория падежа: *Я знал, что к собака Месроп Арташесов много плохие люди гости приедут. Ждал, кто первая назад город поедет без большой охрана ... А в нефтяная скважина живой человек кидать никто нельзя. Даже плохая человек нельзя. Кто такой сделал — хуже шайтана* [Там же, с. 139]. Особенностью его речи является пренебрежение падежными окончаниями, то есть использование именительного падежа вместо косвенных.

Гасым в некотором смысле изобретает свою систему правил, которую он охотно разъясняет, например, в отношении категории рода:

— *Слушай, ты по-русски говоришь хорошо, только мужской и женский род все время путаешь. Это что, самое трудное?*

— *Зачем трудное? Хорошее слово всегда «он», плохое слово — «она». Я женщины не уважаю. Вся зло от них* [Там же, с. 140].

Предпринятая Гасымом метаморфоза практически не мешает понимать его, и речь персонажа в отличие от образцов речи Масахиرو и Симона практически не выглядит «ребусом». Тем не менее он вмешивается в фундаментальные закономерности устройства языка, осознанно изменяя системные свойства языковых единиц. В русском языке не два грамматических рода, а три — помимо мужского и женского, присутствует еще и средний род. Кроме того, по своей сути категория рода неизосемична: лишь у малой части слов, обозначающих людей и животных, грамматический род соответствует физиологическому полу (студент — студентка, лев — львица). Подавляющее большинство существительных имеет произвольную категорию рода, никак не связанную с денотатом [Лингвистический энциклопедический словарь, 1999, с. 377]. Но Гасым создает свою философию без опоры на наблюдения над истинным внутренним устройством языка и применяет ее к языковому материалу.

Объясняя разницу между синхроническим и диахроническим подходом к изучению языка, Фердинанд де Соссюр прибегает к метафоре шахмат: например, для шахматной партии не имеет значения, сделаны ли сами фигуры из дерева или из стекла, также несущественно, например, что шахматы пришли в Европу из Индии. Существенным с точки зрения игры является лишь одно: совокупность правил, в соответствии с которыми передвигаются фигуры. Если нарушить эту систему и, например, передвигать коня по прямой, то такая игра уже не будет являться шахматами [Соссюр, 1999, с. 116].

Кара-Гасым, таким образом, нарушает внутренний строй языка, вводя альтернативные правила, и создает, таким образом, другой язык. Фундаментальное отличие речи Гасыма от речи других персонажей, искажающих русский язык, — Симона и Масахиرو, — становится своего рода «ключом» к пониманию сути данного персонажа. Фандорин практически до конца текста не может понять, кто именно его предает, не видит, что самую большую опасность для него представляет именно находящийся с ним рядом Гасым. Этого не понимает и Маса, у которого Гасым также вызвал полное доверие. Между тем автор с помощью лингвистических особенностей речи явно выделяет этого персонажа из круга ему подобных и указывает на его отличие.

В конце романа «Черный город» Кара-Гасым сбрасывает маску — и становится ясно, что именно неграмотная речь была его лучшей маскировкой, посредством которой он отводил от себя подозрения: *Как чисто он говорит по-русски! Вот что поразило Эраста Петровича больше всего* [Акунин, 2014, с. 407].

Из краткой речи Гасыма, произнесенной уже на правильном русском языке, явствует, что в жизни он руководствуется своими правилами, как и в обращении с русским языком. Проницательный Фандорин не смог распознать в нем предателя,

так как пытался расшифровать его действия в одной семиотической системе, а Гасым действовал в другой — альтернативной, изобретенной им самим.

«Черный город» был опубликован в 2012 году, затем вышел сборник «Планета вода» (2015), однако действие включенных в него повестей («Планета вода», «Парус одинокий» и «Куда ж нам плыть?») относится к более раннему периоду жизни Фандорина, до 1914 года. До появления книги «Не прощаюсь» (2018), в которой рассказывается о дальнейшей судьбе Фандорина после ранения в голову, читатели полагали, что Фандорин погиб от руки Кара-Гасыма. Впоследствии стало ясно, что Фандорин выжил, однако именно из-за Гасыма не состоялось расследование причин смерти эрцгерцога Фердинанда, что, в свою очередь, спровоцировало начало мировой войны и революции в России. В ходе социальных трансформаций в стране претерпели изменения семиотические подсистемы — язык эпохи, этический комплекс и под., то есть появились новые слова, новые правила жизни в обществе. Это в первую очередь поражает пришедшего в себя в 1918 году Фандорина, который не понимает вывесок, не может разобраться в закономерностях и правилах новой жизни. И спровоцировал это во «вселенной Фандорина» человек, который посягал на семиотическую систему русского языка, — Кара-Гасым.

5. Комплексное искажение речи: доктор Линд в «Коронации»

Наиболее же интересным вариантом является комплексное искажение речи. Так, в романе «Коронация» преступник доктор Линд, маскирующийся под гувернантку Эмилию Деклик, говорит с искажениями, реализующимися на всех уровнях языковой системы: речь имеет и фонетические, и морфологические, и лексические дефекты: *Господин Зьюкин, можно я буду пехевести часы на полминута? (Ей никак не давалось русское «р» — получалось нечто вроде малороссийского «х»). Больше чем полминута я всё хавно никогда не опаздывала* [Акунин, 2006, с. 38].

Превращение русского [р] в [х], якобы воспроизводящее французский акцент, в реальности же, наоборот, представляет собой вариант акцента русских людей, говорящих на французском: французская [г] увулярного образования, и физиологически к ней ближе всего русская заднеязычная [х] [Зиндер, 1979, с. 16], поэтому русские люди, изучающие французский, могут на месте французского [г] произносить [х]. Доктор Линд — Эмилия Деклик — зеркально копирует акцент тех, кто его окружает: русских людей, говорящих по-французски.

В речи Линда-Деклик присутствуют различные морфологические ошибки, в частности, упоминавшееся выше вольное обращение с падежами (*перевести часы на полминута*). Однако она владеет русским языком значительно лучше, чем хочет показать, что доказывается следующим примером: *Я оставила его в ... La gloriëtte. Говохилка? Хазговахка?* [Акунин, 2006, с. 49]. Мадемуазель Деклик образует слова по аналогии (*говохилка, разговорка* вместо *беседка*), к чему может быть способен только человек с чрезвычайно развитым словарным запасом и знанием продуктивных словообразовательных моделей русского языка. Она часто вставляет в речь французские слова, как Сенька Скорик, прибегая к макаронической речи (*какой ещё surprise вы пхидумали* [Там же, с. 295]), однако при этом способна

конструировать каламбур на неродном для нее языке: Ах, мсье Зьюкин, я видела в Вена её жених пхинц Олаф. ... Олаф цахя небесного, да? [Там же, с. 124].

Как и в случае с Кара-Гасымом, псевдо-незнание языка становится маской: человек маскирует свои истинные познания фонетическим акцентом, лексическими и грамматическими ошибками — отсутствием косвенных падежей, неузуальной сочетаемостью («положили в стеклянный колпак»): *Он кхасивый мужчина, а она в такой возраст. Это ничего. Пускай Ксения немножко знает любовь, пока её не положили в стеклянный колпак* [Там же].

Эта антитеза внешней оболочки и внутреннего содержания постоянно подчеркивается и в описании мадемуазель Деклик: Афанасий Зьюкин, рассказчик в книге «Коронация, или Последний из романов», отмечает, что при внешней благопристойности этой дамы в ее глазах сверкали огоньки. Речь Линд-Деклик как бы объединяет в себе все используемые в «фандоринском корпусе» варианты речевых искажений, что, в принципе, соответствует ее статусу гения преступного мира, сверхпреступника, за которым Фандорин охотится много лет. Образ доктора Линда является своего рода аналогом другого известного персонажа — профессора Мориарти, многолетнего противника Шерлока Холмса [Гереяханова, 2017, с. 142], есть симметрия даже в их именовании: *доктор* — *профессор*. Описывая его деяния, Фандорин подчеркивает, что до последнего момента не знал даже, с кем он имеет дело — мужчиной или женщиной. Поразительная способность перевоплощаться и находить общий язык с любым собеседником отражается в языковых маркерах, в посягательстве на системные признаки языковых единиц. Отметим, что и деяния доктора Линда (спровоцированная им в соответствии с сюжетом романа давка на Ходынском поле) становятся отправной точкой цепи событий, приводящих к смене в России государственного строя и существенной трансформации семиотических подсистем — языка, этики и под.

6. Заключение

Григорий Чхартишвили, выступающий под псевдонимом «Борис Акунин», имеет филологическое образование, знает японский язык, он перевел с японского на русский множество художественных произведений. Глубокое знакомство со структурой как японского, так и русского языка, а также знание еще нескольких иностранных языков дают ему возможность вводить в тексты художественных произведений различные лингвистические приемы игры с читателем. Поскольку детектив как жанр основан на игре с читателем [Кихней и др., 2018; Вольский, 2006; Снигирева и др., 2017] — при наличии тех же исходных данных, что и у героя-сыщика, читатель должен догадаться, кто преступник, — Акунин включает в свои тексты различные «подсказки» для читателя, метазнаки, являющиеся циклообразующими признаками серий его произведений. В серии «Новый детектив» таким ключом-подсказкой, в частности, является искаженная, неграмотная речь, свойственная различным персонажам.

Мотив искаженной речи повторяется в нескольких произведениях «фандоринского цикла». При этом для непосвященного, не обладающего лингвистическими

знаниями читателя все герои, коверкающие русский язык, выглядят одинаково. Более того, разобрать речь мсье Симона или Масахирос Сибаты, не обладая специальными знаниями, значительно сложнее, чем понять Кара-Гасыма.

В контексте интерпретации особенностей речи персонажей художественного произведения приравнивать друг к другу фонетические, лексические и грамматические искажения нельзя: при общности факта искажения они затрагивают разные уровни языковой структуры и на этом основании должны различно «расшифровываться» читателем. Так, фонетически искаженная речь, характерная, например, для героя-японца Масахирос Сибаты (*курасивый* вместо *красивый*, *Кураша* вместо *Глаша* и пр.), хотя и является явным и очень заметным признаком речи иностранца, тем не менее не затрагивает основ языковой системы. Лексическое искажение, введенное, например, в речевой образ Семена Скорика (персонажа романов «Любовник Смерти» и «Черный город»), для высказываний которого характерны макаронические вкрапления (он вставляет в русские фразы лексемы из воровского арго или слова на французском языке), также несущественно для фундамента языковой системы.

Персонажами, которые в «фандоринском корпусе» используют грамматический принцип искажения речи (как единственный или как один из принципов), прослеживаемый на протяжении почти всего текста произведения, являются доктор Линд из «Коронации» и Кара-Гасым из «Черного города». Они создают альтернативную систему правил, и их речь является лингвистической маской. Искажения, предпринимаемые Гасымом и Линдом, осознанные, и они затрагивают языковую систему, склонную к консервативности: категорию рода, категорию падежа.

Лингвистический анализ речи персонажей выявляет оппозицию образов: Масахирос и Симон, несмотря на многочисленные фонетические и лексические ошибки соответственно, говорят на русском языке, а Кара-Гасым и доктор Линд существенно, а главное — намеренно, искажают грамматические свойства языковых единиц. Это отражается в образах соответствующих персонажей: Семен Скорик и Масахирос Сибата, при первом знакомстве пытавшиеся причинить вред Фандорину, в итоге становятся его друзьями и верными помощниками. Кара-Гасым же, предстающий в роли спасителя Фандорина, оказывается предателем и убийцей. Доктор Линд также первоначально представляется положительным персонажем. Характерное для его речи вольное обращение с фонетикой, лексикой и грамматикой русского языка является подсказкой для читателя: это знак предателя, выдающего себя не за того, кем он является на самом деле. Оценка доктора Линда как выдающегося мастера маскировки и перевоплощения находит свою реализацию и на языковом уровне.

Таким образом, писатель вступает в игру с читателем и на лингвистическом уровне, давая возможность «читать» код персонажа и понять его сущность, опираясь на языковой материал.

Источники

1. Акунин Б. Коронация, или последний из романов / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2006. — 448 с.
2. Акунин Б. Любовник Смерти / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2001. — 393 с.

3. Акунин Б. Не прощаюсь. Приключения Эраста Фандорина в XX веке / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2018. — 416 с.
4. Акунин Б. Нефритовые четки / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2007. — 704 с.
5. Акунин Б. Особые поручения / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 1999. — 320 с.
6. Акунин Б. Смерть Ахиллеса / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2002. — 366 с.
7. Акунин Б. Черный город / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2014. — 416 с.
8. Burgess A. A Clockwork Orange / A. Burgess. — London : Penguin Books, 2007. — 176 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкатова Ю. А. Интертекстуальность словесно-художественного портрета / Ю. А. Башкатова. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006. — 143 с.
2. Вольский Н. Н. Легкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра / Н. Н. Вольский. — Новосибирск : НГПУ, 2006. — 278 с.
3. Герейханова К. Ф. «Конандойловский» след в «Нефритовых четках» Б. Акунина : стилистические рецепции оригинала и русских переводов / К. Ф. Герейханова // Культура и цивилизация. — 2017. — Т. 7, № 4А. — С. 182—189.
4. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. — перевод с английского Ю. К. Лекомцева. — Москва : Комкнига, 2006. — 248 с.
5. Зиндер Л. Р. Общая фонетика / Л. Р. Зиндер. — Москва : Высшая школа, 1979. — 312 с.
6. Кихней Л. Г. Ономастическая игра как элемент интертекста в сборнике Бориса Акунина «Нефритовые четки» / Л. Г. Кихней, К. Ф. Герейханова // Россия в мире : проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Материалы V Международной научно-практической конференции. — Москва : ПензГТУ, 2018. — Т. 5. — С. 23—30.
7. Кихней Л. Г. «У шкастунки второе дно ...» : к интертекстуальным парадоксам Бориса Акунина / Л. Г. Кихней, К. Ф. Герейханова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Литературоведение. Журналистика. — 2017. — Т. 22, № 4. — С. 608—613.
8. Кротова Д. В. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм / Д. В. Кротова. — Москва : МАКС-Пресс, 2018. — 224 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / редактор Н. В. Ярцева. — Москва : Энциклопедия, 1990. — 685 с.
10. Макароническая поэзия // Словарь литературоведческих терминов / редактор-составитель : Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. — Москва : Просвещение, 1974. — С. 199.
11. Осьмухина О. Ю. Детектив 2000-х гг. как полихудожественный текст : «Черный Город» Бориса Акунина / О. Ю. Осьмухина // Пушкинские чтения-2013. «Живые» традиции в литературе : жанр, автор, герой, текст : материалы XVIII международной научной конференции / под общей редакцией В. Н. Скворцова ; ответственный редактор Т. В. Мальцева. — Санкт-Петербург : ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2013. — С. 55—59.
12. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика (на материале английского и русского языков) : учебное пособие / Н. М. Разинкина. — Москва : Высшая школа, 2004. — 271 с.
13. Реформаторский А. А. Основные положения Московской фонологической школы / А. А. Реформаторский // Из истории отечественной фонологии. — Москва : Наука, 1970. — С. 114—120.
14. Снигирева Т. А. Борис Акунин и его игровой мир : монография / Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов, А. В. Снигирев. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. — 178 с.
15. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр ; перевод с французского А. Сухотина. — Екатеринбург : издательство Уральского государственного университета, 1999. — 432 с.

ARTISTIC FUNCTIONS OF DISTORTED SPEECH IN THE “FANDORIN CORPUS” BY

B. AKUNIN

© **Artem B. Borunov** (2020), orcid.org/0000-0003-2507-7218, PhD in Philology, Lecturer, Department of English Language Teaching and Business Communication, Moscow City University (Moscow, Russia), borunov.artem@yandex.ru.

The speech characteristics of the characters of Boris Akunin's "Fandorin corpus" as a cycle-forming principle are analyzed. Attention is paid to distorted speech, analyzed in terms of language levels. The results of a comparative analysis of the speech characteristics of four characters, in whose speech there are examples of distortion, are presented. The question is raised about the status of the language they speak: in fact, despite the external similarity of their speech, the structural principles of distortion are significantly different. Attention is paid to such types of distortions as phonetic, lexical, grammatical. A classification of speech distortions characteristic of characters from Akunin's works is proposed. The novelty of the research is seen in the fact that the speech characteristics of the characters are considered in the light of the structuralist concept of the levels of the language system and serves as a key to identifying the criminal in those works in which the author does not reveal his name to the reader until the last lines. The analysis of speech strategies of the characters is carried out. The relevance of the study is due to the identification of the cyclical role of these strategies in the plot of the works included in the "Fandorin corpus". Various distortion strategies have been proven to be used as a postmodern game with the reader and represent the key to understanding the essence of the character.

Key words: speech distortion; internal and external linguistics; macaronisms; speech characteristic; phonetic level; grammatical level; lexical level.

MATERIAL RESOURCES

- Akunin, B. (1999). *Osobyie porucheniya* [Special assignments]. Moskva: Zakharov. 320 p. (In Russ.).
- Akunin, B. (2001). *Lyubovnik Smerti* [Lover Of Death]. Moskva: Zakharov. 393 p. (In Russ.).
- Akunin, B. (2002). *Smert' Akhillea* [The Death Of Achilles]. Moskva: Zakharov. 366 p. (In Russ.).
- Akunin, B. (2006). *Koronatsiya, ili posledniy iz romanov* [Coronation, or the last of the novels]. Moskva: Zakharov. 448 p. (In Russ.).
- Akunin, B. (2007). *Nefritovyye chetki* [Jade beads]. Moskva: Zakharov. 704 p. (In Russ.).
- Akunin, B. (2014). *Chernyy gorod* [The Black city]. Moskva: Zakharov. 416 p. (In Russ.).
- Akunin, B. (2018). *Ne proshchayus'*. *Priklucheniya Erasta Fandorina v XX veke* [I Don't say goodbye. Adventures of Erast Fandorin in the twentieth century]. Moskva: Zakharov. 416 p. (In Russ.).
- Burgess, A. (2007). *A Clockwork Orange*. London: Penguin Books. 176 p.

REFERENCES

- Bashkatova, Yu. A. (2006). *Intertekstualnost' slovesno-khudozhestvennogo portreta* [Intertextuality of a verbal and artistic portrait]. Kemerovo: Kuzbasssvuzdat. 143 p. (In Russ.).
- Elmslev, L. (2006). *Prolegomeny k teorii yazyka* [Prolegomena to a theory of language]. Moskva: Komkniga. 248 p. (In Russ.).
- Gereykhanova, K. F. (2017). «Konandoylovskiy» sled v «Nefritovykh chetkakh» B. Akunina: stilisticheskiye retseptsii originala i russkikh perevodov [“Konandoylovsky” trace in “Jade rosary” by B. Akunin: stylistic receptions of the original and Russian translations]. *Kultura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization], 7 (44): 182—189. (In Russ.).
- Kikhney, L. G., Gereykhanova, K. F. (2017). «U shkatulki vtoroe dno ...»: k intertekstualnym paradoksam Borisa Akunina [“The box has a second bottom ...”: to the intertextual paradoxes of Boris Akunin]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya:*

- Literaturovedeniye. Zhurnalistika* [Bulletin of the peoples' friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism], 22 (4): 608—613. (In Russ.).
- Kikhney, L. G., Gereykanova, K. F. (2018). Onomasticheskaya igra kak element interteksta v sbornike Borisa Akunina «Nefritovyye chetki» [Onomastic game as an element of intertext in the collection of Boris Akunin "Jade beads"]. In: *Rossiya v mire: problemy i perspektivy razvitiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarnoy i sotsialnoy sfere. Materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russia in the world: problems and prospects of international cooperation in the humanitarian and social sphere. Materials of the V International scientific and practical conference], 5. Moskva: PenzGTU. 23—30. (In Russ.).
- Krotova, D. V. (2018). *Sovremennaya russkaya literatura. Postmodernizm i neomodernizm* [Modern Russian literature. Postmodernism and neo-modernism]. Moskva: MAKSPress. 224 p. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Yu. (2013). Detektiv 2000-kh gg. kak polikhudozhestvennyy tekst: «Chernyy Gorod» Borisa Akunina [Detective of the 2000s as a polihudozhestvennyy text: "Black City" by Boris Akunin]. In: *Pushkinskiye chteniya-2013. «Zhivyye» traditsii v literature: zhanr, avtor, geroy, tekst: materialy XVIII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Pushkin readings-2013. "Living" traditions in literature: genre, author, hero, text: materials of the XVIII international scientific conference]. Sankt-Peterburg: LGU imeni A. S. Pushkina. 55—59. (In Russ.).
- Razinkina, N. M. (2004). *Funktsionalnaya stilistika (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov): uchebnoye posobie* [Functional stylistics (based on the material of English and Russian languages): textbook]. Moskva: Vysshaya shkola. 271 p. (In Russ.).
- Reformatorskiy, A. A. (1970). Osnovnyye polozheniya Moskovskoy fonologicheskoy shkoly [Main provisions of the Moscow phonological school]. In: *Iz istorii otechestvennoy fonologii* [From the history of Russian phonology]. Moskva: Nauka. 114—120. (In Russ.).
- Snigireva, T. A., Podchinenov, A. V., Snigirev, A. V. (2017). *Boris Akunin i yego igrovoy mir: monografiya* [Boris Akunin and his game world: monograph]. Sankt-Peterburg: Aleteyya. 178 p. (In Russ.).
- Sossyur, F. de. (1999). *Kurs obshchey lingvistiki* [Course of General linguistics]. Ekaterinburg: izdatelstvo Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. 432 p. (In Russ.).
- Timofeyev, L. I., Turayev, S. V. (eds.). (1974). *Makaronicheskaya poeziya* [Macaronic poetry]. In: *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of literary terms]. Moskva: Prosveshcheniye. 199. (In Russ.).
- Volskiy, H. H. (2006). *Legkoye cheniye. Raboty po teorii i istorii detektivnogo zhanra* [Easy reading. Works on the theory and history of the detective genre]. Novosibirsk: NGPU. 278 p. (In Russ.).
- Yartseva, N. V. (ed.). (1990). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moskva: Entsiklopediya. 685 p. (In Russ.).
- Zinder, L. R. (1979). *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moskva: Vysshaya shkola. 312 p. (In Russ.).

Жаткин Д. Н. Ранняя русская рецепция Джеймса Хогга (1830-е годы) / Д. Н. Жаткин, А. А. Рябова // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 255—267. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-255-267.

Zhatkin, D. N., Ryabova, A. A. (2020). Early Russian Reception of James Hogg (1830s). *Nauchnyi dialog*, 10: 255-267. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-255-267. (In Russ.).

УДК 821.161.1+821.111(411)Hogg.06

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-255-267

РАННЯЯ РУССКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ДЖЕЙМСА ХОГГА (1830-Е ГОДЫ)¹

© Жаткин Дмитрий Николаевич (2020), orcid.org/0000-0003-4768-3518, Researcher ID V-2151-2017, Scopus Author ID 56242070100, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный технологический университет» (Пенза, Россия), ivb40@yandex.ru.

© Рябова Анна Анатольевна (2020), https://orcid.org/0000-0001-7879-9957, Researcher ID Q-5288-2018, Scopus Author ID 56242052300, доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и переводоведения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный технологический университет» (Пенза, Россия), сва00@yandex.ru.

В статье впервые осмысливается ранняя русская рецепция шотландского писателя Джеймса Хогга (1770—1835), известного у себя на родине в качестве интерпретатора народных баллад и автора «Исповеди оправданного грешника» ("The Confession of a Justified Sinner", 1824) — сложного произведения, положившего начало теме раздвоения личности в английской литературе. Высказано предположение, что первым русским, услышавшим о Хогге и его произведениях, был А. И. Тургенев, посетивший в августе 1828 года в Абботсфорде В. Скотта. Осмыслены материалы русской периодики 1830-х годов («Библиотека для чтения», «Северная пчела», «Телескоп», «Московский наблюдатель»), сообщавшие факты о жизни и творчестве Хогга. Отмечено, что авторами ряда статей (в большинстве своем опубликованных без подписи и под криптонимами) были значительные критики и публицисты эпохи — О. И. Сенковский, Н. А. Полевой, Н. И. Надеждин. Установлено, что в 1830-е годы были переведены на русский язык фрагменты из мемуарной книги Хогга о жизни В. Скотта в Абботсфорде «Сэр Вальтер Скотт в кругу семьи» ("The Domestic Manners and Private Life of Sir Walter Scott", 1834), а также фрагмент из книги "Noctes Ambrosianae" («Амброзианские ночи», 1802—1835), приписывавшейся Хоггу, но в реальности являвшейся коллективным трудом Дж. Вильсона, Дж. Г. Лоухарта, Хогга и У. Магинна. В результате анализа публикаций о Хогге в периодике и в четырнадцатом томе «Энциклопедического лексикона» (1838) выявлены неточности в представлении биографических фактов, склонность русских публицистов к некритическому восприятию субъективных оценок Хогга-мемуариста, во многом обусловленных его желанием подчеркнуть собственную литературную значимость. Отмечено, что, представляя Хогга последователем Бернса и другом Скотта, авторы статей в русской периодике не уделяли должного внимания творческой индивидуальности Хогга, самобытности его творческого наследия, в результате чего поздний период его литературной биографии (конец 1810-х — середина 1830-х гг.), связанный с созданием «Исповеди оправданного грешника» и ряда других значительных произведений, остался незамеченным на фоне раннего творчества, связанного с опорой на народную песенность.

Ключевые слова: Джеймс Хогг; Вальтер Скотт; Роберт Бернс; рецепция; традиция; литературная критика; мемуары; балладное творчество; народная песенность; русско-английские литературные связи; межкультурная коммуникация.

1 Статья подготовлена по проекту Российского научного фонда № 17-18-01006п «Эволюция русского поэтического перевода (XIX — начало XX в.)».

1. Введение

Шотландский писатель Джеймс Хогг (1770—1835) известен в России только узкому кругу специалистов в области английской литературы, однако очень популярен у себя на родине. Уроженец округа Эдбург в южной Шотландии, прозванный Эдбургским пастухом, он прекрасно знал народные баллады и легенды этого края, подружившись с В. Скоттом, помогал ему составлять антологию баллад «Песни шотландской границы» (“*Minstrelsy of the Scottish Border*”, 1802—1803). И в своих оригинальных стихах, и в текстах, которые он обрабатывал и писал на старинные мелодии, Джеймс Хогг нередко достигал мастерства Р. Бернса. Главное произведение Джеймса Хогга, положившее начало теме раздвоения личности в английской литературе, — «Исповедь оправданного грешника» (“*The Confession of a Justified Sinner*”, 1824) — долгое время не переводилось и было заново открыто в середине XX века французским писателем Андре Жидом, отметившим в «Исповеди оправданного грешника» сложную проблематику (можно ли оправдать убийство абстрактным благом для человечества, имеют ли избранные право на совершение убийства и др.), близкую проблематике прозы Ф. М. Достоевского. В настоящее время коллективом ученых и переводчиков под руководством Е. В. Халтуринной осуществляется реализация научного проекта, связанного с подготовкой первого русского издания «Исповеди оправданного грешника» в академической серии «Литературные памятники». В преддверии выхода этого фундаментального труда возникает необходимость осмыслить этапы русской рецепции Джеймса Хогга, специфику прочтения его произведений отечественными учеными, переводчиками и критиками XIX — начала XXI века. Данная статья, представляющая ранний период русской рецепции Джеймса Хогга (1830-е гг.), открывает цикл работ, в рамках которого планируется проследить эволюцию восприятия в России творчества шотландского писателя.

2. Первое русское свидетельство о Джеймсе Хогге

Характеризуя русские знакомства Вальтера Скотта, М. П. Алексеев анализировал неопубликованные дневниковые и эпистолярные материалы историка и общественного деятеля А. И. Тургенева и отмечал, что в августе 1828 года, гостя в Абботсфорде, А. И. Тургенев вместе с В. Скоттом «заходили на ферму, коей крестьянин — брат поэта, часто посещающего В. Скотта» [Алексеев, 1982, с. 345]. М. П. Алексеев отметил, что А. И. Тургенев познакомился на ферме с братом поэта Джеймса Хогга, помогавшего выдающемуся современнику собирать «пограничные» баллады и издавшего с его помощью и при содействии герцога Баклю несколько поэм [Алексеев, 1982, с. 345]. Утверждение М. П. Алексеева подтверждается упоминанием о брате Джеймса Хогга, служившем пастухом у В. Скотта, в «Письмах и воспоминаниях о сэре В. Скотте, собранных миссис Хьюз (Уффингтонской)» (“*Letters and Recollections of Sir W. Scott, by Mrs. Hughes (of Uffington)*”) [Letters ..., 1904, p. 258]. Сказанное позволяет предположить, что А. И. Тургенев стал первым русским, кто, в процессе общения с В. Скоттом, услышал о поэте Джеймсе Хогге и его литературном творчестве.

3. Джеймс Хогг на страницах «Библиотеки для чтения»

Имя Джеймса Хогга в русской печати впервые появилось на страницах «Библиотеки для чтения», во многом благодаря деятельности редактора этого журнала О. И. Сенковского. В 1834—1836 годах «Библиотека для чтения» опубликовала шесть материалов, так или иначе представлявших Хогга и его творчество российскому читателю. Журнал оказался единственным отечественным изданием, написавшим о Хогге в России еще при его жизни; прочие издания сообщали о шотландском авторе уже после его кончины в ноябре 1835 года. В «Библиотеке для чтения» фамилия Хогга была транслитерирована как *Гогг*; такое написание (отчасти в силу преемственности) сохранилось в ряде публикаций вплоть до конца XIX века.

Опубликованная в шестом томе «Библиотеки для чтения» за 1834 год статья «Вальтер Скотт и его семейство» (за подписью *М. М.*) ставила целью познакомить русских читателей с мемуарной книгой Джеймса Хогга о жизни В. Скотта в Абботсфорде «Сэр Вальтер Скотт в кругу семьи» (“The Domestic Manners and Private Life of Sir Walter Scott”, 1834). Очевидно, причинами обращения журнала к английской литературной новинке стали значительная прижизненная слава Вальтера Скотта в России и интерес к его биографии, особенно усилившийся в первые годы после смерти писателя в 1832 году. Обещая читателям извлечь из книги Хогга, «изобилующей анекдотами, только разительные черты сира Вальтера» [М. М., 1834, с. 46], автор статьи вполне справлялся с этой задачей, однако представлял В. Скотта не столько писателем, сколько человеком необыкновенных способностей. Например, в статье дан перевод фрагмента книги, свидетельствующего о феноменальной памяти В. Скотта, сумевшего дословно воспроизвести единожды услышанную от Хогга пространную балладу, состоявшую из восьмидесяти восьми строф. При этом феноменальными способностями оказывается наделен и сам Хогг, сочинивший эту балладу «почти в уме» [М. М., 1834, с. 46].

Подбирая материал, автор «Библиотеки для чтения» стремился всячески акцентировать непостижимость натуры Вальтера Скотта, гостеприимного хозяина дома, с утра и до вечера наполненного посетителями, который, однако, мог найти время и на прием гостей, и на работу над новыми книгами. В одном из переведенных эпизодов мемуарной книги Хогга критикуется назойливость посетителей В. Скотта: «Никто не знает, как и когда писал он свои бесчисленные творения. <...> Невозможно было не сожалеть о времени, которое отнимали у этого знаменитого мужа. Я находил это бессовестным. Он однажды пригласил меня на две недели: я приехал, но не решился остаться более трех дней, — обыкновенно посещения мои были не продолжительнее» [М. М., 1834, с. 47]. Джеймс Хогг отмечал умение В. Скотта поддержать беседу на любую тему, оставаясь непринужденным рассказчиком занимательных, забавных историй, нередко сочиненных по ходу диалога, причем отдельно останавливался на интересе писателя к светской жизни, что была непонятна и неинтересна самому Хоггу: «...он беседовал с известным лондонским книгопродавцем Мурреем. Они толковали только о знати, о членах парламента и о литераторах. Я в жизнь свою о них не слыхивал, да и слышать не хотел» [М. М.,

1834, с. 48]. В каждом из эпизодов книги великодушная натура В. Скотта представляла через призму мировосприятия Хогга, его видения жизни; например, рассказывая о деликатной помощи великого писателя бедным литераторам, представлявшей собой оплату за переписывание старых и вряд ли нужных бумаг, Хогг дважды подчеркивал бездарность большинства из этих авторов: «Я знаю многих неудачных сочинителей, которых он [В. Скотт] содержал в продолжение нескольких лет. <...> Он, будучи сам знаменитым писателем, помогает многим бездарным» [М. М., 1834, с. 48].

Еще одной чертой В. Скотта, отмеченной Хоггом, была забота об «общественном благосостоянии» в духе политики тори. После победы вигов над тори, ознаменовавшей собой крах жизненных идеалов, В. Скотт терзался мыслями о неизбежной революции, что отразилось на содержании бесед с Джеймсом Хоггом: «С той минуты, как он увидел, что демократия берет верх, он потерял всю надежду на благоденствие не только Британии, но и частных лиц в народе. Однажды, говоря со мной об этом, он с особенным, глубоким чувством желал мне счастья и успеха в моих предприятиях, и желания свои перемешивал соболезнованиями о постигших меня мирских бедствиях и о тех, которые должны еще меня постигнуть, как англичанина» [М. М., 1834, с. 49]. По наблюдению Хогга, В. Скотт также был «исправным корреспондентом»: «Он отвечал на каждое получаемое им письмо, от кого бы оно ни было, — от богатого или от бедного, и большею частию отвечал не слишком коротко» [М. М., 1834, с. 49].

Как видим, из обширных мемуаров Хогга подготовитель публикации в «Библиотеке для чтения» выделил эпизоды, характеризовавшие человеческие качества Вальтера Скотта. Значительный фрагмент публикации был посвящен семье писателя, его жене, детям Софии, Вальтеру, Анне, Карлу. При этом мемуарист вновь не забывал о себе, рассказав о том, как после свадьбы привез в Абботсфорд молодую жену, вызвавшую симпатию В. Скотта, похвалившего выбор Хогга и удивившегося, откуда у последнего «столько ума и вкуса жениться на такой прекрасной женщине» [М. М., 1834, с. 50].

М. П. Алексеев, называвший Джеймса Хогга одним из «добрых приятелей» [Алексеев, 1991, с. 338] Дж. Вильсона, в своей статье «Джон Вильсон и его “Город чумы”», впервые опубликованной в 1960 году [Алексеев, 1960, с. 390—418], обратил внимание, что практически незамеченные в русской литературе “*Noctes Ambrosianae*” («Амброзианские ночи», 1802—1835) были ошибочно приписаны Джеймсу Хоггу в принадлежавшей О. И. Сенковскому вступительной заметке к переводу отрывка из этого произведения в десятом томе «Библиотеки для чтения», вышедшем в 1835 году [Алексеев, 1991, с. 339]. «Амброзианские ночи», являвшиеся коллективным трудом Джона Вильсона, Джона Гибсона Локхарта, Джеймса Хогга и Уильяма Магинна, были, прежде всего, произведением Вильсона, которым написана большая часть глав книги (сорок одна из семидесяти одной), и Магинна, предложившего идею создания «Ночей». Несмотря на то, что, по данным позднейших исследований, участие Хогга в создании цикла «Амброзианских ночей» было незначительным [Strout, 1937, p. 46—63], упоминание его имени как автора этого

произведения в «Библиотеке для чтения» способствовало дальнейшему знакомству с Хоггом в России.¹

Заметка О. И. Сенковского «Амброзианские ночи г. Гогга», предварявшая перевод фрагмента 71-й «Ночи», включавшего рассуждения Христофера Нортона о материальном и духовном и рассказ Скоттовода, обратившегося, с приходом Тиклера, к теме переселения душ, в частности, к своей прошлой земной жизни в телесной оболочке льва [Сенковский, 1835, с. 126—137], стала первым примером анализа русской критикой произведения, приписанного Хоггу, а потому воспринятого через призму биографии этого писателя, особенностей его языка и стиля. При этом неизменными в рамках ранней рецепции Хогга оставались его характеристики как «известного друга Вальтера Скотта», по сути — попытка привлечения внимания к малоизвестному имени посредством упоминания рядом с ним имени одного из самых популярных романистов, и напоминание о том, что Хогг прозван Эттрикским пастухом, «очень любит простонародное шотландское наречие» [Там же, 1835, с. 126], поскольку сам является выходцем из низших социальных слоев.

Характеризуя «Амброзианские ночи» как «одно из самых странных и вместе с тем самых остроумных произведений новейшей словесности», печатающееся с продолжением в номерах «Блэквуда» («Blackwood's Edinburgh Magazine»), держа «в напряжении любопытство и удовольствие английских читателей», О. И. Сенковский проводил параллель между этим произведением и известными из истории *афинскими вечерами*, религиозными культами Деметры и Диониса, ассоциировавшимися впоследствии с безудержными кутежами и оргиями: «Там пьют и пляшут; здесь пьют и едят устриц. Там между бокалом и танцовщицей рассуждают о философии; здесь тоже, между бутылкой и шалостью, рядят о важных делах и разбирают занимательные вопросы словесности, науки и современной политики» [Там же, 1835, с. 121]. Усматривая литературные истоки «Амброзианских ночей» в симпозионах Ксенофонта («Συμπόσιον», 360-е до н. э.) и Платона («Συμπόσιον», 385—370 до н. э.), «Застольных беседах» («Συμπόσιακά», начало I в. н. э.) Плутарха, «Пире мудрецов» («Δειπνοσοφισταί», начало III в. н. э.) Афиняя, О. И. Сенковский отдавал предпочтение сочинению новейшего времени, соединившему в себе «главные черты занимательности всех этих творений»: «...разнообразие, веселость, острота, оригинальный взгляд на предметы и колорит разговора обеспечивают устрицам г. Гогга неоспоримое преимущество перед всеми греческими “попойками”, хотя творцы их были нешуточные гении» [Сенковский, 1835, с. 121]. С Соократом у Ксенофонта и Платона критик соотносил образ Христофера Нортона, которому, наряду с риторическим мастерством, присущи «возвышенность помыслов, обильная ирония, смелость нравственных понятий, сильная и блистательная диа-

1 М. П. Алексеев был одним из немногих исследователей советского времени, с постоянством упоминавших имя Хогга в своих статьях. В частности, он сообщал о письме Джеймса Хогга лорду Байрону (февраль 1816 г.) относительно таланта Дж. Вильсона и его увлеченности У. Вордсвортом [Алексеев, 1991, с. 344]. Джеймс Хогг был назван М. П. Алексеевым среди многочисленных усердных читателей «Мельмота Скитальца» Ч. Р. Метьюрина и подражателей ему в Англии и Америке, при этом отмечалось, что «Исповедь оправданного грешника» Хогга имеет следы знакомства с «Мельмотом Скитальцем» [Алексеев, 1985, с. 595].

лектика» [Там же, 1835, с. 125]. В Скотоводе О. И. Сенковский видел творческое воплощение Хоггом самого себя, проявившееся, в частности, в постоянном употреблении Скотоводом «в своем мужиковатом разговоре» шотландского наречия, придающего «Ночам» «еще более выразительности и фламандской светотени» [Там же, 1835, с. 126]. Называя Скотовода «созданием истинно поэтическим и бесподобным» [Там же, 1835, с. 125], критик считал его несомненно более удачным и оригинальным в сравнении с героями Ксенофонта (Филипп) и Платона (Эриксимах). Отличительной особенностью «Амброзианских ночей» О. И. Сенковский называл необыкновенный драматизм диалогов, в которых «автор беспрестанно и с большой ловкостью переходит от неопределенного и мистического восторга к мужской простоте и точности определений, от изящнейшей беседы к языку простолудинов, от торжественных выходов, софистических тонкостей, цветистого афинского красноречия, нередко глубокой философии, к самому дикому и причудливому юмору, к самым уморительным буффонадам» [Там же, 1835, с. 125].

В связи со смертью Хогга в четырнадцатом томе «Библиотеки для чтения» за 1836 год было опубликовано сразу три материала: некрологическая заметка «Эттрикский пастух, Джемз Гогг» [Эттрикский ..., 1836, с. 18—20], фрагмент из мемуарной книги Хогга о Вальтере Скотте «Феодалный обед в Шотландии», раскрывающий не столько личность героя мемуаров, сколько человеческие качества самого мемуариста [Феодалный ..., 1836, с. 20—22], очерк о взаимоотношениях Хогга и Скотта «Дружба двух знаменитых литераторов» [Дружба ..., 1836, с. 23—25]. Некрологическая заметка, основанная на автобиографических материалах Хогга, представляла его пастушком, выходящем из простонародья, никогда не думавшим об обучении, но однажды (в восемнадцатилетнем возрасте) прочитавшим поэтическую книгу и решившим, что и он сможет слагать песни, увидевшим, насколько наполнен поэзией тяжелый крестьянский труд. Называя Хогга «поэтом с большим дарованием», анонимный автор отмечал, что его лучшее произведение «Пробуждение королевы» (“The Queen’s Wake”, 1813) «исполнено фантазии, хотя не везде одинаково, но блестит истинными красотоми»: «У него столько шотландской народности, что англичанин не может вполне ценить достоинства его поэзии и дивится ему более понаслышке, чем по внутреннему сознанию» [Эттрикский ..., 1836, с. 19—20].

Хогг представлен в «Библиотеке для чтения» не только другом, но и соперником Вальтера Скотта, в связи с чем в статье «Феодалный обед в Шотландии» приведены фрагменты мемуаров, в которых показаны отличия в мировоззрении двух писателей-современников. Так, Хогг находил «примечательнейшей странностью» [Феодалный ..., 1836, с. 20] благоговение Скотта перед шотландской аристократией и ее титулами, почитание им вассальского подданства, наконец, превознесение собственного благородного происхождения сразу от нескольких знатных фамилий: «Он <...> так часто толковал о своем тройном благородстве, что мне казалось это из рук вон смешным» [Там же, с. 21]. В качестве иллюстрации этого тезиса был представлен один эпизод из жизни — обед в замке Баухилл у герцога Баклю, во время которого Хогг, ощутивший себя «любимцем прекрасного пола» [Там же, с. 21], решил сесть за стол не по рангу, но был немедленно пересажен Скоттом за другой

стол, блюда на который не позволялось ставить прежде, чем их поднесут герцогу и лордам. Однако сам герцог оказался гораздо менее консервативным человеком, предложив, после выпитого, встать одной ногой на стол, а другой — на стул, и петь, чтобы испытать, достаточно ли все пьяны. Одним из тех, кто, исполняя британский гимн «Боже, храни Короля!» (“God Save the King”), не выдержал этого испытания, оказался Джеймс Хогг: «Я сам не взвидел под собой ног, дал кувырка и прокатился до самой стены, к крайнему удовольствию всего общества» [Там же, с. 22].

Еще одна статья в четырнадцатом томе «Библиотеки для чтения» — «Дружба двух знаменитых литераторов» — практически не представляла читателям фрагментов мемуаров Хогга, предлагая анализ отдельных обстоятельств его жизни, непосредственно связанных с именем Вальтера Скотта. В частности, в статье раскрыты обстоятельства выпуска Джеймсом Хоггом еженедельного журнала «The Spy», не поддержанного В. Скоттом, но все же состоявшегося и закрытого после публикации нескольких острых статей. Для Хогга был неприятен тот факт, что Скотт неизменно признавался лучшим английским писателем, тогда как его, Хогга, имя едва упоминалось, о чем он не преминул написать в журнале: «Право, забавно видеть, с каким искусством ставят нынче одного писателя в челе школы, а другого, который, может быть, получше его, в самый хвост. Как можно выдавать самого себя за величайшего гения в целом мире? Впрочем, это оригинально, если и не так-то благородно. Но есть великие писатели, которых мелочность не может долго скрываться, вопреки всем предосторожностям, и малейший случай дает любопытству способ снять с них затейливую личину» [Дружба ..., 1836, с. 23]. Скотт, заподозривший Хогга в самолюбовании и унижении литературного соперника, вступил с ним в конфликт, который, однако, вскоре закончился примирением.

И эту благополучно разрешившуюся ссору двух писателей, и многие другие факты, связанные с их общением, автор «Библиотеки для чтения» объяснял их «литературным совместничеством» [Там же, 1836, с. 23], движением в одном творческом направлении. При этом многие эпизоды, представленные в мемуарах Хогга весьма тенденциозно, принимались на веру, без малейших попыток иной, непредвзятой интерпретации. Так, со слов Хогга передано, что В. Скотт, будучи раздосадованным перекупкой у него поместья, которое он хотел приобрести, предполагая сделать в нем Хогга главным скотоводом, попросил одного из влиятельных знакомых взять Хогга к себе в ту же должность на выгодных условиях, но с уговором, чтоб последний «никогда не писал стихов и держал свой поэтический талант под спудом». Поддерживая отказ Хогга от договора, автор «Библиотеки для чтения» осуждал «меркантильный образ мыслей Скотта относительно дарования собственного его друга» [Там же, 1836, с. 24].

Некритичным прочтением мемуаров Хогга русским автором обусловлены рассуждения, что В. Скотт в апогее своей славы почти не помогал современнику своим литературным влиянием, отказываясь упоминать о нем в трудах, публикуемых на страницах лучших журналов, ограничиваясь почти исключительно советами. В статье приводятся слова В. Скотта, которыми тот, якобы, объяснял, почему осталось невыполненным обещание написать статью о всех произведениях Хогга: «Ви-

дишь, Гогг, я, право, было начал; собрал множество заметок, назначил несколько выписок; но я увидел, что, если захочу дать надлежащее понятие о твоих успехах и твоём поэтическом гении, то должно начать с баллад и следовать до твоего “Бдения Королевы”. Мне показалось, что мы с тобой пишем совершенно в одном роде, и что, если б я сказал о тебе все, что ты заслуживаешь, публика могла б подумать, что в тебе я расхваливаю самого себя» [Там же, 1836, с. 24]. Однако самолюбивый Хогг никак не относил себя к «рыцарской школе» «сэра Вальтера», воспринимая себя как самодостаточную фигуру в литературном процессе, ничуть не меньшую по масштабу дарования: «Я властелин горы и школы чародейства, которая бесконечно выше Вашей» [Там же, 1836, с. 24].

В очерке, напечатанном «Библиотекой для чтения», Скотт и Хогг представлены как равнозначные авторы, конкурирующие между собой на этапе раннего творчества в славе и в тщеславии. Например, Скотт был огорчен тем обстоятельством, что «отряд эдинбургской конницы предпочитает его балладам Гогговы». Скотт с вниманием относился к позиции Хогга как читателя его произведений, поскольку знал об его искренности, умении обосновать свое мнение относительно конкретных фрагментов текста, успехов и неудач его автора. Это была «невинная приятельская критика» [Там же, 1836, с. 25], когда рецензент мог сказать автору все, что он думает, не опасаясь конфликта, ссоры. Так, считая поэму “*Lady of the Lake*” («Дева озера», 1810) существенно отличающейся от более ранних произведений по предмету описания и избранному стихотворному размеру, В. Скотт не принял замечания Хогга, не увидевшего различия в стихе между этим и другими произведениями В. Скотта и отметившего только его содержательную новизну, однако не стал конфликтовать с Хоггом, сказав, что тот переменит свое мнение, когда внимательно прочтет всю поэму.

В пятнадцатом томе «Библиотеки для чтения», вышедшем в 1836 году, имя Хогга упоминается в анонимной рецензии на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя (СПб., 1836). Характеризуя неподражаемый гоголевский стиль, рецензент называл его «особенным малороссийским забавничанием», «простодушной украинской насмешкой», «малороссийской потехой», после чего призывал не смешивать его с английским юмором (humour), а именно с юмором Дж. Стерна, Ч. Лема, Дж. Хогга, или с французским зубоскальством (goguenardise) [Полевой, 1836, с. 3]. Согласно Н. Г. Чернышевскому, «в 1836 и 1837 гг. разборы для этого журнала <«Библиотеки для чтения»> доставлял Н. А. Полевой» [Чернышевский, 1947, с. 61]; на основании этого авторитетного свидетельства статья может быть атрибутирована Н. А. Полевому¹.

4. Упоминания о Джеймсе Хогге на страницах «Северной пчелы», «Телескопа» и «Московского наблюдателя»

Автор подписанной криптонимом *П.* рецензии на книгу «Стихотворения Алексея Кольцова» (М., 1835), отдельно отмечая стихотворения «Маленькому брату» и

¹ Отметим, что фрагмент рецензии, содержащий упоминание имени Хогга, был процитирован Н. Г. Чернышевским во второй статье «Очерков гоголевского периода русской литературы» (1855—1856) [Чернышевский, 1947, с. 61—62].

«Не шуми ты, рожь», готов назвать их автора «нашим Эттрикским пастухом» [Полевой, 1835, с. 1158]. Статья была атрибутирована при подготовке последующих изданий А. В. Кольцова. Во вступительной статье к «Полному собранию стихотворений» А. В. Кольцова, опубликованному в 1939 году в первом издании Большой серии Библиотеки поэта, Л. А. Плоткин сообщил, что в черновых бумагах редактора дореволюционного издания сочинений А. В. Кольцова А. И. Ляшенко имеется указание, что автор рецензии — Н. А. Полевой [Плоткин, 1939, с. 17]. Л. А. Плоткин согласился, что сближение в рецензии А. В. Кольцова с Джеймсом Хоггом, Эттрикским пастухом, автором шотландских пасторалей, в силу буколического характера ранней поэзии А. В. Кольцова «не лишено известных оснований» [Плоткин, 1939, с. 18].

Н. И. Надеждин в своей статье «Европеизм и народность в отношении к русской словесности», увидевшей свет в «Телескопе» в 1836 году, рассуждая о доступном и понятном всем языке, становящемся основанием народного единства, приводил в пример Англию, «где наравне читаются всеми, пишут одним языком для всех и лорд Байрон, и скромный пастух Эттрикский» [Надеждин, 1836, с. 217]. Судя по контексту, Джеймс Хогг был знаком Н. И. Надеждину, но при этом невысоко им оценивался.

На смерть Джеймса Хогга откликнулся в 1836 году «Московский наблюдатель» в заметке, посвященной уходу сразу четырех английских поэтов «знаменитого поколения <...>, обновившего и слог и чувство поэтическое» [О смерти ..., 1836, с. 199]. Называя Хогга последним, вслед за Дж. Краббом, С. Т. Кольриджем, Ф. Гименсом, автор заметки весьма неточно сообщал факты его биографии. Например, он утверждал, что «Джеймс Гогг родился 15 января 1772 года, тридцать лет спустя по смерти Бернса» [О смерти ..., 1836, с. 200], тогда как Хогг родился 9 декабря 1770 года, а Роберт Бернс умер значительно позднее — 21 июля 1796 года. Собственно, заметка и ограничивалась сообщением некоторых фактов, как то бедность родителей Джеймса Хогга, отсутствие воспитания (скорее, образования), работа пастухом, сочинение длинных баллад и их издание по подписке, выход первого сборника «Горный бард» (“The Mountain Bard”, 1807), дружба с В. Скоттом и поэтом Дж. Вильсоном, названным «главным издателем» «Blackwood’s Magazine», но в реальности являвшимся одним из основных авторов этого журнала. Также в заметке сообщалось, что особую известность Хоггу принесла поэма «Пробуждение королевы» и что он умер на своей ферме, подаренной ему герцогом Баклю [О смерти ..., 1836, с. 200].

5. Джеймс Хогг в «Энциклопедическом лексиконе» 1838 года

В статье четырнадцатого тома «Энциклопедического лексикона», вышедшего в 1838 году, приводится еще один вариант даты рождения Джеймса Хогга — 25 января 1772 года, сразу вызывающий ассоциации с датой рождения Роберта Бернса (25 января 1759 года), тем более очевидные, что последний был кумиром для молодого Хогга: «В это время поэтических попыток (1799), другой пастух прочитал ему поэму Бернса, Том О’Шантер. Гогг был поражен восторгом, озарен новым светом. Он захотел наследовать место Бернса, который также вырос посреди полей, также без образования сделался столь знаменитым поэтом, что ему хотели воздвиг-

нуть даже мраморный памятник. Словом, он узнал, что такое слава» [Гогг, 1838, с. 318]. Отмечая, что Хогг пришел к поэзии через музыку, наигрывание на скрипке шотландских мелодий, автор статьи в «Энциклопедическом лексиконе» отдельно подчеркивал напевность первых произведений поэта, в частности, патриотической баллады «Дональд Макдональд» (“Donald Macdonald”, 1803), ставшей популярной в самых широких кругах — от богатого эдинбургского общества до поселян и горных кланов. Дальнейший путь Хогга представлен в статье как череда достижений и разочарований: издание сборника баллад, одобренных В. Скоттом, принесло доход и позволило арендовать ферму, что, однако, было сделано не по средствам и довело Хогга до нищеты; Хогг вернулся в Эдинбург и снова попробовал себя в литературе, но собрание слабых юношеских стихотворений не раскупилось, а открытый им еженедельный журнал «The Spy» растерял подписчиков за год; и только появление пространной поэмы «Пробуждение королевы» и участие в журнале Уильяма Блэквуда («Blackwood’s Magazine») резко изменили жизнь шотландского поэта.

Поддерживая общее мнение о том, что поэма «Пробуждение королевы», представляющая собой ряд баллад, петых в Холирудском дворце перед Марией Стюарт бардами горной и южной Шотландии, позволила Хоггу получить признание в литературных кругах, автор энциклопедической статьи связывал между собой выход изданий поэмы и начало переписки Хогга со многими знаменитыми современниками, его знакомство с С. Т. Кольриджем, У. Вордсвортом, Дж. Г. Локхартом, Р. Саути, что несколько упрощало реальные обстоятельства. Ряд утверждений в «Энциклопедическом лексиконе» были полностью недостоверны (например, слова о том, что Хогг вместе «с Локхартом, зятем Вальтера Скотта, основал <...> “Блаквудов Магазин”» [Гогг, 1838, с. 319]) или противоречивы (в частности, замечание, что «Амброзианские ночи», печатавшиеся в “Blackwood’s Magazine”, написаны Джеймсом Хоггом и Дж. Вильсоном, вкупе с указанием, что в них «под вымышленными именами презабавно рассуждают о всякой всячине Гогг, Вильсон, Локхарт и другие» [Там же, 1838, с. 319]). Среди произведений Хогга последнего периода жизни в статье были названы только сборник старинных песен «Якобитские реликвии Шотландии» (“The Jacobite Relics of Scotland”, 1819—1821) и «Странная книга» (1832), тогда как наиболее значительные сочинения (в том числе и самое известное — «Исповедь оправданного грешника») не упоминались вовсе.

6. Заключение

Как видим, в середине 1830-х годов в России появились первые сведения о шотландском поэте Джеймсе Хогге. В публикациях, увидевших свет в «Библиотеке для чтения», «Северной пчеле», «Телескопе», «Московском наблюдателе», а также в одном из томов «Энциклопедического лексикона», Хогг воспринимался как продолжатель традиций песенного творчества Роберта Бернса, друг Вальтера Скотта, автор мемуаров о нем, при этом творческая индивидуальность самобытного поэта оказывалась в тени великих предшественников и современников. Биографические сведения были представлены в публикациях крайне неполно, с многочисленными неточностями, в частности, с разночтениями в дате рождения,

с неоправданным преувеличением роли Хогга в реализации отдельных издательских проектов ("Blackwood's Magazine") и в создании отдельных произведений («Амброзианские ночи»). Мемуары Хогга о Вальтере Скотте, содержавшие субъективные оценки, вызванные желанием мемуариста акцентировать собственную литературную значимость, воспринимались некритически, что отчасти искажало представление о литературном процессе в современной ему Англии. Осмысливая раннее творчество Хогга, его интерес к шотландскому фольклору, участие в сборе и литературной обработке народных песен, отмечая важное значение его поэмы «Пробуждение королевы» для литературы английского романтизма, авторы статей, среди которых были и такие известные критики и публицисты, как О. И. Сенковский, Н. А. Полевой, Н. И. Надеждин, практически не обращались к позднему периоду творчества шотландского автора (с конца 1810-х до середины 1830-х годов), в который были созданы многие значительные произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века) / М. П. Алексеев. — Москва : Наука, 1982. — 864 с. — (Литературное наследство. Т. 91).
2. Алексеев М. П. Джон Вильсон и его «Город чумы» / М. П. Алексеев // Английская литература : очерки и исследования. — Ленинград : Наука. Ленинградское отд., 1991. — С. 337—357.
3. Алексеев М. П. Джон Вильсон и его «Город чумы» / М. П. Алексеев // Из истории английской литературы: Этюды, очерки, исследования / М. П. Алексеев. — Москва ; Ленинград : Гослитиздат, 1960. — С. 390—418.
4. Алексеев М. П. Чарлз Роберт Метьюрин и его «Мельмот Скиталец» / М. П. Алексеев // Метьюрин Ч. Р. Мельмот Скиталец / изд. подг. М. П. Алексеев, А. М. Шадрин. — Москва : Наука, 1985. — С. 531—638. — (Литературные памятники).
5. Gogg, James Hogg // Энциклопедический лексикон. — Санкт-Петербург : Тип. А. Плюшара, 1838. — Т. 14. Гем — гор. — С. 318—319.
6. Дружба двух знаменитых литераторов // Библиотека для чтения. — 1836. — Т. 14, Раздел VII. Смесь. — С. 23—25.
7. М. М. Вальтер Скотт и его семейство / М. М. // Библиотека для чтения. — 1834. — Т. 6, Раздел VII. Смесь. — С. 46—51.
8. Надеждин Н. И. Европеизм и народность в отношении к русской словесности / Н. И. Надеждин // Телескоп. — 1836. — № 1. — С. 5—60 ; № 2. — С. 203—264.
9. О смерти английских поэтов романтического поколения: Дж. Крабб, С. Т. Кольридж, Ф. Гименс, Дж. Хогг // Московский наблюдатель. — 1836. — Ч. VI, Кн. 1 (март). — С. 199—200.
10. Плоткин Л. А. А. В. Кольцов / Л. А. Плоткин // Кольцов А. В. Полное собрание стихотворений. — Ленинград : Сов. писатель, 1939. — С. 5—34.
11. Полевой Н. А. [Рецензия] // Библиотека для чтения. — 1836. — Т. 15, Разд. VI. Литературная летопись. — С. 3—4. — Рец. на кн.: Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасечником Рудым Паньком. — Изд. 2-е. — Санкт-Петербург : в тип. Д. внешней торговли, 1836.
12. Полевой Н. А. [Рецензия] // Северная пчела. — 1835. — 20 дек., № 290. — С. 1157—1158. — Рец. на кн.: Стихотворения Алексея Кольцова. — Москва : в тип. Н. Степанова, 1835. — 40 с.
13. Сенковский О. И. Амброзианские ночи г. Гогга / О. И. Сенковский // Библиотека для чтения. — 1835. — Т. 10, Раздел II. Иностранная словесность. — С. 121—137.
14. Феодальный обед в Шотландии // Библиотека для чтения. — 1836. — Т. 14, Раздел VII. Смесь. — С. 20—22.

15. Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы / Н. Г. Чернышевский // Полное собрание сочинений : в 15 т. Т. 3. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1947. — С. 5—309.

16. Эттрикский пастух, Джемс Гогг // Библиотека для чтения. — 1836. — Т. 14, Раздел VII. Смесь. — С. 18—20.

17. *Letters and Recollections of Sir W. Scott, by Mrs. Hughes (of Uffington)* / ed. by Horace G. Hutchinson. — London : Smith, Elder & Co, 1904. — 338 p.

18. *Strout A. L. The “Noctes Ambrosianae” and James Hogg* / A. L. Strout // *The Review of English Studies*. — 1937. — January, Vol. 13. — P. 46—63.

EARLY RUSSIAN RECEPTION OF JAMES HOGG (1830s)¹

© Dmitry N. Zhatkin (2020), orcid.org/0000-0003-4768-3518, Researcher ID V-2151-2017, Scopus Author ID 56242070100, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Translation and Translation Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Penza State Technological University” (Penza, Russia), ivb40@yandex.ru.

© Anna A. Ryabova (2020), <https://orcid.org/0000-0001-7879-9957>, Researcher ID Q-5288-2018, Scopus Author ID 56242052300, Doctor of Philology, Professor, Department of Translation and Translation Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Penza State Technological University” (Penza, Russia), sva00@yandex.ru.

The early Russian reception of the Scottish writer James Hogg (1770—1835), known in his homeland as an interpreter of folk ballads and the author of “The Confession of a Justified Sinner” (1824) — a complex work, which laid the foundation for the theme of multiple personality disorder in English literature is comprehended in the article for the first time. It has been suggested that the first Russian to hear about Hogg and his works was A. I. Turgenyev, who visited W. Scott in Abbotsford in August 1828. The materials of the Russian periodicals of the 1830s (“Library for reading”, “Northern Bee”, “Telescope”, “Moscow Observer”), which reported facts about the life and work of Hogg, were comprehended. It is noted that the authors of a number of articles (most of them published without a signature and under kryptononyms) were significant critics and publicists of the era — O. I. Senkovsky, N. A. Polevoy, N. I. Nadezhdin. It was established that in the 1830s, fragments from Hogg’s memoir about the life of W. Scott in Abbotsford “The Domestic Manners and Private Life of Sir Walter Scott” (1834), as well as a fragment from the book “Noctes Ambrosianae” (1802—1835), attributed to Hogg, but in reality a collective work of J. Wilson, J. G. Lockhart, Hogg and W. Maginn were translated into Russian. The analysis of publications about Hogg in periodicals and in the fourteenth volume of the Encyclopedic Lexicon (1838) revealed inaccuracies in the presentation of biographical facts, the tendency of Russian publicists to uncritically perceive the subjective assessments of the Hogg-memorialist, largely due to his desire to emphasize his own literary significance. It is noted that, introducing Hogg as a follower of Burns and a friend of Scott, the authors of articles in Russian periodicals did not pay due attention to Hogg’s creative individuality, the originality of his creative heritage, as a result of which the late period of his literary biography (late 1810s — mid-1830s), associated with the creation of “The Confession of a Justified Sinner” and a number of other significant works, remained unnoticed against the background of early works associated with reliance on folk songs.

Key words: James Hogg; Walter Scott; Robert Burns; reception; tradition; literary criticism; memoirs; ballad creativity; folk song; Russian-English literary ties; intercultural communication.

REFERENCES

- Alekseev, M. P. (1960). Dzhon Vilson i ego «Gorod chumy» [John Wilson and his “Plague City”]. In: *Iz istorii anglyiskoy literatury: Etyudy, ocherki, issledovaniya* [From the history of English literature: Studies, essays, researches]. — Moscow : Sovetskoye pisatel'stvo, 1960. — P. 115—120.
- 1 The article was prepared according to the project of the Russian Science Foundation No. 17-18-01006p “Evolution of Russian poetic translation (XIX — early XX centuries)”.

- ry of English literature: Studies, essays, studies]. Moskva; Leningrad: Goslitizdat. 390—418. (In Russ.).
- Alekseev, M. P. (1982). *Russko-angliyskie literaturnye svyazi (XVIII vek — pervaya polovina XIX veka)* [Russian-English literary ties (18th century — first half of the 19th century)]. Moskva: Nauka. 864 p. (In Russ.).
- Alekseev, M. P. (1985). Charlz Robert Metyurin i ego «Melmot Skitalets» [Charles Robert Maturin and his “Melmot the Drifter”]. In: Metyurin, Ch. R. *Melmot Skitalets* [Melmoth the Wanderer]. Moskva: Nauka. 531—638. (In Russ.).
- Alekseev, M. P. (1991). Dzhon Vilson i ego «Gorod chumy» [John Wilson and his “Plague City”]. In: *Angliyskaya literatura: ocherki i issledovaniya*. [English Literature: Essays and Studies]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otd. 337—357. (In Russ.).
- Chernyshevskiy, N. G. (1947). Ocherki gogolevskogo perioda russkoy literatury [Essays on the Gogol period of Russian literature]. In: *Polnoye sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. 15/3: 5—309. (In Russ.).
- Druzhba dvukh znamenitikh literatorov [Friendship of two famous writers]. (1836). *Biblioteka dlya chteniya* [Library for reading], 14 (7): 23—25. (In Russ.).
- Ettrikskiy pastukh, Dzhems Gogg [Ettrick Shepherd, James Gogg]. (1836). *Biblioteka dlya chteniya* [Library for reading], 14 (7): 18—20. (In Russ.).
- Feodalnyy obed v Shotlandii [Feudal Dinner in Scotland]. (1936). *Biblioteka dlya chteniya* [Library for reading], 14 (7): 20—22. (In Russ.).
- Gogg, James Hogg. (1838). In: *Entsiklopedicheskiy leksikon* [Encyclopedic lexicon]. Sankt-Peterburg: Tip. A. Plyushara. 14: 318—319. (In Russ.).
- Hutchinson, H. G. (ed.). (1904). *Letters and Recollections of Sir W. Scott, by Mrs. Hughes (of Uffington)*. London: Smith, Elder & Co. 338 p.
- M. M. (1834). Valter Skott i ego semeystvo [Walter Scott and his family]. *Biblioteka dlya chteniya* [Library for reading], 6 (7): 46—51. (In Russ.).
- Nadezhdin, N. I. (1836). Evropeizm i narodnost' v otnoshenii k russkoy slovesnosti [Europeanism and nationality in relation to Russian literature]. *Teleskop* [Telescope], 1: 5—60. (In Russ.).
- Nadezhdin, N. I. (1836). Evropeizm i narodnost' v otnoshenii k russkoy slovesnosti [Europeanism and nationality in relation to Russian literature]. *Teleskop* [Telescope], 2: 203—264. (In Russ.).
- O smerti angliyskikh poetov romanticheskogo pokoleniya: Dzh. Krabb, S. T. Kolridzh, F. Gimens, Dzh. Khogg [On the death of English poets of the romantic generation: J. Crabb, S. T. Coleridge, F. Giemans, J. Hogg]. (1836). *Moskovskiy nablyudatel* [Moscow Observer], 6 (1): 199—200. (In Russ.).
- Plotkin, L. A. (1939). A. V. Koltsov In: *Koltsov A. V. Polnoye sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Leningrad: Sov. pisatel. 5—34. (In Russ.).
- Polevoy, N. A. (1835). Retsenziya [Review]. In: *Severnaya pchela* [Northern bee]. 20 dek. (290): 1157—1158. Rets. na kn.: Stikhotvoreniya Aleksey Koltsova [Poems by Alexey Koltsov]. (1835). Moskva: v tip. N. Stepanova. 40 p. (In Russ.).
- Polevoy, N. A. (1836). Retsenziya [Review]. In: *Biblioteka dlya chteniya*, [Library for reading]. 15 (6): 3—4. Rets. na kn.: Gogol N. V. Vechera na khutore bliz Dikan'ki. Povesti, izdannye pasechnikom Rudym Pan'kom. [Evenings on a Farm Near Dikanka. Stories published by the beekeeper Rudim Pankom]. (2nd ed.). Sankt-Peterburg: v tip. D. vneshney trgovli, 1836. (In Russ.).
- Senkovskiy, O. I. (1835). Ambroziyanskie nochi g. Gogga [Gogga's Ambrosian Nights]. *Biblioteka dlya chteniya* [Library for reading], 10 (2): 121—137. (In Russ.).
- Strout, A. L. (1937). The “Noctes Ambrosianae” and James Hogg. *The Review of English Studies*, (January (13)): 46—63.

Исупова С. М. Формирование художественного историзма в раннем творчестве И. И. Лажечникова / С. М. Исупова // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 268—279. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-268-279.

Isupova, S. M. (2020). Formation of Artistic Historicism in the Early Work of I. I. Lazhechnikov. *Nauchnyi dialog*, 10: 268-279. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-268-279. (In Russ.).

УДК 821.161.1Лажечников.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-268-279

ФОРМИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИСТОРИЗМА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

© Исупова Светлана Михайловна (2020), orcid.org/0000-0002-9439-6987, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет» (Киров, Россия), nat.shulateva@yandex.ru.

Статья посвящена формированию художественного историзма в творчестве Лажечникова. Актуальность исследования связана с необходимостью более глубокого изучения раннего творчества писателя. Доказывается, что в ранних произведениях Лажечникова закладываются основы художественного историзма. Отмечается, что в повестях «Малиновка» и «Портрет» происходит трансформация сентиментальных повестей с установкой на историческую тему. В ходе исследования авторы статьи делают вывод, что в этих произведениях Лажечников еще не ощущает необходимости исторической стилизации в духовном облике изображаемых героев, хотя склонен проповедовать нравственные категории, поэтому историзм этих произведений носит дидактический характер. Также в статье исследуются «Походные записки русского офицера». Отмечается, что в этом произведении индивидуальный опыт писателя становится частью исторического опыта, накопление которого воспринимается Лажечниковым как процесс, формирующий морально-нравственные критерии нации. Авторы статьи останавливаются на том, что писатель создает свою поэтику исторического повествования, художественный историзм проявляется в передаче исторического колорита, в размышлениях писателя о роли русской нации в истории. Установлено, что художественный историзм Лажечникова предполагает взаимосвязь прошлого и настоящего, постижение исторического времени становится основой формирования исторического мышления писателя. Высказывается мысль о том, что историзм ранних произведений Лажечникова стал основой для развития исторической темы в романах 30-х годов.

Ключевые слова: художественный историзм; историческая повесть; историческое время; историческое мышление; И. И. Лажечников.

1. Развитие исторической темы на рубеже XVIII—XIX веков

Художественный историзм предполагает осмысление писателем особенностей той или иной эпохи. Это «специфическое свойство художественного познания», позволяющее увидеть любое явление «как индивидуальное <...> и как часть целого» [Петров, 2006, с. 14]. Историческая тематика получила художественное осмысление в различных жанрах литературы XVIII века и постепенно заняла свое место в прозе начала XIX века. В это время происходит становление национально-исторического мышления писателей, активно развивается историческая литература, в частности, жанр исторической повести. В. Я. Малкина отмечает национальное

своеобразие «исторического жанра в России: в беллетристике преобладает романная форма, в классических произведениях — форма повести» [Малкина, 2002, с. 4]. Патриотическая тема становится одной из главных тем русской литературы в связи с интересом общества к своему национально-историческому прошлому. В 1792 году Н. М. Карамзин создает повесть «Наталя — боярская дочь», в которой стремится не только воссоздать дух эпохи, но и показать психологию героя, запечатлеть переживания героев, особенности быта. Произведение стало крупным событием литературной жизни того времени и послужило жанровым образцом для многих писателей-последователей. «Историзм мышления Карамзина опирался на идею национальной самобытности, уникальности и неповторимости внутреннего мира каждого человека» [Петров, 2006, с. 20—21]. В рецензии на книгу М. Б. Свердлова «История России в трудах Н. М. Карамзина» Н. Д. Кочеткова отмечает, что автор монографии «прослеживает в это время развитие исторической науки и гражданского самосознания в русском обществе» [Кочеткова, 2019, с. 248]. Карамзин был не одинок в своих исканиях новой меры исторического бытия. «Художественные находки Карамзина в сфере предромантического историзма творчески усваиваются писателями, обращавшимися на раннем этапе к жанру исторической повести, — М. Н. Муравьевым, Г. П. Каменевым и др.» [Константинова, 2015, с. 10]. В 1812 году и Лажечников пишет повесть «Малиновка». Произведения этих авторов, несомненно, позволяют составить целостное представление о художественном развитии эпохи. Однако «исторические» произведения начала XIX века были лишь стилизацией под историческое повествование (имена и предметы быта прошедшей эпохи не более чем «экзотика»), и лишь в 1820-е годы положение исторических произведений меняется, причиной чего становится, как отмечает А. А. Долинин, популяризация романов Вальтера Скотта [Долинин, 1988]. Ср.: «Русская историческая повесть 1820-х гг. возникла не на пустом месте, прямо из романов Скотта. Предшествующая литературная традиция, хотя и не очень богатая, в России уже существовала <...> Прежде всего следует назвать две опережающие свое время повести Н. М. Карамзина: «Наталя — боярская дочь (1792) и «Марфа Посадница» (1803)» [Альтшуллер, 1996, с. 30]. Л. А. Сапченко выдвигает идею этапности осмысления Карамзиным исторической темы: его «исторические взгляды претерпели определенную эволюцию, и различные этапы этой эволюции по-разному оказывали влияние на творчество русских писателей, где наблюдается и явная преемственность, и отторжение, и творческое развитие» [Сапченко, 2003, с. 13]. Лажечников, несомненно, был знаком с произведениями Карамзина, которые находили горячий отклик у начинающего писателя: «Какой восторг, какое благоговение вызывали в нем Карамзин или Глинка» [Опульский, 1968, с. 34].

2. «Малиновка» — повесть с историческим колоритом

Повесть «Малиновка, или Лес под Тулою» была издана в «Первых опытах в прозе и стихах И. Лажечникова», состоящих из разделов «Повести», «Рассуждения», «Стихи». По мнению С. А. Венгерова, «самая любопытная и поучительная часть книжки — это помещенные в ней повести «Спасская лужайка» и «Мали-

новка» [Венгеров, 1994, с. 35]. Интересен тот факт, что повесть «Спасская лужайка» была напечатана и в сборнике «Русская сентиментальная повесть» наряду с повестями Карамзина. «Своеобразие мировидения Лажечникова определяется установкой на субъективно-чувствительное, что является синонимом психологической обостренности мировосприятия писателя» [Исупова, 2015, с. 29]. Однако в это время Лажечников испытывает влияние романтизма, поэтому в «Спасской лужайке» углубляется социальная направленность, противостоящие обществу герои чувствуют духовную связь с природой. В это время писатель проявляет интерес и к исторической теме, поэтому в повести «Малиновка» налицо уже установка на сопоставление реальной жизни с идиллическим миром прошлого. Тема разрушения идиллии, намеченная в «Спасской лужайке», в повести «Малиновка» углубляется, исторический экскурс помогает писателю творчески переосмыслить историко-политический и культурологический материал, дать субъективно-авторскую интерпретацию, связать с современностью. С. А. Венгеров, анализируя «Малиновку», отмечает, что повесть «представляет собой весьма важный материал для установления исторически правильного взгляда на литературную ценность сочинений Лажечникова» [Венгеров, 1994, с. 40]. Критик довольно резко высказывается о произведении Карамзина «Наталья — боярская дочь», отмечает и игнорирование Лажечниковым исторических сведений в повести «Малиновка» [Там же, с. 41]. Однако С. А. Венгеров считает, что «мрачное настроение, навеваемое “Спасской лужайкой”, рассеивается исторической повестью “Малиновка, или Лес под Тулою”, посвященной описанию любви счастливой» [Там же, 1994, с. 37]. «Малиновка», в отличие от «Спасской лужайки», повесть с историческим колоритом, но историзм этого произведения соответствует еще духу сентиментального направления, поэтому «Малиновку» можно назвать сентиментальной повестью с историческим сюжетом. Для Лажечникова образцом историзма такого плана была повесть Карамзина «Наталья — боярская дочь». Историзм превращается в декорацию, на фоне которой представляется история любви, где только сила чувств играет решающую роль. Трансформируя жанровый образец повести Карамзина, Лажечников создает произведение, в котором обращается к прошлому в поисках идиллии, чувств, которые были созвучны переживаниям его современников. Показывая идиллический мир прошлого, которому нет места в современной жизни, Лажечников своеобразно сталкивает идеальный мир с реальной действительностью. «Тема разрушения идиллии (понятой в широком смысле) становится одной из основных тем литературы в конце XVIII и в первой половине XIX века» [Бахтин, 1975, с. 381].

Для исторического повествования Лажечников выбирает незатейливый сюжет. Действие повести «Малиновка» происходит во времена правления Бориса Годунова, от преследований которого скрывается опальный боярин Мирослад. Вместе с ним его племянница Малиновка, сирота из рода Нагих, «славившаяся своим умением слагать песни и петь их» [Лажечников, 1817, с. 41]. Найти опального боярина поручено Миловиду и Скрытосерду. Потрясенный пением Малиновки, Миловид полюбил ее, не зная, что она племянница Мирослада. Однако Малиновка раскрывает любимому настоящее имя дяди, что вызывает в душе Миловида целую бурю чувств. По жан-

ровой структуре повесть представляет собой историческую сентиментальную оду, доминантой человеческой природы представлены в большей степени чувства, чем разум. Донос Скрытосерда стал причиной гнева Бориса Годунова, который приказал казнить Миловида и Мирослава. В день казни приговоренные просят свидания с Малиновкой. По просьбе царя Малиновка начинает петь. Многих покоряла она своим пением, воспевая «славу князя Владимира Красного Солнышка, мудрость сына его Ярослава, милосердие Калиты, величие Иоанна Васильевича» [Там же, с. 26]. Лажечников вводит в повествование романтическую тему искусства, популярную тогда среди романтиков Запада, показывая прекрасный мир прошлого, изображая сильные страсти и характеры, воспевая настоящую любовь и искусство, которые способны покорить даже жестокого царя. «На лице тирана приметно смущение, бояре и их жены не закрывают платками слезы, текущие по лицу их» [Там же, с. 27]. Присутствуют в тексте и фольклорно-сказочные мотивы, причем прозаик использует постоянные эпитеты: красное солнышко, престольный град, красна девица, герои названы по именам, добро одерживает победу, налицо поэтический вымысел писателя в изображении героев, в развитии сюжетной линии. Поэтизирован образ Малиновки, она изображается Лажечниковым как исконно русская красавица, готовая на самопожертвование, наделенная талантом, добродетелями, присущими русским женщинам. Всю силу воображения направляет Лажечников на воссоздание прошлого, описание чувств и мыслей персонажей, при этом исторические картины только передают субъективное представление писателя о прошлом, но сам он не пытается проникнуть в его суть. В этой повести с элементами фольклорного повествования уже улавливаются патриотические и антидеспотические настроения Лажечникова в изображении «грозного тирана» Бориса Годунова. «Основу репрезентации истории как чистого вымысла составляло использование фольклорно-исторического материала, новое насыщение событийной канвы прошлого, переосмысление привычных сюжетов в старинном духе» [Сорочан, 2008, с. 13].

События французской революции, наполеоновские войны повлияли на общественное сознание, мироощущение передовых людей эпохи. Для русского романтического сознания приобретают актуальность конфликт между чувством и сознанием, тема победы прекрасного над деспотизмом власти. Повесть была создана в 1812 году, неслучайно в это время у Лажечникова формируется историческое мышление. Будучи патриотом, писатель переживает за Россию, поэтому обращение к историческому прошлому в повести «Малиновка» свидетельствует о стремлении Лажечникова соответствовать общим настроениям, вызванным войной 1812 года. Страстная проповедь гуманизма, любви к ближнему, защита человеческого достоинства, неприятие деспотизма власти — те нравственные категории, которые Лажечников вплетает в историческую канву произведения.

Появление в литературе того периода исторической темы, связанной с национальным сознанием, имело прогрессивное общественно-художественное значение, поэтому писатель, ощущая потребность общества в патриотических произведениях, обращается в «Малиновке» к изображению исторических событий, жизни и быта людей и одновременно концентрируется на описании силы чувств персонажей. Как

и Карамзин, Лажечников еще «не ощущает необходимости исторической стилизации в воссоздании исторических различий в психологии, морали, духовном облике и языке людей разных эпох» [Петров, 1962, с. 78], чувствуется неразработанность социального и психологического конфликта. Писателя больше интересуют чувства героев, их добродетели, хотя именно семейные добродетели непосредственно связаны с общественными, они формируют менталитет русского человека. Причины социального неблагополучия писатель видит в дисгармоничной природе людей, поэтому обращается к историческому прошлому, в нем ищет источник гармонии.

3. Мотивы войны 1812 года в повести «Портрет»

В «Первые опыты в прозе и стихах И. Лажечникова» была включена небольшая по объему повесть «Портрет», в которой нашли выражение патриотические настроения писателя, солидарного с передовыми людьми эпохи, хотя налицо еще установка писателя-сентименталиста на изображение страстей, чувствительных персонажей. Лажечников акцентирует внимание читателей на внутреннем мире П., который вернулся после странствий «не с посохом путешественника, но с мечом» [Лажечников, 1817, с. 24]. Писатель старается подчеркнуть значимость патриотических мотивов в размышлениях героя, который десять лет провел в сражениях с неприятелем. Лажечников апеллирует к таким качествам П., как свободолюбие и патриотизм, ассоциируя их с качествами национального русского характера. Идеи патриотизма, гражданственности были связаны с войной 1812 года и последующими заграничными походами. Лажечников осознает историческую масштабность происходящего, но сентиментальные настроения не дают писателю в полной мере передать накал тех чувств, которые волновали передовую общественность. Историзм «Портрета» носит условный характер, это лишь определенная установка на изображение действительности. Сюжетная линия произведения довольно проста. Возвратившись после сражений в родные места, герой мечтает жениться. Увидев у друга портрет сестры, П. решает, что именно она «доказывает прелести душевные» [Там же, с. 29]. И «скоро Гименей увенчал чету в храме любви вечной» [Там же, с. 30]. Лажечников старается раскрыть переживания героев, подчеркивает чистоту и искренность их отношений.

При всей незатейливости сюжета повесть, больше похожая на рассказ небольшого объема с подзаголовком «Истинное происшествие», передает раздумья автора и об исторических событиях, участником которых был он сам. Монологи героя содержат отсылки к собственной биографии писателя: «Приветствую тебя, земля отеческая, в которой текли счастливые и безмятежные дни юности. Так на этом перекрестке дорог украшенный сединою родитель отпускал меня против врагов отечества и говорил: “Не допусти, чтобы белые волосы отца были свидетелями стыда твоего! Будь мужествен! Щади слабых и люби ближних, какому бы закону они не следовали и какому богу бы не поклонялись”» [Там же, с. 24—25]. Сочетание лирического и патриотического пластов повести позволяет писателю создать «чувствительное» по эмоциональной установке и патриотическое по тематике произведение, в которое включаются сведения об исторических реалиях периода войны 1812 года. «Мир, мир! — восклицает П., возвратясь с победою на родину после длительного стран-

ствия по чуждым землям» [Там же, с. 24]. Рассказ на восьми страницах был почти не замечен публикой. Причины не востребоваемости произведения видятся в подражательности и художественном несовершенстве повести. События 1812 года требовали более серьезных произведений, затрагивающих насущные вопросы времени.

4. Трансформация исторической темы в «Походных записках русского офицера»

В последующий период творчества Лажечникова сохраняется интерес к исторической тематике, однако изменяются предпочтения в выборе жанровой формы произведений. В 1817 году писатель издает отрывки произведения «Походные записки русского офицера» (далее также — «Записки»). Сам факт, что «Записки» были напечатаны в известных журналах «Вестнике Европы» и «Сыне Отечества», говорит о том, что произведение соответствовало запросам того времени. Эти журналы откликались на самые важные общественные события, оказывали влияние на развитие передовой мысли в России. Произведение Лажечникова было порождено войной 1812 года, пробудившей патриотическое сознание писателя. Вопреки воле родителей, он поступил в московское ополчение, в дальнейшем принял участие в заграничных походах 1813—1815 годов. Во время боев Лажечников вел дневник в виде замечаний простого наблюдателя, который записывал то, что «видел, слышал достойного примечания и что находил в кругу своем великого и прекрасного в подвигах Русского гражданина и воина» [Лажечников, 1836, с. 10]. Произведение появилось в печати в 1820 году с полным названием «Походные записки русского офицера 1812, 1813, 1814 и 1815 годов». В описании людей, событий автор стремится к документальной точности. В «Предисловии» к «Запискам» Лажечников признается, что «писал их на походах, при свете бивуачных костров, на барабанах и нередко на коне, при шуме идущего рядом с ним войска» [Там же, с. 9]. Объектом изображения становится историческое время. Лажечников не выступает в роли военного историка, просто ведет дневник с указанием конкретных мест и дат, высказывает личное отношение к происходящему, запечатлевает в своих записях историю, которая делается на его глазах. Пользуясь определением А. Г. Тартаковского, «Записки русского офицера» можно назвать «ретроспективно-обработанным дневником» [Тартаковский, 1980, с. 188], что доказывает открыто выраженное личностное начало, наличие временной дистанции, сохранение уникальных исторических данных. Писатель старается не исказить действительность, подчеркивает, что был участником, свидетелем событий, вносит в повествование эмоционально-лирическую струю. В этом характерная авторская манера, в которой проявилось «стремление к закреплению взаимосвязи внутреннего мира адресанта с переживаниями, реалиями и событиями внешнего мира» [Фрик, 2020, с. 311]. Это был взгляд очевидца на войну 1812 года и последующие события. Правда, события после мая 1813 года, как признается Лажечников, он описывает по памяти, объясняя тем, что одна из тетрадей была им потеряна. [Лажечников, 1836, с. 10]. Здесь нет конкретики событий и точности дат, записи до 16 мая 1813 года больше похожи на дневник, о чем говорит документальная точность в описании людей и событий.

Последующие записи ближе к жанру мемуаров, события освещаются обобщенно, есть нарушение исторических дат. Историзм этой части «Записок» измеряется соотношением с прошлым, которое становится источником информации.

По сравнению с «Первыми опытами в прозе и стихах И. Лажечникова» в «Записках русского офицера» появляется социально-значимая тематика, вводится фактический материал, хотя сентиментальный фон еще присутствует в идейно-художественном строе произведения, проявляются романтические тенденции — стремление писателя подчеркнуть своеобразие изображенной исторической эпохи, проникнуть в тайны истории. Романтический историзм в понимании Лажечникова представляет собой слияние истории как поэзии и как процесса, направление которого «определяется движением к постоянно совершающейся выработке важнейших моральных критериев» [Сорочан, 2008, с. 28]. Политическое мировоззрение писателя в этот период формировалось под влиянием реальных событий, участником которых он был, поэтому в «Записках» выражено желание писателя «увести Россию от примитивного крепостнического патриархализма, направить страну по пути прогресса и передовой европейской культуры» [Машинский, 1940, с. 28]. Лажечников издает произведение частями и только в 1820 году печатает целиком. В это время в обществе звучат требования ликвидировать абсолютизм, ограничить влияние монарха, и в этом же русле лежат мировоззренческие позиции Лажечникова. Война 1812 года обостряла интерес к истории. «Наполеоновские войны подняли повсюду волну национального чувства <...> дали массам возможность понять, что их существование исторически обусловлено, увидеть в истории нечто такое, что вторгается в повседневный быт — и, следовательно, то, до чего есть дело каждому человеку» [Лукач, 2015, с. 7,8]. Лажечников описывает эпоху 1812—1815 годов, стараясь запечатлеть величие русских людей, поэзию подвига: «Побежден быть не может народ, в самых бедствиях гордый своим именем» [Лажечников, 1836, с. 20]. Писатель ощущает себя свидетелем событий исторического масштаба. Произведение начинается с событий сентября 1812 года (в это время, после Бородинской битвы, Лажечников отправляется на военную службу), заканчивается описанием последнего заграничного похода. Автор описывает происходящее реалистично, предлагает увидеть достоинства русского характера, основой понимания исторического процесса выдвинуто национальное единство. Лажечников прославляет русского воина — легенду истории: «Грозный, как лев, среди волнений шумящей битвы, кроткий, любезный и сострадательный в мирной хижине — вот отличительные черты истинного воина» [Там же, с. 58]. О патриотизме, мужестве, сострадательности писатель говорит как об особенностях психологии русской нации. Его восхищает, «до какой степени может дойти благородство, гордость Русских и на какие жертвы готова любовь их к Отечеству» [Там же, с. 36]. Он рассказывает о священнике Рождественского монастыря, который готов был погибнуть, но не выполнить приказ Наполеона упоминать при молитвах имя императора Франции. «“Я присягал одному царю русскому и не хочу знать никакого другого”, — с твердостью сказал пастырь посланным» [Там же, с. 24]. «Рим славился одной Лукрецией, древняя столица может славиться двумя» [Там же, с. 24], — так начинает

Лажечников историю о двух сестрах, которые бросились в Москву-реку, не желая отдаться в руки французов [Там же, с. 27—28]. Писатель восхищается мужеством воинов и генералов. Особенно полно он раскрывает образ Кутузова, подчеркивая любовь к отчизне, мудрость, демократизм полководца, который «обладал волшебным искусством приближать и привязывать к себе простого солдата [Там же, с. 95]. Прославляя подвиг русских воинов, Лажечников проводит мысль о значении самодержавия как просвещенной монархии, изображает Александра I миролюбивым и прогрессивным самодержцем, который принес мир Европе: «Пусть память Александра I со слезами благодарности в роды родов благословляется, и любовь к нему на сердца народных вознесется к престолу Бога» [Там же, с. 59].

Писатель отмечает общенародный характер войны 1812 года, высоко оценивает и роль Александра I, Кутузова, генералов. Лажечников еще не воспринимает историю как объективный процесс, однако своеобразие историзма «Походных записок» заключается в «передаче исторического и местного колорита, в размышлениях о народе как источнике морального могущества нации, о значительной роли выдающихся личностей, в стремлении показать описываемые характеры в их эмоционально-духовной сущности» [Исупова, 2015, с. 95]. Романтические установки Лажечникова, его взгляд на историю как поэзию, интерес к национально-историческому прошлому, стремление показать духовность русской нации, богатство ее нравственного содержания в дальнейшем станут основой для развития Лажечниковым исторической темы в его знаменитых романах 30-х годов.

5. Заключение

Итак, в России конца XVIII — начала XIX веков в обществе необычайно возрос интерес к истории. Философия и мораль, политика и эстетика — все подвергалось пересмотру с позиций исторической истины. Интерес русских писателей к исторической теме был пробужден и в связи с военной кампанией 1812 года: общественное сознание апеллировало к истории как к ориентиру нравственного поведения. Сама история оценивалась с позиций нравственности. В это время начинает развиваться жанр исторической повести, сентиментальная повесть претерпевает трансформацию, приобретая установку на обращение к исторической теме, происходит становление национально-исторического мышления ряда писателей. «Роль первопроходца в области русской исторической прозы принадлежит Н. М. Карамзину» [Кудреватых, 2012, с. 26]. Историческая тема волнует многих писателей-последователей Карамзина. К жанру исторической повести обращается и Лажечников, которого привлекает этот жанр как «краткое, национально окрашенное, патриотическое по тематике, “чувствительное” по своему эмоциональному звучанию прозаическое повествование» [Константинова, 2015, с. 27]. Участие в войне 1812 года дает возможность Лажечникову осмыслить историю как процесс, совершающийся на его глазах, поэтизировать этот процесс, пропустить через свое сознание, уловить «поэзию истории». Художественное слово становится выразителем чувств Лажечникова. Писатель старается создать своеобразную систему морально нравственных ценностей, его историзм предполагает взаимосвязь исторического прошлого и настоящего. Лажечников

глубоко прочувствовал национально-патриотический пафос, ощутил себя человеком истории. Интерес к национальной истории и к современности, стремление познания национального духа, постижение исторического времени стали основой формирования исторического мышления писателя. Лажечников создает свою концепцию истории, хотя его историзм не становится собственно художественным историзмом, когда через художественные средства писатель передает и своеобразие прошлого, и особенности психологии своих героев. Главное средство художественного постижения прошлого он видит в творческом воображении. Постигнуть закономерности исторического процесса, выйти за рамки субъективного восприятия истории Лажечникову не удалось. Историзм ранних повестей писателя был еще весьма условным, история представляла собой только декорацию. Однако в «Записках русского офицера» Лажечников сумел передать специфику описываемого исторического времени. Это было важным шагом на пути создания русского исторического романа. Формируя поэтику исторического повествования, писатель создает свой нравственный идеал истории, поэтизируя прошлое, считая его залогом будущего. Развитие исторической темы в раннем творчестве Лажечникова сделало возможным появление его романов «Последний Новик», «Ледяной дом», «Басурман», в которых художественный историзм станет основой повествования об историческом прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтшуллер М. Г. Эпоха Вальтера Скотта в России : исторический роман 1830-х / М. Г. Альтшуллер. — Санкт-Петербург : Гуманитарное агентство Академический проект, 1996. — 336 с.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе : очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234—407.
3. Венгеров С. А. Критико-биографический очерк / С. А. Венгеров // Лажечников. И. И. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. — Москва : Можайск-Терра, 1994. — С. 5—111.
4. Долинин А. А. История, одетая в роман : В. Скотт и его читатели / А. А. Долинин. — Москва : Книга, 1998. — 306 с.
5. Исупова С. М. Особенности метода, жанра и историзма «Походных записок русского офицера» И. И. Лажечникова / С. М. Исупова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 2 (44), Ч. 2. — С. 94—96.
6. Исупова С. М. Художественное мировидение Н. М. Карамзина в повести «Бедная Лиза» и И. И. Лажечникова в повести «Спаская лужайка» / С. М. Исупова // Science and Education : materials of the X international research and practice conference, Germany, Munich (December 9—10). — Germany, Munich : Vela Verlag Waldkraiburg, 2015. — Vol. II. — С. 26—29.
7. Константинова И. Г. Становление жанра исторической повести в русской литературе конца XVIII — начала XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / И. Г. Константинова. — Москва, 2015. — 28 с.
8. Кочеткова Н. Д. Путь Карамзина-писателя к истории / Н. Д. Кочеткова // Русская литература. — 2019. — № 3. — С. 247—250. — DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-247-250. The progress of karamzin the writer towards history
9. Кудреватых А. Н. Формирование жанра исторической повести в прозе Н. М. Карамзина / А. Н. Кудреватых. — Филологический класс. — № 1 (27). — 2012. — С. 26—30. Formation of historical tale genre in N.M. Karamzin's prose

10. *Лажечников И. И.* Первые опыты в прозе и стихах И. Лажечникова / И. И. Лажечников. — Москва: В Университетской типографии, 1817. — 160 с.
11. *Лажечников И. И.* Походные записки русского офицера, изданные И. Лажечниковым / И. И. Лажечников. — Москва: В Тип. Н. Степанова, 1836. — 291 с.
12. *Лукач Г.* Исторический роман / Г. Лукач. — Москва: Common place, 2015. — 178 с.
13. *Малкина В. Я.* Поэтика исторического романа. Проблемы инварианта и типология жанра / В. Я. Малкина. — Тверь, 2002. — 140 с.
14. *Машинский С. И.* Историческая повесть Гоголя / С. М. Машинский. — Москва: Советский писатель, 1940. — 248 с.
15. *Опульский А. С.* И жизнь и перо на благо отечества / А. С. Опульский. — Москва: Моск. рабочий, 1968. — 192 с.
16. *Петров А. В.* Становление художественного историзма в русской литературе XVIII века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / А. В. Петров. — Москва, 2006. — 39 с.
17. *Петров С. М.* Исторический роман / С. И. Петров // История русского романа: в 2 т. Т. 1. — Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1962. — С. 954.
18. *Сапченко Л. А.* Творческое наследие Н. М. Карамзина: проблемы преемственности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Л. А. Сапченко. — Москва, 2003. — 40 с.
19. *Сорочан А. Ю.* Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / А. Ю. Сорочан. — Тверь, 2008. — 38 с.
20. *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения / А. Г. Тартаковский. — Москва: Наука, 1980. — 314 с.
21. *Фрик Т. Б.* Образ чужого в эпистолярной Н. М. Карамзина / Т. Б. Фрик // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2020. — № 63. — С. 305—314. — DOI: 10.17223/19986645/63/18.

FORMATION OF ARTISTIC HISTORICISM IN THE EARLY WORK OF I. I. LAZHECHNIKOV

© Svetlana M. Isupova (2020), orcid.org/0000-0002-9439-6987, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vyatka State University" (Kirov, Russia), nat.shulateva@yandex.ru.

The article is devoted to the formation of artistic historicism in the work of Lazhechnikov. The relevance of the study is associated with the need for a deeper study of the early work of the writer. It is proved that the foundations of artistic historicism were laid in the early works of Lazhechnikov. It is noted that in the stories "Malinovka" and "Portrait" there is a transformation of sentimental stories with a setting on a historical theme. In the course of the study, the authors of the article conclude that in these works Lazhechnikov does not yet feel the need for historical stylization in the spiritual appearance of the heroes depicted, although he is inclined to preach moral categories, therefore the historicism of these works is of a didactic nature. The "Travel notes of a Russian officer" is also examined in the article. It is noted that in this work the writer's individual experience becomes a part of historical experience, the accumulation of which is perceived by Lazhechnikov as a process that forms the moral and ethical criteria of the nation. The authors of the article dwell on the fact that the writer creates his own poetics of historical narration, artistic historicism manifests itself in the transfer of historical flavor, in the writer's reflections on the role of the Russian nation in history. It has been established that Lazhechnikov's artistic historicism presupposes the interconnection of the past and the present, the comprehension of historical time becomes the basis for the formation of the writer's historical thinking. The idea is expressed that the historicism of Lazhechnikov's early works became the basis for the development of the historical theme in the novels of the 1930s.

Key words: artistic historicism; historical story; historical time; historical thinking; I. I. Lazhechnikov.

REFERENCES

- Altshuller, M. G. (1996). *Epokha Waltera Skotta v Rossii: istoricheskiy roman 1830-kh* [Era of Walter Scott in Russia: a historical novel of the 1830-s]. Sankt-Peterburg: Gumanitarnoe agentstvo Akademicheskiiy proekt. 336 p. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1975). Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy poetike [Forms of time and chronotope in the novel: essays on historical poetics]. In: *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics: studies of different years]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 234—407. (In Russ.).
- Dolinin, A. A. (1998). *Istoriya, odetaya v roman: W. Skott i ego chitateli* [A Story Clothed in a Novel: W. Scott and His Readers]. Moskva: Kniga. 306 p. (In Russ.).
- Frik, T. B. (2020). *Obraz chuzhogo v epistolyarii N. M. Karamzina* [The image of a stranger in N. M. Karamzin's epistolary]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, [Bulletin of the Tomsk State University. Philology]. 63: 305—314. DOI: 10.17223/19986645/63/18. (In Russ.).
- Isupova, S. M. (2015). Osobennosti metoda, zhanra i istorizma «Pokhodnykh zapisok russkogo ofitsera» I. I. Lazhechnikova [Features of the method, genre and historicism of “Traveling notes of a Russian officer” by I. I. Lazhechnikov]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2 (44): 94—96. (In Russ.).
- Isupova, S. M. (2015). Khudozhestvennoye mirovidenie N. M. Karamzina v povesti «Bednaya Liza» i I. I. Lazhechnikova v povesti «Spasskaya luzhayka» [Artistic worldview of N. M. Karamzin in the story “Poor Liza” and I. I. Lazhechnikov in the story “Spasskaya lawn”]. In: *Science and Education: materials of X international research and practice conference*. Germany, Munich: Vela Verlag Waldkraiburg. 2: 26—29. (In Russ.).
- Konstantinova, I. G. (2015). *Stanovlenie zhanra istoricheskoy povesti v russkoy literature kontsa XVIII — nachala XIX v.: avtor's abstract of PhD Diss.* [Formation of genre of historical story in Russian literature of the late 18th — early 19th centuries: author's abstract of PhD Diss.]. Moskva. 28 p. (In Russ.).
- Kochetkova, N. D. (2019). Put' Karamzina-pisatelya k istorii [Progress of Karamzin the writer towards history]. *Russkaya literatura* [Russian literature], 3: 247—250. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-247-250. (In Russ.).
- Kudrevatykh, A. N. (2012). Formirovaniye zhanra istoricheskoy povesti v proze N. M. Karamzina [Formation of historical tale genre in N. M. Karamzin's prose]. *Filologicheskiiy klass* [Philological class], 1 (27): 26—30. (In Russ.).
- Lazhechnikov, I. I. (1817). *Pervyye opyty v proze i stikhakh I. Lazhechnikova* [First experiments in prose and poetry by I. Lazhechnikov]. Moskva: V Universitetskoy tipografii. 160 p. (In Russ.).
- Lazhechnikov, I. I. (1836). *Pokhodnyye zapiski russkogo ofitsera, izdannyye I. Lazhechnikovym* [Traveling notes of a Russian officer published by I. Lazhechnikov]. Moskva: V Tip. N. Stepanova. 291 p. (In Russ.).
- Lukach, G. (2015). *Istoricheskiy roman* [Historical novel]. Moskva: Common place. 178 p.
- Malkina, V. Ya. (2002). *Poetika istoricheskogo romana. Problemy invarianta i tipologiya zhanra* [Poetics of the historical novel. Invariant problems and genre typology]. Tver. 140 p. (In Russ.).
- Mashinskiy, S. I. (1940). *Istoricheskaya povest' Gogolya* [Historical story of Gogol]. Moskva: Sovetskiy pisatel. 248 p. (In Russ.).
- Opulskiy, A. S. (1968). *I zhizn' i pero na blago otechestva* [And life and pen for the good of the fatherland]. Moskva: Mosk. rabochiy. 192 p. (In Russ.).

- Petrov, A. V. (2006). *Stanovleniye khudozhestvennogo istorizma v russkoy literature XVIII veka*: author's abstract of Doct. Diss. [Formation of artistic historicism in Russian literature of the eighteenth century: author's abstract of Doct. Diss.]. Moskva. 39 p. (In Russ.).
- Petrov, S. M. (1962). Istoricheskiy roman [Historical novel]. In: *Istoriya russkogo romana*. [History of the Russian novel]. Moskva; Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 2/1: 954. (In Russ.).
- Sapchenko, L. A. (2003). *Tvorcheskoye naslediyе N. M. Karamzina: problemy preemstvennosti*: author's abstract of Doct. Diss. [Creative legacy of N. M. Karamzin: problems of succession: author's abstract of Doct. Diss.]. Moskva. 40 p. (In Russ.).
- Sorochan, A. Yu. (2008). *Formy reprezentatsii istorii v russkoy proze XIX veka*: author's abstract of Doct. Diss. [Forms of Representing History in Russian Prose of 19th Century: author's abstract of Doct. Diss.]. Tver. 38 p. (In Russ.).
- Tartakovskiy, A. G. (1980). *1812 god i russkaya memuaristika. Opyt istochnikovedcheskogo izucheniya* [1812 and Russian memoirs. Experience of source study]. Moskva: Nauka. 314 p. (In Russ.).
- Vengerov, S. A. (1994). Kritiko-biograficheskiy ocherk [Critical and biographical sketch]. In: *Lazhechnikov, I. I. Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moskva: Mozhaysk-Terra. 6/1: 5—111. (In Russ.).

Мамиева И. В. Жанровые признаки романной эпопеи в осетинской литературе : корреляция между идеологическим и национально-этническим / И. В. Мамиева // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 280—296. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-280-296.

Mamieva, I. V. (2020). Genre Features of the Novel Epic in Ossetian Literature: Correlation between Ideological and National-Ethnic. *Nauchnyi dialog*, 10: 280-296. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-280-296. (In Russ.).

УДК 82-311.6+821.221.18

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-280-296

ЖАНРОВЫЕ ПРИЗНАКИ РОМАННОЙ ЭПОПЕИ В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: КОРРЕЛЯЦИЯ МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ И НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИМ

© Мамиева Изета Владимировна (2020), orcid.org/0000-0003-3083-1393, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева — филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия), dzirasga@mail.ru.

Рассматриваются специфические признаки эпопейного повествования в осетинской романной прозе (1940—1960) в контексте общероссийского литературного процесса. Решаемая в статье проблема актуализируется в свете обозначившихся в постсоветскую эпоху концептуальных расхождений в трактовке сущности понятия «роман-эпопея», в атрибуции его жанрового статуса. Цель статьи: обозначить типологию эпопейного хронотопа и персонажной системы, выявить вопросы структурной завершенности произведений. Использован типологический метод с применением аксиологического подхода, позволяющего акцентировать внимание как на духовно-содержательном аспекте художественных поисков, так и на тенденциях псевдомасштабности в романно-эпопейной практике означенных десятилетий. Новизна работы заключается в том, что впервые, на примере осетинской прозы, исследуется процесс возникновения новой жанровой разновидности в национальных литературах. Особое внимание уделяется аспектам деактуализации национально-этнического в поведенческой сфере персонажей в пользу заострения их идеологической идентичности. Вместе с тем показано, что в системе образов, в самой поэтике повествования сквозь неизбежную для времени идейную заостренность проступает ориентация на основы национального сознания, на духовный и исторический опыт народа. Делается вывод о том, что произведения эпопейного типа, несмотря на ощутимые издержки идеологического и отчасти эстетического порядка, явились новой ступенью в осмыслении осетинской литературой эпохальных событий прошлого в их сопряжении с бытием народа, микромиром семьи и отдельной личности.

Ключевые слова: роман-эпопея; жанровые признаки; осетинская литература; эпопейный хронотоп; система образов; структура повествования; этническое; идеологическое.

1. Введение. История вопроса

По идейно-художественной проблематике, структурно-стилевым и жанрово-композиционным признакам исторический нарратив в северокавказских литературах развивался в контексте общесоюзного процесса, в типологических пределах так называемого «эпоса революции», которому Великая Отечественная война придала новый размах и направление. Писатели обращаются к традиции эпопейного пове-

ствования, освоенного русской классикой еще в XIX веке и обретшего новое дыхание в прозе 1920—1930-х годов. Речь идет о жанровой разновидности, обозначенной в советском литературоведении как *роман-эпопея*, *социалистическая эпопея* (в более поздней номинации — *народная эпопея*). А. В. Чичерин определил роман-эпопею как «высшее выражение реализма в литературе нашего времени» [Чичерин, 1973, с. 28]. Концепция относительно «перерастания» романа в более объемную, монументальную форму была поддержана рядом исследователей. Высказывались и другие взгляды, суть которых сводилась к восприятию нового жанрового образования как исторической трансформации древней эпопеи либо гибридной конфигурации, получившейся в результате слияния эпопеи и романа [Ивинский, 1980; и др.], как самостоятельного звена в эволюционном движении эпических форм, в корне отличающегося от своих «жанровых прародителей» [Бекедин, 1976].

В перестроечные годы, в противовес господствовавшим ранее представлениям об объективной востребованности новой жанровой разновидности, формируется точка зрения, объясняющая ее появление условиями «беспощадной эпизации общественной жизни, насильственного внедрения в нее эпического начала» [Турбин, 1989, с. 21]. Отрицается правомерность существования и самого жанра, и его терминологического обозначения: «Не было никакого повторения “века героев”, “эпического состояния мира”, а значит не было и “почвы” для перерастания романа в процессе его эпизации в роман-эпопею...» [Переверзин, 1998, с. 231].

Нам ближе высказанная ранее Г. Гачевым идея относительно «эпического» как художественной формы, более других приспособленной к изучению масштабных процессов истории. По Гачеву, сюжет эпопеи составляет пребывание народа и государства «на краю бытия», в ситуации «перворожения мира, всех вещей и отношений». Такая ситуация воспроизводится в произведениях, возникших на базе революционной тематики: отражая «разлом бытия», за которым следует творение нового мира, они «сплошь и совершенно непринужденно, органически тяготеют к эпопейности» [Гачев, 1968, с. 85]. Нельзя отрицать тот факт, что стержневая мотивация возрождения эпопейного повествования в XX веке связана с идеологической доктриной, с пафосом утверждения социокультурных задач по формированию цельного, масштабного мирообраза, отвечающего новой реальности. Но было бы неправомерно игнорировать и идущие «изнутри» импульсы: уже в начале 1920-х годов у ряда писателей рождается замысел создания произведений «монументального реализма», способных воспроизвести сложнейшие процессы времени [Киселева, 1978, с. 243].

Достижения советского романа-эпопеи соотносятся в первую очередь с именами М. Шолохова («Тихий Дон»), А. Толстого («Хождение по мукам»), М. Горького («Жизнь Клима Самгина»), хотя относительно текстов двух последних высказаны разноречивые мнения, идущие от различного понимания и толкования природы эпического жанра. В частности, в «Хождении по мукам» эпопейные качества признаются только за двумя первыми книгами, а «Хмурому утру» в них отказано — ввиду торжества в нем принципов соцреализма; в «Жизни Клима Самгина» отмечается дегероизация сюжета, «невписанность» в жанровую парадигму фигуры антигероя, отсутствие у него связи с народом [Крутов, 2006, с. 22].

Эпопейная первооснова этих произведений, на наш взгляд, неоспорима, поскольку они заключают в себе родовые (по Гегелю) свойства: «героическое состояние мира» (т. е. выбор эпических по масштабу событий); эпический характер (в том числе по принципу отрицания: деэпизации); эпичность авторского мирозерцания, т. е. особую, эпопейную точку зрения на мир, представленную через идею трагической бесплодности индивидуализма (Горький) либо преодоления разлада между личностью и народом, личностью и историей (А. Толстой) [Киселева, 1978, с. 254, 269].

В национальных литературах формирование эпопейных (или претендующих на этот статус) нарративов происходит значительно позже. Почти синхронный интерес в конце 1940-х годов к созданию крупномасштабных полотен не может не наводить на мысль о социальном заказе. Но, думается, рецепция эпопеи и в эти годы не лишена имманентной мотивации. Только что отгремевшая война выдвинула на первый план эпическую тему Родины, великих исторических переломов. В эстетическом сознании народа они ассоциировались с генетической памятью о прошлом, об особом видении мира и человека в нем. Отсюда обоснованность обращения в первую очередь к традициям родного фольклора, определившим специфику художественного мышления — эпического по своей сути. К этому побуждало авторов и отсутствие развитых литературных традиций в разработке «больших тем» и адекватных им нарративных инструментов.

Объектом анализа данной статьи служат трилогии «Фатимат» (1947—1958) Е. Бекоева, «Поэма о героях» (1948—1969) Д. Мамсурова, «Навстречу жизни» (1948—1958) Е. Уруймаговой, тетралогия «Непобедимая сила» (1948—1961) Д. Джиоева. Цель исследования: обозреть в общероссийском литературном контексте влияние внешних и внутренних факторов на процесс эпизации осетинской прозы; вывести типологию эпопейного хронотопа и системы образов, рассмотреть вопросы нарративной оформленности и структурной завершенности произведений, особенности взаимодействия в них историко-идеологического и национально-этнического.

2. Типология эпопейного хронотопа

Главным двигателем сюжета в осетинских романах-эпопеях выступает время, что отразилось и в названиях: «Непобедимая сила», «Навстречу жизни». Другая закономерность — родовая связь с героико-романтической линией народного эпоса — отозвалась в «Сказании о героях» Мамсурова.

Особый интерес представляет корректив, внесенный в переводную версию заглавия романа — «Поэма о героях». Формирование жанровых черт «поэмы в прозе» наблюдается в эпопейных полотнах первых десятилетий XX века («Железный поток» А. Серафимовича, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Россия, кровью умытая» А. Веселого) [Лейдерман и др., 2008, с. 17]. Но истоки «поэмизации» русской прозы восходят еще к 30-м годам XIX века. Зримым свидетельством диффузии жанров стали «Мертвые души» Гоголя. В переименовании трилогии Мамсурова мы видим отсылку именно к этому роману, названному самим автором поэмой. При всей кажущейся произвольности эпико-реалистическая типология прочер-

чивается в них через народно-национальный критерий подхода к изображаемому, хотя в проблемно-стилевом плане для осетинского писателя более органичен героический модус повествования «Тараса Бульбы», выстраивающий аксиологию частной жизни в нераздельном единстве с народом.

Решение проблемы крупномасштабного и всестороннего отображения общенационального бытия в переломные периоды лежит, как известно, в плоскости человеческих судеб, подключенных к эпохальным событиям. Отсюда специфическая черта романной эпопеи — широта охвата явлений действительности, динамизм событийности, присутствие большого количества действующих лиц. Анализируемые тексты построены на идентичном материале, с единообразным хронологическим охватом (исключая сюжеты с незавершенным замыслом); это полувекковая история осетин — с конца XIX века до Великой Отечественной войны. Не менее широко задумывались и их пространственные границы. Если в осетинской прозе 1930-х годов романный мир был ограничен масштабами и населением одного аула, то теперь он включает региональный и российский топосы; в движении задействованы рабочий класс и крестьянство, политики разной ориентации — местное офицерство, турецкие агенты, деятели европейских стран; у каждого свои интересы и цель — укрепление позиций на Кавказе. Событийный горизонт, вначале замкнутый на локальном ландшафте, уходит все дальше, перемещая персонажей в сферу идеологического противостояния, а в произведениях, где эпопейная пространственно-временная парадигма смогла реализоваться полностью, — и на поля сражений ВОВ. Многоплановая конструкция неоконченной трилогии Мамсурова (заключительная часть была опубликована через три года после его смерти), например, ориентирована на возможно полное воспроизведение бурной атмосферы начала XX века. С этой целью автор сводит в одно из равнинных сел Осетии представителей различных этносов: рабочего-народника, учителя-большевика, канцелярского писаря-анархиста — людей с разным жизненным опытом и судьбой. По ходу развития сюжета пространственные рамки раздвигаются: Владикавказ, Моздок, Ингушетия, Кабарда, казачьи поселения, зоны боевых действий в ходе Первой мировой и Гражданской войн. В субъектный ряд вводятся видные политические и общественные фигуры того времени — монархисты, казачьи атаманы, градоначальник Владикавказа Гаппо Баев, лидер фракции меньшевиков Ахмед Цаликов, эсеры, керменисты, большевистские деятели. При этом в обрисовке образов революционеров использованы — в русле предписаний соцреализма — принципы идеализации и поэтизации, в то время как репрезентация их идейных противников откровенно тенденциозна.

В «Непобедимой силе» Джиоева реализуется установка на последовательный показ вех социальной борьбы народа. Наиболее динамичные сцены в тетралогии связаны с этапом революционного брожения, ключевым эпизодом в котором стало восстание 1920 года; тогда мятежники, рассчитывающие на помощь Красной Армии, по политическим мотивам этой помощи не дождались и фактически оказались обречены на поражение. На фоне изображения массовой расправы меньшевистского руководства Грузии с юго-осетинскими повстанцами и мирным населением выведена злобная фигура Джугели, командующего Нацгвардией Грузии. Писатель прибегает

к принципу речевой характеристики, используя в этих целях подлинные дневниковые записи исторической личности. Ложнопатетический, выпяченный дискурс мемуаров, на первый взгляд, инороден в эпическом нарративе. Но функциональная значимость его в том, что сквозь романтическое позерство и наигранную гуманность персонажа высвечивается его истинная сущность: романский Джугели, подобно своему историческому прототипу, — жестокий и ревностный исполнитель плана по ликвидации осетин как этноса. Под пером художника картины избиения людей, квалифицируемого сегодня как полноценный геноцид, имеют силу достоверной документальной информации. Важно то, что в хронотопе произведения высвобождение недюжинной жизненной энергии горца, его гражданской инициативы обрисовано как процесс, набирающий силу постепенно, в исторических встрясках — от поколения к поколению.

Объемность замысла незавершенной романной эпопеи «Навстречу жизни» Уруймаговой отчетливо проступает уже во внутреннем членении первых двух книг, основанном на принципе «сцеплений» (по Л. Толстому). Действие разворачивается накануне и во время первой русской революции и последовавшей за ней реакции, предположительно до весны 1912 года. В третьей книге планировалось воссоздать события Октября, Гражданской войны и наступившие социалистические преобразования в Осетии. Сложные и многообразные причинно-следственные связи, в которые вступают герои писательницы, предполагалось проследить на всем Северном Кавказе, в центральных губерниях России, в Сибири, в Баку. Творческая сверхзадача автора репрезентируется в духе гегелевского определения эпопеи как вбирающей в себя «дух эпохи, дух нации». Как и коллеги по писательскому цеху, Уруймагова решает ее посредством «проведения» истории через судьбы отдельных личностей — выходцев из разных сословий, с различными идеологическими ориентирами. В пределах единого национального мира, а иногда и однородной социальной среды раскрывается глубина и разнообразие человеческих характеров и судеб, исследуемых в ракурсе проблемы связи человека и истории. Наличие нескольких параллельно развивающихся сюжетных линий позволяет уже с первых страниц романа перемещаться из селения Дур-Дур, где разыгралась драма изгнания крестьян («временнопроживающих»), во Владикавказ, в апартаменты начальника Терской области, в солдатские казармы. Оттуда — в равнинное селение Христиановское, в богатые дома Сафа Абаева и Саният Гуларовой, далее — в горный аул Донифарс, в нищенскую саклю старого Марзы и его внушки Хадизат, снова на равнину, в пастушьи кошары к Атарбеку и Илье, в Гизель — к братьям Цуровым, в Садонские рудники — к ссыльному петербуржцу, лекарю Светлову и т. д.

Новый хронотоп давал возможность авторам выйти за устоявшиеся пределы национального бытия, на простор эпохальных процессов, кардинально меняющих лик времени и этнический образ жизни. Но были и неудачи на этом пути. Пространственно-временные маркеры в «Фатимат» Бекоева аналогичны рассмотренным выше, однако взаимодействие хронотопа с другими уровнями произведения существенно разнится. Сюжетное движение в книге развернуто согласно марксистской теории о непрерывающейся классовой борьбе, о скрытом вредительстве делу колхозного строительства. Враги с их изощренными способами втягивания в свои сети «несо-

знательного элемента» фатально обречены. Раскрытие сговора и тайных действий их составляет первую часть трилогии. Локальная приуроченность событий к селению Цагат сменяется далее пространственными связями, основанными на энтузиастическом вхождении жителей в соревновательный режим с колхозами района, на поездке Фатимат в составе делегации в Москву, на сельскохозяйственную выставку. И далее идеологизированный дискурс наращивает новые, пронизанные историческим оптимизмом, формы — в хронотопе войны, в инициационном шаге подросткового поколения цагатовцев в большой мир для восстановления нарушенной фашизмом гармонии.

3. «Семейная линия». Система образов

Своеобразие структуры романов эпопейного типа заключается в принципе «двойной хроники» (связь истории с «семейной линией»), реализуемой с различной степенью органичности. Общим местом в анализируемых текстах предстает модель социальной оппозиции. У Бекова подобный контраст организуют семейства богатого землевладельца Калци и влюбленного в его дочь батрака Мухарбека. У Уруймаговой идеологическая и нравственная конфронтация по «семейной линии» наиболее ярко выражена, с одной стороны, историей домов собственников Сафа Абаева и Саниат Гуларовой, с другой — жизненными путями героев из народа. Интенции автора касательно духовно-личностной несостоятельности собственнического мира идентифицируются через идею гибели рода либо его измеления [Мамиева, 2019]. У Джиоева и Мамсурова традиционной в исторической прозе тройке сельских «миродов» (лавочник, хозяин кирпичного завода, владелец лесопильной фабрики) противостоит беднейшее крестьянство в лице трудовых семейных династий. Основатель одной из них — Андо Тогоев («Непобедимая сила») — в поисках лучшей доли перебрался с равнины в горный аул, как он думал, подальше от алдарова ока. Крах иллюзий новопереселенца показан в психологически мотивированных микроэпизодах. Внутреннюю духовную силу, зрелое чувство собственного достоинства демонстрирует Андо, когда, не убоившись запугиваний зажиточного Левана остается полон веры в себя и в свое будущее; когда невозмутимо рвет на части расписку, сфабрикованную другим местным толстосумом Джиором. Но стоит нанести ему словесное оскорбление, как от спокойствия юноши не остается и следа [Джиоты, 1957, кн. 1, с. 64]. Правда характера именно в этом сочетании рассудительности, трезвого ума с взрывной южной горячностью. Выстраивается цепь последовательно развивающихся действий, ориентирующих на понимание бесперспективности жизненных целей у человека труда в мире эксплуатации и социального неравенства.

В «Поэме...» Мамсурова типологический ряд героев-бунтарей продолжают братья Борзовы; через призму их мировидения осуществляется взаимосвязь частного и эпохального. Фигуры братьев выписаны рельефно, у каждого — свой особый нрав, склад ума, темперамент. Акцентируется общность родовых черт как объективизация «живого тока крови» — то, что в критике получило название «борзовской хватки». Динамичен рисунок эмоционально-духовного развития младшего Борзова, его клочущей молодой силы, дерзкой линии поведения — отвечать ударом на удар, его неумной любознательности и озорной тяги к опасности, переросшей в романтику

революционного подвига. Старший — Гаппо — в поисках правды и справедливости пройдет путь, типичный для персонажной системы региональной исторической прозы: конфликт с представителем власти, абречество, участие в империалистической войне, идейное возмужание под влиянием русских революционеров. Но сюжетная регламентированность политизации сознания горца смягчена предшествующей рефлексией на тему тупиковых путей обретения правды и справедливости, психологической фиксацией процесса постижения им сущности социальных отношений.

Историко-идеологическая линия развивается в пересечении с аспектом философско-нравственного восприятия мира, веками складывающихся ценностей осетинской духовности. В обрисовке образа Гаппо, например, органичен мотив связи с землей. К мифологической традиции апеллирует сцена градобития, когда юноше хочется закрыть собой пашню, чтобы градины увечили его собственное тело, а не зерна долгожданного урожая [Мамсыраты, 1966, т. 2, с. 138]. Указанный повествовательный пласт связан с лирическим началом; нехарактерное для жанра эпоса в его классическом варианте, в практике эпосов социалистического реализма оно подчас становится жанрообразующей доминантой («Тихий Дон» Шолохова, «Путь Абая» Ауэзова). Символический смысл заложен и в эпизоде возвращения Гаппо с фронта, когда он застаёт отцовский дом заколоченным. Патриархальная мифологема дома осознаётся как центр крестьянского космоса. В том, как протогерой Мамсурова собирает домочадцев под родительский кров, возрождая в нем жизнь, усматривается аллюзия на мироустройство. В свете современных концепций, представляющих мифопоэтику как одно из художественных свойств эпической прозы 1930—1950-х годов [Солдаткина, 2011, с. 118], высказанное предположение не кажется безосновательным. Тем более что акция воссоздания гармонии «равновесного бытия» из хаоса распространяется в романе и на весь сельский социум; больше того, задумана перестройка мира [Мамсыраты, 1966, т. 2, с. 307]. Теперь уже ради этой цели сзывает Гаппо под единый кров борцов за права и свободы, показывая себя мудрым и дальновидным стратегом. Реактивация Мамсуровым мифологического понятия о сакральном пространстве и его центре подчеркивает аксиологию взаимосвязи семейной и исторической линий в структуре нарратива, придает вотивный статус эпохальности пути простого труженика земли к миссии вожака народных масс.

Антитезой параллельно сказанному является в «Поэме...» приватное пространство торговца Дондура, в образе которого типаж Скупого в художественной традиции осетин приобрел новый колорит и оттенки. Возведя глухую стену между собой и окружающими, герой лишился и навыков коммуникабельности, эмотивного речевого поведения. Исправное состояние и идеальный порядок в его хозяйстве входят в скрытый контраст с идеей космопорядка, что подчеркивается и оксюморонной моделью ощущений у сына. «Холодом и затхлостью» веет от отчего крова, но есть в нем сакральный центр, греющий душу «волшебный очаг». Это — материнское сердце, структурирующее духовный хаос и нищету дондурова благополучия.

Историко-типологические обобщения как часть эпической картины жизни составляют особенность почерка Уруймаговой, творческие устремления которой воплотились в психологически насыщенных образах-типах, обладающих жизненной,

социальной и национальной определенностью. Замечателен ее Тему́р Савкуев; мир этого персонажа в процессе «вхождения» в него истории разворачивается разными гранями. Как заботливый супруг и отец раскрывается он в скупых речах и поступках, в сдержанных проявлениях нежности к жене и сыну. Как бунтарь — необузданный, решительный, страстный — выступает в массовых сценах изгнания крестьян с земель помещика Туганова. Остро и бескомпромиссно реагирует на попытки подкупа со стороны власть имущих, на оскорбление чести, — таковым в этике горцев считается даже простое упоминание имени жены в оскверняющих устах.

Существенно разнятся принципы характерообразования у Бекова, в творчестве которого особое внимание уделяется актуальной в осетинском романе-эпопее теме женской эмансипации. Автор весьма оригинален в реализации идеи освобождения женщины из домашнего плена. В обрисовке героини писатель опирается на созданную осетинским классиком С. Гадиевым галерею образов горянок, свободолюбивых и сильных духом. Но, в отличие от присущего им сдержанного внутреннего драматизма, избирает для юной Фатимат несколько эксцентричные формы поведения, привносящие фальшь в структуру образа. Характерны в этом плане сцена принудительной помолвки, попытка и затем инсценировка суицида, побег с возлюбленным в день свадьбы. В соответствии с идеологической канвой, в истории любви героини неизбежен трагический финал. Убийство ее мужа и соратника как прием нарративной трансформации намечает переход к событийному сценарию мести с элементами детективной интриги. В целом содержание произведения составляют борьба с врагами колхозного строя и очерковый обзор достижений героини на трудовом фронте. Начиная со 2-й книги (1951) «производственная» линия окончательно вытесняет «мысль семейную», превращая романский текст в иллюстрацию распространенных пропагандистских тезисов времени его написания.

В произведениях с завершенным «эпопейным» замыслом узнаваемым символом гендерных перемен являются ликбез и красная косынка. Процесс раскрытия внутреннего потенциала горянки — деятельной, целеустремленной, инициативной — пронизан в них яркой оценочностью, нормативным пафосом. Значимое звено в реализации инновационной модели женского поведения — реакция стариков. Дерзкое выступление невестки на собрании повергает Гауса в шок, он в ужасе закрывает руками уши [Там же, с. 120]. То же — у Джигоева в обрисовке сцены, где аульские молодухи врываются во двор, куда собралось мужское население. «Женское нашествие» не дрогнет от едких насмешек, поскольку уже в курсе дарованного революцией равноправия. Не шелохнутся аульчанки и после язвительных приглашений занять места старейшин: *Идите сюда, вот вам место Тедо, а мы разойдемся по домам! Иди, Баца, начини давать советы!..* [Джиготы, 1957, кн. 1, с. 166] (здесь и далее подстрочный перевод осетинских текстов наш. — И. М.).

Вопросы высвобождения горянки из-под власти патриархально-семейных отношений и предрассудков психологически более тонко разработаны в «Поэме...» Мамсурова, где активная субъектная позиция одних создает антитезу утрате другими собственной идентичности, растворения своего «я» в круге интересов и притхотей мужа — «хозяина головы» (осет. *сары хицау*). В частности, выбор матери

братьев Борзовых, которая богатству предпочла «неустроенное счастье» с любимым, контрастирует с абрисом судеб женщин, сделавших в браке ставку на материальную обеспеченность. Автор как бы просчитывает несколько вариантов такого рода альянса (Дзерасса, Годзекка, Нина); нюансы этической оценки обусловлены при этом степенью осознания героинями последствий неверного шага.

Проблема свободы и достоинства личности остро ставится Уруймаговой. Жену Темура — красавицу Разиат, даже в горькой нищете излучающую счастье, не прельщает жить чужим добром. Любовь и лад в семье, праведный труд — ценностные критерии ее мировидения. Неслучайно копченые окорока — эти признаки чужого сытого существования — стали причиной ее гибели. На шею, как ожерелье, надели ей сухое копченое мясо, навесили с двух сторон, как щиты, бараньи ребра и с распущенными волосами, в разорванной от воротника до пояса кофточке, сквозь прорехи которой «видно было ее белое тело и худые лопатки», целый день водили по улицам. Дети осыпали ее пылью, издевались над ее маленьким сыном. Ближе к вечеру *Аслан уже не плакал, а только скулил, держа мать за длинную, болтающуюся кисть руки. И когда на них налетала с гиканьем и свистом новая ватага ребят, он прятал свою головку в пыльных лохмотьях материнской юбки* [Уруймагова, 1976, с. 222]. Безвольно повисшая кисть материнской руки, испуг и беспомощный скулеж ребенка — вся сцена позора невинных, эмоционально пронзительная и живописная, свидетельствует о психологическом и изобразительном мастерстве писательницы, об умении организовать локальное повествовательное пространство. Психологически мотивирован с точки зрения авторской интенции и уход Разиат из жизни. Натура цельная, чистая, она не мыслит себя вне понятий чести и доброго имени. Вот отчего поруганная гордость, позор публичного наказания берут верх над ее восхищенной любовью к мужу и даже над материнским долгом.

Таков в анализируемых произведениях характер взаимодействия эпопейности и романности, принципов коллективности («роевого» начала) и автономности внутренней («семейной») жизни индивида.

4. Идеологическое и национально-этническое в эпопейном нарративе

Характерной особенностью северокавказских художников слова в освоении новой жанровой разновидности было проецирование общественно-исторических коллизий на национальную почву. Критикой 1960-х годов этнографизм оценивался как препятствие, отвлекающее от процесса революционизирования сознания персонажей, тогда как сегодня признается наиболее значимым структурным звеном эпопейного нарратива. Писатели широко обращались к элементам фольклорной поэтики как форме передачи норм эталонного менталитета, к изображению героев с точки зрения народного идеала (красота телесная и душевная). В конкретных фактах и обстоятельствах открывалась гуманизирующая функция этикета, вскрывались глубинные пласты нравственной культуры этноса.

На этом фоне диссонируют эпизоды, порожденные идейным размежеванием в национальном космосе. К идеологически маркированным инцидентам следует отнести, например, стычку гостей на свадьбе, когда один из приглашенных тре-

бует, чтобы другой немедленно покинул торжество. Примечательна реакция на поправление нормативно-поведенческого кодекса горцев: *Борзов — гость званный, и никто, кроме хозяина дома, не вправе его отослать отсюда, — возразил Гала, взявшись за кобуру. — А если кому не нравится здесь, — двери открыты* [Мамсыраты, 1967, т. 3, с. 190]. Но нарушают этикетные нормы и герои, отвечающие идеалу. Такова спонтанная агрессия Гаппо, без всякой на то причины сбросившего с коня встречного всадника, идейного противника (*да так резко, что у того папаха отлетела прочь*), и с размаху огревшего его кнутом. Предвзятость подобных сцен, безусловно, вредит психологической правде характера. Проблема корреляции идеологического и этнического весьма актуальна в «Непобедимой силе» Джигоева. Классовое размежевание не единожды приводит здесь к нарушению освященных веками норм поведения. И хоть всплески южного темперамента молодежи спровоцированы недостойным поведением сельских богатеев, старикам зачастую приходится защищать тех от скорой расправы. Знаменательна и отповедь старого Тедо сыну — председателю колхоза (*Или не делай того, что не по нраву людям, или отделийся от нас!*), вызванная распашкой границ крестьянских наделов. Это не идеологические разногласия, конечно. Инцидент с межами вскрывает нечто более важное, глубоко укоренившееся в народном сознании: на уровне мифологических представлений разрушение границы означает возможность проникновения нечистых сил в человеческую среду [Кусаева, 2016, с. 65]. Известно, что у римлян был даже специальный покровитель межевых знаков и границ, Термин, — религиозное обоснование их святости и нерушимости. В славянской мифологии был Чур, Щур — свой Бог межи, «по ту сторону которой — смерть». В пантеоне осетин не сохранилось имени божества, но о его существовании говорит эхо памяти, которым обусловлен отказ колхозников участвовать в разрушении каменных оград: *Грех трогать их, земля не простит святотатства...* [Джиоты, 1959, кн. 2, с. 130].

Спор по вопросу согласования административных действий с аульчанами становится показателем уже намечающихся нравственно-этических деформаций в структуре патриархального мира: — *А ты не берись решать, что надо народу, чего не надо, — резко прервал его сын. Бедный старик даже застыл с открытым ртом. Подумать только: его единственный сын, его Тома, так грубо разговаривает с ним! Седые брови нахмурились, в глазах мелькнул былой блеск: — Яйца курицу не учат, паршивец! Ты что, считаешь себя умнее народа?* [Там же, с. 132].

Конфликт поколений на фоне модернизационных перемен в горской среде был отражен еще в поэзии К. Л. Хетагурова. Стихотворение «Надежда» выстроено им в виде квазидialogа между отцом и сыном, представителями двух эпох, двух мировоззрений. Но у Коста речь юноши, несмотря на высокий полемический накал, не выходит за рамки традиций почитания родителей, уважения к старшему. Конструктивное противостояние косному начинается и завершается просьбой не принимать близко к сердцу сыновний нрав¹. «Энергия возражений отцу в какой-то степени

1 Образцом искажения специфики речевого этикета стал перевод Б. Иринина, в котором на смелую учтивость юноши заступает немислимая в горском быту дерзость: Что брови сдвигаешь, / Отец? Ты не прав!.. Тебя без причины / Тревожит мой нрав! [Хетагуров, т. 1, с. 19—21].

смягчено и словесной формулой, имеющей ярко выраженный национальный коннотат — “мæ фыды зæронд” (“старик-отец”)» [Мамиева, 2016, с. 213].

В анализируемых произведениях ситуация кардинально меняется. У Бекоева есть эпизод, где к Фатимат приходит отец с продуманной и своекорыстной инициативой восстановить отношения. Первое движение молодой женщины под влиянием нахлынувших детских воспоминаний — обнять отца, ласково к нему прижаться. Но побеждает диктат укоренившихся в сознании установок (*Это невозможно... У нас уже ничего общего... Мы — враги*), и дочь резко и грубо пресекает попытки к примирению. Автору известно, что поведение героини, «правильное» с точки зрения идеологических мифологем, идет вразрез с народной этикой. И, впадая в противоречие с критериями официальной эстетики, он показывает озадаченность свекра ненадлежащим поведением невестки: *Газан дивился словам Фатимат. — Что только не услышишь от нынешней молодежи. Разве можно так разговаривать с отцом?* [Бекъойты, 1948, кн. 1, с. 158].

Любопытная грань мировоззренческого раскола в сфере семейно-родственных связей выражена в том, что, в отличие от молодых идеологов нового мира, их противники формально чтут неприкосновенность обычаев. Так, Джембот («Поэма о героях»), мечтая о гибели строптивых племянников и даже благословив соумышленников на расправу с ними, не берется удержать свой род от кровомщения: *Кто тогда согласится разделить хлеб-соль в моем доме? Кто подаст мне руки?* [Мамсыраты, 1967, т. 3, с. 315].

Взрослые конфликты, как правило, отражаются на взаимоотношениях детей. Динамично и ярко изображена в «Поэме...» борьба между лидерами двух «команд»: младшим Борзовым и кулацким отпрыском Василем — с их одинаковой неразборчивостью в средствах, кровавыми драками, окунанием друг друга в прорубь и даже с сочинением «позорящих песен» и ложных слухов. Но поступки ребят психологически обоснованны, в них — проявление возрастной логики, озорства. Иное у Бекоева. Идея сословной непримиримости и классовой зоркости прямолинейно экстраполируется в детскую среду в фрагменте зимних забав, когда, слепив из снега узнаваемые фигуры богатеев села, мальчишки с выкриками «истребим наших кулаков» и неприличествующими ребячьему возрасту «дразнилками» начинают с хохотом крушить их ногами [Бекъойты, 1948, кн. 1, с. 116].

Так дискретно высвечивается в осетинском романе-эпопее проблема обычая и власти, обусловленная редукцией общественной морали — регулятора нормы поведения индивида. Искусственное выпадение определенных сторон духовного наследия либо перевод их в состояние неактуальности отмечено и в других литературах региона [Сарбашева, 2016].

5. Проблемы нарративного равновесия и структурной завершенности

Наблюдения над жанрово-стилевой парадигмой осетинских романов эпопейного типа актуализируют в ней проблему соблюдения повествовательного равновесия — одной из важных установок эпопейного канона. Как правило, основу первых книг составляет эпически неспешное описание народной жизни — с колоритным воспроизведением сельского быта и нравов, живыми диалогами, динамикой пере-

дачи психологии героя через портретный штрих, жест, взгляд, вещную характеристику; в дальнейшем центр внимания перемещается на процесс идейного формирования лидеров грядущих классовых баталий. Сюжетное пространство заполняет калейдоскоп бурных событий века, и к финалу оно окончательно приобретает черты исторической хроники с превалированием приемов информационной скорописи. Неровность повествовательно-изобразительного плана в некоторых произведениях отчасти объяснима их «недописанностью». У Уруймаговой, например, на это указывают текстовые «связки», выполненные в символично-романтической либо публицистически-сказовой манере: писательница прибегает к ним для предварительного обобщения крупных фактов, явлений, судеб персонажей. В высказанном предположении убеждает также ряд фрагментов с хорошим психологическим потенциалом в заключительной части «Поэмы...» Мамсурова.

Но проблема внутренней неоднородности свойственна (пожалуй, даже в большей степени) и завершенным текстам. В тетралогии Джюева «грозда истории» постепенно подминает под себя личностный аспект, оттесняя от книги к книге своеобразие внутренней жизни персонажей на дальнюю периферию. Крайне злободневны вопросы композиционно-нарративной цельности для трилогии Бекоева. В хронотопе произведения неким «водоразделом» становится появление молодых в родном селе в день собственных поминок. «Восставшие из мертвых» приносят с собой дыхание времени, идеи женского равноправия. Но сам процесс закалки характеров вынесен за пределы романного действия. Для полноты картины добавим к этому «выпадение» из сюжетной канвы значимых явлений времени, фрагментные «аппликации» с агитационной семантикой и т. п. «Рваный» сюжет «Фатимат», несомненно, свидетельствует о затруднениях, которые испытывает автор при проецировании исторических событий на индивидуальные судьбы. Два нравственных полюса произведения выстроены по тривиальной схеме деления на активистов коллективизации и их ярких противников, адептов диверсий и «классового вредительства». Вместе с тем наблюдаются попытки усложнить структуру нарратива введением автономных «планов» персонажей. Но «именные» главы, посвященные партийной элите, отдают идеологической фальшью, отсутствием глубины сюжетных ходов. Уже со второй книги вступает в силу действие категории «исторического оптимизма» — краеугольного камня эстетики соцреализма. Идиллическая панорама динамики новой жизни с обязательным акцентом на контрасте «того и этого» времени создается перечислением примет колхозного изобилия, введенных в эксплуатацию производственных и социально-культурных объектов, предметно-вещных новаций в быту людей. Наивной трансформации подвергаются даже извечные константы национального мира: *Другой раз просят вынести на древний Нихас чей-нибудь патефон <...> вокруг собираются колхозники и слушают разные дивные мелодии* [Бекъюйты, 1950, кн. 2, с. 241]. Свою лепту в наступившую гармонию бытия вносят короткие «реплики» из натурной сферы: *На небе ни облачка. Веселье птичьих напевы наполняют сердце радостью* [Там же]. Пересказ Фаризат своих впечатлений от поездки в Москву, лозунговые речи-напутствия при проводах молодежи на фронт — в этих и подобных им фрагментах текста набор идейных стереотипов высвечивается всеми гранями. Но позволим себе

парадоксальное утверждение: трилогия представляет для историка литературы несомненный интерес: как образец демонстрации правды идеологии — иллюзорной, фальшивой, противостоящей естественным человеческим чувствам и переживаниям; в ней со всей очевидностью проявлены риторика времени, специфика процесса «сотворения кумиров».

В наши дни закономерен пересмотр содержания стержневых дефиниций эстетики социалистического реализма — «историзма» и «народности» — в сторону акцентирования их нового, в сравнении с литературой XIX века, понимания. Отмечается, что, поскольку в истоках данной эстетики лежала интерпретация истории как революционного развития мира и классового противостояния, присущий жанру эпопеи «конструктивный принцип осмысления жизни и человека в многообразии их связей и отношений подменялся системой норм оформления художественной реальности» [Володина, 2012, с. 42]. Результат подобной подмены, столь явный в трилогии Бекова, созданной при апогее сталинизма, замечен и в художественном творчестве последующих десятилетий. Исследователи указывают на несостоятельность псевдоэпопейной тенденции в ряде произведений русской литературы 1970-х годов (В. Иванов. «Вечный зов», П. Проскурин «Судьба», Г. Марков «Сибирь»): «Когда <...> главной мерой вещи остается идеологическая норма, <...> идет деградация искусства — отсутствие свежей идеи, смелых и новых воззрений на личность и народ оборачивается описательностью, композиционной рыхлостью, риторикой и натужной монументальностью» [Лейдерман и др., 2008, с. 21].

Процессы эпизации взаимоотношений человека и истории, протекая с разной интенсивностью, оставили свой след в национальных литературах, осетинской в том числе, образовав особый структурно-типологический пласт, основанный на поисках синтеза историзма и этнографизма, документализма и психологизма, социально-идеологического и национально-исторического. Подобный синтез не представлял собой однородную картину. Писатели, отзываясь на общую тему, воплощали ее на различном эстетическом уровне, который зависел от многих факторов: творческого потенциала, традиций своей литературы, глубины восприятия инонационального художественного опыта. Задача приведения разнородных по стилевой принадлежности текстовых фрагментов к единой форме изложения была одной из актуальных для авторов осетинских романских эпопей, как, впрочем, и для региона в целом.

6. Выводы

Задаваясь вопросом, в какой мере то или иное произведение отвечает эпопейным признакам, мы в первую очередь обращали внимание на синтез эпической и романной традиций, осуществляемый художником на линии пересечения «семейного» и «исторического» дискурсов, на объемное воссоздание жизни в ее разноаспектных проявлениях (идеологические, конфессиональные, гендерные и прочие отношения), на включенность в текстовую структуру этнографической составляющей как значимой части национального образа бытия.

В ходе анализа впервые концептуально осмыслены нарративные особенности осетинских романских эпопей и механизмы смены авторских стратегий. Отмечен про-

цесс деактуализации национально-этнического в пользу заострения идеологической идентичности персонажа. Показано, что наряду с традиционными способами изображения внутренней жизни (в виде прямых характеристик или через несловесные приемы выразительности) в исследуемых произведениях ощутима ориентация и на более опосредованные формы психологизма. Структурные новации в данной области значительно расширились и качественно обогатились под пером Уруймаговой. Строй наррации усложняется в ее книге ретроспекциями, ассоциативными связями, непрямой точкой зрения. Мастерство автора выражается и в обрисовке «массовых» сцен, в искусстве «многоголосого» повествования как элемента эпического видения мира.

Образно-эстетический и содержательный потенциал романнных эпопей определяется степенью довлениия над писателями канонов официальной эстетики, санкционирующих «примат идеи над жизнью, когда жизнь, по сути, программируется, подгоняется под умозрительные выводы» [Володина, 2012, с. 36]. В них, в той или иной мере, присутствует типическая для многонациональной литературы указанного периода модель «настоящего советского человека», строителя новой жизни: герой изображен нераздельно слитым со сферой своей практической деятельности. Псевдоисторический характер авторской картины мира с набором обязательных составляющих (образы врага, лидера-идеолога; метафора светлого будущего; идеи коллективизма) наиболее наглядны в трилогии «Фатимат» Бекова.

Но представляется конструктивной мысль о значимости созданных в этом жанре произведений для последующих этапов: «...они важны не только опытом своих достижений и находок, но и опытом своих исканий, порою недоосуществлений и даже отдельных неудач» [Киселева, 1978, с. 279]. Оценка, данная ситуации в русской советской литературе, распространяется и на процессы эпизации в регионах — со всеми их эстетическими новациями и очевидными срывами. Элементы романной эпопейности в характерах героев, в полифонических сюжетах закладывали основу для последующих нарративных практик освещения узловых периодов национальной истории. В свете сказанного и вопреки современному нигилистическому восприятию романа-эпопеи позволим себе утверждать, что в лучших своих образцах многоплановые эпические полотна осетинских авторов, творчески усваивающих традиции русской классики, явились новой ступенью в осмыслении и воспроизведении эпохальных событий прошлого в их сопряжении с бытием народа, микромиром семьи и отдельной личности.

Источники

1. *Бекъойты Е.* [Беков Е.]. Фатимат = Фатимат : роман : в 3 кн. / Е. Беков. — Дзауджикау : Севосгиз, 1948. — Кн. 1. — 303 с. ; 1950. — Кн. 2. — 288 с. ; 1959. — Кн. 3. — 318 с.
2. *Джиоты Д.* [Джиоев Д.]. Ёнаёбасатгæ тых = Непобедимая сила : роман : в 4 кн. / Д. Джиоев. — Сталинир : Югосгиз, 1957. — Кн. 1. — 403 с. ; 1959. — Кн. 2. — 376 с. ; 1960. — Кн. 3. — 362 с. ; 1961. — Кн. 4. — 302 с.
3. *Мамсыраты Д.* [Мамсуров Д.]. Уацмыстæ = Сочинения : в 4 т. / Д. Мамсуров. — Орджоникидзе : Севосгиз, 1966. — Т. 2. — 348 с. ; 1967. — Т. 3. — 444 с. ; 1969. — Т. 4. — 326 с.
4. *Уруймагова Е. А.* Навстречу жизни : роман : в 2 т. / Е. А. Уруймагова. — Орджоникидзе : Ир, 1976. — Т. 1. — 528 с. ; Т. 2. — 475 с.

5. Хетагуров К. Л. Полное собрание сочинений : в 5 т. Т. 1 / К. Л. Хетагуров. — Владикавказ : ИПП им. В. А. Гассиева, 1999. — 486 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекедин П. В. Современные советские исследования об эпопее / П. В. Бекедин // Русская литература. — 1976. — № 1. — С. 234—238.
2. Володина Е. Н. Романы В. Дудинцева : типология и эволюция жанра / Е. Н. Володина. — Тюмень : ТОГИРРО, 2012. — 275 с.
3. Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр / Г. Д. Гачев. — Москва : Просвещение, 1968. — 302 с.
4. Ивинский П. Эпопея. Исторические формы жанра. От эпопеи древности к социалистической эпопее / П. Ивинский. — Lublin : Univ. Marii Curie-Skłodowskiej Wyd. Humanistyczny, 1980. — 253 с.
5. Киселева Л. Ф. Художественные открытия советского классического романа-эпопеи / Л. Ф. Киселева // Советский роман. Новаторство. Поэтика. Типология. — Москва : Наука, 1978. — С. 243—280.
6. Крутов Ю. И. Генезис и трансформации эпопейных жанровых признаков в прозе XX века : дис. ... д-ра филол. наук / Ю. И. Крутов. — Москва : 2006. — 318 с.
7. Кусаева З. К. Семиотика зеркала в фольклорно-этнографической традиции осетин / З. К. Кусаева // Вестник КИГИ РАН. — 2016. — № 3 (25). — С. 63—73.
8. Лейдерман Н. Л. Русская литература XX в. : 1950—1990-е годы : в 2 т. Т. 2 / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — Москва : Академия, 2008. — 688 с.
9. Мамиева И. В. Лавровский «след» в осмыслении К. Л. Хетагуровым проблемы интеллигенции и народа / И. В. Мамиева // Вестник КИГИ РАН. — 2016. — № 3 (25). — С. 209—217.
10. Мамиева И. В. «Навстречу жизни» Е. Уруймаговой в свете типологической общности с классическими образцами семейно-родового романа / И. В. Мамиева // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 139—158. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-139-158.
11. Переверзин В. Концепции «эпизации» и «романизации» в изучении большой эпической формы / В. Переверзин // *Literaria humanitas* : сборник статей. — Brno : Masarykova univerzita, 1998. — Т. VI. — С. 222—235.
12. Сарбашева А. М. Деактуализация духовного наследия на этапе становления балкарской литературы в начале XX века / А. М. Сарбашева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 5—1 (59). — С. 21—23.
13. Солдаткина Я. В. Эпическое мышление в прозе 1930—1950-х гг. : мифопоэтический аспект / Я. В. Солдаткина // Известия ВГПУ. — 2011. — № 2 (56). — С. 117—120.
14. Турбин В. Н. Восприятие и интерпретация Лермонтовым жанровой структуры романа Пушкина «Евгений Онегин» / В. Н. Турбин // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. — 1989. — № 5. — С. 17—27.
15. Чичерин А. В. Возникновение романа-эпопеи / А. В. Чичерин. — 2-е изд. — Москва : Советский писатель, 1973. — 374 с.

GENRE FEATURES OF THE NOVEL EPIC IN OSSETIAN LITERATURE: CORRELATION BETWEEN IDEOLOGICAL AND NATIONAL-ETHNIC

© Mamieva Izeta Vladimirovna (2020), orcid.org/0000-0003-3083-1393, PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher, Department of Literature and Folklore, V. I. Abaev North Ossetian Institute

for Humanitarian and Social Studies — the Filial of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Vladikavkaz, Russia), dzirasga@mail.ru.

The specific features of epic narration in the Ossetian novel prose (1940-1960) in the context of the all-Russian literary process are considered. The problem solved in the article is actualized in the light of the conceptual differences that emerged in the post-Soviet era in the interpretation of the essence of the concept of "epic novel", in the attribution of its genre status. The purpose of the article is to specify the typology of the epic chronotope and character system, to identify the issues of the structural completeness of works. A typological method is used with the use of an axiological approach, which allows us to focus both on the spiritual and content aspect of artistic searches and on the pseudo-scale tendencies in the novel-epic practice of the aforementioned decades. The novelty of the work lies in the fact that for the first time, using the example of Ossetian prose, the process of the emergence of a new genre variety in national literatures is investigated. Special attention is paid to the aspects of deactualization of the national-ethnic in the behavioral sphere of characters in favor of sharpening their ideological identity. At the same time, it is shown that in the system of images, in the very poetics of narration, through the ideological sharpening inevitable for time, an orientation toward the foundations of national consciousness, toward the spiritual and historical experience of the people appears. It is concluded that works of an epic type, despite the tangible costs of an ideological and partly aesthetic order, were a new stage in the interpretation of epoch-making events of the past by Ossetian literature in their conjunction with the life of the people, the microcosm of the family and the individual.

Key words: epic novel; genre features; Ossetian literature; epic chronotope; system of images; narrative structure; ethnic; ideological.

MATERIAL RESOURCES

- Bekoev, E. (1948—1959). *Fatimat*. Dzaudzhikau: Sevostgiz. 1—3. (In Russ.).
- Dzhioty, D. (1957—1961). *Nepobedimaya sila* [Invincible force]. Stalinir: Yugostgiz. 1—4. (In Russ.).
- Khetagurov, K. L. (1999). *Polnoye sobranie sochineniy* [Full composition of writings]. Vladikavkaz: IPP im. V. A. Gassieva. 5/1. 486 p. (In Russ.).
- Mamsyraty, D. (1966—1969). *Sochineniya* [Essays]. Ordzhonikidze: Sevostgiz. 1—4 (In Russ.).
- Uruguayova, E. A. (1976). *Navstrechu zhizni* [Towards life]. Ordzhonikidze: Ir. 528 p. (In Russ.).

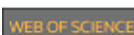
REFERENCES

- Bekedin, P. V. (1976). Sovremennyye sovetskie issledovaniya ob epopee [Contemporary Soviet studies about the epic]. *Russkaya literatura* [Russian literature], 1: 234—238. (In Russ.).
- Chicherin, A. V. (1973). *Vozniknovenie romana-epopei* [The emergence of the epic novel]. (2nd ed.). Moskva: Sovetskiy pisatel. 374 p. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (1968). *Soderzhatelnost' khudozhestvennykh form. Epos. Lirika. Teatr* [Richness of artistic forms. Epic. Lyrics. Theater]. Moskva: Prosveshchenie. 302 p. (In Russ.).
- Ivinskiy, P. (1980). *Epopeya. Istoricheskie formy zhanra. Ot epopei drevnosti k sotsialisticheskoy epopee* [Epic. Historical forms of the genre. From the epic of antiquity to the socialist epic]. Lublin: Univ. Marii Curie-Sklodowskiej Wyd. Humanistyczny. 253 p. (In Russ.).
- Kiseleva, L. F. (1978). Khudozhestvennyye otkrytiya sovetskogo klassicheskogo romana-epopei [The artistic discoveries of the Soviet classic novel epics]. In: *Sovetskiy roman. Novatorstvo. Poetika. Tipologiya* [Soviet novel. Innovation. Poetics. Typology]. Moskva: Nauka. 243—280. (In Russ.).
- Krutov, Yu. I. (2006). *Genezis i transformatsii epopeynykh zhanrovyykh priznakov v proze XX veka: Doct. Diss.* [Genesis and transformations of epic genre features in prose of the 20th century: Doct. Diss.]. Moskva. 318 p. (In Russ.).

- Kusaeva, Z. K. (2016). Semiotika zerkala v folklorno-etnograficheskoy traditsii osetin [Semiotics of the mirror in the folklore and ethnographic tradition of the Ossetians]. *Vestnik KIGI RAN* [Bulletin of the KIGI RAS], 3 (25): 63—73. (In Russ.).
- Leyderman, N. L., Lipovetskiy, M. N. (2008). *Russkaya literatura XX v.: 1950—1990-e gody* [Russian literature of the 20th century: 1950—1990]. Moskva: Akademiya. 2/2. 688 p. (In Russ.).
- Mamieva, I. V. (2016). Lavrovskiy «sled» v osmyslenii K. L. Khetagurovym problemy intelligentsii i naroda [Lavrov's "trace" in K. L. Khetagurov's understanding of the problem of the intelligentsia and the people]. *Vestnik KIGI RAN* [Bulletin of the KIGI RAS], 3 (25): 209—217. (In Russ.).
- Mamieva, I. V. (2019). «Navstrechu zhizni» E. Uruymagovoy v svete tipologicheskoy obshchnosti s klassicheskimi obraztsami semeyno-rodovogo romana ["Forth to Life" by E. Uruymagova in Light of Typological Commonality with Classical Examples of Family-Generic Novel]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 6: 139—158. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-139-158. (In Russ.).
- Pereverzin, V. (1998). Kontseptsii «epizatsii» i «romanizatsii» v izuchenii bolshoy epicheskoy formy [The concepts of "epization" and "Romanization" in the study of the large epic form]. In: *Literaria humanitas*. Brno : Masarykova univerzita. 4: 222—235. (In Russ.).
- Sarbasheva, A. M. (2016). Deaktualizatsiya dukhovnogo naslediya na etape stanovleniya balkarskoy literatury v nachale XX veka [Deactualization of the spiritual heritage at the stage of formation of Balkar literature at the beginning of the 20th century]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 5—1 (59): 21—23. (In Russ.).
- Soldatkina, Ya. V. (2011). Epicheskoye myshlenie v proze 1930—1950-kh gg.: mifopoe-ticheskiy aspekt [Epic Thinking in Prose of the 1930—1950: mythopoetic aspect]. *Izvestiya VGPU* [Bulletin of the VSPU], 2 (56): 117—120. (In Russ.).
- Turbin, V. N. (1989). Vospriyatie i interpretatsiya Lermontovym zhanrovoy struktury romana Pushkina «Evgeniy Onegin» [Lermontov's perception and interpretation of the genre structure of Pushkin's novel "Eugene Onegin"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya* [Bulletin of the Moscow University. Ser. 9: Philology], 5: 17—27. (In Russ.).
- Volodina, E. N. (2012). *Romany V. Dudintseva: tipologiya i evolyutsiya zhanra* [V. Dudintsev's novels: typology and evolution of the genre]. Tyumen: TOGIRRO. 275 p. (In Russ.).

Султанова Х. Р. Роль и функции фольклорно-мифологических элементов в творчестве М. А. Сабира / Х. Р. Султанова // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 297—308. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-297-308.

Sultanova, Kh. R. (2020). Role and Functions of Folklore and Mythological Elements in the Work of M. A. Sabir. *Nauchnyi dialog*, 10: 297-308. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-297-308. (In Russ.).

УДК 821.512.162:398.3

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-297-308

РОЛЬ И ФУНКЦИИ ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ М. А. САБИРА

© Султанова Ханым Рза кызы (2020), orcid.org/0000-0003-0779-9540, доктор философии по филологии, проректор, Бакинский славянский университет (Баку, Азербайджан), sultanovaxanim@gmail.com.

Рассматриваются фольклорно-мифологические традиции в творчестве выдающегося поэта-сатирика конца XIX — начала XX веков М. А. Сабира. Отмечается, что современное сабиrowедение объединяет ученых из Азербайджана, России и других стран, которые обращаются к исследованию произведений поэта. Представлены результаты анализа ряда поэтических произведений Сабира, в которых автор использует фольклорно-мифологические элементы как прием, который усиливает сатирическое звучание его текстов. Автор полагает, что Сабир, благодаря включению в число персонажей представителей демонического мира (хортдан, дам-дабаджа, джин, джан, Баба Яга), подчеркивает силу влияния на людей веры в потусторонние силы, таким образом высмеивая косность мышления, нежелание развиваться, идти в ногу с прогрессом. Показано, что Сабир создает реалистичные отрицательные социальные типы: стяжателей, невежд и т. д. Особое внимание уделяется малым фольклорно-мифологическим жанрам (проклятие, благословение, примета), которые служат свидетельствами веры человека в магическую силу слова. Отмечается, что изучение фольклорно-мифологических элементов в поэтических произведениях Сабира имеет перспективу.

Ключевые слова: мифопоэтические элементы; сатира; приём; мифологические персонажи; образцы азербайджанской поэзии; мифологические тексты; письменная литература; фольклор.

1. Введение

Творческое наследие Мирзы Алекпер Сабира наиболее часто становится объектом анализа в азербайджанском литературоведении. Его произведения вскоре после их появления в печати стали широко известны не только в Азербайджане, но и в других странах. Они были опубликованы в Тбилиси, Санкт-Петербурге, Астрахани, Стамбуле, Берлине и оказали большое влияние на развитие жанра общественной сатиры.

Сабироведение, начало которому было положено Дж. Мамедгулузаде [Мамедгулузаде, 2015], Ф. Кочарли [Кочарли, 2014], А. Саххатом [Саххат, 2005], получило дальнейшее развитие в трудах других азербайджанских исследователей. Мамед Мамедов [Мамедов, 1990], Джафар Хандан [Хандан, 1962], Аббас Заманов [Заманов, 1973], Тофик Гаджиев [Гаджиев, 1980] и многие другие литературоведы XX века, в том числе исследователи XXI столетия [Байрамова, 2013; Каграманова, 2012 и др.], в своих статьях и монографиях, посвященных произведениям Сабира

либо вопросу его влияния на творчество других писателей, раскрывают секреты мастерства великого поэта-сатирика и говорят о его беспрецедентном вкладе в развитие азербайджанской литературы. Так, профессор М. Мамедов в своем исследовании, посвященном творчеству поэта, «Сабир: споры, истины», пишет: «С полной ответственностью можно сказать, что нет ни одного важного общественно-политического события или бытового вопроса, произошедшего в начале нашего века, которое бы не получило своего художественно-сатирического отображения в творчестве Сабира. Сатиру Сабира можно сравнить с зеркалом, чётко отражающим жизнь и борьбу людей со всеми их типичными проявлениями» [Мамедов, 1990, с. 3].

В русле сабироведения рассматриваются разные аспекты жизни и творчества поэта: мастерство сатирического отображения жизни в его произведениях, языковые и стилистические особенности стихов, связь его поэзии с фольклором, публицистическая деятельность Сабира, его литературные, философские, экономические и педагогические взгляды. Тем не менее и сегодня существуют еще не изученные стороны творчества этого незаурядного мастера слова.

Одной из проблем, оставшейся вне поля зрения исследователей творчества Сабира, является вопрос о мифопоэтических взглядах, воплощенных в его сатире, в чем видится новизна данного исследования. Мифопоэтика являет собой не только «художественную систему, основанную на мотивированном обращении к мифологическим моделям», но и одновременно «... метод исследования таких явлений» [Крылов, 2003, с. 163—164].

Поэт продемонстрировал особый подход к мифопоэтической модели в поэзии, включая в свои произведения мифологемы в уникальной, неповторимой стилистической манере. В его сатиру органично вплетаются клятвы, прославления, проклятия, которые подчеркивают сатирическую стилистику произведений. Можно с уверенностью сказать, что никому ещё в азербайджанской поэзии не удавалось так органично использовать данные жанры в поэтической структуре произведения. Включая мифологические образы в сатирический контекст, Сабир подчеркивает отношение к предмету речи своего лирического героя.

Азербайджанские поэты XX века: А. Сиххат, М. Хади, А. Шаиг, Х. Рза, Ч. Рза, С. Вургун и другие — также широко обращались в своём творчестве к мифологии. Однако, как правило, мифопоэтические элементы вводились ими в повествование с целью создания лирической интонации произведений. Сабир включает в свою поэзию народные предания, верования, элементы древних народных традиций, им упоминаются мифические образы джина, чёрта, ангела, хоху, хортдана, дамдабаджа и т. п. Но он с помощью этих персонажей стремится подчеркнуть сатирический характер типов, выведенных им в качестве объектов смеха.

2. Мифологемы в творчестве Сабира

Мифологическая составляющая творчества поэта обусловлена народным характером его произведений, которые написаны языком, понятным представителям всех слоёв населения. Кроме того, сами персонажи — простые люди, которые, как правило, верят в мифы почти на уровне первобытного человека. Такая вера в свер-

хвещественное, художественно обыгранная поэтом, не только порождает у читателя смех, но и заставляет его задуматься.

Упоминание в произведениях простыми людьми джинов, чертей, драконов, вампиров призвано наводить на окружающих страх. Включение таких реплик в речь персонажей свидетельствует о близости автора сатир духу своего народа, о том, что он знает мифологический пласт родной ему культуры. Одной из особенностей поэзии Сабира является разнообразие персонажей как типов людей, отличающихся друг от друга характером, социальным статусом и мировоззрением. Если перед писателем стоит задача передать невежество, уродство, пошлость, отсталость персонажа, то для этого он нередко привлекает мифологические образы. Дж. Хандан считал, что «разнообразие сюжетов и тем — один из главных признаков того, что народный поэт очень хорошо знает жизнь своего народа» [Хандан, 1962, с. 109].

Включение в текст мифологических образов — традиционно используемый Сабиром художественный прием. Вводя в реплики героев, в ткань художественного произведения демонологических персонажей, он апеллирует к мифологической памяти, поэтому не даёт развернутых пояснений по поводу того, что представляя собой эти образы, довольствуясь лишь упоминанием их имён. Приведем несколько примеров. Так, поэт передает страх, который испытывает молодая девушка при виде своего старого жениха, и ее мольбы, обращенные к *хандосту* (один из персонажей, близких героине), в которых она сравнивает жениха с вампиром (*хортданом*) или страшилой (*хоханом*).

Xandostu, amandı, qoyma gəldi.

Xortdandı- xoxandı, qoyma gəldi [Сабир, 1980, с. 42].

Подстрочный перевод:

Хандосту, прошу, не пускай его ко мне.

Он хортдан, он хохан, не пускай его ко мне.

В стихотворении «Боюсь» Сабир даёт указание на место обитания хортданов:

Məqbəralərdə edirəm gah məkan,

qəbirdə xortdan görürəm, qorxmuram [Там же, с. 93].

Подстрочный перевод:

Я бываю иногда в гробницах,

Вижу в могилах хортданов, не боюсь.

Человека, который вышел из могилы, считают изгнанным с того света. Согласно поверьям, такой человек, разгуливающий в саване, способен на многое: бежать с большой скоростью, седлать лошадей, пользоваться оружием, совершать разбойные нападения, преграждать дорогу. Чтобы обезопасить себя от нападения хортдана, надо, проходя мимо кладбища, читать молитву.

В стихотворении «*Ey fələk, zülmün əyandır ...*» («О, судьба, сколько же ты приносишь мне страданий») автор даёт любопытный совет молодым матерям: хорошо бы им знать по именам некоторых мифологических персонажей, таких как хоху,

хортдан, дамдабаджа, рассказывать о них детям, даже пугать ими своих детей. Например, демоническим персонажем является *дамдабаджа*, чье название образовано путем сочетания слов *дам* ‘кровля’ и *баджа* ‘дымоход’, и кем бы ни был тот, кто спускается с крыши по дымоходу, он в представлении людей выглядит устрашающе: весь чёрный, в саже. В азербайджанских народных сказках дамдабаджа — это грязное, безобразное, отвратительное существо. Если в них мы видим сравнение «девушка была как дамдабаджа», то это означает, что она была безобразна. Образ *дамдабаджа* чаще всего встречается в фольклоре населения Ширвана и Нахчыванской Автономной Республики Азербайджана. Присутствие этих образов в сознании людей и их репрезентация в фольклорных текстах прямо зависят от национальной картины мира. Как утверждает автор турецкого мифологического словаря Дж. Бейдили, «национальное самосознание — это один из основных признаков мифологического мышления» [Байдили, 2003, с. 255].

Итак, Сабир в своей сатире «*Ol gün ki sənə xəlq edər lütf bir övlad*» («В тот день, когда тебе будет подарено дитя») советует матерям:

*Ağlarsa uşaq dərdinin axtarma dəvasın,
Ancaq söy anasın;
Qorxuzsun o da damdabaca ilə çağasın,
Kəssin də sədasın* [Сабир, 1980, с. 19].

Подстрочный перевод:

Если плачет ребёнок, не ищи лекарства,
Ругай его мать;
Пусть пугает своего малыша дамдабаджой,
Чтобы он перестал кричать.

В числе мифологических существей, присутствующих в произведениях Сабира, есть *джин* и *джан*, которые тоже нагоняют страх на людей. Так, в сатире «Боюсь» автор говорит:

*Mənzil olur gah mənə viranələr, —
Cin görürəm, can görürəm, qorxmuram* [Там же, с. 93].

Подстрочный перевод:

Порой моё жилище превращается в трущобы, —
Вижу джинов, вижу джаны, но не боюсь.

Джина и *джана* нельзя отождествлять. Традиционно *джины* представляются в тюркской мифологии как невидимые существа маленького роста, которые живут в хтонических сферах, боятся Корана и имени Бога, могут менять поведение людей. В мифологической системе взглядов азербайджанцев этот образ представляет как силы добра, так и силы зла. Отметим, что это очень распространенный персонаж в азербайджанской поэзии.

Другим демонологическим персонажем в сатире Сабира «Боюсь» является *джан*. По одному из поверий алтайцев, *джан* (‘душа’) ребёнка хранится на не-

бесах, в месте, называемом Сют-аг-гёль (молочно-белое озеро). В тот момент, когда ребёнок рождается, Творец забирает эту душу и вкладывает в его тело. Чтобы человек умер, достаточно, чтобы дающий силу его телу *джан* покинул его. Корни поэтического выражения «Птица джана» связаны с этими древними представлениями. *Джан* в алтайских сказках изображается в виде чёрного беркута, летящего над войском во время походов. Этот чёрный беркут представляется как *джан* войска. Победить войско можно лишь убив беркута [Байдили, 2003, с. 73—74].

Кроме того, *джан* имеет значение ‘дух’. Согласно представлениям древних тюрков, *джан* выходит из тела в форме короткой нити и, если человек безгрешен, эта нить улетает в небо [Там же, с. 362]. Получается, что *джан* греховного человека не улетает на небо, а блуждает на земле. Нужно отметить, что «грешный дух», «обиженный дух», «демон» и другие подобные образы как носители зла встречаются в произведениях мировой литературы, например в поэзии Пушкина, Лермонтова, Шекспира. В мифологии же такой дух материализован в образе *джан* [Баскаков, 1973, с. 108—114].

Итак, по поверью, по земле иногда блуждают *джаны* греховных людей, которые в силу своей греховности обладают демонологическими чертами. Во многих регионах Азербайджана от людей пожилого возраста можно услышать выражение в адрес людей, испытывающих стрессы, *ruh tutub* (‘его дух держит’) — в соответствии с представлениями о *джанах*, разгуливающих по земле.

Как бы в ответ на страхи людей перед мистическими образами *джан* и *джин* в своих произведениях Сабир говорит о том, что они слабы перед людьми, имеющими настоящую веру: *Cin görürəm, can görürəm qorxmuram* (Вижу джина, вижу джаны, не боюсь).

Многочисленные поверья, гадания, заговоры, привороты, образы (джины, шайтаны и т. п.), имеющие мифологические корни, широко используются в сатире Сабира. Их включение в тексты является своеобразным художественным приёмом, с помощью которого поэт-сатирик обнажает уродливые явления своего времени. В сатирах «Советы Бабы-Яги девушкам», «Боюсь», «Ханбаджи, разрывается сердце от тоски», «Какое время было для удовольствий», «Три жены» поэт с помощью мифологических персонажей, которые вмешиваются в жизнь людей, создаёт панораму трудной жизни народа.

Так, Баба-Яга существует для того, чтобы создать хаос в мире. Из ее уст звучат призывы к воровству, безделью, равнодушию, к получению от жизни удовольствий. Она дает советы по поводу того, как молодая жена должна относиться к мужу:

Cin yuxuladı, əl qat cibinə zər dediyindən

Öz rəngini yandır.

Fürsət ki olur cəngini vur hər gecə məxfi

Fərrarəlik öyrəş! Ta bilməyə şeytan da götürdün necə məxfi

Əyyarəlik öyrəş! [Сабир, 1980, с. 45]

Подстрочный перевод:

Как только заснёт, залезь к нему в карман,

Сделай своё дело.

Как только представится возможность,
Учись воровать.
И делай это так, чтоб сам шайтан не догадался.

В азербайджанских сказках Баба-Яга — волшебный и притом безобразный персонаж. Она может быть видимой и невидимой, но почти всегда это существо, которое вредит людям, вносит раздор в отношения. Баба-Яга сама признается, что, долго живя на этом свете, доказала людям, что способна на зло, хитрости, уловки, которыми можно «заполнить» весь мир: *Doldursam əgər məklər ətrafi-cəhəri Bir boş yeri qalmaz* [Там же] (букв. Если я заполню ловушку, вокруг не останется пустого места). В подтверждение своего могущества Баба-Яга сравнивает себя с другими силами зла (колдунами, джинами, шайтанами и т. п.), заявляя, что она превосходит их силой и существует для того, чтобы создать хаос в мире. Хотя в произведении «Советы Бабы-Яги девушкам» влияние злых сил на жизнь человека показано на примере одного дома, одной семьи, однако можно рассматривать это как модель общества в целом.

Противостоящая прогрессу и знаниям власть мифического, темного над простым человеком изображена в произведениях Сабира сатирически на примере веры в гадалок. Известно, что, когда заболел ребёнок, призывалась гадалка. Герой в стихотворении Сабира, говоря «*Xanbibim falçı*» (Моя тётя — гадалка), испытывает особую гордость [Там же, с. 172]. Но откровенная ирония звучит в стихотворном призыве предпочесть врачебной помощи веру в чудо исцеления:

*Gər dəysə soyuq, sancılanıb olsa da bimar,
Hökm et gələ cindar;
Göstərmə təbibə o ciyərguşəni zinhar,
Qoyma ola murdar; — söyləyir* [Там же, с. 19].

Подстрочный перевод:

Если ребёнок простудился,
Позови джиндара,
Не показывай лекарю своё дитя,
Чтоб не коснулась его нечисть.

Описывая различные ритуалы гадания, Сабир осмеивает тех, кто сверх меры верит в них, доверяя гадалкам свои здоровье и жизнь. Он подвергается резкому осмеянию искусство гадания и джиндарство, оценивая их как суеверие и предрассудки. Однако, с другой стороны, поэт как бы даёт им новую жизнь и показывает, что они сохранились в памяти азербайджанского народа.

В том, что мифические предания до сих пор являются частью повседневной жизни людей. Вера в гадания, являющаяся мишенью сатиры Сабира, в мифологическом сознании азербайджанского народа занимает значительное место. Нельзя отрицать тот факт, что сегодня во всех регионах Азербайджана есть люди, активно занимающиеся гаданием, некоторые из них приглашаются на различные телевизионные программы. И хотя гадание считается грехом в исламской религии, но как

один из ритуалов, сохраненных в шаманизме, принимается на веру многими азербайджанскими тюрками. Поэтому вера в гадания получила широкое отражение в национальной литературе, независимо от жанра. Кроме того, исследовательская позиция предполагает не осуждение, а рассуждение, осмысление истоков и сущности мифологического сознания, ср. мнение Дж. Байдили: «В сущности, если они (мифические поверья. — Х. С.) живы, определяют этнические стереотипы, отвечают тем или иным требованиям жизни этноса, значит, их нельзя рассматривать как предрассудки, пережитки прошлого, потому что ни одна этнокультурная традиция, будучи саморазвивающейся и саморегулирующейся системой, не стремится силой сохранить то, что должно перестать существовать и уйти в прошлое» [Байдили, 2003, с. 253].

Таким образом, в сатирических произведениях Сабира введение фольклорно-мифологических персонажей служит характеристике мировоззрения народа в целом. Поэт показывает, что человек верит в существование сверхъестественных существ, их влияние на людей, способность навредить и одновременно способность помочь в болезни, но в то же время сатирическая тональность строк, возникающая при описании демонически персонажей и магических действий, намекает, что у человека есть выбор: дать ребенку лекарство, позвать врача, не бояться джинов и джанов.

3. Жанры благословения, проклятия и приметы в творчестве Сабира

Герои произведений Сабира нередко произносят благословения и проклятия. Посредством этих нарративов раскрываются особенности характеров, внутренний мир героев, их мировоззрение, социальное положение, отношение к обществу. Введение в литературно-художественный текст образцов данных жанров обусловлено желанием поэта максимально реалистично изобразить человеческие типажи, их речь, ситуации, в которых герои находятся.

Речевые жанры благословения и проклятия, которые нашли реализацию в сатирических стихотворениях Сабира, придают последним неповторимый национальный колорит. В них отражается давняя вера народа в магическую силу слова. Но все эти архаические элементы вводятся в текст, чтобы высветить проблемы современной поэту жизни. Известный исследователь Дж. Хандан, изучая образцы фольклора, используемые в творчестве Сабира, пишет: «Ни в одном из его произведений фольклор не используется в целях напоминания о прошлом как демонстрации наследования народного творчества. Современные проблемы занимают настолько большое место, что создаётся ощущение, будто всё написанное служит современным целям ... <...> Человеку кажется, что эти слова созданы не тысячу лет тому назад, а именно в этой ситуации, в это время» [Хандан, 1962, с. 379].

Так, в одной из сатир отец выражает в гневе своё недовольство тем, что сын, желая научиться хорошо читать, делает это вслух. Он проклинает жену, которая настояла на том, что сын должен получить образование:

*Tutsun corəyim gozlərinin agu qarasın,
Ey həmsəri-bədxah!*

*Haşa, oda yaxmaz ana istəklı balasin,
Kəssin seni Allah!* [Сабир, 1980, с. 392].

Подстрочный перевод:

Пусть хлеб мой будет бельмом

На твоих зрачках.

Мать дитя родимое не бросит в очаг,

А тебя, будь ты проклята, накажет Аллах!

В данном случае автор использует сразу три проклятия, бытующие в народе: *бельмом покроются зрачки, будь ты проклята, накажет Аллах*.

Есть сатиры, в которых проклятия обращены героем как бы к самому себе. Так, известное в народе выражение *да чтоб иссохли твои лёгкие* обращено к самому себе:

*Bir həbbə zərər yetsə pula, odlanırız biz,
Yansın ciyərim! Dövləti yandırmaq olurmu* [Там же, с. 514].

Подстрочный перевод:

Когда дело касается хоть самую малость траты денег, мы негодуем.

Да чтоб иссохли мои лёгкие! Возможно ли, чтоб иссохло государство.

Герой сокрушается по поводу того, что приходится тратить деньги и, проклиная себя, твердит *да чтоб иссохли лёгкие мои*, потому что нельзя тратить накопленное, надо беречь запасы как зеницу ока. Таким образом, поэт выступает с сатирой в адрес скряг, которые не только не помогают народу, находящемуся в бедственном положении, но и себя лишают всяких человеческих благ. Исследование проклятий в творчестве Сабира были выполнено Дж. Ханданом [Хандан, 1962]. Напротив, благословения в творчестве Сабира не были исследованы в достаточной степени. Далее мы рассмотрим некоторые особенности жанра благословения в сатирических произведениях поэта.

В мифологически-магическом мировосприятии нет дистанции между словом и действием. Сабир, с большим мастерством включавший благословения в поэтический текст, таким образом знакомил читателей с нравственными устоями, желаниями, мечтами персонажей своих произведений и, самое главное, мольбами, обращенными к Творцу и силам природы. Реальные чаяния людей как представителей целого народа воплощаются в тексте в чисто сабировском стиле.

Например, в произведении «*Qərinı-məğrifət qıl, ya İlahi*» («Прости меня, О Господи») ушедшего в мир иной шаха благословляют и желают ему покоя, а вновь пришедшему к власти — долгой жизни. Обращаясь к социально-политическим проблемам своего времени, Сабир показывает в произведении соблюдение всех требований ритуала благословения и чтения молитвы, хотя иногда отступает от правила и включает в текст благословение без упоминания имени Аллаха. В то же время поэт сатирически изображает действительность, иронизирует над чаяниями героя. Поэт в соответствии с ритуалом вначале говорит о чистоте того, кто совер-

шает молитву, а затем доносит до Бога свои молитвы в самых разных выражениях: он желает Шаху за все его дела попасть в рай, а оставшимся на его месте желает быть единым с народом. Повторяются слова *halal olsun*, что дословно означает ‘пусть будет халяль’, то есть пусть будет возможно то, что допустимо в исламе, при этом слова *halal olsun* носят иронический оттенок.

Сабир включает в сатирические тексты и народные приметы, которые также являются ценным источником сведений о мифопоэтических традициях народа и могут являться объектом исследования, поскольку у азербайджанского народа имеется множество примет, которые до сих пор не изучены. Одной из них является чихание во время планирования какого-то дела, при этом имеет значение, сколько раз человек чихнул: один или два. Если человек чихнул один раз, говоря о каком-то задуманном им деле, то это признак того, что успеха не будет, а если два, то все сложится хорошо.

Сабир в своих сатирах подвергает осмеянию эту примету. Так, в одном из стихотворений он иронически говорит о *tək səbir* (‘чихнуть один раз’) как о «большой беде»:

*Ta gəlirik biz də bir az anlayaq,
Məhzəri- irfanda vurur tək səbir* [Сабир, 1980, с. 114].

Подстрочный перевод:

Только хотим что-то понять,
Как со всех сторон раздаётся один чих.

В своем стихотворении он подчеркивает, что эта примета широко распространена не только в Азербайджане, но и на всём Кавказе и именно в значении прогноза неудачи.

*Yalxı bizi eyləməyib müptəla,
Səfheyi — Qafqazı tutub bu bəla,
Qaxda, Qazaxda, Şəkidə bərməla
Şişədə, Şirvanda vurur tək səbir* [Там же].

Подстрочный перевод:

Не только нас захватила эта беда,
Но и весь Кавказ.
В Кахе, Казахе, Шеки и вместе с ними
Шуше, Ширване — везде раздаётся один чих.

Таким образом, малые жанры, которые имеют фольклорно-мифологические корни, такие как проклятие, благословение, примета, широко используются в сатирических стихотворениях Сабир с целью показать те недостатки людей и человеческого общества в целом, которые мешают им идти вперед, поскольку предполагают не самостоятельное созидательное действие человека, а упование на древние традиции.

4. Заключение

Азербайджанский поэт-реалист Сабир вводит в тексты своих сатир речевые жанры и образы, основанные на мифопоэтической традиции. В его произведениях высмеиваются пороки отдельных людей, общества, подвергается резкой критике мракобесие, невежество. Упоминание мифологических существ (хортдан, дамдабаджа, джин, джан, Баба Яга и др.), описание их влияния на людей нацелены на то, чтобы сатирически представить те негативные черты как отдельного человека, так и общества в целом, которые мешают их развитию, реализации возможностей изменить жизнь к лучшему, поскольку над людьми довлеет мифологическая вера в зависимость судьбы от внешних сил.

Сабир вплетает в ткань своих произведений тексты малых фольклорно-мифологических жанров, среди которых мы выделили для анализа в данной статье проклятие, благословение и примету. Стихотворения поэта реалистично отражают и веру людей в магическую силу слова (проклятие, благословение), и веру в могущество высших сил, которые управляют жизнью человека (приметы).

В сатирах Сабира представлены разнообразные человеческие типы и авторская разоблачительная позиция по отношению к ним. Глубокое понимание особенностей жизни азербайджанского народа, знание фольклора и мифологии, желание помочь людям посмотреть на свои недостатки со стороны через смеховую форму критики, поэтический язык, понятный и близкий читателю, сделали Сабира выдающимся поэтом своего времени.

Источники

1. *Сабир М. А.* Хофопнаме / М. А. Сабир. — Баку : Писатель, 1980. — 558 с. (*Sabir M. Ə. Hophornamə* / М. Ə. Sabir. — Bakı : Yazıçı, 1980. — 558 s.)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байдилли Дж.* Турецкий мифологический словарь / К. Бейдилли. — Баку : Наука, 2003. — 408 с. (*Baydili C. Türk mifoloji sözlüyü* / C. Bəydili. — Bakı : Elm, 2003. — 408 s.)

2. *Байрамова Н. Ю.* Мирза Алекпер сабир в творчестве Расула Рзы / Н. Ю. Байрамова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 2. — С. 181—183.

3. *Гаджиев Т.* Сабир : источники и предшественники / Т. Гаджиев. — Баку : Писатель, 1980. — 173 с. (*Hacıyev T. Sabir : qaynaqlar və sələflər* / T. Hacıyev. — Bakı : Yazıçı, 1980. — 173 s.)

4. *Заманов А.* Терпение и современность / А. Заманов. — Баку : Азернешр, 1973. — 282 с. (*Zamanov A. Sabir və müasirləri* / A. Zamanov. — Bakı : Azərnəşr, 1973. — 282 s.)

5. *Каграманова У.* Сабир и первые классики XIX века / У. Каграманова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2012). — Т. 25 (64), № 2-2. — С. 174—178.

6. *Кочарли Ф.* Библиография / Ф. Кочарли. — Баку : Издательское полиграфическое предприятие ООО «Zərdabi LTD», 2014. — 89 с. (*Köçərli F. Bibliografiya* / F. Köçərli. — Bakı : «Zərdabi LTD» MMC Nəşriyyat Poliqrafiya müəssisəsi, 2014. — 89 s.)

7. *Крылов В. Н.* Мифопоэтика в литературно-критических статьях русских символистов / В. Н. Крылов // II Международные Бодуэновские чтения : Казанская лингвистическая школа : традиции и современность (Казань, 11—13 декабря 2003 г.) : Труды и материалы :

в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. — Казань : Издательство Казанского университета, 2003. — Т. II. — С. 163—164.

8. *Мамедгулузаде Дж.* Память / Дж. Мамедгулузаде. — Баку : Издательство Хана, 2015. — 152 с. (*Məmmədquluzadə C. Xatiratım / C. Məmmədquluzadə.* — Bakı : Xan nəşriyyatı, 2015. — 152 s.)

9. *Саххат А.* Избранные произведения : в 2 томах / А. Саххат. — Баку : Издательство «Лидер», 2005. — 456 с. (*Səhhət A. Seçilmiş əsərləri. İki cildə / A. Səhhət.* — Bakı : Lider nəşriyyatı, 2005. — 456 s.)

10. *Хандан Дж.* Художественные особенности творчества терпения / Дж. Хандан. — Баку : Азербайджанское государственное издательство, 1962. — 435 с. (*Xəndan C. Sabir yaradıcılığının sənətkarlıq xüsusiyyətləri / C. Xəndan.* — Bakı : Azərbaycan Dövlət nəşriyyatı, 1962. — 435 s.)

ROLE AND FUNCTIONS OF FOLKLORE AND MYTHOLOGICAL ELEMENTS IN THE WORK OF M. A. SABIR

© **Khanym Rza kzy Sultanova (2020)**, PhD in Philology, Vice-Rector, Baku Slavic University (Baku, Azerbaijan), sultanovaxanim@gmail.com.

The folklore and mythological traditions in the works of the outstanding poet-satirist of the late XIX — early XX centuries M. A. Sabir are considered in the article. It is noted that modern Sabirovology unites scientists from Azerbaijan, Russia and other countries who turn to the study of the poet's works. The results of the analysis of a number of poetic works of Sabir, in which the author uses folklore and mythological elements as a technique that enhances the satirical sound of his texts are presented in the article. The author believes that Sabir, thanks to the inclusion of representatives of the demonic world (*hordan*, *damdabadzha*, *djinn*, *djann*, *Baba Yaga*) among the characters, emphasizes the power of influence on people of belief in otherworldly forces, thus ridiculing inertness of thinking, unwillingness to develop, to keep up with progress. It is shown that Sabir creates realistic negative social types: money-grubbing, ignorant, etc. Special attention is paid to small folklore and mythological genres (curse, blessing, omen), which emphasize a person's faith in the magical power of the word. It is noted that the study of folklore and mythological elements in the satirical works of Sabir has a perspective.

Key words: mythopoetic elements; satire; reception; mythological characters; samples of Azerbaijani poetry; mythological texts; written literature; folklore.

MATERIAL RESOURCES

Sabir, M. A. (1980). *Khofopname* [Hophopname]. Baku: Pisatel'. 558 p. (In Azerb.).

REFERENCES

- Baydili, Dzh. (2003). *Turetskiy mifologicheskiy slovar'* [Turkish mythological dictionary]. Baku: Nauka. 408 p. (In Tur.).
- Bayramova, N. Yu. (2013). Mirza Alekper sabir v tvorchestve Rasula [Mirza Alekper Sabir in the works of Rasul Rza]. *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [Actual problems of Humanities and natural Sciences], 2: 181—183. (In Russ.).
- Gadzhiev, T. (1980). *Sabir: istochniki i predshestvenniki* [Sabir: sources and predecessors]. Baku: Pisatel'. 173 p. (In Azerb.).
- Kagramanova, U. (2012). Sabir i pervyye klassiki XIX veka [Sabir and the first classics of the XIX century]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Ver-*

- nadskogo. Filologicheskiye nauki* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological science], 25 (64) / 2-2: 174—178. (In Russ.).
- Khandan, Dzh. (1962). *Khudozhestvennyye osobennosti tvorchestva terpeniya* [Artistic features of creativity of patience]. Baku: Azerbaydzhanskoye gosudarstvennoye izdatelstvo. 435 p. (In Azerb.).
- Kocharli, F. (2014). *Bibliografiya* [Bibliography]. Baku: Izdatelskoye poligraficheskoye predpriyatiye OOO «Zərdabi LTD». 89 p. (In Azerb.).
- Krylov, V. N. (2003). Mifopoetika v literaturno-kriticheskikh statyakh russkikh simvolistov [Mythopoetics in literary and critical articles of Russian symbolists]. In: *II Mezhdunarodnyye Boduyenovskiy chteniya: Kazanskaya lingvisticheskaya shkola: traditsii i sovremennost' (Kazan', 11—13 dekabrya 2003 g.): Trudy i materialy: v 2 t.* [II International Baudouin readings: Kazan linguistic school: traditions and modernity (Kazan, December 11—13, 2003): Works and materials: in 2 volumes], II. Kazan': Izdatelstvo Kazanskogo universiteta. 163—164. (In Russ.).
- Mamedguluzade, Dzh. (2015). *Pamyat'* [Memory]. Baku: Izdatelstvo Khana. 152 p. (In Azerb.).
- Sakhkhat, A. (2005). *Izbrannyye proizvedeniya: v 2 tomakh* [Selected works: in 2 volumes]. Baku: Izdatelstvo «Lider». 456 p. (In Azerb.).
- Zamanov, A. (1973). *Terpeniye i sovremennost'* [Patience and modernity]. Baku: Azerneshr. 282 p. (In Azerb.).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Александр Викторович Филимонов, канд. истор. наук (Омск)
Андрей Витальевич Корневский, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Анна Ивановна Татарникова, канд. истор. наук (Тобольск)
Антон Сергеевич Мохов, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Валерия Николаевна Красивская, преподаватель (Москва)
Владимир Михайлович Морозов, канд. истор. наук (Москва)
Вячеслав Викторович Калинов, д-р истор. наук (Москва)
Денис Сергеевич Бобров, канд. истор. наук (Барнаул)
Дмитрий Анатольевич Салфетников, канд. истор. наук (Краснодар)
Дмитрий Анатольевич Сафонов, д-р истор. наук (Оренбург)
Елена Владимировна Бодрова, д-р истор. наук (Москва)
Карина Рамазановна Капсалыкова, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Любовь Геннадьевна Зайцева, студент (Барнаул)
Наталья Дмитриевна Николаева, аспирант (Ростов-на-Дону)
Софья Владимировна Мельникова, аспирант (Москва)

Бобров Д. С. Ключевые подходы к изучению истории Алтая XVIII века в современной российской историографии / Д. С. Бобров, Л. Г. Зайцева // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 310—322. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-310-322.

Bobrov, D. S., Zaitseva, L. G. (2020). Key Approaches to the Study of History of Altai in 18th Century in Modern Russian Historiography. *Nauchnyi dialog*, 10: 310-322. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-310-322. (In Russ.).

УДК 94(571.15)“17”+930(470)“20”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-310-322

КЛЮЧЕВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ АЛТАЯ XVIII ВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© Бобров Денис Сергеевич (2020), orcid.org/0000-0001-6786-1321, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный университет» (Барнаул, Россия), bds-eureka@yandex.ru_

© Зайцева Любовь Геннадьевна (2020), orcid.org/0000-0003-1512-0200, студент Института истории и международных отношений, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный университет» (Барнаул, Россия), zajcevalyuba2014@yandex.ru_

Статья посвящена комплексному рассмотрению теоретических подходов к изучению истории Алтая XVIII века, выработанных российскими специалистами в течение трех последних десятилетий. Актуальность исследования связана с наметившейся в отечественной науке тенденцией к целостному осмыслению ретроспективы отдельных регионов, в том числе за счет понимания взаимообусловленной роли в колонизационном процессе различных социально-административных факторов. Уделяется внимание концептуальной оценке характера первоначального освоения Алтая. Обозначаются методологические основания применения к истории региона теорий военной колонизации, фронта, фронтальной модернизации. Авторы констатируют наличие в научной литературе двух нетождественных подходов к характеристике российской границы на юге Западной Сибири. Демонстрируется обозначившееся на фоне сохранения эвристической значимости микроисторического анализа роли отдельных укрепленных (крепостей, острогов) или производственных объектов (заводов) очевидное стремление историков к осуществлению комплексных исследований региональных и местных звеньев гражданского, а также горнозаводского управления. Резюмируется многообразие и концептуальная неоднородность современной российской историографии истории Алтая XVIII века. Формулируются некоторые прогнозы развития историографической ситуации.

Ключевые слова: современная сибирская историография; история Алтая; колонизация; фронт; государственная граница; гражданское управление; ведомственное управление; Колывано-Воскресенский горный округ (производственно-территориальный комплекс); дороги и пути сообщения.

1. Введение

Современный этап развития российской исторической науки характеризуется стремлением специалистов к комплексному осмыслению истории отдельных, особенно восточных, областей и их роли в развитии Российского государства. На первый план выходят не только этнополитические, но и экономические, а также социокультурные аспекты освоения. С одной стороны, это объясняется накоплением ощутимых массивов исследовательской литературы, что, в свою очередь, обуслов-

ливает необходимость достижения качественно нового уровня обобщения. С другой — создание целостных «историй» различных регионов открывает существенные возможности для компаративных сопоставлений и вписывания (интеграции) этих кейсов в матрицу российского исторического процесса.

Среди сибирских окраин ощутимым эвристическим потенциалом изучения исторического развития обладает Алтай — область на стыке Сибири и Центральной Азии, уже более 200 лет представляющая собой трансграничный район. Если XVII век стал временем складывания освоенческого «плацдарма» этой территории: первых, единичных российских разведывательных экспедиций, формировавших картину целей и задач, пространственных пределов колонизации, — то в XVIII столетии произошли кардинальные изменения административно-политического и социально-экономического облика Алтая. Россия вела борьбу за эти земли сначала с Джунгарским ханством, затем с Цинской империей, параллельно выстраивалась архитектура горного округа, просуществовавшего вплоть до первых десятилетий XX века.

В отечественной историографии комплексное изучение южных районов Западной Сибири в пределах широких хронологических границ имеет определенную традицию. Ее начало было положено еще в советских академических изданиях, отражавших освоение сибирских окраин через призму дихотомии государственной и вольнонародной колонизации с неизбежным усилением значимости последней [История Сибири ..., 1968, с. 25—322]. Ощутимое влияние этого концептуального подхода просматривается в региональных учебных пособиях конца XX века [История Алтая, 1995, с. 100—146]. В этом смысле существенно отличаются обобщающие работы по истории Горного Алтая, в которых, по понятным причинам, предметом рассмотрения является автохтонное население и его взаимодействие с российскими властями [История Горного ..., 2001]. Впервые попытка выйти за рамки монофакторного понимания ретроспективы развития региона в XVIII веке реализована в научно-популярном трехтомнике «История Алтая», изданном в 2019 году. Она опирается на многослойную конвергенцию знаний об административном строительстве, промышленной динамике, формировании не только приписной деревни, но и пространственно-территориальных локусов, развитии социокультурной сферы [История Алтая, 2019, с. 9—95].

Данная статья нацелена на продолжение наметившейся тенденции и направлена на комплексное рассмотрение актуальных теоретических подходов к изучению истории Алтая XVIII века, выработанных российскими историками в течение трех последних десятилетий.

2. Концептуальная оценка характера освоения Алтая в XVIII веке и проблема государственной границы

Несмотря на свою очевидную эвристическую значимость, до сих пор дискуссионным остается вопрос общей концептуальной оценки характера первоначального освоения Алтая. На протяжении 90-х годов XX — начала XXI веков фактически единственной оставалась версия о проникновении в регион и закреплении в нем Российского государства как части общесибирского процесса военной колонизации. Она проявлялась в форме агрессивной имперской милитарной политике-

ской и хозяйственной экспансии, сопровождавшейся серией воинских экспедиций и сооружением укрепленных объектов в стратегически значимых точках [Исупов, 2009; Исупов, 2010; Огурцов, 1990; Огурцов, 1999; Пузанов, 2011; Уманский, 1999]. Одной из вариаций этой концепции стала идеологема казачьей колонизации, в панегиричном духе, изображающая служилых людей в качестве ведущего, самостоятельного и крайне универсального актора присоединения и первичного освоения приграничных территорий, которому принадлежит ключевая роль в продвижении Российского государства на юге Западной Сибири одновременно за счет активного участия в строительстве сначала отдельных острогов и крепостей, затем укрепленных линий, а также противодействия экспансии Джунгарского ханства [Ивонин, 1996; Ивонин и др., 2003, с. 10—38; Исаев, 2009].

В последнее десятилетие обозначились попытки объяснения ранних этапов освоения Алтая в ракурсе теории фронта. Ее привлечение обнажает возникавшую под воздействием региональной специфики, устойчивых социально-географических и этнополитических факторов характерную динамику той управленческой доктрины, которая транслировалась центральными властями различным звеньям административного аппарата и населению [Бобров, 2011; Историко-географические образы ..., 2016, с. 25—28]. На этом фоне в настоящее время появляются синтезные и эволюционные концептуальные прочтения. Применение разработанной И. В. Побережниковым методологии фронтальной модернизации [Побережников, 2018] позволяет трактовать политико-правовые импульсы, исходившие от раннеимперского Российского государства, в качестве условной «модернизации», которая, в свою очередь, взаимодействовала со складывавшейся на юге Западной Сибири фронтальной средой [Бобров, 2017]. Идея трансформации вызревавшего на Алтае фронтального района в «регион Колывано-Воскресенского горного ведомства» показывает наличие в осваиваемой области нескольких «силовых ядер», выступавших центростремительными пространствами [Бобров, 2013].

Ощутимые подвиги в осмыслении пространственно-территориального контекста протекания освоительских процессов на Алтае в конце XVII — середине XVIII столетий обусловлены развитием проблематики взаимоотношения России с Джунгарией, а также потестарными (негосударственными) этнополитическими образованиями северных районов Центральной Азии. Значение «джунгарского фактора» для имперской политики освоения южносибирских окраин этого периода было неоднозначным. С одной стороны, он значительно замедлил освоение, хотя в целом и способствовал прогрессивной динамике русско-алтайских отношений [Модоров, 1996], с другой — ханство являлось своеобразным заслоном, противовесом, «громоотводом», концентрировавшим на себе агрессию Цинской империи и спорадические набеги казахов [Моисеев, 1998]. Вплоть до середины XVIII века российская дипломатия успешно разыгрывала на юге Западной Сибири «джунгарскую карту», поддерживая выгодный центральным и региональным властям баланс сил, не имея прямых конфликтов и установив дружественные отношения фактически со всеми ключевыми игроками в регионе [Кушнерик, 2008]. Равновесие сил между Россией и «Зюнгорским царством», проявившееся в первую очередь в неспособности ни од-

ной из сторон завершить подчинение себе аборигенов Алтая, вынужденно привело к возникновению двоеданнычества, которое окончательно превратило южные районы Западной Сибири в буферную зону [Боронин, 2004а; Самаев, 1991, с. 53—104]. В этом свете российская инкорпорация этнокультурных общностей Алтая проходила относительно гладко на фоне близости евразийской и центрально-азиатской политических традиций и практик [Шерстова, 2005, с. 59—90].

Наибольшую остроту взаимоотношения двух государств приобрели в вопросе границы. Исследователи сходятся во мнении об отсутствии вплоть до середины XVIII столетия делимитированных рубежей России в предгорьях Алтая, необходимости расширения географических рамок проблемы, в силу ее сложности, на территорию Обь-Иртышского или даже Иртышско-Енисейского междуречья [Боронин, 2004б; Бородаев и др., 2015; Историко-географические образы ..., 2016, с. 39—60]. За последние несколько лет в сибирской историографии сложилось два самостоятельных подхода к изучению государственной границы. Первый предполагает освещение проблематики с привлечением и публикацией уникальных картографических материалов, одновременно рассмотрение вопроса через призму системной реконструкции обстоятельств сооружения передовых российских укреплений на Алтае и в контексте установления имперского контроля над экономически значимыми районами южной Сибири и Центральной Азии [Бородаев и др., 2007, с. 62—98; Бородаев и др., 2015].

Другой связан с активным привлечением в качестве теоретической основы категориального аппарата лимнологии и концентрируется на выделении нескольких вариантов восприятия государственных рубежей в отечественном административном и социальном дискурсах XVIII века. Официально-дипломатическое понимание выстраивалось вокруг обоснования суверенных прав России на всю территорию междуречья Оби и Иртыша вплоть до озер Телецкого и Зайсан. Картографический образ границы реализовывался посредством создания оригинальной наглядной проекции приграничной зоны с выделением условной визуально-графической линии, отвечавшей военно-стратегическим задачам имперской политики в регионе. Локально-управленческий подход предполагал увязку российских рубежей с фактическим пространственным пределом административной юрисдикции управленческих структур в регионе. Осмысление освоенческих процессов научной интеллигенцией обусловило возникновение особых историко-географических трактовок государственных рубежей. Слабая степень сопряженности всех этих идеологов между собой способствовала складыванию феномена «открытой» границы, использовавшегося имперским административным корпусом в стратегической и тактической политике для улучшения положения России в смежных областях Западной Сибири и Средней Азии [Бобров, 2017, с. 70—109; Историко-географические образы ..., 2016, с. 39—77].

3. Ключевые современные подходы к анализу гражданского и ведомственного горнозаводского управления на Алтае в XVIII веке

Существенный массив специальной литературы, посвященной историческому развитию Алтая XVIII века, по-прежнему концентрируется вокруг сюжетов админи-

стративного характера. Наряду с вполне традиционным стремлением исследователей представить ретроспективу развития региона первой половины — середины столетия через историю острогов и крепостей [Исупов, 2010; Тишкин, 2012] появляются отдельные опыты комплексного видения системы общегосударственного управления [Бобров, 2017, с. 110—208]. Ее ключевой характеристикой становилась гибридизация: при сохранении внешней формы, соответствовавшей другим областям России, управленческие институты на Алтае получали совершенно иное, качественно отличное содержательное исполнение. Сосуществовали две модели построения региональных и местных административных звеньев. В Верхнем Приобье был развернут классический вариант линии «губернатор — воевода — приказчики острогов и слобод». В Верх-Иртышских крепостях конструкция приобретала более утилитарный вид «губернатор — командиры гарнизонных канцелярий (штаб-офицеры)» [Там же]. В целом эти черты в полной мере соответствуют положениям концепции фронтальной модернизации [Побережников, 2018, с. 73—74, 76—78].

Исследования по истории горнорудного производства, а также возникшего в междуречье Оби и Иртыша Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в последние два десятилетия развернуты не только в конкретно-исторической [Бородаев и др., 2000], но и в теоретической плоскости. Методологическим стержнем, способным скрепить посвященные историческому прошлому этого образования работы, стала идея существования на протяжении XVIII — начала XX веков алтайского производственно-территориального комплекса — крупной административно-хозяйственно-социальной системы, локализованной на определенной территории и имевшей общий вектор развития, цель и функции [Эксплуатация ..., 2012]. А. А. Пережогин обосновал складывание на западносибирских предприятиях Кабинета Его Императорского Величества (Кабинета) особого «военно-горного строя», основанного на широкой милитаризации ключевых эшелонов управления, в которых доминировали офицеры и инженеры в штаб-офицерских чинах [Пережогин, 2005, с. 74—89]. Источниковой основой такого заключения стал кадровый анализ ведомственного чиновничества (с акцентом на горных офицерах) [Ведерников, 2005], который со временем вырос в самостоятельное направление научных изысканий [Бабарыкин и др., 2017].

Реконструкция региональных и местных ведомственных институтов управления, начатая в 90-х годах XX века [Соболева и др., 1997, с. 5—50], активно продолжена историками в следующем десятилетии. Складывавшаяся административная вертикаль испытывала на себе противоборство коллегиального и личного начал с постепенным вытеснением / замещением первого вторым. Все нити руководства производством и находившимися на территории округа людьми распределялись между главным командиром / начальником заводов, Канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства, горной полицией и военным судом [Контева, 2005; Пережогин, 2005, с. 27—68].

Исследования В. В. Ведерникова выявили кабинетское цветное металлургическое производство в качестве важнейшего фактора развития административно-политической и социально-экономической сфер Алтая второй половины XVIII века.

Оно способствовало кардинальной трансформации существовавших в регионе социальных сил: появлению сословных групп горных инженеров, мастеровых, окончательному сложению приписного крестьянства. Прогрессивное развитие технологий выплавки металлов порождало социальную динамику, урбанизацию горнопромышленных центров Алтая (Барнаула, Змеиногорска и др.) [Ведерников, 2012, с. 47—97].

Административное и промышленно-технологическое развитие Колывано-Воскресенского округа напрямую зависело от степени эффективности профессиональной подготовки кадров. В 50—70-х годах XVIII века при алтайских предприятиях Кабинета была создана сеть начальных школ, а в середине 80-х годов столетия — Барнаульское горное училище, на протяжении нескольких десятков лет не имевшее должного уровня формализации своего статуса. Вследствие отсутствия последовательной образовательной политики горнозаводские образовательные учреждения региона во второй половине XVIII — начале XIX веков пережили сменявшие друг друга этапы возникновения / становления и упадка [Бабарыкин, 2015].

Отдельные исследования последних лет выдвигают предположение о том, что динамика металлургического комплекса Алтая существенным образом повлияла на формирование дорожно-транспортной сети региона. Сложность продолжавшегося все XVIII столетие процесса приспособления транспортной инфраструктуры к потребностям производственного локуса была обусловлена как обширностью и ландшафтной разнородностью территории, так и дефицитом людских ресурсов и финансирования [Дунец и др., 2017, с. 41]. Возникновение не только главных ведомственных дорог (в частности, демидовского, а позднее Змеиногорского трактов), но и второстепенных становилось следствием хозяйственно-экономической необходимости, а именно дальнейшего промышленного и сельскохозяйственного освоения юга Западной Сибири [Бородаев и др., 2000, с. 66]. Развитие направлений дорожных коммуникаций частично прослеживается по маршрутам отдельных экспедиций, в реконструкции которых важную роль играют картографические материалы [Бородаев и др., 2007, с. 69, 79; Бородаев и др., 2015, с. 124—131, 216—218, 240—245, 265—288, 303—329, 340—347]. Анализ влияния физико-географических особенностей местности на генезис транспортной инфраструктуры нашел отражение в некоторых междисциплинарных исследовательских опытах: На основе концепции «естественных коридоров» объясняется тяготение сухопутных коммуникаций южного Обь-Иртышья к линиям водоразделов в степных районах и долинам рек в лесных [Малолетко, 2013, с. 104]. Складывание дорог на первоначальном этапе было привязано к этим участкам микрорельефа как наиболее удобным для преодоления человеком природных препятствий, в связи с чем принципиально новые транспортные маршруты на юге Западной Сибири начали появляться только со второй трети XVIII века, что не просто совпало, а в значительной мере было вызвано активизацией освоенческой политики Российского государства и изменениями в административно-хозяйственной структуре региона [Матвеев, 2014, с. 60, 69].

Изучение водных путей, отличавшихся в силу природных условий меньшей стабильностью, начато условно в двух направлениях. Первое хронологически свя-

зано с началом XVIII столетия, временем возникновения российских укреплений в Верхнем Приобье и Прииртышье, когда гидрологические характеристики местности выступали фактором распространения на эти районы имперского военно-политического влияния [Бородаев и др., 2015, с. 125—126, 189, 241—245]. Второе касается водных коммуникаций в контексте оптимизации функционирования производственной инфраструктуры и роста промышленного потенциала алтайских заводов в течение XVIII века [Кароннов, 2011].

4. Заключение

Современная российская историография истории Алтая XVIII века довольно многообразна по своему составу и концептуально неоднородна. Тем не менее в большинстве своем она концентрируется вокруг нескольких ключевых проблематик: оценка общего характера освоения региона, пригранично-дипломатический дискурс, административное строительство и складывание промышленно-хозяйственного (производственно-территориального) комплекса. В ближайшие годы наряду с продолжением разработки этих тематик стоит ожидать увеличения числа исследований социокультурной сферы региона (в том числе вопросов складывания образовательной среды и элементов структуры здравоохранения, общественного мнения и прослойки интеллигенции), также нуждаются в комплексной реконструкции процессы формирования дорожно-транспортной системы Алтая. Дальнейшее развитие управленческих сюжетов, скорее всего, будет связано с рассмотрением аспектов взаимодействия общегосударственных структур с ведомственными (в первую очередь военными) институтами. В то же время в силу высокой степени изученности следует ожидать снижения внимания специалистов к истории казачества и административным аспектам кабинетского хозяйства на Алтае в XVIII веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабарыкин Б. В.* Горнозаводское профессиональное образование Западной Сибири в XVIII — начале XX в. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Б. В. Бабарыкин. — Барнаул, 2015. — 26 с.
2. *Бабарыкин Б. В.* Справочник личного состава чиновничества Алтая (1747—1917) / Б. В. Бабарыкин, А. А. Пережогин. — Барнаул : АлтГПУ, 2017. — 270 с.
3. *Бобров Д. С.* Идея «фронтира» — один из взглядов на процесс освоения Алтая как периферийного пространства / Д. С. Бобров // Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XVIII — начале XX в. : сборник научных статей. — Барнаул : АЗБУКА, 2011. — С. 7—17.
4. *Бобров Д. С.* К вопросу о предпосылках становления «Региона Колывано-Воскресенского горного ведомства» : общетеоретические аспекты / Д. С. Бобров // Тобольск научный — 2013 : материалы X Всероссийской научно-практической конференции. — Тобольск : Тюменский издательский дом, 2013. — С. 224—227.
5. *Бобров Д. С.* Политико-правовые механизмы освоения Российским государством Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) в первой половине XVIII в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. С. Бобров. — Барнаул, 2017. — 252 с.
6. *Бородаев В. Б.* У истоков истории Барнаула / В. Б. Бородаев, А. В. Контев. — Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2000. — 336 с.

7. *Бородаев В. Б.* Исторический атлас Алтайского края : картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI в.) / В. Б. Бородаев, А. В. Контев. — 2-е изд. — Барнаул : Азбука, 2007. — 214 с.
8. *Бородаев В. Б.* Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620—1720 гг. / В. Б. Бородаев, А. В. Контев. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного педагогического университета, 2015. — 415 с.
9. *Боронин О. В.* Двоеданичество в Сибири. XVII — 60-е гг. XIX в. / О. В. Боронин. — 2-е изд. — Барнаул : Азбука, 2004. — 216 с.
10. *Боронин О. В.* Погранично-территориальный вопрос в российско-джунгарских отношениях первой половины XVIII в. : теоретический аспект / О. В. Боронин // Востокведные исследования на Алтае : сборник статей. — Барнаул : Азбука, 2004. — Выпуск 4. — С. 25—33.
11. *Ведерников В. В.* Горные инженеры на Алтае в 1747—1896 гг. / В. В. Ведерников. — Барнаул : Графикс, 2005. — 157 с.
12. *Ведерников В. В.* Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII — первой половине XIX в. / В. В. Ведерников. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 2012. — 185 с.
13. *Дунец А. Н.* Дороги Алтайского края : от первых верст до наших дней / А. Н. Дунец, В. В. Исаев, М. В. Рыгалова, М. Г. Колокольцев. — Барнаул : Издательство АлтГТУ, 2017. — 391 с.
14. *Ивонин А. Р.* Городовое казачество Западной Сибири в XVIII — первой четверти XIX в. / А. Р. Ивонин. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 1996. — 227 с.
15. *Ивонин А. Р.* Казаки на Алтае в XVIII—XIX столетиях : исторические очерки / А. Р. Ивонин, Д. В. Колупаев. — Барнаул : Издательство АГИИК, 2003. — 155 с.
16. *Исаев В. В.* Сибирское казачество и его роль в колонизации Алтая в XVIII — начале XX в. / В. В. Исаев // Уральский исторический вестник. — 2009. — № 2. — С. 93—100.
17. *Историко-географические образы Алтая* в трудах ученых, путешественников и чиновников XVIII — начала XX в. / под редакцией Т. Н. Соболевой. — Барнаул : АЗБУКА, 2016. — 440 с.
18. *История Алтая.* — Ч. 1. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 1995. — 480 с.
19. *История Алтая :* в 3-х т. — Т. 2 : Алтай в конце XVII — начале XX в. / под редакцией В. А. Скубневского. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 2019. — 300 с.
20. *История Горного Алтая :* в 3-х т. — Т. 1 : С древнейших времен до 1900 г. / под редакцией Н. Ф. Иванцовой, Н. С. Модорова. — Бийск : РИС Бийский педагогический государственный университета, 2001. — 327 с.
21. *История Сибири с древнейших времен до наших дней :* в 5 т. / главный редактор А. П. Окладников, В. И. Шунков. — Ленинград : Наука, 1968. — Т. 2 : Сибирь в составе феодальной России. — 539 с.
22. *Исупов С. Ю.* Крепость Бийская — есть главная ... / С. Ю. Исупов. — Барнаул : АЗБУКА, 2009. — 302 с.
23. *Исупов С. Ю.* Роль Бийской крепости в военно-колонизационной политике Российской империи на Алтае в первой половине XVIII в. / С. Ю. Исупов // Известия Алтайского государственного университета. — 2010. — Т. 3. — № 4. — С. 91—94.
24. *Кароннов В. А.* Водные пути перевозки руды в Колывано-Воскресенском горном ведомстве в XVIII в. / В. А. Кароннов // Актуальные проблемы исторических исследований : взгляд молодых учёных. — Новосибирск : Параллель, 2011. — С. 53—59.
25. *Контева О. Е.* Становление и развитие системы управления кабинетским горнозаводским ведомством в Западной Сибири : 1745—1798 г. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / О. Е. Контева. — Барнаул, 2005. — 284 с.

26. Кушнерик Р. А. Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII — 50-е гг. XVIII в.) / Р. А. Кушнерик. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 2008. — 266 с.
27. Малолетко А. А. Физико-географические предпосылки формирования транспортных путей между рудниками и плавильными заводами на территории Колывано-Воскресенского ведомства в XVIII в. / А. А. Малолетко // География и природопользование Сибири. — 2013. — № 16. — С. 102—108.
28. Матвеев А. В. История сухопутных путей сообщения Омского Прииртышья (Средневековые — Новое время) / А. В. Матвеев. — Омск : Издательский дом «Наука», 2014. — 268 с.
29. Модоров Н. С. Россия и Горный Алтай : политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII—XIX вв.) / Н. С. Модоров. — Горно-Алтайск : Издательство Горно-Алтайского университета, 1996. — 400 с.
30. Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (очерки внешнеполитических отношений) / В. А. Моисеев. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 1998. — 174 с.
31. Огурцов А. Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. Ю. Огурцов. — Свердловск, 1990. — 23 с.
32. Огурцов А. Ю. Иртышская пограничная линия / А. Ю. Огурцов // Кузнецкая старина. — Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1999. — Выпуск 3. — С. 19—35.
33. Пережогин А. А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747—1871 гг.) / А. А. Пережогин. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 2005. — 262 с.
34. Побережников И. В. Фронтирная модернизация на востоке Российской империи : региональные вариации / И. В. Побережников // Уральский исторический вестник. — 2018. — № 4. — С. 72—80. DOI : 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80
35. Пузанов В. Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.) / В. Д. Пузанов. — Сургут : Таймер, 2011. — 233 с.
36. Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в. : проблемы политической истории и присоединения к России / Г. П. Самаев. — Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1991. — 256 с.
37. Соболева Т. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) : управление и обслуживание / Т. Н. Соболева, В. Н. Разгон. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 1997. — 257 с.
38. Соболева Т. Н. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII — начало XX в.) / Т. Н. Соболева. — Барнаул : АЗБУКА, 2012. — 260 с.
39. Тишкин А. А. Белоярская крепость : новые результаты поиска / А. А. Тишкин // Алтай в истории российской государственности / под редакцией Е. В. Демчик, Ю. М. Гончарова. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 2012. — С. 25—28.
40. Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги / А. П. Уманский // Кузнецкая старина. — Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1999. — Выпуск 3. — С. 3—18.
41. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири : этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX в. / Л. И. Шерстова. — Новосибирск : Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. — 312 с.

KEY APPROACHES TO THE STUDY OF HISTORY OF ALTAI IN 18TH CENTURY IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

© **Denis S. Bobrov (2020)**, orcid.org/0000-0001-6786-1321, PhD in History, Associate Professor, Department of National History, Institute of History and International Relations, Altai State University (Barnaul, Russia), bds-eureka@yandex.ru.

© **Lyubov G. Zaitseva (2020)**, orcid.org/0000-0003-1512-0200, student, Institute of History and International Relations, Altai State University (Barnaul, Russia), zajcevalyuba2014@yandex.ru.

The article is devoted to a comprehensive examination of theoretical approaches to the study of the history of Altai in the 18th century, developed by Russian specialists over the past three decades. The relevance of the study is associated with the emerging trend in domestic science towards a holistic understanding of the retrospective of individual regions, including through understanding the interdependent role of various social and administrative factors in the colonization process. Special attention is paid to the conceptual assessment of the nature of the initial development of Altai. The methodological grounds for applying the theories of military colonization, frontier, frontier modernization to the history of the region are outlined. The authors state the presence in the scientific literature of two non-identical approaches to the characterization of the Russian border in the south of Western Siberia. The authors demonstrate the obvious desire of historians to carry out comprehensive studies of regional and local levels of civil and mining management, which has emerged against the background of the preservation of the heuristic significance of microhistorical analysis of the role of individual fortified (fortresses, forts) or production facilities (factories). The diversity and conceptual heterogeneity of modern Russian historiography of the history of Altai in the 18th century is summarized. Some forecasts of the development of the historiographic situation are formulated.

Key words: modern Siberian historiography; history of Altai; colonization; frontier; state border; civil administration; departmental management; Kolyvano-Voskresensky mountain district (industrial-territorial complex); roads and communication routes.

REFERENCES

- Babarykin, B. V. (2015). *Gornozavodskoe professionalnoe obrazovanie Zapadnoy Sibiri v XVIII — nachale XX v.* Author's abstract of PhD Diss. [Gornozavodskoe professionalnoe obrazovanie of Western Siberia in the XVIII — early XX century. Author's abstract of PhD Diss.]. Barnaul. 26 p. (In Russ.).
- Babarykin, B. V., Perezhogin, A. A. (2017). *Spravochnik lichnogo sostava chinovnichestva Altaya (1747—1917)* [Handbook of personnel of the Altai bureaucracy (1747—1917)]. Barnaul: AltGPU. 270 p. (In Russ.).
- Bobrov, D. S. (2011). Ideya «frontira» — odin iz vzglyadov na protsess osvoeniya Altaya kak periferiynogo prostranstva [The idea of “frontier” — one of the views on the process of development of Altai as a peripheral space]. In: *Kabinetnaya model' upravleniya khozyaystvom i ekspluatatsii prirodnkh resursov Altaya v XVIII — nachale XX v.: sbornik nauchnykh statey* [Cabinet model of management and exploitation of natural resources of Altai in the XVIII — early XX century: collection of scientific articles]. Barnaul: AZBUKA. 7—17. (In Russ.).
- Bobrov, D. S. (2013). K voprosu o predposylkakh stanovleniya «Regiona Kolyvano-Voskresenskogo gornogo vedomstva»: obshcheteoreticheskiye aspekty [To the question of the prerequisites for the formation of the “Region of the kolyvano-Voskresensk mining Department”: General theoretical aspects]. In: *Tobolsk nauchnyy — 2013: mat. X Vse-rossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [To-bolsk Nauchnyy — 2013: Mat. X all-Russian scientific and practical conference]. Tobolsk: Tyumenskiy izdatelskiy dom. 224—227. (In Russ.).
- Bobrov, D. S. (2017). *Politiko-pravovyye mekhanizmy osvoiniya Rossiyskim gosudarstvom Verkhnego Ob'-Irtyshtya (Altaya) v pervoy polovine XVIII v.* PhD Diss. [Political and legal

- mechanisms of development by the Russian state of the Upper Ob-Irtysh (Altai) in the first half of the XVIII century. PhD Diss.]. Barnaul. 252 p. (In Russ.).
- Borodayev, V. B., Kontev, A. V. (2000). *U istokov istorii Barnaula* [At the origins of the history of Barnaul]. Barnaul: Altayskiy poligraficheskiy kombinat. 336 p. (In Russ.).
- Borodayev, V. B., Kontev, A. V. (2007). *Istoricheskiy atlas Altayskogo kraya: kartograficheskiye materialy po istorii Verkhnego Priobya i Priirtyshya (ot antichnosti do nachala XXI v.)* [Historical Atlas of the Altai territory: cartographic materials on the history of the Upper Ob and Irtysh region (from antiquity to the beginning of the XXI century)]. 2-e izd. Barnaul: Azbuka. 214 p. (In Russ.).
- Borodayev, V. B., Kontev, A. V. (2015). *Formirovaniye rossiyskoy granitsy v Irtyshsko-Eniseyskom mezhdurecheye v 1620—1720 gg* [Formation of the Russian border in the Irtysh-Yenisei interfluvium in 1620—1720]. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 415 p. (In Russ.).
- Boronin, O. V. (2004). *Dvoedannichestvo v Sibiri. XVII — 60-e gg. XIX v* [Dvoedannichestvo in Siberia. XVII — 60s of the XIX century]. Barnaul: Azbuka. 216 p. (In Russ.).
- Boronin, O. V. (2004). Pogranichno-territorialnyy vopros v rossiysko-dzhungarskikh otnosheniyakh pervoy poloviny XVIII v.: teoreticheskiy aspekt [Border-territorial issue in Russian-Dzungarian relations of the first half of the XVIII century: theoretical aspect]. In: *Vostokovednyye issledovaniya na Altae: sbornik statey* [Oriental studies in the Altai: a collection of articles], 4. Barnaul: Azbuka. 25—33. (In Russ.).
- Dunets, A. N., Isayev, V. V., Rygalova, M. V., Kolokoltsev, M. G. (2017). *Dorogi Altayskogo kraya: ot pervykh verst do nashikh dney* [Roads of the Altai territory: from the first verst to the present day]. Barnaul: Izdatelstvo AltGTU. 391 p. (In Russ.).
- Isayev, V. V. (2009). *Sibirskoye kazachestvo i yego rol' v kolonizatsii Altaya v XVIII — nachale XX v* [Siberian Cossacks and their role in the colonization of Altai in the XVIII — early XX century]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical Bulletin], 2: 93—100. (In Russ.).
- Istoriko-geograficheskie obrazy Altaya v trudakh uchenykh, puteshestvennikov i chinovnikov XVIII — nachala XX v* [Historical and Geographical images of Altai in the works of scientists, travelers and officials of the XVIII — early XX centuries]. (2016). Barnaul: AZBUKA. 440 p. (In Russ.).
- Istoriya Altaya* [History Of Altai], 1. (1995). Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 480 p. (In Russ.).
- Istoriya Altaya. Altay v kontse XVII — nachale XX v.* v 3 t. [History of Altai. Altai at the end of the XVII — beginning of the XX century], 2. (2019). Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 300 p. (In Russ.).
- Istoriya Gornogo Altaya v 3 t.* [History of the Altai mountains], 1: *S drevneyshikh vremen do 1900 g* [From ancient times to 1900]. (2001). Biysk: RIS Biyskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet. 327 p. (In Russ.).
- Isupov, S. Yu. (2009). *Krepost' Biyskaya — yest' glavnaya ...* [Fortress Biyskaya — there is a main ...]. Barnaul: AZBUKA. 302 p. (In Russ.).
- Isupov, S. Yu. (2010). Rol' Biyskoy kreposti v voyenno-kolonizatsionnoy politike Rossiyskoy imperii na Altaye v pervoy polovine XVIII v. [The role of the Biysk fortress in the military colonization policy of the Russian Empire in the Altai in the first half of the XVIII century]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altai State University], 3 (4): 91—94. (In Russ.).
- Ivonin, A. R. (1996). *Gorodovoye kazachestvo Zapadnoy Sibiri v XVIII — pervoy chetverti XIX v.* [Urban Cossacks of Western Siberia in the XVIII — first quarter of the XIX century]. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 227 p. (In Russ.).

- Ivonin, A. R., Kolupayev, D. V. (2003). *Kazaki na Altaye v XVIII—XIX stoletiyakh: istoricheskiye ocherki* [Cossacks in the Altai in the XVIII—XIX centuries: historical essays]. Barnaul: Izdatelstvo AGIHK. 155 p. (In Russ.).
- Karonnov, V. A. (2011). Vodnyye puti perevozki rudy v Kolyvano-Voskresenskom gornom vedomstve v XVIII v. [Waterways of ore transportation in the kolyvano-Voskresensk mining Department in the XVIII century]. *Aktualnyye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Current problems of historical research: the view of young scientists]. Novosibirsk: Parallel'. 53—59. (In Russ.).
- Konteva, O. E. (2005). *Stanovleniye i razvitiye sistemy upravleniya kabinetskimi gornozavodskimi vedomstvami v Zapadnoy Sibiri: 1745—1798 g.* PhD Diss. [Formation and development of the management system of the Cabinet mining Department in Western Siberia: 1745—1798. PhD Diss.]. Barnaul. 284 p. (In Russ.).
- Kushnerik, R. A. (2008). *Russko-dzhungarskiye diplomaticheskiye otnosheniya (nachalo XVII — 50-e gg. XVIII vv.)* [Russian-Dzungarian diplomatic relations (the beginning of the XVII — 50s of the XVIII century)]. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 266 p. (In Russ.).
- Maloletko, A. A. (2013). Fiziko-geograficheskiye predposylki formirovaniya transportnykh putey mezhdu rudnikami i plavilnymi zavodami na territorii Kolyvano-Voskresenskogo vedomstva v XVIII v. [Physical and Geographical prerequisites for the formation of transport routes between mines and smelters on the territory of the kolyvano-Voskresensk Department in the XVIII century]. *Geografiya i prirodopolzovaniye Sibiri* [Geography and nature management of Siberia], 16: 102—108. (In Russ.).
- Matveyev, A. V. (2014). *Istoriya sukhoputnykh putey soobshcheniya Omskogo Priirtyshya (Crednevekoye — Novoye vremya)* [History of land communication routes of the Omsk Irtysh region (Middle ages — Modern times)]. Omsk: Izdatelskiy dom «Nauka». 268 p. (In Russ.).
- Modorov, N. S. (1996). *Rossiya i Gornyy Altay: politicheskiye, sotsialno-ekonomicheskiye i kulturnyye otnosheniya (XVII—XIX vv.)* [Russia and the Altai mountains: political, socio-economic and cultural relations (XVII—XIX centuries)]. Gorno-Altaysk: Izdatelstvo Gorno-Altayskogo universiteta. 400 p. (In Russ.).
- Moiseyev, V. A. (1998). *Rossiya i Dzhungarskoye khanstvo v XVIII v. (ocherki vneshnepoliticheskikh otnosheniy)* [Russia and the Dzungarian khanate in the XVIII century (essays on foreign policy relations)]. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 174 p. (In Russ.).
- Ogurtsov, A. Yu. (1990). *Voyenno-inzhenernaya politika Rossii na yuge Zapadnoy Sibiri v XVIII v.* Author's abstract of PhD Diss. [Military engineering policy of Russia in the South of Western Siberia in the XVIII century. Author's abstract of PhD Diss.]. Sverdlovsk. 23 p. (In Russ.).
- Ogurtsov, A. Yu. (1999). Irtyshskaya pogranichnaya liniya [Irtysh border line]. *Kuznetskaya starina* [Kuznetskaya Starina], 3: Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost'. 19—35. (In Russ.).
- Okladnikov, A. P., Shunkov, V. I. (eds.) (1968). *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney v 5 t.* [History of Siberia from ancient times to the present day], 2: Sibir' v sostave feodalnoy Rossii [Siberia as part of feudal Russia]. Leningrad: Nauka. 539 p. (In Russ.).
- Perezhogin, A. A. (2005). *Voyenizirovannaya sistema upravleniya Kolyvano-Voskresenskogo (Altayskogo) gornogo okruga (1747—1871 gg.)* [Paramilitary management system of the Kolyvan-Voskresensk (Altai) mountain district (1747—1871)]. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 262 p. (In Russ.).
- Poberezhnikov, I. V. (2018). Frontirnaya modernizatsiya na vostoke Rossiyskoy imperii: regionalnyye variatsii [Frontier modernization in the East of the Russian Empire: regional

- variations]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical Bulletin], 4: 72—80. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80 (In Russ.).
- Puzanov, V. D. (2011). *Voyennaya politika Russkogo gosudarstva v Zapadnoy Sibiri (konets XVI — nachalo XVIII v.)* [Military policy of the Russian state in Western Siberia (late XVI — early XVIII century)]. Surgut: Taymer. 233 p. (In Russ.).
- Samayev, G. P. (1991). *Gornyy Altay v XVII — seredine XIX v.: problemy politicheskoy istorii i prisoyedineniya k Rossii* [Gorny Altai in the XVII — mid-XIX century: problems of political history and accession to Russia]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoye otdeleniye Altayskogo knizhnogo izdatelstva. 256 p. (In Russ.).
- Sherstova, L. I. (2005). *Tyurki i russkiye v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskiye protsessy i etnokulturnaya dinamika XVII — nachala XX v* [Turki and Russians in southern Siberia: ethnopolitical processes and ethno-cultural dynamics of the XVII — early XX centuries]. Novosibirsk: Izdatelstvo Instituta arkhologii i etnografii SO RAN. 312 p. (In Russ.).
- Soboleva, T. N., Razgon, V. N. (1997). *Ocherki istorii kabinetskogo khozyaystva na Altaye (vtoraya polovina XVIII — pervaya polovina XIX v.): upravleniye i obsluzhivaniye* [Essays on the history of Cabinet economy in the Altai (second half of the XVIII — first half of the XIX century) management and maintenance]. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 257 p. (In Russ.).
- Soboleva, T. N. (2012). *Ekspluatatsiya prirodnikh resursov Altaya imperatorskim Kabinetom kak faktor razvitiya rossiyskoy monarkhii (XVIII — nachalo XX v.)* [Exploitation of natural resources of the Altai by the Imperial Cabinet as a factor in the development of the Russian monarchy (XVIII-early XX century)]. Barnaul: AZBUKA. 260 p. (In Russ.).
- Tishkin, A. A. (2012). Beloyarskaya krepost': novyye rezultaty poiska [Beloyarsk fortress: new search results]. In: *Altay v istorii rossiyskoy gosudarstvennosti* [Altai in the history of Russian statehood: mathematical scientific and practical conference]. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 25—28. (In Russ.).
- Umanskiy, A. P. (1999). Kuznetsk i altayskiye ostrogi [Kuznetsk and Altai ostrogs]. *Kuznetskaya starina* [Kuznetskaya Starina], 3. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost'. 3—18. (In Russ.).
- Vedernikov, V. V. (2005). *Gornyye inzheneriy na Altaye v 1747—1896 gg* [Mining engineers in Altai in 1747—1896]. Barnaul: Grafiks. 157 p. (In Russ.).
- Vedernikov, V. V. (2012). *Kabinetskaya tsvetnaya metallurgiya Sibiri v XVIII — pervoy polovine XIX v.* [Kabinetskaya non-ferrous metallurgy of Siberia in the XVIII — first half of the XIX century]. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 185 p. (In Russ.).

Бодрова Е. В. Начало разработки нефтяных месторождений Урало-Поволжья в 1930—1940-х годах / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов, В. Н. Красивская // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 323—336. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-323-336.

Bodrova, E. V., Kalinov, V. V., Krasivskaya, V. N. (2020). The Beginning of the Development of Oil Fields in Ural-Volga Region in 1930s—1940s. *Nauchnyi dialog*, 10: 323-336. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-323-336. (In Russ.).

УДК 94(47).084+665.66(470.4/.5)“1930/1945”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-323-336

Начало разработки нефтяных месторождений Урало-Поволжья в 1930—1940-х годах

© Бодрова Елена Владимировна (2020), orcid.org/0000-0001-7889-3054, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «МИРЭА — Российский технологический университет» (Москва, Россия), evbodrova@mail.ru.

© Калинов Вячеслав Викторович (2020), orcid.org/0000-0002-9709-7720, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина» (Москва, Россия), kafedra-i@yandex.ru.

© Красивская Валерия Николаевна (2020), orcid.org/0000-0003-0107-4717, преподаватель кафедры истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «МИРЭА — Российский технологический университет» (Москва, Россия), krasivskaya93@yandex.ru.

Актуальность исследования определяется значимостью аккумуляции всего позитивного из исторического опыта осуществления общенациональных проектов, включая становление нефтегазового комплекса страны. На основе архивных документов рассматриваются вопросы, связанные с эволюцией государственной политики в сфере поиска новых нефтяных месторождений в Урало-Поволжском регионе накануне и в годы Великой Отечественной войны. Новизна исследования определяется не только введением в научный оборот ранее неопубликованных документов, но и попыткой осуществить анализ ведущихся в то время дискуссий относительно перспектив этого нефтяного региона, весьма противоречивых решений правительства в связи с этим. Акцентируется внимание на таком просчете советского правительства в довоенный период, как ставка на развитие нефтедобычи, прежде всего в Азербайджане и Северном Кавказе. Доказано, что в результате нефтяники «Второго Баку» ощущали нехватку средств, оборудования, квалифицированных кадров. Формулируется вывод о том, что в результате лишь первая половина 1944 года ознаменовалась крупнейшим событием в нефтяной промышленности нашей страны: были подтверждены предположения ученых о том, что в районе между Волгой и Уралом имеются многопластовые нефтяные месторождения. Авторы статьи утверждают, что открытие новых месторождений имело стратегическое значение для индустриализации страны, а позднее — для обеспечения нефтепродуктами тыла и фронта. Подчеркивается, что разработка девонских месторождений Урало-Поволжья, начавшаяся с 1944 года, стала основой резкого наращивания нефтедобычи в этом регионе.

Ключевые слова: геологоразведка; нефтяная отрасль; Урало-Поволжский регион; индустриализация.

1. Введение

Актуальность исследования определяется значимостью аккумуляции всего позитивного из исторического опыта осуществления общенациональных проектов,

включая создание мощного нефтегазового комплекса страны. Историками отрасли ранее рассматривались отдельные сюжеты интересующей нас темы [Иголкин, 2005; Бодрова и др., 2014; Матвейчук и др., 2011]. Так, А. А. Иголкиным подчеркивалась противоречивость государственной политики в отношении освоения нефтяного района между Уралом и Волгой. Роль и значение нефти и каменного угля при осуществлении индустриализации рассмотрены в книге И. А. Дьяконовой [Дьяконова, 1999]. Исследователь полагает, что медленные темпы освоения второй нефтяной базы в межвоенный период были отчасти обусловлены ориентацией ТЭК страны на более быстрые темпы роста угольной промышленности.

Отмечая, что энергетический баланс в экономике стал изменяться в пользу нефти в 30—50-е годы XX века, но добыча каменного угля оставалась приоритетным направлением, В. Н. Курятников характеризует этот этап в качестве стартового в изменении курса, определившего форсированное увеличение добычи и переработки нефти, создание второй нефтяной базы, становление нефтеперерабатывающей промышленности [Курятников, 2008].

В ряде публикаций подчеркивалась значительная роль ученых в развитии нефтяного Урало-Поволжского региона [Калинов, 2018, т. 6, № 1, с. 73—87].

Вместе с тем в ряде коллективных трудов дается лишь самая общая характеристика топливно-энергетической базы СССР накануне Великой Отечественной войны. Так, в Уральской горной энциклопедии (ред. И. В. Деметьев; УГГУ. Екатеринбург, Изд-во УГГУ, 2007) нет тома, специально посвященного нефти.

Таким образом, анализ научной литературы дает возможность утверждать, что отдельные аспекты проблемы освоения нефтяного района в Урало-Поволжье требуют дальнейшего детального изучения, реконструкции процессов, отражающих укрепление экономического потенциала страны, ее нефтяной промышленности в контексте форсированной индустриализации и в годы Великой Отечественной войны. Введение в научный оборот ранее не опубликованных архивных документов позволяет глубже и объективнее изучить различные аспекты этой проблемы. В частности, выявить факторы, определившие как достижения советских нефтяников, так и трудности освоения «Второго Баку», в частности в процессе поиска и открытия девонской нефти.

Изученные документы и материалы дают возможность утверждать, что о первых поверхностных признаках нефти в Поволжье было известно более ста лет назад, тогда же там были осуществлены разведочные работы. После значительного перерыва бурение возобновилось фирмой Нобель, пробурившей в 1916 году скважину в районе деревни Кандалы. Позднее проводилась разведка двумя другими акционерными обществами, однако ни отечественным, ни иностранным нефтепромышленникам не удалось найти промышленных залежей нефти в этом регионе. С 1919 по 1921 год было пробурено несколько скважин в районе реки Шешмы и села Сюкеево, а также ряд мелких скважин в районе Ишимбая. Но и в этот период нефтеразведка осталась незавершенной, а потому безрезультатной. В ряду причин неудач справедливо называется незначительный объем разведочных работ, но, в первую очередь, неверие части геологов в возможность найти промышленную нефть в Урало-Волжском районе.

2. Становление нефтяной промышленности в Урало-Поволжье

Конец затянувшейся дискуссии относительно целесообразности освоения этого нефтяного региона положил вдруг забывший в Верхне-Чусовских Городках фонтан нефти. В 1925 году П. И. Преображенским было открыто Верхнекамское месторождение калийно-магниевого солей. Поиски его границ с помощью пробуренных скважин и позволили неожиданно обнаружить нефть. Значение фонтана было надлежащим образом оценено академиком И. М. Губкиным, под руководством которого развернулись активные геологоразведочные работы в Урало-Волжской нефтяной провинции. И. М. Губкин теоретически обосновал существование в этом регионе нефти, настаивал на необходимости изменения географии нефтедобычи и нефтепереработки, подчеркивал значение отрасли для индустриализации [Губкин, 1934, 1940].

Однако на протяжении 1920-х годов нефтеразведка за пределами известных в то время нефтеносных районов практически не велась, в очень ограниченных масштабах она осуществлялась в Узбекистане и Туркмении, что и обусловило отсутствие достаточных нефтяных ресурсов к началу 1930-х годов. Руководство Геолкома считало абсолютно бесперспективным поиск нефти в Урало-Поволжье. Между тем еще с осени 1929 года по инициативе директората нефтяной промышленности ставился вопрос о нефтеразведке в новых областях, но, как писал академик А. Д. Архангельский, «...дело не обошлось без трений, без глупого сопротивления» [Архангельский, 1929, № 6, с. 721].

В 1930-е годы был взят курс на форсированный рост добычи и переработки нефти. Большие надежды возлагались и на пермскую нефть, хотя часть ученых была настроена все так же скептически. Так или иначе, к 1932 году в районе Верхне-Чусовских Городков пробурили около 50 скважин. В этом же году было открыто высокодебитное Ишимбайское месторождение нефти. Лишь 5 декабря 1933 года был создан специальный трест дальних разведок.

За месяц до своей смерти, 10 марта 1939 года, И. М. Губкин в качестве начальника Главгеологии в справке о важнейших открытиях в результате геологоразведочных работ в СССР, проведенных за период с 1936 по 1938 годы, писал заместителю председателя СНК СССР Л. М. Кагановичу о «наиболее важном (и принципиально, и практически) достижении последних трех лет» [АРАН, ф. 455, оп. 5, д. 62, л. 1—2] — установлении промышленной нефтеносности Урало-Волжской области. Писал он и о разоблачении лженаучных теорий, отрицавших промышленную нефтеносность региона. Доказанное широкое распространение нефтеносных горизонтов, благоприятные геологические условия, утверждал академик, и обеспечили превращение этой области во «Второе Баку» [Там же, л. 2—4].

И. М. Губкин был уверен в необходимости осуществления еще более масштабной промышленной разведки, предполагая, что с углублением буровых скважин увеличиваются и шансы встретить новые нефтеносные горизонты в девоне [Там же].

С одной стороны, результаты геологоразведочных работ, действительно, обнадеживали. В 1939 году 19 геологических партий приступили к работе в районе «Второго Баку». Ими было открыто 12 новых месторождений: Сызранское, Став-

ропольское (Яблоновый Овраг), Бугурусланское, Туймазинское, Краснокамское, Северокамское, Полазнинское и др. Но документы свидетельствуют о том, что оборудование и организация работ оставляли желать лучшего. Из-за некомплектных поставок происходили регулярные аварии. Возникали проблемы при транспортировке нефти. Неудовлетворительно, согласно проводимым проверкам, работал Уфимский нефтеперерабатывающий завод, который выполнил план в 1940 году в целом лишь на 55 %, а выпуск моторного топлива и авиационного бензина составил соответственно 32 и 30 % от планируемых показателей. В качестве причин назывались низкая трудовая дисциплина и недостаточная квалификация работников [Соколов, 2013, с. 158—163, 186, 188, 192]. Смена руководства предприятия положения не улучшила.

Тем не менее документы свидетельствуют, что в конце 1930-х годов отношение к этому нефтеносному региону со стороны центральной власти существенно изменилось. Хотя к 1941 году создать вторую нефтяную базу страны не удалось, что явилось стратегическим просчетом, но был заложен фундамент «Второго Баку». К началу Великой Отечественной войны тремя нефтекомбинатами — Куйбышевским, Башкирским и Молотовским — производилась добыча нефти. Ими же, а также Татарским и Нижне-Волжским трестами и специальными организациями ГСГТ, ВНИГРИ и др. проводились широкие геолого-поисковые и разведочные работы [РГАЭ, ф. 8627, оп. 2, д. 462, л. 4—6].

В годы войны нефтяная промышленность восточных районов сыграла весьма важную роль в снабжении фронта и тыла горючими и смазочными материалами. Однако до 1944 года большая часть известных к тому времени нефтяных месторождений Урало-Волжской провинции отличались малодобитностью и малым количеством (1—2) нефтяных пластов. В этом отношении они не выдерживали никакого сравнения с месторождениями Азербайджана. Поиск высокодебитных месторождений в новых нефтяных районах стал первоочередной задачей геологов.

3. Начало поисков высокодебитных месторождений в Урало-Поволжье

Проблема поиска именно девонской нефти в этом регионе была обозначена еще академиками И. М. Губкиным и А. Д. Архангельским [Архангельский, 1929, № 6, с. 791—796]. Впоследствии она изучалась экспедициями Московского геологоразведочного треста (В. М. Сеньковым, Н. И. Тихоновичем), куйбышевскими нефтяниками.

Первые скважины, заложенные с целью разведки девонских отложений, бурились на Самарской Луке. Почти одновременно в 1931 году было начато бурение скважины № 1 (401) на Сызранском месторождении и скважины № 2 на месторождении Яблоновыи овраг. Скважина № 1, бурившаяся в период с 1931 по 1934 годы, прошла только отложения верхнего девона, вскрыв их на глубине 1110 метров и встретив по всему разрезу верхнего девона признаки нефтеносности. Скважина № 2 в Яблоновом овраге в 1935 году была ликвидирована из-за аварии. Вскрытыми оказались лишь верхи девона. После неудачных попыток бурения разведка этих отложений была прекращена до 1938 года. В отчетах Куйбышевнефти за 1945 год

это объяснялось тем, что в 1936—1937 годах на Сызранском месторождении и в Яблоновом овраге была установлена промышленная нефтеносность угленосной свиты нижнего карбона. Поэтому все внимание было сосредоточено на разведке и разработке сравнительно неглубоко залегающих нефтеносных горизонтов карбона [РГАЭ, ф. 8627, оп. 2, д. 462, л. 7].

Однако малодобитность введенных в разработку этих нефтяных залежей, с одной стороны, и необходимость решения поставленной задачи резко увеличить нефтедобычу в тогда еще только создаваемом «Втором Баку», с другой, побудили возобновить разведку девонских отложений.

В результате в 1938 году была заложена вторая разведочная скважина № 43 на Сызранском месторождении. Скважина была закончена бурением при забое 1390 м. Она вскрыла девонские отложения и выявила признаки нефтеносности в виде битуминизации и спорадической пропитанности нефтью известняков и доломитов. Годом позже на Сызранской площади было решено заложить разведочную скважину № 49 с целью разведки нефтеносности девона. Скважина, бурение которой было окончено в сентябре 1940 года, оказалась интересна тем, что в ней была вскрыта вся толща осадочных пород, а на глубине 1539,5 м она врзалась в массивно-кристаллические породы фундамента платформы. Оконченные бурением на девонские отложения на Сызранской структуре скважины № 84 в 1941 году, № 59 в 1942 году и № 79 в 1943 году, встретив мощные песчаные пласты, не показали в них промышленного нефтенасыщения. В период с 1942 по 1943 год и первой половины 1944 года на соседней Заборовской площади были пробурены четыре скважины № 171, 154, 11 и 13. Они пересекли отложения верхнего и среднего девона и вскрыли массивно-кристаллические породы фундамента на глубинах 1513,6—1522 м. Пройденные скважинами Заборовской площади песчаные пласты девона также оказались насыщенными лишь водой [РГАЭ, ф. 8627, оп. 2, д. 462, л. 9]. В результате на Сызранской и Заборовской структурах, расположенных в самой западной части Самарской Луки, промышленной нефти из девона получено не было. Однако пробуренные скважины внесли очень много нового в понимание условий соотношения девонских образований с подстилающими массивно-кристаллическими породами фундамента платформы, дали представление о благоприятном для скопления нефти разрезе девона, а также обнаружили в нем явные признаки нефти.

Таким образом, почти во всех районах «Второго Баку» в начале 1930-х годов разведка девонской нефти осталась незаконченной и, вследствие первых неудач, была практически прекращена. Лишь на Самарской Луке, несмотря на отрицательные результаты первых скважин, разведка настойчиво продолжалась. С 1938 года до первой половины 1944 года в Западной части Самарской Луки было пробурено 9 скважин, не считая двух, пробуренных ранее. Но все они дали отрицательные результаты.

4. Открытие мощных нефтяных горизонтов в девонских отложениях в годы Великой Отечественной войны

Неудачи не поколебали настойчивости геологов в поисках девонских нефтяных залежей. Приведенные данные с несомненностью указывали, что кристал-

лический фундамент в восточной части Самарской Луки, в Яблоновом и Зольном оврагах, будет располагаться значительно ниже, нежели в Сызрани. Эти выводы и были положены в основу при определении дальнейшего направления разведочных работ. В декабре 1943 года, согласно докладу главного геолога «Куйбышевнефтекомбината» о плане работ на 1944 год, Геологический отдел Наркомнефти утвердил предложение Куйбышевнефти начать разведку девонских отложений в Яблоновом и Зольном оврагах [РГАЭ, ф. 8627, оп. 2, д. 462, л. 10—17].

Открытие столь долго ожидаемой девонской нефти в Куйбышевской области связано со скважиной № 41, заложеной 26 ноября 1943 года «Ставропольской» нефтеразведкой в Жигулевских горах. Нефтяное месторождение Яблоновый Овраг было расположено в северо-восточной части Самарской Луки, в ее высокогорной части, к востоку от устья реки Усы на правом берегу Волги, около Ставрополя (современного Тольятти).

Мемуары нефтяников, архивные документы отражают весь драматизм сложившейся тогда ситуации и поистине героизм нефтяников. П. М. Мурадов, в то время директор Ставропольского укрупненного нефтепромысла, вновь созданного на месторождении Яблоновый Овраг, писал, что разведочное бурение осложнялось проблемой острого дефицита и строжайшего учета ресурсов. Тем не менее бригада бурового мастера Г. Д. Толстоухова начала бурение, достигнув в октябре 1943 году проектной глубины. Но закончить и испытать скважину не могла, так как не было обсадных труб. В конце концов, было решено извлечь трубы из двух ранее ликвидированных скважин и использовать их повторно. Из глубоко промерзшей земли, при сорокаградусном морозе в селе Троекуровка Сызранского района выкапывались водопроводные трубы, которые лошади волокли десятки километров. Подобным образом было перемещено более 1000 метров труб. В канун 1944 года бригада буровиков, в конце концов, достигла заданной глубины. 31 декабря 1943 года началось углубление бурящейся эксплуатационной на угленосную свиту скважины № 41 Яблонового оврага на отложения девонской системы. Но обсадных труб все так же не хватало. Предложения об углублении скважины на 500—700 м до девонских песчаников в «Куйбышевнефти» встретили настороженно. Никто не хотел брать на себя ответственность, и, как вспоминал П. М. Мурадов, окончательное положительное решение принял Н. К. Байбаков [Мурадов, 1995, с. 82—83].

Скважина № 41, вскрывшая нефтеносные пески девона в апреле 1944 года и оконченная бурением 1 июня 1944 года при забое 1522,4 метра, установила в девонских отложениях три пласта суммарной мощностью в 25,8 м, хорошо насыщенных нефтью песков и песчаников. 9 июня 1944 года скважина № 41 дала первый фонтан дебитом 212 т в сутки [Кремс, 1964; Иголкин, 2007, с. 119—120]. За все время эксплуатации «Сорок первая» дала около 300 тыс. т нефти [Такоев, 1991, с. 50].

Это открытие ознаменовало второй этап развития нефтедобывающей промышленности Урало-Поволжья. А по определению Н. К. Байбакова, оно стало «началом нефтяной эры». Подтвердилась точность предположений ученых, в первую очередь, И. М. Губкина, о нефтеносности древнейших отложений девона Урало-Волжской провинции.

Большая группа рабочих, инженерно-технических работников была награждена орденами и медалями. Т. М. Золоев, Г. С. Кикнадзе, С. И. Кувыкин, М. В. Мальцев, А. И. Мустафинов, Г. М. Рыжов, И. С. Ткаченко, А. А. Трофимук, К. Р. Чепиков получили звание лауреатов Государственной премии.

В апреле 1944 года «Куйбышевнефть» было дано распоряжение об углублении на девон второй бурящейся эксплуатационной скважины № 36. Она вступила в эксплуатацию 31 августа 1944 года и в 1945 году фонтанировала через 10 м/м штуцер с дебитом 120 тонн нефти в сутки.

5 июня 1944 года начали углублять и третью скважину — № 57. Эта скважина так же, как и первые две, вскрыла нефтеносные девонские пески. Как и предполагалось, мощность отложений девона оказалась на Яблоновом овраге значительно выше, чем в Сызрани, вскрытые нефтеносные горизонты были встречены в той части разреза, которая отсутствовала в ранее пробуренных скважинах [РГАЭ, ф. 8627, оп. 2, д. 462, л. 17].

Установление промышленной нефтеносности отложений девона, представленных тремя нефтяными пластами, при наличии ранее начатых разработкой отложений угленосной свиты нижнего карбона, позволяло определить Яблоновый овраг в качестве многопластового и высокодебитного месторождения, значительно более эффективного в смысле капиталовложений.

Таким образом, первая половина 1944 года ознаменовалась крупнейшим событием в нефтяной промышленности нашей страны: на Самарской Луке впервые были установлены мощные нефтяные горизонты в девонских отложениях. Скважины Яблонового оврага № 41 и 36 явились первыми в СССР, давшими фонтанную нефть девона. В приказе Народного комиссара нефтяной промышленности № 115/а от 7 июля 1944 года это открытие было охарактеризовано следующим образом: «Разведочная скважина № 41, пробуренная на Ставропольском промысле (Яблоновый овраг) “Куйбышевнефтекомбината”, впервые на территории “Второго Баку” вскрыла высокодебитную фонтанную нефтяную залежь в песчаных отложениях девона. 9 июня текущего года эта скважина после перфорации колонны на глубине 1480 метров вступила в эксплуатацию фонтаном с дебитом 250 тонн нефти при 11 миллиметровом штуцере. Нефть высокого качества... Значение этого события огромно, так как получение промышленной нефти в девоне в совокупности с благоприятными физико-литологическими данными по другим разведочным скважинам, пробуренным в пределах Волго-Уральской нефтеносной области (Краснокамск, Туймаза, Сызрань, Заборовка и др.), открывает широкие перспективы разведки этих отложений» [Там же, л. 19—20].

Этим же приказом Наркомнефть было предложено развернуть разведочные работы на девон и в ряде новых районов. В частности, была активизирована разведка в Туймазинском районе. Нефтяники Башкирии уже в сентябре того же 1944 года получили фонтан девонской нефти в Туймазах.

Попытки поиска девонской нефти в Башкирии предпринимались и до войны, и в 1941 году. Спустя два года, 20 апреля 1943 года, секретарь Башкирского обкома партии С. Игнатьев направил в адрес секретаря ЦК ВКП (б) и СНК СССР письмо

с предложением форсировать освоение Туймазинского нефтяного месторождения. Он полагал, что сохранение в 1943—1944 годах необходимого количества одновременно работающих буровых станков обеспечит в Туймазах к 1 января 1945 года среднесуточную добычу нефти в объеме 2 тыс. тонн [РГАСПИ, ф. 17, оп. 121, д. 214, л. 41—45]. В основе этой инициативы лежали идеи главного геолога «Башнефти» А. А. Трофимука и начальника геологического отдела «Туймазанефти» М. В. Мальцева [От Ишимбая...]. Летом 1943 года такое решение было принято. Начальник Башнефтекомбината С. И. Кувыкин предложил форсировать глубокое бурение на девон в Кинзебулатово, Карлах, Красноусольске. Интенсифицировалась добыча и на старых площадях.

Однако нарком нефтяной промышленности СССР И. К. Седин издал приказ о срочном возвращении буровых бригад и оборудования в Краснодарский край. Осталась одна буровая установка, которая бурила скважину № 100 по проекту на девон и достигла глубины 1520 м. Бурение скважины было начато 29 февраля 1944 года. Работы велись без выходных, каждая вахта работала по 12 часов, выходил из строя инструмент, рвались трубы. До девона осталось пробурить еще около 130 м. Не один раз обсуждался вопрос: демонтировать «сотую» или все же добурить скважину. Главный аргумент сторонников демонтажа — неизвестность, будет ли пласт нефтеносным, а в Майкопе наверняка можно было получать 150—200 т нефти из одной пробуренной эксплуатационной скважины. Согласно воспоминаниям Е. Д. Такоева, особенно настойчиво и упорно на добурировании «сотой» скважины настаивали заместитель главного геолога треста «Туймазанефть» М. В. Мальцев, главный геолог треста Т. М. Золоев и главный геолог конторы бурения М. Е. Тарянян. Было решено довести бурение до конца [Такоев, 1995, с. 62]. 26 сентября 1944 года с глубины 1650 м ударил фонтан девонской нефти с дебитом более 250 т в сутки [Башкирская нефть, 1982, с. 37].

Это событие коренным образом изменило оценку нефтеносности Урало-Поволжья в целом. Руководство треста «Туймазанефть» переориентировалось на разведку девонских горизонтов. Однако из-за отсутствия оборудования в 1944 году было пробурено всего 7500 м разведочных скважин. В последующие годы происходил ввод новых нефтяных скважин «Туймазанефть», но планы не выполнялись [Салимов, 2005, с. 16]. В январе 1945 года в Туймазах пустили в эксплуатацию третью девонскую скважину с суточным дебитом нефти в 100 т. Продолжали фонтанировать первые девонские скважины — № 100 и № 75. 14 февраля вступила в строй четвертая — № 25 с дебитом 100 т нефти в сутки. Готовили к пуску в эксплуатацию еще две [Будков и др., 1985, с. 179]. В результате шесть девонских скважин стали ежесуточно давать 1100 т нефти.

30 апреля 1945 года секретарь Башкирского обкома ВКП(б) С. Д. Игнатьев направил в Москву телеграмму о новом открытии крупного нефтяного месторождения: «В апреле в Ишимбае, севернее Кинзибулатово, открыто новое месторождение нефти у деревни Салихово. Две разведочные скважины, расположенные на расстоянии 1150 м одна от другой, дали фонтаном промышленную нефть с суточным дебитом 50—60 т. По геологической характеристике месторождение являет-

ся аналогичным Кинзибулатовскому промыслу. На новом месторождении к 1 мая заканчивается прокладка временного нефтепровода и монтаж необходимого оборудования, после чего начинается промышленная добыча нефти» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 121, д. 378, л. 162].

За один год, к сентябрю 1945 года, добыча нефти на Туймазанских нефтепромыслах возросла более чем в 12 раз. Сделанное открытие, однако, не привело к резкому росту объемов бурения в Башкирии: ресурсы были ограничены, но оно обусловило бурный рост нефтяной промышленности в регионе [Иголкин, 2009, с. 123].

Наркомат нефтяной промышленности принял решение о широком развертывании разведочных работ на девон в Пермской и Саратовской областях, в Татарской АССР и Среднем Поволжье. Активные поиски в Пермской области увенчались успехом: в августе 1945 года из девонских отложений скважины № 8 был получен первый фонтан нефти с дебитом более 190 т в сутки. В марте 1944 года было принято решение о развитии разведочных работ и подготовке строительства нефтяного промысла на Шугуровском месторождении Татарской АССР [Будков и др., 1985, с. 210]. Это месторождение было открыто еще в июне 1941 года, в августе 1943 года была получена первая промышленная нефть. Тогда же был образован и трест «Татнефть». В 1944 году в Татарии бурилось уже 150 скважин [Соколов, 2013, с. 249]. В этом же году было открыто Бавлинское месторождение нефти, но не в девоне, а в нижнем карбоне [Кремс, 1964, с. 206]. Удельный вес добытой в республике нефти был незначительным, но шло освоение нового нефтяного района, ставшего впоследствии ведущим.

Последующие разведочные скважины установили, что Туймазинская залежь девонской нефти является крупнейшим месторождением «Второго Баку», масштабы которого по запасам нефти и продуктивности скважин оказались сравнимы с лучшими месторождениями Азербайджана. Кроме того, возобновлялись разведочные работы на девон на Краснокамском и Северокамском месторождениях.

Открытие девонской нефти в Яблоновом овраге, а затем в Туймазах и Северокамске давало возможность заявить о широком распространении нефтеносности девонских отложений в районах «Второго Баку». На Самарской Луке имелся ряд структур, аналогичных Яблоновому оврагу, которые, не сомневались нефтяники, должны были оказаться также промышленно нефтеносными. В частности, находящаяся в разведке Зольненская структура, в несколько раз превосходящая по площади Яблоновы овраг, потенциально обещала стать еще более мощным месторождением девонской нефти. Бурящаяся там первая на девон разведочная скважина № 5 вскрыла три пласта песков, насыщенных нефтью. Крупные перспективы девонских отложений связывались и с Сокско-Сергиевским районом Куйбышевской области, где было выявлено до 20 крупных благоприятных структур. Положение между Самарской Лукой и Туймазинским месторождением позволяло оценивать их весьма высоко.

5. Заключение

Таким образом, настойчивость И. М. Губкина и других известных нефтяников обеспечила еще в довоенный период развертывание геологоразведочных работ в Ура-

ло-Волжской нефтяной провинции. Однако почти во всех районах «Второго Баку» в начале 1930-х годов разведка девонской нефти осталась незаконченной и из-за первых неудач была практически прекращена. Правительство не уделяло достаточного внимания этому стратегически значимому нефтяному региону. Не хватало средств, специалистов и оборудования. Ставка делалась на Азербайджан и Северный Кавказ.

Однако часть геологов продолжала активные поиски девонских нефтяных залежей на востоке. Лишь первая половина 1944 года ознаменовалась крупнейшим событием в нефтяной промышленности нашей страны — на Самарской Луке были установлены мощные нефтяные горизонты в девонских отложениях. Скважины Яблонового оврага № 41 и 36 явились первыми в СССР, давшими фонтанную нефть девона. Были подтверждены предположения ученых о том, что в районе между Волгой и Уралом имеются многопластовые нефтяные месторождения. Открытие девонской нефти в Яблоновом овраге, а затем в Туймазах и Северокамске давало возможность заявить о широком распространении нефтеносности девонских отложений в районах «Второго Баку». Из них наиболее перспективными районами называлась Татария и Саратовско-Сталинградское Поволжье.

Планировалось, что с открытием высокопродуктивных залежей девонской нефти в Урало-Волжской провинции появятся возможности для резкого увеличения добычи нефти в районах «Второго Баку», которые уже в ближайшие годы будут сравнимы с районами Азербайджана [РГАЭ, ф. 8627, оп. 2, д. 462, л. 21]. Если удельный вес капиталовложений в нефтедобычу Урало-Поволжья в 1938—1940 годах составил 13 %, то в 1941—1945 годах он повысился до 20 % [Лисичкин, 1958, с. 191].

Разработка девонских месторождений Урало-Поволжья, начавшаяся с 1944 года, стала основой резкого наращивания нефтедобычи в этом регионе. Открытие там новых высокодебитных месторождений позволяло даже при относительно небольшом объеме буровых работ увеличивать добычу. В 1945 году Урало-Поволжье дало стране 2818,2 тыс. т нефти — в полтора раза больше, чем в 1940 году [Мальцев и др., 1996, с. 84]. Всего за годы войны регион обеспечил армию и тыл 11 млн т нефти [Будков и др., 1985, с. 194, 222].

Бесперебойное обеспечение фронта и тыла нефтью и продуктами нефтепереработки явилось результатом огромных организационных усилий руководства страны и отрасли, консолидации действий и самоотверженности нефтяников, ученых, строителей, транспортников. В военные годы произошел качественный сдвиг в нефтяной отрасли промышленности, обеспечивший ее прорыв позднее. Урало-Поволжская нефтяная база во многом обеспечила индустриализацию ранее отсталых в экономическом отношении регионов, в которых появились новые отрасли промышленности — нефтедобывающая, нефтеперерабатывающая, транспорта нефти, утилизации газа и др.

Источники и принятые сокращения

1. АРАН — *Архив* Российской академии наук. Ф. 455 (Институт горючих ископаемых АН СССР). Оп. 5. Д. 62. Л. 1—4.
2. ВКП(б) — *Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)*.

3. Наркомнефть — *Народный* комиссариат нефтяной промышленности.
4. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 8627 (Министерство нефтяной промышленности СССР). Оп. 2. Д. 462. Л. 4—7, 9—17, 19—21.
5. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. (ЦК КПСС. Секретариат Оргбюро ЦК ВКП(б)). Оп. 121. Д. 214. Л. 41—45.
6. СНК СССР — *Совет* народных комиссаров СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архангельский А. Д.* Где и как искать новые нефтеносные области в СССР / А. Д. Архангельский // Нефтяное хозяйство. — 1929. — № 6. — С. 791—796.
2. *Баширская нефть* / под ред. С. Ш. Бикбова, Ю. З. Зайнетдинова. — Москва : Недра, 1982. — 271 с.
3. *Будков А. Д.* Нефтяная промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны / под ред. И. Я. Вайнера ; А. Д. Будков, Л. А. Будков. — Москва : Недра, 1985. — 248 с.
4. *Государственная политика в нефтегазовой сфере в контексте российской модернизации* / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов, М. Н. Филатова, М. Н. Гусарова, С. В. Сергеев. — Москва : МАОРИ, 2014. — 813 с.
5. *Губкин И. М.* Урало-Волжская нефтеносная область (Второе Баку) / И. М. Губкин. — Москва-Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1940. — 120 с.
6. *Дьяконова И. А.* Нефть и газ в энергетике царской России в международных сопоставлениях / И. А. Дьяконова. — Москва, РАН Ин-т рос. истории ; РОССПЭН, 1999. — 293 с.
7. *Иголкин А. А.* Нефтяная политика СССР в 1928—1940-м годах / А. А. Иголкин. — Москва : Ин-т российской истории РАН, 2005. — 261 с.
8. *Иголкин А. А.* Новая «столица» советской нефтедобычи / А. А. Иголкин // Нефть России. — 2007. — № 7. — С. 119—120.
9. *Калинов В. В.* Достижения и просчеты государственной научно-технической политики СССР в послевоенный период / В. В. Калинов // Российский технологический журнал. — 2018. — Т. 6, № 1. — С. 73—87.
10. *Кремс А. Я.* История советской геологии нефти и газа / А. Я. Кремс. — Ленинград : Недра, 1964. — 380 с.
11. *Курятников В. Н.* Становление нефтяного комплекса в Уральском и Поволжском регионах (30—50-е гг. XX века) : монография : в 2 ч. / В. Н. Курятников. — Самара : Самарский государственный технический университет, 2008. — Ч. I. — 364 с. ; Ч. II. — 365 с.
12. *Лисичкин С. М.* Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР / С. М. Лисичкин. — Москва : АН СССР, 1958. — 428 с.
13. *Мальцев Н. А.* Нефтяная промышленность России в послевоенные годы / Н. А. Мальцев, В. И. Игrevский, Ю. В. Вадецкий. — Москва : ВНИИОЭНГ, 1996. — 307 с.
14. *Матвейчук А. А.* Истоки газовой отрасли России. 1811—1945 гг. Исторические очерки / А. А. Матвейчук, Ю. В. Евдошенко. — Москва : Граница, 2011. — 400 с.
15. *Мурадов П. М.* Годы испытаний и открытий девонской нефти / П. М. Мурадов // Нефтегазовый комплекс в годы Великой Отечественной войны. Вып. 3. — Москва : НТО нефтяников и газовиков им. И. М. Губкина, 1995. — С. 82—83.
16. *Новая нефтяная база на Востоке* / под ред. И. М. Губкина, А. А. Блохина. — Москва-Ленинград : Гос. науч.-техн. горно-геол.-нефтяное изд-во, 1934. — 132 с.
17. *От Ишимбая к Туймазам* [Электронный ресурс] / Башнефть : сайт. — Режим доступа : http://башнефть.рф/files/iblock/e8b/Bashneft_04f44h.pdf.
18. *Салимов М. Д.* Начальные этапы промышленной разработки нефтяных месторождений Урало-Поволжья и подготовка инженерных и научных кадров для нефтяной промышлен-

ленности в Республике Башкортостан : автореферат диссертации ... кандидата технических наук : 07.00.10 / М. Д. Салимов. — Уфа, 2005. — 24 с.

19. *Соколов А. К.* Советское нефтяное хозяйство, 1921—1945 гг. / А. К. Соколов. — Москва : Ин-т российской истории РАН, 2013. — 280 с.

20. *Такоев Д. А.* Об открытии крупных месторождений нефти в девонских отложениях / Д. А. Такоев // Ветераны : воспоминания : из истории развития нефтяной и газовой промышленности : вып. 1. — Москва : ВНИИОЭНГ, 1991. — С. 50.

THE BEGINNING OF THE DEVELOPMENT OF OIL FIELDS IN URAL-VOLGA REGION IN 1930s—1940s

© **Elena V. Bodrova (2020)**, orcid.org/0000-0001-7889-3054, Doctor of History, Professor, Head of the Department of History, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “MIREA-Russian Technological University” (Moscow, Russia), evbodrova@mail.ru.

© **Vyacheslav V. Kalinov (2020)**, orcid.org/0000-0002-9709-7720, Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of History, National University of Oil and Gas «Gubkin University» (National Research University)» (Moscow, Russia), kafedra-i@yandex.ru.

© **Valeriya N. Krasivskaya (2020)**, orcid.org/0000-0003-0107-4717, Lecturer, Department of History, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “MIREA-Russian Technological University” (Moscow, Russia), krasivskaya93@yandex.ru.

The relevance of the study is determined by the significance of the accumulation of everything positive from the historical experience of implementing national projects, including the formation of the country's oil and gas complex. On the basis of archival documents, issues related to the evolution of state policy in the field of searching for new oil fields in the Ural-Volga region on the eve and during the Great Patriotic War are considered. The novelty of the study is determined not only by the introduction of previously unpublished documents into scientific circulation, but also by an attempt to analyze the ongoing discussions about the prospects of this oil region, very contradictory decisions of the government in this regard. Attention is focused on such a miscalculation of the Soviet government in the pre-war period as a stake on the development of oil production, primarily in Azerbaijan and the North Caucasus. It has been proven that as a result, the oil workers of the Second Baku felt a lack of funds, equipment, and qualified personnel. It is concluded that as a result, only the first half of 1944 was marked by the largest event in the oil industry of our country: scientists confirmed the assumptions that there are multilayer oil fields in the area between the Volga and the Urals. The authors of the article argue that the discovery of new deposits was of strategic importance for the industrialization of the country, and later for the supply of oil products to the rear and front. It is emphasized that the development of the Devonian deposits of the Ural-Volga region, which began in 1944, became the basis for a sharp increase in oil production in this region.

Key words: geological exploration; oil industry; Ural-Volga region; industrialization.

MATERIAL RESOURCES

ARAN — *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk. (Institut goryuchikh iskopaemykh AN SSSR)* [Archive of the Russian Academy of Sciences. (Institute of Combustible Fossils of the Academy of Sciences of the USSR)]. (In Russ.).

VKP(b) — *Vsesoyuznaya kommunisticheskaya partiya (bolshevikov)* [All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. (In Russ.).

Narkomneft' — *Narodnyy komissariat neflyanoy promyshlennosti* [People's Commissariat of the Oil Industry]. (In Russ.).

RGAE — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (Ministerstvo neflyanoy promyshlennosti SSSR)* [Russian State Archives of Economics. (USSR Ministry of Oil Industry)]. (In Russ.).

- RGASPI — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii. (TsK KPSS. Tekhsekretariat Orgbyuro TsK VKP(b))* [Russian State Archive of Social and Political History. (Central Committee of the CPSU. Technical Secretariat of the Organizing Bureau of the Central Committee of the CPSU (b)).]. (In Russ.).
- SNK SSSR — *Sovet narodnyy komissarov SSSR* [Council of People's Commissars of the USSR]. (In Russ.).

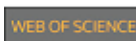
REFERENCES

- Arkhangelskiy, A. D. (1929). Gde i kak iskat' novye neftenosnye oblasti v SSSR [Where and how to look for new oil-bearing areas in the USSR]. *Neftyanoe khozyaystvo* [Oil industry], 6: 791—796. (In Russ.).
- Bikbova, S. Sh., Zaynetdinova, Yu. Z. (eds.). (1982). *Bashkirskaia neft'* [Bashkir oil]. Moskva: Nedra. 271 p. (In Russ.).
- Budkov, A. D., Budkov, L. A. (1985). *Neftyanaya promyshlennost' SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Oil industry of the USSR during the Great Patriotic War]. Moskva: Nedra. 248 p. (In Russ.).
- Bodrova, E. V., Kalinov, V. V., Filatova, M. N., Gusarova, M. N., Sergeev, S. V. (2014). *Gosudarstvennaya politika v neftegazovoy sfere v kontekste rossiyskoy modernizatsii* [State policy in the oil and gas sector in the context of Russian modernization]. Moskva: MAORI. 813 p. (In Russ.).
- Gubkin, I. M. (1940). *Uralo-Volzhskaya neftenosnaya oblast' (Vtoroe Baku)* [Ural-Volga oil-bearing region (Second Baku)]. Moskva-Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR. 120 p. (In Russ.).
- Dyakonova, I. A. (1999). *Neft' i gaz v energetike tsarskoy Rossii v mezhdunarodnykh sopostavleniyakh* [Oil and Gas in the Energy Sector of Tsarist Russia in International Comparisons]. Moskva, RAN In-t ros. istorii; ROSSPEN. 293 p. (In Russ.).
- Gubkina, I. M., Blokhina, A. A. (eds.). (1934). *Novaya neftyanaya baza na Vostoke* [New oil base in the East]. Moskva-Leningrad: Gos. nauch.-tekhn. gorno-geol.-neftyanoe izd-vo. 132 p. (In Russ.).
- Igolkin, A. A. (2005). *Neftyanaya politika SSSR v 1928—1940-m godakh* [Oil policy of the USSR in 1928—1940s]. Moskva: In-t rossiyskoy istorii RAN. 261 p. (In Russ.).
- Igolkin, A. A. (2007). Novaya «stolitsa» sovetskoy nefte dobychi [The new “capital” of Soviet oil production]. *Neft' Rossii* [Russian oil], 7: 119—120. (In Russ.).
- Kalinov, V. V. (2018). Dostizheniya i proshchety gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politiki SSSR v poslevoennyi period [The achievements and failures of the state scientific and technical policy of the USSR in the postwar period]. *Rossiyskiy tekhnologicheskii zhurnal* [Russian technological journal], 6 (1): 73—87. (In Russ.).
- Krems, A. Ya. (1964). *Istoriya sovetskoy geologii nefti i gaza* [History of Soviet oil and gas geology]. Leningrad: Nedra. 380 p. (In Russ.).
- Kuryatnikov, V. N. (2008). *Stanovlenie neftyanogo kompleksa v Uralskom i Povolzhskom regionakh (30—50-e gg. XX veka)* [Formation of the oil complex in the Ural and Volga regions (30—50s of the XX century)]. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet. 2/1. 364 p. (In Russ.).
- Kuryatnikov, V. N. (2008). *Stanovlenie neftyanogo kompleksa v Uralskom i Povolzhskom regionakh (30—50-e gg. XX veka)* [Formation of the oil complex in the Ural and Volga regions (30—50s of the XX century)]. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet. 2/2. 365 p. (In Russ.).
- Lisichkin, S. M. (1958). *Ocherki razvitiya nefte dobyvayushchey promyshlennosti SSSR* [Essays on the development of the oil industry in the USSR]. Moskva: AN SSSR. 428 p. (In Russ.).

- Maltsev, N. A., Igrevskiy, V. I., Vadetskiy, Yu. V. (1996). *Neftyanaya promyshlennost' Rossii v poslevoennnye gody* [Oil industry of Russia in the post-war years]. Moskva: VNIIOENG. 307 p. (In Russ.).
- Matveychuk, A. A., Evdoshenko, Yu. V. (2011). *Istoki gazovoy otrasli Rossii. 1811—1945 gg. Istoriicheskie ocherki* [The origins of the gas industry in Russia. 1811—1945. Historical sketches]. Moskva: Granitsa. 400 p. (In Russ.).
- Muradov, P. M. (1995). Gody ispytaniy i otkrytiy devonskoy nefti [Years of testing and discovery of Devonian oil]. In: *Neftgazovyy kompleks v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Oil and gas complex during the Great Patriotic War]. Moskva: NTO neftyanikov i gazovikov im. I. M. Gubkina. 3: 82—83. (In Russ.).
- Ot Ishimbaya k Tuymazam [From Ishimbay to Tuymazy]. In: *Bashneft': sayt*. [Bashneft; website]. Available at: http://bashneft'.rf/files/iblock/e8b/Bashneft_04f44h.pdf (accessed 02.06.2020). (In Russ.).
- Salimov, M. D. (2005). *Nachalnyye etapy promyshlennoy razrabotki neftyanykh mestorozhdeniy Uralo-Povolzhya i podgotovka inzhenernykh i nauchnykh kadrov dlya neftyanykh promyshlennosti v Respublike Bashkortostan: author's abstract of PhD Diss.* [Initial stages of industrial development of oil fields in Ural-Volga region and training of engineering and scientific personnel for the oil industry in the Republic of Bashkortostan: author's abstract of PhD Diss.]. Ufa. 24 p. (In Russ.).
- Sokolov, A. K. (2013). *Sovetskoe neftyanoe khozyaystvo, 1921—1945 gg.* [Soviet oil industry, 1921—1945]. Moskva: In-t rossiyskoy istorii RAN. 280 p. (In Russ.).
- Takoyev, D. A. (1991). Ob otkrytii krupnykh mestorozhdeniy nefti v devonskikh otlozheniyakh [About the discovery of large oil fields in the Devonian sediments]. In: *Veterany: vospominaniya: iz istorii razvitiya neftyanykh i gazovoy promyshlennosti*. [Veterans: memoirs: from the history of the development of the oil and gas industry]. Moskva: VNIIOENG. 1: 50. (In Russ.).

Корневский А. В. Польский вектор в политике Владимира Мономаха и его наследников : от Любечского съезда до «перемыславского кризиса»/ А. В. Корневский, Н. Д. Николаева // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 337—352. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-337-352.

Korenevskiy, A. V., Nikolaeva, N. D. (2020). Polish Vector in Politics of Vladimir Monomakh and His Heirs: from the Lyubech Congress to the "Pereyaslavl Crisis". *Nauchnyi dialog*, 10: 337-352. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-337-352. (In Russ.).

УДК 94(47).027+94(438.11)“1125/1132”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-337-352

ПОЛЬСКИЙ ВЕКТОР В ПОЛИТИКЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА И ЕГО НАСЛЕДНИКОВ: ОТ ЛЮБЕЧСКОГО СЪЕЗДА ДО «ПЕРЕЯСЛАВСКОГО КРИЗИСА»¹

© **Корневский Андрей Витальевич (2020)**, orcid.org/0000-0002-0617-121X, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории средних веков и нового времени, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), koren@sfedu.ru.

© **Николаева Наталья Дмитриевна (2020)**, orcid.org/0000-0002-0841-3294, аспирант третьего года обучения Института истории и международных отношений, ассистент кафедры отечественной истории средних веков и нового времени, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), natp@sfedu.ru.

Рассматривается вопрос о системе русско-польского взаимодействия в период временной стабилизации политических отношений на Руси — от Любечского съезда (1097) до окончания киевского княжения Мстислава Великого (1125—1132). Авторами показано, что XII столетие представлено в историографии как время постепенного нарастания противоречий между двумя христианскими цивилизациями, как переходный период между Великой Схизмой 1054 года и IV крестовым походом (1202—1204). Предпринята попытка рассмотрения взаимоотношений Руси и Польши означенного периода вне телеологического подхода. Авторами представлены доказательства того, что тезис о религиозном факторе как о решающем в русско-польских взаимоотношениях не соответствует политическим реалиям 10—30 годов XII века. Показано, что именно идеологическая ориентация Владимира Мономаха на крестоносное движение и Священную Римскую империю делала невозможным союзные отношения Киева и Кракова в первой четверти XII века. Доказано, что единая политика Руси в отношении Польши отсутствовала; действия двух сторон носили ситуативный характер. Авторы приходят к выводу о том, что на Руси и в Польше конкурирующие политические группировки стремились к реализации собственных стратегий в отношении соседнего государства.

Ключевые слова: Русь; Польша; XII век; Владимир Мономах; западное христианство; «латинская» Европа; имперская идея; крестоносное движение.

1. «Долгий» XII век Восточной Европы в зеркале историографии и политической мифологии

Вряд ли можно найти сюжет, более подверженный конъюнктурной и ретроспективной мифологизации, чем взаимоотношения России и Запада: в сочинениях, порой мимикрирующих под академические тексты, с помощью ложно трактуемой

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90057.

истории фактически предпринимается оправдание конфронтации и ксенофобии. Речь идет об эксплуатации клишированного представления о взаимном восприятии России и Запада через призму негативной дихотомии «мы — они». Как известно, действенность подобных идентификаций определяется степенью исторической укорененности негативных представлений о «Другом» в коллективной памяти социума. Ключевую роль в данном процессе играет миф, призванный «гармонизировать картину мира» [Мелетинский, 2000, с. 170] и воспринимаемый как нечто «само собой разумеющееся» [Барт, 1989, с. 263]. Именно миф является наиболее эффективным инструментом конструирования самоидентификации через призму дихотомии «мы — они», и чем более долгую историю имеет подобное противопоставление, тем очевиднее оно кажется. Не менее важным фактором действенности мифа является его фокусировка на ключевых и рубежных событиях прошлого ввиду того, что они являются «местами памяти» [Нора, 1999, с. 17] — узловыми мнемоническими точками, структурирующими историческую память и поддерживающими ее функционирование.

Подобной переломной эпохой в процессе взаимного отчуждения двух, по выражению А. Дж. Тойнби, “*sister societies*” [Toynbee, 1953, p. 166] — цивилизаций, сформировавшихся под омофором Западного и Восточного христианства, — было XII столетие, которому предшествовали Великая схизма (1054 год) и начало крестового движения (1096 год) и за которым последовала трагедия IV крестового похода (1204 год). Эти события традиционно рассматриваются в историографии в качестве ключевых «точек невозврата» на пути от неуклонно нараставших межцерковных противоречий к цивилизационному расколу Христианского мира [Ле Гофф, 2005; Флоря, 2007].

Следует отметить, что ключевое положение в структуре мифа о вековой враждебности России и Запада занимают именно русско-польские отношения. Объясняется это не только географическим соседством двух народов, но и синхронностью формирования государственности, что обрекало обе молодые державы на соперничество. Однако этнокультурное родство их населения затрудняло политическое обособление от «Другого» и настоятельно требовало применения иного, более действенного средства консолидации, роль какового и сыграл зеркальный религиозный выбор в пользу конкурирующих версий христианства. Принятие Русью восточного христианства, чрезвычайно рано ставшего, по словам В. Мейдлина, ее «национальным критерием» [Medlin, 1952, p. 45], не в последнюю очередь было откликом на противоположный — в пользу Рима — выбор ее главного политического оппонента, сделанный двумя десятилетиями ранее. Но с другой стороны, не стоит сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что в эпоху раннего Средневековья среди славян достаточно долго сохранялось осознание этнокультурного родства (по словам Повести временных лет, «Словеньскыи ѧзыкъ и Роуѣкыи вѣдо еѣ») [ПСРЛ, т. 1, стб. 28]), неизбежно сглаживавшее политические и религиозные противоречия. По мнению многих историков, здесь долгое время существовала особая буферная зона между «ромейским» и «латинским» мирами Средневековья — так называемое «славянское христианство» (*Slavia Christiana*) [Водов, 1992, с. 14;

Живов, 2000, с. 600], где принадлежность к *Christianitas*, «общему европейскому универсуму» [Липатов, 2015, с. 89], ощущалась сильнее, чем межцерковные противоречия. Поэтому вопрос о времени и темпах цивилизационного размежевания в Восточной Европе отнюдь не столь прост, как это представляется авторам многих обобщающих работ. Соответственно, напрашивается предположение, что именно в польско-русских отношениях это взаимоналожение политических, религиозных и этнокультурных факторов проступало с наибольшей отчетливостью. Поэтому именно русско-польские отношения и именно в XII веке оказываются оптимальной фокусной точкой для понимания того, каков был результирующий вектор всех описанных выше разнонаправленных тенденций.

Однако пока указанный подход не нашел должного отражения в историографии русско-польских отношений. Несмотря на частоту упоминаний о событиях XII века, как правило, они представлены à propos — либо как некая «интермедия» между историческими эпохами, кажущимися историкам более достойными их интереса, либо попутно рассмотрению иных сюжетов. Первый случай наиболее типичен для отечественной историографии, традиционно сфокусированной на богатом славными деяниями XI века и на трагическом XIII столетии. Впрочем, и польские историки по сходным причинам не особо жалуют этот период. Второй подход наиболее характерен для сочинений, которые могут быть лишь условно названы историческими, а на самом деле принадлежат к тому жанру, который, вслед за У. Макниллом можно было бы назвать «мифисторией» [McNeill, 1986]. В них внимание авторов — как отечественных, так и польских — сконцентрировано на взаимных обидах и обвинениях «Другого» в извечной агрессивности, коварстве и лицемерии, что, по меткому замечанию А. Цуранович, может быть охарактеризовано как «синдром измены» [Цуранович, 2015, с. 338]. А поскольку отсчет этих обид ведется с киевского похода Болеслава 1018 года [Королюк, 1964, с. 237—241; Якунин, 2011, с. 68; Zakrzewski, 1925, s. 305], события XII века в рамках данного подхода служат лишь иллюстрацией тезиса о безальтернативности цивилизационного раскола Восточной Европы.

Но даже в работах, написанных в русле академической историографии, сказывается магнетическое воздействие указанной объяснительной схемы. Весь XII век мыслится как время, когда «антагонизм между двумя главными христианскими конфессиями, постепенно обостряясь, накладывал отпечаток на развитие отношений между разными частями христианского мира» [Флоря, 2007, с. 125]. Более того, когда историк меняет оптику и, обращаясь к конкретным фактам русско-польских отношений, обнаруживает нечто противоречащее данной концепции, это не приводит к ее пересмотру. При таком подходе любой конфликт между Польшей и Русью трактуется как подтверждение общего правила, а случаи, из него выпадающие, — как «казусы» или, если воспользоваться пушкинским выражением, «странные сближения» — исключения, самого правила не отменяющие. Однако число таких «странностей», запечатленных в источниках, таково, что впору поставить под вопрос методологическую корректность восходящего к Марксу ретроспективного подхода («Анатомия человека — ключ к пониманию анатомии обезьяны» [Маркс, 1958, с. 731]), по сути, являющегося телеологическим. Об опасности ретроспекции

справедливо писал М. Блок, подчеркивая, что историк должен смотреть на событие не из будущего, а из прошлого [Блок, 1986, с. 71]. Еще раньше об этом же размышлял авторитетный британский методолог А. Ф. Поллард. Ссылаясь на мнение своих великих предшественников Дж. Фруда и С. Гардинера, считавших, что историю следует писать, «как события, разворачивающиеся на глазах тех, кто наблюдал за ними», он вопрошал: «Можем ли мы быть честны по отношению к людям прошлого, зная то, чего они не могли знать? Можем ли мы вообще их понять — их действия или бездействие, их надежды и страхи, усилия и неудачи, — когда наше сознание обременено знанием результата?» [Pollard, 1920, p. 29].

Таким образом, мы видим свою цель в преодолении телеологической аберрации исторического зрения и осмыслении русско-польских отношений в XII веке без оглядки на то, что произошло значительно позже. При этом, разумеется, мы не имеем в виду «календарное» столетие. В современной историографии достаточно прочно прижились идеи неоднородности исторического времени и метафорического толкования понятия «век» — как особого периода, заключенного между ключевыми переломными событиями, и лишь отчасти соотносимого с календарным столетием («долгие» и «короткие» века). А. С. Щавелевым была высказана мысль о применимости концепта «долгого века» к XII столетию [Щавелев, 2013], однако предложенные им хронологические рамки этого периода — от эпохи Ярослава Мудрого до татаро-монгольского нашествия — представляются чрезмерно «долгими». Ставя под сомнение традиционное суждение о том, что именно крестовые походы сделали «непроходимым ров, разделявший Запад и Византию» [Ле Гофф, 2005, с. 84], мы не считаем возможным оспаривать рубежного характера самих событий — начала крестового движения в 1096 году и падения Константинополя в 1204 году. При этом исследования последних лет, подтвердившие высокую степень вовлеченности древнерусской властной элиты в политическую жизнь Европы [Назаренко, 2013; Raffensperger, 2012; Raffensperger, 2017], дают основание допустить определенную корреляцию между событиями в западной и восточной части континента. По крайней мере, к указанным датам хронологически достаточно близки события, без сомнения ставшие переломными для Руси — Любечский съезд (1097 год) и крах попытки реинтеграции русских земель, предпринятой Романом Галицким (1205 год). В соответствии с означенными кульминационными моментами в истории Руси «долгого» XII века наше внимание будет сосредоточено на двух эпохах. Первая эпоха — это время стабилизации политических отношений на Руси, когда действовали соглашения, достигнутые на Любечском съезде (период политической активности Владимира Мономаха, а также его сына и фактического соправителя Мстислава Великого). Вторая эпоха — это время кардинальных изменений ситуации в Киеве (от «перемыславского кризиса» 1132—1133 годов и утверждения в столице династии Ольговичей в 1139 году до полной потери Киевом статуса реальной политической столицы Руси, ставшей результатом перераспределения сил в русских землях в период правления Романа Галицкого (1199—1205).

Итак, попытаемся проследить за хитросплетениями русско-польских отношений в «долгом» XII столетии, задавшись вопросом: что превалировало в этих

связях — конфронтация или партнерство, насколько долговременными были в это период союзнические отношения и были ли они «странными сближениями»?

2. «Почто губим Русьскую землю?..» (1097—1113)

Анналы древнерусской истории обнаруживают любопытную закономерность: «польский фактор» возникает тотчас же, как только на горизонте политической жизни сгущаются грозные тучи. Так было после смерти Владимира Святославича и вновь повторилось, когда распался Триумвират Ярославичей. В следующем акте политической драмы мы вновь видим западных соседей Руси, правда на первых парах — не на авансцене, а в тени кулис. Произошло это в тот самый судьбоносный момент, когда князья, искренне покаявшись в причиняемых родной земле страданиях («Почто губим Русьскую землю, сами на са котору дѣюще?..» [ПСРЛ, т. 1, стб. 256]) приняли решение разделить ее между собой («кождо да держитъ ѡтчину свою» [ПСРЛ, т. 1, стб. 257]), тем самым юридически ликвидировав единую государственность. Принеся друг другу клятвы твердо стать на защиту нового политического строя («да аще кто ѡселѣ на кого будет, то на того будем вси» [ПСРЛ, т. 1, стб. 257]), князья отправились восвояси, но еще не все успели вернуться домой, как нашлись охотники проверить действенность заключенных соглашений. Сразу же по окончании съезда возник конфликт между Давыдом Игоревичем Волынским, заручившимся негласной поддержкой великого князя Святополка, и Василько Ростиславичем Перемышльским, приведший к ослеплению последнего. Совершенное злодеяние, в свою очередь, спровоцировало целую цепь конфликтов, в которые оказались вовлечены поляки. В частности — в противостоянии между Давыдом Игоревичем и Святополком Изяславичем, якобы осознавшим, что стал жертвой манипуляции волынского князя и соучастником его преступления. Давыд Игоревич «иде в Лахы к Володиславу» [ПСРЛ, т. 1, стб. 269]) — польскому князю Владиславу I Герману за помощь в разрешении конфликта. За вознаграждение в 50 гривен золотом князь пообещал Давыду примирить его со Святополком. Однако вместо этого поляки вступили в переговоры с киевским князем и, «емлюще злато 8 Дѣда и 8 Стополка» [ПСРЛ, т. 1, стб. 269], вернулись в Польшу. Лишившись своего ненадежного союзника, Давыд отступил.

Почему соучастники ослепления Василька обратились именно к полякам? На сей счет могут быть как минимум два объяснения. Во-первых, следует учесть тесные связи киевского князя с Польшей. Святополк Изяславич был сыном Гертруды Мешковны и приходился двоюродным братом Болеславу II Смелому, дважды, в 1068 и 1077 годах, помогавшему его отцу вернуть киевский стол. Сестра Святополка стала женой краковского князя Мешко Болеславича, а позже он выдал свою дочь Сбыславу за Болеслава III Кривоустого. При этом данный matrimonial союз был неканоническим (родство в третьем колене), но ему обеими сторонами придавалось столь большое значение, что для этого, по свидетельству Галла Анонима, пришлось испрашивать разрешение папы римского [Галл Аноним, 1961, с. 84]. Во-вторых, как явствует из «Повести об ослеплении Василька Теребовльского», Давыд, оправдывая совершенное преступление, пытался представить

Василька непримиримым врагом не только Святополка, но и поляков. При этом важно заметить, что если первую инвективу автор повести передает со слов Давыда (Василько якобы злоумышляет против Святополка и виновен в смерти его брата Ярополка), то речи о вражде к полякам звучат из уст самого теребовльского князя: «слышю вже ма хоче дати Лахо^а Двѣдъ» — жалуется тот Василию, автору повести, и тут же объясняет причину своих опасений: «азъ бо Лахо^м много зла творихъ и хотѣлъ ю[смь] створити и мстити Русьскѣи земли» [ПСРЛ, т. 1, стб. 266]. Мало этого, Василько прямо говорит, что вынашивал куда более амбициозные планы и делился ими с Давыдом: «помыслихъ на землю Ладъскую наступлю на зиму и на лѣто и возму землю Ладъскую и мыщю Русьскую землю» [ПСРЛ, т. 1, стб. 266]. Заметим, что автор повести нисколько не сомневается в правдивости слов Василька, да и летопись под 1092 год сообщает о каких-то совместных с половцами действиях теребовльского князя против поляков («в се же лѣто воєваша Половци Лахы с Василькомъ Ростиславичемъ» [ПСРЛ, т. 1, стб. 215]). При этом немаловажным является то, что данное произведение — одно из ключевых звеньев масштабной пропагандистской кампании Владимира Мономаха, направленной на укрепление его репутации главного защитника Руси и косвенно — на дискредитацию Святополка. Поэтому здесь, как и во всех других текстах, написанных самим Владимиром или под его контролем, положительному герою приписываются «патриотические» мотивы: Василько хочет не просто воевать с поляками, но преподносит это как месть за некие обиды, нанесенные «ляхами» Руси. А ведь последней крупной интервенцией поляков была поддержка отца киевского князя Святополка в 1077 году. Итак, общая картина выстраивается вполне определенная: Василько лоялен Владимиру Мономаху, твердо блюдет любечские договоренности, и при этом он — непримиримый враг поляков. Давыд, наоборот, нарушает данную клятву, проливает кровь собрата, но при этом лоялен Святополку и полякам.

Однако причины данного конфликта кроются не только и даже не столько в ориентации его участников на двух конкурирующих политических лидеров, сколько в том, что он стал проверкой на прочность доктрины, выдвинутой Владимиром Мономахом на Любечском съезде. Суть ее состояла в обеспечении эффективного военного взаимодействия княжеств в борьбе со Степью путем частичного отказа от лестничного права и перехода к конфедеративному политическому устройству на договорных началах. Но труднее всего было вписать в эти договорные отношения как раз таких князей, к числу которых относились Василько и Давыд. При всей незначительности политического веса каждого из них суммарно слой этих князей, которых по устоявшейся историографической традиции принято именовать «изгоями», представлял собой реальную угрозу планам Владимира Мономаха. Князья-изгои были, по выражению В. О. Ключевского, «отрезанными ломтями в княжеском роде», которым «старшие родичи выделяли из своей среды, давали им известные волости в постоянное владение и лишали их участия в общем родовом распорядке, выкидывали из очереди» [Ключевский, 1987, с. 194]. Разумеется, земли, данные изгоям из милости старшими родственниками, редко удовлетворяли их амбиции, а потому эти «генеалогические недоросли» постоянно искали способы округлить

свои владения, становясь главной и с каждым годом возрастающей угрозой политической стабильности на Руси.

Но поскольку волости, выделявшиеся изгоям, чаще всего находились на западных границах, это становилось проблемой не только для Руси, но и для Польши. Соответственно, ее правители рассчитывали, что киевский князь как верховный правитель Руси, выполнит союзнический долг и обуздает своих родичей. Однако у Владимира Мономаха было на сей счет иное мнение: ключевая идея любечских соглашений заключалась в том, чтобы во имя единства князей перед лицом Степи исключить любые конфликты между ними и переделы границ их владений. А в сравнении с этой стратегической целью отторжение земель западного соседа виделось не столь уж плохим вариантом. Но как раз это было неприемлемо для союзника поляков Святополка.

Таким образом, Давыд Игоревич, следовавший в фарватере политики киевского князя, но не погнушавшийся захватить земли соседа и пролить его кровь, представлял злодеем и клятвопреступником, тогда как в пользу его жертвы, Василька Тербовольского, говорило не только соблюдение любечских соглашений, но и походы на «ляхов», тем паче что преподносились они в столь выгодном Владимиру Мономаху идеологическом ключе — как «мщение» за Русь. Иными словами, конфликт волынского и тербовольского князей предстает локальной проекцией противостояния двух политиков общерусского масштаба — формального верховного правителя страны и того, чьей бледной тенью он постепенно становился. При этом едва ли не главным камнем преткновения в обоих этих конфликтах — и локальном, и общерусском — оказывается именно польский фактор, хотя в сравнении с половецким он и кажется, на первый взгляд, не столь очевидным.

Итак, действия Василька Тербовольского против Польши в полной мере соответствовали политическому курсу Владимира Мономаха, и это как будто бы вписывается в традиционную историографическую схему фатального и неуклонного нарастания конфронтации между «ромейским» и «латинским» мирами: русский князь — внук византийского императора, носящий его родовое прозвище, борясь за политическую гегемонию, целенаправленно натравливает своих сателлитов на государство, являющееся форпостом «Запада». Тем не менее обращение к конкретным фактам свидетельствует о прямо противоположной тенденции: на всем протяжении политической карьеры Владимира Мономаха его курс был не столько «про-», сколько «антивизантийским», а враждебность к Польше вовсе не мешала ему искать в «латинской» Европе союзников и усваивать западный политический опыт, применимый в русских условиях. Еще в 80-х годах прошлого века Б. А. Рыбаковым и А. Н. Сахаровым [Рыбаков, 1982; Сахаров, 2014] было обращено внимание на сходство организации и символики общерусской кампании против половцев 1111 года и крестовых походов. Позже А. Б. Головко распространил это наблюдение и на все походы в Степь, предпринятые после Любечского съезда [Головко, 2006, с. 318]. Обширная источниковая и фактологическая база была подведена под эти наблюдения исследованиями А. В. Назаренко и других историков [Малето, 1993; Мамин, 2000; Назаренко, 2001], показавших широкую панораму контактов Руси с Западной Европой и Святой Землей в эпоху крестовых походов.

Обращение к программным текстам той эпохи — как древнерусским, так и западноевропейским — обнаруживает очевидные созвучия в восприятии и осмыслении их авторами политической ситуации. Как на Руси, так и на Западе политики и книжники обосновывали внешнеполитическую стратегию религиозными мотивами, но при этом теснейшим образом увязывали ее с внутренними проблемами. Хронист I крестового похода (1096—1099) Фульхерий Шартрский вкладывает в уста папы Урбана II восклицание: «О, какой позор, если бы столь отвратительное племя, служащее дьявольским силам, одолело бы народ, проникнутый верою во всемогущество божье и блистающий племенем Христовым» [Фульхерий Шартрский, 1977, с. 49], а Роберт Реймский так передает слова папы, обращенные к немецким рыцарям: «Пусть же прекратится меж вами ненависть, пусть смолкнет вражда, утихнут войны и уснут всяческие распри и раздоры. Становитесь на стезю святого гроба, исторгните землю эту у нечестивого народа» [Роберт Реймский, 1977, с. 52]. Насколько содержание и тональность этих призывов созвучны осуждению княжеских усобиц в древнерусских произведениях того же времени, и сколь сходно в них выражение идеи религиозного противостояния! Убежденность в греховности распри и богоугодности войны с «поганами» присутствует во всех произведениях, инициированных или написанных Владимиром Мономахом, а в летописной статье 1111 года идея провиденциального значения борьбы со Степью и непосредственного вмешательства в нее высших сил достигает апогея: «И падаху Половци предъ полкомъ Володимировомъ, невидимо бѣми ангѣлмъ, ѡако се видаху мнози члѣвци, и главы летаху невидимо стицаемы на землю» [ПСРЛ, т. 2, стб. 267—268].

Таким образом, в доктрине Владимира Мономаха четко просматриваются два взаимосвязанных вектора: в военно-политическом плане она нацелена на восток, тогда как в идейном — на запад. Более того, религиозный фактор здесь является едва ли не доминирующим, но отнюдь не в том смысле, в каком это традиционно представлено в историографии: он проявляется не в настороженности или враждебности к «латинской» Европе, а наоборот — в солидарности с ней в общехристианском деле борьбы с иноверцами. Однако каким образом соотносится с такой направленностью восприятие Польши — неотъемлемой части «латинской» Европы?

Пожалуй, нет никаких оснований говорить о едином политическом курсе Киевской Руси по отношению к Польше. По сути, речь может идти о двух стратегиях — великого князя киевского Святополка Изяславича (*de jure* — носителя верховной власти в стране) и Владимира Мономаха, *de facto* — общерусского военно-политического лидера, уже в силу этого обстоятельства являвшегося соперником Святополка. Ни тот, ни другой не сомневались в важности восточного направления внешней политики, но средства достижения этой цели и ее соотнесение с западным вектором они видели по-разному. Святополку в наследство от отца достались союзнические отношения с Польшей, и это ему виделось залогом спокойствия на западных границах в перспективе тяжелой борьбы на противоположном фронте. Соответственно, он готов был жестко действовать в отношении тех князей, которые провоцировали конфликты с Польшей. У Владимира Мономаха были иные приоритеты. Стремясь во имя консолидации князей для борьбы со Степью пресечь

усобицы, он не считал столь уж большим злом, если кто-то из них попытается расширить свои владения за счет Польши — лишь бы не нарушались любечские договоренности. Более того, подобное развитие событий сулило Владимиру Всеволодовичу свободу рук на половецком направлении, отвлекая Святополка на улаживание конфликтов, провоцируемых изгоями. Таким образом, объективно Владимиру была выгодна ситуация «управляемого хаоса» на западных границах, чем и объясняется его на первый взгляд не вполне последовательная политика в отношении князей-изгоев. Так, например, на съезде 1099 года. В Уветичах вслед за вполне ожидаемым наказанием Давыда Игоревича было решено, что Василько должен покинуть стол в Теремове. Очевидно, это была своего рода ритуальная уступка Святополку, демонстрирующая готовность Владимира Мономаха и к компромиссам. Тем не менее, когда Василько отказался подчиниться этому решению, никаких карательных санкций не последовало. Таким образом, Владимир, дистанцируясь от действий теремовского князя, одновременно сохранял главный дестабилизирующий фактор в русско-польском пограничье.

3. «Так будут последние первыми, и первые последними...» (1113—1139)

«Зарождение имперской идеи восходит к Киевской Руси» [Настасе, 1997, с. 260] — такого мнения придерживаются многие современные исследователи. При этом пик имперских амбиций неизменно связывают с именем Ярослава Мудрого, действия которого «определялись имперской идеей преемственности-вызова по отношению к Византии» [Свердлов, 2013, с. 20]. Свое наиболее полное выражение эта идея нашла в «Слове о Законе и Благодати» Илариона Киевского, представляющего развернутое истолкование применительно к Руси евангельской заповеди (Мф. 20, 16), вынесенной в заглавие данного параграфа. Историческую молодость Киевской державы Иларион представил как главное ее преимущество и оправдание «преемственности-вызова» по отношению к «старым народам», под коими размышлялась империя ромеев.

Владимир Мономах часто вдохновлялся примером Ярослава и подчеркивал свою особую связь с ним. В первой же фразе «Поучения» он заявляет, что наречен был «дѣдомъ своимъ Ярославомъ бл҃гослѣннымъ славнымъ» [ПСРЛ, т. 1, стб. 240]. Равнение на этот пример обнаруживается и в амбициозной внешней политике Владимира Всеволодовича, особенно — в ее антивизантийской направленности, и во внутриполитическом курсе на искоренение усобиц. Однако Владимир умел мастерски обыгрывать не только явные параллели, но и аллюзии. Ярчайший тому пример — придание почитанию святых Бориса и Глеба значения официального государственного культа, что должно было напоминать современникам — наряду с осуждением братоубийства — об одноименности виновника гибели князей-мучеников и предшественника Владимира Всеволодовича на киевском столе. Точно так же равнение на имперскую идеологию Ярослава, выраженную в «Слове» Илариона, должно было неминуемо актуализировать запечатленное в ней самосознание «работников одиннадцатого часа» [Топоров, 1995, с. 261], что косвенно указывало и на Владимира Мономаха, по сути оправдывая его: ведь Владимира

Всеволодовича, занявшего великокняжеский престол вопреки «очередному порядку», также можно было отнести, в духе той же евангельской притчи, к «незванным, но призванным».

Этот же идейный контекст — имперский по своей сути — важен для понимания и всех прочих векторов политики Владимира Мономаха, в том числе и польского. После его вокняжения на киевском столе отношения с западным соседом поддерживались через волынского князя Ярослава, сына Святополка, женатого на сестре Болеслава III Кривоустого. В известном смысле это можно считать отголоском предшествующей политической ситуации. Но в 1117 году Владимир, проводя политику закрепления ключевых политических центров за своими сыновьями, смещает Ярослава Святополчича с волынского стола [Абуков, 2016, с. 10—11], и тот, как и следовало ожидать, «бѣжа из Володимера в Лахъ» [ПСРЛ, т. 1, стб. 292]. Впоследствии Ярослав попытался при помощи поляков вернуть себе отнятое княжество [ПСРЛ, т. 2, стб. 286]. В ответ в 1120 году Владимир Мономах отправил своего сына Андрея в поход на Польшу [ПСРЛ, т. 2, стб. 286]. Следующий виток конфронтации приходится на 1122 год, когда Петр Власт по заданию Болеслава III похитил перемышльского князя Володаря Ростиславича («аша Лахове Володаря Василкова брата» [ПСРЛ, т. 1, стб. 292]).

Указанные обстоятельства, позволили исследователям сделать вывод о пятилетнем (1118—1123 годы) конфликте между Киевом и Краковом. В. Т. Пашуто объяснял причину этих разногласий тем, что Владимир Мономах состоял в союзе с Кнудом Лавардом, сыном датского короля и герцогом Шлезвига, враждебным Польше [Пашуто, 2019, с. 168]. Начиная с В. Н. Татищева в историографии бытует тезис об эскалации конфликта между Владимиром Мономахом и Ярославом Святополчичем, поддерживаемым поляками [Татищев, 1963, с. 132]. В русле этой концепции А. В. Майоров справедливо указывает на ситуацию похищения Володаря Ростиславича поляками как на действия Польши, направленные против Владимира Всеволодовича. Условием его освобождения, по мнению исследователя, был отказ галицких князей от союза с Владимиром Всеволодовичем [Майоров, 2008, с. 78—96].

Ранее уже отмечалось, что в условиях фактического двоевластия Святополка Изяславича и Владимира Мономаха не существовало единого политического курса в отношении Польши, а были две конкурирующие стратегии — формального верховного правителя и фактического общерусского лидера. Но столь же справедливо обратное утверждение: не существовало и единой позиции Польши в отношении Руси: Болеслав III стремился сохранить союз с потомками Изяслава, что автоматически делало его противником Владимира Мономаха и Мономашичей. Кроме того, на западных рубежах врагами Болеслава были как раз те, в ком Владимир Всеволодович видел своих союзников. Главным конкурентом князя-принцепса внутри Польши был его сводный брат Збигнев, имевший поддержку со стороны Священной Римской империи, которую в силу данного обстоятельства Болеслав считал своим противником. Соответственно, в число врагов попадали и те западные соседи, которые были лояльны империи, в первую очередь — Дания, которая, помимо всего прочего, соперничала с Польшей за контроль над землями полабских славян.

Но именно на эти силы ориентировался Владимир Мономах в свое западной политике: проявляя интерес к опыту крестоносцев, он искал союза с империей, а с Данией Владимир Всеволодович был связан через свою жену Гиду, воспитанную при датском дворе. В этой связи показательна матримониальная политика Владимира и его фактического соправителя Мстислава. Старшая дочь последнего была еще в 1111 году выдана за норвежского короля Сигурда Крестоносца, причем, если верить современнику тех событий, английскому хронисту Ордерику Виталию, произошло это в Киеве, где Сигурд остановился по пути из Иерусалима [Литвина и др., 2006, с. 246—247]. Ее младшая сестра стала женой Кнута Лаварда — вассала императора Генриха V и непримиримого врага Болеслава III. Примечательно, что сын от этого брака был наречен в честь своего русского прадеда Вальдемаром.

Таким образом, на годы правления Владимира Мономаха и Мстислава Великого на Руси и Болеслава Кривоустого в Польше приходится период конфронтации между двумя странами, однако у этого противостояния не было ни религиозной, ни идеологической подоплеки. Она диктовалась исключительно ситуативными мотивами двух враждующих сторон — их пониманием *Realpolitik* и действием того непреложного закона политической логики, согласно которому «враг моего врага — мой друг», равно как и наоборот.

Источники и принятые сокращения

1. Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Галл Аноним. — Москва : Академия наук СССР, 1961. — 172 с.
2. ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. — Ленинград : Академия наук СССР, 1926—1928. — Т. 1. Лаврентьевская летопись. — 379 с.
3. ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — Т. 2. Ипатьевская летопись. — 648 с.
4. Роберт Реймский. Иерусалимская история // Заборов М. А. Крестовые походы в документах и материалах. — Москва : Высшая школа, 1977. — С. 50—54.
5. Фульхерий Шартрский. Иерусалимская история // Заборов М. А. Крестовые походы в документах и материалах. — Москва : Высшая школа, 1977. — С. 47—50.

Литература

1. Абуков С. Н. Брак Ярослава Святополчича с внучкой Владимира Мономаха и конфликт на Волыни в 1117—1123 годах / С. Н. Абуков // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2016. — № 3 (72). — С. 9—14.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — Москва : Прогресс, 1989. — 616 с.
3. Блок М. Апология истории, или ремесло историка / М. Блок. — Москва : Наука, 1986. — 256 с.
4. Водов В. А. Киевская Русь перед «греческим законом» и «римским законом» / В. А. Водов // Образование Древнерусского государства : спорные проблемы. — Москва : ИРИ РАН, 1992. — С. 13—15.
5. Головки А. Б. Славяне Восточной Европы и крестовые походы (XI — первая половина XIII в.) / А. Б. Головки // *Rossica antiqua* : исследования и материалы. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. — С. 314—330.

6. *Живов В. А.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси / В. А. Живов // Из истории русской культуры. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — Том 1. Древняя Русь. — С. 585—617.
7. *Ключевский В. О.* Курс русской истории / В. О. Ключевский. — В книге : *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 томах / В. О. Ключевский. — Москва : Мысль, 1987. — Том 1. — 430 с.
8. *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. / В. Д. Королюк. — Москва : Наука, 1964. — 383 с.
9. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005. — 560 с.
10. *Липатов А. В.* Российско-польская история : и общая, и разделенная / А. В. Липатов // Россия и Польша: история общая и разобщенная. — Москва : Аспект Пресс, 2015. — С. 78—93.
11. *Литвина А. Ф.* Выбор имен у русских князей в X—XVI вв. Династическая история через призму антропонимики / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. — Москва : Индрик, 2006. — 904 с.
12. *Майоров А. В.* Из истории внешней политики Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславича / А. В. Майоров // Древняя Русь: вопросы медиевистики. — 2008. — № 4 (34). — С. 78—96.
13. *Малето Е. В.* Русь между Востоком и Западом (история общественной мысли и культурных контактов XII—XV вв.): по материалам хождений : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. В. Малето. — Москва, 1993. — 17 с.
14. *Мамин В. А.* Русь и Запад / В. А. Мамин. — Калуга : Издательство Н. Бочкаревой, 2000. — 552 с.
15. *Маркс К.* Введение (из экономических рукописей 1857—1858 годов) / К. Маркс // Сочинения. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1958. — Том 12. — С. 709—738.
16. *Мелетинский Е.* Поэтика мифа / Е. Мелетинский. — Москва : Восточная литература РАН, 2000. — 407 с.
17. *Назаренко А. В.* «Слово на обновление десятинной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси / А. В. Назаренко. — Москва-Брюссель, 2013. — 224 с.
18. *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях / А. В. Назаренко. — Москва : Языки русской культуры, 2001. — 780 с.
19. *Настасе Д.* Заметки об имперской идее на Руси до 1453 г. / Д. Настасе // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. — Москва : ИРИ, 1997. — С. 252—265.
20. *Нора П.* Франция-память / П. Нора. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. — 325 с.
21. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси / В. Т. Пашуто. — Москва : Квадрига, 2019. — 496 с.
22. *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь и русские княжества XII—XIII вв. / Б. А. Рыбаков. — Москва : Наука, 1982. — 590 с.
23. *Сахаров А. Н.* Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века / А. Н. Сахаров // История внешней политики России: конец XV—XVII век. — Москва : Директ-Медиа, 2014. — 99 с.
24. *Свердлов М. Б.* Имперские амбиции раннесредневековых государств (Польша и Русь в X—XI вв.) / М. Б. Свердлов // Международный журнал исследований культуры. — 2013. — № 2 (11). — С. 16—20.

25. *Татищев В. Н.* История Российская / В. Н. Татищев. — Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1963. — Том 2. — 354 с.
26. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре / В. Н. Топоров. — Москва : Гнозис, 1995. — Том 1. — 874 с.
27. *Флоря Б. Н.* Исследования по истории церкви: древнерусское и славянское средневековье / Б. Н. Флоря. — Москва : Православная энциклопедия, 2007. — 528 с.
28. *Цуранович А.* Тяжелое бремя «синдрома измены» : фактор восприятия в польско-российских отношениях после 1991 г. / А. Цуранович // Россия и Польша. История общая и разобщенная. — Москва : Аспект Пресс, 2015. — С. 331—350.
29. *Щавелев А. С.* «Долгий XII век» Древней Руси / А. С. Щавелев // История. — 2012. — № 2 (10). — С. 10—11.
30. *Якунин В. И.* Российско-польские отношения в треугольнике : история, политика, наука / В. И. Якунин // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. — 2011. — С. 67—77.
31. *McNeill W. H.* Mythistory, or Truth, Myth, History, and Historians / W. H. McNeill // The American Historical Review. — 1986. — Vol. 91, № 1. — P. 1—10.
32. *Medlin W. K.* Moscow and East Rome. A Political Study of Church and State in Muscovite Russia / W. K. Medlin. — Genève : E. Droz, 1952. — 252 p.
33. *Pollard A. F.* Historical Criticism / A. F. Pollard // History. The Journal of the Historical Association. — 1920. — Vol. 5, Issue 17 (April). — P. 21—29.
34. *Raffensperger C.* Reimagining Europe : Kievan Rus' in the Medieval World / C. Raffensperger. — Cambridge, Mas., London : Harvard University Studies, — 2012. — 329 p.
35. *Raffensperger C.* The Kingdom of Rus' / C. Raffensperger. — Amsterdam : ARC humanities press, 2017. — 92 p.
36. *Toynbee A. J.* Russia's Byzantine Heritage / A. J. Toynbee // Civilization on Trial. — New York : Oxford University Press, 1953. — P. 164—183.
37. *Zakrzewski S.* Boleslaw Chrobry-Wielki / S. Zakrzewski. — Lwow: Zaklad Narodowej umienia Ossolinskich, 1925. — 439 s.

POLISH VECTOR IN POLITICS OF VLADIMIR MONOMAKH AND HIS HEIRS: FROM THE LYUBECH CONGRESS TO THE “PEREYASLAVL CRISIS”¹

© **Andrey V. Korenevskiy (2020)**, orcid.org/0000-0002-0617-121X, PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), koren@sfedu.ru.

© **Natalia D. Nikolaeva (2020)**, orcid.org/0000-0002-0841-3294, postgraduate student, Institute of History and International Relations, assistant, Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), natp@sfedu.ru.

The question of the system of Russian-Polish interaction during the period of temporary stabilization of political relations in Russia - from the Lyubech Congress (1097) to the end of the Kiev reign of Mstislav the Great (1125-1132) is considered in the article. The authors show that the 12th century is presented in historiography as a time of gradual growth of contradictions between two Christian civilizations, as a transitional period between the Great Schism of 1054 and the IV Crusade (1202-1204). An attempt is made to consider the relationship between Russia and Poland of the indicated period outside the teleological approach. The authors provide evidence that the thesis of the religious

1 The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 19-39-90057

factor as decisive in Russian-Polish relations does not correspond to the political realities of the 10–30s of the XII century. It is shown that it was the ideological orientation of Vladimir Monomakh towards the crusading movement and the Holy Roman Empire that made it impossible for allied relations between Kiev and Krakow in the first quarter of the 12th century. It has been proved that there was no single policy of Rus towards Poland; the actions of the two sides were situational. The authors come to the conclusion that in Russia and Poland, competing political groups sought to implement their own strategies in relation to the neighboring state.

Key words: Rus; Poland; XII century; Vladimir Monomakh; Western Christianity; Latin Europe; imperial idea; crusading movement.

MATERIAL RESOURCES

- Fulkheriy Shartskiy. Ierusalimskaya istoriya [Fulcherius of Chartres. Jerusalem story]. (1977). In: Zaborov, M. A. *Krestovyye pokhody v dokumentakh i materialakh* [Crusades in documents and materials]. Moskva: Vysshaya shkola. 47—50. (In Russ.).
- Gall Anonim. (1961). *Khronika i deyaniya knyazey ili praviteley polskikh* [Chronicle and deeds of princes or rulers of Poland]. Moskva: Akademiya nauk SSSR. 172 p. (In Russ.).
- PSRL — *Polnoye sobraniye russkikh letopisey, 1. Lavrentevskaya letopis'* [Complete collection of Russian chronicles, 1. Laurentian Chronicle]. (1926—1928). Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 379 p. (In Russ.).
- PSRL — *Polnoye sobraniye russkikh letopisey, 2. Ipatevskaya letopis'* [Complete collection of Russian chronicles, 2. The Ipatiev Chronicle]. (1998). Moskva: Yazyki russkoy kultury. 648 p. (In Russ.).
- Robert Reymyskiy. Ierusalimskaya istoriya [Robert Reimsky. Jerusalem story]. (1977). In: Zaborov, M. A. *Krestovyye pokhody v dokumentakh i materialakh* [Zaborov M. A. Crusades in documents and materials]. Moskva: Vysshaya shkola. 50—54. (In Russ.).

REFERENCES

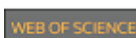
- Abukov, S. N. (2016). Brak Yaroslava Svyatopolchicha s vnuchkoy Vladimira Monomakha i konflikt na Volyni v 1117—1123 godakh [The marriage of Yaroslav Svyatopolchich with the granddaughter of Vladimir Monomakh and the conflict in Volyn in 1117—1123]. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki* [Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences], 3 (72): 9—14. (In Russ.).
- Bart, R. (1989). *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moskva: Progress. 616 p. (In Russ.).
- Blok, M. (1986). *Apologiya istorii, ili remeslo istorika* [Apology of history, or the craft of the historian]. Moskva: Nauka. 256 p. (In Russ.).
- Florya, B. N. (2007). *Issledovaniya po istorii tserkvi: drevnerusskoye i slavyanskoye srednevekovye* [Research in Church History: Old Russian and Slavic Middle Ages]. Moskva: Pravoslavnyaya entsiklopediya. 528 p. (In Russ.).
- Golovko, A. B. (2006). Slavyane Vostochnoy Evropy i krestovyye pokhody (XI — pervaya polovina XIII v.) [Slavs of Eastern Europe and the Crusades (XI — first half of the XIII century)]. In: *Rossica antiqua: issledovaniya i materialy* [Rossica antiqua: research and materials]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 314—330. (In Russ.).
- Klyuchevskiy, V. O. (1987). Kurs russkoy istorii [Russian history course]. In: Klyuchevskiy, V. O. *Sochineniya* [Essays], 9/1. Moskva: Mysl'. 430 p. (In Russ.).
- Korolyuk, V. D. (1964). *Zapadnyye slavyane i Kievskaya Rus' v X—XI vv.* [Western Slavs and Kievan Rus in the X—XI centuries]. Moskva: Nauka. 383 p. (In Russ.).

- Le Goff, Zh. (2005). *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [The civilization of the medieval West]. Ekaterinburg: U-Faktoriya. 560 p. (In Russ.).
- Lipatov, A. V. (2015). Rossiysko-polskaya istoriya: i obshchaya, i razdelenennaya [Russian-Polish history: both common and divided]. In: *Rossiia i Polsha: istoriya obshchaya i razobshchennaya* [Russia and Poland: a common and divided history]. Moskva: Aspekt Press. 78—93. (In Russ.).
- Litvina, A. F., Uspenskiy, F. B. (2006). *Výbor imen u russkikh knyazey v X—XVI vv. Dinasticheskaya istoriya cherez prizmu antroponomiki* [The choice of names among Russian princes in the X—XVI centuries. Dynastic history through the prism of anthroponymy]. Moskva: Indrik. 904 p. (In Russ.).
- Maleto, E. V. (1993). *Rus' mezhu Vostokom i Zapadom (istoriya obshchestvennoy mysli i kulturnykh kontaktov XII—XV vv.): po materialam khozhdeniy*: author's abstract of PhD Diss. [Russia between East and West (history of social thought and cultural contacts of the 12th—15th centuries): based on materials of walks. author's abstract of PhD Diss.]. Moskva. 17 p. (In Russ.).
- Mamin, V. A. (2000). *Rus' i Zapad* [Russia and the West]. Kaluga: Izdatelstvo N. Bochkarevoy. 552 p. (In Russ.).
- Marks, K. (1958). Vvedeniye (iz ekonomicheskikh rukopisey 1857—1858 godov) [Introduction (from Economic Manuscripts 1857—1858)]. In: *Sochineniya* [Essays], 12. Moskva: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury. 709—738. (In Russ.).
- Mayorov, A. V. (2008). Iz istorii vneshney politiki Galitsko-Volynskoy Rusi vremen Romana Mstislavich [From the history of foreign policy of Galicia-Volyn Rus during the time of Roman Mstislavich]. *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki* [Ancient Russia: Issues of Medieval Studies], 4 (34): 78—96. (In Russ.).
- McNeill, W. H. (1986). Mythistory, or Truth, Myth, History, and Historians. *The American Historical Review*, 91/1: 1—10.
- Medlin, W. K. (1952.). *Moscow and East Rome. A Political Study of Church and State in Muscovite Russia*. Genève: E. Droz. 252 p.
- Meletinskiy, E. (2000). *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moskva: Vostochnaya literatura RAN. 407 p. (In Russ.).
- Nastase, D. (1997). Zametki ob imperskoy idee na Rusi do 1453 g. [Notes on the imperial idea in Russia before 1453]. In: *Rim, Konstantinopol, Moskva: sravnitel'no-istoricheskoye issledovaniye tsentrov ideologii i kul'tury do XVII v.* [Rome, Constantinople, Moscow: a comparative historical study of the centers of ideology and culture before the 17th century]. Moskva: IRI. 252—265. (In Russ.).
- Nazarenko, A. V. (2001). *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh* [Ancient Russia on international routes]. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury. 780 p. (In Russ.).
- Nazarenko, A. V. (2013). «Slovo na obnoveniye desyatinnoy tserkvi», ili k istorii pochitaniya svyatel'ya Klimenta Rimskogo v Drevney Rusi [«A word on the renewal of the tithe church», or to the history of the veneration of St. Clement of Rome in Ancient Russia]. Moskva-Bryussel. 224 p. (In Russ.).
- Nora, P. (1999). *Frantsiya-pamyat'* [France-memory]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 325 p. (In Russ.).
- Pashuto, V. T. (2019). *Vneshnyaya politika Drevney Rusi* [Foreign policy of Ancient Russia]. Moskva: Kvadriga. 496 p. (In Russ.).
- Pollard, A. F. (1920). Historical Criticism. *History: The Journal of the Historical Association*, 5/17 (April): 21—29.
- Raffensperger, C. (2012). *Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World*. Cambridge, Mas., London: Harvard University Studies. 329 p.

- Raffensperger, C. (2017). *The Kingdom of Rus'*. Amsterdam: ARC humanities press. 92 p.
- Rybakov, B. A. (1982). *Drevnyaya Rus' i russkiye knyazhestva XII—XIII vv.* [Ancient Russia and Russian principalities of the XII—XIII centuries]. Moskva: Nauka. 590 p. (In Russ.).
- Sakharov, A. N. (2014). Osnovnyye etapy vneshney politiki Rusi s drevneyshikh vremen do XV veka [The main stages of the foreign policy of Russia from ancient times to the 15th century]. In: *Istoriya vneshney politiki Rossii: konets XV—XVII vek* [History of Russian foreign policy: late 15th—17th century]. Moskva: Direkt-Media. 99 p. (In Russ.).
- Shchavelev, A. S. (2012). «Dolgiy XII vek» Drevney Rusi [«Long XII century» of Ancient Russia]. *Istoriya* [History], 2 (10): 10—11. (In Russ.).
- Sverdlov, M. B. (2013). Imperskiye ambitsii rannesrednevekovykh gosudarstv (Polsha i Rus' v X—XI vv.) [Imperial ambitions of early medieval states (Poland and Russia in the X-XI centuries)]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kultury* [International Journal of Cultural Research], 2 (11): 16—20. (In Russ.).
- Tatishchev, V. N. (1963). *Istoriya Rossiyskaya* [Russian history], 2. Moskva-Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 354 p. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995). *Svyatost' i svyatyye v russkoy dukhovnoy kulture* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture]. Moskva: Gnozis. 874 p. (In Russ.).
- Toynbee, A. J. (1953). Russia's Byzantine Heritage. In: *Civilization on Trial*. New York: Oxford University Press. 164—183.
- Tsuranovich, A. (2015). Tyazheloye bremya «sindroma izmeny»: faktor vospriyatiya v polsko-rossiyskikh otnosheniyakh posle 1991 g. [The Heavy Burden of Cheating Syndrome: A Perceptual Factor in Polish-Russian Relations After 1991]. In: *Rossiya i Polsha. Istoriya obshchaya i razobshchennaya* [Russia and Poland. The story is shared and divided]. Moskva: Aspekt Press. 331—350. (In Russ.).
- Vodov, V. A. (1992). Kievskaya Rus' perez «grecheskim zakonom» i «rimskim zakonom» [Kievan Rus before the «Greek law» and «Roman law»]. In: *Obrazovaniye Drevnerusskogo gosudarstva: spornyye problem* [The formation of the Old Russian state: controversial issues]. Moskva: IRI RAN. 13—15. (In Russ.).
- Yakunin, V. I. (2011). Rossiysko-polskiye otnosheniya v treugolnike: istoriya, politika, nauka [Russian-Polish relations in a triangle: history, politics, science]. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [The contours of global transformations: politics, economics, law], 6: 67—77. (In Russ.).
- Zakrzewski, S. (1925). *Boleslaw Chrobry-Wielki*. Lwow: Zaklad Narodowey umienia Ossolinskich. 439 s. (In Pol.).
- Zhivov, V. A. (2000). Osobennosti retseptsii vizantiyskoy kultury v Drevney Rusi [Features of the reception of Byzantine culture in Ancient Russia]. In: *Iz istorii russkoy kultury, I. Drevnyaya Rus'*. [From the history of Russian culture]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 585—617. (In Russ.).

Морозов В. М. «Правый поворот» в политической жизни Израиля (1965—1977 гг.) / В. М. Морозов, С. В. Мельникова // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 353—367. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-353-367.

Morozov, V. M., Melnikova, S. V. (2020). “Right Turn” in Israeli Political Life (1965—1977). *Nauchnyi dialog*, 10: 353-367. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-353-367. (In Russ.).

УДК 94(569.4)“1965/1977”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-353-367

«ПРАВЫЙ ПОВОРОТ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ИЗРАИЛЯ (1965—1977 гг.)

© Морозов Владимир Михайлович (2020), orcid.org/0000-0003-2429-9150, кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатии, проректор по кадровой политике, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия), morozov@inno.mgimo.ru.

© Мельникова Софья Владимировна (2020), orcid.org/0000-0001-5797-041X, аспирант кафедры дипломатии, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия), sophiazavodnik@gmail.com.

Рассматриваются вопросы, связанные с событиями, произошедшими в израильской политической жизни в 60—70-е годы XX века, которые вошли в историю под названием «правый поворот», когда на смену лидирующим с 1949 года левым партиям пришли правые. Показано, как с их приходом к власти изменились внешне- и внутривнутриполитические подходы, в рамках которых на первый план стали выходить идеи сионизма-ревизионизма. Авторы анализируют причины окончания эпохи лидерства левых партий в израильской политике, сущность «правого поворота» и его последствия. Особое внимание уделяется деятельности таких сил, как МАПАИ и Ликуд, которая в значительной мере формировала политический ландшафт государства начиная со второй половины 1960-х годов. Подчеркивается, что данная проблематика актуальна с точки зрения анализа более поздних событий и, в частности, кризиса 2019—2020 годов во время формирования правительства Израиля, а также активизации его политики на палестинском направлении. Доказано, что некоторые ключевые факторы, до сих пор определяющие внутреннюю политическую и социальную атмосферу в стране и регионе, появились именно на рассмотренном историческом этапе.

Ключевые слова: политическая система Израиля; палестино-израильский конфликт; Ликуд; МАПАИ; правый поворот.

1. Введение

Борьба еврейского народа за право иметь свое государство предопределила особенности современной израильской политической системы и общества. По большому счету, Израиль был создан партиями, и вся его политическая история — это история борьбы партий и подходов к определению места и роли еврейского народа в мире. Её можно условно разделить на четыре этапа: 1) 1949—1965 годы — лидерство левых партий; 2) 1977—1984 — конкуренция левых и правых партий; 3) 1984 по 1990 — период формирования правительств национального единства из-за равенства сил двух блоков; 4) 2003 год — н. вр. — лидерство правых партий [Ханин, 2014, с. 20]. В данной работе рассматривается период окончания первого этапа

и начало второго, когда успех лейбористской партии МАПАЙ постепенно сошёл на нет после многих лет её политического лидерства. Левые партии стали терять голоса, ревизионизм-сионизм затмил социалистический сионизм, и правые партии встали у руля израильской политической машины. В статье изучается вопрос, что послужило причиной этих изменений, как и в какой степени они повлияли на становление современного израильского общества и его политической системы.

Актуальность данного исследования определяется рядом причин. Во-первых, политический кризис, в котором пребывала израильская политика с 2019 по 2020 годы во время формирования правительства, лишний раз продемонстрировал необходимость изучения истории становления партийной системы в Израиле, если не с целью предупреждения подобных кризисов в будущем, то, как минимум, с целью лучшего понимания их сущности. Во-вторых, с одной стороны, сегодня наблюдается активизация деятельности Израиля на палестинском направлении (планы по аннексии территорий Западного берега реки Иордан в рамках сделки века президента США Дональда Трампа), а с другой — падение международного интереса к палестинской проблеме и, как следствие, ухудшение положения палестинского населения и его дальнейшая радикализация. Такое положение дел определяется во многом внутренней политической и социальной атмосферой в Израиле, поэтому изучение факторов, повлиявших на её формирование, представляется сегодня действительно актуальным. Целью работы является изучение «правого поворота» в израильской партийной системе, происходившего с 1965 по 1977 годы, его причин и влияния на становление современной политической системы Израиля и израильского общества. В первой части статьи приводится исторический обзор функционирования израильской партийной системы с 1949 по 1977 годы, в частности, выборов в Кнессет с 1-го по 11-ый созывы. Во второй части устанавливаются причины смены партии-лидера в Израиле, а в третьей — степень влияния «правого поворота» на формирование израильской политической системы и общества, а также его направления. В качестве метода исследования используется исторический анализ.

Гипотезой служит утверждение, что современное израильское общество и его политическая система во многом являются результатом серьезных политических изменений, произошедших в Израиле в 1970-х годах и «правого поворота» в том числе.

В зарубежной литературе вопросы истории израильского парламентаризма, а также история становления израильской политической системы и общества активно изучаются. Чрезвычайно интересны работы, посвященные истории правых партий и их укреплению на «олимпе» израильской политики [Spencer, 2018], в частности, истории партии «Ликуд» [Goldstein, 2018], анализу общественного мнения внутри Израиля и его внешней политике, особенно на палестинском направлении, как двух взаимообуславливающих факторов [Greene, 2015], изучению влияния сионизма и Шестидневной войны на современный Израиль [Sagi, 2018]. В 2018 году исследовательский центр при Гарвардском университете выпустил крупную монографию «Понять Израиль. Политические и социальные проблемы» [Understanding Israel ..., 2018], в которой представлен западный взгляд на историю и современное состояние израильского парламентаризма, демократии и общества. Данная работа

стала базой этого исследования, однако опора на отечественную школу изучения истории международных отношений позволила прийти к несколько иным результатам, нежели представлены в указанной монографии. На протяжении последних десяти лет в отечественной науке активно ставились вопросы политической истории Израиля [Звягельская, 2012], его партийной системы [Карасова, 2019] и формирования израильской государственности и парламентаризма [Воробьев и др., 2010]. Работы, посвященные изучению политических дебатов и предвыборных кампаний израильских политиков [Корнилов, 2014], роли религиозного фактора в формировании политики и общества [Крылов, 2019], электоральному процессу [Ханин, 2014], истории, экономике и политике Палестины [Крылов и др., 2018], создают обширнейшую базу для последующих исследований, в частности, для изучения сущности актуальных событий в израильской политике и обществе через историческую призму.

2. Исторический анализ событий 1949—1977 годов

Израильская политика представляет собой уникальное явление и имеет не менее уникальную историю развития. Партийная система Израиля классически рассматривается как сформированная двумя видами партий, левыми и правыми, которые вышли из основных сионистских идеологических течений. Противостояние социалистического сионизма и сионизма-ревизионизма, соответственно, идей Д. Бен-Гуриона и З. Жаботинского на долгие годы определило политическую развилку в Израиле. Классическое разделение израильских партий на правые и левые обусловлено их разными взглядами на широкий круг вопросов: от проблем безопасности до экономики и религии. В самых общих чертах сионисты делали упор на развитие социальной и экономической сфер как способ освоения земли Израиля, а ревизионисты считали необходимым вести проактивную внешнюю политику для обеспечения создания «национального еврейского государства», превратив Палестину в «самоуправляющееся государство под эгидой еврейского большинства» [Jabotinsky, 1999]. Особую важность представляли именно вопросы безопасности, войны и мира, статуса оккупированных территорий, Иерусалима и другие проблемы, обострившиеся после Шестидневной войны 1967 года. Левые традиционно поддерживают принцип «земля в обмен на мир», а правые — «мир в обмен на мир». Таким образом, смена правящих партий в данном контексте приравнивается к смене подхода в решении палестинского вопроса, поэтому при составлении исторического обзора важно указать позиции партий именно по палестинскому вопросу, что и будет сделано далее.

Израильские партии существовали еще до самого Израиля — они создали его, а в большей степени «Рабочая партия Израиля», чьи основатели превратились в отцов-основателей всего государства. Так, на протяжении первых 15 лет существования государства Израиль левые партии занимали лидирующие позиции в израильской политике. В 1949 году были проведены первые выборы в Кнессет. Тогда с серьезным перевесом победила левоцентристская партия Д. Бен-Гуриона МАПАЙ («Партия рабочих Земли Израильской»), что положило начало стабиль-

ному формированию «левого» Кнессета. Левое движение представляло собой квинтэссенцию практического сионизма. Идейная, но в то же время прагматичная лейбористская партия воплощала в себе образ «молодого Израиля». Во внешней политике МАПАЙ придерживалась довольно прагматического подхода и, лишённая острой идеологическо-религиозной повестки, смотрела на палестинскую проблему как на площадку для маневра в более масштабном арабо-израильском противостоянии. Другими словами, уже после Шестидневной войны в МАПАЙ установилось мнение, что оккупированные территории можно выгодно использовать для заключения мира с арабскими странами. Здесь же находятся истоки «левого» подхода к решению палестинской проблемы, гибкого и не исключающего ни территориальных уступок, ни создания Палестинского государства. Такой подход господствовал в Кнессете и в израильском правительстве вплоть до начала 1970-х годов [Карасова, 2015, с. 163]. МАПАЙ располагалась условно посередине между агрессивно настроенными представителями партии Ахдут ха-Авода, ратовавшими за неделимость земли Израильской, и сторонниками совсем либеральной в этом вопросе партии «МАПАМ», настаивавшими на быстром поиске путей к заключению мира [Нойбергер, 1997, с. 53]. Это обстоятельство на долгие годы обеспечило политическое превосходство МАПАЙ, так как её оппоненты, расположенные слева и справа просто не могли объединиться и выступить единым фронтом.

С конца 60-х годов в Израиле развернулась острая политическая борьба между левыми и правыми партиями, которая четко просматривается в распределении голосов избирателей в тот период. Среднее количество мандатов, которые получает победившая партия, падает до 36, что демонстрирует более серьезную партийную конкуренцию и отсутствие гомогенности в обществе. До выборов 1965 года «Партия рабочих Земли Израильской», или МАПАЙ, уверенно побеждала, получая в среднем 44 мандата [Кнессет седьмого ...]. Такое большое число мандатов позволяет победившей партии создать правительство, не прибегая к вступлению в коалиции, что, как показывает анализ, будет невозможно в израильской политической гонке спустя 10—15 лет. В 1965 году МАПАЙ в выборах уже не могла победить в одиночку и была вынуждена сформировать избирательный блок с партией «Ахдут ха-Авода» и партией «Рафи», который получил название «Объединение рабочих Израиля», или «Ха-Маарах». Маарах провел в Кнессет седьмого созыва 56 депутатов, став самой большой парламентской фракцией и возглавив правительство коалиции [Там же].

Дрогнувший авторитет МАПАЙ автоматически укрепил позиции правых партий, в частности, правого политического течения «Херут». Идеологическая платформа Херута основывалась на идеях З. Жаботинского и, по сути, сводилась к созданию еврейского государства на всей исторической территории «земли израильской». Отсутствующая в левых партиях яркая, местами агрессивная идеологическая направленность правых партий предопределила отсутствие гибкости и невозможность уступок в палестинском вопросе. Если, в 50-60-х годах Херут еще не имел достаточного политического веса, чтобы в полной мере обеспечивать имплементацию своего внешнеполитического подхода, оставаясь первые 20 лет свое-

го существования оппозиционной партией, то теперь ситуация начала меняться. По результатам опросов, проведенных в 1962 году среди совершеннолетних жителей городов, только 18,5 % израильтян считали себя сторонниками правых партий, в то время как левые партии поддерживало около 32,1 %. Аналогичный опрос, проведенный уже в 1985 году, показал совсем другие результаты: около 42,4 % опрошенных заявили о своей поддержке правых партий [Shindler, 2015, с. 114].

На парламентских выборах 1973 года Маарах получил 51 депутатский мандат и вновь сформировал левое правительство. Выборы в Кнессет восьмого созыва, которые прошли в 1973 году, стали последними в череде побед левых партий. Тогда Маарах в последний раз уверенно обошел Ликуд, получив 51 мандат против 39. Однако это был момент, когда Ликуд уверенно заявил о себе на политической арене [Кнессет восьмого ...].

Блок Ликуд появился в 1973 году вследствие расширения состава участников блока «Гахал», в состав которого входили движение «Херут», а также Либеральная партия [Нойбергер, 1997, с. 107]. Вместе с Ликудом на политической арене Израиля появляется достаточно радикальный правый подход к решению палестинского вопроса. Позиция Ликуда перед выборами 1973 года по вопросу оккупированных территорий отчетливо прослеживается в его предвыборной платформе:

«Право еврейского народа на Эрец-Исраэль неоспоримо и тесно переплетается с правом на мир и безопасность, к которым обращены его стремления. Любое предложение, ведущее к новому разделу западной Эрец-Исраэль, должно быть отвергнуто; суверенитет государства следует распространить — в том числе и правовым путем — на освобождение страны. <...> Широкомасштабное заселение евреями секторов Самарии и Газы, Голанских высот и Синай имеет первостепенное значение» [предвыборная платформа Ликуда 1973 года] [Там же].

Таким образом, мы видим кардинально противоположную Маарах точку зрения. Здесь проявляется серьезное влияние сионистского ревизионизма и, по сути, обоснование необходимости обладания Израилем всей его исторической территорией для обеспечения своего выживания. Надо сказать, что «ястребы» израильской политики неоднородны: можно выделить как минимум два направления: идеологическое (например, к нему относятся политики, которые делают упор на религиозные или национально-исторические аргументы) и прагматическое (политики, которые делают упор на политические аспекты или аспекты безопасности). Ликуд — это скорее представители практической концепции, однако активно использующие идеологическую риторику с целью привлечения электората. В общем, для них была характерна серьезная подозрительность по отношению к арабскому миру и убежденность в том, что только силой можно обеспечить безопасность Израиля.

На выборах в Кнессет 9-го созыва в 1977 году впервые в истории Израиля правая партия одержала победу. Ликуд получил 43 мандата — на 9 больше, чем потерпевшая поражение партия Маарах [Кнессет девятого ...]. Лидерство Ликуда продолжалось с 1977 года по 1984, а также с 1990 по 1992 годы. Лишь в 1992 году «Партии труда» («Авода») удалось вновь одержать победу на выборах и сформировать правительство во главе с И. Рабином.

3. Причины и последствия «правого поворота» в политической системе Израиля

Так, в 70-е годы происходит смена партии-лидера, а также и смена основных внутри- и внешнеполитических курсов, в частности и по палестинскому вопросу. Левые политики теряли политический вес и электоральный потенциал, поэтому им приходилось сдавать свои позиции в большей степени по вопросам, касающимся палестинской проблемы, чтобы гарантировать себе места в Кнессете и должности министров в правительстве. Далее будут рассмотрены причины подобных изменений, а также последствия, которые они имели для формирования современного израильского общества и политической системы Израиля.

Следующие факторы, на наш взгляд, стали причиной политического «правого поворота»:

Во-первых, Шестидневная война и даже в большей степени её итоги создали предпосылки для «правого поворота» в израильской политике. Ошеломительная победа израильской армии, огромные территориальные приобретения посеяли в обществе и руководстве веру в собственные силы, послужили толчком к формированию образа Израиля внутри страны как сильного внешнего игрока, способного не только «защищаться», но и при необходимости «превентивно нападать». Еврейский народ, веками притесняемый и бегущий, возможно, впервые за всю историю своего существования почувствовал внутреннюю свободу и удовольствие действовать с позиции сильного, на чем удачно сыграли правые политики. Жесткий внешнеполитический курс Ликуда, которой успешно презентовали его лидеры, прекрасно ложился на идеологическую базу партии, а именно на ревизионизм или даже национализм Жаботинского [Карасова, 2009, с. 74]. В принципе, блок ГАХАЛ вошел в новый этап своей истории — он стал серьезным и успешным конкурентом МАПАЙ.

С другой стороны, победа в Шестидневной войне заложила бомбу внутри израильского общества в виде сгустка противоречий и необходимости решать, что делать с приобретенными территориями. Правительственные коалиции находились в сложном положении, так как любые попытки территориальных уступок обостряли оппозиционную борьбу. Например, когда в августе 1970 года госсекретарь Соединённых Штатов предложил свою мирную инициативу и встретил поддержку со стороны кабинета Г. Меир, представители правых оппозиционных партий усилили давление, которое в конечном итоге привело к распаду правительства. Значительная часть политических кризисов в Израиле произошла именно из-за столкновения абсолютно полярных взглядов на палестинский вопрос и из-за споров о допустимости компромиссов.

С нашей точки зрения, именно тогда сформировалась пагубная взаимосвязь в Израиле между внешней и внутренней политикой. Перестало быть очевидным, с кем необходимо в первую очередь договариваться претендующему на успех политику: с арабскими странами, религиозными радикалами или политической оппозицией внутри страны. Именно тогда стало очевидно, что для удержания власти необходимо принимать «правильные решения». И премьер-министр, готовый идти на уступки и осуществляющий своим приоритетом мирное урегулирование, заранее ставил себя

в уязвимую позицию. В итоге сегодня возможности для маневра премьер-министра Израиля ограничены, и на самом деле он может сделать очень мало, даже если имеет значительный кредит доверия в связи с победой на всеобщих выборах.

Возврат оккупированных территорий с легкой руки правых политиков был приравнен к предательству «еврейских ценностей». Еще М. Бегин в своей программной речи не скрывал своих намерений по аннексии оккупированных территорий во имя обеспечения безопасности Израиля [Хисдай, 2003, с. 57]. Во многом отсюда связь между вопросами сохранения за собой территорий и обеспечения безопасности государства. Убеждение, что без сохранения за собой большей части захваченных во время Шестидневной войны территорий Израиль не способен обеспечить безопасность своих граждан, красной нитью проходит и сегодня в программах правых партий и уже настолько въелось в сознание израильтян, что стало политической аксиомой, делающей палестинскую проблему нерешаемой. Если поставить перед израильтянином палестинский вопрос через дилемму «либо мир, либо безопасность», то, очевидно, выбор будет сделан в пользу безопасности.

Во-вторых, в период работы 8-го Кнессета стали ярко проявляться просчеты левых партий и недостатки левого подхода к решению палестинского вопроса. Так, негативные последствия войны Судного дня становились все очевиднее. Шестидневная война стала точкой отсчета развернувшихся впоследствии споров о сущности сионизма, в то время как война Судного дня окончательно разрушила то хрупкое согласие, которое на протяжении 20 лет все-таки царило в израильском обществе и, соответственно, в политике. Война 1973 года объективно трагично сложилась для Израиля, что ярко отразил опубликованный в 1974 году отчет комиссии Аграната, которая должна была определить виновных в том, что война вообще стала возможной и привела к серьезнейшим людским и материальным потерям. Несмотря на то, что в первоначальной редакции отчета не содержалось критики действий министра обороны М. Даяна и премьер-министра Г. Меир, публикация усилила протесты в обществе, и 11 апреля 1974 года Г. Меир объявила об отставке правительства [Звягельская, 2012, с. 195].

В-третьих, ослабление левых партий (и МАПАЙ в том числе) связано с шумевшим «делом Лавона». В 1954 году в попытке дестабилизировать ситуацию в Египте и подорвать доверие Европы к египетским властям израильская разведка должна была произвести ряд терактов в Александрии и Каире. Провал операции, массовые аресты, разрушение всей шпионской сети в Египте привели к долгому расследованию, скомпрометировавшему главу военной разведки Израиля Б. Гибли и тогдашнего министра обороны П. Лавона. В рамках данной работы нет возможности вдаваться в подробности этого события. Отметим лишь, что в и без того сложной ситуации такой масштабный политический скандал стал для МАПАЙ губительным. В 1996 году Ш. Тевет, израильский историк, написал книгу «Шпион Бен-Гуриона. Как дело Лавона сформировало израильскую политику» [Teveth, 1996]. Как сама работа, так и заголовок очень четко отражают ту огромную роль, которую шпионский скандал сыграл в судьбе Израиля. Расследование события 1954 года продолжалось еще в 60-е годы. Д. Бен-Гурион, который в тот момент

занимал посты премьер-министра и министра обороны, требовал возобновить расследование, но МАПАЙ ответила отказом. Это привело к созданию партии «Список рабочих Израиля» («РАФИ») Бен-Гурионом и несколькими его сторонниками, которые покинули МАПАЙ. Так когда-то главная партия израильской политики не только потеряла харизматичного лидера в лице Д. Бен-Гуриона, но и абсолютно необходимое единство своих членов.

В-четвертых, в 1970-е годы происходит усложнение как израильского общества, так и отражающей его политической структуры, что не может не ослаблять или не размывать поддержку, которую раньше оказывали избиратели левым партиям. Появляется большое количество социальных и политических объединений со своими интересами и мнениями. Например, рост влияния религиозного фактора значительно усложнял деятельность левых партий. До Шестидневной войны религиозные партии, за редким исключением, не имели какой-либо серьезной роли в израильской политике. Либо это были антисионистские ультра-ортодоксальные объединения, такие как «Нетурей Карто», которые выступали резко против самого существования Израильского государства, отвергая легитимность любой власти, что не находило поддержки у широких слоев населения, либо партии вроде «Йешивот-Тихонот» или «Йешивот-Хесдер», программы которых были основаны религиозных книгах — Торе и Талмуде, сложных для светского понимания. [Kampinsky et al., 2019, p. 74—90]. Однако в победе в Шестидневной войне и серьезных территориальных приобретениях религиозные группировки и политические партии увидели доказательство того, что народом Израиля осуществляется благое дело, что заселение Западного берега и Газы и строительство поселений есть восстановление исторической и божественной справедливости. Такая формулировка активно использовалась, например, представителями «Движения за великий Израиль», в частности, для обоснования территориальных претензий Израиля. Такая риторика нашла отклик у избирателя и подтолкнула его к тому, чтобы отдать свой голос за партию с более радикальными взглядами по проблеме спорных территорий. Религиозные партии в тот период начали находить поддержку не только у религиозных граждан Израиля, но и у светского населения, уставшего от терактов и внешнеполитических просчетов прежнего правительства [Sagi, 2018, p. 134].

4. Влияние «правого поворота» на формирование израильских политической системы и общества

После изучения причин политических изменений мы можем выделить и их следствия.

Первым и наиболее очевидным следствием «правого поворота» стало формирование особой «израильской» политической системы. После победы Ликуда в 1977 году казалось, что Израиль перейдет к двухпартийной политической системе, однако произошло формирование политической системы, которая представляет собой не борьбу двух конкретных партий, а борьбу двух взглядов на суть сионизма и сущность Израиля и израильского народа, а также борьбу двух разных внешнеполитических подходов [Кнессет восьмого ...]. Если бы Маарах сохранил тогда лидер-

ство или, по крайней мере, потенциал для победы на следующих выборах, Ближний Восток сегодня выглядел бы абсолютно иначе. Так как именно победа в Шестидневной войне привела правые партии к власти, победа Ликуда способствовала прочному закреплению в израильской политике и в общественном сознании прямой связи между сохранением спорных территорий за Израилем и обеспечением его безопасности. Для того чтобы как можно дольше оставаться в лидерах и сохранять актуальность своей жесткой риторики, правым партиям было необходимо сохранять эту связь как можно дольше. Возможно, поэтому она есть в израильском обществе и в настоящее время. Это объясняет сегодняшний подход Израиля к палестинской проблеме. Израиль нарушает свои обязательства: не устраняет блокпосты на Западном берегу, отказывается вести переговоры по статусу Иерусалима и, что самое показательное, продолжает строительство поселений на оккупированных территориях, а также объявляет о планах утвердить свой суверенитет над Иудеей и Самарией. Другими словами, исторически сложилось, что только такой подход воспринимается как единственно верный и обеспечивающий безопасность государства.

Вторым следствием, во многом вытекающим из первого, является установившаяся в израильской политике специфическая связь между внешней политикой — палестинской проблемой в особенности — и внутренней политикой. Связь эта сформировалась ещё в 60—70-х годах, когда попытки договориться с палестинцами даже о возобновлении переговоров рассматривались как политическая слабость и стоили партии немало политических очков. То же самое мы наблюдаем в Израиле и сегодня. Такое положение дел стимулирует такие жесткие действия израильских властей, как, например, поддержка решения США перенести посольство в Иерусалим или подавление последовавших за ним палестинских протестов 14 мая 2018 года, в результате которых погибло 55 палестинцев и около трех тысяч было ранено [Israel Kills ...].

Другим следствием описанных выше событий является размывание различий между израильскими партиями на всей плоскости политического спектра. Безусловно, радикально противоположные позиции крайне левых арабских партий до крайне правых, ультраортодоксальных, примирить невозможно, но центр занят умеренными правыми, среди которых Ликуд, по-прежнему одна из самых популярных партий, что заставляет левых-центристов так или иначе выравнивать свои позиции по нему. Левые партии ослабили свою идеологическую риторику в стремлении получить места в Кнессете и портфели министров. Желание получить как можно более широкую поддержку среди граждан Израиля и оставаться как можно дольше конкурентноспособными вынуждает их идти на политические сделки с партиями-конкурентами, занимающими идеологически противоположные позиции. Такой компромисс приводит к тому, что идеология партии расплывается и все больше стремится вправо. Жесткие заявления левых могли бы существенно снизить их перспективы удержаться на плаву израильской политики. Таким образом, за 40 лет израильская политическая система дошла до той стадии развития, когда она сама диктует политикам их идеологическую принадлежность. Такой расклад отчасти подтверждает недавний политический кризис в Израиле.

После выборов в Кнессет 23-го созыва Ликуд и оппозиционный блок «Кахоль-Лаван» договорились о формировании правительства национального единства, которое включает в себя «соглашение о ротации» между Б. Ганцем, главой «Кахоль-Лаван», и Б. Нетаньяху, главой Ликуда, на посту премьер-министра. Этому предшествовало несколько месяцев кризиса и три раунда парламентских выборов. Договориться Нетаньяху и Ганц смогли лишь после того, как Ганц отказался от одного из своих из основных требований — отставки Нетаньяху. Соглашение о ротации достигнуто несмотря на серьёзные противоречия между «Кахоль-Лаван» и Ликудом. Важнейшим являются их разные позиции по вопросу аннексии частей Западного берега. Ликуд, несмотря на пандемию, считает необходимым быстро осуществить аннексию и присоединить определенное число поселений на Западном берегу. Ганц же изначально настаивал на согласовании этих действий с международным сообществом, однако уступил и даже отказался от права вето при голосовании по палестинским вопросам, получив взамен право распределения ключевых портфелей в правительстве [Самарская, 2020].

Решение Ганца о создании правительства в союзе с действующим премьер-министром Нетаньяху и правыми партиями было крайне негативно воспринято большей частью левоцентристского лагеря и, по сути, привело к его распаду. Оппозиционный блок «Кахоль-Лаван» — это левоцентристская коалиция с участием левого блока «Авода-МЕРЕЦ» и с внешней поддержкой крайне левой арабской партии — «Общего списка». Возможно, впервые за много лет лидеру блока с подобным составом (Б. Ганцу) была предоставлена возможность формирования правительства. Однако она была упущена отчасти из-за пандемии, а отчасти из-за общей логики функционирования израильской политической системы, по которой левые вынуждены идти на уступки ради политической стабильности в стране и собственной конкурентоспособности. Во многом эта логика была заложена именно в 60—70-е годы и является следствием «правого поворота».

Другим важным последствием «правого поворота» является формирование такого общества, в котором правые партии имеют не только поддержку большинства, но и серьезный кредит доверия. После того, как израильская политика перешла сначала в бидоминантный период своей истории, или в период конкуренции двух политических блоков, а затем в период полного лидерства правого блока во главе с Ликуд, израильское общество стало постепенно трансформироваться в общество, абсолютно солидарное с правыми, так как политические события 1960—70-х годов стали формирующей силой израильского общества. Они сыграли важную роль в становлении взглядов молодого поколения в Израиле. Анализ голосов, отданных студентами и призывниками на выборах 1977, 1981 и 1984 годов, показывает, как стремительно набирали популярность правые партии среди израильтян моложе 30 лет [Beit-Hallahmi, 1992, с. 130—202]. Этот аспект достаточно важен для понимания сегодняшнего израильского общества, так как те, кто тогда был 30-летними студентами, в 90-е годы стали успешными политиками, журналистами, преподавателями и оказывали серьезное влияние на умы подрастающего поколения, того поколения, которое сегодня мы называем активным.

Что же сегодня представляет из себя израильское общество? Безусловно, оно неоднородно, однако статистика и социологические исследования помогают широкими мазками представить его общую картину, и создается впечатление, что картина эта написана красками правой идеологии. Большинство в Израиле (58 % сегодня согласны с утверждением, что для того, чтобы быть израильтянином, необходимо быть евреем и, более того, придерживаться сионистских взглядов). 70 % убеждены, что еврейский народ избранный, а 51 % израильтян из списка ценностей выбрали «сохранение еврейского большинства в государстве Израиль» (всего лишь 18 % назвали достижение мира главной ценностью). Интересно, что в 1998 году и мир, и еврейское большинство как наивысшие ценности выбрали по 33 % опрошенных. Только 13 % израильтян назвали достижение мира с палестинцами наиболее важной проблемой для будущего Израиля, притом что 26,5 % считают важнее всего снижение напряженности между разными слоями общества, 22,6 % же назвали абсолютным приоритетом улучшение системы образования [Israeli Views ...].

Согласно данным Израильского Центра демократических исследований, большая часть общества придерживается сегодня правых взглядов. 69,9 % израильтян-евреев заявили о том, что поддерживают правые партии, а из них 40,2 % — аннексию всего Западного Берега и значительной части Восточного Иерусалима. При этом формулу «два государства для двух народов» справедливой считают лишь 29,6 % израильтян до 25 лет [The Israel Democracy ...]. Эти данные подтверждают, что сегодняшняя израильская молодежь — это поколение, которое сформировалось под влиянием тех, кто был свидетелем событий 70-х годов, совершил этот самый «правый поворот», отдав в 1977 году свои голоса Ликуду. Правая идеология впитана израильтянами — она стала частью культурного кода. Такое положение вещей делает невозможным изменение израильско-палестинской политики, если только не произойдет событие, сравнимое по масштабу и влиянию с войной Судного дня или Интифадой, что не представляется возможным, учитывая ослабленную как экономически, так и политически Палестину.

5. Заключение

Итак, по итогам проведенного анализа можно утверждать, что состояние сегодняшней израильской политики и общества во многом является следствием событий, произошедших в истории Израиля с 1965 по 1977 годы. С момента образования государства рабочая партия МАПАЙ являлась неоспоримым лидером в израильской политике. С 60-х годов левые партии начали утрачивать свою силу, уступая место правым партиям во главе с Ликуд, и этот резкий поворот вошел в историю Израиля под названием «правый поворот». Он стал возможным по итогам двух войн — Шестидневной войны, а также войны Судного дня. Среди других причин можно выделить деградацию левой идеологии или коррозию единства левого движения, которое вылилось в «дело Лавона» и политический скандал вокруг него, а также усложнение структуры израильского общества, например, усиление влияния религиозного фактора, которое привело к размыванию левого электората и укреплению позиции правых.

Феномен «правого поворота» стал большим для Израиля, чем просто крен в политической жизни страны. Он во многом определил будущее Израиля, вектор его развития, политическую систему, состояние общества и многое другое. Вследствие резкого роста популярности правых партий современная политическая система Израиля — это система, функционирующая в рамках логики силы, в соответствии с которой обеспечение безопасности государства и его суверенитета возможно только через оккупацию палестинских территорий, строительство заградительных стен и осуществление политики свершившихся фактов в вопросе строительства поселений. Внешняя политика, а палестинский вопрос в особенности, непосредственно связана с внутренней политикой, что диктует политическим партиям вполне конкретные модели поведения. Эти модели определяют практическую невозможность решения палестинской проблемы в ближайшей перспективе, так как в обозначенных обстоятельствах любая попытка какого-либо политика активизировать переговорный процесс рассматривается как слабость. Левые же партии вынуждены идти на серьезные уступки своим конкурентам, если они хотят оставаться конкурентноспособными, получать места в правительстве и заручиться поддержкой израильского общества, которое сегодня мыслит преимущественно в рамках правой парадигмы.

Источники

1. *Кнессет* седьмого созыва [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.knesset.gov.il/description/ru/mimshal_res7_ru.htm (дата обращения 12.06.2020).
2. *Кнессет* восьмого созыва [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.knesset.gov.il/description/ru/mimshal_res8_ru.htm (дата обращения 21.06.2020).
3. *Кнессет* девятого созыва [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://knesset.gov.il/review/ReviewPage2.aspx?kns=9&lng=4> (дата обращения 24.08.2020).
4. *Israel Kills Dozens at Gaza Border as U.S. Embassy Opens in Jerusalem*. The New York Times [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.nytimes.com/2018/05/14/world/middleeast/gaza-protests-palestinians-us-embassy.html> (accessed 01.06.2020).
5. *Israeli Views on Society & Government* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.jewishvirtuallibrary.org/israeli-polls-society> (accessed 20.08.2020).
6. *The Israel Democracy Institute* [Electronic resource]. — Access mode : <https://en.idi.org.il/> (accessed 12.08.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев В. П. Политические партии Государства Израиль Конституционно-правовые основы / В. П. Воробьев, Д. Р. Бостоганашвили. — Москва : МГИМО-университет, 2010. — 176 с.
2. Звягельская И. Д. История Государства Израиль / И. Д. Звягельская. — Москва : Аспект Пресс, 2012. — С. 234—283.
3. Карасова Т. А. Новые тенденции в региональной политике Израиля (2009—2019 гг.) / Т. А. Карасова // Вестник МГИМО-Университета. — 2019. — № 4. — С. 180—200.
4. Карасова Т. А. Израиль и США : Основные этапы становления стратегического партнерства (1948—2014) / Т. А. Карасов. — Москва : Аспект Пресс, 2015. — 163 с.
5. Корнилов А. А. Дебаты политиков и экспертов государства Израиль по вопросам национальной безопасности / А. А. Корнолов // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2014. — № 2. — С. 64—74.

6. Крылов А. В. Роль религиозного фактора в политических процессах в Израиле / А. В. Крылов // Международная аналитика. — 2019. — № 1. — С. 98—108.
7. Нойбергер Б. Власть и политика в Государстве Израиль : социально-политическая динамика / Б. Нойбергер. — Тель-Авив : Открытый университет Израиля, 1997. — С. 45—50.
8. Самарская Л. М. Политический кризис и коронавирус : что токсичнее для Израиля? [Электронный ресурс] / Л. М. Самарская // ИМЭМО РАН. — 2020. — С. 12—13. — Режим доступа : <https://www.imemo.ru/news/events/text/politicheskiy-krizis-i-koronavirus-cto-toksichnee-dlya-izrailya> (дата обращения 21.08.2020).
9. Ханин З. Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века / З. Ханин. — Москва : Вишневый пирог, 2014. — 333 с.
10. Beit-Hallahmi B. Despair and Deliverance : Private Salvation in Contemporary Israel / B. Beit-Hallahmi. — New York : State University of New York Press, 1992. — 238 p. — DOI : 10.1017/S0020743800061407.
11. Goldstein A. The Creation of the Likud and the Struggle for the Identity of the Alternative Party / A. Goldstein // Israel Studies Review. — December. — 2018. — Pp. 1—18. — DOI: 10.3167/isr.2018.330305.
12. Greene T. Israel's two states debate / T. Greene // International Affairs. — 2015. — Vol. 9. — Pp. 1009—1026. — DOI: 10.1111/1468-2346.12395.
13. Sagi A. Religious Zionism and the Six-Day War : From Realism to Messianism / A. Sagi. — Milton : Routledge, 2018. — 140 p. — DOI : 10.4324/9780429425189.
14. Shindler C. The rise of the Israeli right / C. Shindler. — London : Cambridge University Press, 2015. — 440 p. — DOI : 10.1093/ia/iyy022.
15. Spencer C. The rise of the Israeli right : from Odessa to Hebron ; Israel under siege : the politics of insecurity and the rise of the Israeli neo-revisionist right / C. Spencer // International Affairs. — 2018. — Vol. 94. — Pp. 455—457. — DOI : 10.1093/ia/iyy022.
16. Teveth S. Ben-Gurion's Spy : The Story of the Political Scandal that Shaped Modern Israel / S. Teveth. — New York : Columbia University Press, 1996. — 310 p. — DOI : 10.1111/j.1949-3606.1999.tb00814.x.
17. Understanding Israel. Political, Societal and Security Challenges / Ed. by J. Peters, R. Pinfold. — London : Routledge, 2018. — DOI : 10.4324/9781315647357.

“RIGHT TURN” IN ISRAELI POLITICAL LIFE (1965—1977)

© **Vladimir M. Morozov (2020)**, orcid.org/0000-0003-2429-9150, PhD in History, Associate Professor, Department of Diplomacy, Vice-Rector for Personnel Policy, Federal state autonomous institution of higher education “Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation” (Moscow, Russia), morozov@inno.mgimo.ru.

© **Sophia V. Melnikova (2020)**, orcid.org/0000-0001-5797-041X, Postgraduate student, Department of Diplomacy, Federal state autonomous institution of higher education “Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation” (Moscow, Russia), sophiazavodnik@gmail.com.

The issues related to the events that took place in Israeli political life in the 60s and 70s of the XX century, which went down in history under the name of the “right turn”, when the left-wing parties came to replace the leading left-wing parties since 1949 are examined in the article. It is shown how, with their coming to power, foreign and domestic political approaches have changed, within which the ideas of Zionism-revisionism began to come to the fore. The authors analyze the reasons for the end of the era of the leadership of the left parties in Israeli politics, the essence the “right turn” and its consequences. Particular attention is paid to the activities of such forces

of as MAPAI and Likud, which have largely shaped the political landscape of the state since the second half of the 1960s. It is emphasized that this issue is relevant from the point of view of analyzing later events and, in particular, the 2019—2020 crisis during the formation of the Israeli government, as well as intensifying its policy in the Palestinian direction. It has been proved that some of the key factors that still determine the internal political and social atmosphere in the country and the region appeared precisely at the considered historical stage.

Key words: political system of Israel; Palestinian-Israeli conflict; Likud; MAPAI; right turn.

MATERIAL RESOURCES

- Israel Kills Dozens at Gaza Border as U.S. Embassy Opens in Jerusalem. The New York Times.* Available at : <https://www.nytimes.com/2018/05/14/world/middleeast/gaza-protests-palestinians-us-embassy.html> (accessed 01.06.2020).
- Israeli Views on Society & Government.* Available at : <https://www.jewishvirtuallibrary.org/israeli-polls-society> (accessed 20.08.2020).
- Knesset devyatogo sozyva* [Knesset of the ninth convocation]. Available at : <https://knesset.gov.il/review/ReviewPage2.aspx?kns=9&lng=4> (accessed 24.08.2020). (In Russ.).
- Knesset sedmogo sozyva* [Knesset of the seventh convocation]. Available at : http://www.knesset.gov.il/description/ru/mimshal_res7_ru.htm (accessed 12.06.2020). (In Russ.).
- Knesset vosmogo sozyva* [Knesset of the eighth convocation]. Available at : http://www.knesset.gov.il/description/ru/mimshal_res8_ru.htm (accessed 21.06.2020). (In Russ.).
- The Israel Democracy Institute.* Available at : <https://en.idi.org.il/> (accessed 12.08.2020).

REFERENCES

- Beit-Hallahmi, B. (1992). *Despair and Deliverance: Private Salvation in Contemporary Israel*. New York: State University of New York Press. 238 p. DOI: 10.1017/S0020743800061407.
- Goldstein, A. (2018). The Creation of the Likud and the Struggle for the Identity of the Alternative Party. *Israel Studies Review, December*: 1—18. DOI: 10.3167/isr.2018.330305.
- Greene, T. (2015). Israel's two states debate. *International Affairs, 9*: 1009—1026. DOI: 10.1111/1468-2346.12395.
- Karasova, T. A. (2015). *Izrail' i SShA: Osnovnyye etapy stanovleniya strategicheskogo partnerstva (1948—2014)* [Israel and the USA: Main stages of strategic partnership formation (1948—2014)]. Moskva: Aspekt Press. 163 p. (In Russ.).
- Karasova, T. A. (2019). Novyye tendentsii v regionalnoy politike Izrailya (2009—2019 gg.) [New trends in the regional policy of Israel (2009—2019)]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 4: 180—200. (In Russ.).
- Khanin, Z. (2014). *Partiynno-politicheskiye struktury i elektoralnyy protsess v Izraile v nachale XXI veka* [Party-political structures and electoral process in Israel at the beginning of the XXI century]. Moskva: Vishnevyy pirog. 333 p. (In Russ.).
- Kornilov, A. A. (2014). Debaty politikov i ekspertov gosudarstva Izrail' po voprosam natsionalnoy bezopasnosti [Debates of politicians and experts of the state of Israel on national security issues]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* [Bulletin of the peoples' friendship University of Russia], 2: 64—74. (In Russ.).
- Krylov, A. V. (2019). Rol' religioznogo faktora v politicheskikh protsessakh v Izraile [The role of the religious factor in political processes in Israel]. *Mezhdunarodnaya analitika* [International Analytics], 1: 98—108. (In Russ.).
- Noyberger, B. (1997). *Vlast' i politika v Gosudarstve Izrail': sotsialno-politicheskaya dinamika* [Power and politics in the state of Israel: socio-political dynamics]. Tel'-Aviv: Otkrytyy universitet Izrailya. 45—50. (In Russ.).

- Peters, J., Pinfold, R. (ed.). (2018). *Understanding Israel. Political, Societal and Security Challenges*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315647357.
- Sagi, A. (2015). *Religious Zionism and the Six-Day War: From Realism to Messianism*. Milton: Routledge. 140 p. DOI: 10.4324/9780429425189.
- Samarskaya, L. M. (2020). Politicheskiy krizis i koronavirus: chto toksichneye dlya Izrailya? [Political crisis and coronavirus: what is more toxic for Israel?]. In: *IMEMO RAN* [IMEMO RAS]. 12—13. Available at: <https://www.imemo.ru/news/events/text/politicheskiy-krizis-i-koronavirus-chto-toksichnee-dlya-izrailya> (accessed 12.08.2020). (In Russ.).
- Shindler, C. (2015). *The rise of the Israeli right*. London: Cambridge University Press. 440 p. DOI: 10.1093/ia/iyy022.
- Spencer, C. (2018). The rise of the Israeli right: from Odessa to Hebron; Israel under siege: the politics of insecurity and the rise of the Israeli neo-revisionist right. *International Affairs*, 94: 455—457. DOI: 10.1093/ia/iyy022.
- Teveth, S. (1996). *Ben-Gurion's Spy: The Story of the Political Scandal that Shaped Modern Israel*. New York: Columbia University Press. 310 p. DOI: 10.1111/j.1949-3606.1999.tb00814.x.
- Vorobyev, V. P., Bostoganashvili, D. R. (2010). *Politicheskiye partii Gosudarstva Izrail Konstitutsionno-pravovyye osnovy* [The Political parties of the state of Israel the Constitutional and legal framework]. Moskva: MGIMO-universitet. 176 p. (In Russ.).
- Zvyagelskaya, I. D. (2012). *Istoriya Gosudarstva Izrail'* [History Of The State Of Israel]. Moskva: Aspekt Press. 234—283. (In Russ.).

Мохов А. С. Роль С. В. Короленко в эвакуации Полтавского литературно-мемориального музея В. Г. Короленко в Свердловск в 1941 году / А. С. Мохов, К. Р. Капсалькова // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 368—383. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-368-383.

Mokhov, A. S., Kapsalykova, K. R. (2020). Role of S. V. Korolenko in Evacuation of the Poltava Literary and Memorial Museum of V. G. Korolenko to Sverdlovsk in 1941. *Nauchnyi dialog*, 10: 368-383. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-368-383. (In Russ.).

УДК 351.852(477.53)“1941”+94(47).084.8:069

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-368-383

РОЛЬ С. В. КОРОЛЕНКО В ЭВАКУАЦИИ ПОЛТАВСКОГО ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ В. Г. КОРОЛЕНКО В СВЕРДЛОВСК В 1941 ГОДУ¹

© Мохов Антон Сергеевич (2020), orcid.org/0000-0001-9803-6949, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), a.s.mokhov@urfu.ru.

© Капсалькова Карина Рамазановна (2020), orcid.org/0000-0003-4163-5099, кандидат исторических наук, ассистент кафедры Востоковедения, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), k.r.kapsalykova@urfu.ru.

Статья посвящена проблеме эвакуации культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. Актуальность исследования обусловлена тем, что в историографии недостаточное внимание уделяется спасению сокровищ провинциальных музеев в 1941–1942 годах. Поднимается вопрос об отсутствии в начальный период войны единого плана эвакуации музейных коллекций из западных областей СССР. Новизна исследования состоит во введении в научный оборот уникального документа — отчета об эвакуации из Полтавы в Свердловск литературно-мемориального музея В. Г. Короленко. Рассматривается вопрос об истории создания музея и его работе в предвоенный период. Охарактеризован состав архива В. Г. Короленко. Авторы останавливаются на истории создания в 1920–1930-е годы литературно-мемориальных музеев в СССР. Показано, что в данном процессе значительную роль сыграли выпускницы высших женских Бестужевских курсов. Особое внимание уделяется деятельности директора музея, старшей дочери писателя, Софьи Владимировны Короленко. Доказано, что ей принадлежит основная заслуга спасения музейной коллекции из прифронтовой полосы. По мнению авторов, история эвакуации культурных ценностей в годы войны представляет собой малоизученный комплекс вопросов, решение которых зависит от публикации источников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; музейное дело; эвакуация музейных коллекций; Полтавский музей В. Г. Короленко; С. В. Короленко.

1. Введение

В начальный период Великой Отечественной войны в СССР была проведена беспрецедентная по масштабам эвакуация из западных регионов страны населения, промышленных предприятий, учреждений образования и культуры. В отечественной историографии преимущественное внимание уделялось перемещению в глубо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00106 «Сохранение культурного наследия России в условиях военных конфликтов первой половины XX в.».

кий тыл производственных мощностей и материальных ресурсов [Советский тыл, 1974]. Однако уникальный опыт эвакуации культурных ценностей в историографии освещен в недостаточной степени, изучалась в основном история спасения собраний музеев Москвы и Ленинграда [Разгон, 1999, с. 122—133; Кантор, 2017, с. 33—111].

В последнее время активизировались исследования, посвященные эвакуации коллекций провинциальных музейных учреждений из западных областей СССР. Как правило, вопросы вывоза и размещения музейных коллекций анализируются на отдельных примерах, что напрямую связано с состоянием источниковой базы [Мохов, 2020, с. 639—651]. В данной статье на основании неопубликованных архивных документов рассматривается история перемещения в Свердловск музейной коллекции Полтавского государственного литературно-мемориального музея В. Г. Короленко.

2. История создания Полтавского музея В. Г. Короленко

В. Г. Короленко является одним из наиболее прогрессивных российских писателей конца XIX — первой четверти XX века. Роза Люксембург писала о нем: «Дух русской литературы, высокое общественное чувство ответственности проявилось у этого благодатного художника сильнее, чем даже его любовь к природе, к свободной скитальческой жизни, к поэтическому творчеству. Захваченный волной близившейся революционной бури, он с конца 90-х годов все больше отходил от художественного творчества и выступал лишь, сверкая клинком, как борец за свободу, как духовный вождь оппозиционного движения русской интеллигенции» [Люксембург, 1921, с. 203].

В Полтаву Владимир Галактионович Короленко (1853—1921) переехал в 1903 году, где снял дом в усадьбе доктора А. В. Будаговского (по улице Мало-Садовой 1), в котором прошли последние 18 лет его жизни. Все эти годы писатель находился в гуще общественно-политических событий. После смерти В. Г. Короленко появилась идея о создании мемориального музея, тем более что в 1922—1925 годах было принято несколько постановлений об увековечении памяти писателя. В частности, семье Короленко — его вдове Евдокии Семеновне Ивановской (1855—1940) и дочерям Софье и Наталье — было предоставлено право пожизненного пользования домом [Ольховская, 2017, с. 35—36].

Софья Владимировна Короленко (1886—1957) была старшей дочерью В. Г. Короленко и профессиональной революционерки Е. С. Ивановской. В 1904 году она окончила Мариинскую женскую гимназию в Полтаве, а затем стала выполнять обязанности секретаря В. Г. Короленко [Короленко, 1968, с. 3]. В 1915 году Софья поступила на историко-филологическое отделение Бестужевских курсов, причем к поступлению дочь одного из любимых писателей В. И. Ленина, «очень славную девочку», готовила Н. К. Крупская [Крупская, 1957, с. 264]. По завершении обучения С. В. Короленко вернулась в Полтаву. Согласно завещанию В. Г. Короленко, старшей дочери предоставлялось право распоряжаться всем его движимым и недвижимым имуществом [Ольховская, 2017, с. 31—32].

Младшая дочь В. Г. Короленко Наталья Владимировна (1888—1950) была замужем за Константином Ивановичем Ляховичем (1885—1921). В 1909 году они

эмигрировали во Францию, где у них родилась дочь Софья. В Россию чета Ляховичей возвратилась в 1917 году. С этого времени Наталья Владимировна проживала в Москве, занималась литературной работой. Следует отметить, что она была против открытия музея в отцовском доме. Н. В. Короленко-Ляхович считала, что лучшим памятником писателю были его книги [Короленко, 1968, с. 243—244].

Газета «Известия» писала: «В связи с исполняющимся 28 июля 75-летием со дня рождения В. Г. Короленко в Полтаве приводятся в порядок могила писателя и домик, в котором он проживал до смерти... 28 июля в доме, где проживал В. Г. Короленко, открывается выставка его рукописей, печатных произведений, фотографий и т. д.» [Памяти В. Г. Короленко, 1928]. С этой временной экспозиции следует отсчитывать историю музея.

Первоначально музей работал на общественных началах. Официальный статус учреждения культуры, подчиненного Наркомпросу УССР, литературно-мемориальный музей В. Г. Короленко получил 1 января 1940 года. К этому времени дом по улице Мало-Садовой 1 и другие постройки усадьбы доктора А. В. Будаговского перешли в собственность государства. Софья Владимировна стала директором и единственным сотрудником музея [Полтавский, 1955, с. 6].

Пример С. В. Короленко не был единственным. В 1920—1930-е годы в СССР было создано несколько литературно-мемориальных музеев, призванных увековечить память великих русских писателей: М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, Н. Г. Чернышевского и др. По инициативе Н. К. Крупской и А. В. Луначарского руководить этими учреждениями культуры назначались слушательницы высших женских Бестужевских курсов [Вахромеева, 2018, с. 7—11].

Этих женщин отличал высокий уровень образованности, трудолюбия, ответственности. Они успешно действовали в мире, который принадлежал мужчинам; благородные и необычные «амазонки» самоотверженно погружались в занятия наукой и литературой. Один из сценариев решения женского вопроса Гражина Борковская определила так: «историческая активность: война, восстание, революция». Проводимая польской исследовательницей параллель «женщина — война» заключается в том, что «феномен войны и женское бытие требуют погружения в кровь и страдание, дающие, в конце концов, позитивный результат — жизнь» [Борковская, 2007, с. 51—53, 176].

С 1928 по 1941 годы дочери В. Г. Короленко провели огромную работу по систематизации архива отца. Об этом свидетельствует «Докладная записка Академии наук о содержании архивных и музейных материалов В. Г. Короленко и их хранении в настоящий момент». Она была составлена С. В. Короленко в августе 1942 года, когда музей уже находился в Свердловске [ЦДООСО, ф. 520, оп. 1, д. 7, л. 119—130].

Архив В. Г. Короленко состоял из 12 отделов документов, охватывающих период с 1879 по 1921 годы.

1. Рукописи беллетристических и публицистических работ писателя. После его смерти была создана единая опись и указатель к ней, которая позволяла ориентироваться как во всем объеме материалов, так и в каждом отдельном произведении.

2. Записные книжки, которые велись с 1879 по 1921 годы. В архиве В. Г. Короленко имелось четыре вида записных книжек: с записями непосредственных впечатлений (наброски с натуры, описание путешествий); ежедневные записные книжки-календари с техническими записями (получение и отправка корреспонденции, начало и окончание различных работ, состояние погоды, важные события общественной и политической жизни); записные книжки с выписками из архивных дел и научной литературы; библиографические записные книжки, в которых писатель комментировал публикации своих произведений.

3. Дневники В. Г. Короленко с 1881 по 1921 годы. В них сохранились многие черты русской общественной жизни, художественные наброски, частные наблюдения.

4. Письма В. Г. Короленко к разным лицам. Первоначально, пока переписка не приобрела колоссальных темпов, копии писем вклеивались в особые тетради. С 1888 года он стал использовать копировальные книги, которых к 1921 году насчитывалось шесть. Всего в архиве было собрано до 4,5 тыс. автографов и более 2 тыс. писем в копиях и печатных публикациях.

5. Письма к В. Г. Короленко — самый массовый отдел архива (6 тыс. писем с 1879 по 1921 годы). Он состоял из редакторских писем, корреспонденции по общественным вопросам, обращений разных людей с личными просьбами, юбилейных поздравлений, переписки с издательствами, родными и друзьями.

6. Семь редакторских книг (1887—1921 годы) содержали описание 4,5 тыс. рукописей. К шести из них был сделан алфавитный указатель со сведениями о каждом авторе, датами поступления рукописей, заключениями о принятии к публикации или отказе.

7. Рукописи других авторов, присланные на редактуру, В. Г. Короленко сохранил, поскольку «непосредственная боль остается в портфелях редакций, настоящая история времени именно здесь» [ЦДООСО, ф. 520, оп. 1, д. 7, л. 125].

8. Папки с материалами, письмами, книгами, брошюрами, фотографиями, подобранные В. Г. Короленко для общественной работы: «Горбатовское дело», «Мултанское дело», «Академический инцидент 1902 г.» *etc.*

9. Газетные выписки по ряду тем (1885—1914 годы). Они были собраны в специальном шкафу с выдвижными ящичками по тематическому принципу.

10. Книги. В. Г. Короленко не был библиофилом, но его домашняя библиотека насчитывала около 4,5 тыс. книг и журналов («Отечественные записки», «Современник», «Русское богатство» *etc.*; книги с инскриптами, *e. g.*, А. С. Серафимовича, А. М. Горького, К. А. Тимирязева).

11. Документы. В этом отделе хранились семейные и личные бумаги В. Г. Короленко; документы, связанные с литературной деятельностью; повестки с вызовами в суд; официальные извещения о присуждении премий, избрании в разные общества. В данном отделе собраны бумаги, которые относились к арестам, ссылкам, гласному и негласному надзору, включая переданное ему в советское время дореволюционное «дело по наблюдению за писателем В. Г. Короленко» с 1885 по 1910 годы.

12. Фотографии. В этом отделе хранились фотографии самого писателя, его родных и друзей, снимки крупных литераторов и начинающих авторов.

3. Эвакуация музея в Свердловск в 1941 году

В 1938—1939 годах рукописи, записные книжки, письма В. Г. Короленко, редакторские книги, рукописи других авторов, материалы общественной работы, часть документов и фотографий были переданы в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина. Оставшиеся материалы из колоссального архива писателя (дневники, письма к В. Г. Короленко, газетные вырезки, наиболее ценные книги, часть документов и фотографий) Софья Владимировна не успела отправить в Москву до начала Великой Отечественной войны. В «Докладной записке Академии наук УССР» она сообщала: «Упомянутые выше материалы были мною тщательно упакованы и отосланы с вагоном Полтавского банка, перевозившим ценности в Уфу <...> и в настоящее время они в неприкосновенности хранятся при Украинской Академии Наук в Уфе» [ЦДООСО, ф. 520, оп. 1, д. 7, л. 129].

Таким образом, в Полтаве оставались: библиотека В. Г. Короленко, основная экспозиция, текущая музейная документация (переписка, книги отзывов *etc.*), а также часть материалов для публикации произведений писателя.

В Центре документации общественных организаций Свердловской области, в фонде Уральского филиала комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР [Мохов, 2020, с. 639—651], хранится отчет С. В. Короленко «Эвакуация музея В. Г. Короленко из Полтавы в Свердловск в 1941 году» [ЦДООСО, ф. 520, оп. 1, д. 7, л. 131—137]. Это оригинальный машинописный текст, напечатанный на двух сторонах стандартных листов. В правом верхнем углу первого и девятого листов документа — угловой штамп с надписью: «Академия наук СССР. Уральский филиал комиссии по истории Великой Отечественной войны, 7/ VII-1943 г.». На последнем листе подпись С. В. Короленко и проставленная ее рукой дата — 12 октября 1942 г. Ниже мы полностью публикуем этот уникальный документ (сохранена орфография и пунктуация источника. — А. М., К. К.).

ЭВАКУАЦИЯ МУЗЕЯ В. Г. КОРОЛЕНКО ИЗ ПОЛТАВЫ В СВЕРДЛОВСК В 1941 ГОДУ.

1. В ПОЛТАВЕ ПЕРЕД ЭВАКУАЦИЕЙ

В нашей тихой Полтаве начало военных действий 22 июня 1941 года явилось неожиданным ошеломляющим ударом. Жизнь как будто продолжала идти своим чередом, отвечая на новые запросы, в новых формах, теперь, когда я вспоминаю все пережитое, мне представляется, что жизнь двигалась по инерции и без настоящего содержания — как будто страшный удар, упавший на страну, сковал вначале ее живые силы.

Продвижение немецких войск было стремительным и, казалось, перед ними не было преграды. Радио давало краткие информации о падении городов, об остав-

лении нашими войсками целых областей, а в промежутках между этими ошеломляющими сообщениями из громкоговорителя раздавались веселые песни и марши — они звучали нарочито и неестественно. Музыка прерывалась по несколько раз в день воздушными тревогами и новыми сообщениями с фронта о дальнейших продвижениях вражеских армий.

В садах и на улицах Полтавы рыли окопы, укрепляли и приспособляли погреба и подвалы для бомбоубежищ. Город, с первого дня войны, по вечерам погружался в полную темноту.

У меня была большая тревога за дом, в котором наша семья жила с 1903 года, и который был наполнен материалами и вещами, связанными с жизнью и творчеством моего отца В. Г. Короленко. Здесь прошли последние восемнадцать лет его жизни и собрались наиболее важные и существенные для его творчества материалы.

Полтавский горсовет разрешил, для укрепления подвала нашего дома, использовать кирпич и цемент, которые были приготовлены для пьедестала памятника В. Г. Короленко. Памятник полагали поставить в городском саду, вблизи нашего дома, над могилой отца, к двадцатилетию со дня его смерти — 25 декабря 1941 года. Я распорядилась, посоветовавшись с инженером, сделать второй выход из погреба и укрепить его с тем, чтобы, в случае сильных бомбардировок, спустить туда наиболее ценные книги и литературные материалы. Погреб был глубоким, и я надеялась, что, в крайнем случае, они будут засыпаны там, но не уничтожены.

Фронт приближался неудержимо, создавалась угроза Киеву, и порой казалось — оставление его нашими войсками — дело нескольких недель. При жизни моей матери (она пережила отца на девятнадцать лет), мы, думая о возможной будущей войне, всегда представляли себе, что в этом случае уедем с Украины на север, взяв с собою все ценное для памяти отца. Тогда мы думали, что можно будет все спокойно уложить, получить для перевозки вагон и своевременно уехать в заранее намеченный город. Теперь, когда опасность надвинулась так внезапно, сначала у меня не было представления о возможности отъезда и о форме эвакуации музея.

Музей В. Г. Короленко существовал с 1928 года в доме, где он жил, работал и умер. Небольшой особняк, затерявшийся на зеленой улице, близ городского сада, привлекал многих посетителей и после смерти отца, как и при его жизни. Сначала, к 75-летию В. Г. Короленко, здесь была организована выставка Краеведческим полтавским музеем, совместно с нашей семьей. Эта выставка, дополненная и более тщательно оформленная, стала затем настоящим музеем.

Первые годы после смерти отца, наша семья отдавала все свои силы работе над его литературным наследством и публикацией этого наследства. Но и в эти годы мы всегда охотно открывали дом для посетителей, обслуживая музей, в течение ряда лет, в порядке общественной работы.

Полное посмертное собрание сочинений отца было подготовлено, сдано Укргоисиздату и частично опубликовано. Рукописи и другие автографы отца, подготовленные и описанные нами, были переданы после всестороннего и долгого обдумывания Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве в 1938—1939 годах. К тому времени, как эти основные задачи нами были выполнены, с 1-го января

1940 года музей В. Г. Короленко получил годовой бюджет, был организован, как нормально действующее учреждение, и я стала его директором.

После возникновения войны музей В. Г. Короленко продолжал работать и относительно дальнейшей своей судьбы ждал распоряжений от Наркомпроса. Как и все директора музеев, я получила предписание не сворачивать экспозицию, не закрывать ее для посетителей, но продолжать работу. Через Полтаву двинулась волна беженцев, мобилизованных, красноармейцев. И с юга, и с запада, и с севера население эвакуировалось из занимавшихся вражескими армиями мест.

Тревога нарастала, но становилось все яснее, что сопротивление усиливается и значит, впереди еще есть возможность аккуратно уложить все, собраться и, когда это понадобится, уехать.

Посетители, приходившие в эти трудные и страшные дни, заходили в дом писателя В. Г. Короленко, как когда-то пришли бы к нему живому, ища поддержки и помощи. Я старалась, чтобы в доме был порядок и покой. У меня сохранилась книга, с отметками впечатлений посетителей в течение первых двух с лишним месяцев войны. Здесь записали свои впечатления группы учащихся, учителей, артистов, красноармейцев, работников эвакуировавшихся через Полтаву учреждений, одиночек посетителей и пр.

Вот несколько из этих записей.

15 июля 1941 года отмечено: «3 недели войны с немцами...»

«...В моем восприятии всегда стоят вместе три имени — Короленко, Чехов и Коцюбинский... Из них Владимир Галактионович особенно привлекал своей целеустремленностью, любовью к жизни, человечностью в лучшем значении этого слова, гармоническим развитием своих недюжинных душевных сил. Все это не забывается в эти грозные дни кровавой бойни, в которую втянута наша прекрасная родина, благоговейно любимая и Владимиром Галактионовичем и каждым честным человеком...»

Враги не уничтожат многовековой культуры русского народа, представителем которого был и писатель-труженик Владимир Галактионович Короленко...»

Пространная запись заканчивается так: «Написано весьма бестолково, но зато от души. А бестолково от смертельной усталости, солнца и пыли...»

«Бурные дни привели нас из Киева в Полтаву...» — пишет группа мобилизованных киевлян.

«Идя пешком из Киева с котомкой за плечами, я вспомнил Владимира Галактионовича. Счастлив, что имел возможность посетить этот дом. 16/VII—1941 г.» — пишет старший научный сотрудник Академии Наук УССР, также в качестве мобилизованного, проходивший через Полтаву.

Группа проезжавших через Полтаву в Куйбышев научных сотрудников Туберкулезного Института, — пишет: «Светлый и благородный образ В. Г. Короленко, который перед нами встает во всем своем величии при осмотре музея, зовет нас на подвиги в защиту своей родины, на борьбу со всякой несправедливостью. 17/VII—1941 г.»

«24/VII—1941 г. Музей В. Г. Короленко посетила группа житомирских земляков писателя».

«Жизнь В. Г. Короленко — это частица истории русского общества и истории русской литературы», отмечено в тот же день.

«В наши тяжелые дни, когда опасность нависла над родиной, когда враг ведет бешеную травлю иных народов, когда культурные достижения человечества находятся в опасности — посещение дома-музея В. Г. Короленко знакомит так особенно близко с великим писателем и светлым человеком... и вселяет особую бодрость и уверенность в скором изгнании и уничтожении всех кошмаров, которые несет человечеству гитлеризм. 26/VII—1941 г.»

Подпись и приписка: «Проездом через Полтаву вследствие мобилизации».

8 августа отмечено: «Группа студентов и преподавателей, посетив музей Короленко, сердечно благодарит за сохранность всего того, что касается жизни и творчества великого русского гуманиста».

Своеобразна и искренна детская запись: «Мы пионеры и октябрята пришли посмотреть в музей Владимира Галактионовича Короленко. Нас пришло 17 человек в музей и всем нам понравился этот музей. Всего лучше нам понравилось, как он много работал и не отказывался от какой-нибудь работы». За всех подписала Лена Орловская.

Тут же ребята постарались доказать, что написанное Леной, — не пустые слова. Осмотр дома детьми был нарушен воздушной тревогой, и когда она миновала, то дети (это тоже была группа эвакуировавшегося из-под Киева детского дома) охотно помогали перенести для охраны от возможных будущих бомбардировок, некоторые вещи в глубокий погреб под домом.

Бомбардировки все учащались и усиливались, редкий день проходил без двух, трех тревог. Были и разрушенные здания, и убитые.

Последняя отметка в музейной книге впечатлений помечена 25 августа 1941 года: «Все выдающиеся люди, особенно русские, много работали и вот так скромно жили...»

К этому времени был занят Кременчуг. Днепр уже не являлся естественной преградой, а от Кременчуга до Полтавы немногим больше ста километров. Предписания от Наркомпроса увозить музейные ценности еще не было, но становилось все более ясным, что если надо уезжать, то медлить нельзя. Получить отдельный вагон, о чем я хлопотала, не представлялось возможным, приходилось оставить все трудно перевозимое, взять только самые ценные литературные материалы.

Стояли чудесные солнечные, ясные дни ранней полтавской осени. В нашем саду сливовые деревья казались лиловыми от огромного урожая фруктов, ярко краснели от множества ягод кусты кизила. Площадка в городском саду около общей могилы моих родителей была залита ярко-красными пышно разросшимися геранями.

Город уже значительно опустел, уехал и детский дом, останавливавшийся еще недавно в ближней школе и оживлявший эту тихую, заросшую цветами площадку с могилами.

Здесь, думая обо всем совершающемся, я почувствовала необходимость торопиться уехать, чтобы сберечь по возможности все литературное наследство отца, собрать вместе разбросанные сейчас материалы и после войны дать полный образ В. Г. Короленко, сохранив его для будущего и русской литературы.

Придя на могилы, я попрощалась с ними, стараясь в воспоминаниях о моих отошедших найти силы для предстоявшего трудного путешествия и дальнейшей жизни и работы.

II. ЭВАКУАЦИЯ. ПОЛТАВА — СВЕРДЛОВСК.

В середине августа 1941 года железные дороги в направлении на Харьков подвергались уже сильной бомбардировке, часто приходили сообщения о несчастиях с уезжавшими, о гибели целых эшелонов.

«Куда вы поедете, вас убьют в дороге», — отговаривали нас от поездки знакомые, решавшиеся по той или другой причине оставаться в Полтаве: у некоторых не было средств на отъезд, другие были связаны со стариками или больными, третьи не хотели оставить места, в которых прошла вся жизнь.

Мы жили в Полтаве с 1903 года и, хотя часто подолгу приходилось жить и работать, — последнее время в Москве, создалась большая привычка к Полтаве и многочисленные связи. Вскоре после начала войны я заболела, доктор, лечивший меня, говорил, что поездки мне не перенести.

«Не довезете ребенка», говорила, плача, наша давняя работница, ставшая почти членом нашей семьи. Она горячо любила мою маленькую внучку, но не решалась ехать с нами, так как тем самым приходилось оставлять свою семью.

25 августа был последний день посещения музея, на 31 августа назначалась погрузка. Ценности литературного музея В. Г. Короленко и кое-что из художественных ценностей Краеведческого музея должен был захватить вагон Госбанка и Сберкасы, направлявшийся в Свердловск. Отправка задерживалась и, хотя каждый день увеличивал опасность путешествия, эта задержка явилась для нас счастливой случайностью: 2 сентября неожиданно из Москвы приехала моя сестра Наталья Владимировна Короленко-Ляхович. Не зная, можем ли мы выехать из Полтавы, она решила приехать к нам, чтобы разделить нашу участь. В тот же день я внесла ее в свое эвакуационное свидетельство. 3 сентября мы погрузились и сели в вагон.

Те, кто предсказывали нам опасности и трудности пути, конечно, не ошиблись. Ехать пришлось в небольшой теплушке, почти сплошь заложенной ящиками и мешками с грузом Полтавского Госбанка и Сберкасы. Грузились в проливной дождь, погрузка на время была прервана энергичной бомбардировкой, поэтому вещи сложили спешно и беспорядочно, почти доверху теплушки. Туда же поместились еще 32 человека семейств служащих эвакуированных учреждений. Здесь были дети разных возрастов, двое грудных, были старики. Сутки мы простояли на путях в Полтаве и 4 днем тронулись на Харьков.

В Харькове, на товарной станции «Основа», мы подверглись второй сильной бомбардировке.

Но особенно жестокой была бомбардировка в Купянске. Наша теплушка шла с товарными поездами и останавливалась среди товарных поездов. В Купянске наш состав стоял рядом с поездом, перевозившим горючее. Когда послышался

сначала полет вражеских самолетов, а затем, все приближавшиеся, разрывы бомб, мы с тревогой посматривали на протянувшийся около нас состав с цистернами. Смотревшие в щели нашей теплушки передавали, что из других теплушек люди побежали в лес; некоторые у нас хотели сделать то же. Но послышалась близкая пулеметная стрельба с немецких аэропланов по бегущим. Бомбардировка все усиливалась. Начинало вечереть. Вдруг мы увидали, что поезд с цистернами начал тихонько двигаться и совсем ушел из нашего соседства. А потом и наш состав двинулся так же тихо, как будто боясь привлечь вражеское внимание, отошел от станции и остановился под лесом. Разрывы бомб становились все сильнее, испугались и начали плакать дети. Я старалась успокоить свою маленькую девочку, которая тоже плакала, сидя у меня на коленях. Молча, в темноте теплушки, я нашла руку сестры и почувствовала ее крепкое ответное пожатие. Никто в вагоне не говорил, только шепотом взрослые старались остановить плач детей, как будто боясь, чтобы их не услышали. Вдруг земля задрожала и наша теплушка пошатнулась. Упал где-то близко снаряд огромной силы. Потом говорили, что было разбито несколько вагонов пассажирского поезда и было много жертв.

Скоро после этого мы услышали гул наших самолетов, бомбардировка прекратилась и мы двинулись от опасной станции.

Сначала потихоньку, а потом все скорее и скорее. Теперь нам казалось, что из одной опасности мы попали в другую. Поезд летел, убегая от врагов. Плохо сложенные вещи, во время быстрой езды начали двигаться, грозя обрушиться и задавить приютившихся между ними людей. Теплушку швыряло из стороны в сторону, доски скрипели, что-то стучало и стонало, казалось, ящики вот-вот разобьют стены и теплушка развалится на части, а мы погибнем под ее обломками.

Но теплушка не развалилась, — дети заснули на руках у старших, и часа через три такого напряженного бегства, мы остановились на другой, уже спокойной станции.

Много дней мы ехали, меняя маршруты в зависимости, вероятно от состояния путей. Проезжали по вечерам затемненные города, останавливались на темных вокзалах. На остановках к нашей теплушке подходили, проверяли, подливали масло, стучали по колесам, отцепляли и опять куда-то прицепляли, и мы двигались дальше.

Когда остановки были длительными, нам удавалось вылезть из вагона. Мы разговаривали с ехавшими на фронт красноармейцами, с рабочими, и они нам сообщали последние известия, которые все время были мрачными. Мы узнали от рабочих, что иногда они дежурили по две или три смены. Порой, выполняя свою работу, они пошатывались от усталости. И все-таки наш вагон двигался по своему пути, направляемый может быть и усталой, но верной рукой.

12 сентября, изменив маршрут, вероятно, после Купянска, т. к. раньше мы должны были ехать на Куйбышев, мы остановились около Москвы.

Это опять была одна из тех счастливых случайностей, которые, казалось, заботились о нашей судьбе.

К этому времени моя маленькая внучка тяжело заболела. Когда выезжали с Украины, погода стояла жаркая. Взять с собой, благодаря спешности сборов, ничего долго

сохраняющегося — не удалось. Девочка сначала голодала, а потом ей пришлось давать неподходящую пищу. К тому времени, когда наша теплушка остановилась под Москвой, ребенок очень ослабел, она бы не вынесла долгого пути. На одной из пригородных станций сестра с ребенком сошли с поезда, ей удалось добраться до своей квартиры — и здесь, в Москве, ребенок недели через две вполне поправился.

Я и остальные мои близкие продолжали дальнейшее путешествие. Оно тянулось еще 10 суток — и в холодный день поздней осени, при первом снеге, мы приехали в Свердловск.

После восемнадцати дней пути, когда я отправилась со станции в Свердловск, просить приюта для нашей семьи и места, куда сгрузить материалы музея, мною овладело настроение какой-то спокойной уверенности. Вот мы ехали 18 суток. У нашей одинокой теплушки не было проводника, — сопровождавшая грузы банка и сберкассы служащая, лежала больная. Только уже дня за три до Свердловска мы с радостью увидели первые огоньки, остальное время по ночам мы проезжали мимо темных станций, поезд останавливался на не освещенных путях. И наша маленькая теплушка не заблудилась, не была загнана в тупик, не развалилась, не попала в крушение.

У меня создалась уверенность, что опыт проделанного нами пути говорил о рабочей выдержке и стойкости, о дисциплине и согласованности в работе, несмотря на видимость хаотичности и иногда даже беспорядка. А это вселяло надежду, что дурные вести, шедшие с фронта, сменяются другими, что мы доживем еще до победы.

В Свердловске, в Сталинском райсовете, я нашла отзывчивость и сочувствие к нам, к нашей усталости. В первую же ночь мы ночевали под крышей, в теплой комнате, и могли, после 18 дней пути, первый раз лечь и спокойно заснуть. А на другой день в домоуправлении нам выдали карточки, и я почувствовала себя здесь, в чужом городе, больше на родине, чем чувствовала все последнее время на Украине.

Труднее было разместить материалы музея. Пришлось попутешествовать по городу, пока им уделила место Библиотека Белинского, казавшаяся мне и сначала самым близким музеем В. Г. Короленко учреждением. Свердловское ОблОНО приняло музей в свое ведение и, с согласия Наркомпроса, путем выставок и докладов, некоторые материалы были открыты для обозрения. Я продолжаю работать как директор музея.

Оглядываясь назад, на прожитый год, я думаю, что созревшее у меня к концу нашего пути сознание внутренней силы нашего народа и неизбежности роста нашего сопротивления, подтвердилось.

Оставшаяся в Москве, моя сестра провела там всю зиму. Москва была в смертельной опасности, — в октябре, ноябре и декабре немцы были совсем близко. Выхать из Москвы в условиях того времени с маленьким ребенком было трудно, но я получала от сестры спокойные, ободряющие письма. В этих письмах не было ни страха, ни тревоги, но неизменная уверенность, что увидимся. Это было не единичное явление, а настроение, широко разлитое в Москве.

И действительно, весной, уже в хороших условиях передвижения, моя сестра с внучкой приехала в Свердловск, привезя с собой хранившиеся еще в Москве литературные материалы отца и материалы для печатания его «Сибирских рассказов».

Война, которая должна была быть по планам немцев — молниеносной, тянется уже больше года, она несет для нас и сейчас и в дальнейшем огромные трудности, но огромны и мужество и силы нашего народа, сказывавшиеся всегда в труднейшие моменты нашей истории.

С. В. Короленко

12 окт. 1942 г. Свердловск

4. Заключение

С 1928 по 1940 годы музей прошел путь от временной юбилейной выставки до постоянной экспозиции. Все эти годы хранительницей наследия В. Г. Короленко была его старшая дочь Софья Владимировна. Именно ее усилиями в 1930-е годы был систематизирован архив писателя. Наиболее ценная часть архива была передана в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина.

В дальнейшие планы по развитию литературно-мемориального музея В. Г. Короленко вмешалась война. Софье Владимировне удалось эвакуировать оставшуюся часть архива писателя в Уфу, передав его Академии наук УССР. Однако в Полтаве еще оставалась основная музейная экспозиция, которую необходимо было спасти от уничтожения нацистами. Примечательно, что Наркомпрос Украины, несмотря на быстрое продвижение немецких войск, не давал указаний на проведение эвакуации [ЦДООСО, ф. 520, оп. 1, д. 7, л. 131об., 133об.]. В этих условиях директору музея пришлось принимать решение самостоятельно.

В августе 1941 года на южном фланге советско-германского фронта сложилась катастрофическая ситуация. Войска Красной Армии стремились остановить продвижение врага на рубеже Днепра, одновременно с этим продолжая оборонять Киев. В конце августа противнику удалось переправиться через Днепр у Кременчуга, но захват этого города не являлся первостепенной задачей немецких войск. Они постепенно расширяли плацдарм, планируя нанести удар на север с целью окружения Юго-Западного фронта [Исаев, 2005, с. 514—516].

Следовательно, в августе и начале сентября 1941 года непосредственной угрозы захвата Полтавы немецкими войсками не было. Однако этот город — крупный экономический центр и транспортный узел — подвергался постоянным ударам авиации противника, о чем С. В. Короленко неоднократно упоминает в отчете. Помимо этого, в Полтаве располагалось командование войсками Юго-Западного направления во главе с маршалом С. М. Буденным.

Софья Владимировна не была военным человеком, ее представления о ходе боевых действий основывались на официальных сводках, рассказах беженцев и мобилизованных. Отметим также, что тревожную информацию она получала от посетителей музея. С. В. Короленко решила, что положение на фронте становилось все более угрожающим, и 25 августа 1941 года стал последним днем работы музея [ЦДООСО, ф. 520, оп. 1, д. 7, л. 133об.]. В максимально сжатые сроки ей удалось подготовить экспозицию к эвакуации. Распространившиеся в Полтаве слухи о захвате немцами Кременчуга, самого крупного железнодорожного узла на пути к Полтаве и Харькову, привели к росту панических настроений и быстрому оттоку

гражданского населения на восток. Однако Кременчуг был оккупирован войсками противника не 25 августа, а 8 сентября 1941 года.

Благодаря усилиям С. В. Короленко музейная коллекция была вывезена из Полтавы 4 сентября. Судя по эвакуационному свидетельству, полученному директором музея, груз сопровождали 11 человек. Из них членов семьи Короленко было трое: дочери писателя Софья Владимировна и Наталья Владимировна, а также правнучка В. Г. Короленко Наталия Сергеевна Ляхович (1939—2018). Остальные 8 человек — друзья и знакомые семьи Короленко, евреи по национальности, которым грозила неминуемая гибель [Гейштор, 2001, с. 18]. После изматывающих 18 дней пути 23 сентября 1941 года они прибыли в Свердловск.

Судьба дома-музея В. Г. Короленко в Полтаве оказалась трагичной. После окружения противником основных сил Юго-Западного фронта советское командование предпринимало попытки восстановить оборону на харьковском направлении. Район Полтавы пыталась удержать ослабленная боями 38-я армия. Однако превосходящие силы 17 немецкой армии вынудили советские войска отойти за р. Ворскла. 19 сентября 1941 года противник занял большую часть города. На следующий день Красная Армия оставила Полтаву, отступив на восток вдоль железной дороги на Харьков [Исаев, 2005, с. 594—595].

Ранней осенью 1941 года Полтава уже не имела стратегического значения. Однако контроль над городом был для противоборствующих сторон важен с идеологической и пропагандистской точек зрения. В нацистской Германии «трагическая история» шведского короля Карла XII являлась частью мифа о многовековой борьбе «арийской расы» со славянами [Zander, 2017, s. 15].

В Советском Союзе образ Петра I, победителя Карла XII, широко транслировался в пропагандистских целях на протяжении всей Великой Отечественной войны. Однако упоминания о ключевом сражении Северной войны, битве под Полтавой 1709 года, стали использоваться только после освобождения города 23 сентября 1943 года. Академик Е. В. Тарле, цитируя Петра I, писал: «Карл мечтает быть Александром Македонским. Но он не найдет во мне Дария. Петр уместно помянул трусливого царя Дария, побежденного Александром Македонским. В России “дариев” не было и нет...» [Тарле, 1943]. Ученый подчеркивал, что Полтавская битва «решила судьбу России <...> Конечно, нельзя сравнивать Карла XII с презренным негодяем Гитлером <...> Сегодня Красная Армия вернула советскому народу Полтаву. Завтра она вернет всю, пока еще оставшуюся в руках разбойничьей орды, территорию нашей Родины — до последней пяди» [Там же].

После захвата немцами Полтавы в доме великого гуманиста располагалась оккупационная администрация. В ходе ожесточенных боев 1943 года город был сильно разрушен. Фронтовой корреспондент сообщал: «Здание музея еще в огне. Все, что фашистские изверги не сумели вывезти в Германию, они сожгли. Из дома вынесли полубогоревшие трупы полтавчан. Кто они — узнать трудно» [Хлыстов, 1943].

Подводя итоги, необходимо вновь подчеркнуть роль Софьи Владимировны Короленко в спасении литературного наследия В. Г. Короленко. Приведенный выше отчет, адресованный Уральскому филиалу комиссии по истории Великой От-

еественной войны Академии наук СССР, является уникальным документом. Это подробный, достоверный, эмоциональный рассказ об эвакуации культурных ценностей из прифронтовой полосы в глубокий тыл. В Свердловске С. В. Короленко сумела развернуть временную экспозицию музея, велась активная работа в вузах, школах, детских домах и госпиталях. Одновременно к печати готовились произведения В. Г. Короленко («Сибирские рассказы»), которые вышли в свет после окончания Великой Отечественной войны.

Источники и принятые сокращения

1. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 520 (Уральская комиссия по истории Великой Отечественной войны). Оп. 1. Д. 7. Л. 119—130, 131—137.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борковская Г.* Чужеземки / Г. Борковская ; пер. с польск. И. Адельгейм, Н. Романовского. — Москва : Идея-Пресс, 2007. — 220 с.

2. *Вахромеева О. Б.* Вклад бывших бестужевков в создание мемориальных музеев отечественных писателей в XX веке (к 140-летию женского университета) / О. Б. Вахромеева // Вопросы музеологии. — 2018. — Т. 9, Вып. 1. — С. 4—14.

3. *Гейштор Л. К.* Вблизи Короленко / Л. К. Гейштор. — Полтава : Техсервис, 2001. — 264 с.

4. *Исаев А. В.* От Дубно до Ростова / А. В. Исаев. — Москва : АСТ, 2005. — 752 с.

5. *Кантор Ю. З.* Невидимый фронт. Музеи России в 1941—1945 гг. / Ю. З. Кантор. — Москва : Политическая энциклопедия, 2017. — 334 с.

6. *Короленко С. В.* Книга об отце / С. В. Короленко ; предисл. А. В. Западова. — Ижевск : Удмуртия, 1968. — 382 с.

7. *Крупская Н. К.* Письмо детям Полтавской трудовой колонии имени В. Г. Короленко / Н. К. Крупская // Избранные педагогические произведения. — Москва : Учпедгиз, 1957. — 715 с.

8. *Люксембург Р. В.* Короленко (По поводу «Истории моего современника») / Р. Люксембург ; пер. З. А. Венгеровой // Красная новь : литературно-художественный и научно-публицистический журнал. — 1921. — № 2. — С. 183—203.

9. *Мохов А. С.* «Прибыли в полной сохранности» : эвакуация коллекций Херсонесского музея в Свердловск / А. С. Мохов, А. В. Шаманаев, К. Р. Капсалыкова // Quaestio Rossica. — 2020. — Т. 8, № 2. — С. 639—651. — DOI: 10.15826/qr.2020.2.485.

10. *Ольховская Л. В.* Наследницы В. Г. Короленко / Л. В. Ольховская, В. В. Ольховский // Десятые Короленковские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 19 окт. 2016 г. — Глазов : Глазов. гос. пед. ин-т, 2017. — С. 31—38.

11. *Памяти В. Г. Короленко* // Известия : газета. — 1928 г. — 20 июля, № 167 (3401).

12. *Полтавский литературно-мемориальный музей В. Г. Короленко* : путеводитель / вступ. ст. С. В. Короленко; сост. Л. К. Гейштор. — Харьков : Изд-во Книжной палаты УССР, 1955. — 91 с.

13. *Разгон А. М.* Эвакуация музеев и музейных коллекций в период Великой Отечественной войны / А. М. Разгон // Слово о соратнике и друге (К 80-летию А. М. Разгона) : научные чтения / отв. ред. Т. Г. Игумнова. — Москва : Гос. Исторический музей, 1999. — С. 122—133.

14. *Советский тыл* в Великой Отечественной войне : в 2 кн. Кн. 1 : Общие проблемы / под ред. П. Н. Поспелова. — Москва : Мысль, 1974. — 300 с.

15. *Тарле Е. В.* Полтава / Е. В. Тарле // Красная Звезда : газета. — 1943. — 24 сентября, № 226 (5597).
16. *Хлыстов Ф. Ф.* Первый день / Ф. Ф. Хлыстов // Суворовский натиск : газета. — 1943. — 23 сентября.
17. *Zander U.* Karl XII har dyrkats av skolpojkar och nazister / U. Zander // Svenska dagbladet : newspaper. — 18.07.2017. — S. 15.

ROLE OF S. V. KOROLENKO IN EVACUATION OF THE POLTAVA LITERARY AND MEMORIAL MUSEUM OF V. G. KOROLENKO TO SVERDLOVSK IN 1941¹

© **Anton S. Mokhov (2020)**, orcid.org/0000-0001-9803-6949, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), a.s.mokhov@urfu.ru.

© **Karina R. Kapsalykova (2020)**, orcid.org/0000-0003-4163-5099, PhD in History, Assistant, Department of Oriental Studies, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), k.r.kapsalykova@urfu.ru.

The article is devoted to the problem of the evacuation of cultural values during the Great Patriotic War. The relevance of the research is due to the fact that in historiography insufficient attention is paid to the salvation of the treasures of provincial museums in 1941—1942. The question is raised about the lack of a unified plan for the evacuation of museum collections from the western regions of the USSR in the initial period of the war. The novelty of the research is in the introduction into scientific circulation of a unique document — a report on the evacuation of the literary and memorial museum of V. G. Korolenko from Poltava to Sverdlovsk. The question of the history of the creation of the museum and its work in the pre-war period is considered. The authors dwell on the history of the creation of literary and memorial museums in the USSR in the 1920s-1930s. The composition of the archive of V.G.Korolenko is characterized. It is shown that the graduates of the higher female Bestuzhev courses played a significant role in this process. Particular attention is paid to the activities of the museum director, the writer's eldest daughter, Sofya Vladimirovna Korolenko. It has been proven that she is credited with saving the museum collection from the front line. According to the authors, the history of the evacuation of cultural property during the war is a poorly studied issue, the solution of which depends on the publication of sources.

Key words: the Great Patriotic War; museology; evacuation of museum collections; Poltava Museum of V. G. Korolenko; S. V. Korolenko.

MATERIAL RESOURCES

TsDOOSO — *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti. (Uralskaya komissiya po istorii Velikoy Otechestvennoy voyny)* [Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (Ural Commission on the History of the Great Patriotic War)]. (In Russ.).

REFERENCES

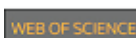
Borkovskaya, G. (2007). *Chuzhezemki* [Outlander]. Moskva: Ideya-Press. 220 p. (In Russ.).

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-09-00106 “Preservation of the cultural heritage of Russia in the conditions of military conflicts in the first half of the 20th century”.

- Geyshtor, L. K. (eds.). (1955). *Poltavskiy literaturno-memorialnyy muzey V. G. Korolenko: putevoditel* [Poltava literary and memorial museum of V. G. Korolenko: a guide]. Kharkov: Izd-vo Knizhnoy palaty USSR. 91 p. (In Russ.).
- Geyshtor, L. K. (2001). *Vblizi Korolenko* [Near Korolenko]. Poltava: Tekhservis. 264 p. (In Russ.).
- Isaev, A. V. (2005). *Ot Dubno do Rostova* [From Dubno to Rostov]. Moskva: AST. 752 p. (In Russ.).
- Kantor, Yu. Z. (2017). *Nevidimyy front. Muzei Rossii v 1941—1945 gg.* [Invisible Front: Russian Museums 1941—1945]. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya. 334 p. (In Russ.).
- Khlystov, F. F. (1943). Pervyy den'. [First day]. *Suvorovskiy natisk* [Suvorov onslaught], 23 sentyabrya. (In Russ.).
- Korolenko, S. V. (1968). *Kniga ob ottse* [The book about the father]. Izhevsk: Udmurtiya. 382 p. (In Russ.).
- Krupskaya, N. K. (1957). Pis'mo detyam Poltavskoy trudovoy kolonii imeni V. G. Korolenko [Letter to the children of the V. G. Korolenko Poltava Labor Colony]. In: *Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniya* [Selected pedagogical writings]. Moskva: Uchpedgiz. 715 p. (In Russ.).
- Lyuksemburg, R. (1921). V. Korolenko (Po povodu «Istorii moego sovremennika») [V. Korolenko (Concerning the “History of my Contemporary”)]. *Krasnaya nov': literaturno-khudzhestvennyy i nauchno-publitsisticheskyy zhurnal* [Red nov': literary-artistic and scientific-journalistic journal], 2: 183—203. (In Russ.).
- Mokhov, A. S., Shamaev, A. V., Kapsalykova, K. R. (2020). «Pribyli v polnoy sokhrannosti»: evakuatsiya kollektsey Khersoneskogo muzeya v Sverdlovsk [They Arrived Completely Intact: The Evacuation of Chersonese Museum Collections to Sverdlovsk]. *Quaestio Rossica*, 8 (2): 639—651. DOI: 10.15826/qr.2020.2.485. (In Russ.).
- Olkhovskaya, L. V., Olkhovskiy, V. V. (2017). Naslednitsy V. G. Korolenko [V. G. Korolenko's heirs]. In: *Desyatyye Korolenkovskie chteniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 19 okt. 2016 g.* [Tenth Korolenkov readings: materials of the Mezhdunar. scientific-practical conf.]. Glazov: Glazov. gos. ped. in-t. 31—38. (In Russ.).
- Pamyati V. G. Korolenko [In memory of V. G. Korolenko]. (1928). *Izvestiya* [News], 20 iyulya, 167 (3401). (In Russ.).
- Razgon, A. M. (1999). Evakuatsiya muzeev i muzeynykh kollektsey v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Evacuation of museums and museum collections during the Great Patriotic War]. In: *Slovo o soratnike i druge (K 80-letiyu A. M. Razgona): nauchnye chteniya* [A word about a colleague and friend (To the 80th anniversary of A. M. Razgon): scientific readings]. Moskva: Gos. Istoricheskiy muzey. 122—133. (In Russ.).
- Pospelov, P. N. (ed.) (1974). *Sovetskyy tyl v Velikoy Otechestvennoy voyne: Obshchie problemy* [Soviet rear in the Great Patriotic War. Common problems]. Moskva: Mysl. 2/1: 300 p. (In Russ.).
- Tarle, E. V. (1943). Poltava. In: *Krasnaya Zvezda* [Red Star], 24 sentyabrya, 226 (5597). (In Russ.).
- Vakhromeeva, O. B. (2018). Vklad byvshikh bestuzheвок v sozдание memorialnykh muzeev otechestvennykh pisateley v XX veke (k 140-letiyu zhenskogo universiteta) [Contribution of former bestuzhev women to the creation of memorial museums of Russian writers in the 20th century (to the 140th anniversary of the women's university)]. *Voprosy muzeologii* [Museological issues], 9 (1): 4—14. (In Russ.).
- Zander, U. Karl XII har dyrkats av skolpojkar och nazister. *Svenska dagbladet: newspaper*. 18.07.2017: 15. (In Swed.).

Салфетников Д. А. Нефтяная промышленность на Кубани в 1928—1935 годах: проблемы и факторы производственного роста / Д. А. Салфетников // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 384—397. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-384-397.

Salfetnikov, D. A. (2020). Oil Industry in Kuban in 1928—1935: Problems and Factors of Production Growth. *Nauchnyi dialog*, 10: 384-397. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-384-397. (In Russ.).

УДК 94(47).084+665.66(470.620)“1928/1935”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-384-397

НЕФТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НА КУБАНИ В 1928—1935 ГОДАХ: ПРОБЛЕМЫ И ФАКТОРЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО РОСТА

© Салфетников Дмитрий Анатольевич (2020), orcid.org/0000-0003-2991-7958, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и политологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина» (Краснодар, Россия), da.salfetnikov@mail.ru.

Рассматривается вопрос о развитии нефтяной промышленности в кубанских районах в конце 1920-х и в первой половине 1930-х годов. Уделяется внимание состоянию нефтедобычи и нефтепереработки в конце нэпа, причинам тяжелого положения нефтяной промышленности. Представлены результаты сопоставительного анализа потенциала и деятельности соответствующих кубанских заводов, входивших в различные нефтяные тресты. Предлагается классификация предприятий в зависимости от их профиля (нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие) и производственного значения. Выполнен обзор производственной жизни данных предприятий. Оценивается их роль в экономике региона и в укреплении межрегиональных экономических связей. Актуальность исследования обусловлена необходимостью рассмотрения степени участия предприятий нефтяной отрасли на Кубани в решении важных экономических задач, выходящих за рамки данного региона. Анализируется и реконструируется ситуация в нефтедобыче и нефтепереработке как важном сегменте тяжелой промышленности, располагавшейся на территории аграрного региона. Поднимаются вопросы о специфике развития нефтяной отрасли на Кубани, о форме подчинения ее предприятий. Особое внимание уделяется проблемам кадрового обеспечения, технического оснащения нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий и их влияния на выполнение сложных плановых заданий. Доказано, что динамика разработки кубанских нефтеносных районов и развития нефтеперерабатывающих заводов зависела от внедрения новых методов бурения, от усиления эксплуатации как освоенных, так и новых нефтеносных районов.

Ключевые слова: нефтедобывающие предприятия; нефтеперерабатывающие заводы; нефтяная промышленность; нефтепромыслы; тресты; индустриализация; способ бурения; кадровая обеспеченность.

1. Введение

В настоящее время Российская Федерация находится на одном из ведущих мест в мире по нефтедобыче, да и значимость «нефтяного фактора» для экономики страны трудно переоценить, понятен и научный интерес к истории нефтяной промышленности. В исследовательских кругах известно время начала нефтедобычи — 2-ая половина XIX века, а также место, где появилась первая нефтяная вышка в России — Кудакские нефтепромыслы на Кубани. Здесь впервые (не только в России, но и в мире) был применен способ механического ударного бурения

с креплением скважин обсадными трубами, что было новым словом в развивающейся мировой нефтяной промышленности.

Исследуя новые источники возобновляемой и невозобновляемой энергии, необходимо с особым вниманием подходить к истории вопроса зарождения и развития добывающих отраслей промышленности. Он тесно связан с проблемами экономики в нашей стране, ее промышленной конъюнктурой. Поэтому научной новизной отличается и проблема выявления факторов промышленного роста в стране, и анализ того, как отдельные отрасли промышленности участвовали в решении конкретных экономических задач в определенный исторический период. Велика роль энергетических отраслей, в том числе топливной энергетики, среди которых особое место занимала нефтяная, ставшая в первой половине XX века одной из ведущих отраслей. Она во многом определяла ход промышленной модернизации страны и ее регионов. Среди них Кубань с ее аграрными приоритетами, которая к началу индустриализации имела тем не менее большой спектр ресурсов, в том числе нефтяных. Нефтедобыча и нефтепереработка стимулировалась развитием техники с двигателями внутреннего сгорания, что в условиях модернизации экономики государства в «век моторов» имело особенное значение как для развития тяжелой промышленности, так и для обороноспособности страны.

Целью работы является рассмотрение проблем реконструкции и развития нефтяной отрасли промышленности в кубанских районах, ее места, определенного задачами форсированной индустриализации. Изучение динамики развития нефтедобычи, нефтепереработки в стране и на Кубани в начальный период индустриализации и к середине 1930-х годов (то есть к началу нового этапа рабочего ударничества и определенных технологических свершений) остается по-прежнему актуальным. Исследования ряда авторов [Иголкин, 2005; Карпов, 2010; Соколов, 2013 и др.] отражают проблемы технического и кадрового обеспечения нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности в период 1920—1930-х годов, показывают потенциал отрасли, ее недостатки и достижения на примере ряда предприятий, входивших в различные нефтяные тресты и располагавшихся в нефтеносных районах страны. А. А. Меняйлов в исследуемый период рассматривает работу промышленных (в том числе нефтяных) предприятий в контексте этапов индустриализации на Северном Кавказе [Меняйлов, 2013].

2. Состояние нефтяной отрасли промышленности на Кубани в конце 1920-х годов

К началу советской индустриализации по ряду отраслей произошло некоторое увеличение объемов производства промышленной продукции на душу населения, в том числе по нефти: с 66 кг в 1913 году до 77 кг в 1928 году. Кратный же рост по этим (в том числе) показателям пришелся на годы форсированной индустриализации [Достижения ..., 1957, с. 48]. Восстановление после Гражданской войны промышленного потенциала было приоритетной задачей, но если в целом валовая продукция промышленности превысила показатель 1913 года, то нефтедобыча и нефтепереработка отставали. Именно к концу 1920-х годов большими усилиями

ученых, инженеров и рабочих удалось восстановить разрушенную в ходе Гражданской войны отрасль. Нефтяные промыслы на Кубани восстанавливались по мере укрепления советской экономики, возрастала и добыча нефти. Перспективными по дальнейшей разработке были Кубанские, Апшеронские, Хадзыженские и Холмско-Ильские нефтепромыслы [Навозова, 1951, с. 163].

Масштабы нефтеносных районов и степень их разработки были разными. Например, входившие в трест «Азнефть» Бакинские нефтепромыслы выделялись особо партийно-государственными и хозяйственными органами. Для сравнения скажем, что и на Северном Кавказе было крупное трестированное предприятие (советский трест) «Грознефть», основу которого составляли не только собственные 4 завода в г. Грозном Чеченской автономной области, но и нефтеперегонный завод, находившийся на кубанской земле, в г. Туапсе. Он, в отличие от грозненских нефтеперегонных заводов № 1 и № 3, построенных соответственно в 1894 и 1903 годах, был введен в эксплуатацию уже в начальный период индустриализации, в 1929 году, хотя и не был самым крупным из предприятий треста. Вообще крупные промышленные предприятия на Кубани были сосредоточены в основном в городах (как реконструированные, так и построенные в годы первых пятилеток), в частности, нефтеперегонные — в Краснодаре и приморском Туапсе. Там и проблемы промышленного строительства решались более системно, хотя задачи индустриализации были «сверхмасштабными», а плановые задания следовало выполнять [Салфетников, 2014, с. 142—145].

Кубанские предприятия попали в «Грознефть», войдя в состав Северо-Кавказского совнархоза, с началом политики районирования в 1924 году и, соответственно, ликвидацией Кубчерсовнархоза, чьи нефтяные районы, объединенные ранее трестом «Кубчернефть», передавались в ведение «Грознефти». В период нэпа по договору с «Кубчернефтью» до 1926 года в аренду товариществу «Кубанская нефть» были сданы нефтяные участки Ильского района с недостроенным нефтепроводом и 6 участков Владикавказской железной дороги. Все крупные предприятия в период НЭПа принадлежали государству, основные нефтепромыслы остались за «Кубчернефтью», из них выполнили производственные задания (даже с перевыполнением) только Майкопские (37 тыс. т за 1922—1923 операционный год), а Крымские, и особенно Калужские, шли с серьезным невыполнением. Сказывались технические трудности: с одной стороны, с бурением (преобладание устаревшего канатно-ударного способа и паровых машин), с другой стороны, с недостатком емкостей в нефтехранилищах и сбытом нефти [Сильванюк, 2013]. И это, кстати, не смотря на то, что именно на Кубани впервые нефтяниками был открыт и применен механический способ бурения скважин.

В «Кубчернефть» сначала входило и еще одно известное предприятие — Краснодарский нефтеперегонный завод № 1, производивший мазут (свыше 22 тыс. т), около 10 тыс. т бензина, а также керосин, моторное масло, мылонафт и перерабатывающий более 34 тыс. т нефти. Однако и здесь отсутствие достаточного количества рабочей силы и специалистов, а также транспорта приводило к тому, что в 1925 году этот завод загружен был немногим больше, чем наполовину [Там же].

Краснодарский нефтеперегонный завод позже стал принадлежать другому тресту — «Майнефть». Его валовая продукция за 1930 год составляла в ценах 1926—1927 годов около 10 тыс. руб. — не так много в сравнении с шестью предприятиями «Грознефти»: их совместная выработка валовой продукции за тот же год составила около 300 тыс. руб. [Народное ..., 1932, с. 22, 23]. Предприятие это реконструировалось, испытывая серьезные затруднения и с кадрами, и с основными фондами по полной восстановленной стоимости. Ведь завод этот был пущен в строй еще в 1912 году, имел очень большой износ оборудования и проблемы с транспортными перевозками. При этом за год, с 1929 по 1930, количество рабочих выросло более чем в 2 раза, но выработка продукции в рублях на 1 рабочего в год сократилась в отличие от предприятий треста «Грознефть» (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика по рабочим кадрам предприятий

Наименование промышленного предприятия	Место- нахождение предприятия	Число рабочих (среднесписоч- ное)		Выработка на 1-го рабочего в год (руб.)	
		1929 г.	1930 г.	1929 г.	1930 г.
Нефтеперегонный завод № 3	г. Грозный	184	266	148 817	167 113
Нефтеперегонный завод № 5	г. Туапсе	121	227		
Нефтеперегонный завод № 1	г. Краснодар	96	206	59 206	44 868

[Составлено по: Народное хозяйство Северного Кавказа ..., 1932, с. 23]

Следует заметить, что «нзповское» развитие промышленности на Кубани в целом прошло динамично и результативно. Но недостатки в управлении, а также структурные изменения ограничивали проведение геологоразведочных работ и расширение нефтеразведки; тресты тогда могли этим заниматься только на территории своих нефтяных районов. При нехватке квалифицированных специалистов в области геологоразведки становится понятным, почему в 1920-е годы оценка кубанских нефтяных месторождений часто бывала нечеткой и необъективной.

Подобные проблемы партийно-государственными органами рассматривались и решались достаточно оперативно. В условиях же начавшейся форсированной индустриализации делалось это и путем реорганизации системы управления промышленностью, что часто замыкалось на «всесоюзных» переименованиях. Так, в 1930 году нефтяное объединение стало называться «Союзнефтью», в него входили тресты, в том числе «Грознефть» и «Майнефть» [Нефтяная ..., 1935, с. 9—10].

3. Формы подчинения и специфика развития нефтяных предприятий на рубеже 1920—1930-х годов

Кубанские районы на рубеже 1920—1930-х годов не были объединены административно и территориально так, как это произошло в 1937 году, когда был образован Краснодарский край. Они входили в Северо-Кавказский край, форма подчинения промышленных предприятий зависела не только от географических параметров, но и от производственной целесообразности, от самого процесса трестирования (укрупнение трестов, переподчинение заводов и т. д.). Примером этому, как было указано выше, являлся Туапсинский нефтеперегонный завод, входивший в крупнейший на Северном Кавказе нефтяной трест, центральное правление которого находилось не на Кубани.

Предтечей указанных трестов были топливные главки, организованные постановлением СТО еще в апреле 1921 года, а в составе Высшего Совета Народного Хозяйства (далее — ВСНХ) было создано Главное управление по топливу для руководства всем топливным делом в РСФСР. Ему подчинялись все топливдобывающие и топливозаготавливающие главки, органы совнархозов и областных экономических советов [Управление ..., 1968, с. 227]. Тресты, как и другие хозрасчетные организации, образовывались в 1-ой половине 1920-х годов и были государственными промышленными предприятиями, выступавшими как самостоятельные юридические лица, которые и по своим долговым обязательствам расплачивались сами, в пределах собственного имущества [Угроватов, 1997, с. 26].

Руководство ими осуществляло Центральное управление государственной промышленности, внутри которого создавались отраслевые отделы. Работали они фактически в условиях многоукладной экономики восстановительного периода нэпа. Ситуация меняется во 2-ой половине 1920-х годов, когда на фоне жесткой внутрипартийной борьбы побеждает линия на проведение форсированной индустриализации, чему были подчинены почти все сферы жизнедеятельности советского общества. В этом деле все большую роль начинали играть административно-хозяйственные рычаги. Теперь для трестов руководство предприятиями сводилось в основном к утверждению промфинплана и контролю над его исполнением. Но тресты продолжали оставаться в годы первых пятилеток в структуре ВСНХ, хотя, как и входившие в них предприятия, они различались по своим размерам, соответственно, и по своему производственному потенциалу (пример тому — кубанские предприятия, входившие в «Майнефть» и «Грознефть»).

В докладе Главной инспекции ВСНХ СССР о выполнении директив по переводу предприятий на хозрасчет в декабре 1928 года затрагивался и вопрос о системе снабжения предприятий. Практически во всех трестах она принималась как смешанная: централизованная по части основных или импортных материалов и децентрализованная по части вспомогательных материалов (в основном местной заготовки). Исключением здесь были как раз нефтяные тресты «Азнефть» и «Грознефть», полностью сумевшие централизовать снабжение своих предприятий, которые, и это констатировалось, никаких серьезных возражений не имели. В этом ряду стоял и нефтеперерабатывающий завод в Туапсе, входивший в «Грознефть». Остальные не-

многочисленные, хотя и значимые кубанские нефтяные предприятия снабжались по смешанной схеме [Управление ..., 1968, с. 160]. На этих предприятиях (и на Туапсинском заводе в том числе) использовалось в начальный период их работы в основном импортное оборудование (германского или американского производства).

На Кубани специфика промышленного развития проявлялась еще и в своеобразной «полигеографичности», то есть разнообразии местоположения и размещения предприятий для решения производственных задач. Край богат природными ископаемыми, в том числе нефтяными, имеет разнообразный ландшафт. Добыча нефти происходила в различных местах Кубани, где находились источники топливных ресурсов и были соответствующие предприятия.

Например, в одном из кубанских районов, Апшеронском, находилось предприятие по нефтепереработке со среднегодовым количеством рабочих в 708 человек и общей мощностью двигателей (бензиновых или дизельных, так как электромоторы отсутствовали) — 1574 л. с. Его валовая продукция за 1930-й год составляла 11988 тыс. руб. Это было достаточно крупное предприятие, и, конечно, его производственная величина определялась не только технической обеспеченностью, но и мощностью нефтяных источников. Для сравнения рассмотрим и два нефтедобывающих предприятия Северского района, относительно небольших, с общим количеством рабочих 171 человек и валовой продукцией за тот же год 371 тыс. руб. Да и мощность двигателей была у них в 3 раза меньше, чем у апшеронского, а капитальные вложения в части затрат на реконструкцию, капремонт и расширение — вообще 447 тыс. руб. против 7324 тыс. руб., соответственно. Правда, основные фонды по балансовой стоимости на начало 1931 года разнились не столь радикально в данном сравнении: 1605 тыс. руб. против 8087 тыс. руб. [Народное ..., 1932, с. 38, 52].

Конечно, они отличались, имея на то причины профильно-производственного характера: с одной стороны, нефтеперегонные заводы со своим инструментарием, оборудованием и задачами, с другой — нефтедобывающие предприятия со своими установками. Но вот затраты на новое строительство в то время для них не предполагались, в отличие, скажем, от тех же предприятий «Грознефти». Так, затраты на новые строительные работы Туапсинского нефтеперегонного завода превышали общее количество затрат на реконструкцию почти в 25 раз, составляя около 5 млн руб. [Подсчитано по: Народное хозяйство Северного Кавказа ..., 1932, с. 55]. Политика форсированной индустриализации диктовала свои условия, одним из которых было укрупнение производства, по нефтяной отрасли это прослеживается достаточно наглядно.

4. Проблемы и достижения в деятельности нефтяных предприятий Кубани в 1-ой половине 1930-х годов

В конце первой пятилетки на VII Северокавказской краевой партконференции говорилось об основных задачах второго пятилетнего плана развития промышленности края и о проблемах второй пятилетки. В частности, по нефтяной промышленности конкретно было заявлено о том, что Северный Кавказ должен стать «основным нефтяным районом Союза», обеспечивающим половину всего производства нефти за счет форсированной нефтедобычи в старых нефтеносных районах, а

также «особо интенсивного освоения новых районов». Среди последних называли Кубанские, «Майнефть» и Нижнемайкопские в пределах «Грознефти». Но именно в этот период предприятия нефтяной отрасли переживали серьезные трудности, что сказывалось на результатах работы. Выйдя с хорошими показателями выработки продукции за 1932 год (на 1 млн 9 тыс. руб.), «Майнефть» за 1933 год вышла только на 75,6 % от плановых показателей на этот год. В сравнении с «Грознефтью» ее предприятия были немного впереди по этим показателям, но несколько отставали по рабочей силе (98,6 % против 107,2 %) и росту зарплаты (95,2 % против 108 %) [История ..., 1973, с. 11—12, 46—47].

Участие кубанских предприятий было заметно не только на уровне края. В мае 1932 года именно в г. Туапсе закончилось строительство коксового завода по выработке нефти и бензольного кокса, кстати, 2-го в Советском Союзе. Это снизило зависимость от импорта данной продукции, а чем это было для развернувшихся строек первых пятилеток — вполне понятно [Хрестоматия ..., 1982, с. 116].

Вообще качественные сдвиги проявлялись на рубеже 1-ой и 2-ой пятилеток: почти 95 % всей нефти в 1933 году добывалось вращательным способом, новым и более эффективным. В начале 2-ой пятилетки в Северо-Кавказском крае добывалось более трети всей нефти и три четверти всего производимого в СССР бензина [Северо-Кавказский ..., 1933, с. 14, 24]. Но плановая экономика требовала своих реальных показателей, которые постоянно повышались. По отчету за 1934 год выпуск продукции нефтедобычи в натуральных показателях составил не меньше, чем за 1933 год, но к плану на 1934 год это составило менее половины, хотя по работам вспомогательных производств за 1934 год выполнено было в два раза больше [ГАРО, ф. р-1855, оп. 1, д. 93, л. 2, 2 об].

Председатель Госплана СССР В. В. Куйбышев тогда выступил с таким призывом: «Мы должны узнать свою страну». Речь в данном контексте шла именно об освоении недр, а конкретно — об организации разведки недр, так как знание природных ресурсов было «важнейшим условием разработки плана второй пятилетки. И в его подготовку призывали включиться ученых, инженерно-технические кадры, рабочих, используя уже имеющийся в этом деле опыт» [Валериан ..., 1988, с. 301].

К середине 1930-х годов наблюдались очевидные успехи нефтяной отрасли промышленности в стране, на Северном Кавказе и на Кубани, стали ясными и характер проблем, и возможности, методы их преодоления. Критиковалось то, что разведка нефтеносных районов не закончена и они не введены в эксплуатацию, что происходит «перебуривание» скважин в результате аварий. Также отмечался большой процент непроизводительного времени (в основном по организационным причинам), неудовлетворительное состояние бурового оборудования и недостаточное внимание, уделяемое бездействующим скважинам. Например, анализ работы Хадыженского нефтепромысла за 1933 год показал следующие недостатки: разбросанность объектов работы, распыление сил и средств, слабость ремонтно-механической базы, разнотипность оборудования, бездорожье. Поэтому среди прочих мер руководством промысла было принято решение — сосредоточить работы на центральной промысловой площади [Доманский, 1935, с. 15].

Что касается нефтепереработки, то по вышеупомянутому кубанскому заводу в г. Туапсе указывалось на неудовлетворительное состояние ректификационных колонн и некоторое ухудшение качества нефти, с одной стороны, а с другой стороны, отмечалось улучшение общего отбора светлых фракций нефтепродуктов. И, кстати, в том же 1935 году, рапортуя об успешном завершении строительства нефтепровода «Махачкала — Грозный», заместитель управляющего трестом «Нефтепроводстрой» в телеграмме Наркомату тяжелой промышленности отмечал и высокие показатели в качестве сварки не только этого нефтепровода, но и уже действующего «Грозный — Туапсе», в сравнении с другими нефтепроводами [История ..., 1973, с. 164—166, 182].

Следует отметить, что в развитии нефтяной промышленности, как и в других отраслях, действительно большую роль играла подготовка квалифицированных кадров. За годы 1-ой пятилетки $\frac{2}{3}$ выпускников ФЗУ (из 450 тыс. квалифицированных рабочих) приходилось на промышленность. А в начале 2-ой пятилетки спрос на обученные кадры стал еще больше. В 1935 году Наркомат тяжелой промышленности довел сроки подготовки рабочих ряда сложных специальностей (в том числе и нефтяников) до 1,5—2-х лет, а в иных случаях — и до 3-х лет [Лельчук, 1984, с. 209].

Свою роль сыграло и разделение Северо-Кавказского края (можно сказать, что это было и его разукрупнение) на 2 края: Азово-Черноморский, куда вместе с районами Дона вошли районы Кубани и Адыгейская автономная область, а также Северо-Кавказский с центром в г. Пятигорске [Екатеринодар ..., 1993, с. 564]. Эти административно-территориальные преобразования напрямую сопрягались с производственными задачами и их выполнением.

Из документов видно (в частности, из Второго пятилетнего плана развития народного хозяйства), что на территории Азово-Черноморского края признавалась развитой топливная промышленность. Добыча и переработка угля в основном касались донских районов, а нефти — районов Кубани. Здесь ее дальнейшее развитие связывалось не только с ростом буровых работ и «с усилением эксплуатации существующих районов», но и с вовлечением в работу новых районов: кроме Хадыженского, еще группы Кубанских (Кеслеровский, Адагумский и др.). Если в 1932 году добыли 1010 тыс. т нефти, то за пятилетие добычу нефти и газа планировали довести до 1800 тыс. т, при том что нефтяная промышленность осваивала полностью методы глубокого бурения. По нефтепереработке производственная мощность увеличивалась именно за счет Краснодарского нефтеперегонного завода № 1, производительность которого возрастала с 400 тыс. т до 910 тыс. т [История ..., 1973, с. 87—88]. Если в 1932 году все советские нефтеперегонные заводы могли переработать 25,7 млн т нефти, то на 2-ую пятилетку Госплан ставил задачу — довести переработку до 42,7 млн т. Так должны были увеличиться их производственные мощности, в первую очередь, упомянутого завода № 1 и Туапсинского завода [Иголкин, 2005].

Следует сказать о некоторых технических внедрениях на этом заводе, которые способствовали производственным успехам: здесь с 1932 года системно боролись за увеличение производственной мощности. Параллельно с заменой ректификационных колонн шестикубовую батарею превратили в восьмикубовую. Расходование довольно больших средств вместе с рационализаторскими предложениями труда-

щихся принесло свои плоды: мощность увеличилась в два раза. К 1934 году для переработки более широкой бензиновой фракции построили установку вторичной перегонки, а после этого — и новую трубчатую атмосферную установку [Подольский, 1957, с. 22].

Кстати, план по добыче нефти за 1934 год только предприятиями «Майнефти» был фактически перевыполнен (938,6 тыс. т вместо 883 тыс. т по плану), а «Грознефтью» серьезно недовыполнен (3371 тыс. т вместо 6000 тыс. т). «Кубчернефть» также более чем вполтину план не выполнила, хотя там масштабы были, естественно, гораздо меньше (16 тыс. т вместо 37 тыс. т по плану) [Иголкин, 2005]. И так, в методах работы нефтяников, овладении новой техникой были сделаны немалые успехи. Но плановые задания выполнялись не везде, они были очень высокими, хотя и более «приземленными» во второй пятилетке по сравнению с первой.

5. Производственные и социально-политические изменения как факторы выполнения плановых заданий кубанскими нефтяниками

Обозревая деятельность Народного Комиссариата Тяжелой Промышленности (НКТП) по краю за 1-й квартал 1935 года, партийные и хозяйственные органы отмечали не только факт «недовыполнения плана в целом», но и «более чем удовлетворительные комплексные показатели работы» по отдельным трестам и заводам. В частности, Туапсинский нефтеперегонный завод перевыполнил квартальный план (107,6 %). Сказывался его возросший потенциал уже не только в рамках «Грознефти», но и в экономике края, в связи с увеличением нефтедобычи и роли топливной энергетики вообще. Старались и на других кубанских предприятиях. Краснодарский нефтеперегонный завод выполнил большой объем заданий, но на 86,7 %, Апшеронские нефтепромыслы «Майнефти» — на 85 %, Черноморские нефтепромыслы «Кубчернефти» — на 88 %. Эти показатели сочли тогда «наихудшими», хотя сами проценты выполнения маленькими назвать все-таки нельзя [ГАРО, ф. р-1855, оп. 1, д. 204, л. 1, 1 об].

Основными причинами такого отставания являлись «обстоятельства организационно-технического порядка» и затруднения со снабжением основными материалами. По предприятиям «Майнефти», например, основным фактором недовыполнения программы называлось «недостаточное бурение в 1934 г., в связи с чем имеет место резкое снижение против плана фактической добычи» [Там же, л. 20б]. В первом же квартале 1935 года программа бурения выполнена была только по метражу бурения, но не по числу законченных скважин, так как из-за необеспеченности строительным лесом оно велось при почти полном отсутствии строительства новых буровых вышек [Там же].

Кубань являлась районом страны, наиболее пострадавшим не только от голода 1932—1933 годов, но и от репрессивной политики в отношении казачьих станиц. Отразилось это негативно и на положении работников местной промышленности. Пострадавшее сельское население было одним из источников пополнения рабочего класса. Но социально-демографический фактор здесь не единственный: ухудшилось и продовольственное снабжение городов и промобъединений. В мае 1934 года

утверждался план снабжения «по важнейшим городам и назначениям» Азово-Черноморского края на июнь месяц крайкомом ВКП(б). Снабжение хлебом сокращалось (за счет «урезки общественного питания, установления строгого контроля над расхищением хлеба», «проверки контингентов» и прочее). Настоятельно предлагалось не сокращать нормы потребления в основных промышленных городах края. Среди них были не только Ростов-на-Дону, Шахты, Таганрог, Новороссийск и некоторые другие города края, располагающие разным промышленным потенциалом. В списках этих были также кубанские нефтеобъединения «Майнефть» и «Кубчернефть». И если второй выделялось более 46 тонн муки (на 1,5 тонны меньше, чем в мае), то на «Майнефть» приходилось почти 217 тонн, а это уже на уровне небольших городов, того же кубанского Армавира или донского Сулина [ЦДНИРО, ф. р-8, оп. 1, д. 37, л. 2].

При этом актуализация снабжения продовольствием кубанских городов возрастала и пропорционально росту городского населения: оно увеличилось почти на 33 % с 1929 по 1935 годы. Это касалось и новых, формирующихся тогда индустриальных центров, в том числе, Туапсе с его нефтеперерабатывающим предприятием (на 24 %) [Азово-Черноморский ..., 1935, с. 52]. С другой стороны, мы можем видеть и то, насколько важным было внимание, которое уделялось нефтяной отрасли, работающей в южном регионе, где главным промышленным сегментом была все же переработка продукции сельского хозяйства. В данный период, когда индустриальное строительство разворачивалось все активнее, уже в рамках второй пятилетки, запрос советской экономики как на аграрную продукцию, так и на топливную, особенно нефтяную, был чрезвычайно высок.

6. Заключение

Таким образом, если восстановление нефтяной отрасли промышленности в кубанских районах и ее реконструкция были приоритетными задачами в конце 1920-х годов, то в дальнейшем задачи форсированной индустриализации требовали максимальной отдачи в развитии и эксплуатации данной отрасли. Это обуславливало и определенные формы подчинения кубанских предприятий топливной промышленности, вхождение их в различные по своему производственному весу нефтяные тресты. Система их управления определялась как административно-территориальными факторами, так и производственной целесообразностью. Экстерриториальность в управлении нефтяными предприятиями на Северном Кавказе была особенностью того периода, что показывает пример с кубанскими нефтеперегонными заводами.

Развитие нефтяной промышленности с началом индустриализации в регионе проходило по двум направлениям: нефтедобычи и нефтепереработки. Нефтедобывающие предприятия различались по своим размерам и производственному потенциалу. На рубеже 1-ой и 2-ой пятилеток нефтяная отрасль на Кубани испытывала как объективные, так и субъективные трудности, препятствовавшие выполнению и без того крайне завышенных плановых заданий. Это не только недостатки в управлении, кадровом обеспечении (особенно по части квалифицированных работников, инженеров геологоразведки и нефтеперегонных процессов), но и затруднения

со снабжением основными материалами, организационно-технические проблемы. Свою негативную роль сыграли и события 1932—1933 годов, связанные с репрессивной политикой и голодом в кубанском селе, с перебоями в снабжении продуктами. Определенные структурные изменения мешали максимально эффективному расширению нефтеразведки, административно-командные методы управления нередко подменяли экономическую целесообразность.

Все эти проблемы, с учетом относительно небольших запасов нефти в кубанских районах (при несомненном количественном росте добытой и переработанной нефтяной продукции), определяли относительно небольшие производственные объемы кубанской нефтяной промышленности в нефтяной отрасли страны. Кубано-Черноморский район страны по нефтедобыче уступал Бакинскому и Грозненскому в десятки раз. Но нефтеперерабатывающие (Туапсинский, Краснодарский, а позднее и коксовый в г. Туапсе) заводы отличались большей производственной значимостью, их роль в нефтяных трестах (например, в той же «Грознефти») к середине 1930-х годов постоянно возрастала.

В общей, довольно сложной, картине промышленного развития в исследуемый период значение труда рабочих, инженерно-технических работников (ИТР) нефтяной отрасли на Кубани заслуживает объективной оценки — безусловно, положительной. Большую роль сыграли технические внедрения и усовершенствования в способах бурения, нефтепереработки, участие кубанских нефтяников в строительстве и обеспечении функционирования трубопроводов (Грозный—Туапсе) и других стройках, связанных с нефтедобычей и нефтепереработкой. На межрегиональном уровне эти производственные свершения и связи укрепляли единый экономический механизм страны, что отмечалось в правительственных документах и выступлениях.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРО — *Государственный архив* Ростовской области. Ф. Р-1855. Оп. 1. Д. 93. Л. 2, 2 об.; Д. 204. Л. 1. Л. 1 об., Л. 2 об.
2. ЦДНИРО — *Центр* документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.

Литература

1. *Азово-Черноморский край и его регионы* : Справочник / Азово-Черноморское краев. упр. нар.-хоз. учета. — Ростов-на-Дону, 1935. — 488 с.
2. Валериан Владимирович Куйбышев : Биография / С. С. Хромов, М. И. Владимиров, С. Н. Иконников и др. — Москва : Политиздат, 1988. — 381 с.
3. Доманский А. Д. Опыт освоения Хадыженского нефтяного района (Майнефть) [Электронный ресурс] / А. Д. Доманский // Нефтяное хозяйство. — 1935. — № 5. — С. 14—17. — Режим доступа : https://oil-industry.net/pdf/1935/05/14_domansky.pdf. (дата обращения 15.07.2020).
4. *Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах* : Статистический сборник. — Москва : Госстатиздат, 1957. — 370 с.
5. *Екатеринодар* — Краснодар : Два века города в датах, событиях, воспоминаниях ... Материалы к летописи. — Краснодар : Книжное издательство, 1993. — 800 с.

6. *Иголкин А. А.* Нефтяная промышленность в годы второй пятилетки : планы и реальность [Электронный ресурс] / А. А. Иголкин // Экономическая история. Обзорение / Под редакцией Л. И. Бородинкина. — Москва, 2005. — Выпуск 10. — С. 132—145. — Режим доступа : <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB10/STAT/Igolkin.html>. (дата обращения 21.06.2020).
7. *История* индустриализации Северного Кавказа (1933—1941 гг.) Документы и материалы. — Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1973. — 621 с.
8. *Карпов В. П.* Нефть и газ в промышленной политике СССР (России) / В. П. Карпов // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. Серия «Исторические науки». — 2010. — № 4. — С. 75—88.
9. *Лельчук В. С.* Индустриализация в СССР : история, опыт, проблемы / В. С. Лельчук. — Москва : Политиздат, 1984. — 304 с.
10. *Меняйлов А. А.* Индустриализация аграрных регионов Северного Кавказа 1900—1930-е гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. А. Меняйлов. — Пятигорск, 2013. — 212 с.
11. *Навозова Ф. В.* Краснодарский край : (материалы к изучению края) / Ф. В. Навозова. — Краснодар : Краев. государственное издательство, 1951 — 276 с.
12. *Народное хозяйство Северного Кавказа.* — Ростов-на-Дону : Издательство «Северный Кавказ», 1932. — 542 с.
13. *Нефтяная промышленность СССР в цифрах.* Статистический справочник. — Москва : Горно-топливная лит-ра, 1935. — 316 с.
14. *Подольский М. А.* Краснодарский нефтеперерабатывающий завод : (К истории завода) / М. А. Подольский, А. А. Декарханян. — Краснодар : Советская Кубань, 1957. — 87 с.
15. *Салфетников Д. А.* Развитие промышленности г. Краснодара во второй половине 1930-х гг. / Д. А. Салфетников // Голос минувшего. — 2014. — № 3—4. — С. 142—146.
16. *Библиографическая Редкость Журнал На Подъёме* // Северо-Кавказский край. — Ростов-на-Дону. — 1933. — № 3.
17. *Сильванюк Н. И.* Нефтяная промышленность Кубани в 1920-е годы [Электронный ресурс] / Н. И. Сильванюк // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 : Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2013. — № 1. — Режим доступа : http://vestnik.adygnet.ru/files/2013.1/2317/silvanyuk2013_1.pdf. (дата обращения 15.08.2020).
18. *Соколов А. К.* Советское нефтяное хозяйство 1921—1945 гг. / А. К. Соколов. — Москва : РАН, 2013. — 280 с.
19. *Угроватов А. П.* НЭП и законность (1921—1929 гг.) / А. П. Угроватов. — Новосибирск, 1997. — 106 с.
20. *Управление народным хозяйством СССР 1917—1940 гг.* — Москва : «Экономика», 1968. — 238 с.
21. *Хрестоматия по истории Кубани (1917—1967).* Документы и материалы Ч. 2. — Краснодар : Книжное издательство, 1982. — 262 с.

OIL INDUSTRY IN KUBAN IN 1928—1935: PROBLEMS AND FACTORS OF PRODUCTION GROWTH

© **Dmitry A. Salfetnikov (2020)**, orcid.org/0000-0003-2991-7958, PhD in History, Associate Professor, Department of History and Political Science, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin” (Krasnodar, Russia), da.salfetnikov@mail.ru.

The question of the development of the oil industry in the Kuban regions in the late 1920s and in the first half of the 1930s is considered. Attention is paid to the state of oil production and oil refining at the end of the NEP, the reasons for the difficult situation in the oil industry. The results of a comparative analysis of the potential and activities of the corresponding Kuban refineries that were part of various oil trusts are presented. The classification of enterprises is proposed depending on their profile (oil production and oil refining) and production value. A review of the production life of these enterprises is carried out. Their role in the regional economy and in strengthening interregional economic ties is assessed. The relevance of the study is due to the need to consider the degree of participation of oil industry enterprises in the Kuban in solving important economic problems that go beyond this region. The situation in oil production and oil refining as an important segment of heavy industry located on the territory of an agricultural region is analyzed and reconstructed in the article. Questions are raised about the specifics of the development of the oil industry in the Kuban, about the form of subordination of its enterprises. Particular attention is paid to the problems of staffing, technical equipment of oil producing and oil refineries and their impact on the implementation of complex planned targets. It has been proved that the dynamics of the development of the Kuban oil-bearing regions and the development of oil refineries depended on the introduction of new drilling methods, on the intensification of exploitation of both developed and new oil-bearing regions.

Key words: oil producing enterprises; oil refineries; oil industry; oil fields; trusts; industrialization; drilling method; staffing.

MATERIAL RESOURCES

- GARO — *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti. F. R-1855. Op. 1. D. 93. L. 2, 2 ob* [State archive of the Rostov region. F. R-1855. Op. 1. D. 93. L. 2, 2 vol. ; D. 204. L. 1. L. 1 Ob., L 2 Ob.]. (In Russ.).
- TsDNIRO — *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti. F. R-8. Op. 1. D. 37. L. 2* [Center for documentation of the modern history of the Rostov region. F. R-8. Op. 1. D. 37. L. 2]. (In Russ.).

REFERENCES

- Azovo-Chernomorskiy kray i yego regiony: Spravochnik. Azovo-Chernomorskoye krayev. upr. nar.-khoz. ucheta* [Azov-black sea region and its regions: Handbook. Azov-black sea region. UPR. Nar.-khoz. Accountings]. (1935). Rostov-na-Donu. 488 p. (In Russ.).
- Bibliograficheskaya Redkost' Zhurnal Na Podeme [Bibliographic Rarity Magazine on the Rise]. (1933). *Severo-Kavkazskiy kray* [North Caucasus region], 3. Rostov-na-Donu. (In Russ.).
- Domanskiy, A. D. (1935). Opyt osvoiniya Khadyzhenskogo neftyanogo rayona (Mayneft') [Experience of development of the Khadyzhensky oil district (Mayneft)]. *Neftyanoye khozyaystvo* [Oil industry], 5. 14—17. Available at: https://oil-industry.net/pdf/1935/05/14_domansky.pdf (accessed 15.07.2020). (In Russ.).
- Dostizheniya Sovetskoy vlasti za 40 let v tsifrakh: Statisticheskiy sbornik* [Achievements of the Soviet government for 40 years in figures: Statistical digest]. (1957). Moskva: Gosstatizdat. 370 p. (In Russ.).
- Ekaterinodar — Krasnodar: Dva veka goroda v datakh, sobytiyakh, vospominaniyakh ... Materialy k letopisi* [Ekaterinodar — Krasnodar: Two centuries of the city in dates, events, memories ... materials for the chronicle]. (1993). Krasnodar: Knizhnoe izdatelstvo. 800 p. (In Russ.).
- Igolkin, A. A. (2005). Neftyanaya promyshlennost' v gody vtoroy pyatiletki: plany i realnost' [Oil industry in the years of the second five-year plan: plans and reality]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obzreniye* [Economic history. Review], 10. Moskva. 132—145. Available at: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB10/STAT/Igolkin.html> (accessed 21.06.2020). (In Russ.).

- Istoriya industrializatsii Severnogo Kavkaza (1933—1941 gg.) Dokumenty i materialy* [The history of industrialization of the North Caucasus (1933—1941 gg.) Documents and materials]. (1973). Groznyy: Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatelstvo. 621 p. (In Russ.).
- Karpov, V. P. (2010). Neft' i gaz v promyshlennoy politike SSSR (Rossii) [Oil and gas in the industrial policy of the USSR (Russia)]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki»* [Bulletin of the Nizhnevartovsk state University for the Humanities. Series “Historical Sciences”], 4. 75—88. (In Russ.).
- Khrestomatiya po istorii Kubani (1917—1967). Dokumenty i materialy* [Textbook on the history of the Kuban (1917—1967). Documents and materials], 2. (1982). Krasnodar: Knizhnoe izdatelstvo. 262 p. (In Russ.).
- Lelchuk, V. S. (1984). *Industrializatsiya v SSSR: istoriya, opyt, problemy* [Industrialization in the USSR: history, experience, problems]. Moskva: Politizdat. 304 p. (In Russ.).
- Menyaylov, A. A. (2013). *Industrializatsiya agrarnykh regionov Severnogo Kavkaza 1900—1930-e gg.* PhD Diss. [Industrialization of the agricultural regions of North Caucasus in the 1900s—1930s. PhD Diss.]. Pyatigorsk. 212 p. (In Russ.).
- Navozova, F. V. (1951). *Krasnodarskiy kray: (materialy k izucheniyu kraya)* [Krasnodar Krai: (materials for the study of the region)]. Krasnodar: Kraev. gosudarstvennoye izdatelstvo. 276 p. (In Russ.).
- Narodnoye khozyaystvo Severnogo Kavkaza* [The economy of the North Caucasus]. (1932). Rostov-na-Donu: Izdatelstvo «Severnyy Kavkaz». 542 p. (In Russ.).
- Neftyanaya promyshlennost' SSSR v tsifrakh. Statisticheskiy spravochnik. (1935). Moskva: Gornotoplivnaya lit-ra. 316 p. (In Russ.).
- Podolskiy, M. A., Dekarkhanyan, A. A. (1957). *Krasnodarskiy neftepererabatyvayushchiy zavod: (K istorii zavoda)* [Oil industry of USSR in numbers. Statistical reference]. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'. 87 p. (In Russ.).
- Salfetnikov, D. A. (2014). Razvitiye promyshlennosti g. Krasnodara vo vtoroy polovine 1930-kh gg. [Development of industry in Krasnodar in the second half of the 1930 s]. *Golos minuvshego* [Voice of the past], 3—4: 142—146. (In Russ.).
- Silvanyuk, N. I. (2013). Neftyanaya promyshlennost' Kubani v 1920-e gody [Oil industry of Kuban in the 1920s]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya* [Bulletin of the Adygeya state University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies], 1. Available at: http://vestnik.adygnet.ru/files/2013.1/2317/silvanyuk2013_1.pdf (accessed 15.08.2020). (In Russ.).
- Sokolov, A. K. (2013). *Sovetskoye neftyanoye khozyaystvo 1921—1945 gg* [Soviet oil industry 1921—1945]. Moskva: RAN. 280 p. (In Russ.).
- Ugrovatov, A. P. (1997). *NEP i zakonnost' (1921—1929 gg.)* [NEP and legality (1921—1929)]. Novosibirsk. 106 p. (In Russ.).
- Upravleniye narodnym khozyaystvom SSSR 1917—1940 gg.* [Management of the national economy of the USSR 1917—1940]. (1968). Moskva: Ekonomika. 238 p. (In Russ.).
- Valerian Vladimirovich Kuybyshev: Biografiya* [Valerian Vladimirovich Kuibyshev: Biography]. (1988). Moskva: Politizdat. 381 p. (In Russ.).

Сафонов Д. А. Конструктивное начало в крестьянском протесте: «Красная Армия Правды» в Бузулуке (июль 1920 года) / Д. А. Сафонов // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 398—415. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-398-415.

Safonov, D. A. (2020). A Constructive Beginning in Peasant Protest: “Red Army of Truth” in Buzuluk (July 1920). *Nauchnyi dialog*, 10: 398-415. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-398-415. (In Russ.).

УДК 94(47).084+323.269:63-051(470.56)“1920”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-398-415

КОНСТРУКТИВНОЕ НАЧАЛО В КРЕСТЬЯНСКОМ ПРОТЕСТЕ: «КРАСНАЯ АРМИЯ ПРАВДЫ» В БУЗУЛУКЕ (ИЮЛЬ 1920 ГОДА)¹

© Сафонов Дмитрий Анатольевич (2020), orcid.org/0000-0003-0882-4592, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет» (Оренбург, Россия), d_safonov@mail.ru.

Рассматривается вопрос о содержании повстанческого протеста 1920-х годов. Актуальность исследования обусловлена сложившейся в историографии тенденцией разработки любого выступления этого периода по двум направлениям: анализ программных и агитационных документов и осмысление процесса подавления протеста. Предлагается выделить аспект реализации программных положений для оценки конструктивного начала в протестном движении: насколько реализуемы были программы восставших, а также насколько восставшим удалось осуществить задуманное. Особое внимание уделяется выступлению «Красной Армии Правды» летом 1920 года, которое автор определяет как «коммунистическое» и просоветское. Представлены результаты сопоставительного анализа источников, которые по своему происхождению имеют отношение к повстанческой среде, и реальных действий повстанцев. Новизна исследования видится в том, что анализ действий повстанцев проводится без оглядки на существующие в историографии стереотипы и с привлечением новых фактов из ранее закрытых источников. Значительная часть планов и лозунгов «Армии Правды» была реализована на подконтрольной территории, что свидетельствует в пользу их реалистичности. Это позволяет взять под сомнение устоявшийся тезис о том, что в тот период коммунистические лидеры в центре предлагали единственно верный вариант построения нового советского государства.

Ключевые слова: повстанчество; цели и лозунги; крестьянский протест; «Красная Армия Правды»; реализация планов; политика военного коммунизма.

1. Введение

Крестьянские выступления в период революции и начавшейся гражданской войны (1918, 1919 годы) оставались в контексте традиционных крестьянских представлений XIX — начала XX веков: выгоним помещиков, выгоним продотрядников — в любом варианте — просто ликвидируем то, что мешает, а все остальное наладится само, в традиционных формах. Повстанцы 1920 года были уже иными — с конструктивными (или не очень конструктивными) идеями: в их лозунгах присутствует не только призыв «долой». Реализовать их в полном объеме в итоге не удалось никому: по разным причинам — среди которых преобладание требо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00149 «Феномен «красного» повстанчества в гражданской войне: сопряженность идейных установок, военных и организационных решений (Центральное Черноземье, Поволжье и Южный Урал)».

ваний «долгой» над требованиями «за»; недостаточная продуманность механизма реализации нового, незавершенность идейных исканий, но все же основной следует полагать жесткую и неумолимую корректировку планов реальностью — неизбежно на первый план выходили боевые действия, военные задачи становились определяющими, и потому первоначальные планы ощутимо корректировались.

Советская историография отказывала большинству «мятежников» в идейности, видя в них лишь «отъявленных извергов, палачей, грабителей» [Трифонов, 1964, с. 130]; «изменников, грабителей и палачей» [Григорьев, 1984, с. 64]. Было более чем очевидно, что подобный сброд не способен к чему-либо созидательному, а если мятежники и провозглашали какие-нибудь лозунги, то они априори объявлялись победителями «безграмотными», «провокационными» и т. п. Подразумевалось, что лозунги никто не собирался воплощать в жизнь, а реальные жесткие меры — в отношении коммунистов, разборы хлеба и т. п. — преподносились как раз как истинные цели мятежников.

В постсоветский период отношение к повстанчеству кардинально изменилось и вполне предсказуемо основное внимание исследователи стали обращать на идейную сторону протеста. Публикация сборников документов, посвященных конкретным массовым выступлениям и отдельным регионам, создала возможности для сопоставления и анализа. Суммируя положения программных документов, обращений, воззваний и т. п., авторы пытались составить цельную картину того, за что выступали повстанцы, чего они желали, как видели справедливое устройство мира в противовес тому, с которым они боролись. Наблюдаемые схожие черты и позиции привели в итоге к созданию версии о единстве повстанческого протеста, единых требованиях и, по логике вещей, одинаковом видении желаемых перемен. В итоге сегодня некоторые исследователи говорят о единой «Программе» восставших [Алешкин, 2011, с. 35—36; Кондрашин, 2013, с. 80—98; Кондрашин, 2018, с. 44; Двойных, 2009, с. 69—72; Двойных, 2010, с. 5]). Нам подобный подход кажется несколько искусственным, поскольку «Программа» не является реальным документом, а рассматривается как нечто собирательное [Кондрашин, 2018, с. 70]: советы без коммунистов, свободная торговля, отмена продразверстки. Иными словами, элементы «Программы» определяются и составляются самими исследователями. Единство протеста аргументируется всеобщей «природой крестьянского сообщества», а также проводимой повсеместно политической военной коммунизма. Далее, по логике — «социальная среда и сходные экономические условия в разных местах порождали одинаковые приемы борьбы с властью» [Алешкин, 2011, с. 150]. При этом вся система доказательств строится на сопоставлении достаточно ограниченного количества повстанческих документов из нескольких самых крупных выступлений. Более малочисленные выступления и выступления с требованиями, не вписывающимися в задуманную схему, в большинстве случаев выводятся за условные скобки.

Недовольство политикой, проводимой коммунистами на местах, протест против продразверстки вполне могли наблюдаться по стране, являясь самыми распространенными — но не единственными — причинами выступлений. (Для примера можно упомянуть про выступление Башкирской Красной Армии в 1921 году, среди

лозунгов которой не было требования отмены продразверстки — потому что на территории Башреспублики на тот момент ее не было).

На наш взгляд, допустимо поставить несколько вопросов: насколько реализуемы были повстанческие проекты? насколько повстанцы их смогли реализовать? На современном этапе повествование о любом повстанческом выступлении 1920—1922 годов вольно или невольно распадается на две условные части: рассказ о взглядах / лозунгах / агитационных документах повстанцев и рассказ об их разгроме, обычно с концентрацией внимания на последнем. Слова и дела рассматривались несколько отстраненно друг от друга, поскольку реальность каждого выступления была такова, что непосредственная борьба повстанцев с правительственными войсками в итоге достаточно скоро становилась основной задачей, определявшей в итоге все, корректировавшей лозунги, тактику, а возможно, и стратегию восставших.

Определенная информация о действиях повстанцев — раздача крестьянам хлеба из ссыпунктов, пере выборы советов и т. п. — имеется в распоряжении исследователей. Однако практически никто из них не попытался проанализировать именно те конструктивные шаги, которые можно было бы уверенно полагать попытками реализовать, воплотить в жизнь заявляемые лозунги, выстроить новое, более справедливое, по их представлениям, общество.

В каждом конкретном выступлении варьировался временной зазор между собственно началом выступления и началом боевых действий с карателями; в течение такого создавалось определенное окно возможностей для реализации лозунгов, целей, воззрений. Некоторые возможности, разумеется, сохранялись и впоследствии, но уже в условиях жесткого военного противостояния. Так, отряды Серова зимой 1921/1922 годов, перемещающиеся по заснеженной степи от поселка к поселку, преследуемые карательными войсками, тем не менее, меняли в занимаемых на время поселений состав советов.

Следует указать на очень важный момент. Даже удивительно, что советская и современная историографии, по сути занимающие полярно противоположные позиции в оценке происходившего в целом и воззрений повстанцев, в частности, достаточно неожиданно сходились в видении хода выступления — любого: начало, некоторые временные успехи и растянувшийся во времени процесс разгрома выступления — поэтапно, шаг за шагом.

В немалой степени это, как нам кажется, связано с источниковой базой: основная информация о выступлениях — оперативная, то есть зафиксированная в сводках, телеграммах, донесениях. При этом названные документы имели задачи и цели, никак не связанные с задачами исторического исследования. Иными словами, они сообщали исключительно о действиях по ликвидации «мятежа». Потому из всех сведений о выступлениях больше всего данных именно об этом. На самом же деле все было значительно сложнее. Достаточно ярко это видно на примере выступления «Армии Правды» Сапожкова. В архивном фонде Управления войск ВЧК (в РГВИА) имеется документ, датированный сентябрем 1920 года, направленный начальнику оперативного управления штаба войск внутренней охраны республики: карта «Сапожковского восстания» и «легенда» к ней [РГВИА, д. 905]. Ход воен-

ных действий описан сухим деловым языком без дежурных и обязательных пропагандистских штампов. И если пропаганда поддерживала версию, что сапожковцы каждом бою несли огромные потери и каждый раз сумевшая сбежать небольшая часть через некоторое время вновь настигалась и вновь попадала под очередной удар, то данный документ ограниченного доступа и высокого уровня секретности свидетельствовал, что никакого обреченного бегства «мятежников» не было — сапожковцы до последнего успешно сопротивлялись, коммунистические войска не раз терпели поражение и отступали.

Между тем уход повстанцев из какого-либо населенного пункта или даже района — совсем не обязательно бегство, как, впрочем, и преследование их не есть очевидное свидетельство успехов преследователей. В первом случае уход мог быть напрямую связан с трудностями и возможностями снабжения, а во втором преследователи нередко (во всяком случае, применительно к близкому нам региону Южного Урала, таковое отмечалось неоднократно) не спешили вступить в боевой контакт.

Не ставя перед собой задачи анализа эффективности повстанческих выступлений в целом по стране, коснемся одного — на наш взгляд, наиболее успешного. Речь идет о выступлении А. Сапожкова. Если брать только факты, то произошло следующее: А. Сапожков, командовавший 9-ой кавдивизией, 14 июля 1920 года объявил ее «Красной Армией Правды». К вечеру того же дня был занят г. Бузулук (примерно в 25 км от основного места дислокации дивизии). 16 июля Бузулук был оставлен; повстанцы стали отходить на юго-запад, преследуемые коммунистическими войсками, превосходящими их в несколько раз. Основной разгром «Армии» произошел 1 августа, сам Сапожков погиб в бою 5 сентября.

2. «Красная Армия Правды» как объект исследования

Выступление «Армии Правды» имеет достаточно обширную историографию — детально она проанализирована нами в статье 2018 года [Сафонов, 2018]. Поэтому мы не видим необходимости повторяться, отметим только несколько основных положений. В советском периоде историография отсчитывалась от, без преувеличения ставшей базовой, статьи Р. Таубина, где в принципе было все — изложение хода событий и их оценка [Таубин, 1934]. Справедливости ради стоит указать, что факты были им взяты из книги В. Троцкого и А. Демидова «1920 год в Средневожском крае» (1934) [Троцкий и др., 1934]. Концепцию выступления, утвердившуюся на десятилетия, также создал не Р. Таубин. Хронологически первым источником является воззвание Бузулукского ревкома, созданного сразу после «изгнания» «Армии Правды» из Бузулука. В нем, в частности, сообщалось, что «во имя своих интересов, своего самолюбия пьяная компания из комсостава 9 кав-дива в лице начдива Сапожкова, комбрига Зубарева, комполка Плеханова и некоторых других поднял вооруженное восстание против Советской власти <...> Пользуясь растерянностью одних и несознательностью других эта банда захватила город Бузулук в свои руки: энергично начала его грабить, выкачивая все продовольственные склады, захватила 340 миллионов из казначейства, отрезала важный железнодорожный пункт Ташкент-Москва, задержала эшелон красноармейцев,

следующих на Запфронт, ограбив у них все продовольствие. Свершая такое облегчение продовольственного затруднения для пролетариата, пьяная банда решила посмеяться над беззащитным городом, собрав митинги в саду и на площади, где после ряда бессмысленных погромных речей о том, что “армия правды” не против Советской власти, а только против неправильной политики Советской власти и поэтому предлагает всем выпущенным дезертирам записываться добровольцами дабы бороться с неправильной политикой центра» [СОГАСПИ, д. 333, л. 15—16]. Все советские публикации повторяли сообщения о грабежах и пьянстве почти слово в слово, впрочем, без ссылки на источник.

В самой упрощенной форме происходившее представлялось так — все дело в личных амбициях, нездоровой психике, гоноре, пьянстве А. Сапожкова и его ближайшего окружения. Можно присовокупить сюда же факт, что Сапожков был какое-то время эсером — по советским меркам это было гарантированной «черной меткой». Все это сподвигло его на ряд решительных, но непродуманных, действий — в частности, занятие небольшого города Бузулука, ближайшего к месту дислокации дивизии. Занятие города было едва ли не единственным успехом мятежников: что делать дальше, они не представляли. Потому всё, на что их хватило, — грабежи (поезда, складов, казначейства), беспробудное пьянство, проведение пары «бессмысленных» митингов. И когда советские войска вернулись, то сапожковцы едва ли не с облегчением поспешно покинули город. Дальнейшая история выступления — постоянное отступление мятежников, преследуемых советскими частями, разгром за разгромом — и в итоге гибель самого Сапожкова.

Тем не менее кажущаяся очевидной в своей бессмысленности авантюра не была предана забвению, но постоянно упоминалась в трудах и публикациях. Вероятно, причиной было то, что это выступление упоминалось в партийных документах, в частности в стенограмме X съезда партии. А. Г. Зверев, бывший министр финансов СССР, в своих мемуарах приводил следующие положения, со ссылкой даже на конкретную страницу публикации стенограммы [Десятый съезд, 1963, с. 285]: «Позднее X съезд РКП(б) резко осудил их позицию и констатировал, что в условиях подрывной деятельности этих оппортунистов “сапожковщина” как кулацкая оппозиция прямо сомкнулась с “рабочей оппозицией” и явилась одной из предвестниц движений типа “антоновщины”» [Зверев, 1973, с. 17].

Качественные перемены в освещении выступления по понятным причинам начались в постсоветский период, когда на время открылся доступ к ранее закрытым фондам карательных учреждений, где и находились основные документы повстанцев. Впервые новые архивные данные по «сапожковщине» были привлечены С. А. Павлюченковым в 1996 году; он полагал выступление в определенном смысле вынужденным — по его мнению, на учреждение своей власти Сапожков пошел только тогда, когда Бузулукский совет отказался исполнить его требования [Павлюченков, 1996, с. 256—257]. Затем были опубликованы программные документы «Армии Правды» — в 1999 году [Сафонов, 1999] и 2002 году [КДВП]. После этого «сапожковщина» однозначно была причислена к «крупнейшим крестьянским восстаниям» в годы гражданской войны [Двойных, 2010, с. 3], «самым значительным

крестьянским восстаниям против советской власти в условиях политики военного коммунизма» [Алешкин и др., 2010, с. 151]. А документы «Армии Правды» были безусловно включены в качестве аргументов в упоминаемую выше «Программу».

В настоящее время в литературе можно выделить три варианта подходов к оценке выступления Сапожкова.

Первый: это серьезное идейное выступление. Основное внимание исследователи уделяют именно лозунгам и призывам восставших. В. В. Кондрашин в своей монографии о крестьянском движении в Поволжье в 1918—1922 годах проанализировал лозунги и программные документы повстанцев [Кондрашин, 2001]. Показательно, что ход самого выступления он рассматривал в главе «Подавление крестьянского движения». К этому же варианту можно отнести работы уже упомянутых выше авторов, рассматривавших данное выступление как важное проявление идейного протеста в рамках «Программы».

Второй, несколько перекликающийся с мнением историографии советской: выступление было инициировано рядом субъективных факторов. По мнению Ю. Аншаковой, «восстание назревало, с одной стороны, при условии общего недостатка, холода и нищеты в рядах красноармейцев и, с другой, — обжорства, пьянства и разврата и полной оторванности высшего командования и политруководителей округа от масс и в отсутствии политической работы в Армии» [Аншакова, 2006, с. 776—777]. Интересно, что так она писала в 2006 году, хотя ранее, в 1998 году, она утверждала иное: «Мятеж имел те же цели и лозунги, что и чапанная война и восстание “Черный орел”: отмена продразверстки, введение вольной торговли, установление демократических порядков, уничтожение коммунистической диктатуры» [Аншакова, 1998, с. 9].

И, наконец, третий вариант: позиция Ю. А. Ильина, назвавшего выступление «военно-крестьянским мятежом», причем антикоммунистическим. Он считает, что это было выступление красноармейцев, которому Сапожков и его окружение придали «должную организацию», а крестьянство «приземлило» программу до «насушенных требований единоличной деревни» [Ильин, 2011].

Мы солидарны с позицией большинства авторов, дающих этому выступлению высокую оценку. Но при этом мы не согласны с оценкой выступления как антисоветского и антикоммунистического, а также не разделяем уверенности сторонников повстанческой «Программы» относительно типичности его. В последнем случае мы полагаем, что это, напротив, было уникальное по своей сути выступление, не имевшее аналогов; хотя, разумеется, имевшее определенные схожие черты с иными.

3. Особенности выступления «Красной Армии Правды»

Мы, разумеется, учитываем, что данный тезис должен вызывать глубокое сомнение, поскольку существующая историографическая традиция безвариантно включает это выступление в число прочих крестьянских и повстанческих выступлений 1920 года, с теми же недовольством продразверсткой, протестом против коммунистов, вооруженным сопротивлением, требованиями и лозунгами. Между тем в данном случае налицо серьезные отличия. Прежде всего, оно не было ни антиком-

мунистическим, ни антисоветским. Нами собраны и изучены все отмеченные в источниках лозунги «Армии Правды», и потому можно ответственно утверждать, что лозунга «За Советы без коммунистов» среди них не было; тезис об этом появился в литературе и публикациях мемуаров не ранее второй половины 1950-х годов [Сафонов, 2019]. Более того, выступление было «за» Советскую власть; достаточно обратиться к документам «Армии Правды», чтобы увидеть, что желаемые повстанцами перемены никак нельзя оценить как кардинальные; речь шла о корректировке общегосударственного курса без изменений в политической системе. Вышеприведенная цитата А. Г. Зверева о якобы данной на съезде оценке «сапожковщины» как кулацкой оппозиции на самом деле ложна. Приведенных им слов на указанной странице стенограммы нет. Выступление Сапожкова действительно было там упомянуто, причем как «главная опасность» (слова военного комиссара Полевого штаба РВСР К. Х. Данишевского), но в ином контексте и с иным содержанием. «Опасность» заключалась в появлении коммунистического протестного движения: «критика советской политики, советского строительства, советской системы перешла в критику с оружием в руках» [Десятый съезд ..., 1963, с. 285]. Среди документов следственного дела по данному выступлению есть один, который можно определить как аналитический отчет, составленный, вероятно, кем-то из партийных работников Бузулука. В нем есть показательные моменты: «Главарями восстания оказались, если не считать самого Сапожкова, поголовно коммунисты» [Документ ..., 2013, с. 576]; «Восстание, возглавляемое целым сонмом “коммунистов”, да еще под лозунгом “Да здравствует РКП, да здравствует IV Интернационал, долой лжекоммунистов” вещь у нас, как кажется, еще небывалая» [Документ ..., 2013, с. 576]. И эти суждения, и ряд иных убедительно свидетельствуют в пользу того, что данное выступление, если и определять, то как прокоммунистическое и просоветское.

Активные боевые действия, вооруженное сопротивление повстанцами изначально не планировались. Контраргументом, казалось бы, может послужить упоминание о «вооруженном восстании» в резолюции, принятой 13 июля: «Видя неправильную политику центра, в которой ясно видно преднамеренное проявление идеи белогвардейщины, постановили: немедленно *вооруженным* восстанием заявить протест и потребовать изменения политики, которая бы действительно велась в интересах бедного населения республики» [Архив УФСБ, т. 11, л. 759]. С другой стороны, тема организованных в Бузулуке митингов была «Причины *политического* восстания» [Архив УФСБ, т. 11, л. 564]. Упоминания о вооруженной борьбе, что показательно, были сделаны позже, когда уже начались боевые действия. Поначалу расчет строился именно на демонстрации несогласия, привлечении внимания, ожидаемом резонансе от происходящего и последующей поддержке. В немалой степени поэтому повстанцы ушли из города с приближением карательных частей — настолько поспешно, что ряд командиров «Армии», своевременно не предупрежденных об отходе, остались в городе. Как нам кажется, Сапожков не планировал и не собирался сражаться с частями Красной Армии — своими товарищами по оружию. Заявления о том, что он-де через два дня возьмет Самару, через две недели поднимет Поволжье и т. п., есть не что иное, как вера в то, что части будут просто переходить на

его сторону. И сам Сапожков неоднократно призывал не творить зла, напрасно не расстреливать и т. п., да и сами красноармейцы его «Армии» не испытывали к тому особого желания. С взятием в плен красноармейцами вели разъяснительные беседы. Потому же при столкновениях с передовыми частями карателей восставшие первым делом направляли туда агитаторов. Они не были готовы воевать со своими, никакого противопоставления «наши — не наши» не было; а вот карательные части были четко сориентированы, что в Бузулуке — враги, творящие непотребство.

Занятие города Бузулука вовсе не было бессмысленной авантюрой, как принято считать. Единственная железнодорожная линия связывала Москву и Ташкент, проходя через Самару, Бузулук, Оренбург. В период гражданской войны, в 1919 году, удержание красными Оренбурга имело, помимо политического, еще и стратегическое значение. Несколько позднее местные авторы и мемуаристы даже пытались ввести в историю гражданской войны понятие «Оренбургская пробка», подчеркивая важность таковой, но поддержки в общегосударственном масштабе инициатива тогда не получила. Разрушение дороги — прежде всего мостов — создавало серьезные проблемы, и только к концу весны 1920 года движение из центра в Среднюю Азию было восстановлено. Так что новое перекрытие дороги было таким действием, проигнорировать которое центр никак не смог бы. Для этой цели подходила в принципе любая станция; Бузулук был ближе всего от места дислоцирования дивизии. Кроме того, в нем постоянно находились штаб будущей мятежной дивизии, ее политотдел и особый отдел.

Занятие Бузулука произошло практически без боя (некоторое количество винтовочных выстрелов и шесть выстрелов из пушек с обеих сторон действительно имели место; в итоге несколько погибших со стороны наступающих, и ни одного погибшего со стороны обороняющихся). Однако Сапожков и не планировал входить в город с боем; впрочем, и обороняющиеся не имели достаточно сил для обороны. И, как оказалось, и желания — в документах отражено, что сапожковцы прошли через залегшую цепь защитников города, двигаясь в полный рост, без оружия, держа перед собой партийные билеты. Это позднее была создана легенда о якобы имевшем место ожесточенном сопротивлении «мятежникам». Как, впрочем, и о якобы имевших место расправах. На деле все, несогласные с повстанцами и их лозунгами, смогли беспрепятственно покинуть город. Арестованных несогласных с Сапожковым командиров он вновь и вновь пытался переубедить присоединиться к протесту.

Таким образом, Бузулук избежал смуты первых дней смены власти — со сведением счетов, поимкой скрывающихся противников, мщением победителей (кстати, несколько попыток подобного было сапожковцами пресечены, причем исходивших со стороны горожан) — всего того, что наблюдалось, например, в Оренбурге в январе 1918 года, когда туда вошли «красные». Несколько позднее председатель Оренбургского горисполкома А. Коростелев весьма выразительно определил первую неделю «самой горячей»: лишь к концу ее «утихли первые всплески революционной волны» [Смычка]. В данном же случае никаких «всплесков» не было. Практически все, кто давал показания о событиях в Бузулуке, признавали, что никаких насилий над коммунистами или местным населением не было.

Повстанцы смогли не только сформулировать и провозгласить свои цели и намерения, но и начать реализовывать их в условиях, когда «военной составляющей» практически не было, то есть сразу перейти от слов к делу. Бузулук был в руках «мятежников» почти три дня — «Армия Правды» вошла в город 14 июля, оставила его 16-го. На первый взгляд, срок небольшой. Но если проанализировать, что было за это время сделано, без ангажированности и изначального посыла об авантюристах и бандитах, то картина складывается достаточно показательная.

Начнем с главного — определения того, что лидеры «Первой Армии Правды» полагали необходимым сделать для изменения жизни к лучшему.

4. Цели и планы повстанцев

Имеющиеся в распоряжении исследователей сегодня документы из лагеря повстанцев: приказ № 1 [СОГАСПИ, д. 214, л. 1], резолюция заседания комсостава дивизии 14 июля [СОГАСПИ, д. 333, л. 1], обращение РВС «Армии Правды» «Ко всем трудящимся и красноармейцам» [КДВП, с. 520—521], воззвание «Ко всему беднейшему, обиженному и угнетенному крестьянству и рабочему населению Российской Республики» [КВДП, с. 527—528], приказы по городу Бузулуку [Архив УФСБ, т. 11, л. 499, 500; т. 17, л. 13], «Декларация прав человека и гражданина Красной Армии Правды» [Архив УФСБ, т. 11, л. 495] — позволяют получить представление о целях и планах повстанцев. Базовый тезис заключался в том, что в стране введено «неправильное государственное правление», у власти оказались некоторые обуржуазившиеся члены партии, на руководящие посты прошли представители буржуазии и «старого» офицерства, идеалы Октябрьской революции преданы, и потому нужно потребовать от правительства изменить проводимую политику под лозунгом «Вся власть Советов действительна по программе партии большевиков на основе конституции» [СОГАСПИ, д. 214, л. 1].

Предполагались следующие конкретные шаги: немедленно убрать с должностей «всех вредных для трудящихся спецов»; отпустить всех политических заключенных, «за исключением белогвардейцев»; ввести правильное распределение предметов необходимости среди населения — разрешить свободную торговлю; провести перевыборы советов с тщательной фильтрацией всех советов и исполкомов «от присосавшегося буржуазного элемента»; произвести тщательную перерегистрацию членов партии в соответствии с указаниями ЦК; упразднить органы ЧК, передав их функции охраны правопорядка милиции; упразднить все существующие продовольственные органы, кроме кооперативов; всю торговлю и промышленность передать государству; упразднить институт военных комиссаров с целью установления единоначалия в армии, ликвидировать в частях особые отделы и политотделы, уездные комиссии по борьбе с дезертирством, ввести комплектацию армии на добровольной основе.

Теперь рассмотрим — что из этого было сделано.

5. Конкретные действия повстанцев в Бузулуке

Действия повстанцев в занятом городе были спокойны, миролюбивы и последовательны. Практически все, дававшие позднее показания в трибунале или описывав-

шие «мятеж» в Бузулуке, в обязательном порядке сообщали о бесчинствах и грабежах; но как-то общо, без деталей — как нам кажется, по причине невозможности привести таковые. И наоборот, в отчетах закрытого типа, то есть не для широкой публики, чекисты отмечали дисциплину и порядок: «Характерно, что во время ликования сапожковцев в городе поддерживался образцовый порядок» [Павлюченков, 1996, с. 257].

В Бузулукском уезде налицо были серьезные проблемы: надвигающийся голод, параллельно усиливающиеся жесткие действия властей по сбору продразверстки и не менее жесткие репрессии властей в отношении дезертиров — уклонение от призыва носило массовый характер. Военком уезда был обвинен в саботировании призыва, и, стараясь оправдаться, он действовал достаточно решительно. В первом случае конфликт из-за чрезмерных мер разверстки приобрел широкий резонанс; жалоба Костинского волостного съезда советов на неправильные действия райпродкома дошла до центра. Для разрешения конфликта в Бузулук был направлен нарком земледелия С. П. Середа, прибывший, по случайному совпадению, в первый день «мятежа». Во втором — массовое уклонение от призыва повлекло за собой массовые аресты, тюрьма была переполнена.

Обе проблемы сапожковцами были решены практически сразу же: с лозунгами отмены продразверстки они вошли в город, и уже на следующий день в Бузулуке развернулась свободная торговля. Все арестованные, содержавшиеся в тюрьме и в монастыре, используемом как место заключения, были освобождены.

Декларируемое очищение партийных рядов реализовано не было — как специально начатое мероприятие; но де-факто оно происходило. Несогласные с призывами повстанцев члены партии — как в самом Бузулуке, так и в дивизии — фактически самоустранились, покидая город и ряды повстанческой Армии. Как показал позднее на допросе бывший работник политотдела мятежной дивизии Г.Суриков, «в дивизии Сапожкова остались одни честные идейные борцы» [Архив УФСБ, т. 7, л. 57].

Задерживаться надолго в Бузулуке Сапожков явно не планировал — город был только перевалочным пунктом. На направление дальнейшего движения, как нам кажется, указывает обращение РВС «Армии Правды» «Ко всем трудящимся и красноармейцам», адресованное предметно к «гражданам Уральской области, Самарской и Саратовской губерний» [КДВП, с. 520—521].

Пребывание в Бузулуке было использовано для укрепления дивизии в организационном и имущественном отношениях. К 1920 году Красная Армия перестала быть той, которой создавалась изначально — как добровольческое объединение по классовому признаку, теперь она пополнялась через призыв, что и создавало массу проблем с дезертирами. Успешность Красной Армии на заключительном этапе гражданской войны в европейской части страны уменьшила ценность прежних союзников — полевых командиров, крестьянских партизанских вожakov (Думенко, Чапаев, Щорс, Котовский и ряд иных — в том числе и Сапожков). Очень нужные как союзники ранее, в трудное время, они стали потенциально опасными коммунистической власти из-за своей харизматичности, поддержки в массах, авторитета в созданных ими крестьянских частях и нежелания и неготовности полностью подчиниться коммунистам. Выход был в их отстранении от командования или ликви-

дации (некоторые из названных погибли в годы гражданской, иные — вскоре по ее окончании). Армия была пронизана сетью осведомителей политотделов, доносы были объявлены долгом каждого коммуниста. Военные комиссары осуществляли полный контроль над командирами; на руководящие посты стали привлекаться офицеры «старой» армии. Одной из причин «мятежа» все авторы всегда полагали отстранение А. Сапожкова от должности с заменой его на полковника Стасуя.

Поэтому Сапожков восстановил единоначалие в своей армии, ограничив полномочия комиссаров, ликвидировал политотделы как главный орган слежки и надзора за военнослужащими, ликвидировал особые отделы, приводившие в исполнение приговоры трибуналов.

В «Армию Правды» брали только добровольцев: на момент выступления «Армия» насчитывала до 3 тыс. человек, на следующий день прибавилось 100 чел. добровольцев в с. Гришкине, и еще около 1000 человек дали дезертиры и добровольцы в Бузулуке. Была предпринята попытка начать формирование в районе Пугачевского уезда т.н. «2-й дивизии Армии Правды», на что было выделено три миллиона руб. Позднее отряд под названием «2-ая Армия Правды» был создан в районе станции Рассыпной и Сорочинской (Бузулукский уезд).

Однако кажущийся успех оказался временным. Высказывая на словах одобрение и поддержку сапожковцам (причем мы допускаем, что достаточно искренне), крестьянские массы не рвались братья за оружие. Как следствие, приказом Штаба от 21 июля дезертирам аккуратно «предлагалось явиться в Штаб» для несения службы [СОГАСПИ, д. 210, л. 2], а в августе сапожковцы были вынуждены проводить мобилизации — дошедшие приказы мало чем отличаются от аналогичных коммунистических властей. Так, «укрывающим от мобилизации» грозили расстрелом без суда и следствия [Архив УФСБ, т. 11, л. 146].

За короткий срок был завершен сбор военного имущества, оружия и снаряжения — этот процесс начался ранее, до выступления 14 июля; дивизия готовилась к отправке на Западный фронт. Теперь всем учреждениям, «которые довольствовались войсковые части до 14 июля», было приказано продолжать работу. На ст. Погромная были остановлены два эшелона, идущие на Западный фронт. Солдаты были разоружены и распушены, отобранным оружием вооружили крестьян с. Погромного [СД, с. 279]. В дальнейшем авторы обязательно упоминали о деньгах, привезенных поездом из Москвы и попавших к сапожковцам, грабеже ими военного имущества со складов. На самом деле и на деньги, и на имущество обязательно оставлялись оправдательные документы, типа: «Расписка. Дана настоящая расписка члену закупочной комиссии Ревтрударма 2 тов. Гураеву в том, что действительно у него взято шестьдесят шесть лошадей (66 л.) в армию “Правды”. Командующий восставшими войсками Правды А. Сапожков. Начштарма Мулюкин. 9 августа 1920 года» [Архив УФСБ, т. 7. л. 124]. В Саратов за снаряжением был направлен помощник начальника дивизии И. Г. Шмидт, на станцию Урбах для встречи груза, следующего из Саратова в адрес дивизии, командирован Петр Елатов. Они оба были перехвачены чекистами [СД, с. 281].

Несмотря на кажущееся достаточным количество источников, сообщавших о взглядах повстанцев, стоит указать, что значительная часть их осталась известной

ограниченному числу причастных к выступлению. О своих взглядах сапожковцы оповещали население в особых приказах и объявлениях, в выступлениях на митингах, на собраниях рабочих и служащих. Митингов было несколько; по приказу Сапожкова на них в обязательном порядке выступали члены РВС «Армии Правды»; завершались они исполнением «Интернационала». Все комментаторы не скупились на ехидные слова, стараясь представить выступления на митингах как нечто нелепое и убогое. Косвенно же они признавали положительный эффект таковых. Так, уездный военный комиссар С. Д. Сучков писал позднее: «Демагогическими лозунгами и богатыми посулами им удалось обмануть членов партии и рядовых бойцов» [НАБГКМ, л. 81]. Наиболее эффективным, на наш взгляд, был митинг в монастыре с участием освобожденных дезертиров — после него они разошлись по домам, близлежащим деревням — иными словами, понесли информацию дальше.

При штабе был создан специальный агитационный отдел, по свидетельству очевидцев, «пользовавшийся большим успехом» [ОГАСПИ, д. 175. л. 6]. По деревням были разосланы группы лиц с деньгами для распространения идей и поднятия восстания (д. Липовка, Проскурино, Старо-Александровка).

Сапожковым была организована рассылка писем к потенциальным союзникам, к тем, с кем он был знаком и на чью поддержку рассчитывал. Из перехваченных чекистами писем известны адресаты Е. П. Почиталин, командир 1 Уральского Казачьего советского полка, Г. Е. Африн, начальник милиции 7 Больше-Глушицкого района Пугачевского уезда [Архив УФСБ, т. 7. Л. 493].

Сапожков пользовался поддержкой и в иных местах. Чекисты утверждали, что весь особый отдел Трудармии 2, находящийся в Новоузенске, выразил сочувствие восставшим. 19 июля в Ток-Чуранском кантоне Башеспублики был выявлен «контрреволюционный» отряд, имевший связь с Бузулуком. «Заговорщики» начали формирование добровольческих отрядов, за один день увеличив свою численность со 100 до 700 чел. [Троцкий, 1934, с. 124].

6. Конструирование советской власти

Учитывая, что пребывание в Бузулуке планировалось кратковременным, руководство «Красной Армии Правды» поначалу не вникало в дела города. Обращаясь к местным советским структурам, РВС объявлял: «Реввоенсовет просит не бояться и не волноваться, те, которые не могут идти с нами, пусть продолжают свою работу, те же, которые желают быть с нами, — “милости просим”» [КДВП, с. 520—521]. Однако к вечеру первого дня обнаружилось, что большинство советских работников бежало. Как свидетельствовал рабочий А. П. Кузнецов, на собранном сапожковцами митинге «нашего начальства никого не было, и мы не знали, кто где» [НАБГКМ, л. 116—117]. Так повстанцам пришлось брать на себя вопросы управления. Было объявлено о заседании всех профсоюзных организаций 16-го июля и о необходимости создать гражданскую власть [Архив УФСБ, т. 7, л. 3]. Повстанцы объявили свое видение выборов: их нужно произвести по Советской конституции, с поправкой, что «избирать и быть избираемым может быть лишь тот, кто в 1914 году имел состояние не свыше, чем на сумму чем 10 тысяч рублей» [Архив УФСБ, т. 11, л. 495].

Больше в процесс выборов сапожковцы не вмешивались; показательно, что в новый исполком были избраны двое ранее арестованных сапожковцами при занятии города. Исполком сразу создал комиссию по освобождению политзаключенных, которая потребовала их освобождения [Архив УФСБ, т. 17. л. 6 об.]. Список кандидатов составлялся не по партийности, а из «активных работников-профессионалистов». Никаких преимуществ, вроде предварительного фракционного заседания членов партии, у коммунистов не было, «коммунисты заседали все время с беспартийными» [Документ ..., 2013]. В итоге был создан исполком из 15 человек, где коммунисты составили около половины состава. Председателем стал коммунист Русаков. В итоге, по свидетельству чекиста В. И. Чекурина, Сапожков создал «собственную советскую власть в Бузулуке» [ФГАООБ, л. 58]. После ухода «Армии Правды» вернувшиеся в город коммунисты создали ревком, но исполком продолжал работать. 3 сентября поступил приказ из Самары об аресте всех его членов как причастных «к контрреволюции», но даже ревком отказался их арестовывать [Архив УФСБ, т. 17, л. 16] (впрочем, на следующий день все они были арестованы и препровождены на следствие в Самару [Архив УФСБ, т. 17, л. 22]).

7. Выводы

Анализ действий сапожковцев в Бузулуке дает основание для принципиального вывода: им удалось реализовать почти все из провозглашенного — разумеется, то, что можно было сделать на локальном уровне. При этом перемены были восприняты населением более чем одобрительно. Засланный в Бузулук чекист Булышев, которого сложно было подозревать в симпатиях к «мятежникам», тем не менее констатировал: «Настроения у массы населения г. Бузулука — все на их стороне, особенно по деревням среди крестьянства» [КВДП, с. 523]. Возможно ли было поднять другие регионы? Вряд ли подобные настроения были свойственны исключительно Бузулукскому уезду. Получается, что идея повстанцев идти и поднимать народ не такая уж и авантюрная. Сапожков и его сторонники бывали в разных местах страны и потому явно имели свое видение происходящего; массы были готовы к переменам. Отсюда вопрос: почему основная масса крестьян все же не присоединилась к сапожковцам — одобряя их действия, солидаризуясь с ними, но все же не берясь за оружие? Мы полагаем, что причина тому — усталость от затянувшейся войны. Именно поэтому всеобщее недовольство власти в итоге удалось удерживать под контролем. Информационных возможностей Сапожкова не хватило для распространения своих идей и влияния на большие территории.

Касаясь вопроса крестьянского протеста, следует указать несколько моментов. Первое и основное — протест стал более рациональным, требования конкретными. То, чего требовали и желали восставшие, в принципе было возможно осуществить, и выступление «Армии Правды» тому прекрасное подтверждение. Возникает иной вопрос: можно ли теперь называть подобный протест крестьянским? Разумеется, учитывая, что требуемые перемены, вроде отмены продразверстки, жизненно волновали именно крестьян, как еще именовать подобный протест? Но, с другой стороны, традиционно крестьянские требования из-за их локального происхожде-

ния были всегда малореализуемы; теперь мы имеем дело не с крестьянскими, а повстанческими требованиями; определение таковых как крестьянских — более дань традиции, а также скорее логическое построение: основная масса протестующих — из деревни.

Сапожковцы продемонстрировали, что отказ от самых одиозных и раздражающих элементов проводимой коммунистами политики — разверстки, демонстрации особого статуса членов партии и иных — не просто возможен, но осуществим без каких-либо перемен в общем курсе строительства социализма, без ущерба для идеологии. Отсюда возникает логичный вопрос: понимали ли это коммунистические лидеры в центре? Почему они упорно держались за самый жестокий вариант развития? И второй вопрос: если вред продразвестки видели командиры и политотделы мятежной дивизии, то этого не могли не видеть другие в Красной Армии. Тогда почему они не поддерживали протест, а активно участвовали в подавлении? Но эти очевидно возникающие вопросы выходят за рамки заявленной нами темы.

Источники и принятые сокращения

1. Архив УФСБ по Оренбургской области. Д. 13893.
2. Десятый съезд РКП(б): стенографический отчет. — Москва : Госполитиздат, 1963. — 915 с.
3. Зверев А. Г. Записки министра / А. Г. Зверев. — Москва : Политиздат, 1973. — 270 с.
4. КДВП — *Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг. : документы и материалы* / ред. В. Данилов, Т. Шанин. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 944 с.
5. НАБГКМ — *Научный архив Бузулукского городского краеведческого музея. Коллекция воспоминаний старых большевиков, красногвардейцев и красных партизан — участников гражданской войны (1917—1921 гг.).* — Том 2.
6. ОГАСПИ — *Оренбургский государственный архив социально-политической истории.* Ф. 6002. Оп. 1. Д. 175.
7. РГВА — *Российский государственный военный архив.* Ф. 42. Оп. 1. Д. 905.
8. Сафонов Д. А. Документ по истории выступления «Армии Правды» А. Сапожкова (1920 г.) : публикация / Д. А. Сафонов // *Крестьянский фронт 1918—1922 гг. : сборник статей и материалов.* — Москва : АИРО-XXI, 2013. — С. 564—578.
9. СД — *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939 : документы и материалы.* В 4 томах. Том 1. 1918—1922 гг. / ред. А. Берелович, В. Данилов. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. — 864 с.
10. *Смычка (Оренбург) : газета.* — 1927. — 7 ноября.
11. СОГАСПИ — *Самарский областной государственный архив социально-политической истории.* Ф. 1. Оп. 1.
12. ФГАООБ — *Филиал Государственного бюджетного учреждения Государственный архив Оренбургской области в г. Бузулуке.* Ф. 389. Оп. 1. Д. 43.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешкин П. Ф. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствия (1918—1922 гг.) / П. Ф. Алешкин, Ю. А. Васильев. — Москва : Голос-Пресс, 2010. — 575 с.
2. Алешкин П. Ф. Типологическая общность крестьянского протестного движения в России в 1918—1922 гг. / П. Ф. Алешкин // *Крестьянство и власть в истории России XX века :*

сборник научных статей участников Международного круглого стола (Москва, 12 ноября 2010 г.) / ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разин. — Москва : АПР, 2011. — С. 35—47.

3. *Анишакова Ю. Ю.* Армия «Правды» начдива Сапожкова / Ю. Ю. Анишакова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2006. — Том 8, № 3. — С. 769—780.

4. *Анишакова Ю. Ю.* Крестьянские восстания в Среднем Поволжье в 1918—1920 гг.: автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / Ю. Ю. Анишакова. — Самара : СГУ, 1998. — 19 с.

5. *Григорьев В. К.* Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане (1920—1922 гг.) / В. К. Григорьев. — Алма-Ата : Казахстан, 1984. — 176 с.

6. *Двойных А. В.* К вопросу о политической программе крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны / А. В. Двойных // Вестник СамГУ. — 2009. — № 7 (73). — С. 69—72.

7. *Двойных А. В.* Лозунги и программа крестьянского повстанчества в России в годы Гражданской войны: автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / А. В. Двойных. — Пенза, 2010. — 25 с.

8. *Ильин Ю. А.* Антикommунистическое движение среди красноармейцев-крестьян в 1920 г. — начале 1921 г. [Электронный ресурс] / Ю. А. Ильин // На пути к гражданскому обществу. — 2011. — № 1-2. — Режим доступа: <http://government.esrae.ru/pdf/2011/1-2/159.doc>. (дата обращения: 16.06.2020).

9. *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918—1922 гг. / В. В. Кондрашин. — Москва : Янус-К, 2001. — 543 с.

10. *Кондрашин В. В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма / В. В. Кондрашин. — Москва : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. — 575 с.

11. *Кондрашин В. В.* Лозунги и программа крестьянского повстанческого движения в годы гражданской войны / В. В. Кондрашин // Крестьянский фронт 1918—1922 гг.: сборник статей и документов. — Москва : АИРО-XXI, 2013. — С. 80—98.

12. *Кондрашин В. В.* О достижениях и проблемах современной отечественной историографии крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны / В. В. Кондрашин // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2018. — Том. 24, № 1. — С. 39—45.

13. *Павлюченков С. А.* Крестьянский брест, или Предыстория большевистского нэпа / С. А. Павлюченков. — Москва : Русское книгоизд. тов-во, 1996. — 299 с.

14. *Сафонов Д. А.* Великая крестьянская война 1920—1921 гг. и Южный Урал / Д. А. Сафонов. — Оренбург : Оренбургская губерния, 1999. — 316 с.

15. *Сафонов Д. А.* Крестьянское движение в годы Гражданской войны на территории Южного Урала: состояние и проблемы современной российской историографии / Д. А. Сафонов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. — 2018. — № 4 (28). — С. 205—251. — DOI: 10.32516/2303-9922.2018.28.17.

16. *Сафонов Д. А.* Лозунги повстанческой «Красной Армии Правды» А. Сапожкова: к проблеме единства лозунгов повстанцев 1920-х гг. / Д. А. Сафонов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. — 2019. — № 4 (32). — С. 151—166. — DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.11.

17. *Таубин Р. А.* Разгром кулацкого мятежа Сапожкова / Р. А. Таубин // Борьба классов. — 1934. — № 12. — С. 56—57.

18. *Трифонов И. Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921—1923 гг.) / И. Я. Трифонов. — Ленинград : ЛГУ, 1964. — Часть 1. Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. — 311 с.

19. Троцкий В. В. 1920 год в Средневолжском крае / В. В. Троцкий, А. Д. Демидов. — Москва ; Самара : Госиздат, 1934. — 234 с.

A CONSTRUCTIVE BEGINNING IN PEASANT PROTEST: “RED ARMY OF TRUTH” IN BUZULUK (JULY 1920)¹

© **Dmitry A. Safonov (2020)**, orcid.org/0000-0003-0882-4592, Doctor of History, Professor, Department of History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University» (Orenburg, Russia), d_safonov@mail.ru.

The question of the content of the insurrectionary protest of the 1920s is considered. The relevance of the study is due to the tendency in historiography to develop any speech of this period in two directions: analysis of program and campaign documents and understanding of the process of suppressing protest. It is proposed to highlight the aspect of the implementation of program provisions for assessing the constructive beginning in the protest movement: how realizable were the programs of the rebels, and also how the rebels managed to implement their plans. Particular attention is paid to the performance of the “Red Army of Truth” in the summer of 1920, which the author defines as “communist” and pro-Soviet. The results of a comparative analysis of sources, which by their origin are related to the insurgent environment, and real actions of the insurgents are presented in the article. The novelty of the study is seen in the fact that the analysis of the actions of the insurgents is carried out without regard to the stereotypes existing in historiography and with the attraction of new facts from previously closed sources. A significant part of the plans and slogans of the “Army of Truth” were implemented in the controlled territory, which testifies to their realism. This allows us to question the well-established thesis that at that time the communist leaders in the center offered the only correct option for building a new Soviet state.

Key words: insurrection; goals and slogans; peasant protest; Red Army of Truth; implementation of plans; the policy of war communism.

MATERIAL RESOURCES

- Arkhiv UFSB po Orenburgskoy oblasti* [Archive of the FSB for the Orenburg Region]. D. 13893. (In Russ.).
- Desyatyy syezd RKP (b): stenograficheskiy otchet* [Tenth Congress of the RCP (b): verbatim report]. (1963.). Moskva: Gospolitizdat. 915 p. (In Russ.).
- FGAOOB — *Filial Gosudarstvennogo byudzhelnogo uchrezhdeniya Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti v g. Buzuluke* [Branch of the State Budgetary Institution State Archives of the Orenburg Region in Buzuluk]. F. 389. Op. 1. D. 43. (In Russ.).
- KDVP — Danilov, V., Shanin, T. (eds.). (2002). *Krestyanskoye dvizheniye v Povolzh'ye. 1919—1922 gg.: dokumenty i materialy* [Peasant movement in the Volga region]. Moskva: ROSSPEN. 944 p. (In Russ.).
- NABGKM — *Nauchnyy arkhiv Buzulukskogo gorodskogo kraevedcheskogo muzeya. Kolleksiya vospominaniy starykh bolshevikov, krasnogvardeytsv i krasnykh partizan — uchastnikov grazhdanskoj vojny (1917—1921 gg.)* [Scientific archive of the Buzuluk city museum of local lore. Collection of memoirs of old Bolsheviks, Red Guards and Red partisans - participants in the Civil War (1917—1921)], 2. (In Russ.).

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 18-09-00149 “The phenomenon of “red” insurgency in the civil war: the contingency of ideological attitudes, military and organizational decisions (Central Black Earth Region, the Volga Region and the South Urals)”.

- OGASPI — *Orenburgskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Orenburg State Archives of Social and Political History]. F. 6002. Op. 1. D. 175. (In Russ.).
- RGVA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv* [Russian state military archive]. F. 42. Op. 1. D. 905. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2013). Dokument po istorii vystupleniya «Armii Pravdy» A. Sapozhkova (1920 g.): publikatsiya [Document on the history of the performance of «Army of Truth» A. Sapozhkov (1920): publication]. In: *Krestyanskiy front 1918—1922 gg.: sbornik statey i materialov* [Peasant Front 1918—1922: collection of articles and materials]. Moskva: AIRO-XXI. 564—578. (In Russ.).
- SD — Berelovich, A., Danilov, V. (eds.). (2000). *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918—1939: dokumenty i materialy* [Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918—1939: documents and materials], 4/1. 1918—1922 gg. Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 864 p. (In Russ.).
- Smychka (Orenburg): gazeta* [Smychka (Orenburg): newspaper]. (1927), 7 noyabrya. (In Russ.).
- SOGASPI — *Samarskiy oblastnoy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Samara Regional State Archives of Social and Political History]. F. 1. Op. 1. (In Russ.).
- Zverev, A. G. (1973). *Zapiski ministra* [Minister's Notes]. Moskva: Politizdat. 270 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Aleshkin, P. F. (2011). Tipologicheskaya obshchnost' krestyanskogo protestnogo dvizheniya v Rossii v 1918—1922 gg. [Typological commonality of the peasant protest movement in Russia in 1918—1922]. In: *Krest'yanstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka: sbornik nauchnykh statey uchastnikov Mezhdunarodnogo kruglogo stola (Moskva, 12 noyabrya 2010 g.)* [Peasantry and power in the history of Russia of the XX century: a collection of scientific articles of the participants of the International round table (Moscow, November 12, 2010)]. Moskva: APR. 35—47. (In Russ.).
- Aleshkin, P. F., Vasilyev, Yu. A. (2010.). *Krestyanskaya voyna v Rossii v usloviyakh politiki voennogo kommunizma i ee posledstviya (1918—1922 gg.)* [The peasant war in Russia under the conditions of the policy of war communism and its consequences (1918—1922)]. Moskva: Golos-Press. 575 p. (In Russ.).
- Anshakova, Yu. Yu. (1998). *Krestyanskiye vosstaniya v Srednem Povolzh'ye v 1918—1920 gg.* Author's abstract of PhD. Diss. [Peasant uprisings in the Middle Volga region in 1918—1920. Author's abstract of PhD. Diss.]. Samara: SGU. 19 p. (In Russ.).
- Anshakova, Yu. Yu. (2006). Armiya «Pravdy» nachdiva Sapozhkova [Army «Pravda» division commander Sapozhkov]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 8/3: 769—780. (In Russ.).
- Dvoynikh, A. V. (2009). K voprosu o politicheskoy programme krestyanskogo povstancheskogo dvizheniya v Rossii v gody Grazhdanskoj vojny [To the question of the political program of the peasant insurrectionary movement in Russia during the Civil War]. *Vestnik SamGU* [Bulletin of SamSU], 7(73): 69—72. (In Russ.).
- Dvoynikh, A. V. (2010). *Lozungi i programma krestyanskogo povstanchestva v Rossii v gody Grazhdanskoj vojny.* Author's abstract of PhD. Diss. [Slogans and the program of the peasant insurrection in Russia during the Civil War. Author's abstract of PhD. Diss.]. Penza. 25 p. (In Russ.).
- Grigoryev, V. K. (1984). *Razгром melkoburzhuaiznoy kontrrevolyutsii v Kazakhstane (1920—1922 gg.)* [The defeat of the petty-bourgeois counter-revolution in Kazakhstan (1920—1922)]. Alma-Ata: Kazakhstan. 176 p. (In Russ.).

- Ил'ин, Ю. А. (2011). Antikommunisticheskoye dvizheniye sredi krasnoarmeytsev-krestyan v 1920 g. — nachale 1921 g. [Anti-communist movement among Red Army peasants in 1920 — early 1921]. In: *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu* [Towards civil society], 1—2. Available at: <http://government.esrae.ru/pdf/2011/1-2/159.doc>. (accessed: 16.06.2020). (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. (2001). *Krestyanskoye dvizheniye v Povolzh'ye v 1918—1922 gg.* [Peasant movement in the Volga region in 1918—1922]. Moskva: Yanus-K. 543 p. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. (2009). *Krestyanstvo Rossii v Grazhdanskoj voyne: k voprosu ob istokakh stalinizma* [The peasantry of Russia in the Civil War: on the question of the origins of Stalinism]. Moskva: ROSSPEN: Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. Eltsina. 575 p. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. (2013). Lozungi i programma krestyanskogo povstancheskogo dvizheniya v gody grazhdanskoj vojny [Slogans and program of the peasant insurrectionary movement during the Civil War]. In: *Krestyanskiy front 1918—1922 gg.: sbornik statey i dokumentov* [Peasant Front 1918—1922.: collection of articles and documents]. Moskva: AIRO-XXI. 80—98. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. (2018). O dostizheniyakh i problemakh sovremennoy otechestvennoy istoriografii krestyanskogo povstancheskogo dvizheniya v Rossii v gody Grazhdanskoj vojny [On the achievements and problems of modern domestic historiography of the peasant insurrectionary movement in Russia during the Civil War]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Bulletin of the Samara University. History, pedagogy, philology], 24/1: 39—45. (In Russ.).
- Pavlyuchenkov, S. A. (1996). *Krestyanskiy brest, ili Predystoriya bolshevistskogo nepa* [Peasant Brest, or the Prehistory of the Bolshevik NEP]. Moskva: Russkoye knigoizd. tov-vo. 299 p. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (1999). *Velikaya krest'yanskaya vojna 1920—1921 gg. i Yuzhnyy Ural* [The Great Peasant War of 1920—1921]. Orenburg: Orenburgskaya guberniya. 316 p. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2018). Krestyanskoye dvizheniye v gody Grazhdanskoj vojny na territorii Yuzhnogo Urala: sostoyaniye i problemy sovremennoy rossiyskoj istoriografii [Peasant movement during the Civil War in the Southern Urals: the state and problems of modern Russian historiography]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University], 4 (28): 205—251. DOI: 10.32516/2303-9922.2018.28.17. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2019). Lozungi povstancheskoy «Krasnoy Armii Pravdy» A. Sapozhkova: k probleme edinstva lozungov povstantsev 1920-kh gg. [Slogans of the insurgent «Red Army of Pravda» A. Sapozhkov: on the problem of the unity of the slogans of the insurgents of the 1920s]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University], 4 (32): 151—166. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.11. (In Russ.).
- Taubin, R. A. (1934). Razgrom kulatskogo myatezha Sapozhkova [The defeat of the kulak rebellion of Sapozhkov]. *Borba klassov* [Struggle of classes], 12: 56—57. (In Russ.).
- Trifonov, I. Ya. (1964). *Klassy i klassovaya borba v SSSR v nachale nepa (1921—1923 gg.). I. Bor'ba s vooruzhennoy kulatskoy kontrrevolyutsiey* [Classes and the class struggle in the USSR at the beginning of the NEP (1921—1923), 1. The fight against the armed kulak counter-revolution]. Leningrad: LGU. 311 p. (In Russ.).
- Trotsky, V. V., Demidov, A. D. (1934). *1920 god v Srednevolzhskom krae* [1920 in the Middle Volga region]. Moskva; Samara: Gosizdat. 234 p. (In Russ.).

Татарникова А. И. Деятельность органов местного самоуправления по улучшению санитарного состояния городов Западной Сибири (конец XIX — начало XX веков) / А. И. Татарникова // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 416—429. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-416-429.

Tatarnikova, A. I. (2020). The Activities of Local Government Bodies to Improve the Sanitary Condition of Cities in Western Siberia (Late XIX — Early XX Centuries). *Nauchnyi dialog*, 10: 416-429. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-416-429. (In Russ.).

УДК 352.075(571.1)“189/191”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-416-429

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО УЛУЧШЕНИЮ САНИТАРНОГО СОСТОЯНИЯ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКОВ)

© Татарникова Анна Ивановна (2020), orcid.org/0000-0002-0854-4956, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела гуманитарных исследований, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук (Тобольск, Россия), tatob777@yandex.ru.

В статье характеризуется деятельность местных органов власти по санитарному благоустройству городов Западносибирского региона. Анализируются санитарные постановления органов самоуправления, адресованные городскому населению, выделяются их общие и отличительные черты. Акцентируется внимание на проблеме соблюдения издаваемых властями предписаний владельцами фабрик, заводов, торговых лавок, общественных бань, парикмахерских и других учреждений городской инфраструктуры, а также простыми горожанами. Рассматриваются способы наказания за нарушение принятых санитарных правил и эффективность их применения. Делается вывод об активизации работы органов городского самоуправления в деле обеспечения санитарного порядка, что было вызвано ростом темпов экономического развития городов, увеличением численности их населения, ускорением миграционных процессов и, как следствие, неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, расширением селитебной территории за счет хаотичной застройки городских окраин, загрязнением источников водоснабжения, появлением несанкционированных свалок бытового мусора. Подчеркивается, что необходимость решения проблем санитарного благоустройства заставляет городские власти искать поддержки неравнодушных горожан, налаживать взаимодействие с ними, что приносит первые положительные результаты, способствует развитию частной инициативы в деле улучшения санитарного состояния городского хозяйства и жилых дворов рядовых обывателей.

Ключевые слова: санитарное состояние; благоустройство; органы городского самоуправления; постановления; горожане; Западная Сибирь.

1. Введение

Современные историки-городоведы определяют рубеж XIX — XX веков как время перехода от традиционного к индустриальному обществу в России, первых проявлений урбанизации, изменения функций городов, развития и усложнения их инфраструктуры. Несмотря на большую территориальную протяженность страны, названные процессы проявились во всех ее частях, в том числе и в Западной Сибири, продолжительное время представлявшей собой малонаселенную и слабоосвоенную окраину обширной империи.

Необходимость повышения эффективности административного управления Сибирью, включения ее в имперское социально-экономическое пространство, решения проблемы малоземелья в европейской части страны, укрепления единого всероссийского рынка дало импульс модернизационным процессам в регионе: строительство и введение в эксплуатацию Транссибирской железной дороги, рост миграционного потока за Урал, экономический подъем, выразившийся в открытии новых фабрик и заводов, увеличении спроса на наемную рабочую силу, активизации торговли обусловили высокие темпы развития городов, расширение их селитебной территории.

Стремительный рост городов и увеличение численности их населения порождали массу проблем функционирования городского хозяйства, решение которых входило в сферу ответственности органов местного самоуправления. Уплотнение городской застройки и одновременное расширение границ города за счет заселения его окраин преимущественно бедными слоями общества, приток трудовых мигрантов, низкий уровень материального благосостояния большинства горожан способствовали ухудшению санитарной обстановки, загрязнению близлежащих территорий, распространению инфекционных заболеваний.

В сложившихся условиях большинство городов Западной Сибири имели неудовлетворительное санитарное состояние, зафиксированное в многочисленных источниках: отчетах чиновников и врачей, переписках между различными учреждениями и ведомствами, обзорах губерний, записках путешественников, воспоминаниях ссыльных и др.

Санитарное состояние Западносибирских городов неоднократно становилось предметом исследования ученых дореволюционного, советского и постсоветского периодов.

Работы авторов дореволюционного периода сводились к простому описанию антисанитарного состояния городов, констатации халатного отношения населения к соблюдению санитарных требований [Телешов, 2017; Петров, 1908].

В советской исторической науке преобладала в целом негативная оценка деятельности органов местного самоуправления в решении вопросов санитарного благоустройства городов [Кабо, 1949; Юрасова, 1954; Города Сибири ..., 1974 и др.], а начало положительных изменений в санитарном состоянии городских поселений связывалось исключительно с установлением советской власти в регионе.

В отечественной историографии постсоветского и современного периодов в трудах специалистов по истории повседневности, социальной истории, исторической урбанистики были обстоятельно рассмотрены причины антисанитарных условий в городских поселениях Сибири [Башкуев, 2014; Литягина, 2014], мероприятия местных органов самоуправления по организации и осуществлению санитарного контроля [Голубев, 1997; Чудаков, 2012; Кискидосова, 2016], благоустройству городов [Куприянов, 1995; Ивонин, 2001; Шерстнева, 2015; Блинова, 2019 и др.].

Тем не менее потенциал изучения темы не исчерпан. Остаются слабоизученными вопросы эволюции санитарного законодательства в отношении городских поселений; деятельности органов местного самоуправления по обеспечению санитарного порядка в период эпидемий, социальных катаклизмов, наплыва бежен-

цев, размещения военнопленных; реагирования городских властей на нарушение санитарных требований владельцами предприятий и горожанами; взаимодействия органов самоуправления с общественными организациями и рядовыми жителями по вопросам улучшения санитарной обстановки и благоустройства.

Цель настоящего исследования — охарактеризовать деятельность органов местного самоуправления по улучшению санитарного состояния городов Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих взаимосвязанных задач: 1) изучить нормотворческую деятельность местных органов власти по обеспечению санитарного порядка в городах; 2) рассмотреть способы наказания, предусмотренные за нарушение действующих санитарных требований; 3) проанализировать варианты взаимодействия городских властей с представителями инициативной общественности в деле улучшения санитарных условий жизни в городах региона.

Основными источниками для написания работы послужили санитарные постановления органов городского самоуправления; переписка последних с санитарными врачами, представителями полиции, базарными смотрителями и другими лицами о порядке осуществления санитарного надзора; жалобы и прошения горожан по вопросам благоустройства и наведения санитарного порядка. В качестве источников также привлечены материалы местной периодической печати, записки путешественников, писателей, оставивших свои впечатления о посещенных городах Западной Сибири.

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом с 1870 по 1914 годы. Выбор нижней границы обусловлен введением в 1870 году Городового положения, заложившего основы системы городского самоуправления, определившего круг полномочий местных дум / управ, в том числе и по вопросам санитарного благоустройства. Верхняя граница исследования связана с началом Первой мировой войны и последовавших революционных событий, внесших существенные коррективы в санитарное состояние городов, ограничивших финансовые возможности городских властей по поддержанию санитарного порядка и благоустройству вверенных им территорий.

2. Нормотворческая деятельность органов местного самоуправления по обеспечению санитарного порядка в городах Западной Сибири

Проблемы санитарного состояния городов являлись одной из животрепещущих для центральных и местных властей тем. По мере активизации торгово-промышленного развития городских поселений, роста потребности в наемной рабочей силе, увеличения числа мигрантов, прибывающих в города в поисках работы, естественного прироста населения происходило ухудшение санитарных условий жизни горожан, обострялась санитарно-эпидемиологическая обстановка.

Согласно действовавшему с 1857 года «Врачебному уставу», органы местного самоуправления и полиция обязывались следить за состоянием городских площадей, улиц, состоянием водоемов и мест свалки бытовых отходов, работой промышленных и торговых заведений [Устав врачебный, 1857, с. 762]. Однако надзор за

санитарным состоянием вышеперечисленных объектов не принял систематического характера и осуществлялся лишь в период эпидемий, когда смертность от той или иной инфекции приобретала впечатляющие масштабы и заставляла применять экстренные меры.

«Городовые положения» 1870 и 1892 годов закрепили право городских властей осуществлять мероприятия по улучшению санитарного состояния городов, разрешили принимать обязательные постановления «по улучшению санитарной части» жилых дворов, торговых помещений, промышленных заведений, улиц, площадей и пр.

В период с 1872 по 1914 годов городские думы (управы) принимали и дополняли уже существующие санитарные постановления не менее семи раз (в 1872, 1879, 1890, 1901, 1909, 1912 и 1914 годы).

Названные постановления имели схожее содержание, поскольку составлялись на основе единых для всех городов империи рекомендаций.

Преобладающее место в постановлениях занимали запретительные нормы. Так, среди основных требований по соблюдению санитарного порядка можно назвать запреты на сваливание навоза, мусора и других нечистот на городские улицы и площади, а также в протекающие через город реки и их берега; на выпуск на улицы домашнего скота; на устройство бойни скота во дворах; на полоскание шерсти, кож, льна, конопли в водоемах, находящихся в черте города.

Помимо запретов, санитарные постановления включали в себя перечень основных обязанностей горожан по соблюдению чистоты и элементарных правил гигиены. Жители городов должны были содержать в порядке придомовую территорию; устраивать колодцы вдали от помойных и выгребных ям; своевременно и тщательно вычищать помойные и отхожие места, засыпать их известью, золой или песком; отправлять нечистоты на свалку, находящуюся за пределами города. Причем в зимнее время вывозить нечистоты полагалось в санных ящиках, а летом — в специальных герметичных бочках. Горожане обязывались соблюдать «возможную чистоту и опрятность» в собственных жилищах, дворах, на улицах и в общественных заведениях [Обязательные ..., 1890; Сборник ..., 1912, с. 1—2].

До 1890-х годов специальные санитарные постановления содержателям мясных лавок, питейных домов, общественных бань, кожевенных, салотопенных и иных промышленных заведений не получили широкого распространения. Органы местного самоуправления помещали требования к санитарному состоянию перечисленных учреждений городской инфраструктуры в общих постановлениях, касающихся организации санитарной жизни города и его жителей в целом.

Владельцам торговых и промышленных заведений предписывалось строго следовать санитарным требованиям, «наблюдая во всем опрятность». К примеру, владельцы мясных лавок были обязаны следить за чистотой полок, скамей на которых выкладывалось мясо, инструментов для его рубки. Полки с мясом нужно было накрывать чистыми холщовыми покрывалами. Отдельно оговаривался запрет на продажу мяса павшего скота. Продавцам кваса запрещалось держать его в бочках с медными кранами. При продаже кваса в кадках необходимо было следить за чистотой и опрятностью указанных емкостей. Лицам, содержащим питейные за-

ведения, трактиры, вменялось в обязанность соблюдать чистоту «не только в самих помещениях, но и около заведений» [РГИА, ф. 1287, оп. 40, д. 1223, л. 22 об.].

Постепенное увеличение численности населения, уплотнение застройки, усложнение производственно-экономической и социокультурной инфраструктуры обостряло антисанитарную обстановку в городах. Необходимость оперативного реагирования на стремительно меняющиеся условия функционирования городской среды и растущие проблемы санитарного благоустройства вынуждала местные власти разрабатывать и принимать отдельные нормативные документы, касающиеся санитарных правил работы мясо- и рыботорговцев; порядка проведения осмотра продуктов, привозимых для продажи на городской рынок; осуществления водовозного промысла; очистки и вывоза нечистот из отхожих мест, помойных и выгребных ям; правил содержания пивных, квасных и чайных заведений; устройства торговых бань и пр. [Сборник ..., 1912].

В 1890-х годах были детализированы санитарные требования к устройству и содержанию улиц, площадей («дабы ям и бугров на них не было»), тротуаров, канав и естественных стоков. Домовладельцы подробно инструктировались не только относительно правил содержания прилегающих к жилым дворам тротуаров и улиц, но и относительно способов исправления их повреждений, материалов, используемых для починки тротуарных настилов [ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 438, л. 123—129].

Следует отметить, что, несмотря на однотипность обязательных санитарных постановлений городских органов самоуправления, имелись и отличия, отражавшие местные условия — специфику природно-географического положения конкретного города, его социально-экономическое развитие. Так, жителям Ялуторовска запрещалось купать лошадей и полоскать белье на озере Бабановском, расположенном в черте города. В Тюкалинске из-за сильного загрязнения местной речки Тюкалки воду для питья и приготовления пищи предписывалось брать только из озер Крестового и Животного, а полоскать белье можно было только на озере Дубасном. В губернском Тобольске, где была развита торговля рыбой и мясом, запрещалось «надувать» названные продукты для придания им лучшего вида. Городские власти Кургана включили в санитарные постановления отдельный пункт о запрете продавать незрелые или испорченные плоды, в особенности ягоды местного произрастания. Курганские «хлебопеки, калачницы и крендельщики, продающие всякое из муки печенье», должны были использовать муку хорошего качества, «без примесей песка или глины, не затхлой» [РГИА, ф. 1287, оп. 40, д. 1223, л. 21—62]. В Мариинске был запрещен убой скота вдоль линии железной дороги для обеспечения мясом рабочих, участвующих в ее строительстве. Забивать скот разрешалось только на городской скотобойне [Храмцов, 2017, с. 33].

В компетенцию органов городского самоуправления входили регулирование и контроль застройки в соответствии с правилами Строительного устава. Местные думы (управы) утверждали планы частных жилых и нежилых строений, устройства площадей, бульваров, мостовых, пресекали незаконное строительство.

Власти старались следить за благоустройством города в целом и его отдельных частей. Тем не менее темпы организации санитарного дела в городах Западной Си-

бири значительно отставали от аналогичных в городах Европейской России. Если в Харькове, Киеве, Риге и других городах уже в 1880—1890 годах были учреждены санитарные комиссии для осуществления соответствующего надзора, то в сибирских городах они возникли лишь в 1900-е годы. Так, в 1902 году в Томске при местной управе было образовано специальное бюро, следившее за санитарным порядком в городе, а в 1906 году создана врачебно-санитарная исполнительная комиссия, осуществлявшая функции контроля за санитарным состоянием общественных учреждений, жилых дворов, источников водоснабжения и т. п. [Семенова, 2009, с. 170]. К концу 1911 года аналогичные комиссии действовали в Тобольске и Омске. В уездных городах региона наблюдение за санитарным состоянием осуществляли местные комитеты общественного здоровья, а позже — санитарные попечительства.

В своей деятельности санитарно-исполнительные комиссии и комитеты общественного здоровья руководствовались принятым городской думой (управой) комплексом обязательных постановлений, направленных на поддержание санитарного порядка. Однако на практике исполнение данных постановлений повсеместно нарушалось.

3. Наказания за нарушение действующих санитарных требований

Острота санитарного вопроса и необходимость принятия решительных мер по наведению чистоты и порядка заставляли городские органы власти применять санкции в отношении злостных нарушителей действующих обязательных постановлений.

Выявлением лиц, нарушающих санитарные предписания, занимались представители городской полиции. Они должны были вести наблюдение за сохранением чистоты в городе, «устранением всего, что может вредно отразиться на народном здравии», а также за исполнением обязательных санитарных постановлений.

В случае выявления нарушения составлялся протокол в присутствии понятых. Инструкции рекомендовали при составлении протокола привлекать городского санитарного врача, который должен был его подписать. Однако отсутствие врача не означало что протокол является недействительным [Врачебно-санитарное ..., 1913, с. 379].

В определении вида наказания за несоблюдение санитарных требований органы самоуправления до 1903 года руководствовались Уложением о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1857 года) и Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864 год). С марта 1903 года по отношению к нарушителям обязательных постановлений стали применяться нормы вновь утвержденного Уголовного уложения.

В соответствии с Уложением о наказаниях 1857 года и Уставом о наказаниях 1864 года, лица, не соблюдающие распоряжения городских властей «по санитарной части», подвергались денежным штрафам. Максимальный размер штрафа составлял 15 руб. К примеру, за засорение рек, озер, ключей и иных источников питьевой воды, неисполнение обязанностей по своевременной очистке колодцев полагался штраф до 10 руб. За несоблюдение правил чистоты на улицах, выгон скота на за-

прещенные места впервые выявленные нарушители подвергались аресту на срок от трех до шести часов. При повторном нарушении указанных правил налагался штраф от 1 до 3 руб. Сваливание мусора и нечистот в непредназначенное для этого место влекло за собой штраф до 3 руб. [РГИА, ф. 1287, оп. 40, д. 1223, л. 22 об.].

С вступлением в 1903 году в силу Уголовного уложения наказания за нарушение санитарных требований ужесточились, особенно в отношении торгово-промышленных заведений. Так, несоблюдение «надлежащей чистоты и опрятности» при изготовлении и хранении съестных припасов, предназначенных для продажи, наказывалось штрафом до 50 руб. В случае производства и продажи продуктов питания, посуды, обоев, игрушек, свечей, содержащих в себе ядовитые вещества, виновный подвергался аресту или денежному взысканию размером до 500 руб.

В отношении лиц, уличенных в порче источников водоснабжения, сваливании нечистот в реки, озера, находящиеся в черте города, применялось наказание в виде ареста сроком до одного месяца, либо штрафа до 100 руб. [Новое, 1903, с. 82—83].

Разработанная система наказаний существовала не только на бумаге. К штрафам неоднократно прибегали власти разных городов. Например, в 1893 году за сваливание нечистот в запрещенном месте был наказан житель Тюмени Афанасий Барамыкин, в отношении которого было сделано распоряжение: «виновного <...> арестовать при полиции на десять дней, о чем объявить во всеобщее сведение» [Тобольские ..., 1893, 3 июля]. В Томске зимой 1908 года одного из домовладельцев с Ефремовской улицы мировой судья «за неочистку помойной ямы» приговорил к штрафу в 50 руб. [Голос ..., 1908, 19 марта]. В сентябре 1909 года за невыполнение обязанностей по содержанию улиц и тротуаров был наложен штраф на пятьдесят томских домовладельцев в размере 50—100 руб. [Сибирская ..., 1909, 20 сентября]. В Тобольской губернии в 1913 году за несоблюдение требований «относительно содержания в чистоте жилищ, улиц, дворов и источников» привлекли к ответственности 231 человека, а за нарушение требований «в отношении мест приготовления съестных припасов» — 56 человек [Обзор ..., 1915, с. 38].

Применяемые городскими властями санкции в отношении нарушителей обязательных постановлений не носили систематического характера, поскольку санитарный контроль за соблюдением санитарных норм не отличался регулярностью. Традиционные мировоззренческие установки и поведенческие стереотипы горожан в отношении ведения хозяйства служили серьезным препятствием для изменения отношения к санитарному состоянию жилищ, придомовых территорий, мест общественного пользования. Тем не менее на рубеже XIX—XX веков жители городов стали обращать более пристальное внимание на царящую вокруг антисанитарию.

4. Взаимодействие местных органов власти и горожан в деле улучшения санитарных условий жизни

Неудовлетворительное санитарное состояние городов, проявившееся в царившей непроходимой грязи на улицах (за исключением центральных); сваливании нечистот в овраги, на берега протекающих через город рек; переполненности

помойных и выгребных ям; утопающих в навозе канавах; продаже испорченных продуктов питания; отсутствии водопровода, канализации и других проблемах благоустройства, вызывало озабоченность не только представителей власти и медицины, но и горожан.

Антисанитарные условия нередко становились причиной распространения инфекционных заболеваний — чумы, холеры, тифа и др. Участвовавшие в 1890—1900-е годы эпидемии заставили органы местного самоуправления принять меры по усилению санитарного надзора за состоянием городов. Необходимость предотвращения массовых эпидемий сделала актуальной задачу санитарного просвещения населения, проведения профилактических мероприятий в виде устройства инфекционных барачков, дезинфекционных камер и т. п.

В ожидании надвигающейся эпидемии городские власти активизировали свою работу с населением. Местные газеты публиковали на своих страницах материалы о разных болезнях, способах их профилактики и лечения, уделяя при этом большое внимание важности соблюдения правил личной гигиены и санитарного порядка. На улицах города развешивались информационные листовки о важности и способах дезинфекции жилых помещений, систематическом проведении их тщательной уборки, поддержания чистоты тела. Санитарные врачи совершали обход домов жителей с целью проведения «внушительных бесед» о необходимости своевременной очистки придомовых территорий от разного рода нечистот.

Высокая смертность от инфекционных заболеваний (особенно во время вспышки холеры в 1892 году), страх потери близких в случае повторных эпидемий заставили горожан отнестись к проблеме очистки своих дворов и прилегающих улиц более серьезно. В 1890-е годы увеличилось число жалоб со стороны населения на нарушение санитарных требований владельцами общественных бань, нередко становившихся рассадниками кожных и венерических заболеваний. Поступали жалобы на работу парикмахерских, питейных заведений, фабрик и заводов, загрязняющих прилегающие к ним территории. Немало нареканий горожан вызывали случаи торговли испорченными продуктами питания.

Более сознательные горожане обращались в местные думы (управы) с жалобами на не соблюдающих санитарные предписания соседей. К примеру, в 1897 году томич Спиридон Уваров сообщил городской управе о засорении жителями дома № 57 в Карповском переулке, где он проживал, канавы для стока воды помоями, костями, пеплом от щелока, из-за чего «происходит ужасное зловоние, а главное, засоряется канава, которую очищать придется по милости каких-то негодяев, а это будет недешево стоить для городской кассы» [ГАТО, ф. 233, оп. 2, д. 2394, л. 14 об.].

В 1900-е годы выросло количество прошений жителей центральной части Томска в адрес городской управы с просьбой о поливке улиц в весенне-летнее время за счет самих горожан с целью уменьшения пыли [Там же, д. 3139, л. 2—4].

Позитивную роль в улучшении санитарной обстановки в городах имело привлечение органами местной власти активных представителей общественности к решению проблем городского хозяйства, организации надзора за состоянием

дворов горожан, улиц и переулков, промышленных и торговых заведений и т. п. Неравнодушные жители были включены в состав образуемых санитарных комиссий, за которыми закреплялся определенный городской участок. Зачастую членом комиссии был житель данного участка, что повышало авторитет работы самой комиссии в глазах соседей человека, являвшегося ее представителем.

Положительное влияние на улучшение санитарных условий жизни оказало сотрудничество органов самоуправления с медицинскими обществами, действовавшими в Западносибирских городах. Например, в Омске городская управа взаимодействовала с «Обществом борьбы с туберкулезом», «Медицинским обществом» и др., в Томске — с «Обществом практикующих врачей», «Обществом естествоиспытателей и врачей при Томском университете», «Обществом содействия физическому развитию», в Новониколаевске — с «Обществом фельдшеров, фельдшерии и акушеров», «Обществом практических врачей города Ново-Николаевска».

Результатом сотрудничества городских властей с общественными организациями стали проведение бесплатных публичных лекций по санитарии и гигиене для обывателей, оказание бесплатной врачебной консультативной и медикаментозной помощи особо нуждающимся представителям городской бедноты, сбор средств для проведения мероприятий по дезинфекции, строительства инфекционных барачков и др.

5. Выводы

Конец XIX — начало XX веков можно назвать периодом активизации деятельности органов местного самоуправления по улучшению санитарного состояния городов Западной Сибири.

Изменение отношения властей к проблеме санитарного благоустройства городов было вызвано несколькими причинами. Во-первых, растущее негативное влияние на санитарную обстановку оказывали увеличение численности городского населения, изменение ритма жизни, развитие инфраструктуры, вызванные началом модернизационных процессов в регионе. Во-вторых, из-за дефицита городских бюджетов, слабого развития коммунальной сферы, нехватки медицинского персонала местные органы власти испытывали большие сложности по организации борьбы с распространением инфекционных заболеваний, в появлении которых существенную роль играло антисанитарное состояние городской среды. В-третьих, городские думы (управы) были вынуждены реагировать на увеличивающееся число жалоб со стороны местных жителей на неудовлетворительное санитарное состояние общественных заведений, загрязнение источников водоснабжения, непролазную грязь на улицах и площадях, занавоживание рек, озер и т. п.

Городовые положения 1870 и 1892 годов предоставили органам местного самоуправления право принятия обязательных постановлений по улучшению городского хозяйства, решению санитарных проблем. За несколько десятилетий нормотворческая деятельность городских властей в сфере санитарного благоустройства претерпела положительные изменения, пройдя путь от появления первых общих санитарных постановлений, касающихся жителей городов и владельцев промышлен-

ленных и торговых заведений в целом, до разработки и принятия специальных, взаимодополняющих друг друга, санитарных правил, регламентирующих отдельные виды социально-экономической деятельности (рыбо- и мясоторговлю, продажу напитков и «съестных припасов»), предоставление банных и прачечных услуг и т. п.).

В отношении лиц, нарушающих санитарные требования, применялись санкции в виде административного ареста и / или денежного штрафа. В рассматриваемый период произошло ужесточение наказаний за несоблюдение санитарных требований, что свидетельствует об остроте проблемы поддержания чистоты и порядка в городах, стремлении органов власти повысить эффективность принимаемых мер по улучшению санитарного состояния вверенных им территорий.

Прогрессивным шагом в деле санитарного благоустройства стало усиление взаимодействия органов местного самоуправления с общественными организациями и инициативными горожанами при решении проблем городского хозяйства. Организация общественного санитарного надзора путем создания санитарных комиссий, тесное сотрудничество с врачами, широкое освещение вопросов санитарии и гигиены на страницах местной прессы привело к первым положительным сдвигам в решении санитарных проблем Западносибирских городов.

Источники и принятые сокращения

1. ГАТО — *Государственный архив Томской области*. Ф. 4 (Томская губернская врачебная управа), 1804—1895; Ф. 233 (Томская городская управа), 1822—1918.
2. *Голос Томска* : газета. — 1908. — 19 марта.
3. *Новое уголовное уложение*, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. — Санкт-Петербург : Книжный магазин В. П. Анисимова, 1903. — 253 с.
4. *Обзор* Тобольской губернии за 1913 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1913 г. — Тобольск : Типография губернского управления, 1915. — 124 с.
5. *Обязательные постановления* Тобольской городской управы для местных жителей г. Тобольска. — Тобольск : Типография Тобольского губернского правления, 1890. — 12 с.
6. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 1287 (Хозяйственный департамент МВД), 1866—1874.
7. *Сборник обязательных постановлений* Томского губернатора, составленных Томской городской думой для жителей г. Томска. — Томск : Паровая типография Н. И. Орловой, 1912. — 71 с.
8. *Сибирская правда* : газета. — 1909. — 20 сентября.
9. *Судебные уставы* 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть. 4. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. — Санкт-Петербург : Типография Второго Отделения Е. И. В. Канцелярии, 1867. — 201 с.
10. *Тобольские губернские ведомости* : газета. — 1893. — 3 июля.
11. *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных*. — Санкт-Петербург : Типография Второго Отделения Е. И. В. Канцелярии, 1857. — 964 с.
12. *Устав врачебный* // Свод законов Российской империи. — Санкт-Петербург : Типография Второго Отделения Е. И. В. Канцелярии, 1857. — Том 13, Тетр. 3. — 996 с.
13. *Фрейберг Н. Г.* Врачебно-санитарное законодательство в России: узаконения и распоряжения правительства по гражданской, медицинской, санитарной и фармацевтической частям / Н. Г. Фрейберг. — Санкт-Петербург : Практическая медицина, 1913. — 1071 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкуев В. Ю. О некоторых проблемах санитарного состояния уездного города Верхнеудинска в последней четверти XIX в. / В. Ю. Башкуев // Власть. — 2014. — № 3. — С. 134—139.
2. Блинова О. В. Социокультурный облик Омска второй половины XIX — начала XX вв. (к характеристике санитарного состояния и благоустройства города) / О. В. Блинова // Вопросы истории Сибири : сборник научных статей / под ред. М. К. Чуркина. — Омск : Омский государственный педагогический университет, 2019. — С. 17—23.
3. Голубев П. А. Городской хозяйство: (в Алтайском горном округе) / П. А. Голубев // Алтайский сборник. — Барнаул : Алтайский государственный краеведческий музей, 1997. — Выпуск 18. — С. 182—210.
4. Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период) / отв. ред. О. Н. Вилков. — Новосибирск : Наука, 1974. — 297 с.
5. Ивонин А. Р. Из истории благоустройства в городах Западной Сибири в конце XVIII — 60-х гг. XIX в. / А. Р. Ивонин // Ученые записки Алтайского государственного института искусств и культуры. — Барнаул : АГИИК, 2001. — Выпуск 1. — С. 32—38.
6. Кабо Р. М. Города Западной Сибири: очерки историко-экономической географии (XVII — первая половина XIX вв.) / Р. М. Кабо. — Москва : Государственное издательство географической литературы, 1949. — 225 с.
7. Кискидосова Т. А. Санитарное состояние городов Енисейской губернии в конце XIX — начале XX в. / Т. А. Кискидосова // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 403. — С. 49—53.
8. Куприянов А. И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири / А. И. Куприянов. — Москва : АИРО-XX, 1995. — 160 с.
9. Литягина А. В. Медико-санитарные условия повседневной жизни горожан Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. / А. В. Литягина // История и краеведение Западной Сибири: проблемы и перспективы изучения : материалы V Региональной научно-практической конференции с международным участием. — Ишим : Филиал Тюменский государственный университет в г. Ишиме, 2014. — С. 203—209.
10. Петров М. Западная Сибирь: губернии Тобольская и Томская / М. Петров. — Москва : Типография И. Д. Сытина, 1908. — 207 с.
11. Семенова К. А. Становление и развитие здравоохранения в Томске (вторая половина XIX — начало XX в.) / К. А. Семенова // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 323. — С. 170—173.
12. Телешов Н. Д. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири: очерки / Н. Д. Телешов. — Москва : Государственная публичная историческая библиотека России, 2017. — 158 с.
13. Храмцов А. Б. Обязательные постановления городских дум как источник о нормотворческой деятельности органов местного самоуправления в 1870—1890-е гг.: по материалам Западной Сибири / А. Б. Храмцов // Вестник архивиста. — 2017. — № 2. — С. 25—37.
14. Чудаков О. В. Медико-санитарная деятельность органов городского самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (1914 — начало 1918 гг.) / О. В. Чудаков // Омский научный вестник. — 2012. — № 2 (106). — С. 17—20.
15. Шерстнева Е. В. Благоустройство городов и санитарный надзор в России в конце XIX — начале XX века / Е. В. Шерстнева // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2015. — Том 23, № 2. — С. 52—56.
16. Юрасова М. К. Очерки истории Омска / М. К. Юрасова. — Омск : Омское областное книжное издательство, 1954. — 304 с.

THE ACTIVITIES OF LOCAL GOVERNMENT BODIES TO IMPROVE THE SANITARY CONDITION OF CITIES IN WESTERN SIBERIA (LATE XIX — EARLY XX CENTURIES)

© Anna I. Tatarnikova (2020), orcid.org/0000-0002-0854-4956, PhD in History, Senior Researcher, Department of Humanitarian Research, Federal State Budgetary Institution of Science, Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russia), tatob777@yandex.ru.

The activities of local authorities in the sanitary improvement of cities in the West Siberian region are characterized in the article. The author analyzes the sanitary regulations of the self-government bodies addressed to the urban population, identifies their common and distinctive features. Attention is focused on the problem of compliance with the instructions issued by the authorities by the owners of factories, plants, trade shops, public baths, hairdressers and other institutions of urban infrastructure, as well as ordinary citizens. Methods of punishment for violation of the accepted sanitary rules and the effectiveness of their application are considered. The conclusion is made about the intensification of the work of urban self-government bodies in ensuring sanitary order, which was caused by an increase in the rates of economic development of cities, an increase in their population, an acceleration of migration processes and, as a consequence, an unfavorable epidemiological situation, an expansion of the residential area due to the chaotic development of urban outskirts, pollution of water supply sources, the emergence of unauthorized household waste dumps. It is emphasized that the need to solve the problems of sanitary improvement forces the city authorities to seek support from caring citizens, to establish interaction with them, which brings first positive results, contributes to the development of private initiative in improving the sanitary condition of the city economy and residential yards of ordinary inhabitants.

Key words: sanitary condition; improvement; city government bodies; regulations; townspeople; Western Siberia.

MATERIAL RESOURCES

- freyberg, N. G. (1913). *Vrachebno-sanitarnoye zakonodatelstvo v Rossii: uzakoniya i rasporyazheniya pravitelstva po grazhdanskoj, meditsinskoj, sanitarnoj i farmatsevticheskoj chastyam* [Medical and sanitary legislation in Russia: legalizations and government orders for civil, medical, sanitary and pharmaceutical parts]. Sankt-Peterburg: Prakticheskaya meditsina. 1071 p. (In Russ.).
- GATO — *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti* [State Archives of the Tomsk Region]. F. 4; F. 233. (In Russ.).
- Golos Tomsk: gazeta* [Voice of Tomsk: newspaper]. (1908). 19 marta. (In Russ.).
- Novoye ugovnoye ulozheniye, vysochayshe utverzhdennoye 22 marta 1903 g.* [New criminal code, imperially approved on March 22, 1903]. (1903). Sankt-Peterburg: Knizhnyy magazin V. P. Anisimova. 253 p. (In Russ.).
- Obyazatelnyye postanovleniya Tobolskoy gorodskoy upravly dlya mestnykh zhiteley g. Tobol'ska* [Mandatory regulations of the Tobolsk city government for local residents of Tobolsk]. (1890). Tobolsk: Tipografiya Tobolskogo gubernskogo pravleniya. 12 p. (In Russ.).
- Obzor Tobolskoy gubernii za 1913 g. [Review of the Tobolsk province for 1913]. (1915). In: *Prilozheniye k Vsepoddaneyshemu otchetu nachalnika Tobolskoy gubernii za 1913 g.* [Appendix to the All-Subject Report of the Head of the Tobolsk Province for 1913]. Tobolsk: Tipografiya gubernskogo upravleniya. 124 p. (In Russ.).
- RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv*. F. 1287 (Khozyaystvennyy departament MVD) [Russian State Historical Archives. F. 1287 (Economic Department of the Ministry of Internal Affairs)]. (1866—1874). (In Russ.).
- Sbornik obyazatelnykh postanovleniy Tomskogo gubernatora, sostavlenykh Tomskoy gorodskoy dumoy dlya zhiteley g. Tomsk* [Collection of mandatory decrees of the Tomsk Gov-

- error, drawn up by the Tomsk City Duma for the residents of Tomsk]. (1912). Tomsk: Parovaya tipografiya N. I. Orlovoy. 71 p. (In Russ.).
- Sibirskaya pravda: gazeta* [Siberian truth: newspaper]. (1909). 20 sentyabrya. (In Russ.).
- Sudebnyye ustavy 20 noyabrya 1864 goda: s izlozheniem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany. Chast'. 4. Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami* [Judicial Charters November 20, 1864: Outlining the Reasoning on Which They Are Based. Part. 4. Charter on punishments imposed by justices of the peace]. (1867). Sankt-Peterburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya E. I. V. Kantselyarii. 201 p. (In Russ.).
- Tobolskiye gubernskiy vedomosti: gazeta* [Tobolsk Provincial Gazette: newspaper]. (1893). 3 iyulya. (In Russ.).
- Ulozheniye o nakazaniyakh ugovornykh i ispravitelnykh* [Code on penal and correctional punishments]. (1857). Sankt-Peterburg: Tipografiya. Vtorogo Otdeleniya E. I. V. Kantselyarii. 964 p. (In Russ.).
- Ustav vrachebnyy [Medical charter]. (1857). In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of laws of the Russian Empire], 13/3. Sankt-Peterburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya E. I. V. Kantselyarii. 996 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Bashkuev, V. Yu. (2014). O nekotorykh problemakh sanitarnogo sostoyaniya uездnogo goroda Verkhneudinska v posledney chetverti XIX v. [On some problems of the sanitary state of the district town of Verkhneudinsk in the last quarter of the 19th century]. *Vlast'* [Power], 3: 134—139. (In Russ.).
- Blinova, O. V. (2019). Sotsiokulturnyy oblik Omska vtoroy poloviny XIX — nachala XX vv. (k kharakteristike sanitarnogo sostoyaniya i blagoustroystva goroda) [Socio-cultural appearance of Omsk in the second half of the XIX — early XX centuries (description of the sanitary state and improvement of city)]. In: *Voprosy istorii Sibiri: sbornik nauchnykh statey* [Questions of the history of Siberia: collection of scientific articles]. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 17—23. (In Russ.).
- Chudakov, O. V. (2012). Mediko-sanitarnaya deyatel'nost' organov gorodskogo samoupravleniya v Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny i period sotsialnykh kataklizmov (1914 — nachalo 1918 gg.) [Medical and sanitary activities of municipal authorities in Siberia during the First World War and the period of social cataclysms (1914 — early 1918)]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2 (106): 17—20. (In Russ.).
- Golubev, P. A. (1997). Gorodskoy khozyaystvo: (v Altayskom gornom okruge) [Municipal economy: (in the Altai mountain district)]. In: *Altayskiy sbornik* [Altai collection], 18. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy kraevedcheskiy muzey. 182—210. (In Russ.).
- Ivonin, A. R. (2001). Iz istorii blagoustroystva v gorodakh Zapadnoy Sibiri v kontse XVIII — 60-kh gg. XIX v. [From the history of improvement in the cities of Western Siberia at the end of the XVIII — 60 s. XIX century]. In: *Uchenyye zapiski Altayskogo gosudarstvennogo instituta iskusstv i kultury* [Scientific notes of the Altai State Institute of Arts and Culture], 1. Barnaul: AGIIK. 32—38. (In Russ.).
- Kabo, R. M. (1949). *Goroda Zapadnoy Sibiri: ocherki istoriko-ekonomicheskoy geografii (XVII — pervaya polovina XIX vv.)* [The cities of Western Siberia: essays on historical and economic geography (XVII — first half of the XIX centuries)]. Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo geograficheskoy literatury. 225 p. (In Russ.).
- Khrantsov, A. B. (2017). Obyazatel'nyye postanovleniya gorodskikh dum kak istochnik o normotvorcheskoy deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya v 1870—1890-e gg.: po materialam Zapadnoy Sibiri [Obligatory resolutions of city councils as a source on

- the rule-making activity of local self-government bodies in the 1870—1890s: based on materials from Western Siberia]. *Vestnik arkhivista* [Archivist's newspaper], 2: 25—37. (In Russ.).
- Kiskidosova, T. A. (2016). Sanitarnoye sostoyaniye gorodov Eniseyskoy gubernii v kontse XIX — nachale XX v. [The sanitary condition of the cities of Yenisei province in late 19th — early 20th centuries.]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 403: 49—53. (In Russ.).
- Kupriyanov, A. I. (1995). *Russkiy gorod v pervoy polovine XIX veka: obshchestvennyy byt i kultura gorozhan Zapadnoy Sibiri* [Russian city in the first half of the 19th century: social life and culture of the townspeople of Western Siberia]. Moskva: AIRO-XX. 160 p. (In Russ.).
- Lityagina, A. V. (2014). Mediko-sanitarnyye usloviya povsednevnoy zhizni gorozhan Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv. [Medical and sanitary conditions of everyday life of the townspeople of Western Siberia in the second half of the XIX — early XX centuries]. In: *Istoriya i kraevedeniye Zapadnoy Sibiri: problemy i perspektivy izucheniya: materialy V Regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [History and local history of Western Siberia: problems and prospects of study: materials of the V Regional scientific-practical conference with international participation]. Ishchim: Filial Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet v g. Ishime. 203—209. (In Russ.).
- Petrov, M. (1908). *Zapadnaya Sibir': gubernii Tobolskaya i Tomskaya* [Western Siberia: Tobolsk and Tomsk provinces]. Moskva: Tipografiya I. D. Sytina. 207 p. (In Russ.).
- Semenova, K. A. (2009). Stanovleniye i razvitiye zdravookhraneniya v Tomske (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) [Formation and development of health care in Tomsk (second half of the 19th — early 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 323: 170—173. (In Russ.).
- Sherstneva, E. V. (2015). Blagoustroystvo gorodov i sanitarnyy nadzor v Rossii v kontse XIX — nachale XX veka [Improvement of cities and sanitary supervision in Russia in the late 19th — early 20th centuries]. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of social hygiene, health care and the history of medicine], 23/2: 52—56. (In Russ.).
- Teleshov, N. D. (2017). *Za Ural. Iz skitaniy po Zapadnoy Sibiri: ocherki* [For the Urals. From wanderings in Western Siberia: essays]. Moskva: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii. 158 p. (In Russ.).
- Vilkov, O. N. (ed.). (1974). *Goroda Sibiri (ekonomika, upravleniye i kultura gorodov Sibiri v dosovetskiy period)* [Siberian cities (economy, management and culture of Siberian cities in the pre-Soviet period)]. Novosibirsk: Nauka. 297 p. (In Russ.).
- Yurasova, M. K. (1954). *Ocherki istorii Omska* [Essays on the history of Omsk]. Omsk: Omskoye oblastnoye knizhnoye izdatelstvo. 304 p. (In Russ.).

Филимонов А. В. Формирование региональных общественных организаций в последней четверти XIX — начале XX века (на примере Томской губернии) / А. В. Филимонов // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 430—449. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-430-449.

Filimonov, A. V. (2020). Formation of Regional Public Organizations in Last Quarter of XIX — Early XX Century (Tomsk Province). *Nauchnyi dialog*, 10: 430-449. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-430-449. (In Russ.).

УДК 94(571.16)“1875/1910”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-430-449

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)¹

© Филимонов Александр Викторович (2020), orcid.org/0000-0003-0839-4625, кандидат исторических наук, научный сотрудник, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского» (Омск, Россия), aleks.filimonoff@yandex.ru.

Рассматривается деятельность чиновников по образованию общественных неполитических организаций Томской губернии в последней четверти XIX — начале XX веков. Представлена картина современного состояния исследования общественных организаций и чиновничества Российской империи. На основе анализа ряда опубликованных и неопубликованных источников выявляются примеры участия представителей томской администрации в процессе создания различных обществ. Выделены особенности взаимодействия чиновников с представителями местного общества (учеными, политическими ссыльными, купцами, промышленниками), а также с городским самоуправлением. Определены основные формы вклада томского чиновничества в создание обществ: разработка устава, ходатайство перед государством об открытии организации, поиск единомышленников, финансовая поддержка. Автором установлены основные причины участия служащих административных учреждений Томской губернии в образовании новых обществ: должностная обязанность, совместная инициатива с представителями общественности, личная заинтересованность. Найдена корреляция направления работы некоторых организаций со служебной и внеслужебной деятельностью чиновников. В целом отмечен потенциал к налаживанию взаимодействия между чиновниками и местным обществом в процессе создания неполитических организаций.

Ключевые слова: чиновник; общественная организация; государство; Российская империя; Томская губерния.

1. Введение

Исследование общественных неполитических организаций имеет длительную историю. Современные авторы отчасти продолжают традицию дореволюционных работ. В то же время для них характерны новые методологические основания и ракурсы. Общества рассматриваются с точки зрения участников (их социального состава, ценностных установок), направлений и результатов деятельности, связей с государством, администрацией, органами самоуправления, другими обществами. Достаточно распространенной сегодня является точка зрения, согласно которой

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60013.

общественные объединения являлись элементами формирующейся гражданской культуры и гражданского общества в Российской империи конца XIX — начала XX веков [Ермакова и др., 2016, с. 83; Литягина, 2014, с. 68; Фадеев, 2005, с. 167]. Добровольные ассоциации выступали значимым каналом взаимодействия государства и социума и средством преодоления противоречий между ними.

Спектр деятельности общественных организаций в исследуемый период был очень широким. Современные авторы проводят деление обществ на ряд направлений. Наиболее подробным и отвечающим задачам данного исследования представляется вариант, предложенный Е. А. Дегальцевой. В монографии автора, посвященной Западной Сибири, общества подразделяются на филантропические, просветительские, краеведческие, научные, связанные с искусством, спортивные, профессиональные, сельскохозяйственные [Дегальцева, 2002, с. 29—30]. При этом необходимо учитывать региональную специфику: большинство общественных организаций в Сибири были полифункциональными, их деятельность нельзя относить только к одному направлению.

Правовые условия, в которых местные объединения формировались и осуществляли свою деятельность, практически не менялись на протяжении второй половины XIX — начала XX веков. Лица, желавшие учредить новую общественную организацию, должны были обращаться с ходатайством к губернатору, перенаправлявшему его в Министерство внутренних дел. Далее составленный по определенному образцу устав общества утверждался при участии обер-прокурора Синода [Скопа, 2004, с. 114]. Контроль государства над организациями осуществлялся через непререкаемых членов их советов — например, в просветительских и благотворительных формированиях эти функции обычно выполняли инспекторы учебных заведений и чиновники учебного округа [Там же, с. 115]. Существенными правами в отношении действовавших обществ обладал губернатор, в частности, он мог ввести в их состав представителей администрации [Там же].

Позиция государства в отношении общественных образований отличалась двойственностью. С одной стороны, власть была заинтересована в появлении неполитических, некоммерческих обществ, поскольку они могли помочь в решении социальных проблем, проведении научных исследований, развитии образования и других задачах, на которые у нее не хватало человеческих, материальных и денежных ресурсов [Ермакова и др., 2016, с. 78]. С другой стороны, правительство и администрация не были готовы предоставить данным организациям полную свободу деятельности, предпочитая ей контроль и регламентацию.

При исследовании региональных особенностей общественных организаций в Западной Сибири особый исследовательский интерес вызывает Томская губерния. Во второй половине XIX — начале XX веков она являлась лидером по числу обществ: в Томске их насчитывалось 88, Барнауле — 26, Бийске — 19, Новониколаевске — 16 [Литягина, 2014, с. 57]. Кроме того, губерния опережала другие территории по числу учащихся и учебных заведений, объектов городской социокультурной инфраструктуры и ряду других показателей [Там же, с. 169—170, 177]. Таким образом, исследование Томской губернии позволит подробно проследить факторы, влиявшие на создание обществ и тенденции их развития на региональном уровне.

Ввиду обширности проблематики в рамках данного исследования акцент сделан на роли чиновников в формировании общественных организаций Томской губернии.

В последние несколько десятилетий в отечественной историографии возрос интерес к истории чиновничества в Российской империи. Внимание исследователей привлекали вопросы об источниках формирования, корпоративных чертах, внеслужебной деятельности этой социально-профессиональной группы [Бойков, 1997; Фролова, 2006; Чевтаева, 2009]. В категорию чиновников нами включается круг лиц, имевших в соответствии с классным чином гражданскую должность в государственных учреждениях и профессионально занимавшихся управленческой деятельностью [Зайончковский, 1978, с. 3; Миронов, 2003, с. 111]. Вне рамок исследования остаются военные и имевшие классный чин преподаватели и технические специалисты, если их основная деятельность лежала вне сферы администрирования.

Чиновничество во второй половине XIX — начале XX веков выделялось особой корпоративностью, регламентированной законами о государственной службе. Специфическая этика чиновников проявлялась в характере и результатах служебной и внеслужебной деятельности. Складывался определенный стиль жизни. Единство данной социально-профессиональной группы обеспечивалось строгой иерархией, разграничением функций и корпоративной психологией. Ее характерными чертами являлись замкнутость, крепкие внутренние связи, наследственность профессии, чинопочитание [Литягина, 2013, с. 106].

Помимо общих характеристик чиновничества, необходимо также учитывать его региональные особенности. Согласно определению А. В. Ремнева, в Азиатской России происходил «сложный процесс адаптации российской бюрократии к региональным условиям, создание собственной управленческой среды, на которую влияли как общие имперские установки и методы властвования, так и специфические условия региона», «иные цивилизационные ценности» [Ремнев, 2004, с. 20]. В результате появился особый тип чиновника, «управленческое поведение которого могло деформироваться под воздействием окружающей социокультурной среды» [Там же].

Во второй половине XIX — начале XX веков власть и представители науки, бюрократия и интеллигенция пытались наладить сотрудничество по различным вопросам. Постепенно благодаря распространению высшего образования формировалось новое поколение молодых чиновников. Выпускники высших учебных заведений, по замечанию Р. Уортмана, стремились привнести «ценности науки» в государственные учреждения [Цит. по: Ремнев, 2011, с. 173]. В данных условиях постепенно происходила интеллектуализация чиновничества, формирование нового служебного этоса, веры в прогресс и законность. Шло размывание границ между обществом и государством. Среди служащих нередко встречались люди, занимавшиеся литературой, публицистикой, наукой, их позиция по актуальным социальным вопросам становилась экспертным мнением. Контакты между чиновничеством и общественностью налаживались, помимо газет и журналов, благодаря совместному участию в ряде организаций. Чиновники сами включались в общественную жизнь, создавали новые формы диалога между властью и формировавшимися гражданскими институтами [Так же, с. 174].

Рассматривая Западную Сибирь как периферию Российской империи, важно учитывать ее взаимоотношения с центром. По выражению А. В. Ремнева, «центр как символическое и организационное образование стремился не просто получать ресурсы из периферии, но и перенести в нее свои духовно-символические принципы, мобилизовать ее для своих целей [Ремнев, 2004, с. 10]. В этом контексте становится понятным, почему государство могло быть заинтересовано в государственном служащем, который не только добросовестно выполнял управленческие функции, но также мог взять на себя роль организатора и руководителя в местных социокультурных образованиях. Законодательство не запрещало находившимся на гражданской службе лицам участвовать в создании и работе общественных организаций. Большое значение имели установки самих чиновников. Попыткам реализовать свои идеалы через профессиональную деятельность препятствовала ее жесткая регламентация со стороны правительства и местных властей. В результате социокультурно активные чиновники, стремясь обойти государственные и административные ограничения, вступали во взаимодействие с обществом, рассчитывая таким образом принять участие в решении назревших социальных проблем [Самойлова, 2006, с. 150].

В соответствии с представленной картиной современного состояния изучения общественных объединений и чиновничества сформулированы основные задачи исследования. Необходимо выявить состав и причины включения чиновников Томской губернии в процесс создания общественных неполитических организаций, определить, как их служебная и внеслужебная деятельность коррелировалась с выбором направления работы учреждаемых обществ. При исследовании социокультурной деятельности чиновничества нужно учитывать некоторые особенности. С одной стороны, в периодике и научных трудах конца XIX — начала XX веков сформировался преимущественно негативный образ российского чиновника, не всегда отражавший действительность. С другой стороны, достаточно жесткая регламентированность и внешняя закрытость государственной службы создают определенные ограничения при изучении процесса налаживания взаимоотношения чиновничества с обществом и эволюции российской бюрократии. Поэтому для выполнения исследовательских задач особое значение приобретает анализ источников с целью выявления примеров совместной деятельности администрации и местной общественности при учреждении неполитических организаций.

Источниковая база включает в себя материалы Российского государственного исторического архива и Государственного архива Томской области (прежде всего делопроизводственные документы), позволяющие проследить ход создания общественных неполитических организаций и степень участия в нем местных чиновников. Другой группой источников являются статьи и заметки периодических изданий («Томские губернские ведомости», «Восточное обозрение»). В них содержится общая информация об открытии обществ и их составе, в том числе о представителях администрации. Некоторые дополнительные опубликованные материалы привлекаются для характеристики личности и деятельности чиновника В. М. Флоринского.

2. Особенности взаимодействия томской администрации и местного общества в рамках создания общественных неполитических организаций в 1870-х — 1890-х годах

Главы Томской губернии включились в процесс образования общественных организаций раньше других чиновников. При этом они могли одновременно выступать инициаторами нескольких обществ с разным направлением социокультурной деятельности. Подобная активность объяснялась необходимостью осуществления контроля над общественными формированиями в соответствии с должностными обязанностями или стремлением губернаторов повлиять на жизнь местного общества согласно своим взглядам. В 1870-е годы социокультурные инициативы томичей поощрял губернатор А. П. Супруненко. Благодаря его поддержке в Томске появились отделения Российского общества Красного Креста (1874), Общества спасения на водах (1876), Русского музыкального общества (1879) [Зима, 2014, с. 74; Чирков, 1905, с. 65—66]. После ухода с губернаторской должности Супруненко также был назначен председателем открывшегося 17 июня 1883 года Общества для вспомоществования учащимся [Томское общество ..., 1873, № 46, с. 4]. Идеи чиновника во многом предвосхитили период бурного развития общественных организаций в губернии в 1880-е годы, но не получили поддержки у местного населения. Деятельность Томского отделения Русского музыкального общества затихла вскоре после открытия ввиду того, что наиболее активные участники покинули Томск [Зима, 2014, с. 77]. Томское окружное правление Общества спасения на водах бездействовало в течение ряда лет и возобновило свою работу только при губернаторе Г. А. Тобизене в начале 1891 года [Отчет ..., 1894, с. 1—2].

Активное образование общественных объединений в Томской губернии началось в 1880-х годах. Представители администрации так же, как и члены органов городского самоуправления, прекрасно осознавали проблему бедности населения и необходимость помогать ему. Помимо денежных пожертвований и участия в деятельности приютов и богаделен, чиновники внесли существенный вклад в создание организаций, ставивших целью реализацию мер социальной поддержки.

В Томске в 1881 году было учреждено благотворительное общество, цель которого заключалась в попечении «о бедных, нуждающихся в помощи». Его первым председателем стал управляющий Томской казенной палатой М. А. Гиляров, исполнявший данные обязанности практически до своей смерти в 1900 г. В некрологе чиновника отмечалось: *«Благодаря трудам своего председателя общество это занимает выдающееся место среди других обществ гор. Томска как по своей сравнительной обеспеченности, так и по своей безусловно полезной деятельности»* (на его средства содержались богадельня, детский приют и ночлежный дом) [N., 1900, с. 63]. Гиляров также был одним из членов-учредителей Томского общества вспомоществования учащимся и несколько лет избирался председателем его правления [Там же].

Помимо организаций, ставивших целью помощь всем категориям нуждающихся, в 1880-х годах в Томской губернии появились объединения, сосредоточившие усилия на помощи переселенцам. По постановлению Томского губернского совета 15 июня 1883 года при Приказе общественного призрения учреждался

особый переселенческий комитет, которым в течение лета был выстроен барак за 400 руб. и розданы пособия переселенцам на сумму более 6,6 тыс. руб. [Дудолов, 1886, с. 40]. В 1889 году в Томске по предложению председателя Томского губернского правления Н. Н. Петухова был создан новый комитет, организовавший помощь переселенцам за счет частных пожертвований (всего было израсходовано около 4 тыс. руб.) [Родигина, 2003; Соболев, 1895, с. 72]. Важно отметить, что еще до перевода на должность в Томск Петухов во время службы начальником почтово-телеграфной конторы в Каинске выступил в качестве инициатора образования в городе драматического общества [Кобелев, 2014].

Научно-образовательные и просветительные организации также имели длительную историю деятельности в Сибири. Усложнение процессов государственного управления во второй половине XIX века потребовало более тесного взаимодействия с учеными, привлечения последних к решению государственных задач. «Научное завоевание» новых территорий и народов являлось одним из важных направлений «имперской географии власти» [Ремнев, 2004, с. 23]. Покровителями наиболее авторитетных научных обществ являлись сибирские генерал-губернаторы и губернаторы. «Платой» за подобную опеку было обязательство информировать глав администрации обо всех своих экспедициях и мероприятиях. В некоторых случаях научные организации играли роль своеобразных консультативных центров при местной администрации. Примером такого взаимодействия являлись прежде всего Западно- и Восточно-Сибирский отделы Императорского Русского географического общества.

В числе чиновников, участвовавших в создании научно-образовательных и просветительных обществ, особо выделялся В. М. Флоринский. Весной 1880 года он был командирован в Сибирь в качестве представителя Министерства народного просвещения (далее — МНП) для руководства строительством здания Томского университета, а позднее назначен попечителем Западно-Сибирского учебного округа [ГАТО, ф. 103, оп. 1, д. 1, л. 9об]. Занимая по должности второе после губернатора место в административной иерархии, на практике Флоринский нередко имел большее влияние на столичное начальство за счет связей и опыта службы в столице. Яркую характеристику чиновнику дал французский славист Ж. Легра, совершивший поездку по Сибири для изучения переселенческого дела и этнографии коренных народов. В его дневнике приводилось мнение, составленное отчасти на основании личных впечатлений, отчасти — мнения местных жителей, что, являясь «одним из умнейших людей среди высокопоставленных лиц Азиатской России», человеком «безупречной порядочности», ученым, Флоринский обладал также «авторитарными замашками», которые «создали ему противодействие и множество врагов» [Легра, 2000, с. 12—13].

Как попечитель учебного округа, В. М. Флоринский понимал необходимость развития образования не только в стенах университета. В 1886 году он выступил инициатором Общества попечения о начальном образовании в Томской губернии, основными задачами которого должны были стать содействие постройке и открытию новых училищ в Томской губернии, выдача денежных пособий пре-

подавателям сельских школ, снабжение училищ учебными пособиями и помощь в устройстве школьных библиотек [Сеченова, 2009, с. 140]. Начальное образование определялось по уставу как «религиозно-нравственное просвещение населения и развитие в нем грамотности» [Цит. по: Карташова, 2008, с. 246]. Предполагалось привлечь население к добровольному участию в организации.

Устав общества разрабатывался В. М. Флоринским совместно с губернатором и местным епископом. При этом попечитель Западно-Сибирского учебного округа опирался на четырехлетний опыт одноименного формирования, основанного известным общественным деятелем и членом Томской городской думы П. И. Макушиным. Помимо названия, были заимствованы некоторые положения о составе и средствах. Существенно отличался стиль управления новой организации: сам Флоринский становился обязательным членом общего собрания и комитета общества, следящим за соблюдением устава и общим направлением обсуждений на заседаниях, с правом ограничивать суждения «в которых окажутся отклонения от устава или должного порядка» [Там же, с. 245]. Для придания авторитета обществу во главе его должны были состоять в качестве почетных членов томский губернатор, епископ и его викарий, заведующий Алтайской духовной миссией, а в состав Комитета войти (также на правах неперенных членов) директор училищ, штатный смотритель уездного училища и ректор духовной семинарии как председатель училищного совета по учебным заведениям духовного ведомства [Там же, с. 245—246]. Флоринский рассчитывал, что постановления организации на более официальную почву и поддержка МНП позволят ей более эффективно выполнять свои задачи. Согласно проекту, предполагалось отправить агентов во все города Томской губернии. В их обязанности входил прием денежных взносов на местах и устройство мероприятий в соответствии с целями устава [Там же, с. 246]. Недостатком подобного устройства являлся слишком большой объем работы, возлагавшийся на незначительный штат (для сравнения, в обществе Макушина эти обязанности выполняли специальные комиссии в составе до 70 человек) [Там же]. В целом проектируемое общество оказалось больше похожим на государственное учреждение. Необходимость его создания при наличии сходной по целям организации была неочевидна, слабым местом проекта также была ставка на администрацию в ущерб представителям местной общественности.

Спустя несколько лет после попытки образования Общества попечения о начальном образовании В. М. Флоринский выступил идейным вдохновителем и учредителем Томского общества естествоиспытателей и врачей. Через него проект устава был направлен в МНП и утвержден его главой И. Д. Деляновым 19 августа 1889 года [Некрылов, 2013, с. 10—11; РГИА, ф. 733, оп. 143, д. 65, л. 47]. На первом заседании Флоринский был избран председателем общества [Дегальцева, 2007, с. 226]. В своей речи он призвал членов организации сосредоточить свои силы на изучении региональных проблем [Некрылов, 2013, с. 27]. Данный принцип стал ключевым в деятельности общества в последующие годы: по инициативе попечителя Западно-Сибирского учебного округа была создана комиссия по изучению распространения гриппа, проводилась регистрация заболевших холерой

в 1892 году и т. д. [Там же, с. 30]. Включение в устав пункта о необходимости изучения населения Сибири в антропологическом и археологическом отношении было связано с научными интересами Флоринского: чиновник «питал неподдельную страсть к археологии, отдавая ей свободное от основных занятий время», был основателем археологического музея при Томском университете [РГИА, ф. 733, оп. 143, д. 65, л. 47; Некрылов, 2013, с. 11]. Статус Флоринского как попечителя учебного округа и ученого способствовал быстрому налаживанию научных связей организации: в 1890—1891 годы она обменивалась изданиями с 38 обществами, включая 28 из Европейской России и 10 из Сибири [Дергачев, 1990, с. 61].

Заданное В. М. Флоринским направление деятельности поддерживали далеко не все члены общества. В сентябре 1892 года было высказано недовольство его авторитарным стилем управления: был избран новый председатель, и 15 человек вышло из состава организации [Некрылов, 2013, с. 33; Письмо И. Д. Делянова от 8 декабря ..., 1996, с. 192]. Флоринский на заседании 15 декабря 1892 года предложил внести изменения в устав, укрепив превосходство представителей Томского университета (по сути, ввести научно-образовательный ценз для действительных членов) [Некрылов, 2013, с. 35—36]. Новый председатель отклонил предложения чиновника. Министр народного просвещения И. Д. Делянов в письмах попечителю Западно-Сибирского учебного округа рекомендовал «употребить все возможные меры к умиротворению партий, возникших в обществе», а также посчитал нежелательным возбуждать вопрос об изменении устава, чтобы не давать повода к новым недоразумениям [Письмо И. Д. Делянова от 31 декабря ..., 1996, с. 193]. Тем не менее конфликт Флоринского с организацией продолжался еще несколько лет: только в 1896 году удалось сформировать стабильный состав правления, сохранившийся до 1903 года. Таким образом, властный, авторитарный вариант руководства и стремление подчинить общие цели собственным идеям могли привести к серьезным разногласиям между членами общества и поставить под сомнение его дальнейшее существование.

Барнаул в конце XIX века представлял пример других взаимоотношений государственных служащих и местной общественности. Город отличался большим числом образованных чиновников, охотно принимавших участие в работе городского самоуправления и различных обществ [Литягина, 2014, с. 82]. Некоторые из них также выступили в качестве инициаторов создания общественных организаций. В Барнауле 7 октября 1884 года открылось Общество попечения о начальном образовании. Идея принадлежала ссыльному учителю В. К. Штильке и начальнику Алтайского округа Н. И. Журину [Материалы ..., 1894, с. 27]. Оба организатора были избраны на ведущие должности (Журин — почетным председателем, Штильке — его секретарем и заместителем) и занялись привлечением новых членов и сбором средств [Журин]. Большое значение имело вступление в состав организации активных участников в сферах общественной и научной деятельности, в основном чиновников и купцов. Так, в числе учредителей значился С. И. Гуляев — начальник V отделения Алтайского горного управления, известный сибирский фольклорист, публицист, член 11 научных обществ [Дегальцева, 2002, с. 34]. Важно отметить, что для Журина было характерно постоянное участие в жизни города. Современни-

ки отмечали его бескорыстие и либеральные взгляды. Последнее подтверждалось его дружбой с находившимся под полицейским надзором Штильке (он был домашним учителем детей начальника Алтайского округа и фактическим руководителем Общества попечения о начальном образовании) [Там же, с. 130].

Опыт создания общественной организации вновь пригодился Н. И. Журину в 1891 году, когда в Барнауле по его инициативе было основано Общество Любителей исследования Алтая [Баскакова, 2007, с. 16]. В первом выпуске «Алтайского сборника» отмечалось, что в лице начальника Алтайского округа мысль о создании общества нашла «горячего приверженца и умелого организатора»: он участвовал в разработке программы, привлечении членов, ходатайствовал об утверждении устава и открытии организации [Алтайский ..., 1894, с. I]. Традицию сотрудничества с обществом продолжили чиновники, сменившие Журина на его должности: В. К. Болдырев и А. Ф. Кублицкий-Пиоттух.

В 1890-х годах развивалось направление социальной поддержки. 30 октября 1894 года в Томске было открыто Общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов. В первоначальный состав вошло 45 человек, включая ряд чиновников: окружного инженера Томского горного округа В. С. Реутовского, управляющего Томской золотосплавочной лабораторией, начальника Томского горного управления Г. М. Яцевича, помощника начальника Томского горного управления М. А. Шостака и др. [ГАТО, ф. 423, оп. 1, д. 4, лл. 88, 199; Румянцев, 2015, с. 53]. На первом заседании выступил один из инициаторов создания общества Реутовский, сообщив основную цель, — консолидация усилий разных лиц для помощи рабочим горнякам, которые не могли трудиться по болезни, старости, увечью [Румянцев, 2015, с. 53]. С начала существования организации установилась традиция активного участия представителей администрации в ее деятельности. Служащие жертвовали крупные суммы, получая статус почетного члена, занимались устройством благотворительных мероприятий и разработкой нового устава. В этом отношении они составляли резкий контраст с золотопромышленниками, неохотно сотрудничавшими с обществом.

Помимо социальной поддержки, образования, просвещения и науки, чиновники развивали и другие направления социокультурной деятельности. По предложению губернатора Г. А. Тобизена в 1892 году было образовано Томское общество садоводства. Документ Томской городской думы от 31 октября 1891 года свидетельствует о том, что именно глава губернии поставил среди местных жителей вопрос о необходимости такой организации и руководил разработкой ее устава [Свод ..., 1904, с. 139—140]. Вскоре после открытия Тобизен обратился к органу городского самоуправления с просьбой найти подходящий участок земли для устройства оранжерей, теплиц и питомника и получил положительный ответ [Там же]. Другой представитель администрации К. А. Шапошников (в 1890—1894 годы занимал должность председателя Томского губернского правления, в 1891—1892 годы также являлся томским вице-губернатором) стал инициатором Общества сибирского земледелия, промышленности и торговли, первое заседание которого открылось 28 января 1894 года [Кобелев, 2014; Сибирская хроника ..., 1894, № 21, с. 2].

В создании общественных неполитических организаций, как и в социокультурной деятельности в целом, принимали участие не только служащие, занимавшие руководящие должности в губернской администрации. В 1896 году чиновник по крестьянским делам Б. И. Войнович добился от уполномоченных 93 крестьянских обществ Барнаульского округа Томской губернии решения ежегодно вносить в течение 10 лет в общую кассу определенную сумму. В результате был сформирован капитал в 40 тыс. руб., который должен был пойти на дело народного образования. Также по инициативе Войновича в 1898 году в Барнаульском округе было учреждено первое в Сибири крестьянское общество попечения о начальном образовании, призванное содействовать делу народного просвещения [Шамахов, 1967, с. 101].

Известным участником общественных организаций являлся А. А. Ломачевский, управлявший Томской губернией в течение 1895—1900 годов. При его поддержке были открыты Общество содействия физическому развитию (1895) и Общество взаимопомощи учащихся и учивших Томской губернии (1896) [Яковенко и др., 2012, с. 148]. Являясь членом Общества ревнителей русского исторического просвещения, Ломачевский выступил инициатором создания его отделения в Томске. 15 февраля 1899 года он сообщил в Санкт-Петербург председателю общества графу С. Д. Шереметьеву о желании учредить Томский отдел [РГИА, ф. 747, оп. 1, д. 89, лл. 1—10б]. В апреле и мае 1899 года Ломачевский дважды высылал список лиц, желавших войти в состав нового отдела [Там же, лл. 2—3, 10—10об]. 22 ноября 1899 года глава губернии и его единомышленники собрали предварительное совещание, предложив обсудить возможные задачи [Там же, л. 12]. В результате Ломачевский согласился взять на себя обязанности по привлечению новых членов, увеличению денежных средств, распространению сведений о целях организации [Там же]. 2 января 1900 года совет Общества ревнителей русского исторического просвещения постановил разрешить открытие Томского отдела [Там же, л. 13]. На первом заседании 9 февраля 1900 года губернатор был единогласно избран председателем и предложил в качестве одного из первых дел учредить премии за лучший учебник для деревенской школы, лично выделив 1 тыс. руб. для этой цели [Там же, лл. 16—16об]. Несмотря на то, что в конце января 1900 года Ломачевский покинул Томскую губернию в связи с назначением главой Тургайской области, он успел задать направление развития для организации на последующие годы.

3. Деятельность чиновников Томской губернии по образованию новых обществ в условиях изменения взаимоотношений государства и общества в начале XX века

К началу XX века четко прослеживается процесс профессионализации и оформления чиновничества как особой социальной группы. Менялась психология государственного служащего. Открытое обсуждение отрицательных черт отдельных представителей администрации в периодической печати свидетельствовало о том, что чиновник теперь должен был соответствовать определенным требованиям: уметь налаживать взаимодействие с местным обществом, не препятствовать

реализации его полезных инициатив [Литягина, 2014, с. 70]. Формирование подобных связей приостановилось в период революции 1905—1907 годов одновременно с замедлением темпов создания новых общественных неполитических организаций. Главной причиной стало включение интеллигенции и местного населения в политическую деятельность: появление союзов, кружков, которые позднее стали основой для представительства в Государственной думе. В то же время неполитические организации начали использоваться политическими ссыльными для критики правительства и поиска сторонников. Государство и администрация в попытках воспрепятствовать политизации социума приостановили работу многих общественных объединений и практически не разрешили образования новых.

Очередной период активизации создания обществ пришелся на 1908—1910 годы. В это время в Западной Сибири возникло не менее 200 новых формирований и возобновили деятельность существовавшие организации. Правовые отношения организаций и губернской администрации выстраивались на основе закона 4 марта 1906 года «О временных правилах об обществах и союзах», передавшего управление ими во власть администрации, и положения 1909 года, по которому губернаторы могли сами утверждать новые формирования [Дегальцева, 2002, с. 48]. Цели и задачи общественных организаций, создававшихся при участии чиновников, по-прежнему отражали их должностные обязанности и внеслужебные интересы.

15 ноября 1909 года в Томске открылось общество «Патронат», основанное служащим судебного ведомства Е. М. Баранцевичем. Чиновник лично разработал устав нового формирования и на первом заседании был избран его председателем [Поляки ..., 2012, с. 28]. Деятельность общества состояла в оказании моральной и материальной поддержки бывшим преступникам и ссыльным, вышедшим из мест заключения Томска и Томского уезда «в видах возвращения их на путь честной жизни» [Там же]. В его состав вошли в основном представители Томского окружного суда. Баранцевич также был инициатором создания в Томске Общества пчеловодов, начавшего свою работу 20 декабря 1909 года. Специфическое направление деятельности данной организации было связано с биографией чиновника: до переезда в Сибирь он являлся богатым помещиком и опытным пчеловодом в Верейском уезде Московской губернии [Баранцевич, 1893, с. XVII—XVIII; Баранцевич, 1913, с. 13]. В Томске Баранцевич развил свое увлечение, став автором многих специальных изданий по пчеловодству и способствовал открытию учебно-показательной пасеки при Обществе пчеловодов в 1910 году [Поляки ..., 2012, с. 28; Томский ..., 2013, с. 91—92].

Ряд новых организаций появился в Томской губернии в 1908—1910 годах благодаря поддержке губернатора Н. Л. Гондатти. Как и в случае с Е. М. Баранцевичем, участие главы администрации в различных инициативах объясняется подробностями его биографии. Уже в 1880-х годах, во время обучения в Императорском Московском университете, Гондатти вступил в состав ряда научных организаций [РГИА, ф. 391, оп. 7, д. 841, лл. 23об, 24об—25]. Впоследствии он неоднократно менял должности и географию службы, но практически везде выступал как инициатор и активный член обществ (прежде всего научных). Не стал исключением и Томск: в период управления губернией Гондатти участвовал в создании и изби-

рался председателем Томского общества борьбы с детской смертностью (1909) и Общества пчеловодства (1909), также состоял членом Общества поощрения коннозаводства и Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов [Яковенко и др., 2012, с. 179—180].

4. Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что в конце XIX — начале XX веков в качестве инициаторов и организаторов обществ выступали чаще всего чиновники, находившиеся на руководящих должностях (губернаторы, вице-губернаторы, председатели губернского правления). В некоторых случаях эту роль выполняли рядовые служащие. Вклад в создание общества мог выражаться в разработке устава (включая определение целей, задач, направлений деятельности), ходатайстве перед государством об открытии общества, поиске заинтересованных во вступлении в новое формирование представителей местного общества, финансовой поддержке.

Можно выделить несколько основных причин участия административных служащих Томской губернии в образовании новых обществ. Ряд чиновников (чаще всего губернаторы и начальники Алтайского округа) становились организаторами обществ и их отделений по своему служебному положению. В подобных случаях они обычно не определяли общее направление деятельности обществ. Для самой организации положительными моментами являлись отсутствие препятствий со стороны администрации и повышение статуса за счет участия высокопоставленных чиновников в качестве почетных председателей. Другим вариантом являлось создание организаций совместными усилиями активных представителей администрации и местного общества. При этом чиновники лично участвовали в выработке устава, определении целей и задач, непосредственной деятельности организации. Еще одной причиной появления общественного объединения могло выступить личное желание чиновника, исходившее из его мировоззрения, научных интересов, предпочитаемых видов досуга. В данном случае он обычно сам занимался поиском единомышленников для реализации своей идеи. Служебная и внеслужебная деятельность таких чиновников была тесно связана с направлением работы обществ.

В целом процесс создания общественных неполитических организаций мог способствовать налаживанию взаимодействия между администрацией и местным обществом. Нередко государственные служащие разрабатывали идею нового формирования совместно с общественными деятелями, учеными, городским самоуправлением, политическими ссыльными. Попытки некоторых чиновников выстроить более авторитарное управление организацией, приблизить ее состав к государственному учреждению вызывали негативную реакцию представителей местной общественности: отказ вступать в состав или демонстративный выход из него, внутренние конфликты, критику в печати.

Источники и принятые сокращения

1. ГАТО — *Государственный архив Томской области*. Ф. 103 (Комитет по постройке зданий Сибирского университета). Оп. 1. Д. 1. Л. 9 об.

2. ГАТО — *Государственный архив Томской области*. Ф. 423 (Общество вспомоществования рабочим горных и золотых промыслов Томского горного округа). Оп. 1. Д. 4. Лл. 88, 199.
3. *Легра Ж.* Томск / Ж. Легра // Труды томского областного краеведческого музея. — Томск : Издательство Томского университета, 2000. — Т. X. — С. 10—34.
4. *Отчет* Томского окружного правления императорского Российского общества спасения на водах, с 21 мая 1891 г. по 1 августа 1894 года. — Томск : Губернская типография, 1894. — 32 с.
5. *Письмо* И. Д. Делянова от 31 декабря 1892 г., из Петербурга в Томск // Ястребов Е. В. Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. — Томск : Издательство Томского университета, 1996. — С. 193—194.
6. *Письмо* И. Д. Делянова от 8 декабря 1892 г., из Петербурга в Томск // Ястребов Е. В. Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. — Томск : Издательство Томского университета, 1996. — С. 190—193.
7. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 391 (Переселенческое управление). Оп. 7. Д. 841. Лл. 23 об, 24 об—25.
8. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 143. Д. 65. Л. 47.
9. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 747 (Общество ревнителей русского исторического просвещения в память Александра III). Оп. 1. Д. 89. Лл. 1—1 об, 2—3, 10—10 об, 12, 13, 16—16 об.
10. *Свод постановлений Томской городской Думы с 1891 по 1898 год*. — Томск : Типография Н. И. Орловой, 1904. — 1319 с.
11. *Сибирская хроника* // Восточное обозрение : газета. — 1894. — № 21. — С. 2.
12. *Томское общество для вспомоществования учащимся* // Томские губернские ведомости : газета. — 1873. — № 46. — С. 4—5.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алтайский сборник* / Н. Зобнин [и др.]. — Выпуск 1. — Томск : Типо-литография П. И. Макушина, 1894. — 356 с.
2. *Баранцевич Е. М.* Об учреждении страхования от огня дворянских имуществ и к вопросу об участии дворянства в земельных оборотах / Е. М. Баранцевич. — Москва : Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1893. — 294 с.
3. *Баранцевич Е. М.* Обзор исторических сведений по ведению пчел на Руси / Е. М. Баранцевич. — Томск : Типография губернского управления, 1913. — 14 с.
4. *Баскакова И. В.* Миграционные процессы второй половины XIX — начала XX вв. на юге Западной Сибири в контексте правительственной переселенческой политики : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. В. Баскакова. — Горно-Алтайск, 2007. — 23 с.
5. *Бойков В. Э.* Государственные служащие : штрихи коллективного портрета / В. Э. Бойков // Социологические исследования. — 1997. — № 6. — С. 99—108.
6. *Дегальцева Е. А. В. М.* Флоринский в Сибири : сатрап или патриот / Е. А. Дегальцева // Актуальные вопросы истории Сибири : шестые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина : сборник научных трудов : в 2 ч. Ч. 1. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2007. — С. 221—227.
7. *Дегальцева Е. А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861—1917 гг.) : монография / Е. А. Дегальцева. — Барнаул : Издательство АлтГУ, 2002. — 288 с.

8. *Дергачев А. Ю.* Научные общества в Сибири в период капитализма (основные черты и особенности) / А. Ю. Дергачев // Проблемы истории Сибири : общее и особенное : Бахрушинские чтения 1990 г. : межвузовский сборник научных трудов. — Новосибирск : НГУ, 1990. — С. 57—72.
9. *Дудолодов А.* Очерк переселенческого в Сибирь движения / А. Дудолодов // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. — 1886. — Книга VIII, Выпуск 1. — С. 1—46.
10. *Ермакова Е. Е.* Общественные организации Сибири как институты зарождающегося гражданского общества в дореволюционный период / Е. Е. Ермакова, Е. И. Камышев // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2016. — № 2 (24). — С. 77—84.
11. *Журин Николай Иванович (1841—1891)* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края. — Режим доступа : <https://www.altairregion22.ru/authorities/historians/zhurin/> (дата обращения 23.07.2020).
12. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. — Москва : Мысль, 1978. — 288 с.
13. *Зима Т. Ю.* Томское отделение Императорского русского музыкального общества как социокультурный феномен Сибири конца XIX начала XX в. / Т. Ю. Зима // Вестник Томского государственного университета. История. — 2014. — № 2 (28). — С. 74—79.
14. *Карташова Т. П.* Отражение в документах канцелярии попечителя Западно-Сибирского учебного округа процесса создания просветительских обществ конца XIX в. (по материалам ГАТО) / Т. П. Карташова // Документ в системе социальных коммуникаций. — Томск : Издательство Томского университета, 2008. — С. 244—247.
15. *Кобелев А.* Начальные люди Томской губернии. Исторические портреты 1804—1917 [Электронный ресурс] / А. Кобелев. — Барнаул, 2014. — 390 с. — Режим доступа : <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kobelev-aleksej-ivanovich/nachaljniy-lyudi-tomskoj-gubernii-istoricheskie-portreti-1804-1917>. (дата обращения 27.07.2020).
16. *Литягина А. В.* Светское просвещение и повседневная жизнь горожан Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. : монография / А. В. Литягина. — Бийск : ФГБОУ ВПО «АГАУ», 2014. — 180 с.
17. *Литягина А. В.* Факторы, влиявшие на ментальность горожан Западной Сибири второй половины XIX — начала XX века / А. В. Литягина // Историческая психология и социология истории. — 2013. — № 1. — С. 99—110.
18. *Материалы для библиографии Алтая (1891—1893 гг.)* // Алтайский сборник / Н. Зобнин [и др.]. — Томск : Типо-литография П. И. Макушина, 1894. — Выпуск 1. — С. 9—48.
19. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : в 2 т. / Б. Н. Миронов. — 3-е изд. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — Т. 1. — 588 с.
20. *Некрылов С. А.* Научные общества в Томском университете в дореволюционный период : монография / С. А. Некрылов. — Томск : Издательство Томского университета, 2013. — 258 с.
21. *Поляки в Томске (XIX—XX вв.) : биографии* / Автор-составитель В. А. Ханевич. — Томск : Издательство ТГПУ, 2012. — 686 с.
22. *Ремнев А. В.* «Власть канцелярии» и «искусство редактирования» в имперской России XIX — начала XX века / А. В. Ремнев // Социальная история. — 2011. — С. 160—188.
23. *Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков : монография / А. В. Ремнев. — Омск : Издательство Омского государственного университета, 2004. — 552 с.
24. *Родигина Н. Н.* Переселенческие чиновники о крестьянских миграциях в Сибирь во второй половине XIX в. [Электронный ресурс] / Н. Н. Родигина. — Режим доступа : <https://lib.nspu.ru/views/sbo/212/read.php>. (дата обращения 23.07.2020).

25. Румянцев П. П. Общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов : история деятельности / П. П. Румянцев // Гуманитарные науки в Сибири. — 2015. — № 4. — С. 52—57.
26. Самойлова Е. В. Роль интеллигенции в развитии социокультурного пространства губернских городов Западной Сибири во второй половине XIX века / Е. В. Самойлова // Известия Челябинского научного центра. — 2006. — Выпуск 4 (34). — С. 148—152.
27. Сеченова А. А. Василий Маркович Флоринский — первый попечитель Западно-Сибирского учебного округа / А. А. Сеченова // Вестник ТПГУ. — 2009. — Выпуск 12 (90). — С. 139—141.
28. Скопа В. А. Развитие статистики в системе общественных организаций и городского самоуправления в Томской губернии в конце XIX — начале XX века / В. А. Скопа // Местное самоуправление в истории Сибири XIX—XX веков. — Барнаул : Сова, 2004. — С. 112—122.
29. Соболев С. Благотворительные учреждения Томской губернии : очерк / С. Соболев. — Томск : Губернская типография, 1895. — 84 с.
30. Томский литературный некрополь / под редакцией Т. Назаренко. — Томск : Красное знамя, 2013. — 96 с.
31. Фадеев К. В. Складывание исторического краеведения в Томской губернии во второй половине XIX — начале XX века / К. В. Фадеев // III Научные чтения памяти Ю. С. Булыгина, 14 декабря 2004 г. : сборник научных трудов. — Барнаул : Аз Бука, 2005. — С. 167—174.
32. Фролова Т. А. Социокультурный облик чиновничества Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Т. А. Фролова. — Омск, 2006. — 25 с.
33. Чевтаева Н. Г. Социология чиновничества в России : дореволюционное наследие и современность / Н. Г. Чевтаева // Мир России. Социология. Этнология. — 2009. — Т. XVIII. — № 3. — С. 85—113.
34. Чирков Н. С. Путеводитель по г. Томску и его окрестностям / Н. С. Чирков. — Томск : Типография Н. И. Орловой, 1905. — 170 с.
35. Шамахов Ф. Ф. Роль народной инициативы в борьбе за просвещение в дореволюционной Сибири / Ф. Ф. Шамахов // Сибирь периода капитализма : в 3 выпусках. Выпуск 3 : Общественно-политическое движение в Сибири в 1861—1917 гг. / Ф. А. Кудрявцев, А. П. Окладников. — Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1967. — С. 99—106.
36. Яковенко А. В. Томские губернаторы : биобиблиографический указатель / А. В. Яковенко, В. Д. Гахов. — Томск : Ветер, 2012. — 223 с.
37. Н. Гиляров М. А. / N // Дорожник по Сибири и Азиатской России. Книга V. — Томск : Типо-литография П. И. Макушина, 1900. — С. 60—64.

FORMATION OF REGIONAL PUBLIC ORGANIZATIONS IN LAST QUARTER OF XIX — EARLY XX CENTURY (TOMSK PROVINCE)¹

© Alexander V. Filimonov (2020), orcid.org/0000-0003-0839-4625, PhD in History, Researcher, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Dostoevsky Omsk State University” (Omsk, Russia), aleks.filimonoff@yandex.ru.

1 The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 19-39-60013.

The activity of officials on the formation of public non-political organizations of the Tomsk province in the last quarter of the XIX — early XX centuries is considered. The picture of the current state of research of public organizations and officials of the Russian Empire is presented. Based on the analysis of a number of published and unpublished sources, examples of the participation of representatives of the Tomsk administration in the process of creating various societies are revealed. The features of interaction of officials with representatives of the local society (scientists, political exiles, merchants, industrialists), as well as with city government bodies are highlighted. The main forms of the contribution of the Tomsk bureaucracy to the creation of societies are determined: the development of a charter, a petition to the state to open an organization, a search for like-minded people, and financial support. The author establishes the main reasons for the participation of employees of administrative institutions of the Tomsk province in the formation of new societies: job responsibilities, joint initiative with members of the public, personal interest. A correlation was found between the direction of work of some organizations and the official and non-official activities of civil servants. In general, the potential for establishing interaction between officials and the local community in the process of creating non-political organizations was noted.

Key words: civil servant; public organization; the state; The Russian Empire; Tomsk province.

MATERIAL RESOURCES

- GATO — *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti. F. 103 (Komitet po postroyke zdaniy Sibirskogo universiteta). Op. 1. D. 1. L. 9 ob* [GATO-State archive of the Tomsk region. F. 103 (Committee for the construction of buildings of the Siberian University). Op. 1. D. 1. L. 9 vol.]. (In Russ.).
- GATO — *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti. F. 423 (Obshchestvo vspomoshchestvovaniya rabochim gornyykh i zolotykh promyslov Tomskogo gornogo okruga). Op. 1. D. 4. Ll. 88, 199* [GATO-State archive of the Tomsk region. F. 423 (Society for assistance to workers of mining and gold trades of the Tomsk mountain district). Op. 1. D. 4. Ll. 88, 199]. (In Russ.).
- Legra, Zh. (2000). Tomsk [Tomsk]. *Trudy tomского oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk regional Museum of local lore], X. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. 10—34. (In Russ.).
- Otchet Tomskogo okružnogo pravleniya imperatorskogo Rossiyskogo obshchestva spasaniya na vodakh, s 21 maya 1891 g. po 1 avgusta 1894 goda* [Report of the Tomsk district Board of the Imperial Russian water rescue society, from may 21, 1891 to August 1, 1894]. (1894). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. 32 p. (In Russ.).
- Pismo I. D. Delyanova ot 8 dekabrya 1892 g., iz Peterburga v Tomsk [I. D. Delyanovs Letter of December 8, 1892, from St. Petersburg to Tomsk]. In: *Yastrebov E. V. Sto neizvestnykh pisem russkikh uchenykh i gosudarstvennykh deyateley k Vasiliyu Markovichu Florinskomu* [Yastrebov E. V. one Hundred unknown letters of Russian scientists and statesmen to Vasily Markovich Florinsky]. (1996). Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. 190—193. (In Russ.).
- Pismo I. D. Delyanova ot 31 dekabrya 1892 g., iz Peterburga v Tomsk [I. D. Delyanovs Letter of December 31, 1892, from St. Petersburg to Tomsk]. In: *Yastrebov E. V. Sto neizvestnykh pisem russkikh uchenykh i gosudarstvennykh deyateley k Vasiliyu Markovichu Florinskomu* [One Hundred unknown letters of Russian scientists and statesmen to Vasily Markovich Florinsky]. (1996). Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. 193—194. (In Russ.).
- RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. F. 391 (Pereselencheskoye upravleniye). Op. 7. D. 841. Ll. 23 ob, 24 ob—25* [Russian state historical archive. F. 391 (Resettlement management). Op. 7. D. 841. Ll. 23 ob, 24 ob-25] (In Russ.).
- RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. F. 733 (Departament narodnogo prosveshcheniya). Op. 143. D. 65. L. 47* [Russian state historical archive. F. 733 (Department of public education). Op. 143. D. 65. L. 47]. (In Russ.).

- RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. F. 747 (Obshchestvo revniteley russkogo istoricheskogo prosveshcheniya v pamyat' Aleksandra III). Op. 1. D. 89. Ll. 1—1 ob, 2—3, 10—10 ob, 12, 13, 16—16 ob* [Russian state historical archive. F. 747 (Society of zealots of Russian historical education in memory of Alexander III). Op. 1. D. 89. Ll. 1—1 Ob, 2-3, 10—10 Ob, 12, 13, 16—16 ob]. (In Russ.).
- (1894). *Sibirskaya khronika* [The Siberian chronicle]. *Vostochnoye obozreniye: gazeta* [Eastern Outlook: the newspaper], 21: 2. (In Russ.).
- Svod postanovleniy Tomskoy gorodskoy Dumi s 1891 po 1898 god* [Set of resolutions of the Tomsk city Duma from 1891 to 1898]. (1904). Tomsk: Tipografiya N. I. Orlovoy. 1319 p. (In Russ.).
- Tomskoye obshchestvo dlya vspomoshchestvovaniya uchashchimsya [Tomsk society for assistance to students]. (1873). *Tomskiye gubernskiye vedomosti: gazeta* [Tomsk provincial Bulletin: the newspaper], 46. 4—5. (In Russ.).

REFERENCES

- Altayskiy sbornik* [Altai collection], 1. (1894). Tomsk: Tipo-litografiya P. I. Makushina. 356 p. (In Russ.).
- Barantsevich, E. M. (1893). *Ob uchrezhdenii strakhovaniya ot ognya dvoryanskikh imushchestv i k voprosu ob uchastii dvoryanstva v zemelnykh oborotakh* [On the establishment of fire insurance of noble property and on the issue of the participation of the nobility in land turnover]. Moskva: Tipo-litografiya Tovarishchestva I. N. Kushnerev i K°. 294 p. (In Russ.).
- Barantsevich, E. M. (1913). *Obzor istoricheskikh svedeniy po vedeniyu pchel na Rusi* [Overview of the historical information on keeping bees in Russia]. Tomsk: Tipografiya gubernskogo upravleniya. 14 p. (In Russ.).
- Baskakova, I. V. (2007). *Migratsionnyye protsessy vtoroy poloviny XIX — nachala XX vv. na yuge Zapadnoy Sibiri v kontekste pravitelstvennoy pereselencheskoy politiki*. Author's abstract of PhD Diss. [Migration processes of the second half of the XIX-early XX centuries in the South of Western Siberia in the context of government migration policy. Author's abstract of PhD Diss.]. Gorno-Altaysk. 23 p. (In Russ.).
- Boykov, V. E. (1997). *Gosudarstvennyye sluzhashchiye: shtrikhi kolektivnogo portreta* [Civil servants: strokes of a collective portrait]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological research], 6: 99—108. (In Russ.).
- Chevtayeva, N. G. (2009). *Sotsiologiya chinovnichestva v Rossii: dorevolutsionnoye nasledie i sovremennost'* [Sociology of officialdom in Russia: pre-revolutionary heritage and modernity]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], XVIII (3): 85—113. (In Russ.).
- Chirkov, N. S. (1905). *Putevoditel' po g. Tomsku i yego okrestnostyam* [Guide to Tomsk and its surroundings]. Tomsk: Tipografiya N. I. Orlovoy. 170 p. (In Russ.).
- Degaltseva, E. A. (2002). *Obshchestvennyye nepoliticheskiye organizatsii Zapadnoy Sibiri (1861—1917 gg.): monografiya* [Public non-political organizations of Western Siberia (1861—1917): monograph]. Barnaul: Izdatelstvo AltGU. 288 p. (In Russ.).
- Degaltseva, E. A. (2007). V. M. Florinskiy v Sibiri: satrap ili patriot [V. M. Florinsky in Siberia: Satrap or patriot]. In: *Aktualnyye voprosy istorii Sibiri: shestyeye nauchnyye chteniya pamyati professora A. P. Borodavkina: sbornik nauchnykh trudov* [Topical issues of the history of Siberia: sixth scientific readings in memory of Professor A. p. Borodavkin: collection of scientific works], 2 (1). Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo universiteta. 221—227. (In Russ.).

- Dergachev, A. Yu. (1990). Nauchnyye obshchestva v Sibiri v period kapitalizma (osnovnyye cherty i osobennosti) [Scientific societies in Siberia during the period of capitalism (main features and features)]. In: *Problemy istorii Sibiri: obshcheye i osobennoye: Bakhrushinskiye chteniya 1990 g.: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Problems of the history of Siberia: General and special: Bakhrushin readings 1990: interuniversity collection of scientific papers]. Novosibirsk: NGU. 57—72. (In Russ.).
- Dudoladov, A. (1886). Ocherk pereselencheskogo v Sibir' dvizheniya [Essay of the migration movement to Siberia]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the West Siberian Department of the Imperial Russian geographical society], VIII 1: 1—46. (In Russ.).
- Ermakova, E. E., Kamyshev, E. I. (2016). Obshchestvennyye organizatsii Sibiri kak instituty zarozhdayushchegosya grazhdanskogo obshchestva v dorevolutsionnyy period [Public organizations of Siberia as institutions of the emerging civil society in the pre-revolutionary period]. *Problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri* [Problems of socio-economic development of Siberia], 2 (24). 77—84. (In Russ.).
- Fadeyev, K. V. (2005). Skladyvaniye istoricheskogo krayevedeniya v Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka [Folding of historical local lore in the Tomsk province in the second half of the XIX-early XX century]. In: *III Nauchnyye chteniya pamyati Yu. S. Bulygina, 14 dekabrya 2004 g.: sbornik nauchnykh trudov* [III Scientific readings in memory of Yu. s. Bulygin, December 14, 2004: collection of scientific works]. Barnaul: Az Buka. 167—174. (In Russ.).
- Frolova, T. A. (2006). *Sotsiokulturnyy oblik chinovnichestva Zapadnoy Sibiri v kontse XIX — nachale XX vv.* Author's abstract of PhD Diss. [Socio-Cultural appearance of the bureaucracy of Western Siberia in the late XIX-early XX centuries. Author's abstract of PhD Diss.]. Omsk. 25 p. (In Russ.).
- Kartashova, T. P. (2008). Otrazheniye v dokumentakh kantselyarii popechitelya Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga protsessa sozdaniya prosvetitselskikh obshchestv kontsa XIX v. (po materialam GATO) [Reflection in the documents of the office of the Trustee of the West Siberian educational district of the process of creating educational societies of the late XIX century. (based on GATO materials)]. In: *Dokument v sisteme sotsialnykh kommunikatsiy* [Document in the social communication system]. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. 244—247. (In Russ.).
- Kobelev, A. (2014). *Nachalnyye lyudi Tomskoy gubernii. Istoricheskiye portrety 1804—1917* [Initial people of the Tomsk province. Historical portraits 1804—1917]. Barnaul. 390 p. Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kobelev-aleksej-ivanovich/nachalnie-lyudi-tomskoj-gubernii-istoricheskie-portreti-1804-1917>. (accessed 27.07.2020) (In Russ.).
- Lityagina, A. V. (2014). *Svetskoe prosveshcheniye i povsednevnyaya zhizn' gorozhan Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv.: monografiya* [Secular education and everyday life of citizens of Western Siberia in the second half of the XIX-early XX centuries: monograph]. Biysk: FGBOU VPO «AGAO». 180 p. (In Russ.).
- Lityagina, A. V. (2013). Faktory, vliyavshiye na mentalnost' gorozhan Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka [Factors that influenced the mentality of citizens of Western Siberia in the second half of the XIX — early XX century]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical psychology and sociology of history], 1: 99—110. (In Russ.).
- Materialy dlya bibliografii Altaya (1891—1893 gg.) [Materials for the bibliography of Altai (1891—1893)] (1894). *Altayskiy sbornik* [Altai collection], 1. Tomsk: Tipo-litografiya P. I. Makushina. 9—48. (In Russ.).

- Mironov, B. N. (2003). *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.)* [Social history of Russia during the Empire (XVIII — early XX century)], 2 (1). Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 588 p. (In Russ.).
- N. (1900). Gilyarov, M. A. *Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoy Rossii* [Road Guide to Siberia and Asian Russia], 1. Tomsk: Tipo-litografiya P. I. Makushina. 60—64. (In Russ.).
- Nekrylov, S. A. (2013). *Nauchnyye obshchestva v Tomskom universitete v dorevolutsionnyy period: monografiya* [Scientific societies at Tomsk University in the pre-revolutionary period: monograph]. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. 258 p. (In Russ.).
- Polyaki v Tomske (XIX—XX vv.): biografii* [Poles in Tomsk (XIX—XX centuries): biographies]. (2012). Tomsk: Izdatelstvo TGPU. 686 p. (In Russ.).
- Remnev, A. V. (2011). «Vlast' kantselyarii» i «iskusstvo redaktirovaniya» v imperskoy Rossii XIX — nachala XX veka [“The power of the office” and “the art of editing” in Imperial Russia of the XIX — early XX century]. In: *Sotsialnaya istoriya* [Social history]. 160—188. (In Russ.).
- Remnev, A. V. (2004). *Rossiya Dalnego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX — nachala XX vekov: monografiya* [Russia Of The Far East. Imperial geography of power of the XIX-early XX centuries: monograph]. Omsk: Izdatelstvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. 552 p. (In Russ.).
- Rodigina, N. N. *Pereselencheskiye chinovniki o krestyanskikh migratsiyakh v Sibir' vo vtoroy polovine XIX v.* [Resettlement officials on peasant migrations to Siberia in the second half of the XIX century]. Available at: <https://lib.nspu.ru/views/sbo/212/read.php>. (accessed 23.07.2020) (In Russ.).
- Rumyantsev, P. P. (2015). Obshchestvo vspomoshchestvovaniya rabochim i sluzhashchim gornym i zolotym promyslov: istoriya deyatel'nosti [Society for assistance to workers and employees of mining and gold industries: history of activity]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 4: 52—57. (In Russ.).
- Samoylova, E. V. (2006). Rol' intelligentsii v razvitiye sotsiokulturnogo prostranstva gubernskikh gorodov Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX veka [The Role of intellectuals in the development of socio-cultural space of provincial cities in Western Siberia in the second half of the XIX century]. *Izvestiya Chelyabinskogo nauchnogo tsentra* [Proceedings of the Chelyabinsk scientific center], 4 (34): 148—152. (In Russ.).
- Sechenova, A. A. (2009). Vasilii Markovich Florinskiy — pervyy popechitel' Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga [Vasily Markovich florinsky-the first Trustee of the West Siberian educational district]. *Vestnik TPGU* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], 12 (90): 139—141. (In Russ.).
- Shamakhov, F. F., Okladnikov, A. P. (1967). Rol' narodnoy initsiativy v borbe za prosveshcheniye v dorevolutsionnoy Sibiri [The Role of the peoples initiative in the struggle for enlightenment in pre-revolutionary Siberia]. *Sibir' perioda kapitalizma*, 3 (3): Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v Sibiri v 1861—1917 gg [Siberia of the period of capitalism, 3 (3): Socio-political movement in Siberia in 1861—1917]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoye otdeleniye. 99—106. (In Russ.).
- Skopa, V. A. (2004). Razvitiye statistiki v sisteme obshchestvennykh organizatsiy i gorodskogo samoupravleniya v Tomskoy gubernii v kontse XIX — nachale XX veka [Development of statistics in the system of public organizations and urban self-government in the Tomsk province in the late XIX — early XX century]. In: *Mestnoye samoupravleniye v istorii Sibiri XIX—XX vekov* [Local self-government in the history of Siberia of the XIX—XX centuries]. Barnaul: Sova. 112—122. (In Russ.).
- Sobolev, S. (1895). *Blagotvoritelnyye uchrezhdeniya Tomskoy gubernii: ocherk* [Charitable institutions of the Tomsk province: an essay]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya. 84 p. (In Russ.).

- Tomskiy literaturnyy nekropol'* [Tomsk literary necropolis]. (2013). Tomsk: Krasnoye znamya. 96 p. (In Russ.).
- Yakovenko, A. V., Gakhov, V. D. (2012). *Tomskiye gubernatory: biobibliograficheskiy ukazatel'* [Tomsk governors: biobibliographic index]. Tomsk: Veter. 223 p. (In Russ.).
- Zayonchkovskiy, P. A. (1978). *Pravitelstvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX v* [Government apparatus of autocratic Russia in the XIX century]. Moskva: Mysl'. 288 p. (In Russ.).
- Zhurin Nikolay Ivanovich (1841—1891) [Zhurin Nikolay Ivanovich (1841—1891)]. In: *Ofitsialnyy sayt Altayskogo kraya* [Official website of the Altai territory]. Available at: <https://www.altairegion22.ru/authorities/historians/zhurin/>. (accessed 23.07.2020). (In Russ.).
- Zima, T. Yu. (2014). Tomskoye otdeleniye Imperatorskogo russkogo muzykal'nogo obshchestva kak sotsiokulturnyy fenomen Sibiri kontsa XIX — nachala XX v. [Tomsk branch of the Imperial Russian musical society as a socio-cultural phenomenon of Siberia in the late XIX — early XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk state University. History], 2 (28): 74—79. (In Russ.).

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
 Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
 Индексируется в WoS <Emerging Sources Citation Index>
 Индексируется в Google Академия
 Индексируется в Index Copernicus ICV 2018 = 100.00
 Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
 Импакт-фактор РИНЦ (пятилетний) 2018 = 0,362
 Десятилетний индекс Хирша 2018 = 18
 Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
 Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
 Включен в Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web
 Размещается на платформах EBSCO, НЭБ-РИНЦ (eLibrary), на сайте журнала и др.
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
 Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
 Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
 Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
 Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК	Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК
10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) 10.01.08 Теория литературы. Текстология 10.01.09 Фольклористика 10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык 10.02.03 Славянские языки 10.02.04 Германские языки 10.02.19 Теория языка 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) 07.00.07 Этнография, этнология и антропология 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля. Издаётся с 2012 года.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащённость научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **60** дней. Издательство берет на себя обязательство опубликовать статью не позднее четырех месяцев с момента получения положительной рецензии на статью. Сроки публикации 2—4 месяца.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Шрифт Times New Roman, 14 pt (при использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в электронном виде). Межстрочный интервал — полуторный. Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25.

В начале статьи слева без отступа указывается УДК (для получения обращаться к сотрудникам библиотек).

Ниже (через строку) с выравниванием по левому краю без отступа полужирным шрифтом приводится название статьи.

Далее — сведения об авторе / авторах (шрифт — 11 pt) по образцу:

© **Иванова Анна Ивановна** (2020), orcid.org/0000-0001-3815-8615, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики филологического факультета, Белградский государственный университет (Белград, Сербия), ivanova@mail.ru.

Аннотация – шрифт 12 pt (не менее 150 слов), выравнивание «по ширине», абзацный отступ 1,25 (с использованием клише: *Рассматривается вопрос... Уделяется внимание... Представлены результаты сопоставительного анализа... Поднимается вопрос о... Особое внимание уделяется... Новизна исследования видится в том, что... Актуальность исследования обусловлена... Приводятся определения... Автор останавливается на... Доказано, что... Предлагается классификация... Выполнен обзор... Представлена авторская разработка... Описан опыт многолетней работы автора ... и под.*)

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–9 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Основной текст – выравнивание «по ширине», абзацный отступ автоматический — 1,25. Структурирование статьи подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001b]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Список литературы приводится после текста статьи, составляется по алфавиту, нумеруется, предваряется словом «Литература», выполняется шрифтом 12 pt. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница). Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 15 позиций, в том числе желательно, если позволяет область исследования, представлять библиографические описания зарубежных публикаций по данной теме. Если статья написана с использованием лексикографических источников (словарей), архивных материалов, картотек, то они подаются отдельным списком перед списком литературы под заголовком «Источники и принятые сокращения».

Библиографические описания выполняются по ГОСТ Р 7.0.9-2009 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое обеспечение издательских и книготорговых процессов. Общие требования» (<http://www.gosthelp.ru/gost/gost48640.html>). Фамилия автора книги или (при его отсутствии) первое слово названия книги выделяется курсивом. При наличии у книги

двух или трех авторов первым элементом библиографической записи указывают только имя первого автора. Имена всех авторов приводят за косой линией. Если авторов четыре и более, описание книги начинают с заголовка, а за косой линией приводят имя первого автора с пометкой «[и др.]». Необходимо указывать издательство, в котором выпущена книга. Обязательно указывается общее количество страниц в книге либо диапазон страниц, на которых размещена, например, статья в журнале.

ПРИМЕРЫ:

Источники и принятые сокращения

1. Женщина — председатель колхоза // За Родину : газета. — 1946. — № 10. — С. 1.
2. КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).
3. Николаев А. Председатель во хмелю / А. Николаев // Сталинский призыв : газета. — 1953. — № 126 (990). — С. 4.
4. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—20.
5. СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.
6. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.
7. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. (Обком КПСС). Оп.53. Д.187. Лл. 2, 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.
2. Вьюговская Е. Схемы выдвижения в стандартизированном интервью / Е. Вьюговская, А. Ипатова, Д. Рогозин // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2012. — № 4. — С. 40—45.
3. Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.
4. Матвеева А. С. Служебное деловое письмо : теория, история, трансформация в условиях информатизации общества : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 05.25.02 / А. С. Матвеева. — Краснодар, 2012. — 22 с.
5. Мунье Э. Персонализм : краткое введение к вопросу [Электронный ресурс] / Э. Мунье. — Режим доступа : http://anthropology.rchgi.spb.ru/munie/munie_s1.html.
6. Некоторые перспективы исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Л. С. Цветкова // Вопросы психологии. — 1979. — № 4. — С. 118—127.

7. Собкин В. С. Психологический анализ уровней литературного развития старшеклассников : диссертация кандидата психологических наук / В. С. Собкин. — Москва, 1982. — 169 с.
8. Garibaldi L. Mussolini e il Professore : Vita e diari di Carlo Alberto Biggini / L. Garibaldi (ed.). — Milano : Mursia, 1983. — 362 p.
9. Giglio C. Dodecaneso / C. Giglio // Oriente moderno. — 1929. — № 8. — P. 347.
10. Rosselli A. Come l'Italia conquista il Dodecanneso [Electronic resource] / A. Rosselli. — Access mode : [http:// www.anpi.it/militari/rodi.html](http://www.anpi.it/militari/rodi.html).

Англоязычные сведения о статье и ее авторах готовятся редакцией после принятия статьи к публикации (авторские переводы не принимаются) и размещаются в конце статьи.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. **(343)3458984, 89120458984**.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Burtsev V. A.</i> Features of the Use of Addressed Statements in Russian Orthodox Sermon.....	9
<i>Guo Lijun.</i> The Image of Digital China in the Russian Media	26
<i>Dubrovskaya T. V., Kozhevnikova E. I.</i> State Language, Language Situation and Language Policy in Legislation: Representations in the Russian Federal Law “On the State Language of the Russian Federation”	37
<i>Kozhemyakina V. A.</i> Language Situation and Language Policy in the Canadian Province of New Brunswick	49
<i>Kurshunova I. A., Guseva E. R.</i> Karelian Seaside in a Linguistic Context.....	62
<i>Litvin Ju. V., Kundozerova M. V., Lipnitskaya S. V., Izerhina A. N., Shevchenko Ya. S.</i> Language Choice and Identity of Karelian and Belarusian Youth (according to Polls of Ethnic Leaders).....	96
<i>Monogarova A. G., Shiryayeva T. A., Bagiyan A. Yu.</i> Speech Behavior of British Politicians in Discussion of Brexit: Pragmatics, Gender and Communicative Dominance in Political Media Discourse	114
<i>Nozdrina A. S.</i> German Verbal-Nominal Phrases (<i>stehen, stellen, schließen, fassen</i> + Nomen) through the Prism of Conceptual Schemes.....	128
<i>E. S. Onufrieva</i> Modern Greek Constructional Phrasemes with Antonymous Verbs: <i>Χ τον ανεβάζει, Χ / Υ τον κατεβάζει</i> and <i>Χ μπαίνει, Χ βγαίνει</i>	142
<i>Selemeneva O. A.</i> Syntax of Native Advertising Publications in Glossy Periodicals.....	159
<i>Semenov A. I.</i> Group of Homonyms “Kolymka” (Word-Formation and Functional Aspects)	172
<i>Fedorovskaya V. O., Osipenko T. A.</i> Verbalization of an Informing Communication Strategy in Consulting Cancer Patients.....	194

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

<i>Borisov Yu. P.</i> Epic Formulas with a Matrix Construction: from Stability in Structure to Reference in Consciousness (Image of a Hero in the Yakut Olonkho).....	213
<i>Borlykova B. Kh., Menyayev B. V.</i> Characters of Sart-Kalmyk Version of Epic “Dzhangar”	231
<i>Borunov A. B.</i> Artistic Functions of Distorted Speech in the “Fandorin corpus” by B. Akunin ...	243
<i>Zhatkin D. N., Ryabova A. A.</i> Early Russian Reception of James Hogg (1830s)	255
<i>Isupova S. M.</i> Formation of Artistic Historicism in the Early Work of I. I. Lazhechnikov	268
<i>Mamieva I. V.</i> Genre Features of the Novel Epic in Ossetian Literature: Correlation between Ideological and National-Ethnic	280

<i>Sultanova Khanyam Rza kzy</i> . Role and Functions of Folklore and Mythological Elements in the Work of M. A. Sabir.....	297

HISTORICAL SCIENCES

<i>Bobrov D. S., Zaitseva L. G.</i> Key Approaches to the Study of History of Altai in 18th Century in Modern Russian Historiography.....	310
<i>Bodrova E. V., Kalinov V. V., Krasivskaya V. N.</i> The Beginning of the Development of Oil Fields in Ural-Volga Region in 1930s—1940s.....	323
<i>Korenevskiy A. V., Nikolaeva N. D.</i> Polish Vector in Politics of Vladimir Monomakh and His Heirs: from the Lyubech Congress to the “Pereyasavl Crisis”.....	337
<i>Morozov V. M., Melnikova S. V.</i> “Right Turn” in Israeli Political Life (1965—1977).....	353
<i>Mokhov A. S., Kapsalykova K. R.</i> Role of S. V. Korolenko in Evacuation of the Poltava Literary and Memorial Museum of V. G. Korolenko to Sverdlovsk in 1941.....	368
<i>Salfetnikov D. A.</i> Oil Industry in Kuban in 1928—1935: Problems and Factors of Production Growth.....	384
<i>Safonov D. A.</i> A Constructive Beginning in Peasant Protest: “Red Army of Truth” in Buzuluk (July 1920).....	398
<i>Tatarnikova A. I.</i> The Activities of Local Government Bodies to Improve the Sanitary Condition of Cities in Western Siberia (Late XIX — Early XX Centuries).....	416
<i>Filimonov A. V.</i> Formation of Regional Public Organizations in Last Quarter of XIX — Early XX Century (Tomsk Province).....	430
TO AUTHORS.....	450

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(**www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/**)

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 27.09.2020. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 26,71. Тираж 500 экз. Заказ 27/10-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2020
Свободная цена